Новое Слово

Журналъ

научно-литературный
и
политическій

Годъ II. Кн. 4.

Январь 1897.

В. Зейтель. Гр.

Контора редакціи ж. «Новое Слово» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за вторую четверть подписного года (январь—мартъ), во избѣжаніе перерыва въ полученіи слѣдующихъ книжекъ журнала.

1897 г.—Январь. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. МІРСКАЯ ВДОВА. Драма изъ крестьянской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. **Евт. Карпова**. . . . . 1— 71
2. ЗАДАЧИ СОЦІОЛОГІИ И ТЕОРІИ ИСТОРІИ. **Н. Карѣева**. . 72— 91
3. ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗІЯ. Стихотвореніе. **Алексѣя Жемчужникова**. 92
4. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Ч. I. I—IV. **Генриха Пантопидана**. (Съ датскаго). . . . . 93—118
5. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 119—138
6. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. VII—XVI. **К. Ельцовой** . 139—177
7. ДУМЫ И ОТКЛИКИ. Стихотворенія. **П. Я.** 178
8. ВЪ СУМЕРКАХЪ. Разсказъ. **Л. Авиловой**. . . . . 179—185
9. ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ. Романъ. XI—XVIII. **Е. Грей Вильрайтъ**. Перев. **О. П.** . . . . . 186—214
10. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ СЕКТАНТСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **В. Бородаевской-Ясевичъ** . . . . . 215—262

11. ЖИЗНЕСПОСОБНО-ЛИ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО? . . 1— 16
12. НАША КНИГА НА БАЗАРѢ ЖИТЕЙСКОМЪ. **Н. Пружанскаго**. . . . . 17— 31

13. НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Критика. Ольга Шапиръ. Любовь, романъ.—А. Н. Плещеевъ. Повѣсти и разсказы Т. I. — Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири.—Лисовскій, А. Н. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка.—**Педагогика. Дѣтскія книги.** Тарабакунинъ А. Новая практическая грамматика.—Круковскій Анд. Учебникъ грамматики русскаго языка

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ

„ВО МРАКѢ НОЧИ И ВО ЛЬДАХЪ".

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ НОРВЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КОРАБЛѢ „ФРАМЪ".

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ редакціей Н. Березина.

Изданіе будетъ выходить выпусками (до 15-ти), которые составятъ около 45 листовъ текста, съ приложеніемъ 2-хъ картъ и около 200 рисунковъ.

Подписная цѣна на все изданіе **3 руб. безъ пересылки**; съ пересылкой **4 р. 50 к.** *).

При пересылкѣ наложеннымъ платежемъ почта взимаетъ 10 к. за каждый нал. платежъ.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

☞ **Вышелъ новый каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.** ☜

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. 4 т. Съ портр. автора и біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ. Спб. 1896. Ц. безъ перес. 7 р. Пересылка по разстоянію за 9 фунтовъ.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе доп. изд. Спб. 1895 г. Ц. 3 руб.

Шелгуновъ, Н. В. Очерки русской жизни. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. Т. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. 300 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей. (Изд. для народа). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Съ рисунками. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 18 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства.—Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Нянька. — Матроска. — Генералъ-арестантъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Сочиненія 2 т. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р. 50 к.

Т. I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова. — Происхожденіе видовъ. Нов. перев. проф. К. Тимирязева.—Т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ, перев. академ. А. О. Ковалевскаго.

Тэйлоръ, Эдуардъ Б. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. по 3-му англ. изд., подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго. 2 т. Спб. 1896—97 г. Ц. 4 р.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Пер. съ англ. Д. Коропчевскаго. Спб. 1895. 80 к. (*Распродано; печатается новое изданіе*).

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Съ 359 рис. и 23 картами. Спб. 1895 (*Всѣ полные кземпляры распроданы*).

Вып. I Ч. I. Земля какъ планета.—Ч. II. Суша, горы и равнины. Ц. 90 к. (*Вып. I распроданъ*).—Вып. II. Ч. III. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к.—Вып. III. Ч. IV. Подземныя силы. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Ч. V. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. V. Ч. VI. Атмосфера и воздушныя явленія. Ц. 1 р.—Вып. VI. Ч. VII Жизнь. Ц. 1 р. 30 к.

Реклю. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ прилож. очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистич. таблицъ и библіограф. указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 76 рис. и прилож. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Іонасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Пер. съ англ. съ прим. и предисл. А. В. Каменскаго. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. под. ред. и съ предисл. К. К. Арсеньева. Съ прилож. нѣсколькихъ главъ изъ «Революціи», соч. Эдг. Кине. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія, допущ. въ библіотеки средне-учебн. заведеній. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Буассье, Гастонъ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. настроенія временъ цезарей. (Opposition sous les Cesars). Пер. съ франц. Е. В. Дегена. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Ингрэмъ. Исторія рабства. Пер. З. Журавской, съ дополненіями. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 г.—**Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. I. Англійская литература (1660—1770). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Реклю, Э. Земля и люди. Вып. II. Бельгія и Голландія.

Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II-й.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. II. Французская литература.

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ,

не вошедшія въ каталогъ изданій 1894—1896 г.г.

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ.

ЭДУАРДА Б. ТЭЙЛОРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ, исправленное и дополненіе по третьему англійскому изданію, подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО, въ 2-хъ томахъ.

ЦѢНА 4 РУБ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. НАУМОВА.

2 т. Спб. 1897 г. Ц. **3** р.

НА КРАЙ СВѢТА

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Ив. Бунина.

Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИВЛІОТЕКА.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, пересм. и дополн. по послѣдн. 5-му англ. изд. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэрдъ, Ч. Исторія реформаціи XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. А. Звягинцева, подъ редакц. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Гольмсъ, Ф. М. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Перев. съ англ. Съ приложеніемъ истори. ческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, пароходства и сооруженія мостовъ и тунелей въ Россіи, составленнаго П. Красновымъ. 77 иллюстрацій въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ (для младшаго возраста). Переводъ съ англ. З. Журавской. 53 рисунка. Спб. 1897 г. Ц. 50 к. въ папкѣ 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Исповѣдь. Разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово» (Спб., Спасская ул., д. № 15) и изъ конторы изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54, Библ. Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Складъ изданій у Н. П. Карбасникова (СПБ. Варшава, Москва).

19440
1922.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 4.

ЯНВАРЬ

1897.

Пед. Ин-т им. Герцена
Журнальный
фонд
56267

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Контора редакціи ж. «Новое Слово» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за вторую четверть подписного года (январь—мартъ), во избѣжаніе перерыва въ полученіи слѣдующихъ книжекъ журнала.

1897 г.—Январь. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. МІРСКАЯ ВДОВА. Драма изъ крестьянской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. **Евт. Карпова**. . . . . 1— 71
2. ЗАДАЧИ СОЦІОЛОГІИ И ТЕОРІИ ИСТОРІИ. **Н. Карѣева**. . 72— 91
3. ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗІЯ. Стихотвореніе. **Алексѣя Жемчужникова**. 92
4. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Ч. I. I—IV. **Генриха Пантопидана**. (Съ датскаго). . . . . 93—118
5. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 119—138
6. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. VII—XVI. **К. Ельцовой**. 139—177
7. ДУМЫ И ОТКЛИКИ. Стихотворенія. **П. Я.** 178
8. ВЪ СУМЕРКАХЪ. Разсказъ. **Л. Авиловой**. . . . . 179—185
9. ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ. Романъ. XI—XVIII. **Е. Грей Вильрайтъ**. Перев. **О. П.** . . . . . 186—214
10. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ СЕКТАНТСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **В. Бородаевской-Ясевичъ** . . . . . 215—262

11. ЖИЗНЕСПОСОБНО-ЛИ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО? . . 1— 16
12. НАША КНИГА НА БАЗАРѢ ЖИТЕЙСКОМЪ. **Н. Пружанскаго**. . . . . 17— 31

13. НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Критика. Ольга Шапиръ. Любовь, романъ.— А. Н. Плещеевъ. Повѣсти и разсказы Т. I.—Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири.—Лисовскій, А. Н. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка.— **Педагогика. Дѣтскія книги.** Тарабакунинъ А. Новая практическая грамматика.—Круковскій Анд. Учебникъ грамматики русскаго языка

для средн. учебн. заведеній.—Фрейбергъ, П. Р. Растенія—друзья человѣка. Вып. I и II.—Что читать дѣтямъ до-школьнаго возраста. Изд. «Родительскаго кружка.—**Народныя книги**. Клятва отцовская.—Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ Алексѣя Котельвы.—Іуды и Каины русскаго народа. Кардо-Сысоева.—Изданія «Посредника»: 1) Проф. Кайгородовъ. Дерево и его жизнь. 2) Сутуловъ. Картофель. 3) Хижина дяди Тома, изложила Е. Б. 4) Горбуновъ-Посадовъ. Русскій сельскій календарь на 1897 годъ.—Быкова, А. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.—Северина, Н. Чистыя сердца.—**Этика. Психологія. Философія**. Поланъ, Фр. Психологія характера. Перев. съ французск. под. редакц. и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго.—Вагнеръ, К. Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перев. С. Леонтьевой.—Фаулеръ, Томасъ. Прогрессивная нравственность. Перев. А. Погодина, подъ ред. Вл. Соловьева. . . . . 32— 51

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

НАШИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ КОЛОНІИ. **С. Ж—кина**. . . . . 52— 64
КЪ ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕМЪ ОБУЧЕНІИ. **К. Левина** . . . 64— 70
ФИНАНСОВЫЕ ИТОГИ 1895 г. **А Котельникова** . . . . . 70— 75
ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ НА 1897 г. **М. Слобожанина**. . . . . 75— 81
ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Съ Урала. (Результаты покровительственныхъ пошлинъ). **В. В—аго**.—Изъ Козловскаго уѣзда. (Земскія картинки. Власть писаря). **П. П—ва**.—Изъ Суздальскаго уѣзда. (Къ вопросу о положеніи народнаго учителя). **Учителя**.—Грайворонъ, Курск. губ. (Земское собраніе).—Изъ Воронежа. (О земской эмеритурѣ). **Земскаго служащаго**. . . . . 81—107

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. **Свѣтлый лучъ вътемномъ царствѣ**. (Политическіе итоги 1896 г.).—II. **Интересы дня**. Итоги общественныхъ вопросовъ въ 1896 году.—Успѣхи женскаго движенія въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.—Эволюція женскаго вопроса и теперешнее его положеніе во Франціи.—Видоизмѣненіе французскихъ университетовъ.—Новая фаза распространенія университетскаго образованія въ Англіи.—III. **Между журналами и газетами**. **В. Т.** . . . . . 108—126

16. НАРОДНЫЯ БИБЛІОТЕКИ ПАРИЖА. **С. Ан—скаго**. . . . 127—147

17. ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ. (Критическія письма). Письмо 7-е. Больные герои больной литературы. **А. Скабичевскаго**. . . . . 148—167

18. ОТЪ РЕДАКЦІИ. 167

19. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ декабрѣ.

20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

21. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана**. . . . . 169—192

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

МІРСКАЯ ВДОВА.

Драма изъ крестьянской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ЕВТ. КАРПОВА.

(Посвящаю моей дорогой Манѣ).

Удостоена историко-филологическимъ факультетомъ Новороссійскаго университета преміи И. Г. Вучины на конкурсѣ 1895 года.

«Все минется, одна правда останется».
Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Егоръ Михайловъ Улыбинъ—*деревенскій торгашъ-кабатчикъ.* Видный мужчина, лѣтъ 36—37-ми. Лицо рябое, но красивое. Суконный «спинжакъ», русская, ситцевая рубашка выпущена изъ подъ жилета, брюки въ сапоги съ «бутылками», на головѣ—картузъ.

Лукерья Улыбиха—*его жена*, лѣтъ за 50. Сырая тучная женщина, съ некрасивымъ, злымъ лицомъ. Одѣта по мѣщански.

Никандръ—*старикъ крестьянинъ*, лѣтъ подъ 70. Въ холщевой бѣлой рубахѣ и синихъ портахъ. На ногахъ—лапти.

Митродора—*его жена*, старуха лѣтъ 60-ти, бодрая, живая. Въ холщевой бѣлой рубахѣ, паневѣ и свиткѣ. На головѣ—кичка.

Ульяна Петрова Батина—*крестьянская вдова.* Красивая, дородная женщина, лѣтъ 30-ти. Одѣта, какъ Митродора.

Симка—*ея сынъ*, 12-ти лѣтъ. Холщевая рубаха, порты, босой. На головѣ—бѣлый войлочный колпакъ.

Григорій Зарцовъ,—*крестьянинъ*, лѣтъ подъ 40. Ситцевая, старая рубашка, брюки заправлены въ онучи. На ногахъ—лапти, на головѣ—картузишко.

Афимья—*его жена*, Худая, истомленная баба, лѣтъ 40.

Дмитрій—*староста деревни Верхополье.* Плотный мужикъ, лѣтъ 50-ти. Большая борода лопатой, густые волосы съ просѣдью.

Ѳедора—*его жена*, лѣтъ 45-ти.

Борисъ Кудринъ—*крестьянинъ-вдовецъ*, лѣтъ 37—38. Богатырскаго сложенія.

Евланъ—*сотскій*, лѣтъ за 40.

Матрена—*солдатка*, 26—27 лѣтъ.

Варлаамъ—*заштатный причетникъ*, лѣтъ за 50.

Урядникъ—*изъ отставныхъ фельдфебелей*, лѣтъ подъ 40.

Аннушка, дѣвочка, лѣтъ 9-ти.
Васька, мальчикъ 10-ти лѣтъ.
Егорка, 11-ти лѣтъ.
} *Крестьянскія дѣти.*

Дѣвочка, 12-ти лѣтъ, *нищая.*

Мальчикъ, 10-ти лѣтъ, *нищій*.
Катерина Матюхина, 30-ти лѣтъ } *Ночной дозоръ*.
Марина Варварихина, 25-ти лѣтъ. }
1-ый крестьянинъ, 45-ти лѣтъ.
2-ой крестьянинъ, 50-ти лѣтъ.
3-ій крестьянинъ, 30-ти лѣтъ.
4-ый крестьянинъ, около 40 лѣтъ.
5-ый крестьянинъ, за 50 лѣтъ.
Крестьяне, крестьянки, дѣвушки, парни, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ серединѣ іюля, въ деревнѣ Верхополье, въ одной изъ средних губерній, въ теченіе нѣсколькихъ дней.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

На первомъ планѣ идетъ проселочная дорога. За ней, отдѣленное зеленой, узкой межой, наполовину вспаханное поле; дальше полоса, поросшая бурьяномъ и полынью. На заднемъ планѣ, на пригоркѣ, бѣдная деревенька, съ соломенными крышами. Справа и слѣва — лѣсъ. На вспаханной полосѣ справа—покрившійся межевой столбикъ и груда камней; слѣва, близъ дороги—небольшой кустъ; подъ нимъ, на рогаткѣ, виситъ люлька. Около куста стоитъ кувшинъ, заткнутый тряпкой, краюшка хлѣба, лукошко; на травѣ разостлана свитка.

Закатъ солнца.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Ульяна и Симка.

(*Ульяна пашетъ, идя полосой слѣва направо, Симка ведетъ подъ уздцы лошадь*).

Ульяна.

Не замай лошадь, Симка! Что балуешь! Не замай, говорю, ни то вицей отстегаю!..

Симка.

Будя, мамка, работать... Гнѣдко притомился.

Ульяна.

Ла-а-дно... (*дергая возжами*) Но... Шагай, одёръ!

Симка.

Гляди-тко, мамка, солнышко-ти на вовся за лѣсъ опущается!

Ульяна.

Не трожь его...

Симка (*дойдя до конца полосы*).

Отпрягать, что-ли?

Ульяна (*обтирая рукавомъ потъ съ лица*).

Ну, инъ отпрягай... Пристанешь—не отвяжешься! (*помогаетъ Симкѣ отпрягать лошадь*). И вправду, сынокъ, гнѣдко-то какъ упарился,—Боже мой! (*гладитъ лошадь по мордѣ*). Притомился, кормилецъ...

Симка.

Ты хошь кого упаришь.

Ульяна (*строго*).

А ты полно брехать-то!.. Веди гнѣдку въ табунъ... Да, мотри, скорѣя ворочайся!

Симка (*уводя лошадь*).

Ладно... Чего ужъ... (*уходитъ направо*).

Ульяна (*вслѣдъ ему*).

Не озаруй тамотка съ рабятишками! Я пожду здѣся... Слышь, Симка.

Симка (*за сценой*).

Слы-ы-шу!

(*Ульяна вѣшаетъ на обжу хомутъ и возжи, отходитъ на средину полосы и, обернувшись на востокъ, крестится, кладя поясные поклоны*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ульяна и Митродора.

(*Митродора, съ кузовкомъ въ рукѣ, выходитъ по дорогѣ слѣва, увидавъ Ульяну, останавливается*).

Митродора.

Домой пора, Ульяша!.. Скотину, мотри, съ поля гонятъ.

Ульяна.

И то сбираюсь, баушка.

Митродора (*подходя къ ней*).

Умаялась, поди, день-то деньской?.. Дѣло твое женское... Мужику хорошему впору.

Ульяна.

Ничего, баушка. Привыкла... Благодарю Господа, ни отъ какой работы руки не отваливаются.

Митродора.

Ну, слава Богу! И то сказать, какъ не привыкнуть; съ спажинокъ второй годъ пойдетъ, какъ вдовѣешь. Все хозяйство на твоихъ рукахъ. На двѣ души надѣлъ поднять, — ну-тка! Мало-ли силы надоть. Заневолю привыкнешь... А все же бабу не къ мужику приравнять. Трудно-о!..

Ульяна.

Когда не трудно!.. Работа-то, баушка, не спорится. Съ рабенкомъ замаялась. Цвѣтъ этто у его по всему личику, либо что... Время жаркое... Зудъ у его... Пищитъ. Какъ вьюнъ вьется. Изодрался весь въ кровь. Инда глядѣть—жалость. А тутъ еще комаръ, мошкара. То и дѣло отъ сохи къ ему бѣгай.

Митродора.

Калиной-то поила?

Ульяна.

Поила.

Митродора.

Не помогаетъ?..

Ульяна.

Нѣтъ, не помогатъ ни крохотки.

Митродора.

Пожди, Ульяша, я тѣ другого снадобья принесу. Какъ рукой сниметъ! Сама зайду къ тебѣ, повремени малость.

Ульяна (*кланяясь*).

Спасибо, баушка! Я тѣ ширипочку припасла. Тонкая, ровная...

Митродора (*перебивая*).

Полно-ка, Ульяша! Я и безъ ширинки хороша. У тея своихъ дыръ не оберешься. Одна, вѣдь, ты работница въ дому,—сама третья...

Ульяна.

Управлюсь, баушка!..

ЯВЛЕНІЕ 3.

Ульяна, Митродора и Евланъ.

(*Евланъ выходитъ слѣва*).

Евланъ (*увидавъ Ульяну*).

Ульяна, ты что-ль?

Ульяна.

Я... Аль окосѣлъ,—не видишь?

Евланъ (*подходя*).

Окосѣешь, братъ!.. А я къ тебѣ заходилъ.

Ульяна.

Чего еще?

Евланъ.

Завтра чуть зорька, чтобы съ гумагой къ земскому!

Ульяна.

Съ какой еще гумагой?

Евланъ.

Изъ волости прислали... Чтобы безпримѣнно! (*вынимаетъ изъ за пазухи казенный пакетъ*).

Ульяна (*съ досадой*).

Дѣлать имъ, шутамъ, нечего! Вотъ они гумагу изводятъ. Пора рабочая, горячая, а они!..

Евланъ (*перебивая*).

Ну, объ эвтомъ намъ разговаривать не велятъ! Сказано — иди, боля ничего! (*подавая пакетъ*). На, вотъ!

Ульяна (*не беря пакетъ*).

У самого-то аль ноги отсохли?.. Не пойду!

Евланъ (*строго*).

Какъ такъ,—не пойду?! Начальство посылаетъ, какъ не пойду!? А за-какимъ лѣшимъ въ десятскіе становилась? Четвертной билетъ съ обчества кажный годъ чистишь!

УЛЬЯНА.

Вы силой поставили. Всѣмъ сходомъ навалились. И четвертному вашему не рада. Подавиться бы вамъ четвертнымъ-ти!

МИТРОДОРА.

И въ правду, что вы, галманы, на бабу насѣдаете!

ЕВЛАНЪ.

Насядешь на её, какъ-жа!.. Она сама отъ семи собакъ отгрызется.

УЛЬЯНА (*энергично*).

И отгрызусь, коли что не по правилу! Разорваться мнѣ, что-ли? Назёмъ не вывезенъ, косить еще не зачинала, рожь наливается...

ЕВЛАНЪ.

Намъ не касаемо...

МИТРОДОРА.

Не ходи, Ульяша, да и все!

ЕВЛАНЪ.

А въ холодную на трое сутокъ не хошь?

УЛЬЯНА.

Да ты самъ коего лѣшаго дѣлаешь? Тебѣ гумагу дали,—ты и неси! Ты сотскій.

ЕВЛАНЪ.

У меня, братъ, дома дѣла непочатый уголъ. Завтра сходъ,—луга дѣлить... Обчество...

УЛЬЯНА (*перебивая*).

Боишься, безъ тебя всю водку вылакаютъ? Останется и на твою долю,—небось. У Егора Михайлова на всѣхъ хватитъ,—хошь облопайся!.. Всѣхъ одурманитъ...

МИТРОДОРА.

Егоръ Михайловъ доведетъ до дѣла...

ЕВЛАНЪ (*перебивая*).

Ладно! Неколи мнѣ съ вами, съ бабами, раздобаривать,—ночь на дворѣ! (*рѣшительно*) Берешь, Ульяна, гумагу, аль нѣтъ?

МИТРОДОРА (*съ улыбкой*).

Вмѣстѣ. Экой строг-ой... Божа мой!..

УЛЬЯНА.

Вмѣстѣ. Нѣтъ!

ЕВЛАНЪ (*угрожающе*).

Не берешь?!

МИТРОДОРА (*насмѣшливо*).

Вмѣстѣ. Ай-ай-ай!.. Какая страсть!

УЛЬЯНА.

Вмѣстѣ. Не беру!

ЕВЛАНЪ.

Хорошо же! (*быстро наклоняется, дуетъ на землю и кладетъ пакетъ на траву межи*) Мое дѣло—было бы отдано, а тамъ, какъ знашь!

(*быстро уходя*) Я во какъ! Видѣла?! (*торжествующе*) Аккуратно, али нѣтъ?! (*быстро уходитъ налѣво*).

Митродора (*растерянно*).

Ахъ, лѣшій! (*вслѣдъ Евлану*) Евланъ, а Евланъ!.. Ушелъ, параликъ его расшиби!

Ульяна (*переходя налѣво*).

Пропади онъ,—снесу. Семь верстъ—дѣло небольшое. Песъ съ имъ! (*нагибается, беретъ пакетъ, стряхиваетъ съ него пыль, бережно завертываетъ въ платокъ и кладетъ за пазуху*) Гумага казенная,—за печатью... Отвѣтишь...

Митродора.

И-и-и, упаси Господи! Не развяжешься! За Сибирь засудятъ! Ну ихъ!.. Ты, Ульяша, утричкомъ стукни ко мнѣ въ окошко; я приду, посижу пока что съ рабятами.

Ульяна.

Чего тамъ! Зачѣмъ? одна управлюсь. Симка попѣстуетъ рабенка. Онъ привыченъ... Смышленый онъ у меня, Симка-ти...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Ульяна, Митродора и Борисъ.

(*Борисъ, съ уздечкой въ рукѣ, выходитъ по дорогѣ справа. Увидѣвъ Митродору, подходитъ къ ней*).

Борисъ (*весело*).

А, баушка-Митродорушка!.. На ловца и звѣрь бѣжитъ! (*кланяясь Ульянѣ*) Здравствуй, Ульяна!

Ульяна (*отходя къ люлькѣ*)

Здравствуй! (*становится на колѣни, заглядываетъ въ люльку, затѣмъ садится на свитку и начинаетъ качать люльку, тихо напѣвая*).

(*Митродора и Борисъ продолжаютъ разговоръ во время пѣнія Ульяны*).

Ульяна (*поетъ, качая люльку*).

«Спи, спи, спи—усни,
Угомонъ тебя возьми!
Сонъ по лавочкѣ ходи,
По прилавочкѣ гуляй,
По прилавочкѣ гуляй,
Мою дочку усыпляй!
Спи, спи, спи—усни,
Угомонъ тебя возьми»...

Митродора.

Отколь Богъ несетъ, Борисьюшка?

Борисъ.

Лошадь въ ночное отвелъ, да на луга прошелъ съ мужиками.

Митродора.

Дѣлили?

Борисъ.

Нѣтъ... Дѣлежка завтра... Прикинули малость... (*помолчавъ и взглянувъ искоса на поющую Ульяну*) Я было нарочито хотѣлъ забѣчь къ теѣ, баушка.

Митродора (*участливо*).

Аль что съ дѣтишками приключилось?

Борисъ.

Нѣтъ... Тако дѣло,—сразу не выговоришь...

Митродора.

Да ну?

Борисъ.

Провалиться на мѣстѣ,—не вру!.. (*наклонившись къ ней, съ усмѣшкой тихо*) Приворотнаго корня у тея хочу добыть, баушка.

Митродора.

Не займаюсь, Борисьюшка, этими дѣлами. Не займаюсь...

Борисъ (*озадаченный*).

Почему такое?...

Митродора.

Слова не знаю.

Борисъ (*съ досадой*).

Какая-жъ ты знахарка послѣ эвтого, коли приворожить не можешь?!

Митродора (*сокрушаясь*).

Такъ ужъ... Не дано мнѣ, значитъ... Животъ править могу. Вывихъ опять ежели. Отъ глазу, коли попритчится человѣку. Грыжу али кровь заговорить все могу. А приворота не дано. Травы вотъ, которыя на пользу человѣку предуставлены, знаю... Вотъ и теперича въ лѣсъ было шла. На вечерней зарѣ, по росѣ, надоть траву сбирать, съ молитвою... Да вотъ забаялась съ Ульяной... Солнышко-то, почитай, совсѣмъ сѣло... Пойдтить! (*уходя направо*). Прости, Ульяша! (*уходитъ*).

Ульяна (*вслѣдъ ей*).

Часъ добрый, баушка!

Борисъ (*помолчавъ и почесавъ въ затылкѣ*).

Эхъ, все не то старуха толкуетъ!.. (*молча, нерѣшительно подходитъ къ Ульянѣ*). Что я хотѣлъ сказать тѣ, Ульяна...

Ульяна (*взглянувъ на него*).

А что?

Борисъ (*смущенно*).

Гляжу это я на тея, не надивлюсь...

Ульяна.

Да?

Борисъ.

Право слово,—не надивлюсь!

Ульяна (*съ усмѣшкой*).

Какая диковина-то?

Борисъ (*раздумчиво*).

Сичасъ ты, напримѣръ, баба, вдовка... Хорошо... Двое у тея рабятъ... Одинъ, почитай, съ рукъ не сходитъ... Лошадь... Скотина опять... Весь домъ у тея на рукахъ... За десятскаго ты ходишь. Надѣлъ на двѣ души правишь. Какъ надо вполнѣ. Подать наравнѣ съ нами несешь. Въ аккуратѣ, безъ задержки...

Ульяна (*перебивая*).

Ты къ чему околесицу-то эту городишь, Борисъ?

Борисъ (*начиная волноваться*).

А ты постой... погоди!...

Ульяна (*бойко*).

Жди пожди, а время-то впереди!

Борисъ.

Экъ, характерная ты какая!.. (*помолчавъ*) Скажи ты мнѣ, Ульяна, изъ-за чего ты бьешься?

Ульяна.

Что-жъ мнѣ по міру идтить?

Борисъ.

Зачѣмъ по міру!.. Хорони Богъ отъ эвтого! Какъ можно по міру!..

Ульяна.

Ты, что-ли, за дарма кормить меня съ рабятами будешь?

Борисъ.

Кто говоритъ задарма...

Ульяна.

Стало, и раздобаривать не у чего...

Борисъ (*волнуясь*).

Какъ такъ не у чего!!. Баба ты вполнѣ, въ силѣ... Лѣта твои не старые...

Ульяна (*усмѣхнувшись*).

Ты нѣшто у меня на кстинахъ былъ?

Борисъ.

Чего еще!.. На кстинахъ!.. Прибирай, что чуднѣй... Глаза есть,— вижу. Баба въ соку, дюжая. И во вдовкахъ живешь, пропадаешь здря!..

Ульяна.

Да?...

Борисъ (*садясь около Ульяны*).

Теперича я, къ примѣру такъ будемъ говорить, хошь себя возьму... Домъ сичасъ у меня новый. Изба—девять аршинъ, свѣтелка поставлена, хошь бы старшинѣ. Дворъ весь обобихоженъ. Такъ али нѣтъ?

Ульяна.

Такъ, неперетакивать стать!

Борисъ (*увлекаясь*).

Ну вотъ видѣла!.. Три коровы въ хлѣву есть, двѣ лошади, телушка годовалая, пять овецъ, свинья съ поросятами, куры, утки!...

Ульяна (*перебивая*).

Трое махонькихъ рабятъ отъ Просковьи, свекровка да заловка. Все знаю... Слышала!... Сказала я теѣ не пойду, а ты опять за то-жъ!

Борисъ (*горячо*).

Да съ чего не пойдешь-то! Съ чего?... Слаще, что-ли, тебѣ, не покладая рукъ, одной колотиться, изводить себя на работѣ... Слаще?!

Ульяна.

Слаще!

Борисъ.

За моей бы спиной ты жила, Ульяна, и горюшка мало! Не въ похвальбу скажу, на работѣ рѣдко какой мужикъ за мной угонится! Ты опять на работу боецъ? Ты бы свое дѣло, бабье, я—свое. Мы съ тобой чего надѣлали бы... Бож-жа мой! Какъ бы хрестьянство подняли!.. И рабятишкамъ-то потеплѣе было, да и мнѣ-то... Однова сказать: хрестьянская семья, какъ должно! По Божьи!..

Ульяна (*поетъ, качая мольку*).

«Спи, спи, спи, усни,
Угомонъ тебя возьми»...

Борисъ.

Что молчишь?.. Ульяна!.. Ульяна...

Ульяна.

Чего зря языкъ трепать...

Борисъ.

Худое что за мной знаешь, скажи?

Ульяна.

Ничего я худого за тобой не знаю. Мужикъ ты степенный, хозяйственный...

Борисъ (*встаетъ, горячась*).

Такъ коего рожна теѣ надоть?! Изба девять аршинъ, свѣтелка, все хозяйство полностью, какъ должно; земли на три души!.. Навозу хошь отбавляй! Про меня, сама говоришь, худого не слыхивала. Ни пьяница я, ни охальникъ какой!.. Коего же, прости Богъ, лѣшаго теѣ надоть?!

Ульяна (*рѣшительно*).

А никого мнѣ не надоть!.. Вотъ и все!

Борисъ (*озадаченный*).

Никого?.. Ишь ты!..

Ульяна.

Да ты разсуди самъ, Борисъ... Ты мужикъ умственный... Разсуди, какъ мнѣ за тебя замужъ идтить?.. Первое дѣло, я теперича сама себѣ голова. Хошь осинку гложу, да по волѣ хожу! Работать мнѣ не привыкать стать! Покелича Господь здоровья даетъ, прокормлю и себя, и рабятъ. Годъ—другой пробьюсь одна, а тамъ и Симка работникъ... Выйду я за тебя,—изъ свекровьиныхъ да изъ твоихъ рукъ смотрѣть надоть,

это разъ! Второе дѣло: у тебя трое рабятъ, у меня двое. У меня свои, у тебя свои... Всякому своего жалко!..

Борисъ.

Ты рабятъ не обидишь моихъ... Я тея знаю...

Ульяна.

Я не обижу, такъ свекровка, либо заловка моихъ обидятъ... Либо сладкимъ кускомъ коли попрекнутъ, либо что... А у меня сердце, самъ знаешь, неумчивое! Я за своихъ рабятъ не знай что... на ножи пойду!

(*Вдали слышится пѣсня*).

Зарцовъ (*поетъ за сценой*).

«Одна я буду въ чистомъ полѣ,
«Когда пробьетъ разлуки часъ»...

Ульяна (*во время пѣсни*).

Характеръ у меня непокорливый, голова непоклонная! Свекрови это не по скусу. Денно и ночно будетъ у насъ брань, да ругань, да потасовщина!..

ЯВЛЕНІЕ 5.

Ульяна, Борисъ и Зарцовъ.

(*Зарцовъ выходитъ по дорогѣ справа, продолжая пѣть*).

Зарцовъ (*выходя, поетъ*).

«Про-о-льются сле... слезы по... по неволѣ...
Ко-о-г-да про-о... (*увидавъ Ульяну и Бориса, замолкаетъ, подходя къ нимъ*).

Ульяна (*не видя Зарцова*).

Ну что хорошаго?.. Самъ посуди, Борисъ?...

Борисъ (*чешетъ въ затылкѣ*).

Можа оно и такъ!.. (*помолчавъ*). Ужъ оченно сердце-то у меня разнимаетъ, на тя глядя! По мыслямъ ты мнѣ пришлась. Больно ты гля меня баба-то способная! И къ хозяйству опять, и къ работѣ дюже добра..

Зарцовъ (*улыбаясь, про себя*).

Ишь ты!.. Каково улещаетъ-то!

Ульяна.

Мало̀-ли на деревнѣ дѣвокъ-работницъ... За тебя любая пойдетъ, даромъ что вдовый.

Зарцовъ.

Вѣстимо! Вонъ у Пётры—Катерина,—чѣмъ не дѣвка! Работница! Изъ себя видная...

Борисъ (*искоса взглянувъ на Зарцова*).

Мало́-ли... (*угрюмо*) Все не по сердцу.

Зарцовъ.

Ты мнѣ, Борисъ, поклонись!.. Я тебѣ Ульяну въ одну минутую сосватую! За милую душу!

Ульяна (*насмѣшливо*).

Сосваталъ одинъ такой-то...

ЗАРЦОВЪ (*хвастливо*).

Я!.. Провалиться на мѣстѣ,—сосватаю!

БОРИСЪ (*съ досадой, Зарцову*).

Полно здря брякать, Гришка!.. Не здрячее тутъ дѣло!.. (*Ульянѣ*). Не судьба, знать!.. Видно, дѣлать нечего! (*махнувъ рукой, угрюмо*) Прощай, Ульяна! (*уходитъ налѣво*).

УЛЬЯНА (*вслѣдъ ему*).

Прощай, Борисъ.

ЗАРЦОВЪ.

Съ чего, Ульяна, въ самъ дѣлѣ, Бориса бракуешь? Чѣмъ не мужикъ?

УЛЬЯНА (*энергично перебивая*).

Неколи мнѣ съ тобой лясы точить, Григорій. (*вставая*) Куда-йто Симка, пострѣленокъ, запропастился?.. Одной всего не унесть...

ЗАРЦОВЪ.

Давай я подсоблю.

УЛЬЯНА.

Спасибо!.. Ты, коли время терпитъ, посиди коло рабенка, а я Симку покличу. Съ рабятишками, мотри, балуетъ!

ЗАРЦОВЪ.

Посижу... Дѣло не къ спѣху...

УЛЬЯНА (*идя налѣво*).

Симка!.. Си-и-и-мка!.. (*уходя*) Сим-ка-а!.. (*за сценой*) По-о-стрѣ-ѣ-лъ!..

ЗАРЦОВЪ (*садится, раздумывая*).

Ну, и женщина! Мужика за поясъ заткнетъ... Строгой поведенціи женщина... Два года вдовѣетъ,—ни Божа мой... Другая бы давно хвостъ затрепала... Все, сталъ быть, человѣкомъ... (*задумчиво напѣваетъ*).

«Одна я буду въ чи-и-стомъ по-о-лѣ
«Когда про-о-бьетъ разлуки часъ...»

(*Заря постепенно погасаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЗАРЦОВЪ И УЛЫБИНЪ.

Улыбинъ идетъ слѣва по дорогѣ.

ЗАРЦОВЪ (*поетъ*).

«Про-о-ольют-ся сле-е-зы...» (*увидавъ Улыбина, встаетъ и кланяется*) Егору Михалычу,—особенное! (*протягиваетъ руку*).

УЛЫБИНЪ (*пожимая руку*).

Здравствуй! (*проходитъ мимо него направо*).

ЗАРЦОВЪ (*робко ему вслѣдъ*).

Михалычъ!.. Что-жъ на счетъ... того-то?..

УЛЫБИНЪ (*недоумѣвая*).

Чего-йто?

ЗАРЦОВЪ.

На дѣло обѣщалъ меня поставить къ себѣ... Нешто запамятовалъ?..

Улыбинъ.

Главная причина, братецъ ты мой, дѣвать мнѣ тебя сичасъ некуда.

Зарцовъ *(смѣясь)*.

Меня, Егоръ Михалычъ, во всякое дѣло ты повернуть можешь... Хошь куда!..

Улыбинъ *(съ усмѣшкой)*.

Про эсто что говорить... Руки у тебя золотыя, а вотъ голова-то дырявая... Да и глотка-то широка,—не въ мѣру потребляетъ...

Зарцовъ.

Пью!.. Не отрекаюсь,—пью. Только не на дѣлѣ. На дѣлѣ, братъ, никогда. Шабашъ! Ни Божа мой! Крышка!.. Самъ знаешь, до отъѣзда въ Питеръ, какъ жилъ въ деревнѣ... Аккуратно, блаародно... Какъ хрусталь!.. Никто худого слова не призесетъ..

Улыбинъ.

Было, братъ, да сплыло!.. А таперича совсѣмъ другой коленкоръ выходитъ...

Зарцовъ.

Ничего не другой! Все одно, братъ... А ты то возьми, Егоръ Михалычъ, какой я для твоего дѣла таперича человѣкъ способный. Обхожденіе всякое понимаю. Не даромъ въ Питерѣ три года прожилъ! Всего видѣлъ...

Улыбинъ *(насмѣшливо)*.

Что толковать!.. Ты таперича бѣлаго свѣту насмотрѣлся, по тюрьмамъ, по острогамъ насидѣлся!

Зарцовъ *(обидчиво)*.

Напраслина! Богъ миловалъ,—не сидѣлъ!

Улыбинъ.

А почему такому тебя въ деревню по этапу привели?

Зарцовъ *(пожимая плечами)*.

Черезъ водку,—больше никакихъ! Спервоначалу жилъ въ Питерѣ, какъ должно быть. Хворменно! Въ младшихъ дворникахъ состоялъ; по извощичьей части... Честь-честью!.. Потомъ, значится, въ баньщики придѣлился. Ну, самъ можешь понять, Михалычъ, какое наше дѣло. Пропарилъ хорошо нутро купцу, угодилъ гостю,—бутылка пива, а ни то серебрушка въ руку... На косушку значится. Съ эстого самаго и пошло баловство; дальше—больше. До того набаловался, что, почитай, кажный день пьянъ... Черезъ губу лью!.. Свои сталъ прикладывать... Изъ дому подать требуютъ, а мнѣ хошь бы что!.. Я, знай себѣ, въ Америкѣ посиживаю, проклаждаюсь... Трактирчикъ тутъ у насъ на углу былъ... Наконецъ того, пачпорту строкъ вышелъ... Отстрочку... Изъ деревни пачпорта не шлютъ, требуютъ подати. На мѣстѣ не держутъ. Послонялся я эдакъ съ полгода кое-гдѣ, по ночлежнымъ домамъ... Влопался на облавѣ, и отправили на мѣсто жительства... За безписьменность, значится... Только и всего! А художествъ за мной никакихъ нѣтъ.

Таперича, какъ я остепенился... И даже такъ, что водку хочу на вовся бросить...

Улыбинъ.

На то похоже! Отъ воскресенья до поднесенья?

Зарцовъ (*горячо*).

Я!.. На задоръ пойдетъ,—сичасъ помереть, брошу!

Улыбинъ.

Ну, да ладно! Не божись, въ долгъ повѣрю.

Зарцовъ.

Право слово!.. Мнѣ, главная статья, на подать да на пачпортъ заработать.

Улыбинъ (*съ усмѣшкой*).

Что-жъ будетъ?

Зарцовъ.

Какъ только заработаю, опять въ Питеръ.

Улыбинъ.

Махнешь?!

Зарцовъ.

Безпремѣнно!.. Неужли же съ эстими хамоидолами жить буду!.. Никогда!

Улыбинъ.

Не нравится?

Зарцовъ.

Невѣжество! Пенье некорченное! Ни понятія, ни образованности... За тысячу рублей здѣся не останусь!

Улыбинъ.

А много-ли денегъ у обчества за тобой?

Зарцовъ (*раздумывая*).

Такъ что четвертной билетъ надо безпремѣнно добыть...

Улыбинъ.

Четвертно-ой!.. Денегъ много!

Зарцовъ.

Порядочно... Да ежели бы ты меня къ себѣ на дѣло поставилъ, я бы сколотилъ, какъ ни на есть.

Улыбинъ.

Само собой... Да вотъ, главная причина, дѣла-то сичасъ у меня по тебѣ не находится.

Зарцовъ.

Хошь воду на мнѣ вози, Егоръ Михалычъ! Услужу!

Улыбинъ (*раздумывая*).

Ладно... Поглядимъ ужотко... Може найдется дѣло и тебѣ... Только, мотри, завтра на сходкѣ не плошай!

Зарцовъ (*съ горячностью*).

Господи!.. Да нѣшто я какъ!.. Да я за тебя, Егоръ Михалычъ, во какъ!.. Не знай что!.. Оборудоваемъ все,—не бось... Завсегда!.. Я

на ихъ, на хамоидоловъ, золъ, страсть какъ! Они мнѣ за шаснадцать рублевъ такъ всыпали!.. Во вѣки!.. Помирать буду, эстого имъ не прощу!.. Сиволапые черти! Лѣшманы!..

Улыбинъ (*ухмыляясь*).

Здорово, говоришь, прохворостили?

Зарцовъ.

Не приведи Богъ!.. Небо съ овчинку,—во какъ!

Улыбинъ.

Больно?

Зарцовъ.

Больно-то больно, а срамота-то!.. Такъ, братецъ ты мой, Егоръ Михалычъ, сконфузили они меня, что, кажись, ежели бы...

Улыбинъ (*взглянувъ направо*).

Постой-ка!.. Отойди къ сторонкѣ... А ни то иди въ кабакъ ко мнѣ... Я сичасъ за тобой...

Зарцовъ (*заглядывая направо*).

А, Ульяна!.. (*прищуривъ глазъ*). Понимаемъ... Ну и баба! Король!.. Ишь, какъ голову-то несетъ... Ахъ ты, сдѣлай милость!..

Улыбинъ (*нетерпѣливо*).

Иди, говорю!

Зарцовъ (*таинственно*).

Я, братъ, Лукерьѣ ни-ни. Понимаемъ!.. Меня, братъ, не опасайся... Ни гу-гу, ни чи-чи. Видать—не видалъ, слыхать—не слыхалъ. Крѣпко, братъ. (*уходя налъво и оглядываясь*). Могила—одно слово!.. (*махнувъ рукой*) Ну и дѣла-а, братцы! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Улыбинъ, затѣмъ Ульяна.

(*Улыбинъ поправляетъ картузъ и охорашивается, смотря въ лѣсъ направо*).

Улыбинъ (*любуясь Ульяной*).

Экъ, товаръ-то какой!.. Наровиста, дьяволъ! Никакъ ее въ оглобли не введешь... Всю деревню перемутила... Сталъ ей мой кабакъ поперекъ горла, да и шабашъ! Проходу мужикамъ не даетъ, смутьянка!.. Ну, да постой!.. Я къ тебѣ подъѣду! Угомоню тебя! Ни я буду, ежели не подольщусь... Ни такихъ бралъ... По-о-стой!..

Ульяна (*выходитъ, не замѣчая Улыбина*).

Сгинулъ, пострѣленокъ!.. Индо глотку надорвала кричамши! (*идетъ къ люлькѣ*).

Улыбинъ.

Ульянѣ Петровнѣ!

Ульяна (*останавливаясь и оглядываясь*).

Здравствуй, Егоръ Михалычъ!.. А Гришка куда дѣлся?.. Неча сказать,—нянька!

Улыбинъ.

Я его за дѣломъ услалъ... А нѣшто онъ тебѣ нуженъ?..

Ульяна.

На кой онъ мнѣ... (*подходитъ къ кусту, собираетъ свитку, хлѣбъ и прочіе припасы*).

(*Темнѣетъ*).

Улыбинъ (*смотря на нее*).

Стараешься все, Ульяша?..

Ульяна.

Наше дѣло такое! Что поработаешь, то и съѣшь.

Улыбинъ.

Правильно. (*сладко*) Я другой разъ погляжу, погляжу, Господи праведный!.. Кровный хлѣбъ ѣдите, да и тотъ съ мякиной, да съ жмычкомъ. Ни дня тѣ нѣтъ, ни ночи спокойствія. Все въ работѣ да въ заботѣ. Жуткость иной разъ возьметъ, глядѣмши на ваши труды!.. Какъ, то-ись, вы бьетесь, Бож-жа мой!

Ульяна.

Привышны. Ничего... Кажному свое... Васъ Господь послалъ гля легкой жисти на землю, насъ гля тяжелой, Егоръ Михалычъ!

Улыбинъ.

Наше житье тоже не сахаръ, Ульяша! Тоже поту не мало прольешь.

Ульяна.

Можа оно и такъ. Да, по крайности, видишь, изъ-за чего бьешься, хлопочешь. Эвона хоромы-ти каки взбрякалъ!.. Княжецки! Въ анбарахъ хлѣба-ти не проворотишь. Домъ—полная чаша. Ни думъ ни о чемъ, ни печали. Знай, живи въ свое удовольствіе!

Улыбинъ (*вздыхая*).

Эхъ, Ульяша!..

Ульяна.

Чего еще!.. Не правду нѣшто говорю?

Улыбинъ (*съ грустью*).

Правда-то она правда... да, вѣдь, и черезъ богатство иной разъ слезы льются.

Ульяна (*насмѣшливо*).

Поди-жъ ты!

Улыбинъ.

Вѣрное слово!

Ульяна (*улыбаясь*).

Не ты-ли слезы-то льешь?

Улыбинъ.

Оченно можетъ быть, что и я.

Ульяна.

Съ чего же такъ?

Улыбинъ.

Съ эстого самого... Ты возьми во вниманіе, что есть мое за житье?..

Человѣкъ я еще молодой. Изъ себя оченно даже аккуратенъ. Умомъ тоже опять Богъ не обидѣлъ, грѣхъ пожаловаться. Во всѣхъ статьяхъ человѣкъ, какъ есть! И сердце тоже имѣю при себѣ! Вѣрно я говорю, али нѣтъ?

Ульяна.

Кто тя хаитъ!

Улыбинъ.

То-то и оно-то!.. А ты видала мою супругу? Вѣдь ужъ какъ ест пугало гороховое,—вполнѣ! Ставь сичасъ на огородъ воронъ пужать. Ни одна не подлетитъ... Безъ сумлѣнія!

Ульяна.

А тя никто тянулъ,—самъ на ее позарился. Глаза у тебя больно алачные. На богатство ея покорыстовался. Вотъ и казнись таперича!

Улыбинъ (*сильно*).

И казнюсь! (*ударяя въ грудь кулакомъ*) Даже до того казнюсь,—описать невозможно!.. Другой разъ до того подкатитъ подъ сердце, перегрызъ бы ее на двое!..

Ульяна (*смѣясь*).

Стара, жестка!.. Не угрызешь, мотри!

Улыбинъ (*вздыхая*).

Тебѣ все смѣшки, Ульяша! Нѣтъ, чтобы пожалѣть человѣка.

Ульяна.

О чужихъ горяхъ плакать,—на свои слезъ не хватитъ.

Улыбинъ.

Вишь ты какъ!.. (*вкрадчиво*) А я-то!.. Господи ты Божа мой!.. Кажись, и денно и нощно о твоемъ горемычномъ житьѣ сокрушаюсь. Попроси ты у меня, чего только твоя душенька желаетъ, отдамъ!.. Тось—ничего не пожалѣю. Душу заложу, а тебя выручу!.. (*подвигаясь къ Ульянѣ и заглядывая ей въ глаза*) Вѣришь-ли, Ульяша, такъ ты меня сичасъ приворотила къ себѣ!.. Такая у меня къ тебѣ жалость, такая жалость!

Ульяна (*насмѣшливо*).

Чужая жалость въ кучу сжалась...

Улыбинъ (*обнимая Ульяну*).

Лапушка ты моя!.. Писанная...

Ульяна (*отстраняясь*).

Ты что?.. Сдурѣлъ, что-ли?..

Улыбинъ (*не пуская Ульяну*).

На вовся ума рѣшился!.. Есть-ли голова на плечахъ, нѣтъ-ли,—не знаю! (*цѣлуетъ ее*).

Ульяна (*сильно*).

Очувствуйся!.. (*вырываясь*) Полно, слышь!.. Не дури!.. Пусти!..

Улыбинъ (*приходя въ азартъ*).

Не пущу!.. Ау, таперя!.. Моя Ульяша!.. Живъ съ тобой не разстанусь!

УЛЬЯНА (*вырываясь*).

Да ты и въ самъ дѣлѣ озарничать задумалъ?! Что я тѣ! Солдатка Матрена, что-ли!.. Со мной, братъ, немного!.. Я и сама не спущу!.. Охальникъ какой выискался!

УЛЫБИНЪ (*подходя*).

Не шуми, мотри, Ульяшка!.. Хуже будетъ... Я свое возьму!..

УЛЬЯНА (*сильно*).

Взялъ одинъ такой-то!.. (*замахивается на него кувшиномъ*) Подойди только!.. Такъ вотъ кувшиномъ-то въ рыло и лясну! Толстуща рожа!

УЛЫБИНЪ (*бросаясь къ ней*).

Стращать меня!.. (*хватаетъ Ульяну за руку*) Вотъ какъ ты!.. Нѣтъ, братъ!.. Стой!.. Не вырвешься!

УЛЬЯНА (*отбиваясь отъ него*).

Пусти, лѣшакъ!.. Не поддамся!.. Пусти!.. Насильничать задумалъ!.. Не на ту напалъ!..

ЯВЛЕНІЕ 8.

УЛЬЯНА, УЛЫБИНЪ, СИМКА И КРЕСТЬЯНЕ.

Въ то время, когда Улыбинъ со словами: «стой не вырвешься», обнимаетъ Ульяну, по дорогѣ, справа, выходятъ человѣкъ пять крестьянъ и Симка).

1-ЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Мотри-ка, братцы!.. Улыбинъ-ти! Ахъ, лупи его волки!..

СИМКА (*подбѣгая къ матери*).

Мамка!

(*Ульяна сильно отталкиваетъ Улыбина; тотъ чуть не падаетъ*).

УЛЬЯНА.

Ахъ, окаянская твоя душа!.. Проклятущій!

ВмѢстѢ.

1-ЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ай, Ульяна! Молодчага!

2-ОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ну и ба-а-ба... Козырь!..

3-ІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ (*Улыбину*).

Что, братъ Улыбинъ, ожогси!.. Ха, ха, ха!

(*Крестьяне смѣются. Улыбинъ сконфуженно оправляетъ спинжакъ. Ульяна подвязываетъ сбившійся съ головы платокъ. Молчаніе*).

УЛЫБИНЪ (*оправляясь*).

Ничего, не ожогси!.. Я, вѣдь, братцы, съ ей въ шутку было, а она сичасъ на задоръ... Ну я и...

(*Крестьяне говорятъ всѣ вмѣстѣ*).

Вмѣстѣ.

1-ый крестьянинъ.

А она въ сурьезъ?!

2-ой крестьянинъ.

Ну и ба-а-ба-а!

3-ій крестьянинъ.

Ходокъ ты, братъ, Улыбинъ!..

4-ый крестьянинъ.

Какъ она его приложила-ти!

5-ый крестьянинъ.

Ишь озарная!.. Ха, ха!..

Ульяна (*оскорбленная, взволнованно*).

Сунься въ другой разъ,—еще не то будетъ! Всю твою толстую харю искровяню!.. Видитъ, баба одна въ лѣсу, охальничать задумалъ! Лѣшакъ! Безстыжіе твои буркулы!.. (*отходитъ къ люлькѣ*).

Вмѣстѣ.

1-ый крестьянинъ.

Ты, братъ, Михалычъ, по себѣ дерево руби!

2-ой крестьянинъ.

Ну и ба-а-ба-а!.. Ахъ, пропади ты...

3-ій крестьянинъ.

Знамо дѣло!

Ульяна (*Симкѣ*).

Ты чего сталъ, разавя ротъ?! Пошелъ, да и пропалъ! Куды тя нелегкая носила-ти?..

Симка (*несмѣло*).

Я, мамка, съ мужиками...

Ульяна (*сердито, перебивая*).

Пошто тѣ съ мужиками?! (*надѣвая черезъ плечо люльку*) Подсоби люльку-ти надѣть, пострѣленокъ!.. Бери свитку!

Улыбинъ.

Я было на луга, братцы, къ вамъ шелъ, почему-что...

1-ый крестьянинъ (*внушительно*).

Луга, миляга, лугами... Это не касаемое! А Ульяну нашу не моги обижать, ни то и бока намнемъ! Такъ-то есь!

Вмѣстѣ.

2-й крестьянинъ.

Не озоруй потому!..

3-ій крестьянинъ (*горячо*).

Да! Не трожь нашихъ бабъ!

Улыбинъ (*съ неловкой улыбкой*).

Ничего даже я ее не обиждалъ... Она сама ругаться начала, ну я и... А ежели бы...

Ульяна (*обертываясь, сильно*).

Врешь, несъ!.. Ты къ чему ко мнѣ присталъ? Къ чему, говори?! Какъ бѣсъ разсыпался передо мной!

Улыбинъ (*сконфуженно*).

Ничего даже не разсыпался, а какъ сама ты...

Ульяна (*перебивая, сильно*).

Ты соврешь,—не дорого возьмешь!.. Теѣ, вѣдь, рога приставить, хвостъ прицѣпить,—ни дать, ни взять,—анчутка безпятый!.. Прости Богъ грѣха!

Вмѣстѣ.

1-ый крестьянинъ (*смѣясь*).

Ай, Ульяна!.. Ха, ха, ха!..

2-ой крестьянинъ (*смѣясь*).

Ну и ба-а-ба!.. Ха, ха, ха!..

Ульяна (*сильно*).

Задумалъ, насильствомъ взять... Да не на ту напалъ! Обознался! Я, братъ, сама не спущу!.. Суньсяка.. (*уходя*) Подемъ, Симка! (*быстро уходитъ по дорогѣ налѣво*).

(*Симка, неся свитку, рогатку и хлѣбъ, уходитъ за Ульяной*).

Улыбинъ (*съ злобой, тихо*).

Ладно-о!.. Доведется и намъ!.. Погоди, милая!.. Я тѣ уважу!..

Вмѣстѣ.

1-ый крестьянинъ

Отбрила-а чисто!...

2-ой крестьянинъ (*удивленно*).

Ну и ба-а-ба!..

4-й крестьянинъ (*весело*).

Ахъ, прахъ тя возьми!.. а!..

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Улица деревни Верхополье, поросшая мелкой травой. Посреди улицы—узкая дорожка, по бокамъ, у домовъ—тропинки. Справа домъ старосты, съ крыльцомъ на улицу, у двери небольшая дощечка съ надписью: «Староста». На второмъ планѣ—навѣсъ, съ покривившимися столбами, съ дырявой соломенной крышей. Подъ навѣсомъ стоятъ двѣ бочки: одна на колесахъ, другая на дрогахъ, со снятыми колесами; тутъ же валяется лѣстница и нѣсколько багровъ. Немного отступя отъ навѣса влѣво,—чанъ съ водой «для пожарнаго случаю». Слѣва на первомъ планѣ,—ветхая, крытая соломой, изба Ульяны, осѣвшая на бокъ. У двери дощечка: «Десятскій». Къ избѣ примыкаетъ плетень и ворота; дальше хибарка Митродоры, съ заваленкой, какъ и изба Ульяны. У дома старосты, подъ окнами,—длинное «обчественное» бревно. Въ концѣ улицы—околица съ отводомъ посерединѣ. За околицей—дорога; дальше идутъ поля съ зрѣющей рожью. Вдали—березовая рощица.

Солнечное утро. Изъ села доносится тихій звонъ «къ достойной».

ЯВЛЕНІЕ I.

Симка, Васька, Егорка, Аннушка *и нѣсколько ребятишекъ.*

(*Симка, Васька и Егорка на тропинкѣ, около избы Митродоры, играютъ въ бабки; на заваленкѣ сидятъ двѣ дѣвочки: Аннушка и Аленка. На*

крышкѣ чана два мальчика играютъ въ камушки. Подъ навѣсомъ на дрогахъ сидятъ дѣвченка и мальчишка, играя въ лощадки).

Симка (*громко*).

Бей, что-ли, Васька!.. Чего еще!

Васька.

Накося! Егоркѣ напередъ бить. Я за кономъ!

Егорка.

Ишь ловко-ой!.. Моя эвона гдѣ битка!

Васька (*съ азартомъ*).

Ну-къ что-жъ!

Симка.

Бей, говорю, Васька!.. А то за виски!

Васька.

Какъ ни за виски!.. Только тронь!

Егорка (*хватая бабки съ кона, убѣгаетъ*).

А я во какъ!.. Эвося!..

Симка (*кидается за нимъ и ловитъ*).

Ставь на конъ!.. Ставь.. (*отнимаетъ бабки*).

Егорка (*вопитъ*).

Симка, пусти!.. Чего ты дерешься!.. Си-и-имка...

(*Симка борется съ Егоркой*).

Васька.

А ты не грабь конъ!.. По дѣломъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Митродора.

Митродора (*высунувшись изъ окна своей избы*).

Что это на васъ ладу нѣтъ, рабятки?! Чего вы все деретесь!

Васька.

Егорка, баушка, конъ шарапнулъ!

Митродора.

Сгиньте вы и съ кономъ!.. Спокою отъ васъ нѣтути!.. Симка! Не трожь его!.. А ты, Егорка, коли озарничать,—иди на свой конецъ! Нашихъ не забижай.

Егорка (*плаксиво*).

А они пошто жилятъ, баушка?!

Митродора (*закрывая окно*).

Вотъ погодите! Матери придутъ,—онѣ васъ!.. У, озорные!..

Егорка (*убѣгая направо за уголъ*).

Жилы, жилы, жилы!..

Васька (*убѣгая за нимъ*).

Пымаю, братъ!.. Небось!.. (*убѣгаетъ*)

(*Симка садится на травку, выкладываетъ изъ-за пазухи бабки и считаетъ ихъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Симка и двое нищихъ-дѣтей.

(*Слѣва, изъ глубины, выходятъ нищія дѣти, мальчикъ и дѣвочка, босые, въ заплатанныхъ свиткахъ, съ сумками черезъ плечо. Они проходятъ черезъ сцену къ дому старосты*).

Нищіе (*останавливаются у окна*).

Подайте, Христа ради, праславные хрестьяне!..

Нищая-дѣвочка (*обертываясь*).

Глянь-кося, Ѳедя, сколь у Симки-ти бабокъ!

Нищій-мальчикъ (*смотря съ завистью*).

Гораздъ много!..

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и старостиха.

Старостиха (*изъ окна*).

Примите, Христа ради! (*подаетъ краюшку чернаго хлѣба*).

(*Нищіе проходятъ къ избѣ Ульяны*).

Симка (*нищимъ*).

Мамки дома нѣтути. Послѣ придите.

Нищій-мальчикъ.

Ладно! (*переходя къ окну Митродоры*). Подайте, Христа ради!.. (*Симкѣ*). У тебя много-ли гнѣздъ?

Симка.

Двадцать съ бабкой.

Нищій-мальчикъ (*робко*).

Дай мнѣ гнѣздо...

Симка.

Какъ бы не такъ... Бабку на! (*подаетъ бабку*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же и Митродора.

Митродора (*изъ окна*).

Примите, дѣтки, Христа ради. Гля праздничка вамъ пирожка съ грибамъ (*подаетъ два куска*).

Нищіе (*кланяясь*).

Спасибо, баушка!.. (*уходятъ, откусывая пирогъ*).

Аннушка (*стыдливо, вставая съ завалинки*).

Баушка Митродора... а, баушка...

Митродора (*въ окнѣ*).

Чего тебѣ, Аннушка?

Аннушка (*не смотря на нее*).

И я, баушка, люблю пирогъ съ грибамъ...

Митродора (*улыбаясь*).

О?!.. Да ты врешь, поди, Аннушка?..

Аннушка (*смѣлѣе*).

Нѣ, вправду... Я съ грибамъ-ти люблю, баушка.

Митродора (*подавая кусокъ*).

Ну, вотъ на, ѣшь коли.... (*закрываетъ окно*).

(*Дѣвочка ѣстъ пирогъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Ульяна.

Ульяна идетъ справа по дорогѣ, одѣтая въ праздничный нарядъ, съ палкой въ рукѣ).

Ульяна (*входя на улицу и увидавъ Симку, строго*).

Симка, ты пошто здѣся прохлаждаешься? Рабенокъ, мотряй, плачетъ; обревѣлся весь!

Симка (*вставая*).

Онъ спитъ, мамка! Я закачалъ его...

Ульяна (*строго*).

Иди, говорю, въ избу, пострѣлъ!.. Иди-и!

Симка (*нехотя уходя*).

Чать я не оглохъ,—слышу! (*уходитъ*).

Ульяна (*подходя къ избѣ старосты и стуча палкой въ окно*).

Дядя Митряй!.. а дядя Митряй!..

ЯВЛЕНІЕ 7.

Ульяна и старостиха.

Старостиха (*отворяя окно и высовывая голову*).

Нѣту его, Ульяша.

Ульяна.

Отъ земскаго приказъ дядѣ Митряю завтра утромъ къ ему придтить.

Старостиха (*сокрушаясь*).

Ахъ, наказаніе Божецкое!.. Въ луга завтра выходить, а тутъ... Ахъ, лядъ ихъ побери и со старостомъ ихымъ!.. Одно упущеніе въ хозяйствѣ! Ты что-ли къ земскому-то ходила, Ульяна?

Ульяна (*садясь на бревно*).

Я... Гумагу носила изъ волости... Притомилась страсть!..

Старостиха.

Чатырнадцать верстъ отмахать,—легко-ли дѣло... Устанешь!

Ульяна.

Жарко, Бож-жа мой!.. (*утирая рукавомъ лицо*). А мужики-то гдѣ, Ѳедорушка?

Старостиха.

На луга всѣ пошли, Ульяша... на жеребьевку.

Ульяна (*спохватившись*).

Ой, родимые!.. На луга, говоришь?.. Какжа это я-то!.. Побѣчь скорѣя!.. (*идетъ къ околицѣ*).

Старостиха (*ей вслѣдъ*).

Давно ушли, Ульяша... Мотри, скоро домой воротятся... Никакъ и то ужъ ворочаются...

(*Закрываетъ окно, скрываясь*)

ЯВЛЕНІЕ 8.

Ульяна и Борисъ.

(*Борисъ выходитъ слѣва по дорогѣ за околицей*).

Ульяна (*увидавъ Бориса*).

Ты съ луговъ, Борисъ?

Борисъ (*останавливаясь у околицы*).

Съ луговъ.

Ульяна.

Подѣлили, что-ли?

Борисъ.

Подѣлили... Гдѣ тея носило-ти?

Ульяна (*съ досадой*).

Да вотъ съ гумагой, съ эстой, пропасти на ее нѣтути!.. (*съ интересомъ*). Мнѣ какая дѣлянка досталась, Борисъ?

Борисъ.

За бугромъ тутъ, къ лѣсочку-ти полоска... Отъ ракиты, гдѣ дорога.

Ульяна (*сокрушаясь*).

Экъ, напасть!.. Трава тамотка не спорая. Пролысинки есть на бугрѣ, а книзу—осока засѣла...

Борисъ.

Полоска она средственная... Не такъ, чтобы сказать—хорошая...

Ульяна.

Чего хорошая!.. Нѣшто я не знаю!.. (*сокрушаясь*) Эко горе, батюшки!

Борисъ.

Старички и то толковали. Прикинуть, молъ, ей на сиротство. Срѣзокъ тутъ вышелъ угломъ къ рѣчкѣ-то...

Ульяна.

Вѣстимо надоть, ежели по правдѣ-то...

Борисъ (*почесавъ въ затылкѣ*).

То-то, она нонѣ съ міру ушла, правда-ти... Загалдѣли,—Бо-ж-жа мой!.. Чуть въ кулаки не лѣзутъ... А пуще всего Гришка Зарцовъ. Такъ на глотку и наступаетъ. Горло-ти широкое! Оретъ ни знать что! Не въ свою голову!.. До чего потерялъ сея человѣкъ,—тьфу! Срамота глядѣть!

Ульяна.

На чемъ же порѣшили міряне?

Борисъ.

А ни на чемъ! Сходку, вишь, на деревнѣ хотятъ сбивать, что-ли?.. Варламъ тутъ юлилъ что-то... Пристраивается тожъ къ эстому углу...

Ульяна.

У, завидущіе глаза!

Борисъ.

Вотъ на сходѣ, Ульяна, поклонись міру. Можа міряне и не обидятъ... можа вспомянутъ правду-ти... Не все...

ЯВЛЕНІЕ 9.

Ульяна, Борисъ и Симка.

Симка (*изъ окна*).

Мамка, Варька реветъ!

Ульяна (*Симкѣ*).

Ладно... (*Борису*) Поклонюсь, Борисьюшка, поклонюсь міру... Авось, не обидятъ...

Симка (*громко, съ досадой*).

Мамка-жа!.. Реветъ!.. Иди, что-ли!..

Ульяна (*съ раздраженіемъ*).

У, околѣвающіе... Иду... (*быстро идя къ избѣ*) Околѣванья на васъ нѣту, на зѣвласныхъ-ти!.. (*уходитъ въ избу*).

(*Борисъ проходитъ по дорогѣ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Улыбинъ и Дмитрій.

(*Улыбинъ и Дмитрій выходятъ, разговаривая, слѣва изъ-за околицы, отворяютъ отводъ и проходятъ на улицу*).

Дмитрій.

Помолившись, сталъ быть, Михалычъ.

Улыбинъ.

Нельзя, почему что... Намъ Бога забывать невозможно. Можно сказать—прибѣжище.

Дмитрій.

Само собой... (*выходя на улицу*) А хозяйка въ кабакѣ, значится?

Улыбинъ.

Нѣтъ, со мной тожа... Позаду плыветъ. Посудина-то она у меня больно грузная. На ногу тяжела; ходъ у ей тихой.

Дмитрій.

Захрясла, сталъ быть?

Улыбинъ.

Да, съ бабами тамъ тараторитъ (*вкрадчиво*). Такъ вотъ я и думаю промежду себя,—семъ-ка я объ эвтомъ дѣлѣ съ Митріемъ посовѣтываюсь... Съ тобой, то-ись...

Дмитрій (*глубокомысленно*).

Такъ такъ...

Улыбинъ.

Мужикъ, молъ, онъ умный, обстоятельный. Понятіе ко всякому дѣлу имѣетъ, не то, что прочіе, которые обломы...

Дмитрій.

Дивствительно...

Улыбинъ.

Да-а... Семъ-ка, молъ, я съ имъ посовѣтоваюсь на счетъ, то-ись касаемо отрѣзковъ... Что, молъ, мнѣ съ ими, хамоидолами, путаться...

Дмитрій.

Знамо дѣло.

Улыбинъ.

Ужъ ежели и уважать кого, такъ, по крайности, умнаго человѣка, а ни то что... Правильно я говорю, али нѣтъ?..

Дмитрій.

Вѣстимо... Чего ужъ...

Улыбинъ.

Ну вотъ!.. Ты человѣкъ понимающій, что толковать! Таперича взять то:—разсуютъ они, значится, эсти отрѣзки такъ зря! Кому ни попадя, по кусочку. Кому лапоть, кому полтора,—одна прокламація! Водку вылакаютъ—и шабашъ!.. Ни себѣ, ни людямъ...

Дмитрій.

Да оно, ежели бы...

Улыбинъ (*перебивая, съ увлеченіемъ*).

То-то, ежели-бы, а то, вѣдь, зря, больше ничего!.. А я про что же говорю! Вѣдь и я про тоже самое!... А я, сталъ быть, всѣ отрѣзки, гуртомъ беру за себя. Міру зелененькую бумажку и четверть водки. У меня, сталъ быть, со всѣхъ-то обрѣзковъ и порядочно-таки много набралось сѣна, и обчество въ барышѣ. Почему что зелененькую бумажку по нынѣшнему времю на земи не подымешь.

Дмитрій.

Гдѣ поднять!.. Знамо—не подымешь.

Улыбинъ.

Не валяются онѣ нонѣ, другъ ты мой, единственный... зеленькія-то... да!

Дмитрій (*мнется, передергивая плечами*).

Сумнительно мнѣ на счетъ Варлама... да вотъ Ульяна еще... Надоть-бы имъ, ежели по справедливости, отрѣзокъ-ти...

Улыбинъ (*убѣжденно*).

Ахъ ты, Господи, Божа мой! Да чего тебѣ сумлѣваться-то?.. Ты человѣкъ съ понятіемъ!

Дмитрій.

Про эсто что говорить.

Улыбинъ.

Ты то пойми, какая обчеству польза видимая! Осень пришла, подать потребовали, иди сбирай съ ихъ, съ голыихъ... А тутъ у тебя отъ меня трешня, отъ другого — пятишна, отъ третьяго и вся красненька. Тебѣ тогда полгоря. Спи спокойно...

Дмитрій.

На что лучше.

Улыбинъ.

Окромя всего прочаго, я тебѣ самолично, значится, канарейку... (*прищуривая глазъ*) Понялъ?

Дмитрій.

Понять-то оно какъ не понять, да главна-что...

Улыбинъ.

Мало,что-ли?

Дмитрій (*вздыхая*).

Обчество, братецъ ты мой... Міръ сичасъ... Загалдитъ — не приведи Царица Небесная... Ну и совѣсть въ томъ составѣ...

Улыбинъ (*съ досадой*).

Погляжу я на тебя,—умнымъ ты называешься, а дуракъ кругомъ.

Дмитрій (*съ сомнѣніемъ*).

Дуракъ, говоришь?

Улыбинъ (*убѣжденно*).

Прямо тебѣ сказать—чурбанъ неотесанный!.. «Совѣсть»!.. Ахъ, будь вы трижды прокляты! Водку жрать,—нѣтъ совѣсти, а тутъ—совѣсть!.. Ахъ, черти, черти!.. Какой жа ты есть староста, коли съ обчествомъ повернуть не можешь?

Дмитрій (*обидчиво*).

Да, вѣдь, я одинъ дуракъ, а ихъ эво сколько!..

ЯВЛЕНІЕ 11.

Улыбинъ, Дмитрій, Улыбиха и Матрена.

(*Улыбиха и Матрена выходятъ по дорогѣ слѣва и, отворяя отводъ, проходятъ на улицу*).

Улыбиха (*идя*).

Неси, Матреша, неси! Все неси, милая, какое ни на есть. И ровное, и тонкое—все куплю, милая... Все куплю, потому я васъ жалѣючи...

МАТРЕНА (*ласково*).

Принесу, Ананьевна, принесу!.. Благодарствуйте!

УЛЫБИНЪ (*оглянувшись*).

Отойдемъ-ка, Митрій, къ сторонкѣ... Я тѣ научу, какъ всю механику обстроить съ ими... Кое съ кѣмъ изъ стоющихъ старичковъ я потолковалъ... (*отходятъ вправо къ навѣсу и бесѣдуютъ про себя*).

УЛЫБИХА.

И другимъ, которымъ бабочкамъ скажи на деревнѣ: «Улыбиха, молъ, наказывала къ ей холстъ несть. Цѣною, молъ, не обиждаетъ».

МАТРЕНА.

Скажу, Ананьевна, скажу.

УЛЫБИХА.

Да Химки-то скажи: долгъ, молъ, спрашиватъ Улыбиха; за хлѣбъ, молъ... Муку она у меня третёднясь брала... А холстъ-ли, полотно-ли неси. Я возьму.

ЯВЛЕНІЕ 12.

УЛЫБИНЪ, ДМИТРІЙ, УЛЫБИХА, МАТРЕНА и УЛЬЯНА.

(*Ульяна выходитъ изъ избы*).

МАТРЕНА (*увидавъ ее*).

Да вотъ у Ульяши нѣтъ-ли?.. Ульяша!

УЛЬЯНА (*подходя и кланяясь*).

Чего-йто?

МАТРЕНА.

Холста на продажу нѣтъ-ли? Вотъ Ананьевна спрашиватъ.

УЛЬЯНА (*улыбаясь*).

Сундуки отъ добра ломются. Погноила, должно, добро!.. Нашла у кого холста искать на продажу... Сами всѣ въ дырьяхъ ходимъ... Яичекъ вотъ не надо-ли, Ананьевна? Десятковъ съ пятокъ прикопила.

УЛЫБИХА.

И яица неси! Все неси, Ульяша!.. Я все куплю... (*разговариваютъ про себя*).

УЛЫБИНЪ (*Дмитрію*).

Такъ, сталъ быть, по рукамъ?!

ДМИТРІЙ.

Сталъ быть... по рукамъ ужъ...

УЛЫБИНЪ (*весело*).

А вотъ и супруга моя подплыла!.. (*подходя къ ней*) Пойдемъ, богоданная, ко дворамъ! Нутро что-то ко щамъ потянуло! (*уходя*) Пожалуйте-съ, мамаша!.. Со Господомъ! (*уходитъ въ проулокъ налѣво*).

УЛЫБИХА (*идя за нимъ вслѣдъ*).

Все несите, бабочки!.. (*уходя*) И холстъ, и яица, я все куплю... (*уходитъ*).

(*Матрена идетъ за ней*).

Дмитрій (*поднимаясь на крыльцо*).

Ульяна! Мало-маля погодя сходъ сбивай!.. Слышишь! (*уходитъ въ избу*).

Ульяна.

Ладно. (*подходитъ къ окну избы Митродоры и стучитъ въ окно*). Баушка Митродора!

ЯВЛЕНІЕ 13.

Ульяна и Митродора.

Митродора (*показываясь въ окнѣ*).

Что ты, Ульяша?

Ульяна.

Дѣдъ Никандра дома, что-ли?

Митродора.

Гдѣ ему быть... Вонъ на лавкѣ лежитъ... Зачѣмъ онъ тебѣ занадобился?

Ульяна.

Сходка у насъ, баушка, касаемо луговъ. Обдѣлили меня міряне. Хочу поклониться міру, можа отрѣзокъ дадутъ. Дѣдъ бы Никандра на сходъ вышелъ, поговорилъ мірянамъ. Авось, они его послухаютъ.

Митродора.

Скажу ему, Ульяша. Только наврядъ пойдетъ. Надѣлу онъ не несетъ, подать съ его сложили; пошто ему на сходъ ходить. Кто его послухаетъ. Больно осерчалъ онъ на міръ-то! «Вольница, — говоритъ: — правду, молъ, всю пропили»... Скажу ему, а только наврядъ...

ЯВЛЕНІЕ 14.

Ульяна, Митродора и Зарцовъ.

(*Зарцовъ немного на веселѣ выходитъ по дорогѣ слѣва*).

Зарцовъ (*поетъ*).

«Прощайте легкія кареты!
«Прощай веселый машкарадъ»..

(*входя на улицу*)

«Таперь долженъ съ вами разстаться,
«Ужъ мнѣ васъ больше не видать!..»

(*остановливается среди улицы, увидавъ Ульяну*).

Эй ты, сарафанный десятскій!.. Панёва!.. Почему такому сходку не сбиваешь?!

Ульяна.

Поспѣешь еще буркулы-ти налить! Ты спѣрва отъ своего-то очухайся, а тамъ и мірское будешь пить.

Зарцовъ.

И выпью!.. И очень просто.

Митродора.

Глотка-то у тебя луженая должно?

ЗАРЦОВЪ (*поддразнивая*).

Въ Питерѣ вылудятъ, братъ!.. Небось!..

УЛЬЯНА.

То-то ты изъ Питера съ царскими провожатыми и пришелъ.

ЗАРЦОВЪ.

Пришелъ и опять уйду. Вы полагаете, съ вами, съ неотесами, жить буду?.. Никогда! Мы съ господами кампанію вели, а ни то что... Подъ органъ чай-то пили.

УЛЬЯНА (*насмѣшливо*).

Ну, да чего ужъ!.. Чай, и тарелки по трактирамъ лизать доводилось?

МИТРОДОРА (*улыбаясь*).

Доводилось и то, гляди! (*закрываетъ окно*).

ЗАРЦОВЪ.

Ладно! Собака брешетъ,—вѣтеръ носитъ... Только и всего!

УЛЬЯНА (*укоризненно*).

Стыдъ-то, должно, въ Питерѣ по трактирамъ растеряль?! Въ деревнѣ-отъ жилъ—человѣкъ былъ. Хозяинъ,—любо-дорого поглядѣть! Совѣстливый мужикъ, старатель, а таперя вотъ на эстолько совѣсти пѣту!

ЗАРЦОВЪ (*съ пренебреженіемъ*).

Я съ вами и разговаривать-то вниманія не возьму! Бабы, — дуры неумытыя, вотъ и все! (*садится на бревно у дома старосты и закуриваетъ «цыгарку»*).

УЛЬЯНА.

Вонъ ты и мужикъ, да что съ тея взять! Ни себѣ, ни людямъ! Дерешь глотку, благо широка очень. «Я мужикъ... Подъ органомъ съ господамъ чай пилъ!..» Вотъ и проорганился, голешенекъ въ деревню отправился... Я хошь баба, а надѣлъ тяну, подать царю плачу. А съ тобой что хлопотъ-то міру. Боемъ изъ тея подать-то выбивай, изъ дурака! А что выбьешь-то? Сколь не молоти тея—хлѣба не будетъ.

ЗАРЦОВЪ (*съ сердцемъ*).

Міръ... Неча сказать... Дьяволы вы!.. Пенье некорчеванное!.. Вамъ бы только тиранствовать надъ человѣкомъ!

УЛЬЯНА.

Да, вѣдь, и насъ, милый, по головкѣ не гладятъ... Къ обчеству тожа начальства приступаетъ: «давай подать!» А гдѣ ее возьмешь?.. Вотъ ты съ утра ужъ клюкнулъ, красный твой носъ... А обчество за тея...

ЗАРЦОВЪ (*съ злобой перебивая*).

«Обчество!.. Обчество!» А ты молчи! Сбивай сходъ-то, будетъ лясы точить!

УЛЬЯНА.

Собью!.. Не твое тутъ дѣло! (*беретъ у своего крыльца палку, переходитъ къ избѣ Дмитрія и стучитъ въ окно*). Дядя Митряй, на сходъ! (*переходитъ къ избѣ Митродоры, стуча въ окно*) Дѣдъ Никандра, на сходъ сбирайся! (*уходитъ направо въ проулокъ*)

ЗАРЦОВЪ (*напѣвастъ про себя*).

«У церкви стояли кареты,
«Тамъ пышная свадьба была.
«Всѣ гости роскошно одѣты,
«На лица ихъ радость легла.»

ЯВЛЕНІЕ 15.

ЗАРЦОВЪ И НИКАНДРЪ.

(*Во время пѣнія Зарцова, Никандръ неторопливо выходитъ изъ избы и идетъ къ бревну*).

НИКАНДРЪ (*подходя къ Зарцову*).

Ты что-ль, Григорій?

ЗАРЦОВЪ.

Я, дѣдъ! (*продолжаетъ пѣть, покуривая*).

«Невѣста была въ бѣломъ платьѣ,
«Букетъ былъ приколотъ изъ розъ.»

НИКАНДРЪ (*садясь*).

Что-йто мѣряне тихо сбираются?

ЗАРЦОВЪ (*презрительно*).

Почесываются... (*поетъ*).

«Она на святое распятье,
«Тоскливо взирала сквозь слезъ.»

ЯВЛЕНІЕ 16.

ЗАРЦОВЪ, НИКАНДРЪ, БОРИСЪ И ЕВЛАНЪ.

(*Борисъ и Евланъ выходятъ изъ проулка*).

ЕВЛАНЪ (*останавливаясь*).

Глянь-ко, Борисъ, никакъ дѣдъ Никандра съ Зарцовымъ пѣсни заигралъ?.. Ахъ, ѣшь тя мухи!

БОРИСЪ (*съ добродушной насмѣшкой*).

Дѣдъ Никандръ у насъ гульливая головушка!

НИКАНДРЪ.

Было, братцы! Всего было... Не хуже другихъ пѣсни игрывали.

ЕВЛАНЪ (*улыбаясь*).

Ты и таперя, дѣдъ, у насъ первый пѣсельникъ!

ЯВЛЕНІЕ 17.

ЗАРЦОВЪ, НИКАНДРЪ, БОРИСЪ, ЕВЛАНЪ, 1-ЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ, 2-ОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ И 3-ІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

(*1-ый крестьянинъ выходитъ слѣва изъ проулка, 2-ой и 3-ій — справа. Всѣ подходятъ къ дому старосты*).

1-ЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ (*подходя*).

Бесѣда вамъ!

НИКАНДРЪ.

На бесѣду къ намъ!

2-ой КРЕСТЬЯНИНЪ (*насмѣшливо*).

Зарцовъ уже здѣся! Блюдетъ мірское дѣло!..

ЕВЛАНЪ.

Носомъ чуетъ, гдѣ водкой пахнетъ!..

НИКАНДРЪ.

Отбился Гришка отъ міру, отъ земи, ну и ослабъ... Поживетъ въ деревнѣ,—опять, братцы, за умъ возьмется. Ничего... На міру-то способнѣй... теплѣя... Баловство все... Водочка...

2-ой КРЕСТЬЯНИНЪ.

Выпить, отчего не выпить! Ты выпей, да правду не забывай!

БОРИСЪ.

Ушла она, правда-ти съ міру!

1-ый КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ищи ее, правду-ти!

НИКАНДРЪ.

Ничего не ушла! Невозможно ей съ міру уйдтить.

3-ій КРЕСТЬЯНИНЪ.

Какъ ей уйдтить?!...

ЕВЛАНЪ (*со вздохомъ*).

Не слыхать что-то, братцы!

НИКАНДРЪ.

Правильно, давно не слыхать... А почему я вамъ скажу!

ВМѢСТѢ.

1-ый КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ну-ка, дѣдъ, скажи!

2-ой КРЕСТЬЯНИНЪ (*садясь*).

Послухаемъ!..

ЕВЛАНЪ (*съ улыбкой*).

Дѣдъ, братъ, у насъ знаетъ...

(*Дѣдъ начинаетъ разсказывать. Крестьяне внимательно слушаютъ. Во время разсказа Никандра, съ разныхъ сторонъ, постепенно, подходятъ крестьяне. Одни побѣднѣе, другіе побогаче одѣты. Выходятъ бабы, ребятишки, группируясь слѣва, поодаль. Подъ конецъ разсказа вся сцена заполняется народомъ*).

НИКАНДРЪ.

Жили, сталъ быть, братцы, двѣ сестры: правда и кривда... Жили по началу, какъ махонькія были несмысленышы, дружно... Хорошо-о!.. Подросли мало-маля, видятъ не стало у нихъ промежду сея ладу. Все ссора, все брань, чуть не поножовщина...

БОРИСЪ (*съ интересомъ*).

Такъ, такъ!?

НИКАНДРЪ.

Да!.. И разойшлись, братцы вы мои, онѣ въ разныя стороны свѣту

бѣлаго... Долго-ли, коротко-ли онѣ жили врозь,—кто знатъ!.. Только идетъ однова кривда по базару. Идетъ она нарядная: въ парчѣ да бархатѣ, въ ушахъ изумруды горятъ, на шеѣ—жемчугъ бурмицкій. Изъ себя видная, грудастая, изъ лица бѣлая, румяная!.. Всѣ ей въ поясъ кланяются, а она и бровью не ведетъ. Смотритъ кривда, а на встрѣчу ей идетъ нищенка въ отрепьяхъ: вся дырьями изукрашена. Худая, въ чемъ душа держится. Кожа да кости! Попросила нищенка у кривды милостынку... Кривда по голосу-то и признала сестру свою, правду...

Евланъ.

Ишь ты, братецъ ты мой!

Никандръ.

Да... Признала и говоритъ: «Кака, молъ, ты худая, сестрица!..» А правда ей на отвѣтъ: «Я, гырть,—два дня не пила, не ѣла, сестрица». Позвала кривда правду въ трактиръ... Сѣли онѣ за столъ... Распорядилась кривда подать чаю, сахару, пироговъ, блиновъ, сладкой водочки! Все, какъ надо! Накормила сестру досыта, встаетъ изъ-за стола, идетъ изъ трактира. Услужающій къ ей: «пожалуйте, молъ, за напитое за съѣденное!..» Какъ напустится на него кривда: «Какъ, молъ, ты смѣешь меня порочить! Я, гырть, теѣ за все отдала цѣлыхъ шесть гривенъ...»

Евланъ.

Ахъ ты, сдѣлай милость!

Никандръ.

Сказано—кривда, кривда и есть! Буфетчикъ тожа на услужающаго напустился: «Ахъ, ты, такой-сякой, хорошихъ гостей морочишь! Прогнать тебя, мошельника!» Заплакалъ малый и говоритъ: «Гдѣ-жъ ты, правда?!»

Борисъ.

Это половой-то?

Никандръ.

Да!.. А правда-то ти-и-хи-и-мъ голосомъ и промолвила: «Здѣся я, братъ, да закормлена, запоена; сказать ничего не смѣю!..»

Вмѣстѣ.

Борисъ.

Ишь ты!

Евланъ.

Вѣрно, дѣдъ!

1-ый крестьянинъ.

Дѣдъ мимо слова не молвитъ!

Никандръ.

Съ той поры, братцы, правда-ти робка и стала!

Вмѣстѣ.

1-ый крестьянинъ.

Пожалуй, такъ оно и есть!..

2-ой крестьянинъ.

Извѣстно—закормлена, а то какжа!..

Зарцовъ.

Глупство все это... Побасенки!..

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣ же и Дмитрій.

Дмитрій (*выходя на крыльцо и почесываясь*).

Всѣ, что-ли, братцы?.. (*зѣваетъ*).

Евланъ.

Надыть всѣмъ быть... (*къ толпѣ*) Всѣ, что-ли?!

Толпа.

Всѣ, знать!.. Всѣ!.. Зачинай!.. Со Господомъ!.. Время... Чего мѣшкать!

Борисъ.

Ульяны нѣтъ, братцы!

Дмитрій.

Подойдетъ...

Толпа.

Подойдетъ!.. Вѣстимо!.. Семеро одного не ждутъ. Знамо не ждутъ!..

Зарцовъ.

Зачинай, староста!.. Чего тутъ изъ-за бабы валандаться...

Борисъ.

Не терпится, братцы, Гришкѣ!

1-ый крестьянинъ (*насмѣшливо*).

Нутро у его требуетъ, чудакъ!

Дмитрій (*льниво*).

Такъ какжа, міряне, касаемо обрѣзковъ?..

Борисъ.

Нарови по душамъ, братцы... Безъ обиды!..

Крестьяне-бѣдняки.

Извѣстно, безъ обиды!.. Ровняй всѣхъ... По Божьи. Какъ лонишній годъ, такъ и таперя!.. Вѣстимо!.. Ровняй всѣхъ... Подъ одно... Мнѣ полтора лаптя у дороги!.. Петру—кусты!..

Крестьяне-богатѣи.

Сдавай на кортъ!.. Чего еще съ ими возжаться! Загалдѣли, галманы!.. Разлюбезное дѣло—сдалъ и конецъ!.. Варламу-ти косячекъ къ рѣчкѣ... Слѣдствуетъ... Дивствительно [1]).

ЯВЛЕНІЕ 19.

Тѣ же и Варлаамъ.

(*Варлаамъ поспѣшно входитъ слѣва, съ перваго плана, кланяясь и поправляя растрепанные волосы*).

Варлаамъ.

Не обдѣлите, православные, молельщика-то за грѣхи ваши!.. Не обижайте,—Господь васъ самихъ не обидитъ!.. Мнѣ уголокъ къ рѣчкѣ. Малый уголокъ, нестоющій!..

---

[1]) Во все продолженіе сходки голоса богатѣевъ раздаются въ защиту Улыбина, вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Зарцовымъ.

Толпа.

Ишь ты, лакомый!.. Къ рѣчкѣ ему!.. Трава-то тамотка, знашь-ли, кака!.. Спорая... Густая!.. Что говорить!.. Молельщикъ!.. Надоть-бы, братцы, Варламу-ти...

Борисъ.

А Ульяну-то, братцы, забыли?..

Толпа.

Зачѣмъ забывать!.. Какъ можно!.. Надоть и Ульянѣ на сиротство... Ровняй по правилу!.. Варламу полоску у дороги, Ульянѣ къ рѣчкѣ.. На ко-ся выкуси!.. Къ рѣчкѣ!.. Вонъ Петра-ти тожа обдѣленъ... Ничего не обдѣленъ... Толкуй еще!..

ЯВЛЕНІЕ 20.

Тѣ же и Ульяна.

(*Ульяна выходитъ слѣва, проходитъ впередъ и останавливается въ толпѣ, сложивъ подъ запономъ руки*).

Дмитрій.

Вотъ тожа Егоръ Михайловъ сходственно...

Зарцовъ.

Отдавай Улыбину!.. Чего еще...

Борисъ.

Пожди, братъ!.. Ишь ты какъ разойшелся!..

Толпа.

Свой своему поневолѣ братъ!.. Кабашная затычка!.. Отдадимъ, братцы, Улыбину, чего еще.

Ульяна.

А я на васъ въ надеждѣ, міряне... Чай вдовку-ти не обидите. Полоска выпала, сами знаете, неровная!.. Прикиньте на сиротство вдовѣ на малыхъ дѣтушекъ! (*кланяется міру въ поясъ*). Не обидьте, міряне!

Толпа (*дружно*).

Знамо дѣло,—не обидимъ!.. Чать, помнимъ наказъ Ивана!.. Правильный былъ мужикъ! Ульянѣ, братцы, къ рѣчкѣ дадимъ!.. На сиротство!.. Господь съ ей!.. Какъ бы не такъ!.. Раздобрились, голыши!..

Варлаамъ (*выкрикиваетъ среди общаго говора*).

Православные!.. Міряне!.. Я-то что говорю!.. Молельщику-ти!.. На четверть расшибусь!..

Толпа.

Ладно!... Зря тожа... По правдѣ надоть .. Не какъ-нибудь... Ври больше!.. Чего еще?.. Четверть, братцы!..

Дмитрій (*среди шума*).

Зря разсуете, лѣшманы!.. Толку въ васъ нѣту!..

Толпа (*громко*).

Дядя Митрій, не криви!.. Не криви!.. Правильно веди сходъ!.. Толкъ, братъ, есь, да не втолканъ весь!.. Не обижай сиротъ!.. Богу отвѣтишь!.. Вѣстимо!.. На сторону толстосумовъ не гни!.. Помни Бога-ти... Улыби-ину!.. На-кося!.. Богатѣи-черти!.. Все имъ мало!..

ЯВЛЕНІЕ 21.

Тѣ же и Улыбинъ.

(*Улыбинъ выходитъ слѣва съ перваго плана*).

Улыбинъ (*весело*).

Эхъ, братцы, глотокъ-то вы нисколько не жалѣете! На всю округу стонъ стоитъ!.. Божа мой!.. (*подходя къ Дмитрію*) Чего не подѣлили?

Дмитрій (*среди шума толпы*).

Съ отрѣзками, вотъ...

Борисъ.

У насъ глотки-то свои, не купленныя!..

Толпа.

Намъ хошь бы что... Го-го-го!.. Мужикъ въ задоръ войдетъ,— глотки не жалѣетъ!.. Само собой!.. Мірское дѣло, извѣстно!.. Чего ее жалѣть!..

Дмитрій (*во время говора*).

Безъ толку, молъ, орете-то!.. Вонъ Улыбинъ даетъ трешню да полведра за отрѣзки, на что лучше...

Улыбинъ.

Я, братцы, согласенъ!.. Куда ни шло!.. Оно хоша мнѣ и не съ руки... А для ради обчества могу пожертвовать зелененьку бумажку и полведра.

Толпа.

Постой, братъ, пожди!.. Полведра и трешня! Вѣстимо отдать Улыбину надоть! Видимая польза!.. Трешня!..

Борисъ.

Кака польза-ти, лѣшіе!.. А правду забыли, сталъ быть... По-о-ль-за!..

Никандръ.

Братцы!.. Міряне!.. Не льстись на водку... Разсудите... Міръ—великъ человѣкъ... Не надоть обиждать сиротъ... Вдова она, Ульяна-то... Мужъ старостой пять годовъ ходилъ... Померъ, что мозолями досталъ, то ей и оставилъ... Копѣйкой мірской не попользовался...

Толпа.

Пра-а-вильно!.. Мужикъ былъ тверд-о-ой!.. Дѣдъ, братцы, зря не скажетъ... Старикъ, братъ... Енъ, братъ...

Зарцовъ (*среди говора толпы*).

Въ Питерѣ у насъ стариковъ нонѣ мѣняютъ на быковъ!.. Такъ-тося!

Толпа.

Ульянѣ—отрѣзокъ, а прочіе—Улыбину! Пятишню дастъ—пусть владѣетъ... Оно слѣдствовало бы съ его ведро... Знамо дѣло!.. Ведро и пятишню. Даешь, что-ли, Улыбинъ, ведро?

Улыбинъ (*насмѣшливо*).

Опасаюсь, міряне!.. Облопаетесь неравно съ ведра-то...

Толпа.

Небось, братъ!.. Выпьемъ!.. (*насмѣшливо*) Улыбинъ-то блюдетъ насъ!.. Жа-а-ало-сли-вой!..

Варлаамъ (*среди шума выкрикиваетъ*).

Православные, за отрѣзокъ—полведра!

Дмитрій.

Вы то возьмите,—трешня-то она въ подать пойдетъ... Польза видимая... обчеству...

Толпа.

Видимая польза... Видимая!.. Отдаемъ Улыбину... Владай... Получай, Улыбинъ!.. Борода, не грѣши!..

Борисъ.

Эхъ, и дуракъ, братцы, у насъ староста!.. Только по бородѣ и староста!.. Обломъ, какъ есть!..

Дмитрій.

Ладно-о... По бородѣ!.. Мнѣ за васъ, идоловъ, надоѣло въ кутузкѣ сидѣть... Кажный разъ съ податями-то, знашь-ли, кака мука! Сбирай съ васъ, съ пьяныхъ мордовъ, съ голоштанныхъ!.. Много-ли наберешь?!

Толпа.

Отдаемъ Улыбину!.. Ишь тверезый выискался!.. Пятишню давай и полведра!.. На меньшимъ не миримся!.. Ульянѣ отрѣзокъ!.. Петру-то, Петру!.. Мнѣ-то, братцы!.. Бери, Улыбинъ! Посылай за водкой-то!.. Пятишня и ведро!.. На меньшимъ не согласны!.. Не согласны!..

Ульяна (*убѣжденно*).

Міряне! Неужъ-ли вы меня, вдову, обидите?! На его водку позаритесь,—правду порушите!

Толпа.

Зачѣмъ правду рушить... Какъ можно... Выгода видимая... На подать!.. Отрѣзокъ Ульянѣ, братцы, прочіе которые Улыбину! Ровняй по душамъ!

Улыбинъ (*громко и весело*).

Эхъ, гдѣ наше не пропадало!.. Уважаю міръ! Пятишня и полведра!.. Идетъ, что-ли?!

Толпа (*дружно*).

Идетъ!.. Чего еще!.. Согласны!.. Отдаемъ!.. Не по правилу, братцы!.. Посылай за водкой!.. Идетъ!.. Согласны!.. Отдаемъ!..

Борисъ.

Нѣтъ, стой, погоди, братцы!.. Что дѣлаете... Я за правду!..

Улыбинъ.

Зарцовъ, дѣйствуй, братъ!

ЗАРЦОВЪ (*уходя*).

Живымъ манеромъ!.. (*уходитъ, разталкивая толпу*).

УЛЬЯНА (*среди шума*).

Продали правду за водку!..

ВАРЛААМЪ (*съ злобой плюетъ*).

Тьфу!.. Оглашенные!.. Грѣховодники!.. Пьяницы!

УЛЬЯНА (*указывая на Улыбина*).

Про его и рѣчей нѣтъ!.. Онъ послѣднюю рубаху съ человѣка сниметъ,—не сморгнетъ, безстыжая образина! А вы-то: міръ—неча сказать!.. Не меня грабите,—сиротъ!.. У ихъ изо рта кусокъ рвете!..

ТОЛПА.

Вѣстимо, — сиротъ!.. Не согласны!.. Нѣтъ!.. Уважь, Улыбинъ, — отдай отрѣзокъ Ульянѣ! А пятишня-то—запамятовали! Ахъ, лѣшіе!.. Пра, лѣшіе!.. Пятишня она тожа... На подать.. Пятишня, братъ!.. Пятишня!..

БОРИСЪ.

Чего орешь-то!.. Безтолочь!..

УЛЬЯНА (*горячо*).

«Пятишня»! Эхъ, у васъ шары-ти на ее разгорѣлись!.. Попадетъ она вамъ въ руки, какжа! Держите карманы шире!.. Подставляйте!.. Всю пропьете! Да и своихъ приложите! Зипунишки-то всѣ у его въ кабакѣ! Скоро рубахи женины въ закладъ къ ему понесете!

ТОЛПА ЖЕНЩИНЪ.

Вѣрно, Ульяша!.. Правильное твое слово!.. Пропойцы!.. Знамо дѣло, своихъ приложатъ. Остатнее пропьютъ!..

ЕВЛАНЪ (*строго на бабъ*).

Кышь вы!.. Засадъ вамъ въ глотки!.. Ишь раскудахтались!.. Кышь!

УЛЬЯНА.

Путами онъ васъ опутлялъ, дураковъ! Весь міръ въ кулакъ зажалъ. Сами къ ему въ петлю лѣзете, никто не тянетъ... Спокаетесь опосля, да поздно будетъ!

ТОЛПА.

Вѣрное слово!.. Гляди, и то вѣрно, братцы... Чего вѣрно-то?.. Въ кабалѣ и есть!..

ЕВЛАНЪ.

По всей округѣ Улыбинъ бушуетъ!

УЛЫБИНЪ.

Ты-то, Евланъ, чего глотку дерешь? Аль хошь, я тѣ заткну ее!

ЕВЛАНЪ (*задорно*).

А-ну-кось заткни!.. Я погляжу!..

УЛЫБИНЪ.

Ты долгъ бы мнѣ прислалъ!

ЕВЛАНЪ.

Долгъ?..

Улыбинъ.

Да!.. Синеньку на подать бралъ!.. Аль запамятовалъ?

Толпа.

Улыбинъ, брось!.. Полно!.. Въ составъ не входитъ!.. Пятишня-ау, братцы!.. Знамо дѣло, пропьемъ! Вѣстимо!.. Лядъ съ ей!..

Дмитрій (*во время говора*).

Такъ я и дамъ пятишню!..

Улыбинъ (*весело*).

Эхъ, мужички!.. Своего разуму нѣту,—бабьимъ умомъ живутъ!.. Ай, молодцы!.. Бабье-ли дѣло мужиковъ учить!..

Толпа.

Что-жъ, что баба!.. Она можетъ... Она, братъ, завсегда можетъ!.. Тьфу, черти!.. Право, черти!.. Ульяна у насъ на линіи мужика!.. Надѣлъ тянетъ, подать несетъ!.. Мірская она баба!.. Десятскій она у насъ!

Дмитрій.

Баба,—баба и есь!.. Зря брякаетъ!..

Борисъ.

Не грѣши, Митрій!.. Кривишь, братъ!

Улыбинъ (*насмѣшливо*).

Волосъ дологъ, да умъ коротокъ!..

Ульяна (*Улыбину*).

Не глушѣй тебя,—небось! Да и совѣсть есть! Ты, безстыжіе твои глаза, совѣсть-то давно подъ пятку спряталъ!.. Тебѣ безъ стыда—полгоря! Отца родного продашь,—не спокаешься!

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣ же и Зарцовъ.

(*Зарцовъ пробивается черезъ толпу съ боченкомъ подъ мышкой*).

Зарцовъ (*расталкивая толпу*).

Разступись, братцы!.. Сама водка пришла!

Толпа.

Несетъ, братцы!.. Го-го-го!.. Вотъ она, матушка! Ай, Зарцовъ!.. Раздавимъ стакашку!.. Пей не хочу! (*толкутся около Зарцова*) Живо скомандовалъ!.. Молодчага!..

Ульяна (*сильно*).

Обрадовались!.. Міръ—неча сказать!.. Пропойцы!.. Сиротскія слезы дойдутъ до Бога! Отплатится вамъ!.. (*со слезами, злобно*) А съ Улыбинымъ я посчитаюсь!.. Уважу его!.. Будетъ меня во вѣкъ помнить!

Улыбинъ.

Присвидѣтельствуйте, міряне!

Толпа.

Полно, Ульяна, зря брякать!.. Эхъ, сердце у бабъ неуимчивое!.. Ишь разгорѣлось!.. Чего еще!..

Борисъ.

Не по правдѣ поступаете, братцы!

Евланъ.

Митрій, неси, что-ль, стаканчики!

(*Дмитрій уходитъ въ избу и скоро возвращается со стаканчиками*).

Евланъ (*Ульянѣ*).

Потуши сердце, Ульяна! Выпей съ міромъ!

Ульяна (*сильно, со слезами*).

Пейте сами!.. Жадны оченно до водки!.. Заливайте мірскую совѣсть-то, заливайте!.. Ненасытныя ваши утробы!.. Бездомовники!..

Зарцовъ (*громко и весело*).

Господи, благослови!.. Подходи, что-ли, братцы!.. (*наливаетъ вино въ стаканы*).

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Декорація второго дѣйствія.

(*Вечеръ, часовъ около десяти. Небо облачное. На деревнѣ раздается звукъ отбиваемой косы. У дома Ульяны на плетнѣ развѣшано бѣлье*).

ЯВЛЕНІЕ 1.

Митродора, Ульяна, затѣмъ Симка.

(*Митродора сидитъ на заваленкѣ у дома Ульяны. Ульяна, съ косой на плечѣ, выходитъ справа*).

Митродора (*увидавъ Ульяну*).

Наработалась-ли, Ульяша?

Ульяна (*подходя*).

Наработалась, баушка! Вдосталь! (*ставитъ косу и садится рядомъ съ Митродорой*).

Симка (*высунувшись изъ окна*).

Мамка, телушка опять не пришла.

Ульяна.

О?.. Ахъ, хранцъ ее расшиби! Шатущая, сгинь она! Бѣги, Симушка, погляди по канавамъ; обаполо дороги нѣтъ-ли?

Симка.

Ладно-о... (*закрываетъ окно*).

Ульяна (*съ досадой*).

Пастуховъ наняли—неча сказать! Одинъ старъ—ничего не видитъ, другой—малъ, не смышленъ.

Митродора.

Каки пастухи! Что съ ихъ возьмешь?

ЯВЛЕНІЕ 2.

Митродора, Ульяна и Афимья.

(*Афимья съ граблями выходитъ справа*).

Ульяна (*увидавъ Афимью*).

Афимьюшка, ты часомъ не видала-ли моей телушки?

Афимья (*подходя*).

Нешто не пришла со стадомъ?

Ульяна.

То-то нѣту. Ненасытная! Жрать больно здорова. За цѣльный день не наѣстся!

Митродора.

Ты отколь бѣжишь-то, Афимья?

Афимья.

На улыбинской поймѣ сѣно гребла. Домой бѣгу... Своя работа стоитъ, а мы на Улыбина, знай, работаемъ, не покладаючи рукъ.

Ульяна.

Всѣхъ закабалилъ, какъ есть! Улыбинская барщина! На мочалкѣ все Верхополье удавилъ.

Афимья.

И съ чего, дивлюсь, онъ такую силу забралъ?

Ульяна.

Все черезъ водку. Опоилъ праславныхъ и грабитъ... Стрижетъ, какъ барановъ.

Митродора.

Водка-то она водкой... А взялся онъ, милыя, черезъ женитьбу. А откудова у Улыбихи капиталы,—меня спросите. Я знаю!.. да! Все на моей памяти было... Пріѣхала къ намъ Улыбиха въ Верхополье, съ своимъ первымъ мужемъ, съ Агафономъ-то, на тележкѣ. Всего добра у ихъ было съ кукишъ. Наняли они у Пётры избу и зажили. Мелкимъ торгомъ займались. Хорошо! А у Пётры-ти въ домѣ, его дѣдушкой, Харламомъ,—правильный былъ старикъ, крѣпкій,—кладъ былъ зарытъ...

Вмѣстѣ

Ульяна.

Вишь ты!

Афимья (*съ интересомъ*).

Да, да, да!

Митродора.

Пётра-то весь дворъ перерылъ: подполье, крыльцо снялъ,—не дается кладъ въ руки, да и шабашъ...

Афимья.

Слово знать надоть.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Митродора, Ульяна, Афимья и Симка.

(*Симка въ рваномъ полушубкѣ, въ шапченкѣ, выходитъ на крыльцо и прислушивается, прижавшись къ углу*).

Митродора.

Пётра и видѣлъ его, кладъ-ти, да взять не умѣлъ... Вышелъ онъ однова ночью на крыльцо, милыя, а къ ему подъ ноги, прямехонько-таки подъ ноги, огненный шаръ катится.

Афимья (*удивленно*).

А-а-а!..

Митродора.

Онъ смекнулъ въ чемъ дѣло-ти... Перекрестился, нагнулся взять-то его, а онъ заверещалъ, да въ землю и ушелъ...

Ульяна (*убѣжденно*).

Креста-то ему класть не слѣдъ было!

Митродора.

Да. Не умѣлъ взять... А Улыбиха-то, милыя, вотъ сама разсказывала... Пётра-то померъ, домъ-ти они купили. Кабакъ открыли. «Сижу, сталъ быть, я, гырть, за стойкой, и откуда ни возьмись, ягненокъ махонькой... бурчатый такой. Идетъ прямо на меня. Взяла, гырть, я его на руки и въ огородъ!» (*таинственно*). Такъ вотъ, должно, Улыбиха тутъ-то и... да!..

Ульяна.

Кладъ-то, стало, ягненкомъ обернулся?

Митродора.

Да ужъ!.. Тутъ въ скорости Агафонъ-ти померъ. Она въ домъ къ себѣ Егорку приняла... Такъ-то, милыя... Вотъ она взялась откудова.

Афимья.

Съ ягненка бурчатаго?.. Поди-жъ ты!

Ульяна.

И живетъ таперича не похрюкиваетъ!

Афимья.

Чего имъ дѣется! Грабятъ, какъ нельзя лучше. На поймѣ седня, почитай, вся деревня у его на косьбѣ... У Егорки-ти.

Митродора.

Твой Григорій тамо-тка?.. Коситъ?

Афимья (*съ горечью*).

Тамотка... Да кака отъ его работа, отъ пьяницы... другимъ только мѣшаетъ. Седня со схода-ти на зарѣ пришелъ. Всю ночь на деревнѣ гомонъ стоялъ!.. Чай, слышали?

Ульяна.

Когда не слыхали? Подъ моимъ окномъ всю ночь хороводились.

Симка (*оживленно*).

Мужики-ти повздорили, да разодрались, тетка Афимья! Евланъ-ти, ка-а-акъ ляснетъ Григорья твоего по скулѣ,—такъ онъ и повалился. Какъ пить далъ! А Григорій-то Евлана за бороду схватилъ, да и...

Ульяна (*строго, перебивая*).

А ты тутъ еще! Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ! Бѣги скорѣя телушку ищи!

Симка (*недовольный*).

Гдѣ-жъ ее ночью сыщешь?

Ульяна.

Бѣги, говорю! По канавамъ, край дороги погляди нѣтъ-ли? Бѣги!

Симка (*уходя, недовольный*).

«По канавамъ»... Найдешь ее, какжа!.. (*уходитъ*).

Афимья.

Мой-то на улицѣ буянилъ, да и дома-то пришелъ войну поднялъ! Дымъ коромысломъ!.. Меня избилъ, рабятъ всѣхъ переполошилъ. Не приведи Богъ! На сторонѣ жилъ,—горевала съ рабятками. Изъ послѣднихъ жилъ тянулась... А таперича и навовся хошь умирай!.. Въ деревнѣ жилъ,—нужду терпѣли. Да, по крайности, самъ-отъ человѣкъ былъ. Работникъ, тихой, совѣстливой...

Митродора.

Что говорить!.. Мірской былъ человѣкъ, хозяинъ вполнѣ!

Афимья.

Изъ Питера пришелъ,—балда балдой... Изъ кабака не выходитъ.

Ульяна.

Ровно подмѣнили мужика-то! Право слово, подмѣнили!

Афимья.

Какъ порченный какой... Вовся безъ понятія... Все въ кабакъ снесъ. Ни одежи, ни струменту, ни синь пороху! Одни рабятишки въ избѣ. Только всего и богачества нашего! Пятеро, вѣдь, Ульянушка, пятеро! А работница-то я одна. Отъ его окромя ущербу ничего. Другой разъ такъ-то посмотришь,—у другихъ дѣтишки помираютъ,—плачутъ, убиваются. А меня зависть беретъ. У людей помираютъ, а мои живутъ, пропасти на ихъ нѣту! Рожи-ти какія толстущія!

Ульяна (*убѣжденно*).

Полно-ка грѣшить, Афимья! Чего говоришь?!..

Афимья (*со слезами отчаянія въ голосѣ*).

Да, вѣдь, милая, Ульянушка, затянулась я навовся. Нѣтъ моей моченьки! Хоть бы самой издохнуть, что-ли?! Всѣ жилы вытянули. Вонъ анадысь взяла у Улыбина пудъ муки,—седня поглядѣла—ни горсточки нѣтути. Всю слопали! Съ Миколы хлѣбъ забираю подъ работу у Улыбина. Выше головы забралась!..

Ульяна.

Къ Улыбину въ лапы попала—петля!

Афимья.

То-то и есть!.. Зимой, обаполо Крещенья, до чего дошла—сказать страшно. Голодно, холодно... на дворѣ вьюга завываетъ, а у меня въ избѣ дѣтишки голодныя воютъ: «мамка, дай хлѣбца»!.. Завернула Ма-

шутку въ полушубокъ, да и пошла къ кумѣ Аннѣ хлѣбца занять. Прихожу, а у ей Колька горлышкомъ померъ. Тепленькой лежитъ. Я Машутку-ти раздѣла, рядышкомъ съ имъ положила, да и давай по постелькѣ по евоной катать.

Митродора (*со страхомъ*).

А батюшки-и!

Афимья.

Какъ передъ Истиннымъ вамъ говорю!.. Думаю себѣ: «авось зараза пристанетъ,—помретъ Машутка»...

Вмѣстѣ

Ульяна.

Помутилась баба навовся!

Митродора.

Чего ужъ!

Афимья.

Какъ есь, милыя, помутилась... Сама-то голодна,—полгоря, да дѣтишки-то!.. Сердце расколомшись!.. Денно и нощно молила Бога, чтобъ прибралъ Машутку. Не умолила Создателя... Хошь бы что! Живетъ, да и ну!..

Митродора.

А ты не гнѣви Бога, Афимьюшка!.. Терпи... Противъ Бога не пойдешь!

Ульяна.

Извѣстно... Кажному свой крестъ данъ... Неси!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Борисъ.

(*Борисъ выходитъ слѣва, изъ глубины и, увидавъ бабъ, подходитъ къ нимъ*)

Борисъ (*подходя, шутливо-строго*).

Чего лясы-то точите?.. Дня вамъ не было? Не накалякались? Сказано—тараторки!

Ульяна.

А ты что за уставщикъ?!

Борисъ (*улыбаясь*).

Бабьимъ начальникомъ меня поставили! Чтобы, значитъ, не баловались!

Ульяна.

Ты бы лучше за мужиками смотрѣлъ, совѣсть не пропивали бы! Лѣшіе! Да, пра, лѣшіе!

Борисъ.

Погоди глотку-то распущать, погоди! Я къ тебѣ за дѣломъ пришелъ... Въ товарищи тея хочу взять, Ульяна, а ты лаешься...

Ульяна.

Въ каки-таки товарищи еще?

Борисъ.

Десятину лугу я у барыни рендовалъ. Красеньку бумажку отдалъ. Идешь, что-ли, въ половинѣ?

Ульяна (*обрадованная*).

Ой, Борисьюшка, ужъ и не знай, какъ сказать теѣ... Сумнительно... Маломощна я... Ой, вытяну-ли?

Борисъ.

Что заохала! Эхъ, баба!.. Вытянемъ, небось! Полоска сочная, важная, у рѣчки. Заливной лужокъ!..

Ульяна (*кланяясь*).

Спасибо, Борисьюшка!.. Примашь къ сеѣ въ половину,—какъ не взяться. Недохватка въ сѣнѣ-то... Ежели сообча...

Борисъ.

Извѣстно, сообча, а то какжа!

Митродора.

Бери, Ульяша, бери!.. Онъ не обидитъ... Мужикъ правильной...

Ульяна.

Спасибо, Борисъ, что меня, вдову съ сиротами, вспомнилъ... Спасибо, родной!

Борисъ (*конфузливо*).

Чего еще... Тожа Бога помнимъ... Крестъ на шеѣ есть... Ни навося одубѣли...

(*За сценой раздается голосъ Матрены*).

Матрена (*за сценой, приближаясь*).

Ахъ, толстомясый идолъ!.. Среди бѣла дня грабить стали! Нѣтъ, постой!.. Я тя умою! Сдѣлай милость!.. Я тѣ покажу, каки, таки есть права!..

Афимья (*заглядывая въ проулокъ налѣво*).

Никакъ Матрена съ кѣмъ-то бушуетъ?.. Она и есть.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же и Матрена.

(*Матрена, разсерженная, возбужденная, быстро выходитъ слѣва съ мѣшкомъ за плечами*).

Афимья.

Ты что, Матрена, будоражишься?

Матрена (*подходя*).

Да какжа, добрые люди,—посудите сами!.. (*ставитъ на землю мѣшокъ*). Принесла я нашей-то, толстомясой-то, холстъ. Дома вымѣрила, въ аккуратъ двадцать аршинъ. Точка въ точку! Стала она мѣрить: безъ одного двадцать... Ну, думаю, лѣшакъ съ ей. Гдѣ наша не пропадала!.. Пущай!.. Можа, думаю сеѣ, ей на гробъ, на покровъ пригодится. Взяла у ей муки полпуда. Тридцать пять копѣекъ отдала кровныхъ. Мука черная, затхлая, такъ отъ ей и разитъ духъ-отъ. Ничего и это... Мы привышны!.. Чего подѣлашь!..

УЛЬЯНА.

Вмѣстѣ: Хорошей-то съ осени не ѣдали!

МИТРОДОРА.

Вмѣстѣ: Чего ужъ.

МАТРЕНА.

Да, мы привышны, говорю! Ничего,—сомнемъ! Прикинула, добрые люди, на свой безмѣнъ: пятнадцать съ половиной фунтовъ!..

БОРИСЪ.

Экъ, мошенство!

УЛЬЯНА.

Песку, гляди, сколько!.. Хлѣбъ-отъ такъ на зубахъ и хруститъ.

АФИМЬЯ.

Эго ужъ само собой.

МАТРЕНА.

Я къ ей!.. Такъ и такъ, молъ: обвѣсила... А она,—параликъ ее расшиби: «ты, гырть,—отсыпала»... А я,—провались на мѣстѣ,—и мѣшкати не развязывала. Сичасъ умереть!.. Чуть не въ зашею меня прогнала. Ну, только, нѣтъ!.. Не та я баба!.. Я ей покажу права!.. Я ее, толстомясую дуру, доведу до дѣла!..

АФИМЬЯ (*усмѣхаясь*).

Вмѣстѣ: Какъ не довела?!

УЛЬЯНА.

Вмѣстѣ: Что имъ въ зубы-ти глядѣть!

МИТРОДОРА.

Вмѣстѣ: Безсудная земля!

МАТРЕНА (*энергично стучитъ въ окно къ старостѣ*).

Дядя Митрій!.. А, дядя Митрій!.. Лежень!.. Поворачивайся что-ли?!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ И ДМИТРІЙ.

(*Дмитрій съ всклокоченной головой высовывается изъ окна*).

ДМИТРІЙ (*въ окнѣ*).

Чего еще?.. Коего рожна тѣе?..

МАТРЕНА.

Прочухайся ты!.. Погляди, что у тя на деревнѣ дѣлается?! Косматый пёсъ, прочухайся!..

ДМИТРІЙ.

Спокою отъ васъ нѣту, отъ кляузовъ!.. (*зѣвая*). Чего тамъ?

УЛЬЯНА.

Обвѣсили бабу на три фунта,—вотъ чего!

ДМИТРІЙ (*лѣниво*).

Какъ такъ обвѣсили?.. Почему такому?

МАТРЕНА (*тараторя*).

А потому по самому, что жулики!.. Залили теѣ буркулы-ти водкой!.. Обтемнили тея, дурака, да и грабятъ народъ праславной!..

Дмитрій.

Полно врать-то.

Борисъ.

Да ты выдь на улицу-то, разбери дѣло!

Дмитрій (*льниво*).

Оно выйти можно... да что толку-то...

Ульяна (*съ досадой*).

Старостой называется,—обломъ!

Дмитрій (*выходя, зѣваетъ*).

Экъ, пропасти на васъ нѣтути... на кляузовъ.

Матрена (*крикливо*).

Прочухайся, говорю, косматый! Присвидѣтельствуй... Вотъ онъ мѣшокъ... Прикинь на свой безмѣнъ! Безмѣнъ—не Улыбихина душа, не обманетъ!.. Позови ее къ отвѣту!..

Дмитрій.

Кого еще?..

Матрена.

Толстомясую-то... Улыбиху!.. Я это дѣло не оставлю!.. Въ правленіе пойду. Къ земскому.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же и Улыбиха.

(*Улыбиха выходитъ изъ глубины слѣва и прислушивается*).

Матрена (*крикливо*).

Нѣшто это гдѣ показано: обвѣшивать. Я имъ права докажу!..

Улыбиха (*насмѣшливо*).

Ай, ай, ай!.. Страсти какія!.. На смерть испужалась!.. Какъ на ногахъ стою—не знаю!..

Матрена (*Улыбихѣ*).

Ты что представляешься?.. Святки еще не пришли!.. Ты вотъ отвѣть, зачѣмъ людей обвѣшиваешь?

Улыбиха.

Какая мнѣ нужда тебя, нищую, обвѣшивать! Сама дома отсыпала, да на другихъ валишь! Колотырка, колотырка и есть!

Матрена.

Врешь, толстомясая. Я еще ни въ чемъ не замѣчана! А тея всѣ знаютъ, что ты за золото!.. По всей округѣ отъ тея житья нѣтъ! Аспидъ ты эдакій.

Улыбиха (*кричитъ*).

Чѣмъ ты докажешь, чѣмъ?.. Какъ ты можешь меня порочить!.. Ты знаешь-ли, что я могу съ тобой за эсти твои слова сдѣлать?!

Матрена.

Ты зубы-ти не заговаривай! Они не болятъ у меня... Ты отвѣть, зачѣмъ обвѣшиваешь?!

УЛЫБИХА (*Дмитрію*).

Ты чего смотришь-то?.. Староста!.. Остепени хомутовку-то! Что она хомутаетъ на добрыхъ людей!

ДМИТРІЙ (*почесываясь*).

Чего тутъ... Кто васъ разберетъ...

БОРИСЪ.

На то ты староста.

МИТРОДОРА.

Само собой!

УЛЬЯНА (*энергично Улыбихѣ*).

Нахомутаешь на тея, какжа! Вы съ мужемъ всю деревню запутляли! Однова дыхнуть отъ васъ пельзи!

УЛЫБИХА (*накидываясь на Ульяну*).

А ты не встрѣвай въ чуже дѣло!.. Что встрѣваешь-то?! Больно бойка стала! Твое дѣло вдовье,—смирно бы жить, Богу молиться, а ты у женъ мужьевъ отбиваешь!..

УЛЬЯНА (*сильно*).

У кого я отбила?.. Говори, безстыжіе твои глаза, у кого?!

УЛЫБИХА.

Знаемъ мы у кого!.. Знаемъ!

УЛЬЯНА.

Нѣтъ, ты говори,—у кого?

УЛЫБИХА.

Припомни, съ кѣмъ анамнясь на пашнѣ-то встрѣлась? Припомни!

УЛЬЯНА.

Ужъ не съ твоимъ-ли Егоркой?.. Спроси-ка у Егора-ти, какъ я его, друга милаго, обласкала, ко бѣлой груди прижимала?.. Спроси!

УЛЫБИХА.

Нечего мнѣ спрашивать! Мнѣ люди добрые все разсказали! Знаю!

УЛЬЯНА.

Плюнь ты въ глаза тому, кто тѣ разсказывалъ!.. А муженька повѣсь сеѣ на шею! Повѣсь!.. Не смѣши добрыхъ людей-то!.. Кто на его, на эдакую харю, позарится?! Эхъ, цаца кака невиданна!.. Корява рожа... Конопатна!

(*Матрена, во время перебранки Улыбихи съ Ульяной, горячо разсказываетъ что-то Дмитрію*).

МАТРЕНА (*горячо*).

Что-жъ будетъ отъ тея какое рѣшеніе, отъ облома, али нѣтъ?

ДМИТРІЙ.

Откачнись ты отъ меня! Чего еще!..

УЛЬЯНА (*озлобленно*).

И ты тоже, Матрена, нашла у кого правды искать? Не знашь нѣшто, кака его правда?.. Кто сплевъ, да богатъ—тотъ и правъ! Криводушникъ онъ, а не староста! На сходкѣ за водку своихъ продаетъ, такъ чего ужъ!

Вмѣстѣ.

Борисъ (*махнувъ рукой*).

Какой къ лѣшему староста!

Митродора.

Знамо, криводушникъ!

Афимья.

Вѣстимо дѣло!

Матрена (*кричитъ*).

Я на его судъ найду!.. Жива съ имъ не разстанусь! Въ лепешку расшибусь, а правду найду!

Улыбиха (*въ одно время съ ней*).

Покричишь, покричишь, на томъ же и сядешь! Не стращай! Нисколько даже не страшно!

Дмитрій (*апатично*).

Экъ, кляузы.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же и Улыбинъ.

Улыбинъ (*выходя справа*).

Что за шумъ, драки нѣтъ?!

Улыбиха (*къ нему*).

Да вотъ хомутовка нахомутала! Отсыпала муку, да съ насъ ищетъ!

Вмѣстѣ.

Митродора.

Не грѣши, Ананьевна, не грѣши!

Матрена.

Врешь, псовка!.. Я и мѣшка не развязывала!.. Какъ былъ, такъ и есть!.. Нечего на другихъ сваливать, коли сами мошельники!

Улыбинъ (*хладнокровно*).

Постой... Пожди... Не ругайся... Объ чемъ разговоръ? Какая нехватка-то? Говори...

Вмѣстѣ.

Улыбиха.

Отсыпала она, колотырка!..

Матрена.

Трехъ съ половиной фунтовъ не тянетъ!

Улыбинъ.

Есть о чемъ скандалъ заводить.

Вмѣстѣ.

Матрена.

Не мука мнѣ дорога, а правда!

Улыбиха.

Колотырка ты!

Улыбинъ.

Полно ты брякать-то. Отсыпь ей три-то фунта. За Христа ради...

Матрена (*обидчиво*).

Мнѣ отъ тея, отъ грабителя, Христораднаго не надо! Я свое требоваю!

Ульяна (*насмѣшливо*).

Вашимъ-то подаяннымъ кускомъ неравно подавишься!

Улыбинъ (*строго Ульянѣ*).

А ты молчи! Не твое тутъ дѣло!

Ульяна (*со злобой*).

Какъ ни стала молчать!.. Приказчикъ какой! «Молчи!.. Не твое дѣло!..» Да я на всю волость буду зѣвать, что вы грабители! Не одну Матрену, всѣхъ вы насъ общелущиваете! Вчерась у меня лужокъ отбилъ, нынче Матрену обвѣсили, анадысь Микашку обсчитали! Міроѣды алачные!.. Толстосумы!

Улыбинъ.

Съ тобой говорить, чѣмъ больше, тѣмъ хуже! (*Улыбихѣ, съ досадой*). Иди, отвѣсь! Чортъ съ ей!

Матрена (*съ азартомъ*).

Чортъ-то съ тобой! А на мнѣ крестъ есть!.. (*поднимая мышокъ*) Я свое, братъ, не упущу,—небось!

Улыбиха.

Что ихъ баловать-то!

Улыбинъ.

Иди, иди!.. Сходку середь деревни сбили ночью. Изъ пустяковъ разговоръ заводить... Иди, говорю!

Матрена (*уходя*).

Вотъ такъ-то лучше! (*злорадно*). Пойдемъ-ка, голубушка, по-о-йдемъ!

Улыбиха (*уходя*).

Подавись тремя-ти фунтами, подавись!

Матрена (*злорадно*).

Зачѣмъ давиться-то!.. Съѣдимъ на доброе здоровье... Съѣдимъ со Господомъ... (*Матрена и Улыбиха уходятъ, перебраниваясь. Афимья уходитъ за ними; Митродора въ свою избу*).

Ульяна (*вслѣдъ Улыбихѣ*).

Вы нашимъ не давитесь!.. Какъ только утроба терпитъ,—сколь жрете!

Борисъ.

Диковина, братцы!

Дмитрій (*зѣвая*).

Я спать пошелъ... Завтра на луга чуть свѣтъ... Валандайся тутъ съ вами, съ кляузами... (*уходитъ*).

Борисъ.

И то ко дворамъ пора... (*Ульянѣ*) Такъ идешь въ половину, Ульяна?

Ульяна.

Иду, Борисьюшка, иду!

Борисъ.

Ну и ладно! (*Уходя*) Прощайте! (*уходитъ направо, въ проулокъ*).

Ульяна.

Прощай! (*уходитъ въ свою избу*).

Улыбинъ (*одинъ; говоритъ съ злобной досадой*).

Экъ, ужъ эста мнѣ Ульяшка!.. Въ кажное дѣло суется!.. Вездѣ ей надоть!.. Заноза! Всю деревню будоражитъ, горластая!.. Такое у меня на ее зло,—сказать не могу!.. Погоди... Я тѣ призведу-у!.. Смиришься... Тише воды, ниже травы... Погоди-и!.. Давно у меня для ей подарочекъ припасенъ... Я тѣ ува-а-жу!.. Дѣло обмозговано... А што, ежели таперича... А?.. (*смотря на развѣшенное бѣлье*) Оченно оно способно... Взялъ къ примѣру рубаху и крышка... Жди, когда еще такой другой случай подойдетъ... (*оглядывается, дѣлаетъ шагъ къ плетню, но останавливается и задумывается*) Чего еще?! На сходѣ при всѣхъ мнѣ грозила... вѣрная улика! (*раздумывая*) Да... ежели такъ... А-т-ли-чно-о...

ЯВЛЕНІЕ 9.

Улыбинъ и Зарцовъ.

(*Зарцовъ выходитъ справа и, увидавъ Улыбина, мнется на мѣстѣ, не рѣшаясь заговорить*).

Улыбинъ (*увидавъ Зарцова*).

Нѣшто эстому молодцу дѣльце найдти?.. Самъ просилъ... Кажись, подходящъ парень!.. Пожалуй, тутъ ошибки не будетъ?.. (*рѣшительно*) Григорій, подь-ка сюда!

Зарцовъ (*подходя*).

Сей минутъ! Что прикажешь, Михалычъ?

Улыбинъ (*осмотрѣвшись*).

Докончили, что-ль, пойму-ти?

Зарцовъ.

Готово дѣло. (*помолчавъ, робко просительно*) Выпить бы таперича, Михалычъ... съ устатку...

Улыбинъ (*задумчиво смотря на него*).

Нѣшто хочешь?

Зарцовъ (*со страстью*).

Страсть!.. Башка трещитъ, на нутрѣ, какъ огнемъ пышетъ... Божжа мой!

Улыбинъ.

Ска-а-жи, пожалуйста!.. Огнемъ, говоришь?

Зарцовъ.

Не приведи Богъ! Тяжко-о!.. Поднеси, что-ли. Заслужу!

Улыбинъ.

О?.. Заслужишь, говоришь?

Зарцовъ.

Что хошь!

Улыбинъ.

Коли заслужишь, — отчего не поднесть (*осматриваясь кругомъ*). Только напередъ о дѣлѣ покалякать надоть...

Зарцовъ.

Хошь—въ огонь, хошь—въ воду!

Улыбинъ.

Много-ли тебѣ, говоришь, денегъ надобно съ обчествомъ разсчитаться?

Зарцовъ (*помолчавъ и почесавъ въ затылкѣ*).

Четвертной билетъ надоть...

Улыбинъ.

Четвертно-ой!.. Денегъ куча!.. Какимъ же средствіемъ ты полагаешь достать его, напримѣръ?

Зарцовъ.

Какъ ни на есть оно того..

Улыбинъ.

Кого?

Зарцовъ.

Надоть доставать, молъ...

Улыбинъ.

Эсто безпримѣнно!.. Ни то осенью опять ложись!

Зарцовъ.

Да ужъ .. Вѣстимо!.. Нѣшто эти хамоидолы помилуютъ!.. Знамо, лягешь!.. И очень просто!..

Улыбинъ (*соболѣзнуя*).

Плохо твое дѣло, братъ!

Зарцовъ.

Чего хорошаго...

Улыбинъ (*понизивъ голосъ*).

Услужишь мнѣ,—дамъ! Дѣлать нечего!..

Зарцовъ (*обрадованно*).

О?!.. Неужто дашь?!

Улыбинъ.

Вѣрное слово,—дамъ!

Зарцовъ (*горячо*).

То-есть,—во какъ!.. Душу, кажись, загублю!

Улыбинъ (*оглянувшись*).

Сарайчикъ мой, знаешь?.. На отлётѣ-то отъ деревни. Обаполо ракиты...

Зарцовъ (*недоумѣвая*).

Сарайчикъ?.. Знаю...

Улыбинъ.

Пеньки тамъ у меня бездѣлица самая осталась. Сарайчикъ-то застрахованъ... (*смотря пристально въ глаза Зарцову*) Понялъ, что-ли?

ЗАРЦОВЪ (*нерѣшительно*).

Понять-то оно...

УЛЫБИНЪ.

Ну, понялъ, такъ дѣйствуй!

ЗАРЦОВЪ.

Боязко...

УЛЫБИНЪ (*убѣжденно*).

Ночь-матушка все покроетъ... Мѣсто глухое... Бож-жа мой,—темныя ночи... Анамнясь шелъ въ двѣнадцатомъ часу,—чуть на человѣка не наткнулся. Ни зги не видать!.. Укромное мѣсто... На отшибѣ... Ни собаки тебѣ тамъ, ни живой души!.. На деревнѣ, сичасъ всѣ, чай, легли...

ЗАРЦОВЪ (*нервно*).

А Богъ-отъ?

УЛЫБИНЪ.

Да, вѣдь, ежели бы ты душу губилъ... Сараишко лядащій, трухлый!..

ЗАРЦОВЪ.

А узнаютъ,—бѣда!

УЛЫБИНЪ (*увѣренно*).

Кому узнать-то... Чудакъ!.. Ночь, братъ, не выдастъ! Не мимо сказано: у ночи глазъ нѣтути!

ЗАРЦОВЪ.

Страшно!..

УЛЫБИНЪ.

Да ты хвати стаканъ, другой!.. Сразу обсмѣлѣешь!.. А какъ концы спрятать,—я тя научу! Ни какой дьяволъ не доганится. Какъ въ воду канетъ!.. Получишь четвертную бумажку — въ Питеръ!.. Готово дѣло! Чего тутъ еще!.. Со мной ты благопріятель, кому въ башку влетитъ,—самъ подумай!

ЗАРЦОВЪ.

Такъ-то оно такъ... Опаска беретъ, какъ бы...

УЛЫБИНЪ.

Хвати, говорю, стаканъ большой! Подемъ, я поднесу! У меня есть собенная!.. Не водка—сласть! Идемъ, что-ли?!

ЗАРЦОВЪ.

Двадцать пять, говоришь?

УЛЫБИНЪ.

Хошь,—сичасъ получай!

ЗАРЦОВЪ (*раздумывая*).

Шашнадцать за подати... Пять рублевъ Афимьи оставлю, дѣтишкамъ... Остальные на машину...

УЛЫБИНЪ.

И кончено дѣло! Уѣдешь въ Питеръ,—шабашъ. А концы я тя научу, какъ спрятать... Аккуратно будетъ,—небось! Дѣло вѣрное! Будь безъ сумлѣнія! Подемъ, что-ли! Хватишь стаканъ...

Зарцовъ (*оглядываясь, шепотомъ*).

Большой стаканъ дашь?

Улыбинъ.

Одно слово—пей не хочу! Во какъ! Подемъ!..

Зарцовъ (*безпокойно бѣгая глазами*).

Не обманешь? Нѣтъ?

Улыбинъ.

Да ужъ сказано слово,—крѣпко! Подемъ!

Зарцовъ (*съ нервной дрожью*).

Подемъ!.. Подемъ скорѣя!.. (*дѣлаетъ шагъ, намѣреваясь уходить*). Душа, братецъ, занялась!.. Такъ и палитъ!.. Ж-же-етъ!

Улыбинъ (*останавливая Зарцова*).

Постой-ка... (*осматриваясь*) Захвати-ка на случай рубаху... Вонъ на плетнѣ-то виситъ... Рваная-то!..

Зарцовъ (*удивленно*).

На кой тѣ рубаха?!.

Улыбинъ (*повелительно*).

Бери, говорю!.. Стало надо... Бери!

Зарцовъ (*озираясь*).

Брать, говоришь?.. Ну, инъ ладно... Не серчай!.. (*снимаетъ съ плетня рубаху*).

Улыбинъ.

Вотъ и ат-ли-чно!.. Подёмъ!.. Чего еще! (*уходитъ вмѣстѣ съ Зарцовымъ налѣво, въ проулокъ*)

(*Сцена нѣкоторое время пуста. Вдали сторожъ бьетъ въ доску*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Симка, потомъ Ульяна.

(*Симка выходитъ слѣва изъ глубины и подходитъ подъ окно своей избы*).

Симка (*плаксиво*).

Мамка!.. А, мамка... Мамка-жа!..

Ульяна (*открывая окно*).

Чего теѣ?..

Симка (*плаксиво*).

Телушки нигдѣ нѣтути. Всѣ мѣста изошелъ.

Ульяна (*въ окнѣ*).

Ахъ, прахъ ее возьми, проклятущую!.. Иди, Симушка, въ избу, покачай рабенка. Я сама пойду поищу. (*выходя на крыльцо*) Иди, Симка, домой; иди, сынокъ!

(*Симка уходитъ въ избу*).

Ульяна (*съ полушубкомъ на плечахъ*).

Вотъ животина! Волки бы тя задрали, обжору!.. Шатущая! (*идетъ къ околицѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Ульяна, Катерина и Марина.

(*Слѣва изъ проулка выходятъ Катерина и Марина, босыя, въ свиткахъ, съ палками въ рукахъ*).

Катерина (*громко*).

Что за человѣкъ?

Ульяна.

Свой.

Марина.

Ульяна, ты, что-ль?

Ульяна.

Я... А вы что тутъ шумите?

Катерина.

Нѣшто не видишь,—дозоръ.

Ульяна (*улыбаясь*).

Что за дозоръ,—босой!

Катерина (*смѣясь*).

Отъ воровъ удирать способнѣй.

Марина.

За то съ палкой! (*поднимая палку*) Эвося!

Катерина.

Ты куда, Ульяна, на ночь глядя, собралась?

Ульяна.

Телушка сгинула, окаянная!.. Спмка всею дорогу избѣгалъ,—нѣтути! Иду поглядѣть, за деревней нѣтъ-ли? (*уходитъ нальво въ глубину*).

(*Катерина и Марина проходятъ въ проулокъ направо*).

(*Мертвая тишина. На улицѣ ни души. Тьма полная. Спустя нѣкоторое время слѣва на небѣ показывается легкое зарево*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Зарцовъ (*одинъ*).

(*Зарцовъ, согнувшись, быстро пробирается слѣва вдоль околицы. Дойдя до отвода, онъ останавливается, обертывается и, выпрямившись, смотритъ нальво за кулисы*).

Зарцовъ (*нервно-испуганно*).

Занялся!.. (*со страхомъ*) Пошло полыхать! (*растерянно оглядываясь*) Куда-жъ таперя? Никого, кажись, нѣтъ?! Страшно!.. Трясетъ всего!..

(*Зарево разгорается*).

Зарцовъ (*испуганно оглядываясь*).

Ой, какъ чиститъ!.. (*быстро бѣжитъ ко двору Ульяны*) Скорѣя! Пока народъ спитъ!.. Господи благослови! (*боязливо оглядываясь, перепрыгиваетъ черезъ плетень на дворъ къ Ульянѣ*).

(*Вдали частый стукъ трещотки*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

КАТЕРИНА и МАРИНА.

Катерина и Марина пробѣгаютъ справа налѣво, въ глубинѣ.

КАТЕРИНА (*испуганно*).

Вмѣстѣ. Пожаръ!.. Пожаръ!..

МАРИНА.

Никакъ Улыбинъ горитъ!.. (*убѣгаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

БОРИСЪ.

(*Борисъ въ рубахѣ, безъ шапки, быстро выбѣгаетъ справа изъ глубины, останавливается, смотритъ одну секунду въ проулокъ налѣво*).

БОРИСЪ (*выбѣгая на средину*).

Пожаръ!.. Горимъ!.. Дядя Митряй!.. Вставай скорѣя!.. Гдѣ лошади-то?! Выводи! Бери струментъ! (*бросаясь къ бочкамъ*) Скорѣя, братцы!

ЯВЛЕНІЕ 15.

БОРИСЪ, ЕВЛАНЪ, 1-ый и 2-ой КРЕСТЬЯНЕ.

(*Евланъ выбѣгаетъ слѣва, 1-ый и 2-ой крестьяне справа*).

ЕВЛАНЪ.

Улыбинскій сарай горитъ!.. Вѣтеръ на насъ!

1-ый КРЕСТЬЯНИНЪ.

Сушь!.. Оборони, Господи!

2-ой КРЕСТЬЯНИНЪ.

Гдѣ староста-то?! Ахъ, окаянные! Ничего не припасено! Ходъ сняли, дьяволы!

ЯВЛЕНІЕ 16.

ТѢ ЖЕ, ДМИТРІЙ, затѣмъ МИТРОДОРА.

ДМИТРІЙ (*выходя на крыльцо*).

Никакъ гдѣ то пожаръ, братцы?..

(*Митродора быстро выходитъ, съ иконой въ рукахъ, и становится лицомъ къ зареву*).

МИТРОДОРА (*испуганно*).

Заступи, Царица небесная!.. Не попусти, батюшка, Микола Угодникъ!

БОРИСЪ (*Дмитрію*).

Чего стоишь-то?! Буркулы вытаращилъ! Гдѣ лошади подъ струментъ! Идолъ!

ДМИТРІЙ (*растерянно*).

Лошади въ полѣ, братцы!..

БОРИСЪ (*выдвигая бочку изъ подъ навѣса*).

«Въ полѣ»! Эхъ ты, орясина! Староста!.. Драть тя на шестъ! Очумѣлый идолъ!

ЯВЛЕНІЕ 17.

Тѣ же, нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ.

(*Крестьяне съ топорами, баграми, ушатами; бабы съ ведрами, постепенно выбѣгаютъ на сцену. Одни пробѣгаютъ торопливо черезъ сцену, другіе хватаютъ подъ навѣсомъ инструменты, багры, лѣстницу и уносятъ налѣво. Общій гвалтъ, испугъ. Вдали трескъ пылающаго пожара. Отдаленные звуки набата*).

Толпа.

Бери багры-ти! Разбирай, что-ли! Ванька! Кудластый, бѣги за лошадьми! Улыбинъ горитъ, братцы!.. Вѣтеръ, какъ есть, на насъ! Оборони, Господи!.. Безтолочь, ира,—безтолочь!.. Что здря толкаетесь, идолы! Бабы, черпай воду проворнѣя!

Женскій голосъ (*съ отчаяніемъ*).

Заступница!.. Матерь Божія!

Толпа.

Глянь,—полыхаетъ какъ!.. Эвона!.. Бож-жа мой! Пенька, чудакъ!.. Заштраховано!.. Толкуй еще!.. Бѣги, Василиса. Проворнѣй, бабы!

Женскій голосъ (*убѣжденно сильно, среди общаго шума*).

Нѣтъ-ли, бабы, пасхальнаго яйца?! Въ пламя-бы!.. Сичасъ затихнетъ!..

Толпа.

Какъ, чай, не быть?! У меня есть! Бѣги, тащи скорѣя!.. Заборъ занялся, братцы! Ахъ ты!..

Борисъ (*энергично, среди шума*).

Братцы, берись!.. (*становится въ оглобли*) На себѣ свезёмъ! Евланъ, помогай, что-ли!..

(*Евланъ и нѣсколько крестьянъ бросаются на подмогу къ Борису, хватаясь за колеса, подталкивая сзади дроги съ бочкой*).

Борисъ.

Рабяты, разбирай струментъ! Бѣги за нами! (*быстро везя бочку налѣво*) Дружнѣй, рабятушки, дружнѣя! (*увозятъ бочку*).

(*Митродора застыла въ одномъ положеніи, съ иконой въ рукахъ; дѣдъ Никандръ стоитъ около нея. Афимья съ двумя бабами у навѣса изъ чана черпаютъ воду*).

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣ же и Ульяна.

(*Ульяна, блѣдная, испуганная, запыхавшись, еле держась на ногахъ, выбѣгаетъ изъ проулка справа*).

Ульяна (*смотря налѣво широко открытыми глазами, со стономъ*).

А, батюшки-и!.. Пламя-то... на насъ идетъ! (*поднимаетъ руки, какъ*

бы защищаясь отъ огня) Оборони, Господи! (*со страшнымъ испугомъ*) Ой!.. Рабятки въ избѣ спятъ!.. (*быстро дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, пошатывается, ухватившись рукой за грудь и, какъ подкошенная, падаетъ на заваленку*) Ай, сердечушко зашлося!.. Смерть моя!.. (*обморокъ*).

Афимья (*подбѣгая къ ней*).

Попритчилось Ульянѣ-ти! Гораздъ испужалась, болѣзная!.. (*съ участіемъ*) Очнись, сердечная, очнись!.. (*мочитъ ей голову водой*).

(*Въ глубинѣ сцены продолжается суматоха. Пробѣгаютъ крестьяне съ топорами. Крестьянки черпаютъ изъ чана воду и бѣгутъ на пожаръ. Зарево все ярче разгорается. Вдали звуки набата чаще и чаще*).

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изба Ульяны. Въ задней стѣнѣ, въ срединѣ, дверь. Въ правой два окна; въ лѣвой—одно, продолговатое, небольшое. Слѣва, въ заднемъ углу,—русская печь, устьемъ къ двери. Около печи—умывальникъ и лохань; ухватъ, сковородникъ, лопата. Справа у задней стѣны, полки съ посудой: горшками, плошками, чашками и пр. Вверху, начиная отъ печи, надъ дверью, палати. Вокругъ стѣнъ—широкія лавки. Справа большой столъ. Около него обрубокъ. Посреди избы, ближе къ лѣвой сторонѣ, люлька. На лѣвой стѣнѣ, на деревянныхъ гвоздяхъ висятъ: полушубки, свитки, хомуты, шлея, возжи. Подъ лавкой небольшой сундукъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ульяна и Симка.

(*Ульяна хлопочетъ у печки; Симка сидитъ на лавкѣ и качаетъ люльку*).

Симка.

Мамка, скоро лепешки-ти?

Ульяна (*вынимая изъ печи сковороду*).

Вымаю... Садись, Симушка, за столъ, садись. Сичасъ подамъ. (*беретъ деревянное блюдо съ полки и ставитъ на припечь*).

Симка (*садясь за столъ*).

А ты сама?

Ульяна (*подавая на столъ блюдо съ лепешками*).

И я сяду... (*садится*). Мука-то больно черна, сынокъ. (*ѣстъ*).

Симка (*ѣстъ*).

Гораздъ скусны, мамка!

Ульяна (*беретъ лепешку и ѣстъ*).

Вотъ пожди, Симушка, скоро свой хлѣбушко поспѣетъ; новый. Вотъ лепешекъ испекёмъ!

Симка (*увѣренно*).

На той недѣлѣ зажинать пора, мамка.

Ульяна.

Пора, Симушка, пора!.. Да вотъ съ лугами-ти еще не ухватились...

Симка.

Рожь, мамка, дюжая, частая!

Ульяна (*радостно*).

Послалъ Господь урожай, услышалъ наши молитвы, сынокъ! Рожь сильная... Какъ-то умолотомъ окажетъ?.. Таперича у насъ съ тобой запасъ будетъ. Сѣна вдостоль. Воза два продать можно. Рожь тоже. Греча нонѣ гораздъ хороша. Съ кашей будемъ, сынокъ!.. Только бы Господь ведро послалъ,—убрать во время. Зиму, не горюя, проживемъ, Симушка!

Симка.

На тую весну я, мамка, пахать зачну.

Ульяна.

Не совладаешь съ сохой, сынокъ. Тяжело...

Симка.

Совладаю, небось!.. Зачну, мамка?

Ульяна.

Ну, тамъ поглядимъ ужотко. За зиму силы набирайся... Можа оно и...

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ульяна, Симка и Митродора.

Митродора (*входя*).

Живы-ли?

Ульяна.

Живемъ покудова.

Митродора (*подходя и кланяясь*).

Хлѣбъ да соль!

Ульяна.

Просимъ покорно съ нами хлѣба-соли откушать.

Митродора.

Спасибо, Ульяша. (*заглядывая въ люльку*). Спитъ Варька-то?

Ульяна.

Угомонилась... Спитъ... (*Симка выходитъ изъ за стола, крестится и, взявъ шапку, уходитъ*).

Митродора.

А я тебѣ снадобья принесла. (*подавая небольшой горшочекъ*). Вотъ на, пользуй дочку-ти.

Ульяна (*кланяясь*).

Благодарствую, баушка!... Мазать, что-ли, Варьку снадобьемъ-ти?

Митродора (*садясь на обрубокъ*).

Перво-на-перво, Ульяша, достань ты махонькаго щеночка. Вонъ хошь Митрія попроси; у его Жучка ощенившись.

Ульяна (*съ готовностью*).

Попрошу, баушка, попрошу!

МИТРОДОРА (*вразумительно*).

Мажь ты этимъ самымъ снадобьемъ личико Варькѣ на вечерней и на утренней зарѣ, съ молитвой...

УЛЬЯНА (*со вниманіемъ*).

Да, да?!

МИТРОДОРА.

И какъ, значится, намажешь личико, положи въ люльку, рядомъ съ Варькой, щеночка. Поняла?

УЛЬЯНА.

Поняла, баушка.

МИТРОДОРА.

И пущай щеночекъ Варькѣ эсто самое снадобье съ личика-то слижетъ. Такъ до трехъ разъ. Все, Ульяша, какъ рукой сниметъ! Какъ не бывало. Вѣрное слово! Пробованное дѣло-ти!..

УЛЬЯНА.

Ладно, баушка! Спасибо! Седня же вечеромъ намажу. Безпремѣнно! (*убираетъ со стола посуду*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

УЛЬЯНА, МИТРОДОРА и ЗАРЦОВЪ.

(*Зарцовъ совершенно трезвый; видимо, чувствуя себя неловко, входитъ въ избу*).

ЗАРЦОВЪ (*входя*).

Здравствуйте вамъ!

УЛЬЯНА.

Здравствуй, Григорій!

ЗАРЦОВЪ (*садясь на лавку слѣва*).

Ну что, Ульяна, отъудубѣла-ли?

УЛЬЯНА.

Отошла, ничего...

МИТРОДОРА.

Съ испугу этто... сердце захватило.

ЗАРЦОВЪ.

Извѣстно... оно того... Ты гдѣ была-то?

УЛЬЯНА.

За телушкой бѣгала; пропасти на ее нѣтути! Деревню кругомъ обѣжала. Вышла изъ рощи-ти, такъ меня всю и освѣтило, какъ днемъ. Все небо такъ огнемъ и пылаетъ, баушка! Попритчилось мнѣ, что моя изба горитъ. Вспомнила, дѣтки однѣ остались, спятъ! Такъ сердце и зашлося! Какъ меня ноги несли, — не знаю! Словно вотъ вѣтромъ меня подхватило. Прибѣжала къ дому, глянула, а на задахъ у моей избы полымя пышетъ! Въ глазахъ потемнѣло, голову словно обнесло... Опамятовалась—въ избѣ лежу... Афимья твоя, Григорій, около сидитъ. Симка реветъ... Сотворила я молитву, — полегчало... Отлегло отъ сердца-ти...

МИТРОДОРА.

Какъ не испужаться!.. Страсть эдакая! Хорошо еще, что вѣтеръ утихъ, а то бы всю деревню сбрило!

УЛЬЯНА (*сокрушенно*).

Пошли бы по-міру, какъ есть!.. Сбрило бы!

ЗАРЦОВЪ (*нервно*).

Ну вотъ!.. Съ чего деревнѣ-то горѣть?.. Сарайчикъ онъ того... на отшибѣ стоялъ... Какъ можно деревнѣ сгорѣть?.. Хорони Богъ!.. Чего болтаете, бабы, зря! Нѣшто можно зря...

МИТРОДОРА.

И съ чего бы ему заняться?

УЛЬЯНА.

Вотъ поди-жъ ты!.. Диви бы жилое мѣсто...

ЗАРЦОВЪ (*бѣгая глазами по избѣ*).

Диковиное дѣло, братцы мои! Съ чего бы ему?.. Нѣшто, такъ сказать, проходимцы какіе... На дорогѣ сараишко стоялъ. Прилегли неравно отдохнуть. Цигарки сичасъ. Пьяные, поди,—ну и того... Нѣшто долго...

УЛЬЯНА.

Что говорить!.. Долго-ли...: Пенька!

МИТРОДОРА.

Заштрахованъ былъ сарайчикъ, сказываютъ?

ЗАРЦОВЪ (*поспѣшно*).

Заштрахованъ, заштрахованъ!.. И сараишко-то такъ, лядащій, не стоющій... Дрянь!

МИТРОДОРА.

Поди, средствія будетъ?

УЛЬЯНА.

А какже... Само собой! Найдутъ концы-ти! Какъ и что?

ЗАРЦОВЪ (*безпокойно*).

Гдѣ, думается, найдти! Гдѣ найдти?.. Проходимцы какіе ни на есть... Прошелъ, боля ничего! Ищи вѣтра въ полѣ! Мало-ли ихъ проходитъ... по дорогѣ-ти. Тутъ, можетъ, ни одна тысяча...

ЯВЛЕНІЕ 4.

УЛЬЯНА, МИТРОДОРА, ЗАРЦОВЪ и БОРИСЪ.

(*Борисъ, взволнованный, поспѣшно входитъ*).

БОРИСЪ (*въ дверяхъ*).

Дома, что-ли, Ульяна?

УЛЬЯНА.

Что скажешь, Борисъ?

БОРИСЪ (*входя въ избу*).

Да что... Дѣло-ти, мотри, не ладно выходитъ!

УЛЬЯНА.

Чего такое? Касаемо луговъ, что-ли?

Борисъ *(въ замѣшательствѣ).*

Нѣ!.. Луга что!.. *(волнуясь)* Былъ я сичасъ тамотка... на пожарищѣ... Урядникъ пріѣхалъ...

Зарцовъ *(поблѣднѣвъ, поспѣшно).*

Пріѣхалъ ужъ!.. Слѣдствія?

Борисъ.

Да пріѣхалъ! *(пристально смотритъ на Зарцова)* Слѣдствія!

Зарцовъ *(вставая).*

Надоть пойдтить... Неравно... какъ бы того...

Борисъ.

Сиди! Чего тя всколыхнуло?

Зарцовъ *(послушно садится, потупившись).*

Мнѣ что?.. Мое дѣло сторона... Я, братецъ ты мой, того... весь тутъ!..

Борисъ.

Ну, и сиди... *(Ульянѣ)* Несуразное совсѣмъ что-то Улыбинъ брешетъ... Клеплетъ Богъ вѣсть на кого...

Зарцовъ *(про себя).*

Сюды приведетъ... Куды я ткнулъ ее въ попыхахъ, рубаху-ти, не припомню?.. Унести-бы! Куда я ее...

Борисъ *(обернувшись).*

Ты, Григорій, чего тамъ бурчишь?

Зарцовъ *(растерянно).*

Чего?.. Я ничего... *(помолчавъ)* Ульяна, у тея ничего, часомъ, не пропадало?

Ульяна *(смотря на него).*

Ты что?.. Аль ополоумѣлъ?

Зарцовъ *(смущенно).*

Гля опаски, молъ... Какъ-бы, то-ись... оно того...

Ульяна.

Мели еще, мелево!.. Пра, мелево!

Митродора *(идя къ окну).*

Шумятъ никакъ!.. *(у окна)* А, батюшки-и!.. Ульяна, а, вѣдь они къ теѣ идутъ... сюды!

Зарцовъ *(испуганно).*

Сюды идутъ!.. *(вставая)* Оказія, братецъ ты мой!

Ульяна *(спокойно, гордо).*

Пущай идутъ. За мной ничего нѣтъ. Правому ничего не страшно.

Зарцовъ *(храбрясь).*

Знамо дѣло... Правому чего... Не трожь ихъ, идутъ...

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же, Урядникъ, Улыбинъ, Дмитрій, Евланъ, 1-ый и 2-ой крестьяне.

Урядникъ *(входя)*.

Въ гости къ тебѣ, вдова честная!.. Рада-ли гостямъ?..

Ульяна *(спокойно)*.

Пожалуйте!

Урядникъ *(насмѣшливо, глядя на нее)*.

Что-жъ гостей за столъ не сажаешь?

Ульяна *(кланяясь)*.

Милости просимъ!

Урядникъ *(садясь за столъ)*.

Сядемъ, сядемъ... *(раскрываетъ портфель, вынимаетъ бумагу, перо, чернильницу)*.

(Общее молчаніе).

(Евланъ, 1-ый крестьянинъ, 2-й крестьянинъ стоятъ у дверей; Улыбинъ и Дмитрій у стола; Митродора у окна; Ульяна посреди избы, передъ столомъ. Зарцовъ и Борисъ слѣва у стѣны, отодвинувшись къ печкѣ).

Урядникъ.

Ну-съ, приступимъ... *(пишетъ)*.

(Всѣ стоятъ потупившись, кромѣ Ульяны и Улыбина, который съ нахальной улыбкой смотритъ на Ульяну; онъ, видимо, взволнованъ)

Урядникъ *(смотря на Ульяну)*.

Скажи-ка намъ, вдова честная, гдѣ ты была въ ту ночь, какъ у васъ на деревнѣ сарайчикъ загорѣлся?.. Дома, чать, спала? Время позднее.

Ульяна *(спокойно)*.

Телушку искала... На выгонѣ, у околицы...

Урядникъ *(выразительно)*.

Телушку?.. Хорошо. Такъ и запишемъ. *(строго)* Староста, кто былъ въ дозорѣ? *(пишетъ)*.

Дмитрій *(мямлитъ)*.

А, сталъ быть... Кто, бишь, былъ-ти... въ дозорѣ?

Евланъ.

Катька никакъ Матюхина.

Дмитрій.

Катька?.. Да, да... Катька... Это вѣрно—она.

Евланъ.

Да Маришка Варварихина.

Дмитрій.

Да, да... Катька да Маришка... И то онѣ!

Урядникъ.

Позвать ихъ сюда!

(Евланъ быстро уходитъ).

УРЯДНИКЪ (*смотря на Ульяну*).

Вотъ, вдова честная, Ульяна... Какъ по батюшкѣ-то?..

УЛЬЯНА

Петровна была.

УРЯДНИКЪ.

Такъ что, Ульяна Петровна, вотъ Егоръ Михалычъ заявляетъ на тебя подозрѣніе въ поджогѣ... Что скажешь?

УЛЬЯНА (*смотря ему въ глаза*).

А мнѣ что говорить, коли я права! У кого ежели въ глазахъ стыда нѣтъ—все сказать можно! Языкъ-отъ безъ костей.

УЛЫБИНЪ.

Дѣйствительно я, значится, на ее сумлѣніе имѣю. Почему что она даже при всемъ сходѣ мнѣ грозилась: «помни, молъ, меня!» Вышло у насъ съ ей изъ-за луговъ то-ись касаемо... Ну, она со злобы, значится, и того... Окромя прочаго, въ эсто самое время... когда то-ись загорѣлось... ея и дома не было. Телушка которая—одна видимость! Отводъ глазъ!.. А дѣло тутъ совсѣмъ другаго рода. И опять ежели взять въ составъ ейный испугъ. Какъ она даже упала, бабы говорятъ. Сичасъ оно все оказываетъ... вполнѣ! Окромя ее поджечь некому,—дѣло видимое!..

УЛЬЯНА (*смотря ему въ глаза*).

Бога ты не боишься, Егоръ! На неповиннаго человѣка таки дѣла взводишь! Безстыжій! Пра, безстыжій!

БОРИСЪ.

Оболгать такъ-то кажнаго можно...

МИТРОДОРА.

Правильно, Борисьюшка!

УРЯДНИКЪ (*строго*).

Не мѣшайтесь!.. Объясни, Ульяна, почему такому ты, увидавъ огонь, упала?

УЛЬЯНА.

Сердце зашлося... Съ испугу... Растерялась...

УЛЫБИНЪ (*насмѣшливо*).

«Растерялась!» Гдѣ обѣдала, туда ужинать собралась .. Такъ-съ!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же ЕВЛАНЪ, КАТЕРИНА, МАРИНА, АФИМЬЯ, нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ.

ЕВЛАНЪ (*входя*).

Вотъ онѣ... Приволокъ!

УРЯДНИКЪ.

Подойдите!

(*Катерина и Марина робко подходятъ*).

УРЯДНИКЪ.

Вы въ дозорѣ были вчерашнюю ночь?.. Когда пожаръ случился.

Катерина (*тихо*).

Мы.

Урядникъ.

Передъ тѣмъ временемъ, какъ загорѣлся сарай, никого на улицѣ вы не встрѣтили?

Марина.

Ульяну встрѣтили...

Катерина.

За телушкой она бѣжала... Телушка у ей шатущая...

Урядникъ (*перебивая, строго*).

Куда побѣжала Ульяна? . Къ сараю, али отъ него?

Катерина.

Кажись, къ сараю...

Марина.

Въ тою сторону... Въ тою... Къ Улыбину...

Урядникъ (*пишетъ*).

Ат-ли-ч-но!.. Такъ и запишемъ!.. А прибѣжала она къ дому съ какой стороны?.. Кто видѣлъ,—говори!

Афимья.

Прибѣжала она съ Митрина проулка. Я сама видѣла. Я воду черпала. она...

Зарцовъ (*нервно раздраженно*).

Тея что лѣшій-то суетъ, псовку!..

Афимья (*смущенно*).

Я что же... Нѣшто какъ...

Урядникъ (*Афимьѣ*).

Тебя какъ звать?

Афимья (*робко*).

Афимья я буду.

Урядникъ.

Фамилія?.. Прозвище?

Афимья.

Зарцова, сталъ быть... что-ли...

Урядникъ.

Хорошо. Отдайся назадъ!

(*Афимья отходитъ.*)

Урядникъ.

Кто слыхалъ, что Ульяна на сходѣ призносила угрозы супротивъ Улыбина?

(*Общее молчаніе*).

Улыбинъ.

Всѣ слышали... Сказывайте!.. Что мнетесь?.. Вотъ и староста.

Дмитрій (*испуганно*).

Ты меня, братъ, не путляй... Я, сталъ быть, того... не касаемо... Сторона...

Урядникъ (*вставая, строго*).

Что столбами стоите!.. (*указывая на Ульяну*) Призносила она угрозы Егору Михалычу?! Говори!

Толпа.

Намъ не къ чему... Мало-ли... Улыбинъ—первый аспидъ!.. Наврать-то можно... Онъ самъ обидчикъ! Нанесли на бабу... Чего еще!.. Въ гомонѣ нѣшто разберешь!

Урядникъ.

Ладно! Мы разберемъ... Погоди! (*вынимаетъ изъ портфеля кусокъ обожженной ситцевой тряпки и показываетъ Ульянѣ*). Признаешь эту тряпицу?.. Твоя-ли?.. Знакомый узорчикъ на ситцѣ? (*смотря на нее*). Узнаешь, а?

Ульяна (*взглянувъ на тряпку*).

Узоръ бытто, знакомый... А моя-ли—не знаю... Мало̀-ли такихъ на деревнѣ...

Урядникъ (*пытливо*).

Мало-ли!.. Не знаешь?.. Ну такъ мы сичасъ узнаемъ,—твоя али нѣтъ?.. (*повелительно*) Староста, сотскій, понятые, приступайте къ обыску!.. Дѣйствуй!

Ульяна (*съ злой улыбкой*).

Поищи въ пустомъ порожняго!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же, Никандръ, крестьяне и крестьянки.

(*Дмитрій, Евланъ, Улыбинъ, понятые обыскиваютъ избу. Входитъ Никандръ, крестьяне и крестьянки постепенно подходятъ. Изба сплошь набивается народомъ. Въ окнахъ—головы дѣтей*).

Симка (*подходя къ матери*).

Мамка, чего они ищутъ?.. Зачѣмъ?

Ульяна (*гладя его по головѣ*).

Нишкни, сынокъ, нишкни! Пущай поищутъ...

Толпа (*насмѣшливо*).

Ишь шарятъ!.. Ты бы, Улыбинъ, у сея въ кабакѣ поглядѣлъ, нѣтъ-ли тамъ нашихъ пятаковъ?.. Го-го-го!.. Вѣрное слово!.. Нѣтъ-ли, молъ?.. Зипуновъ краденыхъ нѣтъ-ли? Слышь, Улыбинъ!..

Митродора

И что шарятъ, проклятые, что шарятъ?! Бабу ни за что, ни про что позорятъ!

Толпа.

Вѣстимо!.. Денежки все дѣйствуютъ... Богатъ и правъ! Кошатникъ!

Урядникъ (*строго*).

Смирно, вы, сѣрые! Всѣхъ выгоню!

Дмитрій.

Тутъ, сталъ быть, того... нѣтути...

Улыбинъ (*урядніку*).

Въ клѣти бы посмотрѣть...

Урядникъ.

Вездѣ посмотримъ!.. Ульяна, веди въ клѣть. Отпирай!

Ульяна (*скорбно*).

Идите, отпирайте сами... Не заперто.

Урядникъ (*уходя, Ульянѣ*).

Иди за мной!.. Староста, понятые!.. (*уходитъ*).

(*Ульяна, Дмитрій, Улыбинъ, понятые уходятъ за нимъ*).

Зарцовъ (*нервно, боязливо*).

Вотъ оно, како дѣло-ти выходитъ! Пожалуй, Ульяна-то того... Несовсѣмъ аккуратно, мотри, выйдетъ дѣло-ти... Какъ бы, гляди...

Толпа.

Полно-ка врать-то!.. Очухайся, братъ!.. Нѣшто мы Ульяну седня знаемъ!.. Толкуй... Зарцовъ, братцы, какъ вьюнъ вьется... Не твоихъ-ли рукъ дѣло-то?.. Ма-а-астеръ ты тоже!.. Питерщикъ!.. Дошлый...

Зарцовъ (*струсивъ*).

Что вы, идолы?! Какъ можно!.. Я спалъ давно... Вотъ она... Химкати живая... Спросите!.. Зря нѣшто можно!.. Который человѣкъ ни сномъ, ни духомъ... Ахъ братцы!..

(*За сценой шумъ голосовъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же, Ульяна, Урядникъ, Улыбинъ, Дмитрій, Евланъ, 1-ый и 2-ой крестьяне.

(*Ульяна, блѣдная, взволнованная, быстро входитъ въ избу; за ней слѣдомъ, съ разорваной старой рубахой въ рукахъ, урядникъ, за нимъ Улыбинъ, Улыбиха, Евланъ, понятые*).

Ульяна (*прерывающимся отъ волненія голосомъ*).

Братцы!.. Міръ честной!.. Окажите заступу! Обнесли меня!..

Улыбинъ (*торжествуя*).

Вмѣстѣ. Разсказывай сказки-ти!..

Улыбиха (*злорадно*).

Влопалась, голубушка!.. Сиротой прикинулась!.. А то на все село горло распущала. Не отвертишься теперь, подлая... Въ острогѣ сгніешь.

Урядникъ (*кладя рубаху на столъ*).

Ну, признавайся, Ульяна! Чего ужъ... Такъ что съ поличнымъ поймали... Улика на лицо... Какъ ты это дѣло оборудовала?.. По злобѣ, что-ли?.. (*садится и пишетъ*) Говори.

Ульяна (*съ волненіемъ, но твердо*).

Видитъ Богъ—неповинна!

(*Въ толпѣ глухой говоръ и шумъ*).

Ульяна.

Какъ передъ Истиннымъ, такъ передъ всѣмъ міромъ сказываю: не причинна я въ этомъ дѣлѣ. Чтобъ моимъ ребятишкамъ до ночи не дожить, ежели вру! Меня всѣ на деревнѣ знаютъ. Пусть скажутъ...

Улыбиха (*крикливо*).

Всѣ знаютъ, что ты заноза... Гордячка, змѣя подколодная!.. Всѣ!

Улыбинъ.

При всѣхъ грозилась поджечь!.. Всѣ слышали!.. Что молчите, галманы?!

Толпа (*глухо, но грозно*).

Ничего не грозилась... Врешь ты, кошатникъ! Ульяну мы знаемъ!.. Врешь... Знамо подвели! Улыбина дѣло!.. Затянули всю деревню!.. (*все громче и громче*) На кажнаго нанесть можно!.. Зубъ на ее у Улыбина! Онъ къ ей подлипалъ!.. Чего! Мы сами видѣли!.. Подлипалъ... Онъ оборудовалъ... Знамо дѣло. За коимъ ей поджигать. Пошто?.. Окромя хорошаго про Ульяну ничего не скажемъ!.. Вретъ онъ, песъ!.. На зло сдѣлано... Карманники вы!.. Закупили всѣхъ! Грабители!..

Улыбинъ (*громко, среди шума*).

Что орете-то!.. Рубаха безъ рукава у ей въ клѣти, рукавъ обгорѣлый въ карасинѣ на пожарищѣ при понятыхъ взяли... Вотъ онъ, здѣся... Черти!.. И спички обгорѣлыя... Чего еще... Дѣло видимое. На глазахъ у всѣхъ!..

Урядникъ (*громко*).

Не шумѣть, вы!.. Смирно!.. (*Ульянѣ*) Признаешься. Ульяна, аль нѣтъ?

Ульяна (*твердо*).

Не причинна я въ поджогѣ... Однова дыхнуть—не виновна!

Урядникъ.

Ну, тамъ разберутъ опосля! А теперь, понятые, вяжите ее!

Симка (*съ плачемъ*).

Мамушка!.. Родимая!..

(*Толпа, молча, стоитъ недвижимая*).

Ульяна (*твердо*).

Зачѣмъ вязать? У меня рабенокъ. Я и сама пойду! Не убѣгу, не бось!

Урядникъ (*строго*),

Вяжите, говорю!.. Староста...

Дмитрій (*мнется*).

Рабята... оно того... Гдѣ веревки-ти?

Толпа (*грозно*).

Не трожь Ульяну, братцы!.. Не давай въ обиду!.. Не дадимъ!.. Не дадимъ!.. Вретъ онъ, песъ!.. Напраслина на ее!.. Клеплютъ они, міроѣды! Не дадимъ, не дадимъ, не дадимъ!!! Всѣ за Ульяну... Всѣ! Какъ одинъ

мѣстѣ.

*

человѣкъ станемъ!.. Сунься кто!.. Подступися!.. Всѣ! Напраслина!.. Знамо поклёпъ!.. Отъ рабятъ мать отымаютъ!.. Нѣшто это порядокъ!.. Не дадимъ, не дадимъ!.. Тронь только кто!.. Обожжешься!.. Чего выдумали! Кошатники!..

(*Зарцовъ, во время крика толпы, стоитъ въ сторонѣ, смущенный, подавленный, переживая, видимо, сильную внутреннюю борьбу, порываясь что-то сказать, но не рѣшаясь*).

Вмѣстѣ.

Урядникъ (*среди шума*).

Вяжи, говорю, дьяволы!

Улыбинъ.

Своевольщина!.. Погоди!.. Я васъ прижму!

Улыбиха.

Она подожгла,—ей потакать, твари!

Зарцовъ (*нерѣшительно*).

Можа и не она.... Можа...

Урядникъ (*строго Зарцову*).

Кто-жъ, коли не она?.. Говори!

Зарцовъ (*струсивъ*).

Кто знаетъ... Я нѣшто какъ... Я отколь знаю...

Толпа.

Не она подожгла!.. Мы всѣ покажемъ!.. Не она! Всѣ... Зря путаютъ бабу!.. Подвохъ! Не дадимъ вязать... Не дадимъ!.. Ульяна, не ходи!

Ульяна (*громко, твердо, съ нервнымъ подъемомъ*)

Братцы, пождите!., Дайте слово сказать.

(*Шумъ мало-по-малу затихаетъ*).

Ульяна (*твердо*).

Сама пойду, своей волей! Видно, Богу такъ угодно. Его святая воля! Нѣтъ моего грѣха въ этомъ дѣлѣ. Не поджигала я. Видитъ Богъ, не поджигала! Напраслину на меня взводятъ. Помѣшала я, должно, кому... Раззорить въ конецъ меня хотятъ... Богъ имъ судья! Правому ничего не страшно! (*кланяясь на всѣ стороны*) Простите, міряне, ежели въ чемъ согрѣшила! Не попомните зла! (*идетъ къ люлькѣ, нагибается, падаетъ на колѣни и рыдаетъ*) Варюшка!.. Доченька моя!.. Родименька... Сирота ты, горемычная!..

Симка (*обнявъ мать, плачетъ*).

Мамушка... Родненька!..

Толпа (*тихо*).

О, Господи!.. Погубятъ бабу... Пропадетъ... Какъ есть пропадетъ... Сгноятъ въ острогѣ... Ишь, сердечная!.. Како дѣло-ти...

Никандръ (*убѣжденно*).

Отольются злодѣю материнскія слезы!.. Отъ Бога не спрячешься!.. Нѣтъ, братцы!.. Богъ-отъ найдетъ, взыщетъ!.. (*Зарцовъ подавленно, тяжело вздыхаетъ*).

Урядникъ.

Ну, довольно раздобаривать!.. Москва слезамъ не вѣритъ!.. Вяжи!..

Зарцовъ (*блѣдный, весь трясется, со слезами на глазахъ*).

Стой!.. Стой!.. Не трожь ее!.. Не трожь!.. Не моги!

Урядникъ.

Ты еще откуда взялся!

Зарцовъ (*выходя*),

Я... я поджогъ!.. Каюсь!.. Я... Мой грѣхъ!

Улыбинъ (*поблѣднѣвъ*).

Бредитъ съ пьяну... Чумовой, какъ есть...

Толпа (*пораженная*).

Ишь ты!.. А-а, батюшки... Вишь оно што!.. Богъ-отъ!.. Оказываетъ... Ульяна, слышь что?

(*Ульяна встаетъ и, со слезами на глазахъ, удивленно смотритъ на Зарцова*).

Афимья (*со стономъ*).

Ой, пропала моя головушка!..

Зарцовъ.

Ульяна!.. Ульяна... Не плачь... Ничего не будетъ!.. Каюсь, я поджогъ... Замутился! (*указывая на Улыбина*) Вотъ онъ... (*съ злобой*) онъ смутилъ!.. Онъ!.. дьяволъ-ти!.. Совратилъ меня.

Улыбинъ (*испуганно*).

Что ты!.. Что ты!.. Опамятуйся, Гришка!..

Толпа.

Вонъ оно дѣло-ти!.. Улыбинъ-то пополовѣлъ!.. Ахъ, мошельники!.. Вотъ это на правду похоже! Пра слово,—мошельники!.. Ахъ, окаянные!.. А-а-а!.. Говори, Зарцовъ... Небось!.. Кайся, Гришка!

Зарцовъ.

Все, братцы, разскажу!.. Все... Ничего не утаю!

Урядникъ.

Ты что путаешь! Ты поджогъ, а рукавъ отъ ея рубашки на пожарѣ нашли, подъ угломъ, за бревнами?..

Зарцовъ (*въ сильномъ волненіи*).

Прислушайте, православные! Вчерась ввечеру онъ меня подговорилъ... Четвертной билетъ мнѣ посулилъ... Водки, сколь хошь! Я и взялъ грѣхъ на душу... Взялъ! Два стакана столовыхъ онъ мнѣ поднесъ... Красеньку бумажку задатку далъ! Я и поджогъ!.. Онъ за угломъ стоялъ, а я поджигалъ!.. Онъ же меня научилъ какъ концы спрятать... Никто, молъ, не доганится... Сыми, гырть, съ плетня рубаху, оторви рукавъ, облей карасиномъ, подпали, а рубаху въ клѣть подкинь къ Ульянѣ. Самъ онъ меня и къ сарайчику привелъ, самъ ногой и тряпицу придавилъ, чтобъ не вся сгорѣла. Сунулъ мнѣ въ руку рубаху: «бѣги, гырть, къ Ульянѣ, брось въ клѣть...» Я себя не помнилъ... Со страху въ попыхахъ и подбросилъ... Красеньку онъ мнѣ въ руки

сунулъ... (*срывая съ шеи кошель*) Вотъ она... Красенька-то его!.. Вотъ... Здѣся!.. (*бросаетъ кошель на столъ*) Тутъ она... въ кошелѣ!

Толпа (*во время рѣчи Зарцова*).

Ай, Улыбинъ!.. Ловокъ, дьяволъ!.. Богъ-отъ!.. Онъ, братъ, видитъ... Бѣдовое дѣло!.. Ну, и ловки же, шельмы...

Улыбинъ.

Знать не знаю... Оговорить всякаго можно.

Толпа (*довольная*).

Правду, братцы, Ульяна сказывала!.. Правому ничего не страшно!.. Вишь на что вышло-ти!.. Улыбина надоть вязать... Знамо его, подстрекателя!.. Чего смотришь, начальства!.. Во кого!.. А не Ульяну... Ульяна, братъ!.. Мы, чать, знаемъ!.. Вяжи, братцы, Улыбина! Вяжи! Чего ему въ зубы глядѣть!.. Крути руки къ лопаткамъ... Крути!.. Давай веревки!.. Черезъ водку Гришка достукался!..

Зарцовъ (*кланяясь міру въ ноги*).

Простите, міряне!.. Мой грѣхъ!.. Сиротъ моихъ не обидьте... бабу мою... (*плачетъ*).

Толпа.

Грѣхъ попуталъ... Рабяты чѣмъ виноваты... Сомутилъ тебя нечистый-то этотъ... Все водочка-матушка!..

Зарцовъ.

Прости, Ульяна!

Ульяна (*прижимая къ себѣ Симку*).

Богъ проститъ, Григорій!

Урядникъ.

Какже таперича, господинъ Улыбинъ?

Улыбинъ (*смиренно*).

Провалиться на мѣстѣ, ничего не знаю, ничего не вѣдаю... Оговоренъ по злобѣ—больше ничего... Какая мнѣ корысть—сами посудите!.. Свое добро жечь... Безвинно страдаю...

Толпа.

Виляй хвостомъ-то!.. Заметай слѣдъ-то!.. Смиренникъ!.. Воды не замутитъ!.. Чего еще! Начальства, аль дѣла не знашь!.. Вяжи поджигателевъ! Крути руки-ти!..

Урядникъ (*разводя руками*).

Такъ что, дѣлать нечего... Вяжите, братцы! (*Нѣсколько человѣкъ подходятъ и вяжутъ Улыбина и Зарцова*).

Голосъ въ окнѣ.

Улыбина, братцы, вяжутъ!.. (*На улицѣ шумъ голосовъ*).

Толпа (*торжествующая*).

Такъ-то лучше!.. Проворенъ другихъ вязать!.. На себѣ примѣрій!.. Поджигатели! Смутьяны!.. Весь міръ перемутили!.. Дьяволы!..

Улыбиха (*воетъ*).

Пропала моя головушка!.. Извели навовся!.. Явную злодѣйку отпустили!.. Поджигательницу!..

Ульяна (*со слезами благодарности въ голосѣ*).

Спасибо, міръ честной... Не далъ вдову въ обиду!.. Спасибо, добрые люди!..

Толпа (*довольная*).

Чего еще!.. Нѣшто мы какъ... Не навовся одубѣли!.. Гуляй, Ульяна!.. Дай Господь счастливо! Ничего таперя не бойся!.. До самой смерти ничего не будетъ!.. Міръ, братъ, великъ человѣкъ!.. Ёнъ, братъ!.. Отстояли, братцы!.. Ожогся Улыбинъ!.. Не выгорѣло его дѣло!.. (*съ сожалѣніемъ*) Зарцовъ, ау, братцы!.. Загибъ!..

(*Общій шумъ, движеніе. Урядникъ уходитъ, за нимъ ведутъ Зарцова и Улыбина. Слышенъ плачъ и всхлипываніе Афимьи и Улыбихи. Ульяна стоитъ среди избы, прижавъ къ себѣ Симку*).

(*Занавѣсъ*).

Конецъ.

ЗАДАЧИ СОЦІОЛОГІИ И ТЕОРІИ ИСТОРІИ [1]).

I.

Нашему знанію доступны только явленія, никакъ не самая сущность вещей. На этомъ различеніи явленій и сущности вещей основана противоположность науки и метафизики. Наука можетъ заниматься только одними явленіями, метафизика же всегда стремилась проникнуть за границы міра явленій въ міръ безусловныхъ сущностей. Путь науки есть путь изслѣдованія того, что намъ дано въ нашемъ опытѣ, тогда какъ метафизика шла всегда путемъ творчества понятій, которымъ потомъ и приписывалось значеніе какихъ-то будто-бы объективно намъ данныхъ сущностей; другими словами, наука относится къ области знанія, въ основѣ же метафизики всегда лежитъ та или другая вѣра. Противополагая такимъ образомъ науку метафизикѣ, какъ изслѣдованіе явленій—творчеству сущностей, мы не должны дѣлать въ данномъ отношеніи никакого различія между явленіями матерьяльными и духовными. И тѣ, и другія суть только явленія, и мы одинаково не знаемъ сущности ни тѣхъ, ни другихъ, разъ только наша мысль стремится выйти за предѣлы міра явленій. Матерія и духъ суть только отвлеченныя понятія нашего ума, отнюдь не какія-то сущности, лежащія въ основѣ данныхъ намъ въ опытѣ явленій. Матерьялизмъ и спиритуализмъ, стремящіеся свести всѣ явленія къ матеріи или духу, какъ къ основнымъ сущностямъ, суть не научныя, а чисто метафизическія теоріи. Научное естествознаніе, отказываясь относиться критически къ понятію вещества, принимающее догматически вещество за какую-то сущность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій, ударяется въ своего рода метафизику, и совершенно то же самое, въ другомъ только направленіи, дѣлаютъ науки о духовныхъ явленіяхъ, когда исходятъ изъ понятія духа, взятаго въ смыслѣ основной сущности вещей. Въ обоихъ случаяхъ, далѣе, т.-е. одинаково и при изученіи міра матерьяльнаго, и при изученіи міра духовнаго, у насъ нѣтъ и не можетъ быть другого источ-

[1]) Въ настоящей статьѣ авторъ подводитъ итоги подъ своими соціологическими и историко-философскими взглядами, высказанными въ его прежнихъ работахъ и, между прочимъ, въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», только что вышедшихъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ, и намѣчаетъ нѣкоторые пункты, которые получатъ дальнѣйшее развитіе въ приготовляемой имъ книгѣ «Историческое и критическое введеніе въ соціологію».

ника для знанія всего того, что мы называемъ явленіями, кромѣ опыта въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Поскольку весь окружающій насъ матерьяльный міръ состоитъ изъ явленій, т.-е. изъ того, что намъ является, что намъ дается въ нашемъ опытѣ, постольку лишь путемъ опыта мы и можемъ познавать этотъ окружающій насъ матерьяльный міръ. Но то же самое мы можемъ сказать и о мірѣ явленій духовныхъ. Внѣ того, что намъ даетъ опытъ, мы ничего не знаемъ и не можемъ знать и въ этой области. Прежде всего это есть нашъ внутренній міръ, и всѣ происходящія въ немъ явленія суть явленія лишь потому, что даются намъ въ нашемъ (внутреннемъ) опытѣ. Не иначе же, какъ опытнымъ путемъ, можемъ мы узнавать то, что происходитъ или происходило во внутреннемъ мірѣ другихъ людей. Такимъ образомъ, предметомъ науки всегда бываютъ только явленія, данныя намъ въ опытѣ, и потому только опытнымъ путемъ и познаваемыя, будетъ-ли рѣчь идти о мірѣ физическомъ или моральномъ.

Къ числу явленій моральнаго міра относятся явленія общественныя, которыя въ качествѣ явленій, данныхъ въ опытѣ и опытнымъ путемъ познаваемыхъ, могутъ быть предметомъ науки совершенно такъ же, какъ и явленія, происходящія въ природѣ. Подобно тому, какъ естествознаніе можетъ и должно отрѣшаться отъ всякаго метафизическаго догматизма вообще и въ частности отъ матерьялистической метафизики, совершенно такъ же научное изслѣдованіе человѣческаго духа и общества можетъ вестись безъ какихъ бы то ни было метафизическихъ гипотезъ о сокровенной сущности духовнаго начала въ жизни человѣка. Отсюда и научныя задачи однѣ и тѣ же въ обѣихъ великихъ областяхъ человѣческаго знанія, разъ предметъ изслѣдованія одинъ и тотъ же, т.-е. явленія, и разъ источникъ для знанія явленій одинъ и тотъ же, т.-е. опытъ. Задачи научнаго изслѣдованія міра природы и міра человѣка, взятаго съ его духовной и общественной стороны, поэтому не могутъ быть различны. Первая задача всякой науки заключается въ томъ, чтобы констатировать существованіе извѣстныхъ фактовъ, возможность извѣстныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи науки гуманитарныя совершенно такъ же, какъ и науки естественныя, пользуются данными непосредственнаго опыта и наблюденія или данными, заключающимися въ чужихъ свидѣтельствахъ, заслуживающихъ довѣрія. Вторая задача и здѣсь, и тамъ—по возможности, одинаково точно воспроизвести фактъ или явленіе, т.-е. описать его или разсказать о немъ такъ, чтобы каждая черта описанія или повѣствованія была основана на опытѣ, наблюденіи или достовѣрномъ свидѣтельствѣ. Такъ какъ обѣ великія области человѣческаго знанія имѣютъ дѣло съ предметами, существующими не въ одномъ экземплярѣ, и съ событіями, повторяющимися въ своихъ существенныхъ чертахъ не одинъ разъ, то третьею задачею какъ естественныхъ, такъ и гуманитарныхъ наукъ является классификація изучаемыхъ ими предметовъ и событій, тѣсно

связанная съ обобщеніемъ истинъ болѣе частныхъ въ истины болѣе общія. Далѣе, опять-таки совершенно одинаково въ обѣихъ сферахъ знанія, умъ человѣческій стремится къ объясненію изученныхъ имъ фактовъ и явленій изъ какихъ-либо причинъ, опираясь на общее представленіе о томъ, что въ мірѣ явленій все происходитъ по извѣстнымъ причинамъ и что отношенія слѣдствій къ ихъ причинамъ подчинены закономѣрности. Современное научное сознаніе не допускаетъ, чтобы явленія духовной и общественной жизни человѣка не были столь же строго, какъ и явленія, совершающіяся въ природѣ, подчинены общимъ законамъ. Вмѣстѣ съ этимъ современное научное сознаніе требуетъ, чтобы всѣ предметы, факты, событія и явленія, какъ въ мірѣ матерьяльномъ, такъ и въ мірѣ духовномъ и общественномъ, разсматривались въ ихъ развитіи, которое тоже совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, т.-е. подчиняется извѣстнымъ законамъ. Особою и притомъ самою высшею задачею безразлично всѣхъ наукъ признаётся въ настоящее время открытіе и изслѣдованіе законовъ причинности и развитія, коимъ подчинены всѣ предметы, факты, событія и явленія, какъ въ мірѣ природы, такъ и въ мірѣ человѣка. Только на основаніи знанія всего этого, начиная съ простого констатированія фактовъ и кончая изслѣдованіемъ общихъ законовъ, можно строить прикладныя науки, будутъ-ли онѣ имѣть предметами своего воздѣйствія природу или человѣка и общество. Однимъ словомъ, по перечисленнымъ пунктамъ между задачами естествознанія и наукъ гуманитарныхъ и соціальныхъ нѣтъ и не можетъ быть никакой разницы.

Разъ задачи науки въ дѣлѣ изученія всѣхъ явленій совершенно одинаковы, то и условія, которыя должны быть соблюдаемы при этомъ изученіи, должны быть тоже одинаковыми, будетъ-ли идти рѣчь о мірѣ природы, или о мірѣ человѣка. Цѣль науки—знаніе истины. Мы должны представлять себѣ предметы и событія такъ, какъ обязываютъ насъ это дѣлать данныя опыта, наблюденія и достовѣрнаго свидѣтельства, съ одной стороны, и логическіе законы съ основанными на нихъ пріемами научнаго мышленія—съ другой, а не такъ, какъ намъ было бы почему-либо пріятно либо выгодно думать или утверждать. Констатируя существованіе или несуществованіе чего-нибудь, что-либо описывая или о чемъ бы то ни было разсказывая, классифицируя и обобщая, объясняя явленія и открывая общіе ихъ законы, всѣ науки должны совершенно одинаково основываться на фактическихъ данныхъ и подчиняться логическимъ законамъ, не дозволяя никакихъ уклоненій въ сторону соображеній эмоціональнаго или утилитарнаго характера. Научность въ томъ и состоитъ, чтобы знаніе, касающееся вещей или лицъ и всего, что имѣетъ къ нимъ отношеніе, было совершенно свободно отъ дѣйствія нашихъ влеченій и интересовъ, которые очень часто могутъ искажать наши представленія о вещахъ или лицахъ. Научность не позволяетъ ставить на мѣсто истины, какъ бы послѣдняя

ни была для насъ непріятна или невыгодна, какія бы то ни было утвержденія, не имѣющія ни фактическихъ, ни логическихъ основаній, хотя бы эти утвержденія могли быть для насъ пріятными или выгодными. Конечно, въ естествознаніи гораздо легче приближаться къ этому идеалу научности, чѣмъ въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ, но идеалъ научности и основанныя на немъ требованія однѣ и тѣ же и для натуралиста, и для психолога, и для соціолога, и для историка.

Все, доселѣ сказанное о предметѣ, методѣ и задачѣ науки и объ условіяхъ научности, вполнѣ и цѣликомъ приложимо въ частности къ изученію строенія, жизни, дѣятельности и развитія человѣческаго общества. Подъ этими понятіями строенія, жизни, дѣятельности, развитія мы разумѣемъ разныя отношенія, событія, дѣйствія и перемѣны, наблюдаемыя нами въ существованіи отдѣльныхъ народовъ и государствъ, равно какъ всякихъ другихъ формъ человѣческаго общежитія. Предметъ соціальныхъ наукъ—общественныя явленія, т.-е. именно всѣ эти отношенія, событія, дѣйствія и перемѣны. Единственный путь, коимъ мы ихъ познаемъ, это опытъ въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. непосредственное наблюденіе или сохранившіеся въ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ результаты чужихъ наблюденій. И въ этихъ наукахъ, въ исторіи и статистикѣ, въ юриспруденціи и экономикѣ, въ политикѣ и соціологіи, приходится констатировать, воспроизводить, классифицировать, объяснять факты, открывать и изслѣдовать законы совершенно такъ же, какъ это дѣлается въ другихъ наукахъ, причемъ, конечно, каждая наука должна имѣть свои спеціальные пріемы. Пріемы химика не годятся для зоолога, пріемы статистика непримѣнимы въ исторіи, но всѣ дѣйствительно научные пріемы суть не что иное, какъ частныя примѣненія однихъ и тѣхъ же общихъ законовъ научнаго изслѣдованія и мышленія. Наконецъ, требованіе научнаго объективизма, т.-е. полной независимости результатовъ изслѣдованія отъ нашихъ влеченій и интересовъ должно распространяться и на всю ту область, которая изучается указанными соціальными науками, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Соображеніямъ, имѣющимъ свой источникъ въ принадлежности изслѣдователя къ какой-либо національности, государству, вѣроисповѣданію, сословію, партіи, профессіи, корпораціи и т. п., не должно быть мѣста въ наукахъ соціальныхъ, совершенно такъ же, какъ вообще во всѣхъ другихъ наукахъ, разъ дѣло касается истины, т.-е. того, что есть, какъ оно есть. Истины философскія, математическія, физическія, химическія, біологическія, психологическія, разъ онѣ установлены и научно доказаны, однѣ и тѣ же для всѣхъ людей, какія бы національныя, политическія, религіозныя и всякія иныя культурныя и соціальныя различія между ними ни существовали. Понятное дѣло, что и въ соціальныхъ наукахъ истинность тѣхъ или другихъ положеній должна основываться на фактахъ и на логикѣ, которые не могутъ зависѣть отъ условій среды, въ какой находятся изслѣдователи этихъ фактовъ, обязанные примѣнять въ

своей работѣ для всѣхъ одинаковые логическіе законы. Однимъ словомъ, общественныя науки во всемъ, что касается разсмотрѣнныхъ сторонъ знанія, ничѣмъ существенно не отличаются отъ наукъ другихъ категорій. Этимъ, однако, не исчерпывается еще вопросъ о томъ, могутъ-ли общественныя науки во всемъ, такъ сказать, копировать естествознаніе.

Каждая наука имѣетъ своимъ предметомъ не только тѣ или другіе факты или явленія, но также и разныя отвлеченныя понятія и идеи, которыя создаетъ человѣческій умъ. Безъ такихъ понятій и идей нашего ума невозможно было бы самое изученіе фактовъ и явленій, данныхъ намъ въ дѣйствительности. Таковы, напр., понятія числа, пространства, времени, вещества, силы, организма, жизни, человѣка, народа, общества, государства и т. п. Чтобы имѣть вполнѣ научное значеніе, такія понятія должны сами быть предметомъ изслѣдованія, которое показывало бы, какъ они возникаютъ, что соотвѣтствуетъ имъ въ дѣйствительности, въ какихъ отношеніяхъ находятся они между собою и т. д. и т. д. При самомъ даже поверхностномъ отношеніи къ идеямъ и понятіямъ такого рода, мы необходимо обнаруживаемъ существованіе двухъ разныхъ категорій отвлеченныхъ понятій или идей. Однимъ изъ нихъ всегда соотвѣтствуетъ нѣчто данное въ дѣйствительности, или то, что есть: въ такомъ случаѣ наши общія понятія суть только отвлеченія отъ данныхъ въ дѣйствительности фактовъ и явленій. Другую категорію представляютъ изъ себя наши идеи о томъ, что должно быть, т.-е. о томъ, чему не соотвѣтствуютъ никакіе реальные факты и явленія, но что мы хотѣли бы видѣть осуществленнымъ. Науки, изучающія духовный и общественный міръ человѣка, тѣмъ и отличаются отъ естествознанія, что общія понятія, коими они пользуются, имѣютъ значенія не только отвлеченій отъ данныхъ нашего опыта, но и требованій, которыя мы предъявляемъ мыслимымъ въ этихъ отношеніяхъ предметамъ и отношеніямъ. Подъ человѣческою личностью, подъ обществомъ, подъ государствомъ мы разумѣемъ не только то, чѣмъ являются предъ нами отдѣльные люди и цѣлые народы, но и то, чѣмъ должны быть человѣческая личность, общество, государство, чтобы соотвѣтствовать своей идеѣ. Такимъ образомъ, къ общей идеѣ существованія, которое имѣетъ одинаковую силу для всѣхъ наукъ, въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ присоединяется еще идея долженствованія.

II.

Различіе между существованіемъ и долженствованіемъ сводится къ противоположности между отношеніями объективнымъ, или теоретическимъ, и субъективнымъ, или практическимъ. Изъ того, что было сказано сейчасъ объ отличіи наукъ гуманитарныхъ и соціальныхъ отъ естествознанія, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы субъективнаго отно-

шенія не могло существовать къ предметамъ, изучаемымъ и естественными науками. Вся разница заключается лишь въ томъ, что гуманитарныя и соціальныя науки допускаютъ и даже требуютъ такого субъективнаго отношенія ко многимъ своимъ предметамъ, которое совершенно немыслимо въ области явленій, изучаемыхъ въ естествознаніи.

Субъективное отношеніе къ чему бы то ни было можетъ быть троякаго рода, причемъ только два рода такого отношенія общи всѣмъ категоріямъ явленій, а одно можетъ вызываться только явленіями духовнаго и общественнаго характера. Первые два рода соотвѣтствуютъ понятіямъ пріятнаго и полезнаго. Это—отношеніе или эмоціональное, или утилитарное, которое можетъ существовать у человѣка одинаково ко всѣмъ явленіямъ дѣйствительности. Если, какъ было сказано выше, соображенія удовольствія или выгоды должны быть совершенно устранены, когда рѣчь идетъ о теоретическомъ изслѣдованіи объективной мысли, тѣмъ не менѣе, ничто не мѣшаетъ намъ пользоваться нашимъ знаніемъ, такимъ путемъ пріобрѣтеннымъ, въ виду удовлетворенія нашихъ влеченій и осуществленія нашихъ интересовъ. На этомъ вѣдь и основано существованіе прикладныхъ наукъ рядомъ съ науками чистыми. Послѣднія имѣютъ своею цѣлью истину, первыя служатъ нашимъ желаніямъ, касающимся пріятнаго и полезнаго. И тутъ не существуетъ никакой разницы между естествознаніемъ и науками гуманитарными и соціальными. Но къ предметамъ, съ которыми имѣютъ дѣло эти послѣднія, можетъ существовать рядомъ съ отношеніемъ эмоціональнымъ и утилитарнымъ еще отношеніе этическое, существующее только въ области явленій духовнаго и общественнаго характера. Долженствованіе, о коемъ шла рѣчь выше, и есть основа того, что здѣсь названо этическимъ отношеніемъ. Субъективизмъ въ практическихъ отношеніяхъ ко всему, что можетъ быть предметомъ наукъ гуманитарныхъ и соціальныхъ, обусловливается не только соображеніями удовольствія или пользы, но и соображеніями нравственности. Въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ поэтому мы имѣемъ дѣло не съ идеей истины, но и съ идеей справедливости. Первая составляетъ объективную и теоретическую сторону нашего знанія о человѣкѣ и обществѣ, вторая—сторону субъективную и этическую. Чтобы не смѣшивать этихъ двухъ сторонъ и не впадать въ научныя ошибки, могущія быть результатомъ такого смѣшенія, необходимо всегда строго различать между объективнымъ знаніемъ того, что есть, и субъективнымъ представленіемъ того, что должно быть, т.-е. между теоретическимъ изслѣдованіемъ истины и этическимъ построеніемъ справедливости.

Когда мы говоримъ о томъ, что должно быть, когда мы строимъ моральные или соціальные идеалы, мы, собственно говоря, занимаемся не изслѣдованіемъ, а творчествомъ. Не нужно, однако, думать, чтобы какая бы то ни было научная дѣятельность могла заключаться въ одномъ только изслѣдованіи, въ одномъ анализѣ безъ всякаго твор-

чества, безъ всякаго синтеза. Поэтому творчество имѣетъ мѣсто и въ естествознаніи, хотя и не въ смыслѣ творчества идеаловъ, присущаго только гуманитарнымъ и соціальнымъ наукамъ. Данныя опыта, наблюденій и достовѣрныхъ свидѣтельствъ еще не составляютъ науки, ибо это—только матерьялъ, изъ коего нашъ умъ творитъ научныя знанія. Чтобы констатировать тѣ или другіе факты или явленія, мы, конечно, должны изслѣдовать пригодность данныхъ опыта въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но во многихъ случаяхъ этихъ данныхъ бываетъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы установить какія-либо истины, и тогда мы прибѣгаемъ къ творчеству гипотезъ, безъ коихъ не можетъ обойтись ни одна наука. Конечно, научное описаніе и повѣствованіе немыслимы безъ анализа тѣхъ предметовъ и событій, которыя нами изучаются, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое описаніе и всякое повѣствованіе необходимо является продуктомъ нашего творчества. То же самое можно сказать относительно научныхъ классификацій и объясненій, въ которыхъ одинаково участвуютъ и аналитическое изслѣдованіе, и синтетическое творчество. Наконецъ, всѣ общія научныя понятія и общія научныя формулы, въ коихъ выражаются какія-либо истины, суть непремѣнно продукты творчества нашего ума, такъ какъ внѣ человѣческаго ума ни эти понятія, ни формулы эти не имѣютъ никакого реальнаго существованія. Притомъ задача науки въ отношеніи этихъ понятій и формулъ заключается не въ одномъ томъ, чтобы анализировать ихъ содержаніе и ихъ взаимныя отношенія, но и въ томъ, чтобы создавать изъ нихъ общія системы, что представляетъ изъ себя уже чисто творческую работу мысли. Все, доселѣ сказанное о значеніи творчества въ научной дѣятельности, имѣетъ совершенно одинаковую силу, какими бы предметами и событіями наука ни занималась. Вся разница, существующая между двумя категоріями наукъ, о коихъ идетъ рѣчь, сводится къ тому, что естествознаніе ограничиваетъ область своего творчества вопросами о существующемъ, тогда какъ науки гуманитарныя и соціальныя могутъ создавать не только идеи о томъ, что есть, что бываетъ или что можетъ быть, но и идеалы того, что должно быть.

Конечною задачею всѣхъ наукъ, поскольку онѣ изслѣдуютъ дѣйствительность, признается открытіе общихъ законовъ, управляющихъ тѣми или другими явленіями. Общій законъ есть не что иное, какъ формула, въ которой выражается то постоянное отношеніе сосуществованія или послѣдовательности, въ какомъ между собою находятся извѣстныя явленія. Существуютъ не только законы природы, но и законы человѣческаго духа или человѣческаго общества. И тѣ, и другіе законы суть законы естественные, присущіе самымъ явленіямъ, коими они управляютъ, и въ данномъ случаѣ по существу дѣла не будетъ рѣшительно никакой разницы между тѣмъ, будутъ-ли они формулироваться физикой или химіей, или же ихъ будутъ формулировать психологія и политическая экономія. Въ этомъ смыслѣ между двумя разсматри-

ваемыми категоріями наукъ разницы нѣтъ, но въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ, кромѣ общихъ формулъ, выражающихъ постоянныя отношенія между явленіями, могутъ существовать формулы, въ коихъ выражаются не теоретическія истины объективной реальности, а положенія субъективнаго, идеальнаго, этическаго характера. Всѣ науки стремятся къ знанію законовъ, коими управляются явленія дѣйствительности, но только однѣ науки гуманитарныя и соціальныя, кромѣ того, ставятъ своею задачею знаніе принциповъ, коими должна управляться личная и общественная жизнь человѣка. Объективному, реальному, теоретическому понятію научнаго закона соотвѣтствуетъ,—какъ нѣчто, однако, отъ него отличное,—субъективное, идеальное и этическое понятіе нравственнаго и общественнаго принципа. Если всѣ науки одинаково изучаютъ явленія и законы, ими управляющіе, то науки гуманитарныя и соціальныя могутъ и должны изучать еще и принципы, коими обязанъ руководиться человѣкъ въ своей личной и общественной жизни и которые должны лежать въ основѣ общественныхъ формъ и порядковъ.

Въ каждомъ идеалѣ должнаго мы вообще мыслимъ всегда нѣкоторыя совершенства, а не простую нормальность. Идея совершенства есть продуктъ чистаго творчества идеи о томъ, что должно быть, а не изслѣдованія того, что есть: совершенно—то, что вполнѣ соотвѣтствуетъ своей идеѣ. Напр., понятіе круга, въ которомъ всѣ радіусы абсолютно равны между собою, есть продуктъ нашего творчества, а не результатъ изслѣдованія свойствъ отдѣльныхъ круговъ, какіе мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности. Отъ идеи совершенства нужно отличать идею нормальности. Нормально то, что не отступаетъ отъ того или другого понятія, созданнаго путемъ изслѣдованія соотвѣтственныхъ предметовъ. Таково, напр., понятіе нормальнаго организма, въ коемъ мы мыслимъ наиболѣе постоянно встрѣчающіеся признаки организмовъ даннаго вида. Поэтому примѣненіе понятія нормальности къ человѣческой личности, къ ея поведенію, къ формамъ общества и государства, въ концѣ концовъ, не идетъ далѣе подведенія итоговъ подъ фактами и явленіями, наиболѣе часто встрѣчающимися вообще въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, хотя бы даже лишь въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. То, что мы на основаніи изслѣдованія данныхъ опыта и наблюденія должны признать нормальнымъ, будучи таковымъ съ объективной точки зрѣнія, можетъ быть весьма далеко отъ того, въ чемъ съ субъективной точки зрѣнія мы полагаемъ совершенство. Рабство и невѣжество народной массы было явленіемъ вполнѣ нормальнымъ на протяженіи всей исторіи человѣчества, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это явленіе, бывшее результатомъ дѣйствія общихъ соціологическихъ законовъ, давало право говорить о совершенствѣ обществъ, допускавшихъ или допускающихъ подобнаго рода явленія. Если кто-либо назоветъ это явленіе ненормальнымъ, то только исходя изъ иного пониманія нормальнаго. Дѣло въ томъ, что понятіе

нормы можетъ быть примѣнено не только къ тому, что существуетъ, но и къ тому, что должно существовать. Если, напр., говоря о шарѣ, мы будемъ имѣть въ виду дѣйствительно существующія шарообразныя тѣла, между коими не найдется ни одного, у котораго всѣ радіусы были бы совершенно равны, то наше представленіе о реальныхъ шарахъ не будетъ совпадать съ идеальнымъ понятіемъ о шарѣ: что нужно будетъ признать нормальнымъ, это будетъ зависѣть отъ того, что мы будемъ имѣть въ виду—дѣйствительность или идею. Совершенно также и въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ: нормальное, какъ наиболѣе часто и постоянно встрѣчающееся, не будетъ совпадать съ нормальнымъ въ смыслѣ соотвѣтствія съ идеальными представленіями о томъ, чѣмъ должны быть человѣческая личность и человѣческое общество. Въ томъ, что чаще всего или даже постоянно встрѣчается и что потому считается нормальнымъ, всегда проявляется дѣйствіе какого-либо естественнаго закона, управляющаго извѣстной категоріей явленій, тогда какъ признаніе чего-либо нормальнымъ въ другомъ смыслѣ необходимо заключаетъ въ себѣ выраженіе извѣстнаго принципа, который долженъ управлять тѣми или другими отношеніями. Во всякомъ случаѣ, соціологъ создаетъ представленіе о совершенномъ обществѣ отнюдь не тѣмъ путемъ, какимъ физіологъ приходитъ къ представленію нормальнаго организма. Именно, физіологъ остается въ предѣлахъ изслѣдованія фактовъ, соціологъ вступаетъ въ область творчества идеаловъ, которое было бы совершенно безсмысленнымъ по отношенію къ организмамъ. Разница именно заключается въ томъ, что природа не можетъ быть предметомъ такого же воздѣйствія со стороны человѣка, какимъ можетъ быть самъ человѣкъ или человѣческое общество. Продолжая подчиняться, по прежнему, общимъ законамъ, управляющимъ душевными и общественными явленіями, люди могутъ вносить принципіальныя измѣненія въ свое поведеніе и свои взаимныя отношенія. Личность, державшаяся раньше однихъ правилъ поведенія, можетъ замѣнить эти правила другими. Общество, построенное на однихъ началахъ, можетъ быть перестроено на другихъ началахъ. Человѣческое воздѣйствіе, т.-е. работа личности надъ самою собой и надъ общественными формами, въ состояніи приближать какъ поведеніе самой личности, такъ и соціальныя отношенія къ нѣкоторому идеалу, созданному самою личностью, причемъ одинъ типъ, положимъ, общественнаго устройства, можетъ быть при участіи человѣческой мысли и воли замѣненъ другимъ типомъ, напр., политическій и соціальный строй, основанный на рабствѣ и неравенствѣ, замѣненъ такимъ строемъ, въ основѣ коего будутъ лежать принципы свободы и равноправности. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы и въ природѣ не происходило ничего, въ чемъ нельзя было бы усматривать замѣны однихъ основныхъ признаковъ другими: вся біологическая эволюція, т.-е. все развитіе организмовъ, въ процессѣ котораго создавались новые и новые типы растеній и животныхъ, была именно не чѣмъ инымъ.

какъ переходомъ отъ однихъ началъ къ другимъ, въ предѣлахъ общаго дѣйствія однихъ и тѣхъ же законовъ. Но все различіе заключается въ томъ, что въ царствѣ животныхъ и растеній новыя формы и лежащія въ ихъ основѣ новыя начала были продуктомъ чисто-естественнаго процесса, такъ какъ во всѣхъ измѣненіяхъ формъ и принциповъ личной и общественной жизни человѣка такъ или иначе участвовала мысль и воля отдѣльныхъ людей. Еслибы кто-либо вздумалъ создать въ своемъ воображеніи идеалъ нѣкотораго высшаго организма, который превосходилъ бы, напр., хотя бы всѣхъ позвоночныхъ животныхъ или только людей, подобно тому, какъ позвоночныя животныя или люди превосходятъ, первыя—животныхъ безпозвоночныхъ, а вторыя—всѣхъ млекопитающихъ, то это было бы чѣмъ-то въ родѣ праздной забавы, въ родѣ игры ума, во всякомъ случаѣ не могло бы имѣть никакого практическаго, жизненнаго значенія. Другое дѣло—идеалъ личнаго совершенства и совершеннаго общества. Выработка новыхъ формъ человѣческой жизни совершается на практикѣ при участіи самого человѣка, который ставитъ себѣ цѣли и сообразно съ ними вноситъ тѣ или другія измѣненія въ свое личное поведеніе и общественныя отношенія. Если вообще, при дѣйствіи однихъ и тѣхъ же законовъ, управляющихъ, напр., органическою жизнью или общественными явленіями, возможны весьма различные организмы и типы обществъ, такъ сказать, воплощающіе въ себѣ разные принципы, и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, типическія измѣненія въ общественномъ бытіи человѣка происходятъ путемъ дѣятельности самого человѣка, то творчество общественнаго идеала, т.-е выработка идеальнаго типа общества не можетъ считаться пустою забавой, праздною игрою ума, какою по всей справедливости слѣдовало бы назвать всякую попытку вообразить себѣ новый типъ организма, отличный отъ нынѣ существующихъ типовъ. Сказаннаго совершенно достаточно для уясненія той разницы, которая въ разсматриваемомъ отношеніи существуетъ между гуманитарными и соціальными науками, съ одной стороны, и естествознаніемъ, съ другой.

Въ какомъ бы смыслѣ мы ни брали понятіе нормальнаго, т.-е. будемъ-ли мы думать о нормахъ существующаго, или о нормахъ долженствующаго существовать, мы одинаково будемъ примѣнять свои нормы къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ предметовъ, фактовъ, событій и явленій. Другими словами, мы будемъ производить ихъ оцѣнку съ точки зрѣнія того, что считаемъ нормальнымъ. Выше было уже сказано, что наши отношенія ко всѣмъ предметамъ и явленіямъ бываютъ четырехъ родовъ: это—отношенія теоретическое, эмоціональное, утилитарное и этическое. Съ теоретической точки зрѣнія, мы назовемъ нормальнымъ то, что соотвѣтствуетъ общему правилу, не отступаетъ отъ своего типа, исполняетъ свою функцію и т. п. При отношеніи эмоціональномъ мы готовы называть нормальнымъ то, что соотвѣтствуетъ требованіямъ нашихъ чувствъ, нашимъ вкусамъ и привычкамъ; таковы, напр., наши сужденія о кра-

сотѣ или безобразіи,—сужденія, которыя въ высшей степени произвольны, такъ какъ у всякаго на этотъ счетъ существуетъ своя мѣрка. Приблизительно то же самое можно сказать о сужденіяхъ разнаго рода, мѣрку для которыхъ мы беремъ изъ области нашихъ интересовъ, т.-е. когда мы становимся на утилитарную точку зрѣнія, ибо полезное для одного можетъ быть вреднымъ для другого, и наоборотъ, вслѣдствіе чего тутъ немыслимо установленіе какихъ бы то ни было общихъ нормъ. Если въ областяхъ эмоціональнаго и утилитарнаго отношеній общія мѣрки нормальнаго невозможны, а между тѣмъ онѣ существуютъ въ области отношенія теоретическаго, то и тутъ этическое отношеніе должно быть поставлено рядомъ съ отношеніемъ теоретическимъ, никакъ не съ двумя другими родами отношеній. Съ этической точки зрѣнія каждый назоветъ нормальнымъ то, что соотвѣтствуетъ идеѣ должнаго, и эту мѣрку нормальнаго и ненормальнаго мы необходимо будемъ примѣнять къ оцѣнкѣ всѣхъ явленій въ духовной и общественной жизни человѣка. Какъ ни различны между собою теоретическое понятіе объективныхъ и реальныхъ нормъ, съ одной стороны, и этическая идея нормъ субъективныхъ и идеальныхъ, съ другой, и тѣ и другія нормы уже въ томъ отношеніи между собою сходны, что могутъ быть общими для всѣхъ людей одной и той же ступени умственнаго и нравственнаго развитія, независимо отъ ихъ вкусовъ, привычекъ, интересовъ и т. п., лежащихъ въ основѣ эстетическихъ и утилитарныхъ оцѣнокъ.

Многіе думаютъ, что какая бы то ни была оцѣнка не есть дѣло науки. Другіе полагаютъ, что науки гуманитарныя и соціальныя, въ отличіе отъ естествознанія, наоборотъ, имѣютъ право оцѣнивать подлежащіе ихъ знанію предметы и событія. Оба утвержденія нужно, однако, признать невѣрными: первое—потому, что оно отрицаетъ возможность всякой оцѣнки; второе—потому, что оно допускаетъ оцѣнку въ одной категоріи наукъ. Вѣдь, подъ оцѣнкою мы разумѣемъ всѣ сужденія, посредствомъ которыхъ приписываемъ предметамъ свойства или качества, являющіяся таковыми по отношенію къ чему-либо постороннему. Когда, напр., мы говоримъ о томъ или другомъ цвѣтѣ предмета, мы констатируемъ только извѣстный фактъ, но если мы скажемъ, что этотъ цвѣтъ для даннаго предмета обыченъ или необыченъ, будучи общимъ правиломъ или исключеніемъ, когда мы говоримъ, что онъ для нашихъ глазъ пріятенъ или непріятенъ, полезенъ или вреденъ и т. п., мы уже производимъ оцѣнку, беря въ данномъ случаѣ цвѣтъ предмета въ его отношеніи къ другимъ подобнымъ предметамъ или къ нашему органу зрѣнія. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ предметами и событіями изъ міра природы, вся наша оцѣнка дѣйствительныхъ фактовъ и явленій можетъ быть по отношенію или къ ихъ обычности, къ ихъ пріятности или ихъ полезности, но когда дѣло касается фактовъ и явленій изъ личной и общественной жизни человѣка, т.-е. касается чьихъ-либо мыслей, чувствъ, стремленій, поступковъ, отношеній, равно какъ формъ и

порядковъ какого-либо общества, то въ нашемъ распоряженіи есть еще категоріи истиннаго, разумнаго, справедливаго, нравственнаго. То или другое мнѣніе мы можемъ назвать умнымъ и глупымъ, основательнымъ или неосновательнымъ и т. п., какъ можно назвать то или другое поведеніе хорошимъ или дурнымъ, цѣлесообразнымъ или нецѣлесообразнымъ, а тѣ или другія общественныя отношенія—нравственными или безнравственными, справедливыми или несправедливыми и пр. Съ этими послѣдними категоріями мы совсѣмъ не можемъ подходить къ оцѣнкѣ предметовъ и событій міра матерьяльнаго, что, повторяемъ, не исключаетъ возможности оцѣнки и въ этой области, только съ иныхъ точекъ зрѣнія.

Указывая на разницу, существующую между естественными науками, съ одной стороны, и науками гуманитарными и соціальными, съ другой, мы должны указать на самое первое основаніе устанавливаемаго нами различія, причемъ въ дальнѣйшемъ подъ гуманитарными науками мы будемъ разумѣть и науки соціальныя.

Обращаясь къ терминамъ, употребляемымъ нами для обозначенія двухъ главныхъ категорій, между коими мы дѣлимъ всѣ науки, мы могли бы сказать, что естественныя науки имѣютъ дѣло съ природой, гуманитарныя—съ человѣкомъ. Это будетъ, однако, не совсѣмъ вѣрно, и даже совсѣмъ невѣрно. Человѣкъ есть часть природы, и нѣкоторыя науки, изучающія человѣка, каковы анатомія, физіологія, антропологія, суть несомнѣнно науки естественныя, а не гуманитарныя, хотя онѣ и изучаютъ человѣка. Ближе къ истинѣ говорить, что естествознаніе имѣетъ дѣло съ предметами и событіями матерьяльнаго порядка, а науки гуманитарныя—съ предметами и событіями порядка духовнаго. Но и тутъ пришлось бы въ число наукъ гуманитарныхъ включить изученіе психической и соціальной жизни животныхъ, что лишало бы эти науки права называться гуманитарными. Гораздо тверже будемъ мы стоять на почвѣ строгаго различія между науками естественными и гуманитарными, если будемъ признавать, что первыя занимаются вещами, или вещественными предметами, къ числу которыхъ относится и человѣкъ, взятый со стороны своей тѣлесной организаціи, а вторыя науки имѣютъ дѣло съ лицами, т.-е. съ духовною (и общественною) стороною жизни однихъ только людей, поскольку, напр., и животныхъ мы признаемъ вещами, а не лицами. Вещь, это то, между прочимъ, что мы считаемъ себя въ полномъ правѣ употреблять въ качествѣ орудія или средства. Наоборотъ, лицу, человѣческой личности, мы приписываемъ извѣстное внутреннее достоинство, обобщая и распространяя на другихъ свое собственное нежеланіе быть чѣмъ-либо средствомъ или орудіемъ и такимъ образомъ полагая, что каждая человѣческая личность сама составляетъ цѣль своего собственнаго существованія и требуетъ съ нашей стороны уваженія къ ея правамъ, отсюда вытекающимъ. Въ личности, такимъ образомъ, есть нѣчто бо́льшее, нежели въ вещи.

И къ вещамъ, и къ личностямъ у насъ могутъ существовать отношенія теоретическое, эмоціональное и утилитарное, но этическое отношеніе можетъ существовать только къ личностямъ, къ ихъ духовной и общественной жизни. И мы уже видѣли, что этическое отношеніе и является корнемъ творчества идеаловъ и нормъ должнаго. Самое понятіе личности, какъ чего-то, въ себѣ самомъ заключающаго цѣль своего собственнаго существованія, какъ чего-то, не могущаго быть орудіемъ или средствомъ для достиженія цѣли, ему посторонней и чуждой, какъ существа, обладающаго безусловнымъ достоинствомъ и естественными и неотъемлемыми правами,—само такое понятіе относится къ области нашихъ идеаловъ, нашихъ нормъ, т.-е. того, что должно быть. Безъ этого, однако, понятія немыслима была бы этика, ни индивидуальная, ни соціальная, и цѣлая сторона человѣческой жизни ускользала бы отъ соціологовъ и историковъ, отъ политиковъ, юристовъ и экономистовъ.

III.

Попытки изгнанія этическаго элемента изъ наукъ гуманитарныхъ оканчивались, больше ечастью, безсознательнымъ включеніемъ этого же самаго элемента, но подъ другимъ названіемъ и уже безъ достаточно критическаго отношенія къ самому этому понятію. Изъ всего предъидущаго слѣдуетъ, что естествознаніе основывается исключительно на одномъ теоретическомъ отношеніи къ своимъ предметамъ, тогда какъ науки гуманитарныя съ такимъ теоретическимъ отношеніемъ должны соединять еще и отношеніе этическое. Само теоретическое отношеніе въ обѣихъ категоріяхъ наукъ бываетъ, далѣе, научнымъ или философскимъ, смотря по тому, что преобладаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такого отношенія, изслѣдованіе-ли дѣйствительности, или творчество идей? Именно, все различіе между наукой и философіей, употребляя слово наука въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, можно полагать въ томъ, какая задача выдвигается на первый планъ и какимъ путемъ она рѣшается. Всякое изслѣдованіе дѣйствительности предполагаетъ строгое подчиненіе нашей мысли даннымъ опыта или наблюденія (а также даннымъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ), и лишь въ предѣлахъ этого подчиненія допустимо въ наукѣ творчество, безъ коего, какъ было сказано раньше, не можетъ обойтись никакое знаніе. Разъ въ наукѣ творчество должно быть безусловно связано объектомъ изученія, оно не имѣетъ права ничего создавать, что въ то же время не давалось бы дѣйствительностью, частныя истины о которой намъ извѣстны путемъ опыта. «Высшій идеалъ науки,—писали мы другомъ мѣстѣ [1]),—заключается въ точности знанія, т.-е. въ полномъ соотвѣтствіи ея истинъ съ дѣйствительностью, котораго не можетъ быть безъ примѣненія къ изученію критическихъ пріемовъ мысли: научной истиной мы называемъ такую

[1]) «Историко-философскіе и соціологическіе этюды».

мысль, содержаніе которой добыто именно этимъ, а не какимъ-либо инымъ путемъ и можетъ быть постоянно провѣрено; точныя науки, обладающія такими истинами въ наибольшемъ количествѣ, мы и ставимъ поэтому въ образецъ другимъ, менѣе совершеннымъ наукамъ, и имъ же, этимъ точнымъ наукамъ, наиболѣе довѣряемъ въ нашей практической дѣятельности. Само творчество во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчиняется здѣсь требованіямъ точности. Научныя представленія и понятія должны соотвѣтствовать даннымъ въ дѣйствительности предметамъ и ихъ классамъ; соединеніе разрозненныхъ элементовъ знанія въ систему должно изображать дѣйствительныя отношенія между данными предметами или ихъ классами; гипотезы,—это угадываніе истины, къ которому вынуждена прибѣгать наука,—должны выдерживать испытаніе провѣркой, безъ чего не могутъ имѣть научнаго значенія, не говоря уже о добываніи общихъ истинъ путемъ обобщенія частныхъ. Но творческій процессъ мысли въ области знанія на этомъ не останавливается и, преслѣдуя тѣ же цѣли, что и въ наукѣ, начинаетъ дѣйствовать и внѣ той области, въ которой возможенъ строго-научный методъ, дающій намъ точное знаніе о дѣйствительныхъ предметахъ. Рядомъ съ научными понятіями умъ нашъ творитъ идеи, какъ нѣкоторыя общія представленія, образованныя совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ научныя представленія и понятія: послѣднимъ соотвѣтствуютъ дѣйствительные предметы или ихъ классы, тогда какъ въ идеяхъ и идеалахъ намъ дается нѣкоторое содержаніе, коему въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ, т.-е. это—представленія и понятія не о существующемъ, а о возможномъ или должномъ, каковы всѣ принципы, которые мы кладемъ въ основу вещей, или идеалы, какъ разумные ихъ типы. Далѣе, творческій синтезъ построяетъ знаніе въ систему и за предѣлами того, на что насъ уполномочиваютъ опытъ и наблюденіе, выбирая для этого построенія ту или другую форму изъ нѣсколькихъ, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ. Наконецъ, мы обобщаемъ наше знаніе и съ помощью такихъ гипотезъ, научная провѣрка которыхъ немыслима. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ творчествомъ внѣнаучнымъ, хотя и ставящимъ себѣ тѣ же цѣли, что и наука, т.-е. познаніе. Эта внѣнаучность заключается въ невозможности строгой провѣрки нѣкоторыхъ идей, построеній и гипотезъ данными въ дѣйствительности предметами и классами предметовъ, ихъ взаимными отношеніями, ихъ причинами, а между тѣмъ такое внѣнаучное творчество вызывается потребностями того же знанія, хотя и стремится сообщить ему нѣчто иное, нежели то, что способна сдѣлать наука. Уже наука, при всей своей заботѣ о точности, хлопочетъ еще о полнотѣ, стройности и цѣлостности знанія, которыхъ можно достигнуть только путемъ творчества: какъ-разъ именно внѣнаучное творчество и ставитъ себѣ задачею эту полноту, стройность, цѣлостность, хотя бы при этомъ и не достигалось точности. Вотъ такое-то творчество и со-

здаетъ область философіи въ ея отличіе отъ науки: въ этомъ смыслѣ и правильнѣе всего противополагать философію наукѣ, говорить о творчествѣ, какъ объ основномъ признакѣ первой, и объ изслѣдованіи, требующемъ прежде всего точности, какъ о столь же основномъ признакѣ второй. Какъ красная нить, проходитъ творчество черезъ все многовѣковое развитіе философіи: характеромъ и направленіемъ творчества опредѣляются уже другіе, болѣе случайные и непостоянные признаки философіи. Во-первыхъ, будутъ-ли ея идеи преобразованными представленіями и понятіями изъ тѣхъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло и наука, или продуктами чистой фантазіи, будемъ-ли мы этимъ идеямъ приписывать лишь субъективное значеніе или ихъ объективировать внѣ себя, какъ нѣкія сверхчувственныя сущности, во всякомъ случаѣ, вырабатываетъ ихъ творческій процессъ мысли, имѣющій цѣлью полноту знанія, соединеніе реальнаго съ идеальнымъ, не знаніе одного того, что есть, но и того, что должно быть для удовлетворенія нашихъ субъективныхъ потребностей. Во-вторыхъ, философія стремится внести въ знаніе стройность; и здѣсь возможны разные пути, слѣдованіе которыми опредѣляетъ ту или другую философію уже дальнѣйшимъ образомъ: будемъ-ли мы добиваться порядка въ знаніи путемъ строгаго мышленіи или путемъ чистаго воображенія, будемъ-ли только продолжать научныя построенія за предѣлами науки или исходить при этомъ изъ мысли о полномъ тожествѣ связи между нашими идеями и связи между вещами, насъ, главнымъ образомъ, будетъ занимать одно—внесеніе въ знаніе стройности. Наконецъ, цѣлостность знанія, къ которой стремится философія, требуетъ необходимо творчества нѣкоторыхъ обобщающихъ гипотезъ, и именно эту цѣлостность мы имѣемъ въ виду, сводя свое міросозерцаніе къ извѣстнымъ основамъ, станемъ-ли мы видѣть въ нихъ лишь наиболѣе вѣроятныя гипотезы или выдавать ихъ за самыя несомнѣнныя истины, будемъ-ли создавать эти гипотезы методомъ мысли, постоянно провѣряющей свои основанія, или путемъ полнаго субъективнаго произвола, постараемся-ли свести этотъ гипотетическій элементъ до minimum'а, заботясь въ то же время, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣчилъ наукѣ, или предпочтемъ громоздить гипотезы на гипотезы, не взирая на то, какую цѣну каждая изъ нихъ будетъ имѣть въ глазахъ науки».

«Если,—писали мы еще [1]),—обобщить все, что можно сказать о понятіяхъ, построеніяхъ и общихъ положеніяхъ философіи, то существеннымъ ихъ признакомъ должно признать ихъ гипотетичность: каждая философская идея есть гипотеза, говоримъ-ли мы о принципѣ чего-нибудь или какомъ-либо идеалѣ, ибо приписать какому-нибудь явленію тотъ или другой принципъ значитъ предположить, что въ основѣ его лежитъ та или другая цѣль, которой оно служитъ, а создать иде-

[1]) Тамъ же.

алъ значитъ равнымъ образомъ предположить возможность существованія нѣкотораго явленія; гипотетическій характеръ имѣетъ и каждое философское построеніе, ибо въ основѣ его лежитъ предположеніе, что изъ всѣхъ возможныхъ формъ построенія, допускаемыхъ даннымъ содержаніемъ, избранная нами форма наиболѣе удовлетворительна; наконецъ, именно отсутствіе провѣрки отличаетъ философскія положенія отъ положеній науки, и въ основѣ каждой философской системы лежитъ всегда гипотеза или рядъ гипотезъ, какъ бы при этомъ ни былъ малъ научно недоказуемый элементъ каждой гипотезы и какъ бы ни незначительно было количество такихъ исходныхъ предположеній. Чѣмъ сильнѣе развитъ этотъ основный признакъ философіи, тѣмъ она дальше стоитъ отъ науки, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ здѣсь откровенно идеалистическимъ системамъ, видящимъ въ идеяхъ дѣйствительныя сущности внѣ міра явленій или воплощенныя въ явленіяхъ, признающимъ возможность построенія знанія одной умственной операціей надъ этими идеями, сводящимъ всѣ явленія міра къ одной или нѣсколькимъ сущностямъ. Весь идеализмъ есть не что иное, какъ творчество разнообразныхъ гипотезъ, и если только мы стремимся къ примиренію философіи и науки, мы должны опредѣлить законныя границы идеализма, творчества, гипотетическаго элемента философіи.

«Наука имѣетъ весьма многое сказать противъ идеалистической философіи: ея гипотезы, вносящія въ знаніе цѣльность, либо противорѣчатъ научнымъ теоріямъ явленій, либо не имѣютъ съ ними точекъ соприкосновенія, а потому наука отворачивается отъ метафизики, основываясь сама на реализмѣ, въ смыслѣ ученія о познаваемости одного феноменальнаго міра; вмѣстѣ съ этимъ наука возстаетъ противъ идеологіи, вносящей въ знаніе стройность безъ всякаго руководства со стороны опыта и наблюденія, на которыхъ основанъ реализмъ науки, въ смыслѣ воспроизведенія отношеній, данныхъ въ дѣйствительности; и идеализація противорѣчитъ трезвому реализму науки, признающей въ дѣйствительности только то, что открыто научнымъ анализомъ. Но есть одна область, гдѣ идеализмъ неприступенъ: это—творчество идеаловъ, оцѣнка явленій съ принципіальной точки зрѣнія, и такой идеализмъ всегда будетъ имѣть мѣсто въ философіи. Однако, и сами идеи, принципы, идеалы должны не находиться въ противорѣчіи съ наукой, если только философія хочетъ быть научной: каждая идея должна быть преобразованнымъ научнымъ понятіемъ, при помощи возведенія въ принципъ одного изъ элементовъ его содержанія, а идеалы должны имѣть за себя хотя бы самую общую вѣроятность, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы относились къ явленіямъ, съ которыми и наука имѣетъ дѣло. Идея, для которой въ наукѣ нѣтъ соотвѣтственнаго понятія, идеалъ, осуществимый только внѣ міра явленій, не имѣютъ пунктовъ соприкосновенія съ тѣмъ, чѣмъ занимается наука. Наука опредѣляетъ роль творчества въ философіи: оно полу-

чаетъ право создавать идеи, которымъ не приписывалось бы ничего, кромѣ того, что въ нихъ мы выражаемъ наши субъективныя требованія отъ извѣстныхъ отношеній; оно получаетъ право вносить стройность въ знаніе, продолжая этимъ дѣло науки за ея предѣлами, но не вводя существенно новыхъ пріемовъ мысли въ эту работу; оно получаетъ право создавать внѣнаучныя теоріи, но не выходя за предѣлы того міра явленій, которымъ занимается наука, и пользуясь послѣдними выводами самой науки».

Послѣ всего, что было сказано до сихъ поръ, должно быть понятно безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что этическое отношеніе къ предметамъ и событіямъ, изучаемымъ науками гуманитарными и соціальными, и вытекающій изъ этого отношенія законный субъективизмъ, имѣютъ по существу дѣла характеръ философскій. Такимъ образомъ, къ философскому элементу, существующему въ изученіи человѣка и общества на томъ же основаніи, на какомъ этотъ элементъ существуетъ въ изученіи природы, прибавляется въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ философскій элементъ, основывающійся на этическомъ отношеніи къ фактамъ и явленіямъ духовной и общественной жизни человѣка. Съ этой точки зрѣнія моральный и соціальный идеализмъ является вполнѣ законнымъ въ нашей умственной дѣятельности, направленной на знаніе и пониманіе внутренняго міра и внѣшнихъ отношеній человѣка. Нужно, однако, точнѣе опредѣлить понятіе этого законнаго идеализма. Вѣдь подъ идеализмомъ разумѣютъ весьма различныя вещи, и когда одно и то же слово употребляется для обозначенія не совсѣмъ между собою сходныхъ понятій, всегда возможны недоразумѣнія со всѣми ихъ печальными послѣдствіями. Можно именно вообще принять шесть значеній, въ которыхъ употребляется это слово. Три изъ нихъ не оправдываются критическою философіей, общими принципами науки и дѣйствительностью: это именно 1) *метафизика*, которая превращаетъ отвлеченныя идеи нашего ума въ сущности, лежащія за предѣлами міра явленій; 2) *идеологія*, связывающая данныя въ дѣйствительности явленія по той связи, которую умъ находитъ между нашими о нихъ идеями, и 3) *идеализація*, состоящая въ невѣрномъ изображеніи дѣйствительности, въ ея прикрашиваніи въ томъ или другомъ смыслѣ, а противоположными принципами тогда будутъ *феноменологія*, какъ изученіе однихъ явленій, *эмпиризмъ*, какъ связываніе ихъ такъ, какъ они даны въ опытѣ, и *реализмъ*, какъ изображеніе ихъ, вѣрное дѣйствительности. Другими тремя формами идеализма будутъ: 1) *субъективизмъ* въ смыслѣ изученія не одной объективной стороны явленій тамъ, гдѣ существуетъ и субъективная сторона; 2) *абстракція*, т.-е. связываніе явленій не такъ, какъ они даны въ своей конкретности, но и по тѣмъ ихъ сторонамъ, которыя умъ нашъ отвлекаетъ отъ другихъ сторонъ, и 3) *идеализмъ* въ собственномъ смыслѣ, или деонтологія, т.-е. знаніе должнаго, какъ синтетическое творчество

идеаловъ, противоположное аналитическому изученію дѣйствительности. Метафизика ищетъ внутренней сущности и цѣнности вещей *an und für sich*; субъективизмъ ограничивается внутреннею стороною внѣшнихъ фактовъ, гдѣ таковая имѣется или можетъ предполагаться на научныхъ основаніяхъ; во всякомъ случаѣ, искать смысла въ объективномъ явленіи есть идеализмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Различіе между идеологіей и абстракціей то же, что въ схоластикѣ между направленіями реализма, приписывавшаго идеямъ реальность, и номинализма, видѣвшаго въ нихъ только отвлеченныя имена вещей; идеологія приводитъ къ конструированію явленій по той связи, которую умъ находитъ между идеями нашими о нихъ, абстракція состоитъ только въ отвлеченіи отъ ея хода того, что признается наиболѣе существеннымъ; но и это есть идеализмъ въ широкомъ значеніи слова, поскольку нашъ умъ вноситъ порядокъ и единство въ разрозненныя данныя нашего опыта и наблюденія, касающагося отдѣльныхъ конкретныхъ предметовъ. Идеализація сводится къ формулѣ, по которой дѣйствительность есть воплощеніе идеала: здоровый идеализмъ (деонтологія) ограничивается однимъ творчествомъ идеала, не усматривая его уже осуществленнымъ въ дѣйствительности. Идеалистичность философіи должна заключаться не въ метафизической подкладкѣ, которую каждый придумываетъ сообразно со складомъ своего ума и своимъ настроеніемъ, не въ идеологіи, ведущей къ произвольнымъ построеніямъ и системамъ, не въ идеализаціи дѣйствительвости, т.-е. возведеніи случайнаго и ограниченнаго на степень абсолютнаго и разумнаго, а въ этической оцѣнкѣ фактонъ и явленій, указанныхъ нами при изученіи личной и общественной жизни человѣка. Устраняя изъ философіи и науки метафизику, идеологію и идеализацію, рекомендуя видѣть въ природѣ и жизни человѣка только совокупность извѣстныхъ явленій, строить систему знанія на основаніи эмпирическихъ данныхъ или, по крайней мѣрѣ, не въ противорѣчіи съ ними и брать дѣйствительность такъ, какъ она дана въ реальности, мы находимъ, что и односторонній реализмъ неприложимъ къ философіи исторіи.

Реализмъ также можно толковать въ шести смыслахъ. Подъ нимъ разумѣется: или 1) *знаніе феноменальнаго*, исключающее метафизику, или 2) *эмпирическое построеніе*, устраняющее идеологію, или 3) реализмъ въ собственномъ смыслѣ, *враждебный идеализаціи дѣйствительности*. Во всѣхъ этихъ смыслахъ, конечно, нужно быть реалистомъ. Но если реализмъ 4) проповѣдуетъ *крайній объективизмъ*, не допускающій субъективнаго отношенія къ нравственнымъ и общественнымъ явленіямъ, 5) требуетъ *не выходить изъ области эмпирически-конкретнаго* въ область отвлеченныхъ идей и 6) ограничиваетъ задачу наукъ гуманитарныхъ и соціальныхъ *однимъ анализомъ реальнаго*, запрещая имъ творить идеалы должнаго и съ ихъ точки зрѣнія оцѣнивать дѣйствительность, то реализмъ получаетъ уже иной смыслъ, какой,—мы увидимъ скоро. Въ

отказѣ отъ метафизики, идеологіи, идеализаціи философія, принципами которой прежде была вѣра, умозрѣніе, поэзія, сдѣлала уступку наукѣ, принципы коей—знаніе, опытъ, дѣйствительность, но сама она требуетъ, чтобы наука подвергала свое объективное знаніе ея субъективной критикѣ, не коснѣла на добытомъ своимъ эмпиризмомъ конкретномъ фактѣ,—видя въ немъ лишь матерьялъ для абстрактнаго умозрѣнія, руководимаго опытомъ,—и, производя свой анализъ реальнаго, не мѣшала философіи совершать творческій синтезъ въ сферѣ идеальнаго. Наука не можетъ ничего сказать противъ такихъ притязаній философіи: объективное знаніе останется тѣмъ же, какъ бы мы ни оцѣнивали фактъ, имъ сообщаемый; эмпирически-конкретное не уничтожится, съ какой бы абстрактной точки зрѣнія мы на него ни смотрѣли; данныя анализа реальности не сдѣлаются другими, какими бы идеалами мы ни руководились. Вотъ, еслибы философія стала отрицать цѣну объективнаго знанія феноменовъ, ради вѣрованій метафизики, еслибы стала, вмѣсто эмпирически-конкретнаго, видѣть только свои чисто-умозрительныя отвлеченности, еслибы стала изображать реальное не такъ, какъ постигъ его научный анализъ, а какъ подсказывалъ бы ей ея поэтическій синтезъ, тогда бы, конечно, о научности философскаго отношенія не могло быть и рѣчи.

Вообще, употребленіе терминовъ «идеализмъ» и «реализмъ» нерѣдко приводитъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ, благодаря различнымъ смысламъ, какіе вкладываются въ эти два слова.

Идеализмъ нерѣдко отожествляютъ съ спиритуализмомъ, который самъ есть не что иное, какъ метафизическое воззрѣніе, сводящее весь міръ явленій къ духовной сущности, и тогда реализмъ отожествляютъ съ матерьялизмомъ, который есть только другое метафизическое ученіе, полагающее міровую сущность въ матеріи. Критическая философія и параллелистическое пониманіе взаимныхъ отношеній духа и матеріи совершенно устраняютъ одинаково и идеализмъ, и реализмъ въ такомъ метафизическомъ значеніи. Настоящая научно-реалистическая философія природы легко обходится безъ спиритуалистическихъ предположеній, но на томъ же самомъ основаніи и научно-реалистическая философія личной и общественной жизни человѣка для того, чтобы быть реалистичной, вовсе не нуждается въ какихъ-либо матерьялистическихъ предпосылкахъ. Правильно понятый принципъ реализма заставляетъ насъ брать и изображать данную дѣйствительность такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, не перенося воззрѣній, пригодныхъ для объясненія и пониманія одного какого-либо класса реальныхъ явленій на другіе ихъ классы. Сама дѣйствительность не есть нѣчто однородное. Мы различаемъ въ ней разныя категоріи явленій, и было бы противно принципу научнаго реализма разсматривать явленія той или другой категоріи, съ точки зрѣнія или подъ угломъ зрѣнія вполнѣ пригодныхъ для какой-либо иной категоріи, а никакъ не для взятой въ разсмотрѣніе. Напр., какъ заставляетъ насъ научный реа-

лизмъ смотрѣть на человѣческое общество? Прежде всего мы видимъ, что въ основѣ общественной жизни лежитъ всегда психическая связь между отдѣльными особями. Эта психическая связь есть вполнѣ реальное явленіе, доступное нашему опыту (въ данномъ случаѣ внутреннему) и наблюденію (даже чисто внѣшнему). Но сама эта связь есть не что иное, какъ одно изъ проявленій психической или духовной жизни вообще, состоящей опять-таки изъ совокупности реальныхъ явленій особаго характера. Отсюда требованіе дѣйствительно реалистической соціологіи—принимать въ разсчетъ психическій элементъ всякаго общественнаго бытія. Тутъ дѣло идетъ о реальномъ фактѣ, а не о какомъ-либо спиритуалистическомъ предположеніи метафизическаго свойства. Между тѣмъ, нѣкоторые писатели, ошибочно понимая стремленія реализма, полагали, что послѣдній требуетъ устраненія чуть-ли не всѣхъ психологическихъ соображеній изъ области соціологіи. Иные даже думали, что реалистическая наука объ обществѣ должна быть только спеціальнымъ продолженіемъ зоологіи или вообще біологіи и въ качествѣ такового подчиняться во всемъ и всецѣло научнымъ принципамъ, извлеченнымъ изъ изученія матерьяльной природы. Такой реализмъ, собственно говоря, есть лже-реализмъ, поскольку тутъ данная дѣйствительность (т.-е. въ нашемъ случаѣ общество) берется не такъ, какъ она есть, а какъ должна представляться съ условной точки зрѣнія человѣка, который дѣлаетъ предположеніе, основанное на изученіи явленій совсѣмъ другого характера. Это именно не реализмъ, а натурализмъ, принимая оба термина въ томъ значеніи, которое утвердилось за ними въ примѣненіи къ извѣстнымъ литературнымъ направленіямъ: реализмъ есть вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, натурализмъ—ея искаженіе, разъ духовную и общественную жизнь человѣка вполнѣ отожествляютъ съ отличными отъ нея чисто матерьяльными процессами.

Для того, чтобы та или другая научная теорія имѣла право называться реалистичной, нѣтъ надобности, чтобы она подражала формѣ или буквѣ, а не содержанію или духу научнаго естествознанія, которое именно и обязано всѣми своими успѣхами изученію дѣйствительности, какъ она есть, т.-е. какъ она дана намъ въ опытѣ, безъ какихъ бы то ни было прибавленій или умаленій съ нашей стороны. Натуралистическая соціологія какъ-разъ занимается умаленіемъ того, что даетъ намъ и обыденное, и научное наблюденіе надъ общественною жизнью человѣка.

П. Карѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Одни—двуногое, пасущееся стадо
Безъ думъ, надеждъ и грезъ, которыхъ людямъ надо.
Не зная ни тоски, ни порываній въ высь,
Они какъ бы въ грязи для грязи родились.
Такъ есть животныя, которымъ воспретила
Природа подымать къ небеснымъ высямъ рыла.
Другіе до того чуждаются земли,
Что въ міръ невѣдомый изъ нашего ушли.
Когда ихъ надъ землей, какъ духовъ, носятъ крылья,
Они, съ своихъ высотъ, изъ рога изобилья
Намъ сыплютъ пѣсенокъ летучіе листки.
И ропщемъ мы: „зачѣмъ, разсудку вопреки,
Намъ эти пряности и эти карамели,
Межъ тѣмъ какъ досыта и хлѣба мы не ѣли?“
И такъ—двѣ крайности. Когда одна изъ двухъ,
Иль обѣ вмѣстѣ нашъ плѣнять желаютъ слухъ—
Та хрюканьемъ свинымъ, а эта птичьей пѣсней—
Рѣшить я не берусь изъ нихъ что интереснѣй.
Лишь людъ бы людомъ былъ! Вотъ отповѣдь моя.
А птицей и свиньей... ужъ птица и свинья.

Алексѣй Жемчужниковъ.

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

Генриха Понтопидана (съ датскаго).

КНИГА I.

I.

По большому полю деревни Вельби пахарь шелъ за плугомъ. Это былъ высокій человѣкъ съ юношеской фигурой, одѣтый въ холщевую, заплатанную блузу, красные нарукавники и высокіе сапоги, отвороты которыхъ торчали по обѣ стороны мѣшковатыхъ панталонъ. Изъ-подъ широкихъ полей полинявшей касторовой шляпы ниспадали до ворота длинные, выгорѣвшіе отъ солнца и дождя волосы; свѣтлая борода покрывала грудь и развѣвалась по плечамъ, при малѣйшемъ вѣтрѣ. У него было худощавое лицо, высокій лобъ и большіе, свѣтлые глаза.

Стая воронъ кружилась надъ его головой; то одна, то другая опускалась на свѣжій поднятый пластъ земли и снова отлетала, когда человѣкъ пошевеливалъ возжами, погоняя медленно плетущихся лошадей.

Пахарь этотъ былъ приходскій священникъ деревень Вельби и Скиберупъ — Эммануилъ, какъ его звали прихожане, „современный апостолъ“, какъ окрестили его менѣе расположенные къ нему коллеги по сосѣдству.

Не смотря на грубую одежду и нерасчесанные волосы и бороду, можно было легко догадаться, что онъ не простой крестьянинъ. Его гибкая фигура и покатыя плечи изобличали въ немъ другое происхожденіе. Руки, хотя красныя и опухшія, не походили на громадныя руки людей, пахавшихъ землю съ колыбели. На лицѣ не было многолѣтняго, ровнаго загара настоящаго крестьянина; оно загорѣло пятнами и покрыто было веснушками.

Было холодное, суровое мартовское утро. Порывы вѣтра гнали туманъ по землѣ. Иногда долина закутывалась такимъ густымъ сѣрымъ облакомъ, что съ одного поля не видать было другого; порой вѣтеръ уносилъ его далеко, оставляя кое-гдѣ легкіе клубы

мглы по бороздамъ. По временамъ блѣдный солнечный лучъ внезапно пронизывалъ темныя облака и трепеталъ надъ полями.

Въ такія минуты съ высокихъ церковныхъ полей можно было видѣть всю окрестность, какъ на блюдечкѣ, вплоть до дальней церкви у фіорда, казавшейся блѣднымъ привидѣніемъ во мглѣ. Немного ближе, между двумя холмами открывался видъ на тѣнистый фіордъ. На западѣ высились три холма Скиберупа; ярко красное пятно на одной изъ вершинъ отмѣчало черепичную, крутую крышу новаго собранія.

Эммануилъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои думы, чтобы замѣчать перемѣны въ освѣщеніи ландшафта. Даже, когда онъ останавливался, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, его взглядъ блуждалъ по полямъ, не замѣчая ихъ. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ пашетъ эти поля; онъ такъ привыкъ къ нимъ, что солнечный лучъ, смѣняющій дождь, не обращалъ болѣе на себя его вниманія. Около полудня послышались голоса, приближающіеся къ полю.

Впереди шла дюжая, маленькая дѣвочка четырехъ—пяти лѣтъ, которая везла за веревку маленькую плетеную телѣжку съ сидѣвшимъ въ ней ребенкомъ. По глубокой грязи телѣжка подавалась съ трудомъ; отъ старательныхъ усилій, у дѣвочки шапочка свалилась съ головы, желтые волосы развѣвались по вѣтру и ей приходилось поминутно оставлять веревку, чтобы поправлять чулки, спускавшіеся на деревянные башмаки. Телѣжку подталкивалъ сзади маленькій мальчикъ. На немъ была шапочка съ наушниками, за одинъ изъ которыхъ былъ заткнутъ большой кусокъ ваты, покрывавшій всю щеку.

Высокая, молодая крестьянка шла по самому краю дороги въ нѣкоторомъ отдаленіи; на головѣ у нея былъ платокъ съ цвѣточками; концы его развѣвались по вѣтру. Она шла, напѣвая вполголоса, не поднимая глазъ съ вязанья въ загорѣлыхъ рукахъ.

Это была Ганзенэ и ея трое дѣтей — вся семья Эммануила.

Дойдя до конца поля, гдѣ работалъ отецъ, дѣти остановились и присѣли на камень, поджидая отца у конца борозды. Лица ихъ посинѣли отъ холода. Сидя такимъ образомъ у дороги, въ своихъ старыхъ деревянныхъ башмакахъ, они ничѣмъ не отличались отъ любого деревенскаго оборванца. Конечно, никому не пришло бы въ голову, что дѣти эти принадлежали пастората, красная крыша и высокіе тополи котораго возвышались надъ аспидными крышами крестьянскихъ домовъ.

Эммануилъ весело махнулъ имъ шляпой издали и, дойдя до конца борозды, остановилъ усталыхъ лошадей.

— Что новенькаго, Ганзенэ? — вскричалъ онъ.

Ганзенэ стояла у телѣжки и покачивала ее ногой, такъ какъ малютка не хотѣла сидѣть смирно. Она отсчитала петли на спицахъ и отвѣчала мужу съ замѣтнымъ крестьянскимъ выговоромъ:

— Нѣтъ, кажется, ничего нѣтъ новенькаго!.. Ахъ, да! приходилъ ткачъ, хотѣлъ съ тобой поговорить.

— Въ самомъ дѣлѣ? — проговорилъ Эммануилъ, разсѣянно измѣряя глазомъ сдѣланную сегодня работу: — что у него было на умѣ?

— Не знаю, онъ не очень-то разговаривалъ. Велѣно тебѣ сказать, чтобы ты приходилъ на собранье приходскаго совѣта въ три часа.

— Это, я думаю, насчетъ бѣдныхъ, — замѣтилъ онъ: — или о церковныхъ дѣлахъ. Онъ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, посидѣлъ да посмотрѣлъ по сторонамъ и пошелъ назадъ.

— Чудакъ онъ!.. Послушай, Ганзенэ, — заговорилъ онъ совершенно инымъ тономъ: — помнишь, я тебѣ говорилъ о новой системѣ удобренія полей, о которой я читалъ въ сельскохозяйственной газетѣ? Чѣмъ больше я о ней думаю, тѣмъ больше она мнѣ нравится. Не правда-ли, гораздо естественнѣе класть свѣжій навозъ на поля и запахивать сразу, чѣмъ держать его въ кучахъ, пока вся сила изъ него не выйдетъ, къ тому же, заражая воздухъ вокругъ. Помнишь, по разсчету этой статьи, выходило, что страна теряетъ три милліона въ годъ, благодаря этой старой системѣ. Я положительно не могу понять, какъ это никто не додумался прежде до такой простой вещи. Я полагаю, эти навозныя кучи были просто слѣдствіемъ рабства. Такъ какъ крестьяне должны были работать на своего господина прежде, чѣмъ позаботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ, имъ и приходилось откладывать свою работу со дня на день и складывать навозъ въ кучи, пока могли урвать нѣсколько часовъ для себя. Когда причины эти устранились, крестьяне, вѣроятно, по привычкѣ, продолжали складывать навозъ въ кучи и считали, что это такъ нужно. Словомъ, эти вонючія кучи — остатки крѣпостничества, какъ и многія другія отжившія вещи, отъ которыхъ мы теперь стараемся освободиться. Какое славное время мы переживаемъ, Ганзенэ! Быть свидѣтелемъ просвѣщенія и видѣть, какъ мало-по-малу возникаетъ идея правды и справедливости въ большихъ и маленькихъ дѣлахъ, свергая иго рабства и подготовляя человѣчество къ лучшему и счастливѣйшему будущему!

Ганзенэ перебирала спицами и отвѣчала лишь разсѣянной улыбкой. Она знала, какъ легко воспламеняется Эммануилъ новыми идеями и привыкла молча слушать его объясненія о томъ, какъ осуществятся эти великія задачи.

— Ну, пора и распрягать, — сказалъ Эммануилъ, взглянувъ на большіе, серебряные часы, прижавъ ихъ сначала къ уху, по крестьянскому обычаю: — Ледди, хочешь помочь отцу?

Мальчикъ все еще сидѣлъ на камнѣ около сестры. Онъ задумчиво слѣдилъ за воронами, какъ онѣ перелетали съ мѣста на мѣсто по свѣжей бороздѣ, и не слыхалъ зова. Онъ сидѣлъ неподвижно, положивъ ухо, заложенное ватой, на руку; лицо его имѣло нѣсколько торжественное выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, когда они вспоминаютъ о прежнихъ страданіяхъ.

Ледди былъ малъ ростомъ и хотя на годъ старше сестры—крѣпкой, краснощекой дѣвочки—казался гораздо моложе ея. Онъ былъ вылитый отецъ; тотъ же высокій, умный лобъ, то же кроткое выраженіе глазъ, тѣ же свѣтлорусые, мягкіе волосы и большіе, свѣтлые глаза, которые на солнцѣ казались почти безцвѣтными.

— Развѣ ты не слышишь, дружокъ? Папа зоветъ тебя,—сказала Ганзенэ.

При звукѣ ея голоса, мальчикъ отнялъ руку отъ уха, стараясь улыбнуться.

— Развѣ ухо все еще болитъ, дитятко?—спросила мать заботливо.

— Нѣтъ, не болитъ,—отвѣчалъ мальчикъ съ живостью:—совсѣмъ не болитъ теперь.

— Такъ ты придешь, Ледди?—позвалъ Эммануилъ изъ-за плуга.

Мальчикъ быстро всталъ, зашагалъ по бороздамъ и началъ отстегивать постромки такъ же серьезно и добросовѣстно, какъ настоящій извозчикъ.

Этотъ мальчикъ былъ зѣницей ока Эммануила и гордостью всей деревни, частью изъ-за своей некрестьянской наружности, а также за свой необыкновенно добрый нравъ. Его окрестили въ честь дѣдушки Андерсъ Іёргенъ, но и дома и на деревнѣ его звали всегда Ледди—какъ назвалъ его отецъ съ перваго дня рожденія. Эта кличка такъ нравилась всѣмъ, что настоящее его имя было почти забыто.

— Что это у тебя, паренекъ?—спросилъ Эммануилъ, увидя вату:—развѣ опять ухо болитъ?

— Да, болѣло немножко,—тихо, какъ бы стыдясь, отвѣчалъ мальчикъ.

— Это непріятно, но вѣдь не очень болѣло, а?

— Нѣтъ, ужъ прошло. Теперь совсѣмъ не болитъ.

— Ну, и ладно! Будь молодцомъ, сынокъ, и не обращай вниманія на пустяки. Ты вѣдь знаешь, слабыши не годятся для жизни, не правда-ли?

— Да.

— А послѣ обѣда, не забудь, намъ надо ѣхать на мельницу. Намъ съ тобой некогда хворать!

Спицы Ганзенэ двигались быстрѣе, чѣмъ когда-либо.

— Мнѣ кажется,—сказала она,—Ледди лучше бы остаться дома сегодня. Ему нездоровилось все утро.

— Да, но вѣдь онъ говоритъ, что ему лучше теперь. Я увѣренъ, что свѣжій воздухъ принесетъ ему только пользу. Ты знаешь старую поговорку: свѣжій воздухъ — Божье лѣкарство... Ледди просто скучалъ дома, оттого и поблѣднѣлъ. Вотъ и все!

— Все равно, Эммануилъ, мнѣ кажется, что намъ надо бы обратить на него побольше вниманія. И хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты поговорилъ о немъ съ докторомъ. Эта исторія съ ухомъ длится уже около двухъ лѣтъ, это совсѣмъ неладно.

Эммануилъ не сразу отвѣтилъ. Не въ первый разъ поднимался этотъ вопросъ.

— Конечно, Ганзенэ, если ты дѣйствительно желаешь этого, я не стану препятствовать. Но ты знаешь, я не особенно вѣрю въ докторское ремесло, и тебѣ извѣстно мое мнѣніе о докторѣ Гассингѣ. Къ тому же, боль въ ухѣ—такая простая вещь у дѣтей! Она пройдетъ сама собой, если дать время природѣ. Твоя мать говоритъ то же самое, а у нея вѣдь многолѣтній опытъ. Подержи эту возжу, Ледди!.. Я никогда не повѣрю, чтобы Богъ создалъ людей такими несовершенными, что имъ всегда нужна помощь врача, когда что-нибудь не въ порядкѣ... У насъ, кажется, есть еще то масло, что Маренъ Нпленъ досталъ отъ старой Греты съ острова Стринъ? Оно помогало мальчику не разъ; во всякомъ случаѣ подождемъ, пока болѣзнь дѣйствительно выяснится и не будемъ безпокоиться изъ-за маленькой простуды, а?.. Иди-ка сюда, маленькій человѣкъ!

При этихъ словахъ онъ поднялъ мальчика и посадилъ его на лошадь.

Ганзенэ молчала. Въ этихъ маленькихъ спорахъ о дѣтяхъ Эммануилъ всегда оставался побѣдителемъ. Онъ былъ такъ находчивъ въ аргументахъ, говорилъ такъ легко и имѣлъ столько основаній для своихъ мнѣній, что, еслибы она и не согла-

шалась съ нимъ, ей приходилось умолкать отъ одного его краснорѣчія.

Туманъ снова стлался по полю курчавыми, легкими клубами, когда они всѣ возвращались въ деревню.

Мальчикъ ѣхалъ верхомъ на лошади, ведя другую за поводъ; Эммануилъ шелъ за нимъ, катя телѣжку одной рукой, а другой придерживая на плечѣ дочку Зигриду. Ее обыкновенно всѣ звали пышкой. Сидя на плечѣ отца, она сняла съ него шляпу, махала ею и весело покрикивала для забавы малютки, которая отвѣчала ей тѣмъ же.

Ганзенэ шла позади съ вязаньемъ. Она держалась такъ же прямо, какъ и въ дѣвичьи годы, и шла тою же увѣренной, красивой походкой. Но выраженіе ея смуглаго лица измѣнилось: оно было болѣе вдумчиво и нѣсколько уныло. Конечно, семь лѣтъ замужней жизни и рожденіе трехъ дѣтей не могли не повліять нѣсколько на ея прежнюю юношескую красоту. Щеки стали худощавѣе, задумчивые глаза впали. Но она была и теперь, несомнѣнно, очень красивая женщина; по крестьянской оцѣнкѣ, она дѣлала честь своимъ 25 годамъ; ею не мало гордились въ Скибирунѣ—ея родной деревнѣ. Были, конечно, и такіе, которые не одобряли ея гордой сдержанности и втайнѣ сожалѣли о выборѣ Эммануила въ тотъ день, когда онъ взялъ себѣ жену изъ своего прихода.

Когда семья проходила подъ сводомъ воротъ пастората, работникъ Нильсъ сидѣлъ на краю желоба у насоса и усердно читалъ газету, разложенную у него на колѣняхъ. Это былъ черноволосый парень лѣтъ двадцати, средняго роста, широкоплечій, курносый, краснощекій и съ безцвѣтной бородкой.

Громадный дворъ пастората, въ которомъ когда-то, во времена архидіакона Тоннезенъ, всегда царствовали порядокъ и тишина, теперь походилъ на любой крестьянскій дворъ... Хозяйственные инструменты всякаго сорта и связки сѣна разбросаны были какъ попало, по всему двору. Нѣсколько дверей стояли отворенными настежъ; отовсюду слышалось мычаніе и блеяніе животныхъ, ожидающихъ своей полуденной кормежки; все вокругъ свидѣтельствовало о спѣшной работѣ. Кое-гдѣ неровная мостовая была полита разсоломъ отъ сельдей, чтобы уничтожить сорную траву; куры рылись около пивоварни въ кучѣ отбросовъ.

— Во что это ты такъ углубился, Нильсъ?—спросилъ Эммануилъ, спустивъ Зигриду съ рукъ и снявъ Ледди съ лошади.— Развѣ есть что-нибудь новенькое въ газетѣ?

Работникъ поднялъ глаза и широко улыбнулся.

— Ого, г-нъ философъ! Опять видно выступилъ на поле брани? Противъ кого сегодня воевалъ, Нильсъ, покажи-ка!—сказалъ онъ, снимая съ лошадей сбрую.

Нильсъ подалъ газету, которую Эммануидъ тутъ же началъ перелистывать, пока Ледди поилъ лошадей у желоба.

— Гдѣ это?.. А! „Высшія школы и нравственная отвѣтственность". Да, да, начало недурно... очень даже хорошо... да, ты правъ! Однако ты, я вижу, не трусъ, Нильсъ!

Работникъ слѣдилъ за выраженіемъ лица своего хозяина, не покидая своего мѣста на краю желоба и каждый разъ, какъ Эммануилъ одобрительно кивалъ головой или громко одобрялъ, его маленькіе, черные глазки вспыхивали.

— Эта статья дѣлаетъ тебѣ честь,—сказалъ Эммануилъ съ улыбкой, возвращая газету:—ты идешь вѣрными шагами по пути писательства. Только берегись, другъ, не потони въ чернилахъ. Иногда они сущій ядъ, которымъ играть не слѣдуетъ.

Его прервала Ганзенэ, которая прошла впередъ садомъ и теперь стояла на высокомъ каменномъ крыльцѣ и звала къ обѣду.

— Ну, такъ надо намъ поторопиться, Ледди, и свести лошадей въ конюшню,—сказалъ Эммануилъ:—послушай, Нильсъ, сходи-ка за Сореномъ, онъ обкапываетъ рѣпу въ полѣ.

II.

Около трехъ часовъ пополудни у окна пріемной въ домѣ Іенсена—предсѣдателя приходскаго совѣта—сидѣлъ высокій, сухощавый, блѣдный человѣкъ, въ домодѣльной парѣ платья изъ грубѣйшаго сукна, съ высокимъ воротомъ и узкими рукавами. Поверхъ платья на немъ былъ черный, стеганный нагрудникъ, который теперь уже рѣдко можно встрѣтить. На рукахъ у него были узкіе, твердые нарукавники изъ селюлоида.

Онъ сидѣлъ, согнувшись и зажавъ руки между колѣнъ; его плоская голова казалась поразительно мала сравнительно съ длиннымъ тѣломъ; волосы и борода рыжіе съ просѣдью, лицо покрыто веснушками.

Въ полной неподвижности этого человѣка было что-то жуткое, а мрачный взглядъ его полузакрытыхъ глазъ казался еще угрюмѣе въ слабомъ, едва пробивающемся сквозь потные окна, свѣтѣ и въ окутывающей домъ тишинѣ. Съ своей плоской головой, искривленнымъ ртомъ и опухшими вѣками, онъ походилъ на рысь,

выглядывающую изъ своего логовища, среди дикихъ лѣсовъ, и поджидающую добычу.

Это былъ Ганзенъ-ткачъ.

Пріемная, въ которой онъ теперь поджидалъ члена совѣта и которая когда-то служила мѣстомъ веселыхъ попоекъ, за послѣдніе годы совершенно измѣнила свой характеръ. Полированные стулья краснаго дерева все еще стояли по стѣнамъ, а золоченые часы продолжали тикать на шифоньеркѣ въ аристократическомъ обществѣ двухъ полунагихъ гипсовыхъ пастушекъ; но, вмѣсто карточнаго стола, за которымъ не одна веселая ночь промелькнула за игрой и пуншемъ въ обществѣ ветеринара Аггерболле, лавочника Виллинга, отставного 80-ти-лѣтняго учителя Мортенсена и самого хозяина,—теперь стоялъ громадный письменный столъ, покрытый бумагами. На противоположной стѣнѣ вновь устроены были полки, заставленныя сплошь счетными книгами, реестрами и связками газетъ, что придавало комнатѣ видъ конторы.

Подобная же перемѣна произошла и въ самомъ Іенсенѣ.

Бурное общественное движеніе среди крестьянъ, распространившееся въ послѣднее время по всей странѣ, разбудило наконецъ его дремлющую совѣсть и побудило бороться за независимость своего сословія. Такъ какъ онъ несомнѣнно былъ самымъ богатымъ крестьяниномъ въ приходѣ и отличался, кромѣ того, щедростью, необычной среди крестьянства, то скоро занялъ выдающееся мѣсто въ околоткѣ; а такъ какъ онъ имѣлъ врожденный талантъ къ общественной жизни и за словомъ въ карманъ не лѣзъ, то сдѣлался выдающимся дѣятелемъ. Имя его стало появляться въ газетахъ съ добавленіемъ „нашъ извѣстный Гансъ Іенсенъ изъ Вельби“.

Положеніе это, однако, досталось ему не безъ тайной помощи ткача-Ганзена. Въ началѣ многіе боялись, что Ганзенъ не позволитъ себя такъ легко устранить, но, ко всеобщему удивленію, ткачъ принималъ все это чрезвычайно спокойно. Не мало удивились люди, когда узнали впослѣдствіи, что ткачъ именно и помогъ Іенсену занять видное мѣсто въ общественной жизни.

Теперь, когда всѣ опасности миновали, и „народный вопросъ“ торжествовалъ, казалось даже, что ткачъ добровольно отклонялъ всѣ почести и награды, продоставляя другимъ вкушать плоды своей многолѣтней работы. Съ удивительнымъ безкорыстіемъ, онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе удалялся въ свою раковину, отказываясь отъ всѣхъ почетныхъ должностей, которыя ему охотно предлагали, въ виду его прежнихъ заслугъ. Онъ оставался смиреннымъ слугой общества; добровольно служилъ разсыльнымъ и

помогалъ въ счетахъ и перепискѣ во всѣхъ дѣлахъ комитета; онъ остался также вѣренъ своимъ фискальнымъ обязанностямъ и постоянно появлялся со своей кривой улыбкой тамъ, гдѣ его всего меньше ждали.

Было около половины четвертаго, когда всѣ приглашенные члены собрались. Это былъ „избранный комитетъ“ изъ шести членовъ, спеціальною обязанностью котораго было слѣдить за общественными интересами прихода, устраивать избирательныя собранія, приглашать ораторовъ, провѣрять избирательные списки и вести сношенія съ другими крестьянскими общинами.

Когда они всѣ собрались, Іенсенъ вышелъ изъ смежной комнаты—безъ сюртука, въ зеленой плюшевой жилеткѣ, золотой цѣпочкѣ и крахмальной манишкѣ, выбившейся изъ-подъ жилетки во время его послѣобѣденнаго сна. Онъ обошелъ всѣхъ, пожимая всѣмъ руки и говоря: „здравствуйте, милости просимъ“; затѣмъ члены комитета, по его приглашенію, заняли мѣста вокругъ овальнаго стола, посреди комнаты. Всѣ они казались въ очень торжественномъ настроеніи. До выхода Іенсена, ткача разспросили о цѣли собранія, и, по его уклончивымъ отвѣтамъ, сообразили, что предметъ обсужденія необычайной важности.

Какъ предсѣдатель комитета, хозяинъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Его тяжеловѣсная фигура, курчавые волосы и гладко выбритый подбородокъ шли къ настоящему его положенію. Къ сожалѣнію, длинный носъ и лицо были такъ же красны, какъ обыкновенно—досадное наслѣдіе прошлаго! Но, взамѣнъ этого, его осанка, движенія и манера вести засѣданіе пріобрѣли ту развязность и мягкость, которыя даются привычкой къ общественной жизни.

Эммануилъ, смѣнившій свою рабочую блузу на сѣрый сюртукъ, сидѣлъ по правую руку хозяина, а за нимъ маленькій, полнолицый крестьянинъ деревни Вельби, съ густыми бровями и красными, пухлыми щеками. Налѣво, были два молодые, бѣлокурые фермера изъ Спильберупа и плотникъ Нильсенъ, длинная, темная борода котораго доходила до самаго пояса. Ткачъ, въ качествѣ секретаря, сидѣлъ на концѣ стола.

— И такъ, мы всѣ собрались,—заговорилъ предсѣдатель своимъ вкрадчивымъ голосомъ, осматривая всѣхъ вокругъ стола:—у насъ сегодня важное сообщеніе, друзья... Да, Ганзенъ, пожалуйста, начинайте!

Ткачъ, при этихъ словахъ, досталъ изъ задняго кармана большой листъ и началъ читать тихо и монотонно слѣдующее воззваніе:

— Конфиденціально.

„Отъ представителей нашей партіи получено предложеніе обсудить въ различныхъ собраніяхъ рядъ извѣстій, которыя появились за послѣднее время въ газетахъ. Въ виду серьезности переживаемаго періода и важности этихъ извѣстій, рѣшено сообщить ихъ немедленно мѣстнымъ общинамъ. Суть дѣла въ томъ, что есть основаніе предполагать, что члены парламента поддерживаютъ консервативную партію и что интересы крестьянства отъ этого могутъ пострадать. До сихъ поръ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго, такъ какъ все это ведется тайно; но есть уже симптомы и можно опасаться, что консервативная партія собирается дѣйствовать противъ „народа“. Каждый вѣрный сынъ страны долженъ понимать, какъ отнестись къ такому дѣлу. Мы поэтому предлагаемъ всѣмъ общинамъ собраться и провести резолюцію для поддержки нашихъ друзей въ парламентѣ въ борьбѣ за благосостояніе народа.

„Подобное же воззваніе послано по всѣмъ остальнымъ общинамъ въ надеждѣ, что такой протестъ, такое тысячеголосное предостереженіе, идущее изъ всѣхъ уголковъ страны, заставитъ членовъ парламента отказаться отъ своихъ гнусныхъ намѣреній.

„Да здравствуетъ справедливость! Да живетъ въ насъ память нашего незабвеннаго короля Фредерика, даровавшаго намъ права!“

Содержаніе бумаги возбудило крайнее волненіе въ комитетѣ.

— Но вѣдь это бунтъ!.. Измѣна отечеству!

— Вы правы,—согласился Іенсенъ:—никакой честный человѣкъ не можетъ назвать это иначе.—И съ строгимъ жестомъ и голосомъ, напоминающимъ подмостки, онъ продолжалъ:—Но это показываетъ намъ, друзья, что мы были совершенно правы, относясь сурово къ той партіи, которая стремится лишь къ могуществу, еслибъ даже приходилось достигать его обманомъ и рисковать благосостояніемъ страны. Такіе люди не соотечественники наши... они враги Даніи!

— Слушайте, слушайте,—раздалось изъ-подъ бороды великана плотника, какъ глухое эхо.

— Датскій народъ никогда, никогда не подчинится такому позору!—вскричалъ Эммануилъ внѣ себя:—я предлагаю собрать сегодня же людей нашей партіи и сообщить имъ, въ чемъ дѣло. Некогда терять времени! Мы возстанемъ, какъ одинъ человѣкъ, и докажемъ, что способны бороться за нашу честь до послѣдней крайности.

— Потише, Эммануилъ,—потише, сказалъ предсѣдатель, успокоительно дотронувшись до его руки:—прежде всего мы не должны забѣгать впередъ! Будемъ спокойны и сдержанны—это въ политикѣ

первое дѣло! Не забудьте, мы еще ничего опредѣленнаго не знаемъ; не надо прицѣливаться, пока не увидишь медвѣдя, гласитъ старая поговорка. Что касается лично меня, я подозрѣваю, что консервативные члены парламента распустили этотъ слухъ, чтобы напугать нашихъ партизановъ въ парламентѣ, а можетъ быть, это просто легкое испытаніе настроенія страны. Не надо забывать, что это обычный пріемъ въ политикѣ,—продолжалъ предсѣдатель съ величественнымъ мановеніемъ руки: — наша первая забота — изслѣдовать тактику нашихъ противниковъ. Это надо помнить, друзья!

— А если это не пустой слухъ?.. Что тогда?.. что тогда?

Предсѣдатель твердо смотрѣлъ Эммануилу въ глаза. Медленно и съ полной увѣренностью въ свои силы онъ проговорилъ:

— Если это случится — чего Боже сохрани — тогда мы будемъ отстаивать наши права и скажемъ: довольно! Теперь мы рѣшимъ вопросъ, кто будетъ владыкой: вы или мы... Такъ-ли?

Съ послѣдними словами онъ обратился къ скиберупцамъ, которые единодушно отвѣчали ему: слушайте, слушайте,—а маленькій, толстый человѣкъ изъ Вельби одобрительно кивалъ головой.

— Я предлагаю собраться въ слѣдующее воскресенье, вечеромъ. Я охотно берусь объяснить настоящее положеніе дѣлъ, послѣ чего предложимъ вышеупомянутую резолюцію. Я убѣжденъ, что гораздо лучше держать полученное сообщеніе въ секретѣ, чтобы не пугать людей, можетъ быть, напрасно. Главный комитетъ, повидимому, того же мнѣнія. Я не сомнѣваюсь, что противники наши, услышавъ голосъ народа, не захотятъ вступать въ новую борьбу. Согласны-ли вы со мной, друзья?

Четыре члена совѣта выразили свое согласіе, и Эммануилъ наконецъ былъ побѣжденъ ихъ мужествомъ и успокоился. Онъ не привыкъ говорить о политикѣ и былъ выбранъ въ совѣтъ лишь въ виду его великихъ заслугъ. Онъ мало интересовался парламентскими дебатами и газетами, тѣмъ менѣе „тактикой“, о которой такъ много говорили и предсѣдатель, и остальные члены совѣта.

Онъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что справедливость восторжествуетъ въ свое время, и не вѣрилъ ни въ какія наимудрѣйшія уловки, чтобы ускорить или отклонить это время.

По предложенію одного изъ фермеровъ, было рѣшено пригласить двухъ постороннихъ ораторовъ, чтобы придать болѣе важности воскресному собранію. Они даже подумали пригласить ни больше, ни меньше, какъ самого епископа. Но, хотя во время послѣднихъ, бурныхъ дебатовъ, епископъ и доказалъ, что подъ бархатной рясой онъ все еще носитъ красную гарибальдійку

юности, онъ ни за что не соглашался публично оставить нейтральную почву, то, что онъ называлъ Архимедовской точкой опоры. Потому эта идея была оставлена. Они послали приглашеніе двумъ другимъ друзьямъ народной партіи.

Когда часъ воскреснаго собранія былъ рѣшенъ, и Ганзенъ составилъ протоколъ, предсѣдатель закрылъ собраніе.

— Ну, эта статья покончена!—сказалъ онъ весело: — а теперь, господа, пора, я думаю, и перекусить!

Такъ онъ всегда звалъ гостей къ обильному угощенію, которое въ этомъ домѣ считалось неизбѣжнымъ и приготовлено было въ смежной комнатѣ. Дверь отворила настежъ видная крестьянка, съ крючковатымъ носомъ и тройнымъ подбородкомъ, въ вышитой золотомъ повязкѣ на головѣ. Это была экономка предсѣдателя.

Столъ былъ накрытъ, по обычаю этого дома, и уставленъ множествомъ кушаній, освѣщенныхъ яркой лампой, желтый свѣтъ которой боролся еще съ послѣдними розовыми лучами заходящаго солнца. Этотъ двойной свѣтъ дѣлалъ столъ еще привлекательнѣе, а длинное засѣданіе подѣйствовало на аппетиты гостей обостряющимъ образомъ.

Даже Эммануилъ оживился. Онъ смотрѣлъ, какъ мирно и спокойно сидѣли эти широкоплечіе люди, полные сознанія своей правоты, не смотря на все, что угрожало имъ въ будущемъ. Онъ еще разъ имѣлъ случай полюбоваться тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, съ которымъ крестьяне всегда встрѣчали свою участь.

Никогда, ни на минуту не теряли они своей сдержанности. Даже подъ самыми тяжкими ударами судьбы, сохраняли здоровое спокойствіе и мужественное самообладаніе, которое такъ трудно давалось ему самому.

Вкусныя яства быстро исчезали. Большая Сидсэ приносила новыя. Все время ткачъ наблюдалъ за этой дородной женщиной; онъ не произнесъ ни слова и почти не прикоснулся ни къ ѣдѣ, ни къ питью. Когда сосѣдъ желалъ налить ему водки, онъ закрывалъ рюмку рукой, отговариваясь принадлежностью къ обществу трезвости и, не смотря на всѣ насмѣшки Іенсена, не хотѣлъ измѣнить своимъ привычкамъ.

Эммануилъ же выпивалъ свои „шнапсы“, какъ всегда, не потому, чтобы любилъ водку, но ему не хотѣлось отставать отъ другихъ. Впрочемъ, онъ могъ смѣло слѣдовать обычаямъ крестьянъ, такъ какъ они стали гораздо умѣреннѣе въ послѣдніе годы. Онъ перенялъ отъ нихъ многіе обычаи, частью сознательно, а частью

незамѣтно для себя самого. Онъ даже переслилъ свое отвращеніе къ табаку, и, когда ужинъ кончился, кофе былъ поданъ на столъ и Іенсенъ предложилъ всѣмъ сигары, онъ досталъ деревянную трубку и набилъ ее изъ кисета, который всегда носилъ съ собой.

Въ эту минуту ткачъ поднялся съ мѣста и, извиняясь тѣмъ, что ему надо было побывать сегодня еще въ другомъ мѣстѣ, пожалъ всѣмъ руки и вышелъ черезъ кухню.

Въ кухнѣ онъ остановился посреди нѣ и, склонивъ голову на бокъ, посмотрѣлъ на экономку такъ пронзительно изъ-подъ полузакрытыхъ вѣкъ, что эта масса жира затрепетала.

— Боже, милостивый! Ганзенъ, что вы такъ уставились на меня?—вскричала она въ смятеніи, готовая заплакать и прикрываясь чайнымъ полотенцемъ.

Ткачъ спокойно надѣлъ шляпу и вышелъ, не сказавъ ни слова.

На улицѣ была темная ночь. Вѣтеръ стихъ. Хлопья снѣга крутились и таяли, падая на землю. Когда ткачъ поднялся на гору и шелъ по одинокой тропинкѣ къ деревнѣ Скиберупъ, заложа руки за спину, снѣгъ пошелъ сильнѣе и, наконецъ, перешелъ въ моросящій дождь. Но ткачъ, повидимому, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на погоду и по временамъ загадочно улыбался, думая о своихъ будущихъ планахъ.

III.

Въ темную, дождливую ночь Эммануилъ возвращался въ пасторатъ вдвоемъ съ гостемъ.

Они вошли въ громадныя сѣни, гдѣ, когда-то, на вѣшалкахъ краснаго дерева висѣли медвѣжья шуба архидіакона Тоннизена и садовая шляпа его дочери, Рагнгильды, а полъ изъ чернаго и бѣлаго мрамора покрытъ былъ красивыми ковриками. Простой, конюшенный фонарь освѣщалъ теперь эти роскошныя сѣни. На вѣшалкахъ во множествѣ висѣли мужскія шапки и женскіе, разноцвѣтные наголовники; на мраморномъ полу цѣлая куча деревянныхъ башмаковъ всевозможныхъ сортовъ, начиная отъ большого, неуклюжаго, обитаго желѣзомъ башмака съ соломой внутри, кончая маленькими, женскими башмаками съ кожаными носками и красной фланелью внутри. Обычные посѣтители, приходившіе сюда два-три раза въ недѣлю, по вечерамъ, поговорить, почитать и попѣть вмѣстѣ, уже всѣ собрались и сидѣли рядами у стѣнъ большой столовой, слабо освѣщенной керосиновой лампой.

Отъ прежняго „салона“, гдѣ царствовала Рагнгильда въ

своихъ экстравагантныхъ костюмахъ, среди мягкихъ ковровъ, мозаичной мебели, занавѣсей и портьеръ изъ камки, не сохранилось ничего, кромѣ закоптѣлыхъ карнизовъ и фресокъ надъ дверями. Вокругъ голыхъ стѣнъ устроены были деревянныя лавки, надъ которыми голубая, водяная краска облупилась тамъ, гдѣ люди прислонялись къ стѣнѣ спиной. Четыре высокихъ окна, по обѣ стороны балконной двери, которая на зиму наглухо закрывалась, были завѣшаны красными ситцевыми подзорами. Подъ однимъ изъ оконъ стоялъ бѣлый дубовый столъ. Кромѣ того, были еще камышевые стулья и, по обычаю родительскаго дома Ганзенэ, старинное кресло у печки и зеленый, угольный шкапъ у кухонной двери. Оловянная люстра о шести подсвѣчникахъ висѣла среди потолка.

Эта комната, или „голлъ“, какъ звали ее крестьяне, такъ какъ Эммануилъ, изъ особенной любви къ старинѣ, поддерживалъ въ ней суровую простоту, служила, собственно, единственной жилой комнатой для всей семьи. Всѣ другія, за исключеніемъ спальни, были пусты или обращены въ склады зерна, шерсти и корма.

Правда, Эммануилъ унаслѣдовалъ еще отъ прежнихъ временъ „кабинетъ“, котораго побаивались во времена Тоннизена; но теперь въ немъ стояли только двѣ полки съ книгами и клеенчатый диванъ. Въ этомъ кабинетѣ Эммануилъ оставался лишь на полчаса для послѣобѣденнаго отдыха. Что касается проповѣдей и лекцій, онъ ихъ всегда составлялъ, пока работалъ въ полѣ или навѣщалъ больныхъ и бѣдныхъ; онъ говаривалъ, что повернулъ спину книжнымъ полкамъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что можно научиться большей мудрости отъ птицъ лѣсныхъ или коровы въ стойлѣ, чѣмъ изъ ученѣйшихъ книгъ въ мірѣ.

Въ этотъ вечеръ собралось около пятидесяти человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Дѣвицы сидѣли всѣ рядомъ, какъ гирлянда цвѣтовъ; ихъ темныя и бѣлокурыя головки одинаково сгибались надъ тонкимъ вязаньемъ, которое онѣ едва могли держать своими красными, жесткими пальцами. Не смотря на плохое освѣщеніе, въ комнатѣ чувствовалось уютно и пріятно.

Замужнія женщины постоянно сидѣли на лавкѣ рядомъ съ печкой и вязали одѣяла и шарфы, разговаривая между собой о хозяйствѣ тѣмъ слезливымъ голосомъ, который всегда появляется у крестьянокъ въ обществѣ. У Ганзенэ было свое обычное мѣсто у печки; она сидѣла въ креслѣ и пряла на самопрялкѣ. На ней было простое холстинковое платье и клѣтчатый фартукъ, на головѣ маленькая черная шапочка, а темные волосы были гладко

зачесаны за уши, по обычаю этой мѣстности. Она рѣдко принимала участіе въ общемъ разговорѣ; когда, при входѣ новаго гостя, какого-либо рабочаго въ жилеткѣ или круглолицыхъ, румяныхъ дѣвушекъ, она поднимала глаза отъ самопрялки, въ нихъ было что-то усталое, разсѣянное.

Молодые люди собрались вокругъ дубоваго стола, на которомъ, рядомъ съ лампой, стоялъ большой кувшинъ съ водой, прикрытый деревянной крышкой. Самый громкій разговоръ шелъ изъ этой группы; голубой дымъ отъ ихъ трубокъ висѣлъ густыми клубами надъ ихъ всклокоченными головами. Въ сторонѣ, въ самомъ темномъ углу, сидѣло двое людей, внѣшность и поведеніе которыхъ показывали, что они здѣсь рѣдкіе гости. При входѣ, Эммануилъ встрѣтилъ ихъ особенно радушно. Это были два несчастныя созданія въ промокшемъ, рваномъ платьѣ, отъ котораго натекли лужи воды около ихъ ногъ. Одинъ изъ нихъ былъ худъ и высокъ, какъ журавль на колодцѣ; другой—короткій, толстый и плѣшивый, съ шишкой, величиной съ куриное яйцо, надъ самымъ глазомъ. Оба сидѣли со сложенными на колѣняхъ руками и со смущенными лицами; по временамъ они изподтишка поглядывали вокругъ и сдержанно улыбались.

Ихъ хорошо знали въ околоткѣ: Бири Свендъ и Бранди Перъ были завзятыми mauvais sujets въ приходѣ. Они принадлежали къ той компаніи, которая каждое утро ожидала открытія лавки Виллинга съ бутылками подъ полой. Жили они, вмѣстѣ съ себѣ подобными, на крайнемъ концѣ деревни въ землянкахъ. Одинъ работалъ деревянные башмаки, другой крылъ соломенныя крыши; но ихъ главный промыселъ заключался въ воровствѣ картофеля изъ крестьянскихъ картофельныхъ ямъ и въ стрижкѣ привязанныхъ овецъ въ темныя ночи; многіе подозрѣвали ихъ и въ худшихъ злодѣяніяхъ.

Все это Эммануилъ зналъ очень хорошо. Онъ пожилъ достаточно въ деревнѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что и тутъ бѣдность порождаетъ нравственный упадокъ. Съ самаго начала онъ старался пріобрѣсти довѣріе потерянныхъ и заблудшихъ и лаской и снисходительностью вернуть ихъ на путь добродѣтели. Онъ не жалѣлъ силъ для достиженія этой цѣли, но съ грустью и отчаяніемъ убѣждался, что ему не удается побороть враждебнаго чувства, съ которымъ относились къ нему эти люди.

Поэтому каждый разъ, когда ему казалось, что появляются симптомы примиренія, онъ былъ вдвойнѣ счастливъ. Онъ забылъ, что, въ качествѣ предсѣдателя комитета помощи бѣднымъ, онъ

возобновилъ пособіе обоимъ, и ему не пришло въ голову, что посѣщеніе ихъ могло считаться, какъ росписка въ полученіи его.

Былъ и еще одинъ необычный посѣтитель —ветеринаръ Аггерболе. Онъ спдѣлъ, улыбаясь, на концѣ лавки съ руками, сложенными на широкой груди, ни мало не заботясь о томъ, что въ такой позѣ онъ показывалъ на видъ большую прорѣху на сюртукѣ. Его сѣдые волосы и борода безпорядочно торчали во всѣ стороны, глаза были вытаращены и все лицо покрыто угрями.

Трудно сказать, кто изъ нихъ производилъ болѣе прискорбное впечатлѣніе — два вора или этотъ честный неудачникъ. Правда, ветеринаръ носилъ кожаные башмаки съ резинками, крахмальный воротникъ и рукавчики; за отворотомъ сюртука всунутъ былъ даже pince-nez; но общій видъ его поношеннаго платья и вся его фигура свидѣтельствовали о такой глубокой и безнадежной деградаціи, что могли разжалобить любого нищаго.

Не смотря на всѣ усилія казаться спокойнымъ въ этомъ обществѣ, ему не удавалось скрыть нѣкотораго озлобленія. Онъ пришелъ сюда не по своей волѣ. Своимъ присутствіемъ среди „олуховъ“, какъ онъ презрительно называлъ современныхъ„ интеллигентныхъ“ крестьянъ, онъ былъ обязанъ одной изъ тѣхъ злополучныхъ случайностей, которыми неумолимая судьба преслѣдовала его всю жизнь. Весь этотъ день онъ просидѣлъ въ своемъ развалившемся домѣ среди запущенныхъ полей, съ глаза на глазъ со своей плачевной, безнадежной нищетой, такъ какъ имѣлъ основаніе избѣгать встрѣчи съ булочникомъ, который сегодня объѣзжалъ окрестность въ своей телѣжкѣ, и только къ ночи рѣшился выйти. Подъ предлогомъ посѣщенія паціента и нѣжно простившись съ дѣтьми и женой, безъ чего никогда не отлучался изъ дома ни на одинъ часъ, онъ направился къ старому пріятелю и единомышленнику, Виллингу, съ надеждой найти у него нѣкоторое развлеченіе и, если возможно, кое-что другое, что онъ обыкновенно называлъ „чашей забвенія“. На бѣду, у самыхъ воротъ пастората, онъ встрѣтилъ Эммануила, который пріятно изумился и весело привѣтствовалъ его:

— Вотъ это прекрасно, мой другъ, что вы вспомнили и пришли къ намъ. Милости просимъ!

Доведенный до отчаянія цѣлымъ днемъ одиночества и хандры, Аггерболле сбирался сказать, что идетъ къ больному паціенту, какъ Эммануилъ упомянулъ о томъ, что возвращается прямо съ митинга у Іенсена. Мысль, что и ткачъ могъ быть на томъ же митингѣ и могъ повстрѣчаться съ нимъ, заставила Аггерболле

перемѣнить свое намѣреніе, и онъ подчинился обстоятельствамъ. Теперь онъ сидѣлъ съ судорожной улыбкой и внутренно дрожа отъ злости, такъ что прыщи на лицѣ побагровѣли. Никакое другое униженіе не казалось ему столь ужаснымъ, какъ это. Неужели справедливость исчезла съ лица земли, говорилъ онъ себѣ, когда ему приходится сидѣть, какъ какому-нибудь школьнику, на лавкѣ, среди пастуховъ, молочницъ и конюховъ. Или это сонъ, что онъ былъ сынъ уѣзднаго судьи и имѣлъ ученую степень, а эти самые „олухи,“ которые теперь командуютъ имъ, когда-то стояли передъ нимъ съ шапкой въ рукѣ и считали за честь, если онъ приглашалъ ихъ въ домъ... Разговоръ смолкъ и наступила полная тишина. Всѣ ждали чтенія или разсказа.

Нильсъ, работникъ пастората, старался обратить вниманіе Эммануила на себя, выставивъ уголокъ газеты изъ бокового кармана. Иногда читали и газеты и потомъ обсуждали прочитанное. Однако, Эммануилъ не обратилъ вниманія на эти маневры. Онъ ходилъ между гостями, принимая участіе въ ихъ разговорахъ, и, наконецъ, усѣвшись у стола съ трубкой въ зубахъ, впалъ въ глубокую задумчивость. Собраніе у Іенсена не выходило изъ головы, и мысли его устремлялись къ будущему съ мрачными опасеніями.

— Развѣ сегодня ничего у насъ не будетъ? — раздался, наконецъ, смѣлый голосъ со стороны дѣвицъ.

Нетерпѣливое восклицаніе и раздавшійся за нимъ дружный смѣхъ вывели Эммануила изъ задумчивости. Онъ поднялъ глаза и сказалъ, смѣясь:

— Ты права, Абелона! Давайте, начнемъ!.. Не разскажете-ли вы что-нибудь сегодня, Антонъ?—обратился онъ къ темноволосому маленькому человѣчку пасторской наружности, въ бѣломъ гастухѣ и скуфейкѣ, который, съ трубкой во рту, сидѣлъ на другомъ концѣ стола въ плетеномъ креслѣ. Это былъ новый сельскій учитель, назначаемый приходскимъ совѣтомъ на мѣсто Мертенсена. Въ отвѣтъ на вопросъ Эммануила, онъ лишь выпустилъ громадные клубы дыма. Затѣмъ, склонивъ голову на сторону и хитро улыбаясь, онъ проговорилъ съ сильнымъ крестьянскимъ акцентомъ:

– Нѣтъ, нѣтъ, сегодня не стану утруждать...

Его смѣшная маленькая фигурка, веселый юморъ, шутки, поговорки и комическіе разсказы сдѣлались необходимой принадлежностью каждаго собранія или торжества.

— Послушай, Антонъ,—проговорилъ кто-то изъ толпы, не переставая смѣяться,— ты давно уже не читалъ намъ. Не забывай, что

за тобой еще та исторія о Стинѣ, какъ она отправилась въ высшую школу.

— Да, да, давай намъ эту исторію! Выгружайся, Антонъ,—закричало нѣсколько голосовъ.

Учитель посмотрѣлъ вокругъ, прищуривъ одинъ глазъ. Улыбка его расширялась по мѣрѣ того, какъ крикъ усиливался.

— Ну, ладно, ладно, дѣтки,—сказалъ онъ, наконецъ, когда и женщины примкнули къ просьбѣ,—если никого другого нѣтъ, чтобы позабавить васъ, я не стану ломаться. Не хочу имѣть на совѣсти, чтобы Стина не попала въ высшую школу!

— Развѣ мы не начнемъ съ пѣсни,—послышался тотъ же голосъ съ дѣвичьей скамьи. Красавица Абелона была работницей въ пасторатѣ, статная дѣвушка лѣтъ двадцати, съ черными лентами въ бѣлокурыхъ волосахъ, большой розой на груди и яркимъ кожанымъ кушакомъ, обязательнымъ для ученицы высшей школы.

— Да, споемте пѣсню,—согласился Эммануилъ:—давайте пѣть какую-нибудь національную; по нынѣшнимъ временамъ, какъ разъ кстати! Какую хотите?

— „О ты, могила героевъ у береговъ океана“,—предложилъ кто-то.

— Хорошо! мы всѣ ее знаемъ наизусть. Запѣвай, Абелона!

Послѣ пѣнія воцарилось полное молчаніе. Молодые люди сидѣли у стола, положивъ на него локти; дѣвушки оставили работу; нѣкоторыя спрятали ее въ карманы подъ фартукомъ и сложили руки на колѣняхъ, чтобы не пропустить ни одного слова изъ разсказа.

Какъ чтецъ и разсказчикъ, Антонъ былъ единственный въ своемъ родѣ, и съ нимъ можно было сравнить развѣ только директора высшей школы. Послѣдній, разсказывая свои народныя сказки и саги, увлекалъ всѣхъ своимъ собственнымъ оживленіемъ и возбужденіемъ, своимъ звонкимъ голосомъ, который раздавался по всей залѣ, какъ военный рожокъ, и вызывалъ передъ слушателями образы великановъ, карликовъ и дѣвъ валькирій съ такой поразительной жизненностью, какъ будто вся раса асгардовъ проходила передъ ихъ глазами; сила же учителя была вся въ простыхъ, нравоучительныхъ разсказахъ изъ обыденной жизни. Онъ воспроизводилъ характеры—въ особенности комическіе, съ неподражаемымъ мастерствомъ, а его маленькая, смѣшная фигурка воплощала всѣ передаваемые образы въ совершенно новой, реальной формѣ, невиданной еще въ этомъ обществѣ.

Такимъ образомъ онъ познакомилъ деревню со многими со-

временными авторами и до нѣкоторой степени изгналъ старую, романтическую поэзію изъ этихъ вечернихъ собраній. Эммануилъ старался всѣми силами возбудить интересъ къ ней, но ему не удавалось. Онъ не могъ понять равнодушія своихъ друзей къ тѣмъ старымъ поэмамъ, дышащимъ жизнью, которыя дали ему столько счастливыхъ часовъ въ ребяческіе годы. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ входилъ въ жизнь все глубже и глубже, онъ понялъ, что всѣ эти безцѣльныя, фантастическія сказки о соловьяхъ, волшебницахъ и лунномъ свѣтѣ были слишкомъ далеки отъ чувствъ и идей современныхъ людей. Кромѣ того, его глаза открылись и на тотъ языческій духъ, въ которомъ описывались или, скорѣе, воспѣвались страсти мужчинъ и женщинъ. Не разъ поражала его та нескромность, съ которой воспѣвались прелести женщины... быть можетъ, такое же чувство заставляло друзей относиться къ этой поэзіи сдержанно и робко... Въ твореніяхъ современныхъ писателей, въ этихъ трезвыхъ, реальныхъ образахъ, часто написанныхъ рукой одного изъ народа, и въ особенности въ драмахъ великихъ норвежскихъ писателей, они переживали свою собственную ежедневную жизненную борьбу. Въ нихъ онъ нашелъ также серьезность, доступную точку зрѣнія, стремленіе къ правдѣ и справедливости, которыя дѣйствовали на ихъ сокровеннѣйшія струны.

IV.

Въ тотъ же вечеръ Виллингъ съ женой сидѣли въ своей теплой, уютной маленькой гостиной. Высокая лампа съ краснымъ абажуромъ горѣла посреди стола, ярко освѣщая хозяйку съ вязаньемъ въ рукахъ; Виллингъ сидѣлъ въ креслѣ по другую сторону стола и читалъ газету вслухъ.

Въ лавкѣ было все тихо. Лампа спускалась съ потолка, завѣшаннаго скребницами и мотками веревокъ. Ради экономіи, свѣтъ былъ убавленъ и запахъ отъ чада былъ невыносимый. Въ самомъ темномъ углу, за большой водочной бочкой, сидѣлъ скелетообразный молодецъ, котораго возобновляли періодично черезъ каждые два или три года, но который, тѣмъ не менѣе, былъ все такой же худощавый, мертвенноблѣдный и робкій несчастливецъ, снующій по лавкѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Въ настоящую минуту онъ спалъ, приложивъ голову къ стѣнѣ и заложивъ руки въ карманы съ такимъ видомъ, какъ будто твердо надѣялся не вынимать ихъ больше никогда.

За послѣдніе два часа никто не нарушалъ его покоя. Лавка Виллинга, столь шумная и оживленная когда-то, теперь стояла

почти всегда пустая. По разверсткѣ прихода, въ большую кооперативную лавку въ Скиберупѣ мало-по-малу отошла вся торговля, кромѣ грошевой розничной продажи угля, хлѣбной водки и баварскаго пива.

Супруги заняты были чтеніемъ копенгагенской консервативной газеты; подробнѣйшія описанія событій столичной жизни были любимѣйшимъ и единственнымъ ихъ чтеніемъ. Уже нѣсколько лѣтъ какъ они, боясь открыто подписаться на нее, получали газету отъ пріятеля въ видѣ оберточной бумаги. Въ этотъ вечеръ они наслаждались особенно интереснымъ описаніемъ великосвѣтскаго бала, въ которомъ сосредоточилось все величіе и великолѣпіе столицы. Виллингъ читалъ торжественнымъ и вибрирующимъ голосомъ, какимъ читаютъ многіе безграмотные; на этотъ разъ онъ не пропустилъ случая выказать всѣ свои декламаторскія способности и выкрикивалъ описанія мундировъ, звѣздъ, медалей, блестящихъ туалетовъ и драгоцѣнностей съ величайшимъ паѳосомъ.

— „Ея высочество, герцогиня была особенно оживлена и казалась моложе, чѣмъ когда-либо,—читалъ онъ:—на ней была кружевная юбка и шлейфъ изъ богатѣйшей малиновой парчи въ пять ярдовъ длины, опаловая парюра и блѣдно-малиновая эгретка въ волосахъ“. Подумай-ка, Синэ, малиновый парчевый шлейфъ, въ пять ярдовъ; если считать только двѣнадцать ярдовъ обыкновенной ширины по... ну, скажемъ, по 45 кронъ за ярдъ, вѣдь это составитъ 540 кронъ за одну матерію!

Г-жа Виллингъ, приложивъ одну спицу къ щекѣ и смотря поверхъ очковъ въ потолокъ, глубокомысленно прибавила:

— И пятнадцать ярдовъ кружевъ по 25 кронъ за ярдъ; это составитъ 375 кронъ.

— Всего 915 кронъ.

— По крайней мѣрѣ!

— Это за одинъ матерьялъ! Вотъ, что называется великолѣпіемъ. Но давай, будемъ читать дальше. „На принцессѣ былъ голубой атласъ; шлейфъ затканъ серебряными лиліями“.—Слышишь, серебряныя лиліи? „На головѣ у нея красовалась брилліантовая діадема и брилліанты на рукахъ и на шеѣ. Громадную сенсацію произвели ея серьги, въ которыхъ было по брилліанту, величиной съ воробьиное яйцо“! Слыхала-ли ты что-либо подобное, Синэ? Брилліанты съ воробьиное яйцо! Это въ родѣ того, какъ еслибъ сказали, что у васъ къ каждому уху привѣшана дача или, пожалуй, цѣлая деревня. Это должно быть удивительное ощущеніе, не правда-ли?

Тутъ онъ остановился и сталъ прислушиваться. Веселые голоса поющихъ дѣвушекъ послышались по ту сторону пруда, когда онѣ проходили по деревнѣ.

— Должно быть, расходится народъ отъ Рантеровъ,—сказалъ онъ и взглянулъ на часы.—Да и пора, десятый часъ уже. Будемъ продолжать однако, надѣюсь, намъ никто не помѣшаетъ.

Въ эту минуту расколотый колокольчикъ надъ дверями лавки зазвонилъ. Виллингъ поспѣшно сложилъ газету, готовый бросить ее въ ящикъ моментально.

Послышалось какое-то бормотанье, звонъ бутылокъ, опять звонокъ и дверь захлопнулась.

— Илья!—закричалъ Виллингъ во весь голосъ, держа газету за спиной.

Заспанное лицо молодца, подобное привидѣнію, показалось у полуотворенной двери.

— Кто это былъ?

— Бири Свендъ и Бренди Перъ приходили за пинтой водки.

— Хорошо, ты можешь запираться на ночь и идти спать; не забудь погасить свѣчу! Покойной ночи!

Какъ только закрылась дверь, Виллингъ снова принялся за газету, но не успѣлъ онъ начать чтеніе, какъ колокольчикъ снова забрякалъ. На этотъ разъ дверь распахнулась съ шумомъ, прилавокъ также и кто-то былъ впущенъ. Виллингъ поблѣднѣлъ и едва успѣлъ бросить газету въ ящикъ комода, какъ дверь въ гостиную отворилась.

— Ахъ это ты, — сказалъ онъ съ облегченіемъ, когда увидѣлъ широкую фигуру Аггерболле, насквозь промокшаго на дождѣ.— Мы не ждали тебя... Какъ ты попалъ сюда, ночью?

— Я... Да, я былъ у паціента,—пробормоталъ Аггерболле, ища глазами мѣста, чтобы сложить шляпу и трость.

— Ужасная погода! Прямо адская погода! Собаки не выгонишь. А грязь какая! Совѣстно показаться въ порядочномъ домѣ. Но я хотѣлъ зайти на минутку.

— И прекрасно сдѣлали,—сказала г-жа Виллингъ, грозно посматривая на мужа, который нисколько не старался скрыть своего неудовольствія: — вы знаете, мы теперь такъ одиноки и всегда рады вамъ. Мы только-что говорили о васъ, передъ тѣмъ, какъ вы вошли. Садитесь и разскажите, какъ вы всѣ поживаете по такой скверной погодѣ.

Аггерболле какъ будто не слышалъ этихъ словъ, онъ сѣлъ за столъ и съ мрачнымъ, разсѣяннымъ видомъ продолжалъ бранить

погоду, нервно ощупывая правый карманъ, какъ бы занятый исключительно тѣмъ, что въ немъ было.

Наконецъ, онъ вытащилъ руку и, положивъ монету въ двѣ кроны на столъ, сказалъ:

— Если ты дашь кипятокъ и сигары, Виллингъ, я ставлю водку. Хочется чего-нибудь крѣпкаго въ такую ночь, не правда-ли?

Лавочникъ обмѣнялся взглядами съ женой. Хозяйка встала и направилась въ кухню, а мужъ ловко подбросилъ монету и спряталъ ее въ кошелекъ.

Глаза Аггерболле съ сожалѣніемъ слѣдили за монетой, пока она не исчезла въ кожаномъ кошелькѣ Виллинга.

— Ну, какъ поживаешь, старый товарищъ? — спросилъ Виллингъ, дружески похлопывая гостя по колѣнямъ.

— Конечно, отвратительно,—отвѣчалъ тотъ:—да и какъ можетъ быть иначе?

— Да, конечно, но и у насъ, торговыхъ людей, свои непріятности. Цѣны падаютъ... до чего это дойдетъ! Я и то говорю женѣ, какъ это непріятно, что приходится платить за все наличными. Человѣку пріятно было бы помочь друзьямъ или повременить со счетомъ покупателя—словомъ, помочь нетолько словомъ, но и дѣломъ. Но что прикажете дѣлать человѣку, который самъ едва держится. А ужъ какъ справлюсь съ уплатой за квартиру—и самъ не знаю. Тяжело это въ мои годы, послѣ двадцати лѣтъ почтеннаго труда. Я раззоренъ, положительно раззоренъ.

Эти сѣтованія не были новостью для Аггерболле; онъ бормоталъ что-то въ отвѣтъ и нетерпѣливо посматривалъ на дверь кухни.

Наконецъ, г-жа Виллингъ появилась съ подносомъ въ рукахъ; Аггерболле схватилъ стаканъ, налилъ немного кипятку, долилъ его водкой и, не дожидаясь тоста, поднесъ его къ губамъ дрожащей рукой и осушилъ добрую половину его. Потомъ откусилъ конецъ сигары, которую Виллингъ тѣмъ временемъ подалъ, закурилъ и, выпуская клубы дыма, устроился покойнѣе въ креслѣ. Водка сразу перемѣнила его настроеніе.

— Ну, какія у васъ новости?—спросилъ онъ.

— Новости?—повторилъ хозяинъ, спокойно помѣшивая свой грогъ. Да, самая послѣдняя новость,—это собраніе приходскаго совѣта сегодня.

— Это ты называешь новостью? Чорта съ два! У нихъ, кажется, собранія каждый день... если не по два въ день! Этимъ скотамъ—мужикамъ нынче нечего больше дѣлать! Молоко посылаютъ въ коо-

ративныя молочныя, свиней въ общественную бойню... Вотъ у нихъ и находится время важничать. Клянусь честью, не такъ было въ старину, не правда-ли, товарищъ?

— Сегодня у нихъ былъ избранный комитетъ, кажется.

— Избранный комитетъ,—крикнулъ Аггерболле злобно:—опять хотятъ сыграть какой-нибудь политическій фарсъ? Не больше недѣли, какъ у насъ здѣсь былъ митингъ!—говорилъ онъ, скрипя зубами и сжимая кулаки.—Подумать только обо всемъ, что сдѣлали эти остолопы, такъ надорвешь печень! Мало того, что они убили, да, убили старую, датскую веселость... но еще заставляютъ васъ сидѣть и слушать ихъ проклятое блеяніе. Что бы сказалъ старый Дидрихъ Якобсонъ на это? Ты помнишь Якобсона, Виллингъ? Ахъ, славный былъ малый! А его рождественскіе обѣды съ зажаренными четвертями свинины по пуду каждая, съ красной капустой, шнапсомъ, старымъ рождественскимъ пивомъ; а потомъ кофейный пуншъ, который могъ утѣшить человѣка во всѣхъ жизненныхъ горяхъ! А на масляницѣ, когда, бывало, по пяти ночей сряду спать не ложились. Вотъ это были времена!

Виллингъ и жена его, молча, обмѣнялись сочувственными взглядами. И въ нихъ эти воспоминанія будили пріятное чувство. Всѣ эти хорошія вещи покупались въ ихъ собственной лавкѣ, и они, бывало, послѣ такого празднества, на которомъ болѣе ста человѣкъ необузданно пило и ѣло, сидѣли другъ около друга на диванѣ, составляя длинные счета, и выписывали столбцы цифръ длиной съ локоть.

— А Соренъ, Божья собака, какъ мы его звали,— продолжалъ Аггерболле, увлекаясь воспоминаніями. — Помнишь, Виллингъ, какъ онъ закололъ жирнаго быка для попойки... А теперь что! Подадутъ чашку теплаго кофе и сладкую булочку... а вмѣсто всего остального—ханжескія, комическія пѣсни, спичи, дружескія слова и потныя руки, которыя приходится пожимать! Вотъ такъ примѣръ для подростающаго поколѣнія! Вмѣсто того, чтобы работать, какъ, бывало, работали старики, и забавляться, какъ они, сидятъ себѣ и поютъ до ожирѣнія и выворачиваютъ глаза, такъ что тошно становится. Это новые „прогрессисты“! Это соль земли! Долой эту сволочь! Долой этихъ мерзавцевъ, говорю я!

Воспоминаніе о тѣхъ двухъ часахъ, которые онъ принужденъ былъ высидѣть въ пасторатѣ, приводило его въ ярость. Виллингъ испуганно остановилъ его, и самъ Аггерболле усомнился нѣсколько въ своихъ послѣднихъ словахъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, какъ будто тѣнь ткача проскользнула по комнатѣ.

*

— Какъ поживаютъ у васъ дома?—спросила хозяйка, желая перемѣнить разговоръ.

Ветеринаръ уныло махнулъ рукой и отвернулся, чтобы скрыть мучительное выраженіе лица, которое у него всегда появлялось при разговорѣ о женѣ.

— Не будемъ объ этомъ говорить, г-жа Виллингъ. Это приводитъ меня въ отчаяніе... мое единственное утѣшеніе въ томъ, что всѣ тѣ страданія, которыя я переношу, изъ-за тяжелыхъ временъ, и, позвольте мнѣ сказать, также изъ-за моей собственной слабости,—я переношу ради нея и дѣтей. Еслибъ не они, я бы поднялся и бросилъ бы этимъ подлецамъ въ лицо все мое презрѣніе, будьте въ этомъ увѣрены. Но я далъ себѣ слово, ради моей бѣдной жены и дѣтей, испить чашу до дна. Нѣтъ, нѣтъ, г-жа Виллингъ, вы ошибаетесь, если думаете, что, изъ гордости, я способенъ мучить мою бѣдную Софи. Она и такъ довольно страдаетъ.

— Что вы, г-нъ Аггерболле, развѣ я когда-нибудь говорила...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не знаете моей Софи... Это фактъ! Вы не любили ея, какъ я любилъ ее въ эти 20 лѣтъ печалей и разочарованій. Тутъ научишься цѣнить и благодарить Бога за такую вѣрную, добрую жену... какою была для меня Софи... Образцовая жена и мать... благородная, безкорыстная, ангелъ терпѣнія и все еще такая красивая на одрѣ болѣзни...

Водка дѣйствовала на него обычнымъ образомъ. Онъ надѣлъ pince-nez, чтобы скрыть слезы. Голосъ сдѣлался хриплымъ, слова и жесты обнаруживали пылкую страсть, которую онъ все еще сохранялъ къ женѣ, хотя страсть эта и казалась странной тѣмъ, кто зналъ маленькіе бренные остаточки человѣческаго существа, носившаго имя Софьи Аггерболле.

— Моя бѣдная жена все больна теперь,—продолжалъ несчастный, не скрывая уже своего волненія: — вы знаете, она страдаетъ видѣніями или галлюцинаціями, когда остается одна. Вы можете себѣ представить, каково мнѣ знать, что она такъ безпомощна. Мы живемъ въ такой глуши... Это ужасно! Послѣдній разъ ночью, когда я возвращался отъ васъ домой... кажется, было очень поздно... я уже издали видѣлъ, что въ спальнѣ былъ свѣтъ. Я подумалъ, что съ ней что-нибудь неладно, и когда вошелъ... Ахъ, я никогда не забуду! Моя бѣдная жена лежала въ постели, бѣлая, какъ полотно, зубы у нея стучали. Я подбѣжалъ къ ней, обнялъ ее, но она не могла выговорить ни слова и дрожала всѣмъ тѣломъ.—„Дорогая моя, Софи, что съ тобой?“—говорю я.

Наконецъ, она очнулась и разсказала мнѣ, какъ она слышала шумъ въ домѣ, видѣла страшныя лица у оконъ и какъ кто-то прокричалъ, что убьетъ и ее, и дѣтей. Все это бредъ, конечно, но каково быть свидѣтелемъ его!

Онъ больше не сдерживался. Слезы текли по его всклокоченной бородѣ, онъ закрылъ лицо руками и рыдалъ.

— Добрый мой Аггерболле,—говорила хозяйка, между тѣмъ какъ мужъ ея похлопывалъ пріятеля по колѣну,—не надрывайтесь такъ. Вотъ увидите, лѣтомъ жена опять поправится и забудетъ все зимнее горе и болѣзни.

Но онъ не слыхалъ ея утѣшеній. Онъ впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Вдругъ онъ оживился. Его лицо сдѣлалось краснымъ.

— Знаете, что я думаю,—сказалъ онъ страшнымъ голосомъ, смотря попеременно то на одного, то на другого.—Здѣсь какое-то колдовство... какая-то чертовщина тутъ происходитъ!

— Ахъ, перестаньте, Аггерболле,—заохала г-жа Виллингъ,—вы и тогда это говорили; просто страшно слушать!

— Простите, дорогая г-жа Виллингъ; вы меня не понимаете. Я не вѣрю ни въ духовъ, ни въ привидѣнія... Эти глупости я предоставляю „остолопамъ“. Но я говорю о другомъ колдовствѣ, которое высасываетъ жизнь изъ человѣка. Что-то такое, что уничтожаетъ и сердце, и кровь тѣхъ, кто не родился здѣсь. Повѣрьте моему слову! Я всегда это чувствовалъ. Иначе почему бы намъ такъ не повезло съ моей бѣдненькой Софи?

Онъ снова закрылся и мучительно рыдалъ.

— Перестаньте, дорогой,—говорили хозяева, искренно тронутые его положеніемъ: — ради Бога, не унывайте такъ. Вотъ налейте себѣ еще стаканчикъ грога и выбросьте эти мысли изъ головы. Давайте, сыграемъ игорку въ карты. Намъ всѣмъ надо развлечься.

Какъ бы пробуждаясь отъ сна, Аггерболле поднялъ голову и провелъ рукой по волосамъ. Угрюмо взглянулъ онъ сначала на Виллинга, а потомъ на часы.

— Я бы долженъ... кажется, я обѣщалъ женѣ,—бормоталъ онъ.

— Ты не можешь идти домой въ такомъ настроеніи, мой другъ. Ты заразишь и жену своей меланхоліей. Мы этого не допустимъ. Не забывай, что я выигралъ съ тебя 5.300 кронъ, тебѣ надо отыграться! Сиди, милая, достань-ка карты и налей еще полстакана грогу Аггерболле.

Видъ картъ подѣйствовалъ на гостя успокоительно.

Эта маленькая игра не была такой жертвой со стороны Виллин-

говъ, какъ они увѣряли. Конечно, имъ пришлось отказаться отъ игры въ деньги, такъ какъ полное банкротство Аггерболле не допускало ни малѣйшей надежды на выигрышъ; но, когда они напали на счастливую мысль записывать карточный долгъ и дѣлать громадныя ставки, любовь къ игрѣ снова овладѣла ими и давала пищу ихъ страстной жаждѣ къ столбцамъцифръ.

Виллингъ осмотрѣлъ лавку, чтобы убѣдиться, что молодецъ дѣйствительно уснулъ; затѣмъ всѣ они сѣли вокругъ стола и игра началась.

— Покупаю,—проворчалъ Аггерболле немедленно.

— И я также,—проговорила г-жа Виллингъ.

— О, я иду выше!—сказалъ Виллингъ и хотѣлъ уже взять двѣ карты прикупки.

Аггерболле закрылъ его руки одной своей толстой рукой и сказалъ.

— Выбирайся изъ гнѣзда, пріятель! Я играю безъ прикупки.

— Капитанъ, остановите корабль, насъ закачало,—смѣялся Виллингъ:—ты, кажется, сѣлъ на счастливое мѣсто сегодня!

Аггерболле надѣлъ pince-nez, которое онъ сталъ носить нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы придать себѣ важности въ глазахъ „олуховъ“. Все его пламенѣющее лицо смѣялось, и онъ не слыхалъ, какъ пробило десять.

Выигравъ игру, онъ заложилъ руки въ карманы и, смотря попеременно на хозяевъ, проговорилъ.

— Какъ у васъ тутъ уютно... не правда-ли, друзья?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина.

(ихъ переписка).

Ангелъ мой, сегодня *девятое апрѣля*! Два года! и доселѣ еще не кончено. Тяжко. Господи, да мимо идетъ меня чаша сія!

Твоя душа—вотъ моя награда, вотъ мое блаженство, и наша симпатія не только въ каждомъ чувствѣ, но даже въ самыхъ словахъ. Вчера получилъ я твое письмо (отъ 17-го марта до 24-го), и ты въ немъ пишешь, что въ нашей жизни 9-е апрѣля есть благовѣщенье, то-есть, слово въ слово, что я тебѣ писалъ за день до полученія твоего письма (отъ 7-го апрѣля). Ты говоришь еще о симпатіи молитвы; нѣтъ, Наташа, у меня утрачена эта чистота души, которая тебя подымаетъ къ Нему.

Молись ты обо мнѣ, тебѣ назначено меня спасти, молись же.

Еще недостаточно имѣть святое чувство религіи для того, чтобъ умѣть молиться; какъ я могу передъ Нимъ стоять на той же высотѣ, на которой ты стоишь? Вся твоя жизнь одно чистое дуновеніе вѣтра, одно утро весны, твои дѣтскія уста привыкли къ молитвѣ, съ ней засыпала ты, съ ней просыпалась, и потомъ эта молитва переплелась съ любовью чистой, высокой—больше не было у тебя чувствъ, вся жизнь твоя сведется на нихъ, даже не было разсѣянія, даже не было матерьяльныхъ удобствъ жизни. А я—рано разбудили мою душу мечты и мысли, и не было чистоты въ этихъ мечтахъ; гордость и самолюбіе захватили душу, и одно чувство дружбы спасало меня отъ холоднаго эгоизма.

Знаешь-ли ты, что до 1834 года у меня не было ни одной религіозной идеи; въ этотъ годъ, съ котораго начинается другая эпоха моей жизни, явилась мысль о Богѣ, что-то не полонъ, не достаточенъ сталъ мнѣ казаться міръ, долженствовавшій вскорѣ грозно наказать меня. Въ тюрьмѣ усилилась эта мысль, и потребность Евангелія была сильна; со слезами читалъ я его—но не вполнѣ понялъ; доказательствомъ тому *Легенда*. Я выразумѣлъ самую легкую часть—практическую нравственность христіанства, а не само христіанство. Уже здѣсь, въ Вяткѣ, шагнулъ я далѣе, и моя статья *Мысль и откровеніе* выразила религіозную фразу, гораздо высшую. Но путь, которымъ я до-

шелъ до вѣры,—не тотъ, которымъ ты дошла: ты вдохнула вѣру при первой мысли, можетъ еще до нея, она тебѣ далась, какъ всему міру—откровеніемъ, ты ее приняла чувствомъ, и это чувство наполнило и мысль, и любовь. Со мною было обратно: я такъ успѣлъ перестрадать и пережить много, что увидѣлъ съ ужасомъ на 23 году жизни, что весь міръ этотъ суета суетствій, и, испуганный, сталъ искать отчизны души и мѣсто покоя.

Первый примѣръ были апостолы и святые, въ нихъ я видѣлъ именно тотъ покой, котораго недоставало въ моей душѣ. Отчего же? Отъ вѣры—надобно же было узнать, что такое вѣрованіе, но у меня недоставало чистоты понять Евангеліе; тогда-то Провидѣніе сдѣлало чудо для меня, послало 9-е апрѣля. Этотъ переворотъ былъ огроменъ. Тебѣ можетъ странно, что я, сильный и высокій человѣкъ въ твоихъ глазахъ, былъ совершенно пересозданъ тобою въ нѣсколько часовъ, въ которые ты не говорила ни слова, но это такъ. Тѣло отстало отъ души, я уснулъ, и сонъ мой—печальная жизнь въ Вяткѣ была послѣдняя дань пороку.

Проснувшись, я другими глазами взглянулъ на природу, на человѣка и наконецъ на Бога, я сдѣлался христіанинъ и пламенное чувство любви къ тебѣ усилилось благодарностью. О, Наташа, Наташа, какъ великъ этотъ день 9-е апрѣля въ нашей жизни! Но, при всемъ этомъ, до молитвы далеко; молитва у меня бываетъ какъ молнія мгновенна и ярка въ минуту сильной горести, въ минуту сильнаго восторга,—въ обыкновенное же время нѣтъ потребности. Умъ дѣйствовалъ у меня прежде сердца—и вотъ слѣды. Молись же, ангелъ, за меня, молись. Ты всегда возражаешь мнѣ, когда я ставлю себя ниже тебя, я и не ставлю свою любовь ниже твоей, но то, что я понимаю очевидно, ясно—это утрата чистоты душевной. Наташа, ты будешь счастлива: твоя душа, тихая, кроткая, небесная, будетъ радоваться моей душой, какъ часто радуется бурному морю, ты будешь счастлива одною мыслью, что этотъ человѣкъ, отдѣльный отъ толпы, бурный и огненный—тебя любитъ; но зачѣмъ же мнѣ лгать на себя, во мнѣ всѣ элементы земли съ стремленіями туда, въ тебѣ—небо, нисходящее на землю. Я однажды писалъ: ты—лучъ свѣта, чистый, падающій на мрачную планету; я—отраженный землею переломленный лучъ, утратившій бѣлый цвѣтъ и возвращающійся пурпуромъ. И не вѣрна-ли твоя вѣчная мысль, что мы составили одно существо?

10-го апрѣля.

Не въ томъ-ли и состоитъ жизнь всего человѣчества, чтобъ наконецъ выразить собою одного человѣка, одно существо, одну душу, одну волю, и это человѣчество сплотившееся—Христосъ, это его второе пришествіе, возвращеніе къ Богу. Для этого не нужно сходства нравовъ, а сходство души. Я и Ог. совершенно разнородные люди снаружи, и отъ того-то мы такъ тѣсно соединены: въ немъ спокой-

ствіе убѣжденій, мысль почившая; я весь дѣятельность, и потому вмѣстѣ мы выражаемъ мысль и дѣятельность; такъ и ты будешь выражать непомеркнутое, чистое начало человѣка, а я—человѣка земного; вмѣстѣ мы,—и ангелъ, и человѣкъ. Представь себѣ все человѣчество, соединенное такъ тѣсно любовью, подающее другъ другу руку и сердце, дополняющее другъ друга—и великая мысль Творца и великая мысль христіанства откроются передъ тобой. Что мѣшаетъ этому соединенію? Тѣло, въ смыслѣ матерьяльномъ, эгоизмъ, въ смыслѣ духовномъ,—вотъ орудіе, которымъ дѣйствуетъ Люциферъ противъ воплощеннаго слова. Какъ будемъ вмѣстѣ, я вполнѣ передамъ тебѣ эту религіозную мысль. Впрочемъ, она у тебя была прежде, нежели я писалъ. Въ одномъ изъ твоихъ писемъ была она, только иначе сказанная. Послѣдняя недѣля въ Крутицахъ была посвящена тебѣ. Написавши нѣсколько строкъ, мнѣ стало легче. Сердце мое затворилось, горесть перешла границу, лилась мимо. Я не плакалъ, но чувство гадкое овладѣло мною, когда жандармъ сѣлъ на козлы. Я простился за заставой, бросился въ коляску и молчалъ, колокольчикъ зазвенѣлъ, ямщикъ началъ кричать, я слушалъ со вниманіемъ. Вдругъ жандармъ сталъ на козлахъ, обернулся къ Москвѣ, снялъ фуражку и перекрестился на Ивана Великаго—сердце мое сжалось; но я не хотѣлъ взглянуть ни на Москву, ни на Ивана Великаго и курилъ сигару, завернувшись въ плащъ. Петръ говоритъ, будто иногда слезы катились по щекамъ, не помню; а знаю, что я далъ извозчику четвертакъ, чтобъ онъ скакалъ сломя голову. Это было ровно два года тому назадъ, почти въ то же время, какъ я пишу теперь. Я тебѣ писалъ изъ Перми объ ужасномъ чувствѣ, когда я переправлялся черезъ Оку: разливъ былъ широкъ, паромъ, казалось, былъ неподвиженъ, а берегъ отодвигался; мнѣ было жаль его,—съ этимъ берегомъ отодвигалось все родное отъ меня, и надолго... Въ Пермь я въѣхалъ безъ особыхъ чувствъ; но въ Вятку я приплылъ по разлитію, и мрачное чувство овладѣло мною, я думалъ: вотъ входъ въ чужой городъ, который запрется для меня. Это испытываетъ звѣрь, попавшійся въ тенета. О, растворитесь, о, ворота! Родимый берегъ, родимый городъ, возьми меня назадъ. Тамъ небесная дѣва томится разлукой, къ ней, къ ней! Прощай, будемъ надѣяться. А пора, ей-Богу, пора...

11-го апрѣля.

Я перечиталъ написанныя строки, и опять вспомнилось мое путешествіе, быстро мелькали города, нигдѣ не останавливался и все смотрѣлъ съ тупымъ вниманіемъ человѣка, котораго сейчасъ разбудили. Вся эта дорога оставила одно воспоминаніе, какъ я чуть-чуть было не потонулъ на Волгѣ; разливъ былъ слишкомъ на 15 верстъ, и буря ужасная, рѣка и разливъ волновались, какъ море, огромныя и широкія волны били въ дощаникъ, легкій, тонкій, сколоченный изъ нѣсколькихъ досокъ; пьяный таларинъ поднялъ парусъ, его тотчасъ

сломало, и бросило насъ въ пень дерева, корма проломилась, вода струею потекла. Первая минута была ужасна, 5 верстъ отъ одного берега, 10 отъ другого. Петръ началъ плакать, татаринъ молиться, а Провидѣніе бросило на мель дощаникъ, и черезъ часъ его поправили и черезъ три часа, не смотря на бурю, я уже пріѣхалъ и, сидя на берегу, ѣлъ печеныя яйца. Тутъ я испыталъ опять твердость характера: первую минуту меня обдало холодомъ, но мгновенно явилась мысль вѣры въ Провидѣніе, и я, закутавшись въ ерчакъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ смотрѣлъ, чѣмъ кончится эта исторія. Солдатъ хотѣлъ послать за другимъ дощаникомъ, я не велѣлъ, я увѣренъ былъ, что Провидѣніе не сорветъ такъ рано едва распускающуюся жизнь — и надежда моя была вѣрна. Впрочемъ, я, кажется, уже писалъ тебѣ объ этомъ, и такъ, «простите повторенье».

13-го апрѣля.

Я писалъ, чтобъ тебѣ подарили отъ меня переводъ Шекспирова Гамлета; читай его со вниманіемъ, это великое твореніе, въ будущемъ письмѣ скажу нѣсколько словъ объ этой трагедіи. Она въ себѣ заключаетъ самую мрачную сторону бытія человѣка, цѣлую эпоху человѣчества.

14-го апрѣля.

Ужасно, ежели ты въ маѣ уѣдешь въ деревню, я безъ внутренняго бѣшенства не могу вздумать объ этомъ. 20... и можетъ разъ видѣться. И пріѣхать, когда ужъ тебя не будетъ. Прощай, ангелъ, божество, другъ мой; прощай! Твой Александръ.

17 апрѣля 1837. Вятка.

Я говѣлъ дурно, разсѣянно, только утромъ въ Великую Пятницу немного исправился, написавъ коротенькую статейку, въ родѣ продолженія статьи «Мысль и Откровеніе». Нѣтъ, намъ уже трудно сродниться съ церковными обрядами: все воспитаніе, вся жизнь такъ противоположны этимъ обрядамъ, что рѣдко сердце беретъ въ нихъ участіе. Вникая въ обряды нашей церкви, въ нихъ открывается глубокій, таинственный смыслъ; но привычка къ практическому, матерьяльному, дѣлаетъ то, что мы умомъ, а не сердцемъ разбираемъ ихъ. А можетъ надобно имѣть болѣе невинную душу? Формы дѣйствуютъ лучше на народъ; онъ подавленъ ими, и не ища далѣе, не понимая ихъ, онъ молится усердно.

Въ прошломъ письмѣ я обѣщалъ тебѣ нѣсколько словъ о Шекспировомъ Гамлетѣ. Человѣчество живетъ въ разныя эпохи, по двумъ разнымъ направленіямъ: или оно имѣетъ вѣрованіе, и тогда всѣ искусства запечатлѣны религіозностью, надеждою на лучшій міръ, или оно низлагаетъ вѣрованіе, и тогда что за удѣлъ поэта: небо у него отнято вѣкомъ, люди, ломающіе вѣру, обыкновенно гнусны, въ собственной душѣ находитъ онъ пустоту, и ему остаются два чувства: проклятіе и отчаяніе. Въ такую-то эпоху жилъ Шекспиръ. Внимательно пере-

смотрѣлъ онъ сердце современниковъ и нашелъ порокъ и низость, и вотъ поэтъ съ негодованіемъ бросилъ людямъ ихъ приговоръ; каждая трагедія его есть штемпель, которымъ клеймятъ разбойника; въ Шекспирѣ нѣтъ ничего утѣшающаго, глубокое презрѣніе къ людямъ одушевило его, и даже состраданія въ немъ нѣтъ; онъ прямо указываетъ на смердящія раны человѣка и еще улыбается. Гамлета можно принять за типъ всѣхъ его сочиненій и, не смотря на то, что я десять разъ читалъ Гамлета, всякое слово его обливаетъ холодомъ и ужасомъ. Гамлетъ добродѣтеленъ, благороденъ по душѣ, но мысль отомстить за отца овладѣла имъ и, когда онъ поклялся отомстить убійцѣ отца, тогда узналъ, что этотъ убійца его родная мать. И что же съ нимъ сдѣлалось послѣ перваго отчаянія?—онъ началъ хохотать, и этотъ хохотъ адскій, ужасный продолжается во всю пьесу. Горе человѣку, смѣющемуся въ минуту грусти, душа его сломана и нѣтъ ей спасенія. Вотъ тебѣ, ангелъ мой, введеніе, остальное ты сама увидишь; кромѣ сильнѣйшаго генія, никто не сладилъ бы съ такой трудной темою, но душа Шекспира была необъятна.

18-го. Ночь.

Христосъ воскресе, Наташа! Ангелы поютъ славу Его, и такъ пой славу Его. Я сейчасъ изъ собора; дивное служеніе, что за торжество; спать не хочу, меня душитъ тоска,—эти люди, эти холодные, чужіе. О, Наташа, какъ гадко мое положеніе! И этотъ день всѣ ликуютъ, бѣдный отдаетъ послѣднюю копѣйку, чтобъ веселиться. А колодникъ плачетъ надъ цѣпью, а изгнанникъ—плачетъ о родинѣ. Имъ нѣтъ праздника, я испыталъ то и другое. Зачѣмъ замолкли эти надежды, которыми я питался съ половины февраля. Девятое апрѣля было тоже на Святой, и какая разница; тогда я видѣлъ небо разверзающееся, какъ Іоаннъ, и слышалъ голосъ: «это мой ангелъ возлюбленный, я его послалъ спасти тебя. Люби его». А эта Святая что̀ мнѣ покажетъ—я и забылъ великую честь обѣдать за столомъ его превосходительства; о, да ежели на то пошло, я пресчастливый человѣкъ: сюда будетъ Наслѣдникъ—многіе стараются лишь бы взглянуть на него, а я ему буду показывать выставку, какая зависть возродится! А я бы имъ отдалъ охотно и свой чинъ, и свои деньги, лишь бы скакать въ Москву. Странное дѣло, въ душѣ презираешь иныхъ людей, а больно, когда они обижаютъ; правда, вѣдь ежели и оселъ лягаетъ, то боль не менѣе; но ослы добры, они рѣдко лягаютъ, а люди, нѣтъ, это не люди...

Я перечиталъ твое письмо, писанное въ прошлую Святую: любовь та же, грусть та же, но ты тогда еще не вполнѣ понимала себя, тебя что-то пугала мысль быть любимой мною, я тогда досадовалъ за это чувство. Ты болѣе всего мнѣ нравишься въ прошедшемъ письмѣ: «Терпи, Александръ, страдай, тебя ждетъ награда, моя любовь». Да, болѣе награды не можетъ быть и въ небѣ. Прощай, ангелъ мой, скоро надобно одѣвать мундиръ. Прощай... нѣтъ, что хочешь говори, а раз-

лука дѣло ужасное, и такая разлука. И въ прошломъ году въ этотъ день ты надѣялась скоро видѣть меня, можетъ и въ будущемъ, а можетъ... нѣтъ, надежда, ты блѣдна, Богъ съ тобой. Я цѣловалъ много разъ твой браслетъ, христосовался съ нимъ.

19-го апрѣля.

Вотъ завтра двѣ недѣли какъ нѣтъ почты, и этого еще недоставало. Фу, какъ несносны праздники, когда на душѣ мракъ и будни. Бѣдные люди живутъ здѣсь, отсюда ближе къ аду, нежели изъ Москвы. Новыя гадости, я долженъ или бороться съ гораздо сильнѣйшими, или сдѣлать подлость, которую-бъ ни одинъ благородный человѣкъ мнѣ не простилъ. Повѣришь-ли, что преслѣдованія Мед. идутъ до того, что ее хотятъ лишить той помощи и защиты, которую она имѣетъ въ домѣ Витберга. Наташа! лучше еще годы разлуки, но я не сдѣлаюсь орудіемъ подлаго человѣка. Ты спросишь: да за что эти преслѣдованія?.. Лучше не спрашивай, это вещи, которыхъ не знать—душѣ легче.

20-го апрѣля.

Изъ всѣхъ горестей самыхъ жгучихъ нѣтъ ничего хуже, какъ чувство собственной неправоты. Разлука ужасна, но мысль, что наши души нераздѣльны, утѣшаетъ, а это чувство неправоты не можетъ имѣть облегченія ни внѣ, ни внутри; ему недоступно утѣшеніе. И ежели бы было доступно, то это значило бы, что душа унизилась, пала; и такъ еще надобно благословлять эту ядовитую боль, ибо она послѣднее условіе, по которому человѣкъ сознаетъ неполное паденіе свое. Я давно не писалъ тебѣ о М.; но тутъ съ тѣхъ поръ ничего не поправилось, и признаюсь, холодный потъ выступаетъ иногда на лицѣ, и я не имѣю характера и силы разомъ окончить все это. Нѣсколько разъ говорилъ я о тебѣ съ восторгомъ, съ одушевленіемъ, показывалъ твой браслетъ, и это было не понято, да и не мудрено—она считаетъ меня за благороднаго человѣка, а могъ-ли благородный человѣкъ такъ гнусно обманывать—Господи, продолжи еще разлуку, обрушь на меня еще несчастій, подвергни еще гоненіямъ, только дай средства выйти изъ этого заколдованнаго круга! О, Наташа, твое небесное сердце никогда не испытаетъ ничего подобнаго, а какъ это тяжело... Почты все еще нѣтъ, но ежели и будетъ, что же она принесетъ мнѣ... Можетъ, нѣтъ отъ тебя писемъ, а мнѣ нужно ихъ для выздоровленія.

21-го апрѣля.

Повѣсть моя не двигается, да, кажется, и не двинется. У меня нѣтъ таланта къ повѣстямъ; сверхъ того, я хотѣлъ въ нее влить многое изъ своей жизни, а все это еще слишкомъ свѣжо, чтобъ можно было писать. Хуже всего, что не хочется ничего дѣлать. Дай Богъ какой-нибудь перемѣны, такъ жить изъ рукъ вонъ тяжело. Но что все это передъ святой мыслью твоей любви, тѣмъ достойнѣе я буду О. и тебя. Прощай. Твой, и здѣсь и тамъ, Александръ.

Москва, 1837. 20-го апрѣля, 11 час. вечера.

Я было разсердилась *очень* на Е. И., что онъ не отдалъ мнѣ твоего письма третьягодня. Какъ не отдать *мнѣ* письма *твоего?* Это неестественно, безчеловѣчно, ежели *нельзя* отдать было — прислать! Но мысль, что письмо есть, что чрезъ нѣсколько часовъ оно будетъ у меня, все освѣтила, исчезла и досада, и грусть!—Часто, много я виновата передъ тобою, ты ужъ другой разъ пѣняешь мнѣ сравненіе себя съ Вѣринькой—это тебѣ непріятно,—прости Наташѣ, прости любви! Ты говоришь, что имѣешь еще недостатки, неизвѣстные мнѣ—*тебѣ вѣрю* и *тебя люблю!* Со всѣми совершенствами, со всѣми недостатками, ну, такъ, какъ ты есть. Ты такъ высокъ, такъ пространенъ, такъ свѣтелъ, что я иногда совершенно кажусь себѣ погруженная въ тебя, какъ песчинка въ морѣ; но не думай, чтобъ я унизилась—нѣтъ, я знаю себѣ цѣну. Гордость моя иногда бываетъ даже излишняя; напр., мнѣ кажется унизительнымъ употребленіе пищи—брашно нетлѣнное, духовное мнѣ! унизительны попеченія объ одеждѣ,—подражаніе модамъ—облако — риза моя! унизительно сообщеніе съ людьми—ангелы—бесѣда моя!

21-го, утро.

Ты пишешь о сужденіяхъ толпы, о любви,—о, они такъ же глупы, ложны и кривы, какъ и всѣ правила ихъ, какъ и она сама! Но хорошо по крайней мѣрѣ, что она, считая этотъ предметъ недостойнымъ, мало распространяется о немъ. Но что же, мой другъ, развѣ она, толпа, не права въ томъ, что «можно быть счастливымъ и безъ любви, и гораздо болѣе и вѣрнѣе»; полюбивши, наконецъ—что необходимы препятствія, разлука, несчастія, чтобъ упрочить любовь, и то ненадолго, потому что женитьба заставитъ открыть глаза, увидѣть, что все это глупость, мечтательность и что супружеское счастіе заключается въ привычкѣ и то тогда только, когда жена хорошая кухарка, а то, что за жена, если мужу подаютъ супъ, или слишкомъ горячъ, или слишкомъ холоденъ, пересоленъ или недосоленъ; а сверхъ всего этого у нея есть правило, за которое она и тѣломъ и душой, это то, что «чѣмъ пламеннѣе любовь, тѣмъ скоропреходящѣе»—права, очень права толпа въ подобныхъ сужденіяхъ, да и какъ же ей не быть во всемъ этомъ увѣренной и не увѣрять другихъ, когда она въ себѣ видитъ безпрестанные примѣры и подтвержденія. Меня пусть не беретъ она труда увѣрять, потому что я вѣрю всему, что она гласитъ *о своей любви*, можемъ-ли *мы* оспаривать ее? Никакъ она не знаетъ нашу любовь, какъ міръ надзвѣздный; дать имъ понятіе о ней также трудно, и какъ увѣрить степного мужика, что солнце не одно, а милліоны ихъ, и еще труднѣе! Ихъ сужденія не только проходятъ мимо нашей любви, даже не поднимаются ни на вершокъ отъ земли, такъ что же до нихъ тѣмъ, кто далѣе солнца отъ земли?.. Жалка толпа! Какая всегда меня беретъ грусть, какъ я насмотрюсь на этого урода, наслушаюсь его ропота, сожалительно видѣть тѣлесныя уродливости и болѣзни, а ду-

шевныя?.. выгодно иногда имѣть слѣпую душу. Какъ часто на молитвѣ, сближаясь съ Богомъ, созерцая красоту Его, славу и милосердіе—этотъ изувѣчный нищій—толпа, мелькаетъ мимо меня, и я задрожу отъ холода, отъ страха, но молитва моя пламеннѣе, смѣлѣе. Когда послѣ Его молитвы, молитвы Сына Божія, послѣ распятія Его—толпа оставалась толпою, что же моя молитва?

Вечеръ.

Сегодня Царицы Александры, у меня три именинницы моихъ, и рожденіе Emilie. Саша Б. всегда такъ много говоритъ о тебѣ, такъ разспрашиваетъ. А знаешь-ли, я рѣже стала произносить твое имя,—проговорю цѣлый день и скажу менѣе нежели Александръ, напишу тетрадь и напишу менѣе, нежели Александръ, это имя—книга Бытія, Природа, Вѣчность, Богъ! Никогда не произношу я его всуе, не смѣю даже произносить его въ этой тѣснотѣ, гдѣ сперлось дыханіе толпы; на высокой, на высокой горѣ, ближе къ Небу пусть вся музыка души выразитъ одно—Александръ, и это одно—все, и оно наполнитъ то, чему нѣтъ высоты, низу и границъ, пусть этотъ яхонтъ и брилліантъ неба, пусть все небо (если о немъ можно сказать—*все*) звучитъ Александръ, а землѣ довольно одной ноты, она одушевитъ ее, вольетъ двойную жизнь въ ея тѣло. Александръ, да знаешь-ли ты, какъ я люблю тебя?.. Нѣтъ, я мало люблю, мало, мало! Любить тебя любовью, которая можетъ вмѣститься въ этой тѣсной тюрьмѣ, любовью, которая сноситъ плѣнъ и оковы—не значитъ любить! Нѣтъ, я не люблю тебя: еслибъ любила, тѣло мое превратилось бы въ пепелъ, и на необъятное пространство вкругъ тебя сгорѣло бы все нечистое, ты очутился бы въ раю, любовь моя цвѣла бы дивной розой и лиліей, наполняла-бъ все благоуханьемъ, зрѣла-бъ виноградомъ и оранжемъ, служила-бъ тебѣ ангелами, лилась бы музыкою на тебя... а я, я живу и въ чемъ же? въ чемъ и скоты живутъ, въ тѣлѣ, и, можетъ, долго проживу, и, можетъ, умру отъ старости, отъ болѣзни... нѣтъ, я не люблю тебя! Зачѣмъ такъ крѣпко сдѣлано это тѣло, что въ душѣ нѣтъ силъ сбросить его.

22-го.

Вотъ и апрѣль проходитъ, и май скоро, май!.. Сколько разъ свѣтила намъ надежда, и сколько разъ заходила за черную тучу... Ангелъ мой, Александръ, другъ мой, ты говоришь «страшно»—нѣтъ мнѣ уже не страшно: что ихъ гнѣвъ, угрозы, самыя наказанія, когда ты будешь здѣсь? Воля Отца Небеснаго побѣдитъ волю отца земного, ты не предвидишь средствъ, и не надо ихъ предвидѣть, *Онъ* уже придумалъ ихъ; будемъ ждать исполненія; на что наши руки тамъ, гдѣ Его рука? Въ минуты, когда я слаба, когда меня обвѣетъ землею—боюсь того и другого, желаю многое перемѣнить, и шагу страшно сдѣлать впередъ,—когда же... когда же я *твоя Наташа*? О!.. посмотрѣлъ бы ты на меня давича... перебирая всѣ мечты души моей, я многое пропустила, почти все, что было до тебя, нѣсколько и послѣ, потому что, видѣвши тебя,

я долго еще оставалась тѣмъ, чѣмъ была бы вѣчно безъ тебя; но вотъ я не только вижу,—начинаю понимать тебя, узнавать въ тебѣ знакомаго, родного, но еще не брата, еще не друга, а до того еще долго, долго... долго? а вотъ ужъ я въ восхищеніи, что ты просишь черезъ меня муравьинаго спирта у княгини, поздравляешь письменно съ рожденіемъ меня, ты подписываешься (въ пригласительной запискѣ къ *вамъ* обѣдать) вашъ Александръ—я счастлива совершенно! становлюсь на этомъ счастьѣ, теперь, пропустивъ 4 года или 5—поставить это *совершенное* счастье подлѣ того, которое теперь по душѣ, ужъ я не знаю, какъ и назвать его, когда *то* совершенное?.. Что сдѣлаютъ люди солнцу, когда пустятъ въ него ядра изъ всѣхъ пушекъ своихъ? тоже сдѣлаютъ они и намъ своими словами. Тяжело быть *розно* съ тобою, тяжело, сложа руки, оставаться или еще что хуже—дѣлать ботвинью тогда, какъ отъ трудовъ льетъ съ тебя кровавый потъ, и не мочь не только раздѣлить эти труды, не мочь отереть этотъ потъ, не мочь раздѣлить и минуты отдыха!.. видитъ Богъ, какъ тяжело... *Онъ облегчитъ*!..

Ужъ поздно, пора кончить, еще нѣсколько словъ—душа моя становится все лучше и лучше, любовь возноситъ ее до всего высокаго, изящнаго, святого, но при всемъ этомъ бываютъ минуты темныя, темныя... что значитъ, что она еще не совершенно хороша. Надо многое сказать объ Emilie, но ужъ до завтра, совѣтую и тебѣ отдохнуть—такъ мелко писано. Руку! пріятный сонъ, мой ангелъ.

23-го.

Я не хотѣла писать Emilie о томъ, что *ты не знаешь*, что *ты не противъ*, потому что она имѣетъ неограниченную вѣру въ тебя, и это могло бы ускорить ея рѣшимость; но я получила отъ нея письмо; съ *нимъ* она видѣлась послѣ меня, на станціи, получила отъ него письмо... онъ ей нравится, находитъ его достойнымъ и вотъ что пишетъ мнѣ: «Помоги мнѣ, Наташа, расположительнымъ сердцемъ, я не буду отвѣчать ему, пока не получу твоего отвѣта». Изъ этого видно, что уже кончено, рѣшено, не доставало только моего согласія — я даю ей его и для успокоенія написала все, какъ ты узналъ и какъ ты не противъ. Неужели Господь не умилосердится надъ нею, сколько, сколько потерпѣла она—право, кажется, ото всего и ото всѣхъ на свѣтѣ. Пора къ пристани! Тебѣ она велѣла написать, что хотя не сердится за то, что ты не пишешь ей, но желала-бъ хоть одну строчку.

3-ій часъ пополудни.

Какая суета, спѣшатъ, торопятся и все это подъ Новинское—оставимъ ихъ тамъ, я не была и не буду; не туда стремятся мысли и чувства, немного подальше... О! какъ бы я посмотрѣла теперь на тебя, одну бы минуту, одинъ мигъ! Перемѣнился-ли ты съ тѣхъ поръ... иногда я такъ живо тебя представлю, что меня спрашиваютъ, отчего я покраснѣла. Вонъ идутъ двое,—ростъ и осанка его похожи на твои,

и она какъ будто на меня похожа, зачѣмъ же они идутъ подъ Новинское?.. И вѣдь какъ всѣ пресерьезно, преважно, преторжественно шествуютъ туда—будто тамъ ты, или, по крайней мѣрѣ, я, а въ самомъ дѣлѣ мнѣ досадно на нихъ, не глупо-ли это, Александръ? Да что еще! Я воображаю, что непремѣнно когда-нибудь они поумнѣютъ, что всѣ эти глупости, вздоры, которые такъ грабятъ ихъ душу и карманъ—кончатся,—безумная мысль!—Ангелъ мой, я не могу себѣ представить, что *тогда* мы также будемъ съ этими людьми, также необходимо будетъ имѣть съ ними сношеніе, сближеніе... нѣтъ не надо! но вѣдь, что я не воображаю—все это невозможно: какъ хотѣть жить совершенно небесною жизнью на землѣ? Мнѣ все бы одна природа, такая, какъ создалъ ее Богъ, а не какъ передѣлали ее люди, все бы души чистыя, высокія, а не такія... Но на что же мнѣ это все? на что, когда есть ты, твоя душа! Милый, милый!!

Вечеръ 24-го.

Къ тебѣ, къ тебѣ, ангелъ мой, на твое сужденье! Помнишь ты эту дѣвочку, стыдливую еще такую, застѣнчивую, которая не могла и не умѣла сказать слова—помнишь? Ну, это я все также краснѣю, запинаюсь... о, прелесносная! Любовь, создавшая изъ ничтожества *твою Наташу*—не можетъ въ Наташѣ создать *имъ* ни одного взгляда, ни одного слова. Мнѣ-бъ нужды нѣтъ, да тебѣ это будетъ досадно. Пусть бы меня называли глупой, дикой. Кажется, Войяровскій говоритъ:

«Я-бъ желалъ, чтобъ люди узнпка чуждались
И чтобъ меня среди снхъ скалъ—
Какъ привидѣнія, пугались»...

Съ какимъ восторгомъ всегда я повторяла эти слова; но ты скажешь: «какъ! чтобъ *мою* Наташу называли глупою»... прости, прости мнѣ, ангелъ мой! что-жъ дѣлать мнѣ, когда я такъ мало дорожу мнѣніемъ людей, они сами такіе нехорошіе... О, еслибъ не ты! Ну, право, легче-бъ лежать подъ гробовой крышей, среди мертвецовъ, тамъ, гдѣнибудь далеко, на кладбищѣ... пусть ночь, пусть вѣтеръ, пусть ливень, дождь!.. Пусть-бы ужъ они были нехороши, да не такъ ничтожны Самое дурное это ихъ ничтожность: повѣришь-ли ты, чтобъ я это писала, видѣвшись нѣсколько часовъ тому назадъ съ Сашей Б.? Да, Александръ, и я была съ ней нѣсколько часовъ, а пишу это, потому что тутъ были другіе, много другихъ... вѣдь не могу же я всѣхъ каррикатуръ обратить въ лики серафимовъ, вмѣсто испорченной, обезображенной души—дать свѣтлую, ясную, какую дастъ Богъ; не могу сонъ превратить въ жизнь дѣятельную, не могу заставить летать тѣхъ, которые едва ползаютъ... Къ чему-жъ это волненье, эта боль, стремленіе, буря?...

Тогда и въ тебѣ было много земного, любовь очистила, сдунула землю, о! надо какъ можно меньше земли, Александръ, хотя мы *на*

ней, хотя будемъ *въ ней*! Пусть глаза мои прежде засыплютъ землею, нежели одна пылинка ея упадетъ на душу!!. Александръ, какъ можно меньше земли! О, неужели страшно заслужить отъ *нихъ* названье «чудака». Въ самомъ дѣлѣ, не хорошо, непростительно воображать, что я не хочу ни съ кѣмъ говорить, кромѣ тѣхъ... короче сказать — кромѣ *своихъ*; да, конечно, непростительно *воображать*, а ежели на самомъ дѣлѣ такъ? Непростительно же? Помири меня, другъ мой, съ *ними*, научи говорить, присѣдать имъ, научи глядѣть на нихъ,—клянусь, я не умѣю! Какъ бѣжать отъ людей, когда еще долго, можетъ быть, жизнь съ ними; вотъ видишь-ли, какая я негодная, — напримѣръ, скажутъ: «ахъ, какже, онъ (или она) прекрасный человѣкъ, *предостойный*, вѣжливый, искательный»... довольно, довольно! У меня сердце ужъ повернулось, ужъ я сердита, огорчена, хочу говорить, учить, наставить на путь истинный, открыть глаза—а этого нельзя, какъ-же ужиться мнѣ съ людьми? Жить-то съ ними можно, да какъ же стерпѣть, чтобъ они видѣли черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ? Какъ терпѣть, ангелъ мой, чтобъ солнце называли *только* желтымъ, а не видали-бъ ни свѣта, ни лучей?..

Вся эта страница, кажется, бредъ. Если я въ бреду, дай Богъ скорѣе опомниться, какъ тяжко въ этомъ бреду, и дай Богъ увидѣть людей не такими, какими вижу ихъ въ бреду—теперь.

Ночь.

Пусть называютъ меня мечтательницей, набравшейся романовъ, ханжой... Я не *имъ* говорю, тебѣ. Мнѣ такъ тяжело, тяжело было отъ того, что я *нисколько* посмотрѣла на людей, слышала ихъ; долго стонало сердце и ломилась грудь отъ этой тяжести, но... но будто у меня нѣтъ крыльевъ, нѣтъ тебя! Вы болѣе ничѣмъ со мною не подѣлитесь, люди, у васъ ничего *нѣтъ* больше? Прощайте! Лечу къ нему, туда, туда къ нему!.. И вотъ — ужъ это не кусочекъ грязи съ букашками, да тутъ и матеріи нѣтъ никакой, — свѣтъ, одинъ свѣтъ! Музыка... а не тотъ пискъ, трескъ и ворчанье, не она, не они, а онъ, онъ, онъ!. . . . . .

«*Въ мірѣ скорбни будете; но дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ*». Ужели *скорбь*—болѣзни, бѣдность, разлука? *Люди.* Не читай болѣе одного раза моихъ писемъ—они утомительны. Даромъ, что я не люблю земли, а и тутъ ее много. О! кто бы спасъ меня, кромѣ тебя! тебѣ и душа моя, тебѣ, тебѣ!

26-го апрѣля.

Благодарю за письма (отъ 9-го апрѣля до 14)! Что такое между нами *благодарю?* тутъ-то оно и имѣетъ совершенное значеніе, а внѣ—пустое слово. Благодарю, Александръ! Да, да, часто и долго погружаюсь я въ мысль о союзѣ, о которомъ пишешь ты, о томъ союзѣ, который дѣлаетъ насъ всѣхъ членами Христа, необходимыми для составленія цѣлаго, мысли Его, человѣка. Какой сверхъестественный восторгъ обнимаетъ душу, когда все это разнообразіе, всѣ сердца, души, стремленія,

желанія, мысли всѣхъ людей сольешь въ одну дивную, гармоническую пѣснь Творца! Тогда-то не чувствуешь земли, тогда-то врагъ—тѣло не властно надъ Божьей ризой! И послѣ—какъ долго неразрывно сердце съ *ихъ* сердцами, какъ долго не тѣсно въ груди,—она становится широкою, безграничною... но, наконецъ, мелькнетъ самолюбіе во взорѣ, сердце обваленное въ землѣ... и вотъ, вмѣсто хлѣба, рука человѣка, рука брата, моя рука «дастъ камень». Распадается человѣкъ, мало-по-малу всѣ узы врозь, и—одна глава—Христосъ! Гдѣ-жъ цѣль шестидневныхъ трудовъ—подобіе Его? Тутъ почувствуетъ нога землю, рука цѣпи, грудь крестъ, нальются въ глаза слезы и канутъ на душу—но ты!? но эта симпатія, но эта гармонія, сочетаніе, слитіе душъ нашихъ?.. Онъ обѣщалъ быть посреди двухъ или трехъ, собравшихся во имя Его,—когда мы еще не одни—Онъ посреди насъ!.. Сегодня годъ свадьбѣ Огарева.

27-го.

Молиться о тебѣ—да, мнѣ молиться о тебѣ! Ты пишешь, Александръ, что уста мои привыкли къ молитвѣ, что я съ ней засыпала, съ ней просыпалась. Да и что же была бы я безъ молитвы тогда, какъ душа, открывшись впервые, искала привѣта, созвучья и находила одинъ холодъ морали или каплю участья въ чашѣ эгоизма, когда я протягивала всѣмъ руку, и никто не бралъ ее? что бы была я, еслибъ Онъ не воззвалъ ко мнѣ, не протянулъ руку свою?.. Но теперь молитва моя не *та*, нѣтъ. Тогда она была ограничена и временемъ, и словами, тогда она была *только убѣжище* мое отъ недруга—міра, тогда я могла пересказать, что такое молитва, какъ я молюсь, а теперь... я не читаю «Отче Нашъ»; молитва не сжатая назначеннымъ часомъ, не связанная словомъ, молитва—это вся душа, вся любовь, вся жизнь; но и у меня есть обыкновенныя минуты, въ которыя я не молюсь, но рѣдки и коротки эти минуты и тяжки! но все это означаетъ еще несовершенство мое, я должна, *могу* достигнуть его любовью. Вотъ торжественныя, несравненныя минуты, Александръ, когда солнце устанетъ освѣщать суету-суетъ, когда сама суета устанетъ суетиться и наляжетъ на Небо тѣнь, на землю сонъ—вознестись къ Его престолу, туда, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни сна, прижаться къ Его груди, отдохнуть отъ земли, подѣлиться тобою и почерпнуть тебѣ изъ этой груди даровъ Небесныхъ. Божественныхъ!.. Молиться о тебѣ! Молиться о тебѣ! О, мой Александръ, о, ангелъ мой, о, другъ мой! Вся жизнь моя молитва о тебѣ, молитва разлучитъ-ли душу съ тѣломъ!

Но со всею чистотой моей—какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ и я безъ тебя ничтожество... Благодарю, благодарю воспитателей моихъ, что они лишили меня всего того, что *они могли* дать мнѣ! тогда мнѣ было непріятно, я сѣтовала на нихъ, теперь—во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ вижу Провидѣніе Его. Я бы желала *ихъ* вознаградить за это, но, видно, я не предназначена для этого; напротивъ, я приношу имъ собою одни непріятности—*тамъ* награда имъ!

Да что и говорить, мой другъ, о симпатіи нашей! Ты замѣтилъ, что мы даже одинаково выразились о девятомъ апрѣля, я не замѣтила этого прежде тебя, удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Ты, Ог., я—троица единосущная, нераздѣльная, и всѣ трое—одинъ ты. Какъ мнѣ хочется прочесть «*Мысль и Откровеніе*». Ты скажешь «что это такое *хочется*, слишкомъ холодно, обыкновенно»—да замѣть, что мнѣ никогда ничего не хочется обыкновеннаго, потому я смѣло употребляю это выраженье. «*Легенда*» у Василья Васильевича; я давала ему ее не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ давала многимъ, перешлю и «*Встрѣчу*» ему,—прощай пока! Полна, свѣтла душа моя!

3 часа пополудни.

Два года твоему опасному путешествію по Волгѣ,—а я плакала надъ описаніемъ его, и сердце замирало, будто я вижу тебя на грозныхъ волнахъ близь смерти... О, какъ это живо! страшно, страшно! Но Господь спасъ тебя—*Онъ* знаетъ для *чего!*

Опять отъѣздъ твой—можетъ, скоро будетъ въѣздъ! а воспоминаніе этого распятія копьемъ пронзаетъ сердце. Сколько перестрадалъ, сколько вынесъ ты! И неужели еще далекъ покой, далека награда?..

Вятка! Тебя любитъ Богъ, потому что Онъ тебя избралъ мѣстомъ *его* изгнанья. Во всю жизнь твою у тебя не было подобнаго изгнанника, гордись *двумя годами*, они твои, разсказывай о нихъ дѣтямъ своимъ, напиши свѣтомъ на сердцѣ твоемъ *два года* и тогда, какъ предстанешь тамъ предъ Нимъ, какъ ангелъ будетъ вѣсить дѣла твои—всю тяжесть мрачныхъ дѣлъ твоихъ перевѣсятъ свѣтлые два года! Но только два, довольно тебѣ; о, Вятка! не требуй болѣе, отдай *его* мнѣ, онъ мой, онъ душа моя, онъ жизнь моя, онъ—я, отдай мнѣ меня! Благодарю тебя за твою дружбу, за твое гостепріимство, прощаю холодность и непривѣтъ, и тебя же, врагъ—другъ мой, умоляю возвратить его мнѣ, преклоняю колѣни души моей... Вятка! Вятка!..

Что заранѣе бояться, можетъ, мы поздно поѣдемъ въ деревню, можетъ вовсе не поѣдемъ! Можетъ, и ты пріѣдешь только къ моимъ именинамъ... ахъ, Богъ знаетъ, что *можетъ быть!*..

Вѣдь это странно, будто вѣкъ не видала тебя и будто сію минуту видѣла! Вотъ на этомъ диванѣ (въ К. спальнѣ), на самомъ этомъ мѣстѣ сидѣлъ, глядѣлъ, говорилъ, хоть и не для меня... вотъ здѣсь, именно здѣсь показывалъ, какъ мечутъ банкъ и отъ слова до слова вся рѣчь твоя, всѣ взгляды сплелись вокругъ меня огромнымъ вѣнкомъ, и самое свиданіе, и самая жизнь вмѣстѣ не разорветъ этого вѣнка. И каково будетъ на самомъ же этомъ мѣстѣ мнѣ сказать тебѣ: «благодарю васъ, Александръ Ивановичъ, за то, что вы помнили меня въ Вяткѣ, *иногда* писали ко мнѣ»—а затѣмъ? тогда мы вмѣстѣ прочтемъ *имъ* наши письма. Но что же изъ этого будетъ, о, нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, это одно поруганіе. Да что намъ за дѣло, что *будетъ* тогда: мы будемъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ ближе!

Вечеръ.

Ты писалъ, что жена Витберга можетъ только дѣлить съ нимъ минуты отдыха — это не выражаетъ даже и помощницы. Ты, мой Александръ, удѣлилъ мнѣ половину своихъ несчастій, ты мнѣ сказалъ: «*съ тобой, Наташа, все дѣлю*». Я не хочу тихо колыхаться на зеркальной поверхности океана любви, нѣтъ; вмѣстѣ труды и изнеможенья, вмѣстѣ отдыхъ и покой! Теперешняя жизнь моя или, вѣрнѣе, препровожденіе времени, несносна для меня своею пустотою, бездѣйственностью, а еще болѣе занятіями ничтожными. Всегда во мнѣ была наклонность къ занятіямъ умственнымъ, но всегда я встрѣчала вездѣ затворенныя двери. *Тогда* онѣ всѣ разомъ растворятся для меня, и ты разомъ передашь мнѣ то, что я собиралась бы, можетъ, цѣлую жизнь. Вотъ тутъ невольно опять повторится—скорѣе! скорѣе! . . . . . .

Что за замки строю я, пусть ихъ называютъ воздушными, съ тобою я знаю, что все возможно. А звѣзда стоитъ надъ окномъ и смотритъ на меня, и свѣтитъ мнѣ, и говоритъ о томъ, чего не слышатъ уши—это онъ, онъ мое свѣтило, это только одна мысль *его*, а онъ солнце безъ восхода и заката. Прощай! Душа!

28-го.

Прости меня, ангелъ мой, я теперь не могу вспомнить, что написала вмѣсто *Скворцова*, *Соколова*. Прости, но неужели это невниманье? Видно, Полина усердно носитъ кольцо, когда оно осыпается, а можетъ, и отъ того, что оно въ золотѣ. Что ея судьба! Для Скворцова я желаю—но ежели она равнодушна? Не думаешь-ли ты, что вятскіе друзья твои мнѣ ничего? Нѣтъ, ты этого не думаешь; что бы чувствовалъ ты, еслибъ зналъ, что у тебя есть родные братья и сестры, о которыхъ ты прежде не слыхалъ и никогда не видалъ... а Полина, Скворцовъ, Витбергъ и Эрнъ сестра и братья мнѣ по душѣ!.. Скажи мое истинное почтеніе маменькѣ Эрна, какъ я ее помню, очень, очень помню—уважаю и люблю. Мудрено и ей меня забыть: вѣрно, во всю ея жизнь никто съ перваго раза не былъ ей такъ радъ, не говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ откровенно, какъ я. Черезъ два дня *май*! можетъ и *только*!.. Но, мой другъ, мысленно, душою обнимемся крѣпко, крѣпко и намъ будетъ легче. Благодарю за Гамлета! Я читала его и хотѣла купить, но мнѣ не позволили бы. Въ первый разъ читаю Шекспира и начала Гамлетомъ! Можетъ, еще я его не совершенно понимаю, но пусть геній приметъ и мое удивленье, какъ отъ вдовицы двѣ лепты—особенно, когда Гамлетъ открываетъ душу матери. Еще благодарю. Прощай, Александръ, давай мнѣ обѣ руки, жму ихъ. Цѣлую тебя. Твоя Наташа.

28 апрѣля 1837.

Наташа! и этотъ лучъ надежды сталъ меркнуть, блѣднѣть; теперь пишутъ другое изъ П., а мы было такъ дѣтски отдались надеждамъ. Милый ангелъ, будемъ еще терпѣть—стыдно, терпѣвши столько, унывать на концѣ.

Я теперь переѣхалъ на нѣсколько дней къ Эрну, и видъ изъ моей комнаты на поле и на рѣку, которая теперь въ разливѣ; часто сажусь я на окно и устремляю глаза, вижу даль, и тогда мнѣ вольно мечтать о тебѣ, моя небесная подруга... Всѣ чувства, всѣ мысли, все мое существованіе привращается болѣе и болѣе въ свѣтлое чувство любви, ты еще болѣе для меня, нежели была; какимъ совершеннымъ сиротою былъ бы я безъ тебя—не обижая дружбы, она никогда не могла бы дать столько. Наташа, Наташа, ей-Богу, я не думалъ, чтобъ когда-нибудь я могъ такъ любить, но зналъ-ли я, что на землѣ есть ангелъ, и что этотъ ангелъ полюбитъ меня... Губернаторовъ сынъ женится, надняхъ былъ у него обѣдъ послѣ помолвки, я пристально смотрѣлъ на жениха и невѣсту: какъ мы должны благословлять Бога, что онъ намъ далъ душу, раскрытую чувствительнымъ и высокимъ. Я воображаю тебя и себя тогда, за нѣсколько дней до вѣчнаго соединенія (которое, впрочемъ, одна форма, ибо мы соединены на вѣки), какой восторгъ, какая радость—а эти, женихъ *строитъ куры* невѣстѣ, невѣста *жеманится*, все натянуто, холодно, а онъ кричитъ: «о, какъ ее люблю!» Толпа, иди своей дорогой, счастливый путь, но ежели ты идешь направо, то я съ Наташей пойду налѣво; иди съ своими получувствами, полумыслями, полусуществованіями; намъ надобенъ просторъ и просторъ, обширнѣе всего шара земного, намъ надобно небо.

Часто, смотря на толпу, мнѣ приходитъ въ голову та простонародная сказка, гдѣ царевичъ былъ засмоленъ въ бочку и брошенъ *въ Море-Окіанъ*. Царевичъ сталъ расти, тѣсно ему въ бочкѣ, онъ и проситъ дозволенія ноги протянуть.—«Да вѣдь ты потонешь, добрый молодецъ.—Нужды нѣтъ, отвѣчалъ онъ, лишь бы протянуться; лучше тонуть въ океанѣ, нежели скорчившись жить въ бочкѣ». Я совершенно согласенъ съ этимъ царевичемъ. Вотъ тебѣ еще анекдотъ за тѣмъ же обѣдомъ. Vis-à-vis со мною сидѣла одна очень миленькая барышня; между прочимъ, разсказывала она мнѣ, что ежели кто хочетъ въ одно время думать объ отсутствующемъ другѣ, когда тотъ думаетъ, то стоитъ прежде посмотрѣть на луну и сказать три раза belle lune pense à moi и пр.—Положимъ, что такъ, сказалъ я, но не лучше-ли была бы та симпатія, которая заставила бы *ее* писать точно тоже за 1.000 верстъ, что *онъ* пишетъ здѣсь, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ.—Толпа услышала и говоритъ, что это невозможно; я хохоталъ,—подумали, что и я не вѣрю этому. А сколько разъ съ восторгомъ и трепетомъ души читалъ я свою мысль въ твоемъ письмѣ—да и что же тутъ удивительнаго, развѣ есть видимый предѣлъ между твоей душою и моей; одно различіе—ты любишь меня, я—люблю тебя. Но, *кажется*, chére amie, это не разрушаетъ симпатій.

Ты пишешь въ прошломъ письмѣ, чтобъ сказать папенькѣ обо всемъ тотчасъ по пріѣздѣ—я тысячу разъ думалъ объ этомъ, но еще не рѣшился. Ты знаешь-ли его характеръ, холодный и разсудительный,

его врасплохъ не застанешь. И потому надобно прежде знать сколько-нибудь его мнѣніе; ибо ежели я сдѣлаю прямой вопросъ, то отрицательный отвѣтъ совершенно разъединитъ меня съ нимъ, но что онъ можетъ имѣть противъ нашего соединенія? Я молодъ—хорошо, я откладываю на два, на три года, лишь бы впередъ рѣшено было, что не будутъ тебя мучить, что спасутъ тебя отъ Макашиныхъ, дадутъ волю заниматься, и мы будемъ i promesi sposi, какъ называютъ итальянцы и это состояніе прелестно. Ну еще наше препятствіе—деньги; послѣднее время они такъ были щедры ко мнѣ, что стоитъ только продолжать; вѣтреность—но неужели два года ничего не доказываютъ? Ахъ, еслибъ все это обдѣлалось письмами; я намекалъ раза два, но онъ какъ будто не видитъ; въ послѣднемъ письмѣ я пишу о слухѣ, что я здѣсь женюсь, который отъ нечего дѣлать распустили здѣшніе господа, пишу какъ нелѣпость; но это можетъ навести на серьезное—буду ждать его отвѣта. Впрочемъ, Natalie, все это вздоръ, мы будемъ соединены, клянусь твоей любовью, какъ—все равно, когда—все равно.

Природа расковалась, а я нѣтъ!

О сколько болѣзненныхъ, жгучихъ мыслей толпилось въ груди, когда я перечитывалъ, какъ ты вечеромъ смотрѣла на улицу. Поварская—и ты свята для меня, съ какимъ благоговѣніемъ пойду я по твоему каменному хребту, я поцѣлую тебя, я слезою почту тебя. Оттуда со скачки я взглянулъ въ послѣдній разъ на нее, облако пыли покрывало ее и одинъ шпицъ *той* колокольни, какъ штыкъ часового блисталъ въ преддверіи—грустно мнѣ тогда было—и я не видалъ съ тѣхъ поръ Поварской скоро 3 года, и продолжается грусть.

Я какъ-то сталъ глупѣе съ тѣхъ поръ, какъ надежда опять отлетѣла, что-то усталое, не живое въ душѣ, сержусь, капризничаю и письмомъ этимъ я недоволенъ, цѣлая страница вздору, но я знаю, что для тебя мое письмо, и потому безъ особенныхъ причинъ не лишаю тебя этого удовольствія. Прощай.

Кланяйся твоей Сашѣ, Emilie, когда будешь писать. Полина жметъ твою руку. Цѣлую тебя, мой ангелъ... ангелъ Наташа

Александръ.

30-го апрѣля, 1837.

Ангелъ, ты всегда отрываешь меня отъ душной земли и переносишь въ небо, это твое назначеніе и, Божественная, великая, какъ ты его исполняешь. Вотъ твои письма (отъ 25 марта—6 апр.). И я воспитанный, спасенный счастливой дружбою и любовью сказалъ, что въ 25 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Нѣтъ, вижу, что надо искоренить славолюбіе, это высокая степень эгоизма и зачѣмъ же жаждать еще чувствъ, еще блаженства, когда душа черезъ край наполнена. Твое письмо, какъ чистое дуновеніе рая разбудило меня. Ежели я имѣю силу, ежели Провидѣніе не тщетно разливаетъ дары—то будущность моя совершится безъ натяжки, стоитъ только слѣдовать персту, указующему путь;

этотъ перстъ мнѣ указуетъ теперь одно—тебя, и я понимаю почему. Кто могъ, кромѣ тебя, остановить меня среди разгула бурной жизни? Но это еще легче было, ибо въ душѣ никогда не померкало доброе начало; но кто могъ бы потрясть мою давнишнюю мечту о славѣ, ту мечту, которая тревожила меня ребенкомъ, заставляла не спать ночи и заниматься во время курса, переносить страданія—эта мысль была святая святыхъ моей души, ты, однако, словами, одной строчкой потрясла до основанія этотъ алтарь гордости, я излѣчусь отъ него, вотъ тебѣ моя рука и душа будетъ чище. И въ самомъ дѣлѣ — ну, ежели нѣтъ назначенія врожденнаго, и я *натяну* его, оно обрушится на меня, какъ гранитная скала, а не для того созданныя знамена поникнутъ и чужое задавитъ меня.

Развѣ мысль, восторженная, живая сама въ себѣ, и любовь, и дружба недостаточны душѣ. О, какъ дурна должна быть та душа, въ которой останется мѣсто для рукоплесканья толпы, которую она будетъ дѣлить со всякимъ фокусникомъ. И послѣ этого мнѣ не молиться на тебя. Наташа, Наташа, моя спасительница! Шиллеръ говоритъ о дѣвѣ Орлеанской: «и избралъ Господь голубицу для исполненія воли своей». Святая голубица, слетѣвшій изъ рая ангелъ Господень—царствуй надо мной, передъ посланникомъ Божіимъ не стыдно склонить главу. И какъ святы, какъ чисты эти орудія Господа. Наташа, ни слова болѣе, я счастливъ, чрезмѣрно счастливъ... Да, да, одинъ взоръ, одно объятье, и покинемъ землю, черную, грубую, гадкую землю! Взгляни на это блаженство, разлитое въ моей душѣ и помолись—это твое дѣло, ты принесла рай въ земную душу. Молись—ты совершила свое призванье.

Рѣка здѣсь широкая, и теперь разливъ; я долго катался на лодкѣ, небо было чисто, вода спокойна—я мечталъ о небѣ и о тебѣ, я находилъ какое-то общее разительное сходство между тобою и этимъ воздухомъ весны, и этой лазурью, я, ничтожный, созерцалъ, понималъ это небо, такъ какъ постигаю и созерцаю тебя, мнѣ было хорошо. Передъ прогулкой я получилъ твое письмо, и этотъ видъ, эта величественная рѣка продолжали твое письмо,—я чище, святѣе понималъ его. Наташа! Наташа! Какъ велика ты, пересоздавшая меня!

Хочу нынѣшнее лѣто провести лучше, я не надѣюсь въ 37 году увидѣть тебя (мое пророчество объ этомъ годѣ сбылось), я открою свою душу всѣмъ чистымъ наслажденіямъ, буду таскаться по полямъ, лѣсамъ, буду ѣздить верхомъ, почти никуда не ходить и пуще всего отучусь отъ этого грубаго обыкновенія пить вино. Пусть это короткое лѣто будетъ постояннымъ потокомъ; одно мѣшаетъ—служба. Ты, ангелъ, перенесешь разлуку; Богъ дастъ тебѣ силы довершить начатое.

3-го мая.

Еще письмо (отъ 7-го до 19-го апрѣля)—послѣдняя буря улеглась въ душѣ, и я спокойно посмотрѣлъ около себя. Твое письмо похоже на чистый воздухъ Пиренейскихъ горъ, который вѣетъ иногда на Италію,

чтобъ освободить ее отъ сирокко, ядовитаго дыханія Африки. Тогда все живое воскресаетъ, дышетъ легко, смерть и тягость проходятъ. Опять та же симпатія, которая наконецъ превращается въ совершенное слитіе, безраздѣльное, полное нашихъ душъ. Ты и я совершенно одинакимъ образомъ встрѣтили праздникъ.

И такъ, княгиня просила Льва Алекс. о богатомъ женихѣ, о женихѣ съ мѣстомъ. Я знаю, что изъ этого ничего не будетъ и что Л. Ал., выходя изъ комнаты, забылъ; но сколько непріятностей ждетъ тебя, ежели явится какой-нибудь дуракъ подъ протекціей Макашиной. Нѣтъ, пора маску долой. И вѣдь они не понимаютъ, какой небесный ангелъ ввѣренъ Богомъ имъ на сохраненіе. О Дидротова кухарка! И меня считали вѣтреннымъ мальчишкой. Пора, пора... Уже мысль одна о женихѣ, даже въ нелѣпѣйшихъ головахъ, есть для меня обида, ужасная, нестерпимая. О, какъ неумолима, жестока судьба—я скованъ, связанъ, брошенъ въ дикую страну, и всѣ надежды—только зарницы, намекающія на свѣтъ, а не день. Только дай же мнѣ честное слово, какія бы непріятности ни были, ты ихъ не скроешь отъ меня—все знать гораздо легче, нежели часть. Я не понимаю, чего бояться Мам. сказать объ этомъ папенькѣ; развѣ для этого надобно открывать переписку, развѣ нельзя сказать о нашемъ свиданьѣ? Погожу немного, да разомъ напишу все отъ доски до доски. А тебѣ, ангелъ, слезы—я сотру ихъ, я превращу ихъ въ слезы восторга.

5-го мая.

Вчера ночью поѣхалъ я кататься на лодкѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ блѣдно, разливъ черезъ поля, лѣса соединяетъ рѣку съ озеромъ, отстоящимъ на $5^1/_2$ верстъ; я поѣхалъ туда. Рѣка была спокойна, небо спокойно, луна бѣжала за нами по водѣ, и нерѣдко волна, взброшенная весломъ, подымалась, чтобъ сверкнуть, какъ молнія, и исчезнуть. А по другую сторону—мракъ.

Хороша природа, вездѣ хороша, и тутъ мнѣ былъ просторъ и досугъ мечтать о тебѣ. И ты, ангелъ, пишешь, что, смотря на природу, ты находишь въ ней меня—вездѣ наша симпатія; «что было бы съ тобою,—спросилъ Скворцовъ,—ежели-бъ ты обманулся въ ней и въ Ог.?»—Я отвѣтилъ, что это такъ нелѣпо, что нельзя и сказать. Что была бы вселенная, ежелибъ не было Бога, ея-бъ не было, и нечего придумывать; ибо Богъ есть, такъ и любовь въ моей жизни, тутъ ничто не можетъ потрясти моей вѣры. Онъ покраснѣлъ отъ своего вопроса, жалѣлъ, что высказалъ его, дивился моему счастью.

Я вспомнилъ поэта.

... le Seigneur.
Mêle eternellement dans un fusion hymen
Le chant de la nature au cri du genre humain.

Съ одной стороны рѣка, горы, даль, съ другой—маленькія лачуги, гдѣ

царятъ бѣдность и большой каменный острогъ, который печально смотрится въ рѣку и звенитъ цѣпями и дышетъ вздохами.

Прощай, сестра, другъ. Прощай, моя Наташа. Когда взгруснется, подумай о моей любви, подумай, какъ безпрерывно и всегда ты въ душѣ моей—и грусть отлетитъ.

Прощай же, кажется, нельзя обвинять, что рѣдко пишу.

Твоей Сашѣ братскій поклонъ, я самъ хотѣлъ бы написать ей нѣсколько словъ.

Addio!

Александръ.

Вотъ тебѣ, милый другъ, слово въ слово письмо Огар. Читай и восхищайся.

«Писалъ очеркъ моей системы (который, можетъ, дойдетъ и до тебя) и усталъ ужасно; но еще есть силы писать къ другу, къ вѣчному, неизмѣнному другу.

Наши сношенія рѣдки; только два раза съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались; какъ долго носилъ я эти письма съ собою, какъ много слезъ пролилъ надъ ними и наконецъ ихъ нѣтъ; слѣды ихъ въ памяти слабѣе и рѣже, и вотъ становишься ими недоволенъ, припоминаешь черты знакомаго лица; хочешь быть съ нимъ вмѣстѣ, хочешь обнять брата, родного по душѣ, и ловишь призракъ; исчезаетъ, и на сердцѣ становится тяжело и черно... Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не вмѣстѣ. Я женился!.. Не смѣй при этомъ словѣ съ горестной улыбкой вспоминать о Танѣ, Танѣ, которая любовью эгоистической выколдовала его изъ круга друзей. Моя Марія пожертвуетъ всѣмъ для будущности; не смѣй тоже сомнѣваться въ *твоемъ* другѣ; онъ вѣренъ самому себѣ, какъ истина. *Нѣкоторые* сомнѣвались во мнѣ. Но ты, не правда-ли, ты ни на минуту не сомнѣвался, ты лучше знаешь меня. Эта увѣренность, что есть человѣкъ, который никогда не усомнится во мнѣ, въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни былъ, эта увѣренность—мое сокровище; твоя дружба—мое сокровище. «Одно во всю жизнь не измѣняло мнѣ, это твоя дружба», писалъ я нѣкогда; теперь скажу, что есть еще сокровище неизмѣнное—это любовь моей жены. Другъ! Я счастливъ ею, люби ее какъ сестру, я за нее ручаюсь. Я писалъ къ нимъ, что я счастливъ, но они въ ней видѣли Таню и не радовались моему счастью; они любили орудіе идеи, но не человѣка. Другъ! ты любилъ меня для меня, да, ты будешь радъ, когда я скажу тебѣ: я счастливъ! Ты не скажешь мнѣ неправеднаго укора, ты меня знаешь, ты въ меня вѣришь. Они укоряютъ меня въ недѣятельности! Въ какой недѣятельности? Почему они знаютъ, что я дѣлаю? Мой умъ идетъ впередъ, онъ не спитъ, онъ собираетъ войска идей. Укоряютъ, почему рѣдко показываюсь въ общество. Ты самъ живешь въ провинціи, ты знаешь, что это за общество: собраніе какихъ-то уродовъ между обезьяной и человѣкомъ, отуманенныхъ предразсудками, лѣнивыхъ умомъ,

развратныхъ душою, которые не имѣютъ даже привлекательной стороны негра въ Америкѣ—страданія. Что же я тутъ буду дѣлать? Въ моемъ углу любовь и чистота душевная, мысль никогда недремлющая, тутъ я готовлю пищу своей дѣятельности на всю жизнь. Ты поймешь и не осудишь.

Моя женитьба не разстроила ничего, мы по-прежнему ѣдемъ, съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе удостовѣряюсь, что необходимо ѣхать. О, чегобъ я не отдалъ за часъ свиданія съ тобою. Сколько мыслей томится въ головѣ, сколько желаній, сколько силъ стремиться далѣе! Нѣтъ, мы не умремъ, не отмѣтивъ жизнь нашу рѣзкою чертою. Я вѣрю, эта вѣра мое святое достояніе. Вѣрь и ты, да ни одна минута отчаянія не омрачитъ души твоей; кто вѣритъ, тотъ чистъ и силенъ! Пусть эти строки напомнятъ тебѣ твоего друга, въ нихъ половины нѣтъ того, что на душѣ; но будь доволенъ и этимъ. Придетъ время, и мы снова будемъ вмѣстѣ, тогда пробьетъ нашъ часъ, и мысль вступитъ въ дѣйствительность. Еще разъ, не отчаявайся. Моисей въ пустынѣ говорилъ съ Богомъ. Христосъ постился сорокъ дней. Мы теперь постимся. Его постъ, это сомнѣніе въ самомъ себѣ и въ новой вѣрѣ. Онъ увѣрился, мысль вступила въ дѣйствительность, и міръ назвалъ его Спасителемъ. Обстоятельства понуждаютъ насъ къ тому, что ты дѣлалъ добровольно, умѣй пользоваться ими. Прощай братъ, другъ, прощай, обнимаю тебя; *она* къ тебѣ пишетъ. Вотъ тебѣ моя рука, вотъ тебѣ моя слеза на память. Прощай!».

Да, Наташа, ты должна быть сестрою, другомъ этого человѣка, онъ тебя не знаетъ, но *я* писалъ ему. Мы будемъ когда-нибудь вмѣстѣ, и тогда увидите, ты—эту обширную, глубокую, спокойную душу, онъ—твою душу, небесную и исполненную поэзіи, твою душу, состоящую изъ одной любви и принадлежащую его другу. Вы поймете другъ друга. Прощай. Александръ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ.

Романъ.

VII.

Послѣ обѣда, въ той же комнатѣ, сидѣла Лизавета Петровна Зарубина и жаловалась Зинѣ на свою сестру.

— Ты не можешь себѣ представить, какое съ ней мученье,— говорила она, перелистывая попавшуюся ей подъ руку книгу,— вѣдь смѣшно сказать: у Ольги философскія сомнѣнія, а весь домъ страдаетъ. Мама, конечно, на меня, что это я выдумала съ своими курсами, что всѣ барышни скучаютъ, потому что у нихъ нѣтъ практическаго дѣла; намеки на замужество и другія глупости. Я, положимъ, какъ всѣ мы, къ этому привыкла, но просто... глупо какъ-то. Нѣтъ, ну, я понимаю, философскія и религіозныя сомнѣнія, черезъ это всѣ проходятъ. Но хоть бы занималась. А то вѣдь ничего не дѣлаетъ, совсѣмъ. На курсахъ она оживляется только, когда устраиваются спектакли или концерты. Тогда, помнишь, зимой, какъ онѣ всѣ хлопотали?.. Теперь хоть бы чтеніе. Безъ всякой системы, то Спенсеръ, то Достоевскій, то Хомяковъ... Послѣднее время ходитъ чуть не каждый день къ раннимъ обѣднямъ, увѣряетъ, что никто ея не понимаетъ, плачетъ...

Зина сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ и, наклонясь, разсматривала съ сосредоточеннымъ вниманіемъ портретъ своего отца,—суроваго, усатаго старика съ огромнымъ лбомъ. Въ открытое окно со двора слышались голоса и смѣхъ.

Въ саду, около террасы, уже собралось цѣлое общество. Это былъ часъ, когда всѣ члены семьи сходились обыкновенно вмѣстѣ и всѣ предавались бездѣйствію. Зина знала, что тамъ, за послѣобѣденнымъ кофе, находятся всѣ домашніе, что студентъ Карсовъ, учитель маленькаго Коли, уже который день изучающій надъ грудою лекцій „физіологическія модификаціи лейкоцитовъ“, куритъ на свѣжемъ воздухѣ толстую крученку, что пріѣхали два студента-лицеиста Милецкіе и, вмѣстѣ съ сестрами, явился Павелъ Зарубинъ, держа-

щій выпускные университетскіе экзамены еще „по старому уставу“. Она ушла оттуда наверхъ, одна, потому что съ каждымъ часомъ въ ней росло тоскливое и жуткое безпокойство, но Лили сейчасъ же пришла къ ней.

— Это пройдетъ, —сказала Зина, хмурясь и о чемъ-то думая:— а помочь этому нельзя.

— Вотъ еще Андронова,—продолжала Лили:—знаешь, блѣдная такая, съ черными глазами, ихъ выпуска. Ольга все говоритъ „живой человѣкъ“. А по моему прежде всего ненормальная. Эта не то, что Краюхина. Представь, имѣетъ полную возможность уѣхать на лѣто въ деревню, у нея бабушка, которая ее зоветъ, а она остается въ Москвѣ на Мясницкой гдѣ-то, квартира, говорятъ, ужасная, на томъ основаніи, что природа на нее очень дѣйствуетъ, что она тамъ ничего не будетъ дѣлать и начнетъ жить растительною жизнью. Какъ хочешь, а ужъ это прямо утрировка.

Зина подняла на нее удивленные глаза и сочувственно покачала головой.

Снизу ихъ уже звали.

— Лили, Зина, куда-жъ вы ушли?—кричалъ еще на лѣстницѣ голосъ Ольги Зарубиной.

Она вбѣжала къ нимъ, вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся.

— Охъ, батюшки, какъ мы сейчасъ бѣжали,—разсказывала она, смѣясь и обмахиваясь платкомъ:—мы съ Колей отъ бесѣдки, а Владиміръ Александровичъ отъ поворота и хотѣлъ насъ обогнать.

Старшая сестра посмотрѣла на нее почти съ досадой и махнула рукой.

— Тамъ кто?—спросила Зина и, такъ какъ пора было идти внизъ, быстро встала и пошла къ зеркалу причесать волосы.

— Тамъ Милецкіе и Паша, только Милецкій... Иванъ, что-ли? старшій. Сейчасъ съ нимъ о лицеѣ спорила. Этакія пошлости говоритъ, ужасъ. Что будто лицеисты должны имѣть преимущества. Какіе-то тамъ приватные уроки дурацкіе... Точно всѣ не знаютъ, что это за заведеніе лицей? Если просто дуракъ, такъ неучемъ будетъ, а съ деньгами, такъ лицеистъ,—горячась уже, говорила Зарубина.

— Ты бы еще это сказала,—проглядывая страницы книги, замѣтила Лили.

— Я вродѣ этого и сказала.

— Отлично. Лидія Васильевна очень тебѣ благодарна будетъ.

— Такъ почему же молчать, я не понимаю? Они же говорятъ всякія гадости.,.

— Отчего же тебѣ не подражать?

Ольга хотѣла отвѣтить, но увидѣла беззвучно показавшуюся въ дверяхъ нянюшку Зины и, весело обрадовавшись, поздоровалась съ ней.

— Марѳа Андреевна! Здравствуйте!

— Здравствуйте, матушка. Здравствуйте, Лизавета Петровна,—привѣтливо улыбаясь, раскланивалась старая нянюшка.

— Къ вечеру свѣжо станетъ, надѣньте,—сказала она, кладя на спинку стула кофточку Зины.

— Не нужно, тепло,—сказала Зина.

— Нѣтъ, нужно,—рѣшительно возразила Марѳа Андреевна.

Ольга засмѣялась. Она все время сидѣла у письменнаго стола, смотрѣла на нянюшку, точно чего-то ожидая отъ нея.

— Какъ поживаете, нянюшка?—спросила она.

— Слава Богу, матушка. Вы нонче тоже экзаменъ держали?—спросила Марѳа Андреевна.

— Нѣтъ, я не держу экзаменовъ.

— И хорошее дѣло, матушка. Я и то говорю: скоро-ли это кончится? Смерть!

Ольга звонко засмѣялась.

— Отчего же вамъ-то смерть, Марѳа Андреевна?

— А что-жъ вы думаете, нешто мы покой видимъ?—горячо заговорила нянюшка:—вѣдь за ней глаза, да глаза... Вотъ теперь извольте судить: барыня, Лидія Васильевна, говорятъ: смотри, говоритъ, за ней непремѣнно, какъ бы она свѣчу не забыла погасить; сгоритъ, говоритъ, какъ разъ, и насъ сожжетъ. Я и сама знаю, нешто долго? Да вѣдь не углядишь. Раза три кажную ночь на лѣстницу-то влѣзешь, все огонь свѣтится. Не заснула-ли, молъ, пойду гасить. Нѣтъ, шуршитъ листами-то. Господи, что такое за ученье?.. Иной разъ, вѣрите-ли, дремлешь, дремлешь, того гляди, шею сломишь, ну, и заснешь,—смѣясь, добавила она.

Зина покраснѣла.

— Я не виновата, что тетя, Богъ знаетъ что, приказываетъ... Ей, главное, надо придумать, о чемъ бы безпокоиться,—обиженно и разсерженно сказала она изъ-за своего туалетнаго столика.

— Да вы нешто что понимаете?—перебила ее нянюшка:—тоже ужъ мы учены. Барышнямъ не сказывали, какъ свѣчу-то забыли? А?

— Это было два года назадъ, и когда я больна была. Вздоръ ты говоришь, няня,—сердито сказала Зина.

— А, то-то, вздоръ. И то я, Ольга Петровна, полюбопытничать пошла. Не спится мнѣ, да чтой-то словно, молъ, гарью пахнетъ? Пошла по лѣстницѣ-то, такъ, вѣрите, смрадъ стоялъ, у меня руки, ноги затряслись, думала пожаръ. А она спитъ, за столомъ-то сидя, свѣчу не задула, догорѣла до тла, бумага тамъ, стало быть, зачадила. Знать ужъ Царица Небесная, матушка, и меня-то надоумила. И лекціи-то эти самыя близехонько лежали. Долго-ли загорѣться?

Исторія была старая, всѣ ее ужъ не разъ слышали, а Зину она всегда сердила.

— И вы такъ-то сидите?—спросила Марѳа Андреевна, обращаясь къ Лизаветѣ Петровнѣ, улыбаясь и, очевидно, не сомнѣваясь въ комичности такого предположенія.

— Какъ придется...

— Умора на васъ, ей-Богу, право,—расхохотавшись, замѣтила Марѳа Андреевна и даже ударила себя руками по бокамъ.

Смѣхъ ея былъ такъ искренень, что всѣ засмѣялись, хотя Лизаветѣ Петровнѣ, повидимому, это вовсе не нравилось.

— Отчего-жъ, нянюшка, что-жъ тутъ смѣшного?—раззадаривала ее, смѣясь, Ольга.

— Да что-жъ, извѣстно, — уже спокойно отвѣчала Марѳа Андреевна,—и то сказать: надо что-нибудь придумать. Скучно такъ-то барышнямъ...

Ей никто ничего не сказалъ.

Пока Марѳа Андреевна разсуждала съ Ольгой, Лили Зарубина смотрѣла внимательно, съ своего мѣста, на Зину, которая, играя шпилькой надъ столомъ, улыбалась не столько болтовнѣ своей нянюшки, сколько заразительному смѣху Ольги. Лили думала о той неуловимой перемѣнѣ, которую всѣ замѣчали въ Зинѣ и которую чувствовала и она въ ея похорошѣвшемъ лицѣ и глазахъ, и, казалось, даже въ самой фигурѣ, и о томъ, отчего это ей непріятно? Она спросила себя, не оттого-ли, что братъ ея, давно, съ дѣтства, бывавшій въ этомъ домѣ, сталъ какъ-то особенно вести себя, и всѣ говорили, что онъ влюбленъ въ нее, и отвѣтила, что не оттого... Напротивъ, вопреки своему крайнему взгляду на бракъ, который она всегда высказывала, она желала, чтобы братъ ея былъ любимъ, надѣялась на это и безпокоилась, когда ей казалось, что она ошибается.

Но что-то было въ этомъ положительно непріятное...

VIII.

На каменной, низенькой террасѣ и въ саду было тепло, душисто и шумно. Уже невысоко стоявшее на безоблачномъ небѣ солнце, свободно проникая черезъ сквозную сѣтку едва опушенныхъ деревьевъ, ударяло косыми лучами прямо на утрамбованную и посыпанную пескомъ площадку крокета и на балконъ и пригрѣвало такъ сильно, что Лидія Васильевна Чернова, не смотря на всегдашнее опасеніе простуды, приказала вынести на воздухъ свой рабочій столикъ и сидѣла со всѣми. На головѣ ея былъ легонькій бѣлый шелковый платочекъ, оставлявшій наружи ея темные, съ просѣдью, раздѣленные проборомъ волосы, и она спустила съ плечъ тальму, принесенную сѣдымъ и суровымъ лакеемъ Константиномъ, именовавшимся чаще Архипычемъ. Александръ Григорьевичъ, въ кителѣ съ генеральскими погонами, сидѣлъ, развалясь, на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ креслѣ-качалкѣ, курилъ сигару, прихлебывая кофе, и лицо его, моложавое и свѣжее, съ сѣдыми, надушенными и расчесанными бакенбардами и щурившимися на солнцѣ, сонными послѣ обѣда глазами, выражало самое счастливое и покойное благодушіе.

Кругомъ было шумно отъ звуковъ молодыхъ голосовъ и отъ деревяннаго ящика съ крокетомъ, который, приподнявъ съ одного бока, тащилъ по землѣ, съ стукомъ и громомъ, маленькій Коля, взволнованный предстоящею игрой, въ которой онъ принималъ участіе съ взрослыми и до которой былъ страстный охотникъ. Онъ былъ всѣмъ недоволенъ: и тѣмъ, что на него опять надѣли пальто, и тѣмъ, что Володя, по обыкновенію, нашелъ нужнымъ проявить свое право старшаго и совѣтовалъ ему побольше молчать, и тѣмъ, что ему не позволяли нести тяжелый ящикъ въ рукахъ. Это послѣднее обстоятельство и побуждало его показать всѣмъ, какъ мало удобны и неосновательны бываютъ родительскія распоряженія. Но никто не обращалъ вниманія, и дребезжаніе желѣзокъ и стукъ молотковъ сливались съ говоромъ и смѣхомъ.

Два лицеиста Милецкіе, очень франтоватые молодые люди, въ кителяхъ и бѣлыхъ фуражкахъ съ яркими околышами, издали болѣе похожіе на гвардейскихъ офицеровъ, чѣмъ на студентовъ, оба бѣлокурые и оба съ длинными носами, прохаживались вмѣстѣ съ Володей и возобновили съ Ольгой Петровной споръ о лицеѣ, какъ только она появилась. Должно быть, рѣзкія сужденія ея не очень волновали ихъ, потому что слова споривщихъ то и дѣло прерывались смѣхомъ.

Павелъ Петровичъ Зарубинъ, похожій лицомъ на старшую сестру, одѣтый по „старому уставу“ въ статское платье, въ пальто и мягкой шляпѣ, поднялся со ступенекъ, на которыхъ сидѣлъ, услыша стукъ стеклянной двери. Смуглое, широкое лицо его и глаза оживились, и онъ, улыбаясь и снимая шляпу, пошелъ на встрѣчу Зинѣ.

— А!.. Елизавета Петровна! — закричалъ генералъ Черновъ своимъ обычно громкимъ голосомъ, отъ небольшой глухоты, а также отъ барской увѣренности въ себѣ и непривычки когда-либо и чѣмъ-либо стѣсняться, какъ только барышни вышли изъ столовой на террасу:—наконецъ-то! Можно-ли меня такъ надолго бросать? Вотъ гуманныя идеи проповѣдывать любите, а непріятность человѣку доставить вамъ ничего не значитъ. Что?

Володя оглянулся на террасу и засмѣялся.

— Ну, Александръ, опять!—замѣтила Лидія Васильевна.

— Да какъ опять, мой другъ? Я хочу разговаривать, а мнѣ оказываютъ полное невниманіе,—также громко сказалъ генералъ.—Лизавета Петровна, присядьте-ка. Да, во-первыхъ. Мнѣ говорятъ, что вы не играете въ крокетъ? Правда это?

— Я почти никогда не играю,—улыбаясь, сказала Лизавета Петровна.

— Почему? Это слишкомъ для васъ несерьезно или нелиберально? Объясните мнѣ пожалуйста.

— И безъ меня много играющихъ,—продолжая слегка улыбаться и чуть-чуть краснѣя, сказала Зарубина.

— Да, вотъ вы какъ. Ну, постойте. Вы съ Михаиломъ Ивановичемъ о философіи дебаты вести хотите? Напрасно. Онъ, видите, дѣломъ занятъ, и потомъ у него, я вамъ скажу, давно что-то на умѣ. Онъ вчера одѣлся такимъ франтомъ, что бѣда, и на бульваръ поѣхалъ, это не даромъ... Право, предпочтите меня.

Михаилъ Ивановичъ Карсовъ, блѣдный и болѣзненный студентъ, съ жиденькой бородкой, въ широкополой шляпѣ и паруспиной блузѣ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разставлялъ воротца крокета и не слыхалъ разговора.

— Павелъ Петровичъ, ну, смотрите. Владиміръ Александровичъ! Правильно я „смерть“ вбилъ? Опять скажете, что сжулилъ?—поднимая голову, спрашивалъ онъ.

— Отчего вы у насъ такъ давно не были?—продолжалъ генералъ.—Замѣтили, какъ я похудѣлъ? Что?

— Не была оттого, что у Зины былъ экзаменъ.

— Однѣ ѣздили?

— Одна,—сдержанно и съ упрямою улыбкой сказала Зарубина и стала смотрѣть въ садъ.

— И благополучно?

— Вполнѣ благополучно, Александръ Григорьевичъ.

— Да, и какой-то господинъ за вами ухаживалъ на желѣзной дорогѣ. Не могу вотъ только добиться: брюнетъ или блондинъ. Ольга Петровна не говоритъ. Не скажете? Вы хоть мнѣ по секрету:

Елизавета Петровна не отвѣчала. Лидія Васильевна разсердилась.

— Это наконецъ скучно, Александръ. Вѣчно одно и то же,— сказала она, серьезно глядя на него и пожимая плечами:—нельзя, въ самомъ дѣлѣ, говорить всѣ глупости, какія приходятъ въ голову.

Генералъ казался удивленнымъ.

— Вы замѣтили, какъ моя жена ревнуетъ?.. — сказалъ онъ Зарубиной:—но я все-таки не понимаю, что я сказалъ?..

Володя снова хохоталъ добродушнымъ и заразительнымъ смѣхомъ. Елизавета Петровна презрительно улыбалась.

Павелъ Петровичъ сидѣлъ на скамейкѣ около крокета и говорилъ съ Зиной. Послѣднее время они часто бывали вмѣстѣ, и Зина пошла съ нимъ сама и сейчасъ же оживленно заговорила. Среди безпокойства, которое она испытывала, онъ былъ ей необходимъ, и она все время, еще наверху, думала о собесѣдникѣ, которому много разъ читала свои рефераты и который этою весной постоянно заходилъ къ нимъ.

— Вы знаете, я приглашена къ княгинѣ Пронской на „чашку чаю“,—говорила она ему, безпокойно оглядываясь на дверь террасы:—вы знаете, что такое... аристократическая „чашка чаю“?

Зарубинъ смѣющимися глазами смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ-съ, Богъ миловалъ. Я знаю нѣкоторую разницу между фаянсовою и фарфоровою чашкой чаю... и то ошибаюсь,—съострилъ онъ.

— Это такое сборище... Оно должно быть очень просто, это отличительная черта... Поэтому всѣ молодые люди будутъ во фракахъ и, вѣроятно, въ бѣлыхъ галстухахъ. Будутъ пѣть и читать... свои произведенія и болѣе извѣстныхъ авторовъ — Пушкина, Толстого. Я думаю, впрочемъ, что для нихъ это все равно... Вѣдь это... такъ странно,—сказала она, взглядывая на Зарубина виноватыми глазами. Она вдругъ совсѣмъ забыла, о чемъ они говорили.

Въ головѣ ея рѣшался гораздо болѣе важный вопросъ о томъ, какъ могло случиться, что она сознательно ждетъ Торжицкаго. До-

казывать ему, что между ними не существуетъ никакихъ особенныхъ отношеній послѣ утренней встрѣчи было поздно, а между тѣмъ она страшно хотѣла, хотя и боялась его видѣть. „Что же это значитъ?“ думала она.

— Кто же будетъ читать?—спрашивалъ Павелъ.

— Баронъ Зибель. Знаете? Очень разговорчивый... Новый поэтъ. Ахъ, а потомъ знаете кто? Иванъ Николаевичъ!

— Ваня Милецкій? Неужели онъ тамъ читаетъ? Да у него же нѣтъ ни одной вѣрной ноты? — вполголоса сказалъ Павелъ.

— Да, но за то у него отецъ въ Петербургѣ занимаетъ важное мѣсто и мать „со связями“!..

Павелъ захохоталъ, а Зина вдругъ стала серьезна и задумалась.

Оба лицеиста и Володя стояли на площадкѣ крокета и оживленно и громко бесѣдовали. То, о чемъ они говорили, очевидно, было что-то очень интимное, вслѣдствіе чего они избѣгали называть имена дѣйствующихъ лицъ, замѣняя ихъ заглавными буквами, или прозвищами, и, оглядываясь на присутствующихъ, хохотали и надъ разсказами, и надъ остроумною выдумкою такъ загадочно для другихъ передавать прекрасно ихъ кружку извѣстныя событія. Имя Торжицкаго, игравшаго, очевидно, очень важную роль во всемъ, о чемъ разсказывалось, они упоминали, впрочемъ, прямо, и Зина все время слышала его.

Графъ Торжицкій не ѣхалъ, и такъ какъ всѣ знали, что пріѣхать играть въ крокетъ съ молодежью онъ могъ только, желая сдѣлать особенную любезность, и что вечера у него очень заняты, игру начали безъ него. Было то, что всегда бываетъ въ этомъ случаѣ. Ольга Петровна волновалась, мѣняла молотки, даже крестилась потихоньку и, промахнувшись на первомъ ударѣ, увѣряла, что кто-то „сказалъ ей подъ руку“. Колю разбранили за неумѣстное замѣчаніе, которое онъ сдѣлалъ по этому поводу: „еще это слава Богу, а то хуже бываетъ...“

— Нѣтъ, это ужасно,—со слезами на глазахъ говорила Ольга:— мнѣ совершенно все равно. Но вѣдь я всѣхъ держу... Главное, партія... Вотъ отчего это такъ горячитъ...

Лицеисты утѣшали ее.

Часа два длились перебранки, взаимные упреки въ безчестности, споры, сухое щелканье шара объ шаръ. Лидія Васильевна давно укуталась въ тальму и, дѣлая напрасныя усилія понять игру, въ самые роковые моменты спрашивала: „Это что же, хорошо?“ чѣмъ возбуждала неудовольствіе и удивленіе Коли.

— Богъ знаетъ, мама: цѣлый мѣсяцъ, я думаю, смотритъ, ни-

чего не можетъ понять!—вполголоса жаловался онъ своему учителю.

Карсовъ скоро разгорячился.

— Играть я играю, а мошенникомъ никогда не былъ, извините!—какъ сквозь сонъ слышала Зина и, какъ сквозь сонъ, видѣла его лицо съ пересохшими губами и красными пятнами на щекахъ.

Зинѣ было ужасно скучно. Все это она слышала много разъ, все знала, все было старо и не интересно, и она приготовилась къ чему-то совсѣмъ новому...

IX.

Совсѣмъ стемнѣло, и свѣтлая майская ночь уже налегла на землю блѣдными, тревожными сумерками, когда Зина вышла въ открытыя двери столовой на террасу и остановилась около низенькихъ прочныхъ перилъ.

Въ столовой зажжены были лампы, стоялъ шумъ отъ споривщихъ громкихъ голосовъ, и было жарко, не смотря на открытыя двери. Партнеры едва успѣли окончить обычныя перебранки по поводу сыгранной партіи, какъ за длиннымъ чайнымъ столомъ уже загорѣлся болѣе серьезный споръ. Генералъ похвалилъ въ разговорѣ съ лицеистами о студенческихъ репетиціяхъ новый университетскій уставъ, только что введенный. Одинъ изъ Милецкихъ, младшій, нашелъ, что уставъ недуренъ, потому что и при немъ можно „ровно ничего не дѣлать“. Но старшій братъ его согласился съ хозяиномъ дома и, мѣшая ложечкой чай, выразилъ надежду, что университетъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію и станетъ на высотѣ призванія. Фраза эта крайне не понравилась Ольгѣ Петровнѣ, и она, сильно покраснѣвъ, сказала, что репутація университета вовсе не нуждается въ такихъ защитникахъ. Но студентъ Карсовъ уже вступилъ въ споръ, теребя свою бородку и заглушая ея слова, такъ что ихъ не замѣтили.

Въ споръ замѣшались и Павелъ, говорившій складно, точно читалъ заученную статью, умно и твердо, не горячась и не вдаваясь въ крайности, и Лили, вставлявшая короткія, иногда немного рѣзкія фразы и уже смотрѣвшая на лицеистовъ и на генерала съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Зина чувствовала, что ей надо вступить въ этотъ разговоръ, и прежде это непремѣнно было бы. Но теперь она не могла притворяться. Съ ея мѣста въ дверяхъ видно было свѣтлое, хрустально чистое небо и тонкій, рѣзко очерченный серпъ молодого мѣсяца, блестѣвшій изъ-за мелкой сѣтки деревьевъ, и ей захотѣлось на воздухъ.

*

На дворѣ стало свѣжѣе. Было трудно понять, что бросало на террасу и дворъ неопредѣленное и блѣдное освѣщеніе, рожокъ луны, почти не дававшій свѣта, не угасавшая заря или желтыя пятна уличныхъ фонарей, блестѣвшихъ за акаціей сада. За заборомъ стучали колеса и слышался тотъ непередаваемый, сдержанный гулъ городской жизни, который особенно замѣтенъ весенними вечерами. Зднѣ казалось, что и въ этомъ говорливомъ стукѣ экипажей, и въ лунѣ за тонкими вѣтвями сада, и въ запахѣ тополя дрожитъ какая-то неудержимая тревога, которая не даетъ ей покоя.

— Тамъ оставаться я не могу,—думала она, садясь на гнутое соломенное кресло.

Ей необходимо было остаться одной. Цѣлый вечеръ, подъ общій говоръ и щелканье шаровъ, мысли одна другой безпокойнѣе неотвязчиво преслѣдовали ее. И ей хотѣлось разобраться въ нихъ.

Она смотрѣла въ темноту сада и думала о томъ, что, въ самомъ дѣлѣ, значило все это? Ужъ два года она на курсахъ, два года занята по горло каждый день, и внѣ высокаго, недоконченнаго и страннаго зданія, куда она каждое утро, во всякую погоду, ѣздила на лекціи, для нея не было жизни нигдѣ. Все, что было важно, интересно и дорого, соединялось съ курсами. Что же такое случилось этою весной? Какъ вышло, что она вдругъ устала отъ жизни, которая такъ привлекала ее, что захотѣлось чего-то, она сама не понимала ясно, чего, главное же, какъ и когда случилось, что это что-то незнакомое и страшное, начало, неизвѣстно откуда, приближаться къ ней и пугало ее неопредѣленными предчувствіями... Еще давно, съ начала весны, совсѣмъ новыя мысли, новые взгляды стали мучить ее. И давно она съ собой боролась. Ей вдругъ сдѣлалось яснымъ, что и профессора и большинство курсистокъ занято всѣмъ тѣмъ, чему такъ искренне отдавалась она, вовсе не такъ исключительно; что у всѣхъ у нихъ своя, личная жизнь, которая для нихъ гораздо ближе науки и общественныхъ интересовъ, что есть въ жизни цѣлая неизвѣстная ей сторона, съ которой надо считаться, и которая имѣетъ надъ людьми страшную власть. Съ разсужденій о профессорахъ и о незнакомыхъ, или, во всякомъ случаѣ, мало знакомыхъ барышняхъ очень скоро перешла она на болѣе близкіе примѣры, и ей стало казаться, что и Лили Зарубина, увлекшая ее на курсы, не удовлетворяется ими и что недостатокъ другого, личнаго счастья мучитъ ее давно и упорно, а сила и серьезность этихъ страданій заставляетъ ее чрезвычайно искусно скрывать ихъ...

И какъ, утромъ, опять она мысленно пробѣгала все свое знакомство съ графомъ Торжицкимъ, точно страницы прочтенной книги, поселившей полный разладъ въ умѣ и сердцѣ. Вспомнила она, какъ онъ ее безпокоилъ еще задолго до ихъ странныхъ отношеній, такъ грубо проявившихся сегодня, когда ей невозможно сдѣлалось оставаться съ нимъ. Безпокоилъ онъ ее именно тѣмъ, что не былъ нисколько похожъ на нее и шелъ въ разрѣзъ со всѣми ея требованіями, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чѣмъ-то сильнѣе ея и бралъ отъ жизни то, чего въ душѣ хотѣла она, и хотѣли, можетъ быть, всѣ... Вспомнила она, какъ она была рада и взволнована, когда онъ подошелъ къ ней неожиданно просто и, внимательно глядя въ ея глаза, заговорилъ съ ней.

Почему ей было это пріятно и интересно, и дорого, и хотѣлось смотрѣть въ его блѣдное, съ правильными чертами лицо, а Михаилъ Иванычъ, спрашивавшій у нея совѣта въ какихъ-то своихъ сомнѣніяхъ, и Павелъ Зарубинъ, принесшій ей „источники“ для ея сочиненія, надоѣли ей и возбуждали въ ней желаніе уйти наверхъ, гдѣ ее оставятъ въ покоѣ, и она останется съ своими мыслями? Она этого совершенно не понимала, но это было несомнѣнно. И когда она думала объ этомъ, лицо и сильная фигура этого человѣка вставали передъ ней такъ ясно, что у нея сжималось сердце... Чувство одиночества, часто испытываемое ею въ послѣднее время, было особенно сильно въ этотъ вечеръ и вовсе не облегчалось присутствіемъ Зарубиныхъ. Въ то же время она знала, что еслибъ здѣсь былъ графъ Торжицкій, все бы измѣнилось, а отъ чувства одиночества ничего не осталось бы. До слуха ея долетали голоса изъ столовой, и она живо представляла себѣ лицо Торжицкаго и улыбку, съ которой онъ, не вмѣшиваясь въ споръ, слушалъ бы самоувѣренную и наивную болтовню Милецкаго. Онъ, человѣкъ совершенно чуждыхъ ей взглядовъ и убѣжденій, непремѣнно понялъ бы все, что было дурного и пошлаго въ мнѣніяхъ и словахъ Милецкаго. Ее вообще все это время, при всей сложности отношеній съ Торжицкимъ, постоянно преслѣдовало чувство, что онъ отлично понималъ ее и все хорошее въ ней; ей казалось, что онъ видѣлъ въ ней то, чего совершенно не понимали другіе, и что, можетъ быть, не сознавала въ себѣ вполнѣ ясно и она сама...

Зина думала объ этомъ, и почему-то ей дѣлалось жалко его, испорченнаго, одинокаго и непонятнаго ей человѣка, который тоже ѣздилъ на лекціи и надѣялся, что изъ него выйдетъ что-то хорошее... „Какъ странно онъ смотрѣлъ на меня, когда говорилъ мнѣ это?“ думала она, припоминая, какъ утромъ они

стояли у окна и какъ ей было жутко. „Онъ пережилъ такъ много совсѣмъ непонятнаго мнѣ, такъ много видѣлъ... Отчего онъ совсѣмъ понимаетъ всю меня?..“ И она вдругъ смѣло, уже не стараясь обманывать себя, призналась себѣ, глядя въ темный садъ, что она, точно, хочетъ его видѣть, страстно хочетъ, хорошо-ли это или дурно, имѣетъ-ли какой-нибудь смыслъ или нѣтъ.

X.

Зина была единственная дочь Николая Григорьевича Чернова, родного брата Александра Григорьевича. Матери своей она не помнила, потому что мать умерла, когда дочери пошелъ третій годъ. У Зины осталось о ней самое неопредѣленное воспоминаніе, въ видѣ какой-то комнаты съ желтымъ шкафомъ и чепца съ цвѣтными лентами... да и то, Богъ знаетъ, сохранилось-ли нѣчто подобное въ ея памяти изъ дѣйствительной жизни, или ей объ этомъ разсказывали; вѣрнѣе, что послѣднее, потому что тутъ же она неясно видѣла какую-то собаку-левретку, которая, говорятъ, была раздавлена ломовымъ извозчикомъ въ годъ рожденія Зины, и, конечно, она не могла ее помнить.

Послѣ смерти жены Черновъ не долго прожилъ въ Москвѣ, гдѣ учился и прошелъ университетъ, а потомъ пріобрѣлъ себѣ литературное имя трудами и участіемъ въ одномъ изъ извѣстныхъ тогда журналовъ передового направленія. Вслѣдствіе какъ этой дѣятельности, такъ и знакомства съ нѣкоторыми лицами тогдашняго литературнаго кружка, онъ принужденъ былъ покинуть Москву и переѣхалъ въ губернскій городъ N, подлѣ котораго было родовое имѣніе его покойной жены, Михайловское.

Дѣтство Зины прошло очень одиноко. Ближе всѣхъ была къ ней Марѳа Андреевна, бывшая крѣпостная ея матери, приставленная къ Зинѣ съ минуты ея рожденія и любившая ее такъ, какъ умѣютъ любить своихъ „выходокъ“ только русскія няньки, воспитанныя крѣпостнымъ правомъ. Зина, въ свою очередь, любила ее больше всѣхъ на свѣтѣ. Отца своего въ раннемъ дѣтствѣ она немножко побаивалась, потому что была вообще дика, а его и видала рѣдко. Она поднималась въ шесть часовъ утра; отецъ вставалъ немногимъ позднѣе и занимался у себя въ кабинетѣ. Квартира была большая, и Зина, сидя въ одной изъ смежныхъ комнатъ, должна была соблюдать полную тишину. Обыкновеннымъ занятіемъ ея въ это время, единственною игрушкою была огромная книга, взятая Марѳою Андреевною изъ библіотечнаго шкафа Николая Григорьевича, съ его разрѣшенія. Книга была не русская, толстая, съ раз-

дѣленными пополамъ страницами, какое-то путешествіе, испещренное безконечнымъ множествомъ картинокъ. Зина старательно разсматривала ихъ и объясняла Марѳѣ Андреевнѣ, которая однажды, завертывая переплетъ въ газетную бумагу, сообщила ей, что это литературное произведеніе подарено было ея отцу въ награду за ученіе. Книга была такъ велика и картинокъ было такъ много, что Зина никогда не доходила до конца, не смотря на каждодневное, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, созерцаніе ихъ, и была увѣрена, что только очень немногіе люди достигали его. Она однажды заглянула было впередъ, и незнакомое изображеніе какой-то башни надолго осталось у ней въ памяти; но Марѳа Андреевна спокойно и чинно открыла книгу сначала, и Зина принялась серьезно разсматривать тѣже рисунки, дѣлая тѣ же объясненія своей нянюшкѣ, и думая о томъ, какая она уже будетъ большая, когда дойдетъ до той башни... Часовъ въ десять отецъ уѣзжалъ на службу, куда по протекціи многихъ знавшихъ его лицъ и отчасти черезъ брата, служившаго въ гвардіи, ему удалось поступить года черезъ два по прибытіи въ N, т.-е. тогда, когда вина его была уже забыта. Въ его отсутствіи можно было бѣгать и кричать. Когда онъ возвращался, ея обѣдъ въ дѣтской, на высокомъ стулѣ, давно уже бывалъ оконченъ. Марѳа Андреевна уводила ее изъ залы, повторяя обычную фразу: „нельзя, папаша усталый пріѣхалъ“. Уже въ позднѣйшее время она проводила съ отцомъ сумерки, послѣ обѣда, когда онъ не могъ заниматься. У нея сохранилось нѣсколько смутное воспоминаніе о какомъ-то большомъ кожаномъ диванѣ, съ разодранной въ одномъ мѣстѣ спинкой, о какихъ-то сказкахъ и старинной русской пѣсни, которую басомъ пѣвалъ ей отецъ.

Затѣмъ появилась другая женщина, принимавшая энергичное участіе въ ея воспитаніи. Женщина эта была тетка Зины, сестра ея матери, пожилая дѣвушка, Марья Аркадьевна Рѣпнина. Зина хорошо помнила, будучи уже взрослой, ея высокую, плотную фигуру, волосы съ просѣдью и глаза, главное глаза, которые въ ея дѣтскомъ воображеніи были воплощеніемъ самой красоты.

Марья Аркадьевна пріѣхала изъ Михайловскаго, гдѣ занималась хозяйствомъ, въ домъ Николая Григорьевича, когда Зинѣ было семь лѣтъ, съ исключительною цѣлью воспитанія своей племянницы, и первая начала учить ее. Зина, встрѣтившая ее враждебно и боявшаяся въ глубинѣ души, что она займетъ мѣсто Марѳы Андреевны, очень скоро привязалась къ ней. Тетя Маша оказалась и умной, и доброй, и прелестной музыкантшей. Марѳа

Андреевна уважала ее и учила свою барышню утромъ и вечеромъ поминать ее за молитвой. Зинѣ глубоко въ душу запали звуки Бетховенскихъ, Моцартовскихъ и Фильдевскихъ сонатъ и рыдающіе аккорды Шопена; звуки эти, задумчивые глаза тети Маши, и странная грусть на ея лицѣ, сливались въ одно и тоже въ воображеніи Зины. Отчего лицо тети Маши было такъ грустно — она не знала, но она чувствовала эту грусть и иногда, не выдержавъ, уходила въ темную гостиную и начинала потихоньку плакать. О чемъ она плакала—она тоже не знала; безпричинная, странная и неестественная ея возрасту тоска часто мучила ее. Въ домѣ тишина, съ улицы въ гостиную фонарь бросаетъ тусклую полосу свѣта черезъ мерзлое окно; въ воображеніи встаютъ какія-то смутныя воспоминанія, какіе-то сны, дѣлается жаль кого-то, чего-то страшно, и она жмется мокрымъ лицомъ къ подушкѣ кресла, старается унять свои неутѣшныя рыданія и не можетъ. А тетя Маша не слышитъ ихъ, потому что грозные аккорды фортепіано заглушаютъ дѣтскій плачъ и одни наполняютъ молчаливыя комнаты. Зинѣ самой странно, о чемъ собственно она плачетъ? И она начинаетъ придумывать причину слезъ и говоритъ себѣ, что Марѳа Андреевна уйдетъ отъ нихъ, что Николая Григорьевича посадятъ въ тюрьму, какъ, она знала, посадили одного его пріятеля, съ которымъ онъ переписывался до сихъ поръ, что тетя Маша несчастная, или, наконецъ, что ея мать умерла... Картины, одна другой мрачнѣй и жалостнѣй, встаютъ въ разыгравшемся водображеніи, и она плачетъ до тѣхъ поръ, пока не измучается, и не захочется спать.

Отца она скоро перестала бояться. Даже его громовый крикъ, котораго боялись всѣ,—Марѳа Андреевна, прислуга и какіе-то просители, зачѣмъ-то приходившіе къ нему,—очень мало пугалъ ее. Случалось, что въ минуты его необузданнаго гнѣва она только съ любопытствомъ глядѣла на него. Она взяла привычку входить къ нему по вечерамъ. Выбравъ уютный уголокъ въ его заваленномъ книгами и табакомъ, до крайности безпорядочномъ кабинетѣ, и улегшись грудью на столъ, за которымъ онъ работалъ, она разсматривала картинки и думала о сценахъ и людяхъ, которые на нихъ изображались, прислушиваясь къ бѣглому шороху его пера и къ глухо долетавшей изъ залы музыкѣ тети Маши. И когда, бывало, Николай Григорьевичъ поднималъ голову и такъ громко, какъ будто онъ имѣлъ дѣло, по крайней мѣрѣ, съ батальономъ солдатъ, говорилъ: „Зина, матушка, ты мнѣ бумаги сдвинула, такъ нельзя, верти осторожнѣй“, она, не смущаясь, заглядывала ему въ лицо и прижималась больше къ уголку. Онъ

никогда не звалъ ее въ свой кабинетъ, когда писалъ, но она дѣтскимъ инстинктомъ чувствовала, что ея молчаливое присутствіе въ бѣломъ фартучкѣ, колѣнками на стулѣ, и шорохъ страницъ, производимый ея маленькими руками, доставляли ему огромное удовольствіе.

Зинѣ пошелъ десятый годъ, когда семью ихъ постигло неожиданное горе: Марья Аркадьевна скончалась отъ тифа весною, въ селѣ Михайловскомъ, куда переѣхала, по обыкновенію, раньше ихъ, для хозяйственныхъ распоряженій. Тифозная эпидемія зашла въ деревню и унесла множество народу. Марья Аркадьевна, давно занимавшаяся лѣченіемъ крестьянъ и очень любимая ими, заразилась, навѣщая больныхъ и ухаживая за ними. Зина не видала ее больною и не присутствовала на ея похоронахъ. Она слышала только разсказы о необыкновенномъ многолюдствѣ этихъ похоронъ, на которыя собралась вся округа, о томъ, какъ мужики пять верстъ несли гробъ на рукахъ, а по селу, къ церкви, на головахъ, для оказанія этимъ, какъ извѣстно, высшей почести. Въ первый разъ въ жизни Зина видѣла, какъ плакалъ Николай Григорьевичъ, и съ тяжелымъ чувствомъ тоски и страха смотрѣла на непритворное горе Маріи Андреевны. Сама она, впрочемъ, не могла плакать и съ безпокойствомъ сознавала, что смерть этого близкаго, такъ ее любившаго человѣка, возбуждала въ ней болѣе недоумѣнія и страха, чѣмъ огорченія. Только уже зимою, полгода спустя, стала на нее нападать тоска по тетѣ Машѣ, безъ которой комнаты ихъ квартиры сдѣлались несравненно пустыннѣй, начались опять слезы, которымъ уже имѣлось оправданіе. Съ этого времени Зина стала еще ближе къ отцу. Она наливала ему чай, когда не было гостей, и, пріученная къ аккуратности покойной теткой, спорила съ нимъ за его баснословную неряшливость, собирала его разбросанный табакъ и приводила въ порядокъ книги, не смотря на всѣ его жалобы и сопротивленія. Николай Григорьевичъ самъ занимался съ ней. Это, впрочемъ, никогда не было для нея радостнымъ воспоминаніемъ, потому что учиться съ нимъ, вдобавокъ не въ обычное для этого время, послѣ обѣда, было трудно. Трудно было часто понять, что онъ толковалъ своимъ оглушительнымъ голосомъ, спѣша и горячась, тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ онъ такъ кричалъ однажды на просителя, предложившаго ему взятку, что тотъ ушелъ изъ его дома безъ шапки и не вернулся за ней даже тогда, когда Марѳа Андреевна, выбѣжавъ за ворота, уговаривала взять ее; трудно было отвѣчать, потому что онъ рѣзко обрывалъ и торопилъ, и, наконецъ, страшно что-нибудь спро-

сить, потому что онъ не признавалъ, чтобъ дочь его могла чего-нибудь не понять. Уроки эти дѣлали еще чувствительнѣе отсутствіе Марьи Аркадьевны, въ особенности уроки Закона Божьяго, любимые Зиной и заброшенные ея отцомъ.

Когда Зинѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, Лидія Васильевна, у которой года за три передъ тѣмъ умерла десятилѣтняя дочка, стала письменно упрашивать Николая Григорьевича привезти къ ней Зину, чтобъ помѣстить ее въ заведеніе и дать возможность основательно заняться ея воспитаніемъ. Послѣ долгихъ колебаній, Николай Григорьевичъ не могъ не согласиться.

XI.

Въ большомъ московскомъ домѣ Черновыхъ Зинѣ было сначала очень дико. Нѣсколько вечеровъ она проплакала въ увѣренности, что никто не замѣчаетъ этого. Но Лидія Васильевна была удивительно добра и нѣжна, генералъ шутилъ очень бодро и весело, чѣмъ-то неуловимо напоминая Николая Григорьевича, съ гимназистомъ Володей, который былъ почти первый ровесникъ-товарищъ Зины, было очень интересно дѣлиться различными соображеніями и мыслями, маленькій Коля видимо полюбилъ ее и такъ и бѣгалъ за ней, и она стала привыкать. На первое время ее поселили съ Маѳой Андреевной, чтобъ не было страшно, и по ночамъ у нея горѣлъ ночникъ. Просторная комната съ большимъ столомъ безъ дырявой, какъ это было дома, клеенки и съ этажеркою для книгъ, письма отца, заботливость окружающихъ и новыя впечатлѣнія, а главное, ровесники (ее сейчасъ же познакомили съ Зарубиными, покойный отецъ которыхъ былъ пріятелемъ и товарищемъ дѣтства обоихъ братьевъ Черновыхъ), все это не замедлило утѣшить ее. Потомъ скоро она сдала вступительный экзаменъ въ гимназію, гдѣ уже учились обѣ Зарубины, надѣла новое коричневое платье и черный передникъ, стала вставать со свѣчами и ѣздить въ гимназію, сначала съ Маѳой Андреевной, а потомъ, къ большому своему удовольствію, и одна, подъ охраною толстаго и до крайности лѣниваго кучера Гаврилы. По вечерамъ пришлось заботливо готовить уроки, по праздникамъ можно было ѣздить съ Володей къ Зарубинымъ и принимать ихъ у себя. Вмѣсто прежнихъ мечтаній въ темной гостиной, слезъ и страха, что Маѳу Андреевну будутъ всѣ обижать въ чужомъ домѣ, явились самыя реальныя заботы о пятеркахъ изъ нѣмецкаго языка, о томъ, чтобъ не слишкомъ сильно краснѣть за обѣдомъ, когда генералъ своими подшучиваніями нарочно старался смутить ее,

явились интересы товарищескіе, гимназическіе и, наконецъ, литературные. Зарубины играли важную роль въ ея отроческіе годы. Сначала она сошлась съ Ольгой, потому что Лили и Павелъ были старше и держались отдѣльно, и въ первый разъ испытала чувство крѣпкой, дѣтской дружбы. Она читала съ ней переводные романы въ журналахъ для дѣтей старшаго возраста, прочла Евгенія Онѣгина, говорила ей о своихъ стремленіяхъ и мечтаніяхъ, которыхъ, по ея глубокому убѣжденію, никто другой понять не могъ, и повѣряла ей то, чего бы никому не сказала. Ихъ сближалъ возрастъ, одинаковое воспитаніе, а главное, выдѣлявшая ихъ изъ среды ровесниковъ, чрезвычайно развитая у обѣихъ фантазія. Оля Зарубина съ ея веселымъ, увлекающимся, но довольно необузданнымъ характеромъ, лучше всѣхъ могла понять тоску, которую испытывала Зина, религіозное настроеніе, поглощавшее порой всю ея жизнь, ея неопредѣленныя мечты о подвижничествѣ и какомъ-то геройзмѣ, и столь же неопредѣленное, страстное желаніе кого-то встрѣтить, кто бы удовлетворялъ всѣмъ ея нравственнымъ требованіямъ и идеаламъ, и кого-то любить, желаніе, заставлявшее ее долгое время усиленно воображать, что она любитъ Павла Зарубина и очень страдаетъ, когда по субботамъ онъ появляется у нихъ и говоритъ о литературѣ съ репетиторомъ Володи.

Оля Зарубина все это понимала, потому что все это было ей прекрасно знакомо.

Володя, принадлежавшій къ ихъ компаніи, близкій къ нимъ по возрасту, не имѣлъ, кажется, ни одной черты, общей съ этими дѣвочками, но любилъ ихъ, и онѣ любили его за добродушіе, за его заразительный хохотъ, за ту здравую непосредственность, которой не доставало имъ. Онъ уже въ то время толковалъ только о лошадяхъ, о военной службѣ и подвигахъ храбрости, учился дурно въ классической гимназіи, куда отданъ былъ по настоянію Лидіи Васильевны, питавшей большое уваженіе къ образованію, но съ большимъ интересомъ относился къ урокамъ верховой ѣзды въ манежѣ и отлично катался на конькахъ. Онъ никогда ничего не читалъ, но обѣ дѣвочки передавали ему своими словами содержаніе прочитанныхъ повѣстей и вмѣстѣ съ нимъ играли въ ихъ героевъ. Въ нихъ была та странная смѣсь ранняго умственнаго развитія и дѣтскости, которая часто отличаетъ дѣтей съ сильно развитою фантазіей; свойство это имѣло большое вліяніе на судьбу Зины.

Года черезъ два онѣ совсѣмъ разошлись съ Володей и стали съ презрѣніемъ смотрѣть на него. Володя къ этому времени выросъ,

потолстѣлъ и похорошѣлъ, сталъ усиленно заниматься своею наружностью и особенно появленіемъ едва замѣтныхъ усовъ, потихоньку курилъ, носилъ необычайно узкіе панталоны, для чего тайно отъ домашнихъ ѣздилъ къ портному, при случаѣ грубилъ матери, свысока и нѣсколько презрительно говорилъ о барышняхъ и по воскресеньямъ аккуратно ѣздилъ на катокъ. Его постоянно бранили родители, усердно напоминая ему, что онъ малый большой, а заняться никакимъ дѣломъ не можетъ. Но Володя не унывалъ, и къ концу года фигура его какъ-то совсѣмъ не соотвѣтствовала платью, которое онъ носилъ, и которое, казалось, угрожало каждую минуту затрещать по всѣмъ швамъ. Павелъ, ученикъ той же гимназіи, подсмѣивался надъ нимъ и дразнилъ его тѣмъ, что онъ влюбленъ въ какую-то барышню на каткѣ. Результатомъ такъ пріятно проведенной зимы было то, что Володя провалился на первомъ же экзаменѣ при переходѣ въ слѣдующій классъ и, послѣ недолгихъ колебаній Лидіи Васильевны, обвинявшей, какъ водится, во всемъ гимназическое начальство и товарищей, былъ переведенъ въ кадетскій корпусъ.

Для Зины насталъ тоже нравственно новый періодъ жизни, но совсѣмъ другого рода. Она вступила въ возрастъ, когда происходитъ первая ломка убѣжденій, взглядовъ и интересовъ.

Въ это же время она сблизилась съ Лили Зарубиной, о которой до этого времени только много слышала. Сначала она почти боялась Лизаветы Петровны, боялась ея умнаго, энергичнаго лица, ея смѣлыхъ сужденій, къ которымъ всѣ относились съ уваженіемъ, и ея самостоятельности; потомъ, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ и споровъ съ ней, стала всячески искать ея дружбы. Зину начали въ это время безпокоить вопросы и сомнѣнія, съ которыми въ домѣ, гдѣ она жила, не къ кому было обратиться. Лизавета Петровна понимала ее съ перваго слова и, что особенно привлекало Зину, удивительно терпимо относилась ко всему, что она говорила. Первое время Зину безпокоило направленіе этой дѣвушки, совсѣмъ незнакомое ей. Ей казалось, что Лили Зарубина не вѣрила въ то, что съ ранняго дѣтства она привыкла считать святою истиною. Спросить прямо Зина не рѣшалась, потому что Зарубина такъ держала себя, что спросить объ этомъ было неловко, а Лили избѣгала этихъ вопросовъ.

Въ большомъ домѣ, гдѣ постоянно толклись гости и гдѣ о какихъ-либо философскихъ вопросахъ никогда не было рѣчи, зародились въ ней первыя сомнѣнія. Приглядываясь къ жизни и къ обстановкѣ этого дома, гдѣ Володя въ свободное отъ уроковъ

время занимался тѣмъ, что дразнилъ Колю, пока генералъ не начиналъ кричать на него, или же въ обществѣ товарища исчезалъ куда-то на лихачѣ; гдѣ, по вечерамъ, въ освѣщеной гостинной, уставленной карточными столами, молчаніе погруженныхъ въ винтъ гостей нарушалось только непонятными спорами о томъ, кто съ чего пошелъ, и кто что показалъ, да таинственными перекличками „пасъ“, а за ужиномъ шли оживленные разговоры о качествѣ вина, о лошадяхъ и конныхъ заводахъ, о выгодныхъ партіяхъ и чужихъ состояніяхъ,—она въ первый разъ задала себѣ вопросъ: во что надо вѣрить и какъ жить?.. Лили Зарубина, которая была въ это время на курсахъ, незамѣтно ввела ее въ свой кружокъ. Зина нашла тамъ то, чего ей такъ недоставало. Эти бѣдно одѣтыя, усталыя, заваленныя работою дѣвушки всѣ жили тѣмъ же, чѣмъ жила она, тѣ же интересы, тѣ же вопросы, тѣ же сомнѣнія волновали ихъ, тѣ же стремленія наполняли ихъ жизнь. Онѣ всѣ понимали ее и сочувствовали ей. Но всѣ онѣ, она видѣла это, жили иначе. Ей казалось, что онѣ уже *дѣлали* дѣло, тогда какъ она только мечтала о немъ. Когда Зина сидѣла въ средѣ этихъ новыхъ, интересныхъ людей и слушала съ волненіемъ и робостью дѣвочки, еще не принадлежавшей къ этому кружку, ихъ оживленные разговоры, ей казалось, что всѣ ея завѣтныя стремленія находятъ себѣ примѣненіе, и что люди эти могутъ научить ее, какъ жить. Завѣтнымъ, дѣтски неопредѣленнымъ желаніемъ ея было страстное желаніе самопожертвованія, желаніе послужить правдѣ и пострадать за нее. При жизни тети Маши она часто жалѣла о томъ, что нѣтъ гоненій и нельзя пострадать за вѣру Христову. Въ кружкѣ Лизаветы Петровны Зарубиной, къ которой она приходила изъ дома, длинными зимними вечерами она слушала разсказы о страданіяхъ людей, умѣвшихъ жертвовать собою за свободу и правду, о средствахъ помочь этимъ страданіямъ, горячіе толки о томъ, какъ бы поскорѣе кончить курсъ и идти учить народъ, чтобъ облегчить его тяжелую жизнь, неопредѣленныя мечтанія о закоптѣлой избѣ среди снѣжныхъ сугробовъ, объ одинокой, труженической жизни, полной лишеній, о проповѣди правды и добра, объ угнетеніи и забвеніи себя во имя другихъ. Тутъ же съ увлеченіемъ говорили о талантливыхъ профессорахъ, о дѣлѣ, которое легко найти, которое только ждетъ, и со смѣхомъ упоминали о собственной трудовой жизни и лишеніяхъ, доходившихъ часто до нищеты.

Насмѣшки надъ этими убѣжденными и голодными труженицами только усиливали ея увлеченіе ими. А насмѣшекъ было вдоволь въ домѣ Лидіи Васильевны, гдѣ передъ ужиномъ любили

иногда поговорить и объ общественныхъ теченіяхъ, и о земствѣ, и о лишнихъ и безцѣльныхъ тратахъ на народное образованіе, которое, ясно, только вредно для крестьянъ, потому что колеблетъ въ нихъ вѣру и внушаетъ недостижимыя желанія, тогда какъ крестьянинъ долженъ прежде всего работать и умѣть прокормить семью. Значитъ, были и гоненія. И она вспоминала тетю Машу, и ей казалось, что новые люди, которыхъ она узнала, и образъ покойной Марьи Аркадьевны, проходившій отрадной полосой свѣта черезъ все ея дѣтство, имѣли что-то общее, какъ будто сливались вмѣстѣ. „Не бойся и не думай никогда о томъ, что о тебѣ будутъ говорить, какъ кто смотритъ на тебя“,—говаривала она ей, бывало, уже не задолго до смерти:—„уважай прежде всего себя, какъ человѣка, потому что ты образъ и подобіе Божіе. Дѣлай то, что Богъ велитъ, а не то, что люди считаютъ хорошимъ. Помнишь, святые вѣдь всѣ страдали...“

Зина проходила послѣдній классъ гимназіи. Лили и другія курсистки уговаривали ее непремѣнно продолжать учиться и поступить на курсы. Это было ея единственнымъ желаніемъ, но она еще ничего не знала. Выдержавъ экзаменъ съ золотою медалью, она простилась съ новыми товарищами и семьей дяди и уѣхала въ Михайловское съ отцомъ, который не зналъ, какъ дождаться окончательнаго возвращенія дочери, и пріѣхалъ за ней.

XII.

Зина стала понимать и цѣнить отца, уважаемаго за оригинальный умъ и разностороннія способности крупнѣйшими людьми своего времени, только въ концѣ своего пребыванія въ гимназіи. Послѣднюю зиму она особенно усердно переписывалась съ нимъ, вступала иногда въ отвлеченныя разсужденія и съ гордостью читала его серьезныя, длинныя письма. У нея даже явилось къ нему особенное отношеніе, чувство любви не какъ къ отцу, а какъ къ выдающемуся человѣку, и гордости отъ сознанія, что она его дочь. Она съ волненіемъ думала о предстоящемъ свиданіи съ нимъ, хотя и не могла ясно представить себѣ его взгляда на ея интересы, думала о новыхъ, товарищескихъ отношеніяхъ, которыя установятся между ними, и о томъ, какъ онъ, навѣрное, пораженъ будетъ ея развитіемъ и познаніями.

Но она ошиблась.

Николай Григорьевичъ показывалъ Зинѣ ея комнату, которую велѣлъ хорошенько убрать и куда поставилъ два горшка розъ (знакъ большого вниманія съ его стороны); ходилъ съ ней обняв-

шись, водилъ на молотилку, хвастаясь хозяйствомъ, и не подозрѣвая, что дочь его даже раздражало это новое въ немъ увлеченіе дѣломъ, къ которому, по ея мнѣнію, онъ вовсе не былъ способенъ; говорилъ, что вотъ, какъ она пріѣхала, такъ весь домъ ожилъ, и что даже не вѣрится, что она здѣсь и совсѣмъ пріѣхала; но до ея занятій и интересовъ сколько-нибудь научнаго свойства не касался. Не смотря на то, что при словахъ „совсѣмъ пріѣхала“ перспектива всегдашней жизни въ Михайловскомъ и въ N. нѣсколько испугала ее, ей все-таки было хорошо дома, въ комнатѣ, гдѣ жила тетя Маша, гдѣ стоялъ ея огромный кіотъ и лежали евангеліе и молитвенникъ въ истрепанныхъ кожаныхъ переплетахъ, въ заросшемъ саду, гдѣ послѣ московскаго сада Черновыхъ непріятно поражалъ видъ черныхъ, узенькихъ дорожекъ, въ поляхъ, гдѣ до одуренія пахло сырою, незрѣлою рожью и звонко переливались жаворонки; словомъ, было хорошо въ Михайловскомъ. гдѣ все напоминало дѣтство, и хорошо съ отцомъ, который любилъ ее, какъ и въ то время, когда она смотрѣла картинки въ его кабинетѣ, котораго и она любила, какъ тогда. Она крѣпко заснула въ первую ночь, послѣ утомительной дороги, на мягкой перинѣ, среди отдаленнаго кваканья лягушекъ, щелканья соловьевъ и раздражающаго, дрожащаго жужжанія комаровъ, и обрадовалась тому, что она въ Михайловскомъ, когда утромъ крикъ многочисленныхъ индѣекъ подъ окномъ разбудилъ ее.

Это лѣто вообще было очень пріятное. Зина сейчасъ же нашла себѣ дѣятельность. Михайловскіе мужики, да и вся округа хорошо помнили „покойную барышню“, какъ называли Марью Аркадьевну, и очень добродушно встрѣтили Зину, которая смущалась ихъ и сбивала ихъ нѣсколько съ толку своимъ робкимъ обращеніемъ. Она набрала крестьянскихъ ребятъ и принялась учить ихъ, готовить неграмотныхъ въ земскую школу и читать съ тѣми немногими, кто уже посѣщалъ ее. Дѣло сейчасъ же пошло на ладъ. Она привезла съ собой азбуки, неизбѣжныя книжки сытинскаго изданія и картинки. Ребята собирались каждый день, принося съ собой обычный запахъ печенаго хлѣба и какого-то тряпья, и топотъ ихъ босыхъ ногъ, звонкіе и сильные вмѣстѣ голоса и смѣхъ раздавались съ ранняго утра на балконѣ, предназначенномъ для занятій. Зина до такой степени увлеклась ихъ способностями, благонравіемъ и любовью къ наукамъ, что не замедлила примѣнить къ нимъ школьную методу гр. Толстого, причемъ распустила ихъ окончательно. Дѣло дошло до того, что одинъ шустрый малый, въ общей свалкѣ, въ промежуткѣ между

уроками, чуть было не проломилъ голову кампемъ другому. Марѳа Андреевна, примачивая ему рану, читала наставленіе своей растерявшейся барышнѣ. „Шутили?!“ — тревожнымъ голосомъ говорила она, наклоняя голову ревѣвшаго мальчишки подъ рукомойникъ:—„Вы что думаете, они рады глаза другъ дружкѣ выцарапать, только позвольте...“ Пришедшій съ поля Николай Григорьевичъ констатировалъ, что рана не опасна, но Зина стала строже. Николай Григорьевичъ, знакомый съ медициной, лѣчилъ народъ; Зина помогала ему и училась у него. Она много читала, описывала свое житье въ деревнѣ курсисткамъ, гордилась въ душѣ своею дѣятельностью и была очень довольна. Но вопросъ о томъ, что она будетъ дѣлать дальше, продолжалъ безпокоить ее. Николай Григорьевичъ затѣялъ какую-то стройку на хуторѣ и, повидимому, чрезвычайно счастливый тѣмъ, что въ августѣ его не ожидаетъ разлука съ дочерью, былъ весь погруженъ въ новыя для него хозяйственныя заботы. Зина, разговаривая съ нимъ объ урожаѣ и мужикахъ, чувствовала почему-то невозможность дѣлиться съ нимъ своими задушевными интересами и желаніями и откладывала это со дня на день.

Но какъ-то разъ, наливая чай на высокой террасѣ Михайловскаго дома, среди свѣжей и сырой тишины пахучаго іюньскаго вечера, она рѣшила говорить съ отцомъ и ждала его съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Она только-что прочла что-то, особенно сильно затронувшее ее, и думала о многихъ вопросахъ, отодвинутыхъ на задній планъ лѣтнею жизнью. Николай Григорьевичъ въ этотъ вечеръ былъ очень занятъ; незадолго передъ тѣмъ онъ говорилъ съ мужиками, пришедшими, по обыкновенію, за совѣтомъ и толкою, безъ шапокъ, съ унылыми лицами, стоявшими у крыльца. Разговоръ длился недолго, и Николай Григорьевичъ сталъ на нихъ кричать и грозить Сибирью, а мужики вздыхали. Потомъ пріѣхалъ какой-то человѣкъ въ пальто и дворянской фуражкѣ на бѣговыхъ дрожкахъ и что-то громко и самоувѣренно говорилъ въ кабинетѣ, но скоро раздался страшный, дикій крикъ Николая Григорьевича и какая-то возня, и все стихло. Зина знала, что отецъ ея пришелъ въ то настроеніе, когда всѣ его боялись и избѣгали, но знала также, что когда онъ будетъ съ нею вдвоемъ, все пройдетъ, и что, пожалуй, именно теперь всего удобнѣе поговорить съ нимъ такъ, какъ ей хотѣлось. Николай Григорьевичъ почти вбѣжалъ на балконъ.

— Гони, гони его, гони-и въ шею, и чтобъ я его не слыхалъ,—кричалъ онъ, морщась, какъ отъ физической боли, и маша

рукой:—я его изъ окошка выброшу, онъ долженъ Бога благодарить, что живъ... Ахъ, да пойми ты это, я не могу видѣть такихъ подлецовъ, ну, свыше си-илъ моихъ!—добавилъ онъ почти жалобно, оборачивая свое огненно-красное, свирѣпое лицо къ дверямъ залы, по которой шла за нимъ Марѳа Андреевна.

— Вѣдь страмота, онъ испугался, говоритъ—баринъ-то вашъ не въ разсудкѣ сдѣлался. Что-жъ это?—слышался голосъ нянюшки.

— Во-о-онъ!!—потрясая въ воздухѣ кулакомъ, закричалъ Николай Григорьевичъ такимъ голосомъ, что даже Зинѣ стало страшно:—гони его сейчасъ!

— Куды мнѣ гнать? Мужчина высокій, нешто я слажу!—удаляясь, возражала Марѳа Андреевна.

Но за каменною изгородью сада мелькнула фуражка съ краснымъ околышемъ, и Николай Григорьевичъ принялся ходить по балкону.

— Ахъ, какая стотина,—какимъ-то отчаяннымъ шепотомъ повторялъ онъ, нервно потирая свои сильныя руки:—а-ахъ, какая скотина! Терпитъ же Господь тварь такую. Долготерпѣливъ Ты, Господи. А-ахъ, мерзавецъ какой...

Зина, занимаясь чаемъ, нѣкоторое время молча смотрѣла на него, на его разгоряченное лицо съ орлинымъ носомъ, на коренастую, широкую фигуру и странное движеніе сильныхъ рукъ, которыя онъ съ ожесточеніемъ, до скрипа, потиралъ, и подумала, что только у человѣка такого желѣзнаго, какого-то тяжеловѣснаго ума можетъ быть такой громадный, сильный лобъ и такіе глаза, маленькіе и горящіе. Она знала его страшную физическую силу и понимала, что онъ крутилъ руки, чтобъ унять, потратить куда-нибудь эту силу.

— Папа, что такое?—спросила она.

— А, матушка, ну, мерзавецъ, больше ничего,—безъ всякаго усилія сказалъ онъ, но такъ, что, вѣроятно, за полъ-версты на деревнѣ было слышно: — вздумалъ, скотина этакая, грозить мнѣ, что донесетъ на меня, что я мужиковъ бунтую... а самъ взятку съ общества взялъ... кумовство какое-то съ губернаторомъ. Ну, я его хотѣлъ объ печку головой, но выгналъ въ шею, а, да ну, чо-о-ортъ съ нимъ,—еще громче, останавливаясь и краснѣя, закричалъ онъ: — тебя еще въ эти мерзости посвящать... Конечно, все глупости. Чай готовъ?—спросилъ онъ уже гораздо спокойнѣе и неожиданно, тихо разсмѣявшись.

Почти вслѣдъ за тѣмъ, онъ сталъ учить Зину, какъ надо на-

ливать чай, чтобъ онъ былъ дѣйствительно хорошъ, упрекалъ ее, что она совсѣмъ не умѣетъ, и чуть было не разбилъ стакана. Потомъ походилъ, молча, по террасѣ, пощипывая усы, вздохнувъ, сказалъ: „ужъ и полиція наша, позоръ..“ и опять долго щипалъ усы, закурилъ папиросу, сѣлъ подлѣ дочери и совсѣмъ повеселѣлъ.

Зина чувствовала, какъ онъ слѣдилъ за всякимъ ея движеніемъ и видѣла неопредѣленную, слабую и наивную улыбку, изрѣдка появлявшуюся на его почти свирѣпомъ лицѣ.

— Эка дочь-то у меня стала, почти съ меня ростомъ. Молодецъ,—спокойно и задумчиво говорилъ онъ своимъ особеннымъ громкимъ шепотомъ:—совсѣмъ молодецъ... Зина, матушка, сахару мало... вѣдь такъ нельзя,—жалобнымъ крикомъ вдругъ прервалъ онъ себя, и лицо его приняло выраженіе отчаянія.

Зина подала сахарницу и, минуту спустя, заговорила съ нимъ. Но разговоръ ихъ совсѣмъ не клеился. Самый тонъ его, немножко лѣнивый (онъ, очевидно, вовсе не былъ расположенъ думать объ отвлеченныхъ предметахъ), ласковый и добродушно-насмѣшливый охлаждалъ ее. Все ея вдохновеніе куда-то пропало. О книгахъ, впрочемъ, Николай Григорьевичъ говорилъ довольно охотно и высказалъ нѣсколько оригинальныхъ, хотя черезчуръ рѣзкихъ сужденій, но тутъ же разбранилъ писателя шестидесятыхъ годовъ, который, Зина знала, для кружка Лили былъ авторитетомъ, и довольно презрительно отозвался о современной молодежи. На какое-то ея возраженіе онъ сказалъ ей, чтобъ она не очень увлекалась „стрижеными“, употребляя уже устарѣвшее выраженіе, и въ довершеніе всего началъ разсказывать анекдоты, до которыхъ былъ великій мастеръ, о „передовыхъ барышняхъ“ и курсисткахъ. Онъ такъ забавно и, не смотря на всю утрировку, *похоже* передавалъ ихъ тонъ, и самые разсказы были такъ смѣшны и грубо-нелѣпы, что Зина не могла удержаться отъ смѣха, но ей было и горько, и обидно, и странно. Главное же, она увидѣла ясно, что онъ *ничего* не понималъ въ нихъ и не видѣлъ именно того, что такъ привлекало ее.

— Учись, учись, читай больше,—уже собираясь уходить съ балкона къ старостѣ, о приходѣ котораго доложили, говорилъ ей Николай Григорьевичъ:—вся наша бѣда, весь порокъ нашей молодежи въ томъ, что не учатся. Верховъ понахватаются, понадергаютъ всякой дряни изъ современныхъ профессоровъ, „либеральныхъ“ главное, тамъ какую дребедень имъ ни говори, все равно, и всѣ дураки, кромѣ нихъ. Оттого и дошли чортъ знаетъ до чего. Корней нѣтъ...

Зину нѣсколько озадачили слова отца и его рѣшительный, рѣзкій тонъ. Но она почувствовала себя сейчасъ же странно отдаленной отъ него. Точно она вдругъ поняла, что имъ невозможно сойтись, правы они или нѣтъ, что имъ трудно понять другъ друга, по одному тому, что онъ былъ человѣкомъ другого, давно прошедшаго времени, а она принадлежала къ той самой молодежи, которую онъ такъ порицалъ, но которой совершенно не зналъ и не хотѣлъ знать. Говорить съ нимъ о курсахъ было, однако, невозможно, и она рѣшила, что эту зиму проведетъ во всякомъ случаѣ съ нимъ.

XIII.

Въ сентябрѣ Николай Григорьевичъ переѣхалъ въ городъ N, все въ ту же квартиру, которой давно не видала Зина. Въ городѣ жизнь перемѣнилась, и Зина очень скоро почувствовала всю тяжесть своего положенія. Николай Григорьевичъ былъ очень занятъ: онъ переводилъ какое-то ученое сочиненіе, ѣздилъ на службу и велъ непрерывную и ожесточенную борьбу съ губернаторомъ и жандармскимъ начальникомъ. Объ этой борьбѣ, о столкновеніяхъ и скандалахъ, по этому поводу случавшихся, онъ любилъ разсказывать дочери въ послѣобѣденное время, которое они проводили вмѣстѣ. Онъ вставалъ очень рано, чтобъ работать, и рано ложился. Зина просыпалась иногда, когда онъ собирался на службу и кричалъ ей изъ другой комнаты: „прощай, голубчикъ, я ѣду“, а по ночамъ читала. Отъ провинціальныхъ знакомствъ она рѣшительно отказалась. Ее пугала мысль, что она окунется въ безцвѣтную, будничную жизнь сплетенъ и мелочныхъ интересовъ. Твердо вѣря, что когда-нибудь она примется за „дѣло“, о которомъ говорятъ ея друзья и о которомъ она мечтала неопредѣленно, но страстно, она старалась только не отставать отъ этихъ друзей и пока занималась одна, читала съ какой-то нервной жадностью и поспѣшностью. Появляясь очень рѣдко на какомъ-нибудь благотворительномъ концертѣ и на спектаклѣ, куда не ѣхать было неловко, или у немногихъ знакомыхъ, къ которымъ посылалъ отецъ, она и тамъ сближалась неохотно и осторожно, какъ будто боясь скомпрометировать себя въ глазахъ тѣхъ же друзей. Общество города N сначала смотрѣло на нее съ большимъ любопытствомъ, какъ на дочь уважаемаго лица, занимавшаго въ N видное мѣсто, какъ на московскую барышню, пріѣхавшую изъ аристократическаго дома тетки, образованную и притомъ хорошенькую, но скоро прозвали ее „ученой“ и гордячкой и отшат-

нулись отъ нея. У нея явился недурной голосъ, которымъ восхищались. На одномъ вечерѣ, въ началѣ зимы, она имѣла такой успѣхъ, что на лицахъ многихъ дѣвицъ и дамъ стали появляться какія-то неестественныя, безпокойныя улыбки. Успѣхъ было отуманилъ ее, но она и тутъ забрала себя въ руки, заставила себя не ѣздить на эти вечера и рѣже пѣть и съ такимъ холоднымъ пренебреженіемъ отвѣчала одному юнкеру, который попробовалъ по своему ухаживать за ней, что тотъ отошелъ, даже удивленный. „Если выпустишь себя немного изъ рукъ, въ этой пошлости утонешь“, говорила она себѣ. Отказываясь отъ вечеровъ и развлеченій, она сидѣла у себя за столомъ и читала безъ конца.

Очень скоро въ комнатѣ, гдѣ она проводила время за своими книгами, на нее стала нападать тоска. Ей было скучно, пусто въ этомъ молчаливомъ домѣ, гдѣ вечернюю тишину нарушалъ только мягкій, съ дѣтства знакомый и возбуждавшій много воспоминаній бой старыхъ часовъ, въ этомъ, созданномъ ею же самою, одиночествѣ. Въ самыхъ своихъ занятіяхъ она была очень одинока. Помимо того, что отецъ ея спѣшилъ съ своей работой и былъ очень занятъ, помимо разницы ихъ возрастовъ и многихъ воззрѣній, Зина стала избѣгать отвлеченныхъ разговоровъ съ нимъ послѣ одного спора о произведеніяхъ Щедрина, по поводу письма Зарубиной. Сама того не сознавая, она дѣлала это отчасти и потому, что боялась его сужденій и того разлада, который онъ поселялъ въ ней, разрушая стройность ея внутренняго, замкнутаго мірка. Сидя за книгой въ своей комнатѣ, Зина съ необыкновенной завистью думала о своихъ друзьяхъ-курсисткахъ, объ ихъ тѣсномъ кружкѣ, связанномъ общими интересами и идеями, съ завистью читала объ ихъ работахъ подъ руководствомъ профессоровъ, и всѣмъ своимъ существомъ рвалась къ нимъ, съ трудомъ побѣждая въ себѣ это желаніе сочувствія, обмѣна мыслей и общаго дѣла сознаніемъ долга. Не замѣчая этого, она рвалась даже просто въ большой, открытый и шумный домъ тетки, къ простымъ, любящимъ ее людямъ, съ которыми когда-то „не объ чемъ“ было говорить.

Николай Григорьевичъ пріѣзжалъ домой усталый и часто раздраженный. Зина старалась все приготовить ему. Послѣ обѣда, выпитыхъ двухъ рюмокъ водки и полбутылки краснаго вина, дурное расположеніе духа смѣнялось въ немъ, какъ у ребенка, беззаботною веселостью. Онъ шутилъ, разсказывалъ анекдоты, шумѣлъ и все время съ улыбкой слѣдилъ за движеніями дочери. Онъ любовался ею и, видимо, былъ совершенно счастливъ, что она съ нимъ. Раза два за все время онъ вскользь упомянулъ, какъ

страшно онъ скучалъ въ ея отсутствіе. Зина знала тоску и мнительность, которыя нападали на него всегда, когда кто-нибудь изъ домашнихъ уѣзжалъ, и надъ которыми подшучивали друзья его молодости, и видѣла его глаза, словно говорившіе: „ну, да что объ этомъ и вспоминать, благодареніе Богу, все прошло, и ты здѣсь, вотъ ты...“

Уходя къ себѣ, Зина чувствовала себя удовлетворенною и понимала особенно ясно всю невозможность покинуть его, объявить ему о своемъ отъѣздѣ, притомъ на курсы, о которыхъ онъ не имѣлъ никакого яснаго представленія. Но утомленіе постоянною умственною работою, безсонныя ночи и отвлеченная, лишенная всякаго нравственнаго отдыха, насильственно созданная жизнь разстроили ей нервы, и мучившая ее тоска одиночества стала отравлять ея жизнь. Она не могла заставить себя развлекать отца: когда онъ былъ раздраженъ и недоволенъ, впадала въ мрачность, когда онъ былъ веселъ, ей дѣлалось досадно и больно, что, радуясь ея присутствію, онъ такъ мало интересовался ея личною жизнью, тѣмъ, наконецъ, довольна-ли она; разспрашивая о томъ, когда, въ какое время дня приходили къ ней его письма и разливала-ли она чай у тетки, онъ ни разу не упомянулъ о людяхъ, съ которыми она сошлась, не поинтересовался узнать, что въ нихъ такъ привлекало ее. Она часто спрашивала себя, въ чемъ была причина ея странныхъ отношеній съ отцомъ? Привыкъ-ли онъ смотрѣть на нее попрежнему, какъ на ребенка, искалъ-ли онъ въ ней отдыха отъ своихъ серьезныхъ занятій, которыми отвыкъ за послѣдніе годы дѣлиться, или съ нимъ самимъ подъ старость произошла какая-то перемѣна? Она начинала сознавать, что жизнь въ провинціи, гдѣ его побаивались, какъ черезчуръ рѣшительнаго и необузданнаго чудака, гдѣ онъ проводилъ время немного менѣе одиноко, чѣмъ она, почти безъ друзей и близкихъ по интересамъ людей, наложила на него замѣтный отпечатокъ. Отъ многаго, что говорилъ онъ прежде, онъ уже отказывался, называлъ увлеченіями то, что горячо защищалъ когда-то, мечталъ о деревнѣ, о будничной, тихой жизни, всю же свою уцѣлѣвшую еще энергію тратилъ, будто бы, на борьбу съ людьми, которыхъ считалъ врагами Россіи; въ дѣйствительности же, она уходила на неожиданныя и часто нелѣпыя выходки и скандалы, прощавшіеся ему столько же изъ уваженія къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ и отчасти связямъ, сколько изъ понятнаго желанія избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній съ опаснымъ своею рѣ-

шимостью, безпокойнымъ чудакомъ, который въ концѣ-концовъ не приносилъ никому никакого серьезнаго вреда.

Зина уже знала и все время чувствовала, что отецъ ея никогда не пойметъ того, что такъ близко и дорого ей; что молодежь, среди которой ей хотѣлось быть, и ея интересы были особенно далеки и мало понятны ему. И ей дѣлалось нестерпимо скучно болтать съ нимъ о пустякахъ, скучно слушать разсказы о его дѣятельности, и самая веселость его раздражала ее, какъ признакъ слабости въ немъ. Иногда въ его присутствіи она дѣлалась такъ невесела и молчалива, что Николай Григорьевичъ ранѣе обыкновеннаго поднимался и уходилъ въ кабинетъ, задумавшись и пощипывая усы. А Зина думала: „я все говорю себѣ, что мой долгъ жить тутъ. А права-ли я? Неужели всѣ силы свои потратить на то, чтобъ два часа послѣ обѣда развлекать его? Больше онъ меня и не видитъ, да и понятно... Онъ *привыкъ* къ своему одиночеству. Жизнь идетъ, время идетъ, люди учатся, совершенствуются, имъ времени мало, а мнѣ некуда его дѣвать. Я даже читаю мало. Да и развѣ можно тутъ чему-нибудь научиться?“ Иногда она рѣшительно спрашивала себя: „сколько же времени, если я останусь съ нимъ, будетъ длиться эта жизнь?.. Столовая, да книги. Онъ взялъ свое, учился, сколько хотѣлъ, жилъ, какъ хотѣлъ...“

Чувство недовольства, раздраженія противъ отца, которое давно уже подымалось въ ней, усиливалось съ каждымъ днемъ. Скоро она уже упрекала себя въ безхарактерности.

„Вся жизнь въ борьбѣ,—говорила она себѣ:—а у меня нѣтъ никакой воли. Я вижу, что вовсе не полезна ему, а пойти и сказать ему это, объявить о своемъ намѣреніи дѣлать то, что нахожу нужнымъ, во что вѣрю,—не могу. Какъ же такъ? Вдругъ пойти наперекоръ его мнѣній, нарушить его привычки, безъ которыхъ онъ отлично могъ обходиться много лѣтъ, выдержать, можетъ быть, его гнѣвъ. Это не сила воли, а трусость“.

Страшная стала мучить ее мысль, что, живя въ городѣ N. съ отцемъ, никого не видя и пропуская важные годы, въ то время, какъ товарищи ея всѣ учились, она не только не дѣлаетъ ничего высокаго, но поступаетъ безчестно и измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ. Это точно былъ какой-то гвоздь, который засѣлъ ей въ голову. Она не спала ночей, думая о томъ, что, если она ни на что не рѣшится, изъ нея никогда ничего не выйдетъ. Это напряженное, мучительное настроеніе, ничѣмъ не развлекаемое, предоставленное само себѣ, привело ее къ тому, что весной она уже не могла ничѣмъ заниматься, забросила всѣ свои книги и впала почти въ

болѣзненное состояніе. Наконецъ, она рѣшила говорить съ отцомъ, хотя для нея это было невѣроятно трудно...

Разговоръ вышелъ тяжелый. Отецъ ея сразу пришелъ въ какое-то странное, раздраженное состояніе, говорилъ, что курсы—вздоръ, что можно вездѣ заниматься, если есть охота, что ее сбили съ толку, что онъ вовсе не желаетъ, чтобъ дочь его училась на сторонѣ чортъ знаетъ съ кѣмъ и чему, а что затѣмъ, пусть она дѣлаетъ, какъ хочетъ, и что понятно, что она хочетъ въ Москву, потому что у Лидіи Васильевны домъ больше, тамъ всѣ удобства и весело. Это уже было самое обидное. Зина вышла изъ его кабинета блѣдная, какъ смерть, но ей тогда же стало легче. У нея уже созрѣлъ планъ, какъ дѣйствовать, она чувствовала, что разлада нѣтъ, все ей ясно, и что она знаетъ, какъ поступать. Она написала Лили спокойное и краткое письмо, почти веселое, въ которомъ говорила, что надѣется осенью поступить на курсы, что нужно только побѣдить кое-какія препятствія въ лицѣ отца, который очень противъ ея поступленія, Богъ знаетъ почему; упомянула о томъ, что, къ сожалѣнію, не во всемъ сходится съ отцомъ, и что только теперь видитъ, какъ трудно людямъ разнаго времени понять другъ друга; что бросать его тяжело, но что же дѣлать?

Съ отцомъ Зина сдѣлалась предупредительна и была часто весела, но, когда онъ заговаривалъ съ нею о книгахъ и привозилъ ихъ въ деревню изъ своей библіотеки, она уже отказывалась отъ чтенія и избѣгала этихъ разговоровъ подъ предлогомъ усталости за зиму и желанія отдохнуть. Она точно боялась поколебаться въ своемъ рѣшеніи, дать отцу возможность поправить прежнюю ошибку. Она уже не хотѣла примиренія съ нимъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ она порвала духовную связь съ нимъ, ей стало легче. Но то, что она взяла на себя, было ей не подъ силу. Нервы ея не могли выдержать этихъ безобразныхъ отношеній съ отцомъ, самымъ близкимъ ей человѣкомъ, единственнымъ, котораго она любила тою особенною, сильною своей чистотой и безкорыстіемъ, можетъ быть, лучшею любовью въ мірѣ, которой любятъ другъ друга члены дружныхъ семей.

Зина рѣшила, что, что бы ни сталъ ей говорить Николай Григорьевичъ, она поставитъ на своемъ. Она думала, что, если невозможно будетъ уѣхать теперь, если тетка не захочетъ сдѣлаться невольной участницей въ ея раздорѣ съ отцомъ, она пріѣдетъ черезъ годъ въ Москву или въ Петербургъ на курсы, поселится гдѣ-нибудь въ компаніи курсистокъ, будетъ работать и приметсяза „настоящую жизнь“.

Все случилось совсѣмъ не такъ, какъ она думала.

XIV.

Прекраснымъ августовскимъ вечеромъ, яснымъ и свѣжимъ, Зина сидѣла въ залѣ Михайловскаго дома, блѣдная и измученная, и перелистывала валявшійся календарь; Николай Григорьевичъ пилъ чай на балконѣ. Послѣднее время случалось часто, что отецъ и дочь сидѣли въ разныхъ комнатахъ, иногда смежныхъ, и молчали. Зина сама отнесла ему стаканъ, но его пристальный взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее упрямо и долго, что-то соображая, какъ ножомъ рѣзалъ ее по сердцу, и она вышла.

— Да, но все равно я буду говорить съ нимъ, и все скажу ему,—думала она, снова вспоминая, что сентябрь недалеко.

Она сѣла въ то же старинное, краснаго дерева кресло и опять взяла календарь.

— Скажу прямо, что рѣшила ѣхать въ Москву и попрошу денегъ, которыя со временемъ надѣюсь заработать и отдать ему.

Николай Григорьевичъ всталъ, прошелся по балкону и сѣлъ на прежнее мѣсто. Зина радовалась, что у нея хватаетъ силъ оставлять его одного, но онъ вдругъ негромко и какъ-то нерѣшительно позвалъ ее.

— Зина, ты здѣсь?

Она не знала даже навѣрное, звалъ-ли онъ ее, даже не хотѣла идти, но, заглянувъ въ окно, выходившее на террасу, издали увидѣла его широкій, сильный, здоровый затылокъ, и ей вдругъ стало такъ жаль его, что сердце у нея защемило.

— Папа, ты звалъ меня?—спросила она, думая о томъ, что дѣлается что-то гадкое и что такъ больше нельзя.

— Зина, поди сюда, матушка!—громко крикнулъ онъ.

Его голосъ былъ оживленный и бодрый, и, отправляясь къ нему, Зина подумала, что онъ хочетъ показать ей какую-нибудь лошадь, которая забрела на овсяное поле, бугромъ подымавшееся за садомъ, или приближавшуюся тройку, и ей стало досадно на чувство безпричинной жалости, закравшееся къ ней. „Изъ всего дѣлать какую-то трагедію“, подумала она.

Отецъ сидѣлъ на деревянномъ зеленомъ диванчикѣ и, обернувшись, встрѣтилъ ее смѣющимися, почти насмѣшливыми, какъ ей показалось, глазами.

— Зина, матушка, я съ тобой поговорить... вотъ что,—началъ онъ съ тою же улыбкой въ своихъ маленькихъ, живыхъ глазахъ, по которымъ Зина знала, что онъ рѣшился на что-то очень

важное для себя:—я получилъ отъ Лидіи Васильевны письмо. Она тебя очень зоветъ, говоритъ, что соскучилась такъ, не знаетъ, что дѣлать... Ну, всякая штука, тамъ сама прочтешь... Такъ вотъ что: ты, если хочешь, ступай, я... очень радъ... Съ своей стороны, однимъ словомъ, не препятствую.

Онъ сталъ что-то искать.

— Вотъ и письмо, прочти. Я думалъ объ этомъ... Что-жъ, учиться охота, поѣзжай... А то меня упрекать будешь. Жить тебѣ тутъ нечего, вы народъ молодой. Нынче напишу Лидіи Васильевнѣ, что привезу тебя въ сентябрѣ.

Еслибъ было можно, Зина сказала бы: „нѣтъ, папа, я рѣшила не ѣхать, спасибо". Такъ ей было совѣстно чего-то и больно. Но сказать это послѣ всего, что она пережила, было невозможно. Минута эта оказалась едва-ли не самою тяжелою изъ всего этого тяжелаго года и надолго осталась для нея непріятнымъ воспоминаніемъ. Безъ чувства стыда она долго не могла вспомнить потомъ лица отца, его смѣющихся глазъ. Ей казалось, что было что-то похожее на слезы въ этихъ глазахъ. Еще хуже было, когда она начала что-то въ сбивчивыхъ выраженіяхъ говорить ему о томъ, что ей жалко и тяжело оставлять его, что она также много думала и сомнѣвалась, что ей очень непріятно, что онъ не сочувствуетъ курсамъ... Николай Григорьевичъ перебилъ ее, смѣясь тихимъ, какимъ-то особеннымъ смѣхомъ, точно говоря: „Ну, ну, хорошо! Все, что нужно, сказано, всѣ приличія соблюдены!.."

Николай Григорьевичъ хотѣлъ самъ изъ города N, куда они скоро перебрались, отвезти дочь въ Москву, но дѣла службы задержали его, и онъ объявилъ ей, что она поѣдетъ съ Маѳой Андреевной. Зина, старавшаяся все время подъ видомъ дѣловой озабоченности скрывать чувство неловкости, которое испытывала, сказала было ему, что подождетъ, но онъ не согласился,

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ это. Только, чтобъ я спѣшилъ! Ты съ нянькой поѣдешь...

Наканунѣ отъѣзда онъ позвалъ ее, послѣ вечерняго чая, въ кабинетъ поговорить на прощанье. Онъ былъ очень серьезенъ и грустенъ, а Зина избѣгала смотрѣть на него и боялась разговора, который ожидалъ ихъ. Сначала Николай Григорьевичъ выдалъ ей деньги, но руки его дрожали, когда онъ доставалъ и развертывалъ бумажникъ. Зина слѣдила за нимъ и подумала, что при малѣйшемъ волненіи у него часто дрожатъ руки, и что онъ становится старъ, но мысль, что, пожалуй, она не удержится и заплачетъ, испугала ее, и она опять приняла принужденно озабоченный видъ.

Отдавъ деньги, Николай Григорьевичъ заговорилъ о ея предстоявшемъ отъѣздѣ, о томъ, когда поѣздъ придетъ въ Москву, и сказалъ, что на вокзалѣ ее встрѣтятъ, что онъ писалъ; просилъ сейчасъ же телеграфировать и писать какъ можно чаще. Уже было довольно поздно, а поѣздъ отходилъ утромъ. Ужасная тоска сжала ея сердце. Въ этомъ безпорядочномъ кабинетѣ, на который она смотрѣла уже особеннымъ взглядомъ надолго уѣзжающаго человѣка, вся прошлая жизнь, все дѣтство смутнымъ, но мучительнымъ сномъ проходило передъ ея глазами, и она почувствовала, что слезы подступаютъ ей къ горлу. Николай Григорьевичъ, должно быть, замѣтилъ это и сказалъ, что пора спать, а то завтра она не встанетъ. Зина подошла къ нему, онъ крѣпко поцѣловалъ ее, заморгалъ покраснѣвшими глазами и сталъ поспѣшно крестить ее большой рукой, приговаривая почти сердито: „Христосъ съ тобой... Христосъ съ тобой, Зина“...

XV.

Съ первой же минуты появленія въ домѣ Лидіи Васильевны Зина почувствовала себя охваченною тою атмосферою праздности и непосредственности, которая, казалось, царила во всемъ огромномъ домѣ, гдѣ много жилось и веселилось и чрезвычайно мало думалось.

Ихъ встрѣтилъ на вокзалѣ сѣдой Архипычъ, всегда суровый, но тутъ удостоившій пріѣзжихъ улыбкой. Дома всѣ вышли въ переднюю, здоровались и смѣялись. Коля былъ въ восторгѣ, не столько отъ удовольствія видѣть двоюродную сестру, сколько вообще отъ безпорядка и волненія. Володя, пріѣхавшій на вакаціи изъ Петербурга, поразилъ Зину блескомъ своего юнкерскаго мундира, возмужалымъ, похорошѣвшимъ лицомъ и увѣренностью манеръ. Комнаты казались ей огромными. Во время вечерняго чая, дожидавшагося ее, Лидія Васильевна рѣзала арбузъ, за вырѣзку котораго Коля уже успѣлъ побраниться съ Володей. Генералъ курилъ сигару, острилъ, разспрашивалъ о своемъ „сумасбродномъ братцѣ“, какъ онъ называлъ Николая Григорьевича, и переспрашивалъ, какъ всегда. Потомъ пришелъ Павелъ, тоже возмужавшій и похорошѣвшій, въ новенькомъ сюртукѣ. Въ одиннадцать часовъ Лидія Васильевна сама объявила ему, что пора расходиться, потому что Зина устала, но онъ съ шапкой въ рукахъ простоялъ еще долго, разговаривая, и ушелъ только послѣ вторичнаго приглашенія.

Зинѣ было весело, и она не вѣрила себѣ, что опять въ знакомыхъ комнатахъ, на цѣлый годъ и для такого дѣла.

Двѣ сестры Зарубины появились на слѣдующее же утро, когда Зина одѣвалась, веселыя, довольныя пріѣздомъ своего друга, смѣющіяся всему, больше всего, кажется, самому свиданію. Зина страшно обрадовалась имъ и ихъ болтовнѣ, отъ которой давно отвыкла, потому что даже письма, получаемыя ею, были, по большей части, отвлеченнаго содержанія. Ольга уже толковала о какой-то философской теоріи, заставившей ее со многимъ примириться, и о томъ, что жить трудно, но тутъ же сообщила, что собирается съ Володей въ манежъ, кататься верхомъ. Лили порицала ея легкомысліе, спорила и помогала Зинѣ разбирать книги. Потомъ началась ѣзда по магазинамъ съ теткой, которая заказывала Зинѣ платья и не оставляла своего намѣренія вывозить ее. Александръ Григорьевичъ отдѣлалъ ея комнату наверху, самъ купилъ ей портреты излюбленныхъ писателей, которые она хотѣла имѣть, и даже собственноручно повѣсилъ ихъ. Зина настояла, чтобъ ей позволили давать уроки Колѣ, и ей переданы были русскій языкъ, исторія и географія. Она сама готовилась къ этимъ урокамъ и относилась къ нимъ съ необыкновенною добросовѣстностью, а черезъ недѣлю появилась въ первый разъ, въ качествѣ курсистки, въ аудиторіи высшихъ женскихъ курсовъ.

Благодаря знакомству съ Зарубиной, Зина вошла въ кружокъ занимающихся курсистокъ, составлявшихъ центръ курсовъ. Скоро въ аудиторіи у нея было постоянное мѣсто за первымъ столомъ, гдѣ она клала свою тетрадку и походную чернильницу. Лили Зарубина издавала лекціи, Зина записывала ихъ и этимъ помогала ей и другимъ издательницамъ. Она ложилась рано, рано вставала и уѣзжала тотчасъ на курсы. Знакомство ея ограничивалось двумятремя домами курсистокъ, да Зарубиными. Но и къ нимъ ходить было некогда, потому что всѣ онѣ были заняты, какъ она, и всѣ уставали къ концу дня. Кромѣ лекцій, начались семинаріи подъ руководствомъ профессоровъ, рефераты, которые брали пропасть времени, и занятія, внѣ курсовъ, кружка, въ которомъ была Зина.

Въ началѣ зимы Чернова подала рефератъ, который былъ одобренъ профессоромъ и доставилъ ей почетную извѣстность на курсахъ. Послѣдующія ея работы всѣ удостоивались хорошихъ отзывовъ. Профессора говорили о ней съ уваженіемъ, какъ о талантливой и занимающейся слушательницѣ. Курсистки спрашивали у нея совѣтовъ, и многія изъ ихъ кружка уже завидовали ей. Всѣ знали, что она не пропускаетъ почти ни одной лекціи,

и видали всегда ея фигуру за первымъ столомъ, наклонившуюся надъ тетрадкой. Съ курсовъ она часто уѣзжала не домой, а въ публичную библіотеку, гдѣ просиживала по два, по три часа.

Лидія Васильевна сначала приходила въ ужасъ отъ жизни племянницы, требовала, чтобъ она развлекалась, и говорила, что она худѣетъ съ каждымъ днемъ. Но Зина съ настойчивостью, которая явилась у нея послѣ исторіи съ отцомъ, стояла на своемъ, и тетка ея должна была примириться.

— Пускай дѣлаетъ, какъ хочетъ, не ребенокъ,—говорила она, махая рукой:—у *нихъ* теперь все по новому, *онѣ* насъ не слушаютъ. Я ей не мать, а отецъ такой же сумасшедшій, какъ она.

Зина узнала множество новыхъ, интересныхъ лицъ. Товарищами ея были дѣвушки, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи. Многія изъ нихъ добывали себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ; было не мало голодныхъ и больныхъ, отдававшихъ послѣдніе гроши за лекціи и книги; были такія, которыя бросали семьи, порывали съ ними всякія отношенія и съ поразительнымъ терпѣніемъ переносили всѣ ужасы полной беззащитности и лишеній, во имя все той же неопредѣленной вѣры въ необходимость „приносить пользу и дѣлать дѣло“, изъ которой вытекала другая необходимость, учиться и развивать себя. Были и такія, которыя находили возможность, подавая рефераты, издавая лекціи и добросовѣстно просиживая въ аудиторіяхъ всѣ часы, остальное время употреблять на грошовые уроки и переписку и этимъ содержали цѣлыя семьи. Въ то же время, съ самаго ея поступленія на курсы, ее глубоко поражало отношеніе огромнаго большинства людей къ ея товарищамъ и ко всему, во что онѣ всѣ такъ вѣрили... Она не удивлялась тому, что въ кругѣ Лидіи Васильевны безъ нѣкотораго ужаса не произносили самаго имени „курсистки“, не удивляло ее даже и то, что многія газеты издѣвались надъ всею учащеюся женскою молодежью и всячески травили ее, но непонятно и уже совсѣмъ странно было, что сами профессора, по крайней мѣрѣ очень многіе изъ нихъ, съ каѳедры читавшіе имъ о либерализмѣ и гуманности и о пользѣ просвѣщенія, тѣ профессора, на поученія которыхъ эти дѣвушки, и безъ того выносившія много всякаго рода притѣсненій, тратили послѣднія деньги и здоровье, относились къ нимъ съ плохо скрываемымъ, добродушнымъ пренебреженіемъ. Но она уже примирилась съ взглядомъ на курсы отца и старалась мириться, какъ ни трудно это было, съ новымъ и неожиданнымъ разочарованіемъ въ стѣнахъ того самаго зданія, куда она такъ рвалась. Она привыкла уходить въ себя, и отецъ, получая ея письма, радовался, что

она такъ много и серьезно занимается, довольна своею жизнью и на все, что прежде такъ сильно увлекало ее, смотритъ со спокойною разсудительностью.

Все слѣдующее лѣто въ Михайловскомъ прошло въ приготовленіяхъ къ экзаменамъ. Въ августѣ, прогуливаясь съ отцомъ короткими, ясными и свѣжими вечерами, когда рано прятавшееся за оборку сыраго и темнаго, рѣдѣвшаго лѣса солнце бросало яркій блескъ на холодную, чистую воду, она видѣла, какъ умиравшее лѣто пугало Николая Григорьевича. — „Когда, ты говоришь, у васъ начало лекцій?“ озабоченно спрашивалъ онъ, а у Зины сердце сжималось отъ тоски и сомнѣнія въ томъ, хорошо-ли то, что она дѣлаетъ? За то въ Москвѣ, на второмъ курсѣ, она принялась за занятія еще усерднѣе. Она дошла докакого-то фанатизма и, Богъ знаетъ, въ силу какихъ побужденій, больше всего вслѣдствіе мысли, мучившей ее, что образъ жизни ея недостаточно оправдываетъ ея пребываніе въ Москвѣ и одиночество отца, стала лишать себя во всемъ. Она отказалась ѣздить съ Гаврилой на курсы и стала ходить туда пѣшкомъ, во всякую погоду, черезъ всю Москву, подымаясь со свѣчами. Лидія Васильевна, можетъ быть, и не узнала бы этого, да Марѳа Андреевна слышала, какъ Зарубины уговаривали ея барышню не дѣлать этого, и пожаловалась, но это ни къ чему не повело. Въ видахъ той же цѣли Зина стала одѣваться какъ можно холоднѣе. Лидія Васильевна однажды плакала и написала Николаю Григорьевичу письмо послѣ того, какъ племянница ея схватила на первыхъ порахъ сильный гриппъ; но болѣзнь прошла, и къ зимѣ Зина сшила себѣ короткую кофточку, не имѣвшую другого признака зимняго платья, кромѣ маленькаго барашковаго воротника. Борьба была трудная, но самый процессъ борьбы занималъ ее. Потомъ она бросила пѣть; на это, впрочемъ, никто не возражалъ, потому что и безъ того у нея не было свободной минуты. Въ домѣ на нее смотрѣли, какъ на „странную барышню“, но волей-неволей предоставляли ей жить, какъ она хотѣла.

У Черновыхъ въ этотъ годъ жизнь значительно измѣнилась. Уже въ концѣ лѣта изъ Петербурга пріѣхалъ Володя съ чиномъ корнета, съ маленькими усами, съ свѣтскою, развязною самоувѣренностью въ манерахъ и съ деньщикомъ, появившимся въ громадныхъ сапогахъ, которыми онъ, съ невольнымъ страхомъ, осторожно ступалъ по паркету, между многочисленною и праздной прислугой черновскаго дома. Въ передней то и дѣло раздавались звонки, и въ домѣ появлялись молодые люди, офицеры одного съ Володей полка, студенты, лицеисты; всѣ франтоватые, чистоплотные и въ

высшей степени вѣжливые. Они проходили обыкновенно наверхъ къ Володѣ, и Зина изъ своей комнаты часто слышала ихъ здоровые, самодовольные голоса, хохотъ, отрывки фразъ на французскомъ языкѣ. Володя каждый вечеръ не былъ дома, и деньщикъ каждую ночь дожидался его. Случалось, что, возвращаясь домой отъ какой-нибудь курсистки и собираясь уже спать, она видѣла у подъѣзда карету съ фонарями, или одиночку, а въ залѣ встрѣчала фигуру своего брата въ мундирѣ и лакированныхъ сапогахъ, на ходу застегивающаго перчатку и распространяющаго вокругъ себя модный запахъ геліотропа; часто шелъ за нимъ заѣхавшій товарищъ, офицеръ или студентъ въ короткомъ, блестящемъ галунами мундирѣ, при шпагѣ, и низко кланялся ей. За обѣдомъ и за чаемъ Зина слышала много разсказовъ изъ того блестящаго общества, въ которомъ проводилъ время молодой Черновъ, сдѣлавшійся свѣтскимъ бальнымъ кавалеромъ. Говорили о платьяхъ барышень и объ ихъ состояніи, о мазуркахъ и каруселяхъ въ манежѣ; безпощадно смѣялись надъ m-elle Карповой, дѣвицей весьма на возрастѣ, употреблявшей послѣднія, отчаянныя усилія выйти замужъ, надъ ея матерью и ихъ вечерами, куда эта блестящая молодежь ѣздила танцовать съ ихъ гостями, ужинать и пить ихъ шампанское; подробно сообщали, какое имѣніе продали раззорившіеся князья Куратовы, чтобъ дать раутъ, который удостоилъ своимъ посѣщеніемъ генералъ-губернаторъ, и за сколько пришлось имъ заложить домъ, чтобъ отдѣлать за-ново пріемныя комнаты, и съ хохотомъ разсказывали, какъ George Замятинъ, которому необходимо поправить дѣла, чуть было не повѣрилъ, что они точно богаты, и едва не сдѣлался женихомъ ихъ дочери, да узналъ, въ чемъ дѣло, и успѣлъ во-время убѣжать, даже перешелъ въ другой полкъ. Когда не было постороннихъ лицъ, Зина слыхала и еще болѣе забавные анекдоты о томъ, напримѣръ, какъ молодой графъ N. встрѣтилъ въ Salon des Variétés своего отца въ сопровожденіи кого-то, о комъ упоминалось уже вполголоса, и какъ оба они прятались другъ отъ друга... Когда, соскучившись дома, послѣ такихъ разговоровъ, Зина уходила въ тѣсный номеръ къ какой-нибудь курсисткѣ, которая съ удовольствіемъ, послѣ трудового дня, поила ее чаемъ, она съ особенно страннымъ чувствомъ слушала оживленные разсказы о талантливой публичной лекціи, прочитанной на-дняхъ профессоромъ, о книгѣ, добытой съ чрезвычайнымъ трудомъ, о несомнѣнномъ успѣхѣ народнаго образованія въ Россіи и очевидномъ сочувствіи къ нему всего общества.

И ей дѣлалось грустно.

XVI.

Но съ ней произошло что-то совсѣмъ новое, какой-то странный переворотъ постомъ, мѣсяца за два до экзаменовъ. Въ это время снѣгъ сталъ быстро таять подъ жаркими лучами весенняго солнца, улицы потемнѣли и сдѣлались блестящими и гладкими, какъ паркетъ, мимо тротуаровъ съ шумомъ понеслись грязные ручьи, вертя и жадно унося комки сѣраго снѣга и разныя щепки, а сами тротуары уже стали сухи, какъ лѣтомъ; сквозь шумъ метлы энергично работавшихъ дворниковъ то и дѣло поражалъ слухъ звонкій ударъ копытъ по обнажившемуся камню и рѣзкій, короткій грохотъ впервые появившейся пролетки, отчаянно раскачивающейся и прыгающей по глубокимъ ямамъ, и все, и голубое небо, и нагрѣтый воздухъ, въ которомъ изрѣдка проносились холодныя струи, и яркое солнце, ослѣпительно игравшее въ потокахъ воды, въ стоячихъ лужахъ, на куполахъ церквей и на политурѣ пролетокъ, и крики разносчиковъ, и медленный, великопостный перезвонъ, доносившійся, какъ диссонансъ, изъ всѣхъ церквей и сливавшійся въ нестройный и унылый ропотъ,—несло съ собой непонятную и непобѣдимую тревогу. Въ это время въ первый разъ она призналась себѣ, что не въ силахъ прожить такъ, какъ заставляла себя. Она не боялась, что у нея недостанетъ для этого характера, потому что умѣла брать себя въ руки, но боялась чего-то болѣе грознаго, того, что въ ней потухнетъ вѣра въ необходимость жить именно такъ, а не иначе. Ее стала вдругъ безпокоить мысль, что вотъ теперь она учится, употребляетъ на это всѣ свои силы, тратитъ даже здоровье, бросила отца одного и живетъ въ праздномъ и безпорядочномъ домѣ тетки, все во имя какой-то высокой и важной цѣли. А какая собственно эта цѣль? Когда и какъ надо примѣнять свои занятія, все то, что пріобрѣтается такими нелегкими путями? Насколько занятія эти пригодятся, и какое примѣненіе они найдутъ? Зина не знала никого изъ окончившихъ курсъ сотоварищей и ничью дальнѣйшую судьбу не могла поэтому взять себѣ за образецъ. Она слышала, что одна бывшая курсистка, бѣдная и одинокая, была учительницей въ земской школѣ Симбирской губерніи, писала оттуда, жаловалась на отсутствіе людей и чрезвычайно стѣсненный кругъ дѣятельности; другая жила съ семьей въ деревнѣ и тамъ устроила школу; третья занималась изданіемъ народныхъ книгъ; четвертая, наконецъ, вышла замужъ за судебнаго слѣдователя и мирно проживала въ уѣздномъ городѣ. Все это было хорошо, честно и, вѣроятно, полезно; но нужно-ли было

для этого выносить все то, что она выносила, жить такъ, какъ она жила? И, во всякомъ случаѣ, это было совсѣмъ не то, во что такъ неопредѣленно и такъ страстно вѣрили всѣ онѣ, эти собранныя со всей Россіи дѣвушки. Совсѣмъ не то уже навѣрное, ради чего она бросила отца и жила среди совершенно чужихъ ей людей, въ чуждой, идущей въ разрѣзъ съ ея убѣжденіями и нравственными требованіями обстановкѣ. Для того, чтобы пріѣхать на курсы, надо было вынести очень много борьбы, да и здѣсь, съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала, борьба эта собственно не прекращалась ни для нея, ни для ея сотоварищей...—„Неужели все это для того, чтобъ опять жить въ N, или заниматься въ Михайловской школѣ?“ думала она. И ей казалось, что послѣ всего, чего она ожидала, ей слишкомъ мало этого, и она на это неспособна. Чего собственно она ждала, она затруднилась бы отвѣтить. Но онѣ всѣ были неопредѣленно убѣждены, что, какъ пройдутъ курсы, запасутся знаніемъ, такъ и начнется *настоящее* дѣло. И вышло, что только по прошествіи двухъ лѣтъ жизни среди людей, мирившихся съ этими убѣжденіями единственно въ тѣхъ видахъ, что надо же чѣмъ-нибудь заниматься барышнямъ, она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ задала себѣ вопросъ, въ чемъ, собственно, это дѣло, огромное и важное, для котораго необходимо всѣмъ жертвовать...

Главное же, наступала весна, а она страшно устала; было уже тепло, стучали колеса, чирикали воробьи и потянуло куда-то, какъ можно дальше отъ всего прежняго. И ей вдругъ захотѣлось жить; захотѣлось не работы, не знаній, а самой жизни, для которой должно пригодиться и то, и другое. А жизни—она неожиданно почувствовала это—не было нигдѣ и ни въ комъ.

Точно нарочно, все кругомъ усиливало чувство неудовлетворенности и оправдывало ея жажду жизни, жажду реальнаго удовлетворенія ума и сердца, чего-то, что охватило-бы и поработило все существо... Небо было удивительно нѣжно, мягко и глубоко, лучи солнца возбуждали безпокойство; не будучи въ силахъ много работать, она бралась за легкое чтеніе; перечитывала и читала вновь романы, гдѣ изображалась все та же, не испытанная ею жизнь, и бросала ихъ, не кончивъ и уступая все усиливавшейся усталости. Въ сумеркахъ, длинныхъ, но тоже тревожныхъ, расхаживая по пустымъ комнатамъ и глядя въ окна на тучи птицъ, пролетавшихъ по свѣтлому, весеннему небу надъ домовыми трубами, на тусклые огни фонарей и на грязный снѣгъ или прислушиваясь къ незнакомымъ, послѣ зимы, звукамъ городской жизни, Зина чув-

ствовала себя охваченною какимъ-то бредомъ далекихъ, отрывочныхъ, но яркихъ въ своей путаницѣ воспоминаній...

Вообще многое, что прежде ее не интересовало, сдѣлалось ей близкимъ и понятнымъ, и появились новыя желанія. Хотѣлось ей очень видѣть побольше людей, и она сознавала, что до сихъ поръ видала ихъ очень мало; тѣхъ же, кого она и встрѣчала, совершенно не знала, мѣрила всѣхъ на одну, довольно исключительную мѣрку, и ничего въ нихъ не находила. А жизнь, этою быстро надвигавшеюся весною, казалась ей безконечно разнообразною и мощною во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Она мучилась, упрекала себя въ измѣнѣ своимъ взглядамъ, въ неустойчивости и безпочвенности, и пугалась того, что чувствовала. Но ничего не помогало.

На Ѳоминой недѣлѣ, когда снѣгъ совсѣмъ сталъ, улицы высохли, и уже пахло набухшими почками тополя, она случайно, и притомъ уже противъ всякаго желанія, столкнулась съ человѣкомъ, который былъ совершенно не похожъ на всѣхъ, видѣнныхъ ею до сихъ поръ.

К. Ельцова.

(Продолженіе въ слѣд. №).

ДУМЫ И ОТКЛИКИ.

I.

Въ долину тѣнь съ вершинъ сползаетъ.
И точно лань, заслышавъ рогъ,
На западъ дальній убѣгаетъ
Румяный, свѣтлый жизни богъ!
Бѣжитъ—и скрылся за горами...
А отъ востока злобный врагъ
Ужъ вѣетъ мертвыми крылами...
Кто одолѣетъ—свѣтъ иль мракъ?
О! тотъ восторгъ, тотъ трепетъ бурный,
Какимъ полны сердца людей,
Когда восходитъ день лазурный,
Порукой намъ, что свѣтъ сильнѣй.

II.

Долга, упорна ночь... Угрюмое сомнѣнье,
Увы! ростетъ во мнѣ давно:
Онъ будетъ, красный день, но наше поколѣнье
Его увидѣть не должно!
Такъ старый Моисей, уйдя одинъ изъ стана
Отъ шума воинскихъ тревогъ,
Скорбя, глядѣлъ съ горы въ долину Ханаана,
Войти въ которую не могъ.

III.

Не вѣчно длиться вамъ, безумные вѣка!—
Когда отжившій міръ народы перестроютъ,
Не стихнутъ вопли жертвъ, не замолчитъ тоска,
И язвы новыхъ ранъ заноютъ.
Гдѣ свѣтъ сплошной горѣлъ, увидимъ бездну тьмы;
Побѣду возгласивъ, узнаемъ гнѣвъ безсилья;
Какъ прежде, разбивать о душный сводъ тюрьмы
Мы будемъ трепетныя крылья...
Но никогда, о нѣтъ!—какъ жизнь ни будь горька—
Ни разумъ мудреца, ни пылкій духъ поэта
Не вздумаютъ, скорбя о дняхъ любви и свѣта,
Вернуться къ вамъ опять, проклятые вѣка!..

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Разсказъ.

I.

Небогатый помѣщикъ и земскій начальникъ Андрей Дмитріевичъ Зыковъ остановился и сталъ прислушиваться. Сердце у него внезапно забилось, а рука невольно опустилась въ карманъ, сжимая въ немъ револьверъ. Было темно и тихо. Въ сторонѣ темными чудовищами высились недавно сложенные скирды на гумнѣ, впереди обрисовывались прямыя линіи надворныхъ строеній и очертанія небольшого барскаго дома.

Андрей Дмитріевичъ прислушался и, крадущимися шагами, пошелъ вдоль стѣны скотнаго двора.

— Если только захочетъ, спрячется въ скирдахъ и „его“, все равно, не найдешь,—тревожно размышлялъ онъ.

— Отъ краснаго пѣтуха никто не обезпеченъ, рѣшительно никто, ни на одну минуту!

Онъ перевелъ свой взглядъ направо, гдѣ, словно поднимаясь изъ-подъ земли, темнѣла группа старыхъ ветелъ на плотинѣ. Ветлы молчали и, казалось, замышляли что-то, склоняясь надъ сонной водой пруда. Плотина, вся черная, точно обрывалась подъ ихъ вѣтвями, и плохо вѣрилось, что смѣльчаку, рѣшившемуся перейти по ней на тотъ берегъ, не грозила неминуемая опасность провалиться въ какую-то невѣдомую бездну. А между тѣмъ плотина была широка и содержалась въ безусловномъ порядкѣ.

Андрей Дмитріевичъ прислонился къ стѣнѣ, прислушался къ неяснымъ и непрерывнымъ звукамъ, доходившимъ черезъ нее, и уже собрался ближайшимъ путемъ вернуться къ дому, какъ вдругъ тотъ же подозрительный шорохъ, испугавшій его раньше, приковалъ его къ мѣсту. На этотъ разъ онъ ясно услыхалъ шаги. Кто-то крался, такъ же, какъ онъ, прячась и выжидая.

Андрей Дмитріевичъ схватился за револьверъ.

— Кто идетъ? — съ рѣшимостью отчаянія крикнулъ онъ и отдѣлился отъ стѣны двора. Ему показалось, что въ нѣсколь-

кихъ шагахъ отъ него шмыгнула человѣческая фигура и припала къ землѣ.

— Кто идетъ? отвѣчай!—кричалъ Андрей Дмитріевичъ.—Не отвѣтишь, каналья, стрѣлять буду.—И онъ почувствовалъ, какъ револьверъ запрыгалъ въ его дрожащей рукѣ.

„Убьетъ! „Ему“ ничего не стоитъ убить... Никто не обезпеченъ, никто!“—быстро подумалъ онъ.

— Я стрѣлять буду!—чуть не взвизгнулъ онъ.

— Батюшка, Андрей Дмитріевичъ, вѣдь это я,—послышался изъ травы тихій голосъ, и въ то же время, почти рядомъ съ Зыковымъ, поднялась высокая, плотная фигура и покорно сняла шапку.

— Кто ты такой? кто?—неистовствовалъ Андрей Дмитріевичъ.

— Да, я... я! Вашъ приказчикъ... Трофимъ.

Зыковъ ощутилъ большое облегченіе, и это чувство было до того сильно и радостно, что на минуту у него отнялась способность говорить.

— Что ты тутъ дѣлаешь? что это за шутки?—наконецъ, опять закричалъ онъ, притворяясь разсерженнымъ.

Трофимъ молчалъ.

— Отвѣчай!—грозно приказалъ Андрей Дмитріевичъ.

— Смѣю-ли я шутить?—робко отозвался Трофимъ,—помилуйте-съ...

Зыковъ затопалъ ногами.

— Такъ что-же это? Чего ты тутъ лазишь, прячешься? Я, братецъ, этого не потерплю! Я, братецъ, отлично все вижу и знаю!.. Насквозь тебя вижу!.. Ты у меня не того... Пожаръ случится или покража, я тебя... я тебя въ Сибирь. У меня, братецъ, власть! Отвѣчай: что ты тутъ дѣлалъ?

Трофимъ низко опустилъ голову.

— Жену искалъ,—чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— Жену? Прасковью?—удивился Андрей Дмитріевичъ.

— Ее... — отозвался Трофимъ:—накрыть хотѣлъ...

Зыковъ на минуту задумался.

— Эй, смотри у меня! не отводи глазъ!—грозно, но не умѣя скрыть любопытства, заговорилъ онъ.—Что такое? жена?.. съ кѣмъ накрыть?

Трофимъ мотнулъ головой.

— Нешто я знаю?—сказалъ онъ:—хватился—Пашки нѣтъ. Вчера — нѣтъ, сегодня—нѣтъ... Словно сгинула. Гдѣ-жъ ей теперь быть? Не иначе, какъ гдѣ-нибудь здѣсь околачивается. Уйти ей некуда... Покажись мнѣ, что кто-то юркнулъ, я и подползъ.

— Эхъ, ты! срамникъ!—сказалъ баринъ:—борода у тебя сѣдая, а молодую жену удержать не съумѣлъ. Власти въ тебѣ настоящей нѣтъ! Поучилъ бы разокъ-другой, знала-бы, какъ бѣгать!

— Какъ не учить! Извѣстно дѣло — баба... Училъ,— уныло отозвался Трофимъ.

— Мало, значитъ, училъ. Да ты въ скирдахъ ее поищи... Пошарь-ка хорошенько,— поучалъ Андрей Дмитріевичъ. —Да не вздумай закурить. Я, братецъ, если только увижу, что у меня на гумнѣ кто куритъ... У меня милости не ищи! Что хочу, то сдѣлаю. У меня власть!

Андрей Дмитріевичъ быстро повернулся и чуть не бѣгомъ направился къ дому.

Трофимъ проводилъ его унылымъ взглядомъ, надѣлъ шапку и, повернувшись лицомъ къ скирдамъ, словно замеръ въ тоскливомъ недоумѣніи.

— Пашка!—позвалъ онъ тихо:—коли ты здѣсь, выходи сюда. Самъ найду—душу вытрясу, провалиться мнѣ! Пашка! дура ты этакая... Господи, Создатель! что же это теперь будетъ?—И Трофимъ пошелъ бродить по скирдамъ.

Андрей Дмитріевичъ быстро вбѣжалъ по ступенямъ крыльца. Въ передней его ждалъ письмоводитель Душкинъ.

— А я вотъ тутъ... поджидалъ васъ,—сказалъ онъ и поспѣшно всталъ ему навстрѣчу.—Тутъ подписать требуется... принесъ...

— Хорошо. Пройдите въ кабинетъ, я сейчасъ...

Письмоводитель захватилъ подъ мышку кипу бумагъ и, осторожно ступая длинными, худыми ногами, пошелъ къ двери кабинета. Зыковъ скрылся въ другую дверь.

—Ну, что у васъ тутъ?—спросилъ онъ, появляясь черезъ минуту у большого письменнаго стола. Онъ сѣлъ, а длинный Душкинъ всталъ за его спиной и робко положилъ передъ нимъ бумагу.

— Вотъ, соблаговолите... Вотъ тутъ подпишите... По дѣлу Ивана Бобыля

— Дальше!—буркнулъ Андрей Дмитріевичъ, заканчивая свою подпись красивымъ росчеркомъ.

Душкинъ ловко подложилъ другую бумагу.

— Обижаются мужички,—тихо заявилъ онъ.

— За что? кто такіе?—грозно спросилъ Зыковъ.

— Зарѣчскіе... Свидѣтели по дѣлу г-жи Мухояровой.

— Чего имъ?—нахмурился Андрей Дмитріевичъ.

— Третій разъ пріѣзжаютъ, отъ дѣла отрываются... Дома лошадь нужна, пріѣдутъ, а дѣло, за неявкой г-жи Мухояровой, отлагается.

— Ну, мнѣ съ Анной Николаевной изъ-за вашихъ мужиковъ не ссориться, — пожалъ плечами Зыковъ. — Все? — спросилъ Зыковъ.

— Теперь все-съ, — отвѣтилъ Душкинъ.

Зыковъ потянулся, какъ человѣкъ, наработавшійся до устали.

— Завтра къ разбору сколько дѣлъ? — спросилъ онъ.

— Четыре: двѣ неявки на работу по условію, воровство шпалъ на желѣзной дорогѣ...

Зыковъ нахмурился.

— Мерзавцы! гдѣ только могутъ надуть, украсть...

Душкинъ робко сказалъ:

— Здѣсь, собственно, дѣйствительно тяжелыя условія: работа за долгъ, почти даромъ. Нужда непроходимая!

— Ахъ, оставьте, прошу васъ! — разсердился Андрей Дмитріевичъ: — вы всегда готовы за нихъ заступаться! Однако, факты противъ нихъ. И мое правило: карать! и карать высшей мѣрой наказанія. Съ этимъ народомъ церемониться нечего. Надо, чтобы онъ чувствовалъ страхъ; иначе, повѣрьте, батенька, онъ намъ же свернетъ шею.

— На столъ подано, — сказала старая экономка, заглядывая въ дверь.

— Мое почтеніе-съ! — торопливо сказалъ Душкинъ съ неловкимъ поклономъ, поддерживая подъ мышкой кипу бумагъ.

— Съ Богомъ! — небрежно отвѣтилъ Андрей Дмитріевичъ. Но вдругъ онъ спохватился: — А, впрочемъ, вотъ что... — сказалъ онъ болѣе мягко, — не хотите-ли со мной закусить? Рюмку водки... Милости прошу! Жены нѣтъ дома, я совсѣмъ одинъ.

— Я, собственно... не имѣю привычки, — застѣнчиво отвѣтилъ письмоводитель.

— Нѣтъ, отчего же? одну рюмочку.

Андрей Дмитріевичъ быстро прошелъ впередъ въ столовую и, не садясь, оглядѣлъ на столѣ закуску и налилъ двѣ рюмки настойки.

— Прошу! — сказалъ онъ и сдѣлалъ жестъ рукой, приглашая Душкина выпить. Вы еще мало знаете меня, — заговорилъ онъ, прожевывая закуску, — но вы уже должны были замѣтить: у меня въ дѣлахъ точность и аккуратность. Комаръ носу не подточитъ. На судѣ я строгъ. Это мое правило. Мужику надо импонировать, надо дѣйствовать на него силой и страхомъ. Вы служили раньше у Макшеева. Я знаю его... былъ у него на разбирательствѣ. Малый дѣльный, но народа нашего, прямо скажу, не знаетъ.

— Его одобряютъ... любятъ, — вставилъ свое слово письмоводитель.

— Одобряютъ! любятъ!— насмѣшливо воскликнулъ Зыковъ.— Точно напъ братъ нуждается въ ихъ любви и одобреніи! Вотъ еслибы вы сказали мнѣ, что его боятся по-настоящему! Народу надо импонировать! Надо, чтобы онъ видѣлъ въ васъ лицо оффиціальное, власть... Надо поставить себя на извѣстную высоту, окружить себя извѣстной обстановкой. Я обратилъ особенное вниманіе на свою канцелярію: все сухо, строго, оффиціально. Сразу чувствуешь себя обособленнымъ, огражденнымъ отъ всякаго панибратства. Постойте! что это?—вдругъ прервалъ онъ свою рѣчь и сталъ прислушиваться.—Нѣтъ, это смѣются въ дѣвичьей... Что прикажете! никогда, никогда не спокоенъ, по милости этихъ дикарей, вашихъ хваленыхъ мужичковъ. Одинъ разъ уже подожгли и опять надо ожидать того же... Такъ вотъ, про Макшеева... Онъ даже о приличной камерѣ не позаботился и представительности у него никакой. Выйдетъ въ какомъ-то короткомъ, засаленномъ пиджачишкѣ.

— Да, это точно,—подтвердилъ Душкинъ.

— Но развѣ это возможно?!—закричалъ Зыковъ.—Какое же можетъ быть уваженіе къ нему? Нѣтъ, батенька: форма—это великая вещь. Погончикъ, кокардочка,—это импонируетъ. Вы должны были замѣтить: у меня струна. Издали шапки снимаютъ. Я, батенька, себѣ за правило взялъ: всякое лыко въ строку. Потакать да потворствовать—слуга покорный! Нашъ народъ дикъ, необразованъ, и мы, тѣлесные пастыри его, должны помнить это и сообразоваться съ этимъ. Страхъ, батенька, только страхъ передъ властью дѣйствуетъ на этихъ людей.

— Батюшки!—крикнулъ онъ вдругъ не своимъ голосомъ,—подпалили-таки, подпалили!—и онъ кинулся къ балконной двери.

Изъ-за деревьевъ гумна яркимъ заревомъ выплывала полная красная луна. Письмоводитель криво усмѣхнулся.

— Восходъ луны-съ,—успокоительно замѣтилъ онъ.

— Ну, вотъ, скажите! Какъ же не возненавидѣть этихъ скотовъ, если изъ за нихъ поминутно такое волненіе!—разсерженно заговорилъ Зыковъ, прикладывая руку къ сердцу. — Ни сна, ни покоя! трясись день и ночь за свою шкуру. Не знаю существа, внушающаго мнѣ большую ненависть.

— Мое почтеніе!—сказалъ Душкинъ, пробираясь бокомъ мимо Зыкова въ открытую дверь балкона.

— А закуспть?—предложилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Увольте! не имѣю привычки.

Онъ все еще бокомъ сбѣжалъ со ступенекъ балкона и пошелъ

по дорожкѣ къ флигелю, точно отмѣривая сажени своими длинными, худыми ногами.

Андрей Дмитріевичъ закрылъ дверь, тщательно заперъ ее на замокъ и вернулся къ столу.

— Дарья Тимофеевна!—крикнулъ онъ и, когда старуха вошла, сказалъ:—присмотрите, чтобы окна были заперты на задвижки. Да чтобы у меня въ дѣвичьей дверь не распирали.

— Будьте покойны, батюшка,—отвѣтила экономка.

Но передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Зыковъ вышелъ на крыльцо и повернулся лицомъ къ гумну. Теперь луна была высоко, и длинныя, черныя тѣни тянулись отъ построекъ и вдоль высокаго каменнаго забора. Ровный, унылый, жуткій свѣтъ заливалъ широкій дворъ и бѣлую, какъ мѣлъ, стѣну конюшни. Усадьба спала и только гдѣ-то близко полуслѣпая сова пускала въ воздухѣ свои хищныя, тоскующія ноты. Нельзя было разобрать: грозила она или жаловалась.

Андрей Дмитріевичъ насторожился. Ему показалось, что вдоль забора, подъ деревьями, захрустѣли сухія вѣтви, какъ будто тамъ медленно и осторожно пробирался человѣкъ.

— И собакъ нѣтъ!—быстро сообразилъ онъ. — Собакъ либо отвели, либо отравили. И сейчасъ подпалитъ! сейчасъ! Держи его, держи!—отчаянно крикнулъ онъ, устремляясь съ крыльца къ забору.—Эй, люди! вяжи ему руки! крути...

Но онъ сразу остановился: у забора съ испуганнымъ и жалкимъ видомъ стоялъ Трофимъ.

— Опять ты?—накинулся на него Зыковъ.—Да это ты что же? Нарочно, что-ли? Смѣешься надо мной?

Трофимъ снялъ шапку и низко опустилъ голову.

— Да я тебя къ суду по подозрѣнію... въ поджогѣ. Я тебя...

Трофимъ молчалъ и перебиралъ большими корявыми пальцами края своего картуза.

— Да ты, никакъ, пьянъ? Отвѣчай, ты пьянъ?—волнуясь и жестикулируя, допрашивалъ Андрей Дмитріевичъ.

— Помилуйте!—тихо отозвался Трофимъ чуть-чуть заплетающимся языкомъ.

Зыковъ подумалъ, что Трофимъ сильно испуганъ его угрозами, онъ успокоился, и тѣнь торжествующей улыбки пробѣжала по его строгому лицу.

— Что жъ Пашка-то? все ищешь?—спросилъ онъ.

Мужикъ поднялъ голову.

— То-то, братецъ! распустилъ ты бабу,—наставительно и

не безъ удовольствія сказалъ Зыковъ.—Постарше-то не захотѣлось, молоденькую взялъ, а власти настоящей въ тебѣ нѣтъ. Вотъ и показала тебѣ молоденькая! Собаки гдѣ?

— Собаки со сторожемъ... Здѣсь собаки,—глухо отвѣтилъ Трофимъ, стараясь твердо держаться на ногахъ.

— Такъ-то, братецъ!.. осрамился! Сторожу скажи, чтобы чаще ударялъ. Я не сплю, я слышу.

Зыковъ ушелъ въ домъ и замокъ подъѣзда звучно щелкнулъ два раза.

Трофимъ опять опустилъ голову и въ тоскливомъ раздумьѣ развелъ руками.

— Власти, говоритъ, настоящей нѣтъ...—размышлялъ онъ.—Господи! да какой же еще власти нужно? Ужъ я ее, паскуду, билъ, билъ... Пашка!—позвалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Ну, хошь, сама меня побей? А? Ну, ее... къ Богу, эту самую... власть! Бей меня сама! бей!

Трофимъ подался впередъ, выпячивая грудь и какъ бы подставляя ее кому-то. Но онъ былъ одинъ. Кругомъ было тихо, и только одинокая сова продолжала пронизывать воздухъ своимъ жуткимъ голосомъ.

Л. Авилова.

ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ.

Романъ Е. Грей Вильрайтъ.

(Продолженіе).

XI.

Рахель мало-по-малу познакомилась съ обществомъ того городка, гдѣ ей пришлось поселиться. Болѣе всего подружилась она съ миссисъ Мервинъ, въ то время какъ большинство профессоровъ съ ихъ женами представляли мало интереса для молодой женщины. Она робѣла въ ихъ присутствіи, терялась. Они считали ее деревенской простушкой. Мистриссъ Мервинъ была о ней, конечно, другого мнѣнія, и особенно ее поразилъ музыкальный талантъ Рахели.

— Какъ бы я желала, чтобы Рейтеръ занялся обработкой ея замѣчательнаго голоса, — сказала миссисъ Мервинъ мужу, послѣ одного вечера, который Рахель провела у нихъ;—у ней много врожденнаго вкуса, но нѣтъ школы. Боюсь только, что онъ не согласится ѣздить сюда изъ Лондона ради одной ученицы, тѣмъ болѣе, что онъ теперь почти совсѣмъ не даетъ уроковъ.

Рейтеръ былъ старый другъ миссисъ Мервинъ, честолюбивый и талантливый музыкантъ; онъ много поработалъ на своемъ вѣку и теперь доживалъ свой вѣкъ, лишь изрѣдка показываясь въ свѣтѣ.

— Кто знаетъ,—смѣясь, возразилъ ректоръ:—Рейтеръ большой энтузіастъ и способенъ увлечься талантомъ Рахели. Пригласи его пріѣхать погостить на нѣсколько дней, пускай онъ послушаетъ ея пѣніе.

Миссисъ Мервинъ охотно исполнила совѣтъ мужа, и черезъ нѣсколько дней герръ Рейтеръ уже былъ ихъ гостемъ.

Въ назначенный вечеръ въ гостиной ректора собралось маленькое, хорошо знакомое между собою общество. Антоній съ женой пришли послѣдними. Рахель, въ простомъ бѣломъ платьѣ, сознавая, что на нее обращено общее вниманіе, сначала чувствовала себя очень неловко, но мало-по-малу, подъ вліяніемъ милой привѣтливости хозяйки, первы ея успокоились. Рахель съ нескрываемымъ восхищеніемъ любовалась мистриссъ Мервинъ. Она не понимала, какимъ образомъ такая непринужденность, простота и изящество могли уживаться съ такимъ яснымъ и серьезнымъ умомъ. Ее учили, что ученость убиваетъ въ женщинѣ

все, что въ ней есть привлекательнаго, а между тѣмъ хозяйка дома, изящная и милая, и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко развитая, доказывала какъ разъ обратное.

Изъ гостей вниманіе ея больше всѣхъ привлекалъ нѣмецъ-музыкантъ. Съ косматой гривой сѣдыхъ волосъ, съ низкопадавшими усами и небольшими голубыми глазами, сверкавшими изъ подъ нависшихъ бровей, Рейтеръ дѣйствительно представлялъ собою замѣчательную фигуру. Рѣчь его на ломаномъ англійскомъ языкѣ лилась неудержимымъ потокомъ. Онъ былъ другомъ Листа, зналъ Мендельсона и Вагнера, но могъ безъ слезъ говорить о Бюловѣ и Рубинштейнѣ; онъ такъ много видѣлъ и слышалъ и такъ горячо передавалъ свои впечатлѣнія, что никто не уставалъ слушать его, кромѣ Антонія.

За обѣдомъ, естественно, разговоръ перешелъ на музыку. Кто-то изъ гостей сказалъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ простой «физіологическій результатъ возбужденія чувствъ» можетъ приносить пользу обществу, и цитировалъ Спенсера.

— Что мнѣ вашъ Спенсеръ!—горячо вскричалъ музыкантъ.—О! я не оспариваю его величія, но развѣ онъ выше безсмертнаго Гёте? А дивный, безсмертный Гёте сказалъ, что музыка—откровеніе, что она выше науки и философіи. Только геній можетъ говорить такимъ образомъ.

Послѣ обѣда мистриссъ Мервинъ сѣла за рояль и густымъ, мягкимъ контральто спѣла два-три романса, а затѣмъ попросила Рахель замѣнить ее. Испуганная женщина долго отговаривалась, но, наконецъ, уступила ея мягкой настойчивости.

Черезъ минуту Рахель уже забыла о слушателяхъ; она не замѣтила, что при первомъ же звукѣ ея голоса въ гостиной все стихло, не замѣтила, какъ въ дверяхъ появилась косматая голова, какъ потомъ Рейтеръ на цыпочкахъ подошелъ къ роялю и опомнилась только при его восторженномъ восклицаніи:

— Ахъ! Я зналъ, что у васъ душа артистки. Я говорилъ себѣ еще за обѣдомъ: «она молода и потому молчитъ, но она любитъ музыку».

— Не правда-ли, ей слѣдуетъ учиться?—спросила подошедшая мистриссъ Мервинъ.

— О, да, непремѣнно! У меня было нѣсколько сотъ ученицъ. Я давалъ имъ технику, но души не могъ имъ дать. Но эта молодая особа другое дѣло; она умѣетъ чувствовать! Чувство—великое дѣло.

Долго длилась бесѣда между учителемъ и его будущей ученицей. Рахель ушла домой очарованная и старалась передать свои впечатлѣнія Антонію.

— Я радъ, что вы пріятно провели вечеръ,—былъ его короткій отвѣтъ. Рахель со вздохомъ вспомнила разсужденія ученыхъ о музыкѣ.

XII.

На слѣдующій день, въ сумерки, профессоръ въ одиночествѣ курилъ трубку въ своемъ кабинетѣ.

У него вошло въ привычку проводить такимъ образомъ часъ, другой, по окончаніи занятій и въ ожиданіи прозаичнаго звонка къ обѣду.

Этотъ часъ тихихъ мечтаній въ области прошлаго былъ для профессора особенно дорогъ. Какое наслажденіе сидѣть и думать о Гегелѣ или углубиться въ критику Канта; положенія Спенсера были для него также увлекательны, какъ и разсужденія Фихте. Каждый по своему былъ правъ; онъ проникался ученіями каждаго изъ нихъ, не будучи въ состояніи разобраться въ лабиринтахъ мышленія великихъ философовъ; всякое осужденіе, всякій строгій выводъ былъ противенъ его природѣ. Онъ отличался необыкновенной терпимостью ко всѣмъ и къ каждому, но эта терпимость не проистекала изъ этической или альтруистической основы; профессоръ избѣгалъ общенія съ людьми, не желая доставить никому ни малѣйшей непріятности и боясь, въ свою очередь, нравственныхъ страданій, неизбѣжныхъ при столкновеніи съ людьми. Однако, въ послѣднее время ему приходилось подчиниться внѣдренію въ его жизнь лица, съ которымъ онъ имѣлъ неосторожность стать въ болѣе близкія отношенія. Лицо это была Рахель.

Уже болѣе двадцати лѣтъ профессоръ посвящалъ обѣденный часъ отдыху и размышленію, подводилъ итоги передуманному за день и выводилъ изъ этого практическія заключенія. Но, въ послѣднее время, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что лишается столь дорогого уединенія. На другой же день послѣ того, какъ необъяснимый импульсъ заставилъ его искать общества Рахели, въ сумерки въ его кабинетѣ робко появилась стройная фигурка въ бѣломъ, и онъ не имѣлъ духа сказать ей: уйди. Съ тѣхъ поръ его одиночество стало нарушаться каждый вечеръ, и профессоръ никакъ не могъ рѣшить, пріятно это ему или непріятно. Онъ старался убѣдить себя, что это ему непріятно. Однако, внутренній голосъ шепталъ ему, что это не совсѣмъ такъ. Вотъ и сегодня, только что онъ усѣлся въ креслѣ, какъ въ облакѣ ароматнаго дыма мелькнуло бѣлое платье.

— Я вамъ не мѣшаю?—сказалъ нѣжный голосъ.

— Нисколько,—любезно отвѣчалъ профессоръ, и Рахель опустилась на полъ подлѣ него.

Такъ случалось каждый вечеръ, и у него не хватало мужества дать ей рѣзкій отпоръ или откровенно сознаться, что одиночество ему болѣе по вкусу.

— Антоній,—проговорила молодая женщина:—хватитъ-ли у меня денегъ, чтобы брать уроки у Рейтера? Онъ такъ говорилъ сегодня, какъ будто готовъ былъ согласиться, а я не знала, что отвѣтить. Онъ навѣрное возьметъ не меньше гинеи за урокъ, и проѣздъ сюда и обратно. Какъ вы думаете, могу я позволить себѣ такой расходъ?

— Я думаю, что можете, если вамъ нравится; а если вы въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, я буду, вѣроятно, въ состояніи помочь вамъ. Я имѣю больше, чѣмъ достаточно по моимъ потребностямъ.—Про себя онъ подумалъ: «сколько разъ я объяснялъ ей ея средства, а она не въ состояніи сдѣлать простого вычитанія».

— Вы очень добры,—съ благодарностью воскликнула Рахель:—такъ пріятно будетъ учиться у него, но не думаете-ли вы, что глупо съ моей стороны тратить столько денегъ на прихоть?

— Дитя мое,—возразилъ профессоръ,—деньги ваши, и вы можете дѣлать съ ними, что хотите. Никто не имѣетъ нравственнаго права вмѣшиваться въ такія дѣла. Не ждите, чтобы я сталъ вашей совѣстью или вашимъ судьей. Боюсь, что воспитаніе привило вамъ ошибочные взгляды на жизнь.

— Я знаю, вы не любите давать совѣтовъ,—сказала она, слегка опечаленная: — но вы не должны сердиться на меня, когда я обращаюсь къ вамъ съ вопросами. Вѣдь у меня нѣтъ никого, кто принялъ бы во мнѣ участіе.

Профессоръ, молча, курилъ, раздумывая, не слѣдуетъ-ли ему объяснить ей свои взгляды относительно нравственной отвѣтственности каждой личности въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ; но онъ уже успѣлъ замѣтить, что его доводы часто пропадаютъ даромъ, и потому промолчалъ. Немного погодя, онъ вспомнилъ, что собирался поговорить съ нею о дѣлѣ, и, отложивъ трубку, проговорилъ:

— Кстати, я хотѣлъ обратиться къ вамъ съ просьбою. Сегодня утромъ Гризельда принесла мнѣ счетъ въ такую минуту, когда я былъ особенно занятъ работой. Я забылъ ей сказать, чтобы на будущее время она со всѣми подобными требованіями обращалась къ вамъ. Я увѣренъ, что вы съумѣете выбрать болѣе подходящее время для ихъ обсужденія.

— О, да,—нѣсколько неувѣренно согласилась Рахель: — значитъ, я должна передать Гризельдѣ то, что вы мнѣ сказали.

— Пожалуйста.—И Антоній снова взялся за трубку.

На слѣдующее утро онъ съ легкимъ сердцемъ приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; ему было пріятно думать, что отнынѣ его не будутъ отвлекать пустяками, и онъ пожнетъ, наконецъ, плоды своего благоразумія. До одиннадцати онъ читалъ, потомъ сталъ разбирать разныя бумаги и замѣтки. Онъ готовилъ матерьялы для сочиненія, которое должно было увѣнчать собою всѣ его предъидущія попытки, и мысль о томъ, что время, когда онъ можетъ приступить къ выполненію задуманнаго, уже близко, наполняла его душу восторгомъ. Это будетъ *magnus opus* его жизни — «Исторія философіи». Ему не было дѣла до того, что полки библіотекъ ломятся уже отъ подобныхъ сочиненій, его исторія не будетъ походить ни на какую другую; это будетъ оригинальный выводъ изъ всего, что онъ систематически изучилъ и обдумалъ.

Когда онъ мечталъ о своемъ предполагаемомъ трудѣ, глаза его загорались и блѣдное лицо оживлялось румянцемъ. День за днемъ и ночь за ночью онъ мысленно работалъ надъ своимъ сочиненіемъ, то представляя себѣ его отдѣльныя части и съ любовью останавливаясь на каждой подробности, то собирая ихъ въ одинъ фокусъ и связывая неразрывной цѣпью. Его исторія будетъ чужда пристрастій, не будетъ ни одной системы, о которой упоминалось бы вскользь или поверхностно. Это будетъ терпѣливый и тщательный синтезъ всей мудрости, накопленной вѣками.

Онъ отклонился на спинку кресла и предался своимъ мечтамъ, но потомъ спохватился и принялся за работу съ горячимъ воодушевленіемъ. Не успѣлъ онъ написать и нѣсколькихъ строкъ, какъ вниманіе его было отвлечено какими-то рѣзкими и необычными звуками; онъ положилъ перо и сталъ прислушиваться. Вдали хлопнули дверью, такъ что эхо прокатилась по дому, потомъ донеслись громкіе голоса, крики спорящихъ..

— Что бы это могло значить?—подумалъ онъ.

Наконецъ, дверь его библіотеки—его святилища—съ шумомъ распахнулась, и на порогѣ появилась гнѣвная, разъяренная экономка.

— Какъ, прожить сорокъ лѣтъ въ семействѣ, служить день и ночь и никогда не слыхать ни слова благодарности! И вдругъ вамъ говорятъ, что вашъ хозяинъ женился на дѣвчонкѣ только для того, чтобы избавиться отъ васъ! Не будете-ли вы такъ добры сказать мнѣ, м-ръ Грэмъ, правда-ли то, что я сейчасъ слышала?

— Вѣдь вы сказали это, вы сами сказали!—съ сверкающими глазами вскричала Рахель, подлетая къ Антонію.—Вы велѣли ей приносить мнѣ счета, потому что она надоѣдала вамъ, и вы не могли этого долѣе терпѣть? Такъ скажите же ей самой, а то она ни одному моему слову не вѣритъ. Она дерзкая грубіянка, старая вѣдьма, и ничего больше!

— И я должна стоять здѣсь и выслушивать это! Извольте сказать правду, сэръ; нечего вилять! Я могу перенести неблагодарность, переносить ее — удѣлъ женщины, а правда все равно, что крапива, она не жжетъ того, кто умѣетъ за нее взяться.

Взглядъ, брошенный ею на Рахель, могъ бы превратить дерзкую въ камень, но и сама Медуза не въ силахъ была бы укротить гнѣва, овладѣвшаго въ эту минуту молодой женщиной.

— Скажите же ей, что я не лгу,— воскликнула она повелительно и, въ свою очередь, вперила въ Антонія гнѣвный, суровый взглядъ.

Профессоръ, въ замѣшательствѣ, переводилъ глаза съ Гризельды на Рахель и обратно, не понимая, чего отъ него ждутъ и хотятъ. Миролюбивый по натурѣ, онъ старался придумать какой-нибудь компромиссъ. Ничего подобнаго ему не приходилось переживать за всю свою жизнь.

— Какія бы непріятности ни вышли у васъ,—началъ онъ кротко,—

я увѣренъ, что лучше вамъ уладить это дѣло между собою. Я, какъ видите, не знаю, что произошло, а слѣдовательно, и не могу быть судьей.

— Тутъ нечего судить,—рѣзко возразила Рахель,—и вы сами это знаете. Ваше дѣло повторить то, что вы мнѣ сказали, и поддержать меня, и если вы этого не сдѣлаете, это будетъ страшная низость съ вашей стороны!

Тогда профессоръ понялъ, что наступила критическая минута, и, вставъ съ кресла, принялъ очень грозный видъ.

— Я долженъ просить васъ прекратить эту въ высшей степени прискорбную сцену,—сказалъ онъ съ достоинствомъ:—она недостойна васъ и ничѣмъ не можетъ быть оправдана.

Гризельда тотчасъ же удалилась, бормоча себѣ подъ носъ что-то на счетъ глупости и безтолковости всего рода людского.

Рахель медлила, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ сдерживаемаго гнѣва.

— Вы поступили низко,—выговорила она, наконецъ, глухо, но выразительно:—и я въ жизнь свою не скажу больше ни слова съ этой ужасной старухой!

— Не будете-ли вы такъ добры уйти изъ этой комнаты? — проговорилъ профессоръ, повидимому, потерявъ всякое терпѣніе.

Рахель повернулась и убѣжала. Антоній опустился въ кресло и машинально провелъ рукою по лбу. Онъ долго не могъ опомниться, не могъ постигнуть, какимъ образомъ его благія соображенія потерпѣли такую неудачу. Онъ придвинулъ къ себѣ бумаги, сталъ читать, но не находилъ смысла въ прочитанномъ. Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ молча съ перомъ въ рукѣ, убѣждая себя, что разумный человѣкъ не долженъ допускать, чтобы такіе пустяки нарушали его душевное равновѣсіе, но фактъ оставался фактомъ; онъ не могъ сосредоточиться, не могъ ни писать, ни читать. Немного погодя, онъ всталъ и пошелъ къ Роберту Мервину.

XIII.

Страстный гнѣвъ и нервное возбужденіе Рахели скоро уступили мѣсто глубокому угнетенію. Она бросилась къ роялю искать утѣшенія въ звукахъ, но когда до слуха ея донесся стукъ захлопнувшейся за Антоніемъ двери, руки ея безсильно упали на колѣни. Онъ ушелъ—въ такое необычайное время! Это шло въ разрѣзъ со всѣми его привычками. Неужели *она* прогнала его? Преувеличивая свою вину, она говорила себѣ, что ея поведеніе должно было казаться ему непростительнымъ. Она сдѣлала именно то, что больше всего возбуждало его негодованіе; онъ вѣдь женился на ней ради того, чтобы имѣть покой, а она нарушила его своею необузданностью. А онъ былъ такъ добръ къ ней, такъ ласковъ въ послѣднее время! Она начинала находить странное, смутное удовольствіе въ этихъ бесѣдахъ по вечерамъ въ библіотекѣ, и въ ней пробуждалась надежда, что и ему пріятно

видѣть ее возлѣ себя, а теперь она навсегда оттолкнула его отъ себя, лишилась его симпатіи и заставила даже уйти изъ дому.

Но вѣдь она была вызвана на этотъ поступокъ, а ей такъ трудно побѣждать свой горячій, вспыльчивый характеръ! Дѣвушка печально глядѣла въ окно; вся природа была залита яркимъ солнцемъ, а ей жизнь казалась темной и холодъ одиночества леденилъ ей сердце.

Однако, надо же что-нибудь сдѣлать, и поскорѣе. Надо искупить свою вину. Она пойдетъ къ Гризельдѣ. Не то, чтобы сердце ея смягчилось; нѣтъ, неподатливая старуха была ей по-прежнему противна и колючимъ тёрномъ загораживала ей дорогу; но искреннее раскаяніе побуждало ее дѣйствовать, не откладывая, и поправить то, что было можно.

Гризельда сидѣла у себя въ комнатѣ и чистила серебряный подносъ, отъ времени до времени заглядывая въ библію, раскрытую на книгѣ псалмовъ. У нея была привычка въ минуты сильнаго неудовольствія отводить душу на самыхъ воинственныхъ мѣстахъ этой книги. То же дѣлала она и теперь.

Рахель быстро подошла къ ней и сказала отрывисто:

— Пожалуйста, выслушайте меня, Гризельда. Я жалѣю о томъ, что сказала вамъ часъ тому назадъ.

Экономка поправила очки и вперила острый взглядъ въ блѣдное личико молодой женщины.

— Ага,—сказала она пророческимъ тономъ:—многіе горько жалѣютъ о томъ, когда бѣда уже совершилась.

У Рахели ёкнуло сердце.

— Это моя вина,—сказала она дрожащимъ голосомъ:—я наговорила того, чего не слѣдовало. Это часто со мной случается.

Гризельда перевела взглядъ на библію и прочла вслухъ:

«И око мое смотритъ на враговъ моихъ, и уши мои слышатъ о возстающихъ на меня злодѣяхъ».

Повидимому, эти слова успокоили ея сердце. Она подняла голову, и суровыя черты ея немного смягчились.

— Понятно, молодость да вспыльчивость не ведутъ къ добру. Въ ваши годы люди не знаютъ, что такое благоразуміе и здравый смыслъ: дѣтство и юность суетны.

Эти слова не звучали поощреніемъ, но Рахель была настроена слишкомъ серьезно, чтобы обидѣться.

— Я попытаюсь,—сказала она просто,—попытаюсь обуздать себя, Гризельда, но вначалѣ это такъ трудно. Можетъ быть, если вы захотите помочь мнѣ немножко, мнѣ будетъ легче. Мнѣ очень жаль, что я назвала васъ «старой вѣдьмой»; это было грубой неосторожностью.

Гризельда почувствовала, что теперь ея очередь быть великодушной.

— Не скажу, чтобы вамъ не было трудно,—проговорила она уже болѣе миролюбивымъ тономъ:—скучно имѣть такого мужа, съ кото-

рымъ и поговорить-то нельзя. Онъ день-денской читаетъ у себя въ кабинетѣ, а вы себѣ утѣшаетесь пѣсенками. Не скажу, чтобы это было весело, но вѣдь вы знали раньше выходя замужъ о томъ, что вамъ предстоитъ, такъ и надо мириться съ неизбѣжнымъ. Вспыльчивость до добра не доводитъ.

— Но вѣдь и вы разсердились, Гризельда?

— Это дѣло другое. Мнѣ нужно было соблюсти свое достоинство и показать барину, что я никому не позволю сѣсть себѣ на шею послѣ столькихъ лѣтъ службы! Я свое мѣсто знаю, пусть бы только другіе знали свое—вотъ и было бы ладно. Можетъ быть, сегодняшній урокъ и пойдетъ вамъ въ прокъ; если такъ, я зла не помню.

Собственное великодушіе такъ умилило ее, что она почти дружески взглянула на Рахель. Молодая женщина слабо улыбнулась и направилась къ двери, но на порогѣ еще разъ остановилась.

— Значитъ, на будущее время мы будемъ сначала все обсуждать между собою, а потомъ уже обращаться къ нему, т.-е. къ профессору. Дѣло въ томъ, что я дѣйствительно обѣщала ему избавить его отъ всякихъ хлопотъ и заботъ по хозяйству, и мнѣ хотѣлось бы дѣлать ему только пріятное.

— Ладно, посмотримъ, тамъ видно будетъ. Если у васъ есть голова на плечахъ, можетъ быть, въ концѣ-концовъ мы и поймемъ другъ друга.

Съ этого дня Гризельда начала относиться снисходительнѣе къ женѣ профессора, и въ тонѣ ея голоса уже не было слышно враждебности. Она поддержала свои права и смирила гордость противницы; выказанное великодушіе смягчило ея сердце и возвысило ее въ собственныхъ глазахъ.

XIV.

Въ сумерки профессоръ сидѣлъ, по обыкновенію, въ своемъ кабинетѣ и курилъ, думая о своемъ разговорѣ съ Мервиномъ. Онъ считалъ себя правымъ, хотѣлъ устроить себѣ мирную и спокойную жизнь; ради этого онъ женился; онъ ждалъ, что все пойдетъ гладко, и вотъ въ его жизнь врывается что-то непредвидѣнное, не внимающее голосу разума, тревожное. Онъ искалъ у друга сочувствія, но тотъ всецѣло взялъ сторону Рахели; онъ обвинялъ Антонія въ эгоизмѣ и доказывалъ ему, что, допустивъ въ свою жизнь новый и могущественный факторъ, онъ обязанъ расширить рамки этой жизни. Въ комнатѣ было такъ темно, и профессоръ съ такимъ вниманіемъ слѣдилъ за расплывавшимися кольцами табачнаго дыма, что и не замѣтилъ, какъ къ нему быстро и безшумно приблизилась стройная фигура, и очнулся только тогда, когда подошедшая дотронулась до его рукава.

Онъ осмотрѣлся. Рахель стояла возлѣ него на колѣняхъ; въ ея большихъ темныхъ глазахъ онъ читалъ сомнѣніе и печаль.

— Пожалуйста,—сказала она, и голосъ ея звучалъ глухо, какъ будто онъ доносился откуда-то издалека,—пожалуйста, простите меня, Антоній, только на этотъ разъ!

Онъ молчалъ. Досада его не совсѣмъ еще улеглась, и ему хотѣлось дать ей понять всю тяжесть ея проступка.

— Мнѣ такъ жаль, такъ жаль!..

— Такъ и должно быть,—отозвался онъ холодно:—согласитесь, что я имѣлъ право ждать отъ васъ большей сдержанности. Я не могу представить себѣ ничего болѣе легкомысленнаго и неразумнаго, чѣмъ ваше поведеніе сегодня утромъ.

— Я знаю,—сказала она уныло:—это было очень, очень дурно съ моей стороны. Но, если вы простите меня на этотъ разъ, я постараюсь... право же я никогда больше не буду...

— Вы хотите сказать, конечно, что вы избавите меня отъ повторенія подобныхъ сценъ. Я радъ это слышать. Пылкій нравъ является въ высшей степени неудобнымъ элементомъ какъ въ общественной, такъ и въ семейной жизни.

— Да,—подтвердила Рахель, и въ голосѣ ея послышалось странное утомленіе.—Я тоже такъ думаю. Я попытаюсь лучше владѣть собой.

— И хорошо сдѣлаете,—сказалъ Антоній, нѣсколько смягченный ея искренностью. Профессоръ считалъ, что дѣло покончено, но не такъ отнеслась къ этому Рахель. Въ эту ночь она долго стояла у окна своей комнаты, глядя на темныя тучи, бѣжавшія по небу, на блѣдный мѣсяцъ, который то выглядывалъ изъ-за тучъ, то снова скрывался. Сердце ея ныло, ее томили смутныя предчувствія. Никто здѣсь не понимаетъ ея, печально говорила она себѣ, и никогда не пойметъ. Она вся—одинъ порывъ и чувство. Какая разница между нею и спокойнымъ, безстрастнымъ Антоніемъ! Нѣтъ, никогда онъ не снизойдетъ до нея, никогда ей не заслужить его любви. Она повторяла себѣ это съ болью, съ горькимъ разочарованіемъ. Въ ней проснулись былая тревога, неугомонное желаніе, смутная, но страстная жажда чего-то иного, *чего-то*, что внесло бы гармонію въ ея жизнь и привело бы ее на путь любви и свободы. Ея мученія были мученіями души артиста, бившейся въ узкихъ рамкахъ окружившихъ ее обстоятельствъ; она стремилась сбросить съ себя путы, не понимая, что истинная свобода заключается въ личной независимости, въ гордомъ сознаніи своего права на свободу личности, которое дается только послѣ упорной борьбы и то не всѣмъ, а рѣдкимъ избранникамъ судьбы.

Прикосновеніе любящей руки смягчило бы ея муки, но молодая женщина была одинока и должна была опираться лишь на собственное мужество и на тотъ опытъ, который дала ей жизнь. Она сама выбрала

свой удѣлъ и рѣшила сдѣлать все возможное, чтобы скрасить хоть нѣсколько свое существованіе.

Можетъ быть, вся причина ея неудачъ въ томъ, что она недостаточно образована. Въ душѣ ея проснулась нѣкоторая надежда. Если философія даетъ человѣку независимость и дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ обстоятельствамъ жизни, отчего бы ей не попытаться вкусить этой плодотворной умственной пищи.

Изученіе философіи—молодая женщина, конечно, не имѣла яснаго представленія о томъ, что это такое—поможетъ ей стать на должную высоту мыслей и чувствъ. Ей предстоятъ трудности, въ этомъ она не сомнѣвалась, но если послѣдствія искупятъ приложенныя усилія—отчего не попытаться? Обдумавъ свой планъ, она рѣшила привести его въ исполненіе; что ею руководила не только одна любознательность, въ этомъ она себя не обманывала — ею руководила надежда, что развитіе ума повлечетъ за собой и болѣе широкое развитіе симпатіи между ней и профессоромъ, что явится новая связь, которая соединитъ ихъ жизни и освѣтитъ ея собственный пустынный и каменистый путь. Она отошла отъ окна съ чувствомъ облегченія; мечты унесли ее въ область тихихъ грезъ.

На другой день, послѣ обѣда, ее ждала неожиданность, которая застала ее совершенно врасплохъ. Рахель сидѣла у себя за роялемъ и пѣла, какъ вдругъ въ комнатѣ появилось видѣніе въ блѣдноголубомъ платьѣ, съ каштановыми волосами, розовыми щечками, и смѣющимися глазами; оно направилось къ ней, протягивая ей руки.

— Вы мистриссъ Грэмъ? Я увѣрена была, что застану васъ дома; вашъ голосъ слышно на улицѣ. Какъ пріятно имѣть такой голосъ. Я—Эффи Макъ-Юнъ; я рѣшила, что незачѣмъ больше откладывать свой визитъ къ вамъ, и вотъ пришла.

Гостья сѣла. Она была такая молодая, хорошенькая и веселая, что удивленіе Рахели скоро перешло въ искреннее радушіе.

— Вы очень добры, что пришли,—сказала она просто:—но отъ кого вы слышали обо мнѣ?

— Отъ кого? Да вѣдь всѣ только и говорятъ, что о васъ. Дѣвушка разсмѣялась.—Намъ всѣмъ такъ хотѣлось посмотрѣть, какъ вы выглядите. Мама сама бы пришла, да она вѣдь больна, не выходитъ, а отецъ...—Гостья запнулась, потомъ продолжала съ подкупающей искренностью:—отецъ не въ ладахъ съ профессоромъ Грэмомъ. Онъ, конечно, считаетъ его ужасно умнымъ и все такое, но только они не совсѣмъ сходятся во взглядахъ; ужъ эти «взгляды» всему помѣха! Вотъ я и пришла одна.

— Кто вашъ отецъ? — спросила Рахель. — Боюсь, что вы сочтете меня очень глупой, но я почти никого здѣсь не знаю, даже по имени.

— Онъ надзиратель въ коллегіи св. Андрея. Вы знаете эту коллегію?

— О, да, я всѣхъ ихъ знаю; и всѣ мнѣ нравятся.

— Неужели? Какъ смѣшно! Это, должно быть, потому, что вы новичекъ. Нѣтъ, теперь здѣсь ужасно скучно; но потомъ станетъ веселѣе. Вы играете въ теннисъ?

Рахель покачала головой.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ мы васъ научимъ.

Онѣ разговорились объ урокахъ пѣнія, о мѣстныхъ развлеченіяхъ, о Мервинахъ.

Посѣтительница рѣшила про себя, что мистриссъ Грэмъ очень застѣнчива и какъ будто слишкомъ торжественна, но вовсе не такая страшная, какъ она себѣ ее воображала.

Вдругъ Эффи спросила: «Что вы здѣсь дѣлаете однѣ по цѣлымъ днямъ? Должно быть, все читаете разныя ученыя книги, памфлеты и тому подобную сухую матерію?

— Я совсѣмъ не понимаю «сухой матеріи»,—грустно возразила Рахель:—я умѣю только играть и пѣть. Но я постараюсь образовать себя—ради Антонія.

Голубые глазки гостьи все время слѣдили за хозяйкой, но теперь Эффи Макъ-Юнъ посмотрѣла на блѣдное лицо и опущенные глаза Рахели съ непритворнымъ удивленіемъ. Что могло побудить эту женщину выйти замужъ за такое ужасное, старое ископаемое? Съ наивнымъ критицизмомъ своихъ двадцати лѣтъ Эффи видѣла въ профессорѣ, какъ Шеллингъ въ Гегелѣ, «квинтъ-эссенцію прозы». И вотъ, молодая женщина, однихъ съ нею лѣтъ, говоритъ, что она намѣрена образовать себя «ради Антонія»!

Отъ удивленія даже обычная болтливость Эффи измѣнила ей. Пользуясь паузой, Рахель, въ свою очередь, разсматривала гостью. Мечтательные глаза ея съ удовольствіемъ скользили по изящной фигуркѣ и миловидному личику Эффи. Эта веселая дѣвушка, вся въ локонахъ и кружевахъ, съ ясными глазками, съ такимъ смѣшнымъ апломбомъ, казалась ей противоядіемъ противъ ея собственныхъ тревогъ и сомнѣній. Въ ея веселости было что-то заразительное.

Когда дѣвушка стала прощаться, Рахель попросила ее напиться съ ней чаю.

Дѣвушка видимо колебалась.

— А... а профессоръ Грэмъ дома?

— Да,—засмѣялась Рахель,—но онъ никогда не пьетъ чай вмѣстѣ со мной. Мы будемъ однѣ.

Эффи слегка покраснѣла.

— Надѣюсь, вы не сочтете меня очень грубой,—сказала она, какъ бы извиняясь:—видите-ли, я совсѣмъ не знаю, о чемъ съ нимъ говорить, а это такъ неловко. Не понимаю, какъ вы съ этимъ справляетесь?

— Я? Я никогда объ этомъ не думала. Онъ очень добръ ко мнѣ

и никогда не сердится за то, что я такъ мало знаю и постоянно надоѣдаю ему вопросами. Онъ всегда добръ и ласковъ.

Что-то во взглядѣ большихъ черныхъ глазъ и въ тонѣ говорящей—не то достоинство, не то инстинктивное желаніе защитить себя—заставило ея собесѣдницу замолчать и перемѣнить разговоръ. Съ этого момента Рахель стала являться для нея еще большей загадкой.

— А, можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ влюблена въ эту старую, сухую палку, — говорила она потомъ любопытной пріятельницѣ. Но такое предположеніе показалось имъ обѣимъ слишкомъ неправдоподобнымъ.

Послѣ ухода гостьи, Рахель вернулась къ фортепіано, но музыка не въ состояніи была успокоить нервную тревогу. Она съ нетерпѣніемъ ожидала сумерекъ, чтобы пойти къ Антонію. Ей страстно хотѣлось испробовать скорѣе того лѣкарства, которое должно было явиться спасеніемъ отъ всѣхъ золъ.

XV.

— Что это значитъ, дитя?—Профессоръ на минуту отложилъ въ сторону свою трубку, чтобы пристальнѣе вглядѣться въ серьезные, сіяющіе глаза, искавшіе его взгляда, какъ ему показалось, съ необычайной тревогой и страстью:—чѣмъ вы такъ озабочены?

— Я думала, Антоній...—голосъ дѣвушки звучалъ какъ-то странно, неувѣренно:—я придумала одинъ планъ... мнѣ кажется, что это было бы хорошо и для меня, и для васъ. Васъ не обезпокоитъ, если я сейчасъ разскажу вамъ о немъ?

— Ничуть,—ласково отозвался профессоръ.—Пожалуйста, продолжайте.

Но Рахель не находила словъ. Всего часъ тому назадъ она такъ хорошо представляла себѣ весь разговоръ, — и вотъ, какъ всегда, оказывалось, что придуманныя фразы были непримѣнимы къ дѣйствительности. Рука ея, лежавшая на спинкѣ стула Антонія, замѣтно дрожала, она едва владѣла собой, такъ сильно захватило ее невысказанное желаніе. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительнаго колебанія она, не заботясь больше о формѣ, высказала общій выводъ своихъ мыслей:

— Я хочу изучать философію.

Профессоръ, который опять было началъ курить, отложилъ трубку и устремилъ на нее взглядъ, полный крайняго удивленія. Что это еще за новая фаза причудъ? Что бы это могло значить? Онъ подозрительно всматривался въ выразительное лицо своей жены; оно было блѣдно, серьезно, полно ожиданія.

— Я хочу научиться чему-нибудь такому,—продолжала она торопливо,—что помогло бы мнѣ укротить свою вспыльчивость, стать такой, какой вы хотѣли бы меня видѣть. Я думала, что, можетъ быть... вы скажете мнѣ, чему нужно учиться и научите меня, какъ нужно

учиться. Я когда-нибудь могла бы стать вашимъ товарищемъ въ большей степени, чѣмъ теперь.

Снова наступило молчаніе. Онъ не замѣтилъ выразительнаго взгляда, сопровождавшаго ея послѣднюю фразу; вниманіе его было поглощено не столько личностью говорящей, сколько оборотомъ ея рѣчи. А она съ замираніемъ сердца ждала его отвѣта.

— Такъ-ли я понялъ? Вы дѣйствительно хотите изучать *нравственную* философію въ видахъ самосовершенствованія?

— Да,—отвѣчала она едва слышно.

— Ну, что же,—сказалъ профессоръ, всматриваясь въ нее съ возростающимъ интересомъ,—я нахожу, что это прекрасная мысль.

Темные глаза блеснули радостью.

— Вы хотѣли бы, чтобы я научилась чему-нибудь, правда? Вѣдь теперь я *ничего* не знаю.

— Совершенно вѣрно,—задумчиво подтвердилъ профессоръ,—хотя наградой вашей будетъ не столько пріобрѣтенное знаніе само по себѣ, сколько результатъ умственной дисциплины и выдержки, необходимыхъ при подобномъ изученіи. Развитіе критической способности, безпристрастное, непредубѣжденное сужденіе—вотъ наиболѣе цѣнныя свойства ученаго.

— Но... вѣдь научились же вы чему-нибудь, прочитавъ всѣ эти книжки?—робко возразила Рахель.—Вы такъ давно изучаете философію. Навѣрное, вы пришли къ извѣстнымъ выводамъ относительно такихъ вещей, о которыхъ немного знали раньше?

— Напротивъ, я не пришелъ ни къ какому выводу и не нахожу, чтобъ выводы были возможны для человѣческаго ограниченнаго ума,

— Господи!—вскричала она съ отчаяніемъ:—надѣюсь, что я когда-нибудь пойму это, но мнѣ кажется такъ странно изучать то, что говорили разные мудрецы, когда, въ сущности, никто изъ нихъ ничего не зналъ. Но если вы покажете мнѣ, съ чего начать, навѣрное я скоро иначе буду смотрѣть на вещи. Вѣдь вы скажете мнѣ, поможете мнѣ?

— Да,—отвѣтилъ онъ,—когда вамъ будетъ угодно.

— Значитъ, я могу придти въ библіотеку завтра утромъ? — осмѣлилась спросить она:—я буду сидѣть тихо-тихо.

Она чувствовала, что Рубиконъ перейденъ, и она вступаетъ въ какую-то невѣдомую, таинственную область.

Профессоръ колебался. Не значитъ-ли это посягать на его независимость, вторгаться въ его святилище? Нѣсколько минутъ онъ, молча, курилъ и, наконецъ, нашелъ желаемый исходъ.

— Хорошо, вы можете придти *завтра* утромъ и читать у меня, если хотите, разумѣется, съ условіемъ, что вы будете уважать ту тишину, которая мнѣ необходима для занятій. Тѣмъ временемъ я подумаю, съ какихъ книгъ вамъ лучше начать свою работу.

— Благодарю васъ, очень,—смиренно произнесла Рахель.

— Я долженъ сказать,—подумавъ, замѣтилъ Антоній, —что такое желаніе дѣлаетъ вамъ честь. Немногія женщины обладаютъ энергіей настолько, чтобы избрать какую-нибудь отрасль науки и заняться ея изученіемъ ради нея самой. Повторяю, высказанное вами желаніе весьма похвально.

У Рахели дрогнуло сердце; глаза ея опустились.

— Не думаю, чтобы я была лучше другихъ женщинъ, — сказала она, запинаясь:—пожалуйста, и вы не думайте этого.

Профессоръ вспомнилъ, что его опытность относительно женщинъ была весьма ограниченна для правильныхъ сравненій и выводовъ, и, чтобы не уронить своего авторитета, счелъ за лучшее прекратить разговоръ.

— Вы не должны уничижать себя, — сказалъ онъ съ улыбкой: — повторяю, ваша просьба удивила и порадовала меня, и я сдѣлаю все, что могу, чтобы помочь вамъ.

Въ этотъ вечеръ голосъ Рахели звучалъ радостью и надеждой; профессоръ же долго не могъ приняться за свои бумаги и сидѣлъ погруженный въ глубокую думу.

Жена видимо становилась очень дѣятельнымъ факторомъ въ его жизни, до сихъ поръ исключительно посвященной наукѣ. Сначала она незамѣтно проводила съ нимъ часы отдыха и размышленія; теперь хотѣла вторгнуться въ его святилище, въ его рабочіе часы, и онъ не имѣлъ духа отказать ей въ этомъ. Онъ восторгался совершенно искренне собственнымъ поведеніемъ; ему казалось, что онъ необычайно милостивъ и снисходителенъ, но въ то-же время совѣсть шептала ему, что это вторженіе, повидимому, столь непріятное и несносное, въ сущности заключало въ себѣ нѣчто похожее на удовольствіе. Это открытіе было такъ поразительно, что онъ едва рѣшался думать о немъ, но фактъ оставался фактомъ, и дѣвушка съ мечтательными глазами, впечатлительнымъ характеромъ и почти необразованная, начинала оказывать на его жизнь совершенно непредвидѣнное вліяніе.

— Неужели всѣ эти книги для меня, Антоній? — говорила Рахель, стоя у маленькаго письменнаго столика въ уголкѣ библіотеки и не смѣя прикоснуться къ фоліантамъ, которые были приготовлены заботливой рукой профессора.

Наканунѣ онъ самъ приготовилъ ей столикъ, книги и удобное кресло и теперь радовался, что все это имѣло такой внушительный видъ.

— Я составилъ вамъ подборъ книгъ, — отвѣчалъ онъ любезно: — пересмотрите ихъ; вы увидите, что большинство изъ нихъ трактуетъ лишь объ извѣстномъ періодѣ философіи. Я лично совѣтовалъ бы вамъ приняться прежде всего за тщательное ознакомленіе съ философскими системами древнихъ грековъ. Говорю это потому, что онѣ навѣрное покажутся вамъ и самыми интересными, и самыми легкими; а затѣмъ,

мы можемъ обратиться къ менѣе цѣннымъ плодамъ трудовъ религіозныхъ философовъ Востока.

«*Мы*!»—это мѣстоименіе, до сихъ поръ не входившее въ ихъ разговоръ, прозвучало такъ пріятно, что Рахель забыла свои страхи. Она открыла наудачу первую попавшуюся книгу, и глаза ея жадно забѣгали по страницамъ.—Вотъ это?—выговорила она неувѣреннымъ тономъ:—«Іонійскіе философы». Не начать-ли намъ съ этого?

Профессоръ съ довольной улыбкой положилъ руку на открытую страницу.

— Вы не могли сдѣлать болѣе удачнаго выбора,—сказалъ онъ сердечно:—это прекрасный переводъ весьма талантливаго нѣмецкаго сочиненія. Да, вамъ слѣдуетъ начать именно съ іонійской школы, съ Фалеса. Онъ даетъ намъ элементарное, но вѣрное опредѣленіе, предугадывая, что наша вселенная въ доисторическія времена была покрыта водою. Его мысль уже освободилась отъ непосредственныхъ воспріятій чувствъ.

Рахель глядѣла на него въ нѣмомъ изумленіи. «Водою» и «вселенная»... Что бы это могло значить?

— Чтеніе это будетъ въ то же время и занимательнымъ, и поучительнымъ,—продолжалъ профессоръ, слѣдуя теченію собственныхъ мыслей съ увлеченіемъ энтузіаста:—по этой книгѣ вы можете прослѣдить весь постепенно расширяющійся ходъ мышленія въ первой стадіи его развитія—отъ Гераклита до Анаксагора, затѣмъ дальше, до Платона и Аристотеля. Первые философы, безъ сомнѣнія, не задержатъ васъ долго; помимо основъ ихъ ученія, мы знаемъ о нихъ весьма немного; но въ каждомъ изъ нихъ мы видимъ постепенное развитіе ума, строящаго свое собственное зданіе на скудномъ фундаментѣ прошлаго. Платонъ съ своими попытками точныхъ опредѣленій—уже шагъ впередъ, и еще дальше идетъ Аристотель; изъ всѣхъ древнихъ онъ наиболѣе достоинъ изученія и почтенія. Съ каждымъ шагомъ впередъ интересъ будетъ расти, и даже позже, перейдя къ разсмотрѣнію Канта, Локка или Гегеля, вы не будете жалѣть, что изучили первыя несовершенныя системы мысли. Въ этомъ и заключается прелесть нравственной философіи; въ ней нѣтъ отжившихъ ученій; все, когда-либо существовавшее, имѣетъ свое значеніе; начало предвѣщаетъ послѣдующее, а конецъ бросаетъ свѣтъ на начало.

Рахель смотрѣла на него съ благоговѣніемъ. Она любила слушать его въ такія минуты. Его голосъ, интонація были такъ чисты и правильны; его манера говорить имѣла въ себѣ что-то особенное, обаятельное. Насколько пріятнѣе было бы слушать его безъ конца, подбирая крохи знанія, чѣмъ работать одной и тщетно гоняться за «блуждающими огнями» эллинической и восточной философіи!

Она снова посмотрѣла въ книгу. Фалесъ казался ей ужасенъ, а Платонъ недосягаемъ. Но, разъ взявшись за дѣло, нужно было продолжать.

— Благодарю васъ,—сказала она, стараясь придать своему голосу беззаботное выраженіе:—я не смѣю дольше отнимать у васъ время. Попытаюсь справиться одна.

Антоній, улыбаясь, вернулся на свое мѣсто.

— Жаль, что вы не читаете по-нѣмецки и не изучали греческаго языка,—замѣтилъ онъ, уже принимаясь за работу:—въ оригиналѣ читать гораздо пріятнѣе!

Рахель со вздохомъ раскрыла книгу на первой страницѣ, медленно прочла нѣсколько фразъ, подождала немного, потомъ перечла ихъ снова. Нѣтъ, тутъ очевидно что-то было не такъ; можетъ быть, переводъ нехорошъ, или ея собственная мысль не могла усвоить смысла прочтеннаго. Она рѣшилась читать дальше. Въ комнатѣ царило гнетущее безмолвіе, прерываемое лишь случайнымъ шорохомъ бумаги или скрипомъ пера. Рахель робко покосилась на мужа; онъ былъ спокоенъ и видимо всецѣло поглощенъ своей работой. Неужели и *онъ* тоже начиналъ съ Фалеса? подумала она и тутъ же припомнила его слова о томъ, что іонійскіе философы не долго задержатъ ее.

Можетъ быть, эти старые іонійцы именно тѣмъ и отличаются, что ихъ легче понять при бѣгломъ просмотрѣ! Окрыленная новой надеждой, Рахель принялась лихорадочно читать, съ поразительной быстротой переворачивая страницы. Скоро Фалесъ и его система куда-то сгинули; передъ нею сидѣлъ другой человѣкъ, очевидно, уже на болѣе твердой почвѣ. О водѣ не было больше рѣчи, но изъ-за чиселъ Пиѳагора на нее глядѣлъ еще болѣе страшный призракъ. Страницы такъ и мелькали. «Господство числа», «универсальность музыкальнаго закона»... Страшная, непостижимая мистика! Антоній никогда не упоминалъ имени этого философа; должно быть, онъ не изъ важныхъ. На ея взглядъ, онъ положительно никуда не годился; она съ ужасомъ замѣтила, что его система построена на «антитезахъ», а она не имѣла понятія о томъ, что такое антитезы.

Она съ отчаяніемъ читала дальше, пока передъ ней не встали страшнымъ призракомъ «Гераклитовы дифференціалы».

Какъ разъ въ эту минуту профессоръ всталъ и прошелъ къ одной изъ полокъ, мимоходомъ искоса поглядѣвъ на Рахель.

Молодая женщина набралась храбрости и подняла глаза.

— Антоній, что такое дифференціалъ?

Профессоръ, молча, посмотрѣлъ на нее.

— Пожалуй,—задумчиво сказалъ онъ наконецъ,—вамъ не мѣшаетъ положить возлѣ себя словарь, такъ какъ вы можете встрѣтить научныя опредѣленія и слова, которыя вамъ незнакомы.

Она съ благодарностью взяла изъ рукъ его томикъ, который онъ ей милостиво передалъ, и продолжала читать еще усерднѣе. Снова наступило молчаніе. Молодая женщина облокотилась локтями на столъ и сдвинула брови, напрягая всѣ свои умственныя силы. Но вокругъ нея

сгущался туманъ, и ей казалось, что она лишается чувствъ. Она ясно видитъ печатныя строки, но смыслъ ихъ ускользаетъ отъ нея. Она вовсе не находитъ въ нихъ смысла, хотя впивается глазами въ страницы и перечитываетъ каждую по нѣсколько разъ. Рахель мучительно чувствуетъ, что въ этихъ строкахъ много правды и красоты, надо только умѣть понять ихъ; но пониманіе это ей какъ разъ не подъ силу, и она совсѣмъ упала духомъ. Принципъ дезинтеграціи оживаетъ въ ея воображеніи и наполняетъ собою всю комнату, все кружится передъ ея глазами: столы, стулья, шкафъ и книги вотъ-вотъ сейчасъ упадутъ съ полокъ. Нѣтъ, она не въ состояніи выносить этого дольше! Еще минута, и всѣ сочиненія іонійскихъ философовъ летятъ на полъ, а Рахель устремляется къ дверямъ и исчезаетъ изъ библіотеки.

XVI.

Рейтеръ сидѣлъ за завтракомъ вмѣстѣ съ ректоромъ Ст. Бида и его женой. Послѣ каждаго урока, который онъ давалъ Рахели, онъ заходилъ къ своимъ друзьямъ и проводилъ съ ними нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ; обѣ стороны были этимъ чрезвычайно довольны. Восторженный и немного эксцентричный нѣмецъ, ненавидѣвшій всѣ условности и ограниченія общественной жизни, чувствовалъ себя прекрасно въ домѣ ректора, гдѣ царствовали полная свобода мысли и простота обращенія. Въ этотъ разъ онъ былъ особенно краснорѣчивъ, и разговоръ, весьма естественно, вскорѣ коснулся Рахели.

— Ахъ! это ангельскій голосъ!—воскликнулъ съ восторгомъ Рейтеръ,—или, лучше сказать, будетъ ангельскій. Пока она еще поетъ, какъ дикая птичка, которая не научилась управлять своимъ голосомъ, но со временемъ изъ нея выйдетъ прекрасная пѣвица. Ахъ, что бы я сдѣлалъ изъ этой дѣвушки, еслибъ она училась у меня съ самаго начала! Не будь у нея такого голоса, ни за что бы я не сталъ пріѣзжать сюда.

— За то теперь мы отъ времени до времени имѣемъ удовольствіе пользоваться вашимъ обществомъ,—засмѣялась мистриссъ Мервинъ:—значитъ, вы дѣлаете два добрыхъ дѣла разомъ. Со временемъ, когда Рахель поработаетъ хорошенько надъ своимъ голосомъ, вы должны будете дать концертъ въ Лондонѣ и показать ее публикѣ.

— So! это само собой. Вмѣсто того, чтобы идти замужъ за этого человѣка, ей бы слѣдовало поступить въ вѣнскую консерваторію:—изъ нея вышла бы артистка. Ахъ! что это за человѣкъ! — Рейтеръ свирѣпымъ жестомъ откинулъ назадъ волосы и развелъ руками, съ видомъ ужаса и огорченія. — Сегодня утромъ, выходя, я встрѣтилъ его въ передней, схватилъ его за руку и говорю: «сэръ, я сдѣлаю все, что могу для молодой особы, для вашей супруги; она будетъ пѣть, какъ соловей, она заткнетъ за поясъ всѣхъ лондонскихъ пѣвицъ»,

а онъ смотритъ на меня такимъ холоднымъ взглядомъ, что у меня кровь замерзаетъ въ жилахъ, и рука его холодна, какъ лягушка; онъ мнѣ отвѣтилъ: «я увѣренъ, что это будетъ самой пріятной наградой за ваши труды». Mein Gott! что это за человѣкъ!

— Ага! вамъ въ диковинку такое спокойное и критическое отношеніе,—добродушно смѣясь, сказалъ ректоръ:—не забудьте, что вашъ энтузіазмъ такъ же непонятенъ ему, какъ вамъ непонятна его апатія; сами боги не могли бы расшевелить его замороженную душу. Дѣло въ томъ, что вы, нѣмцы, монополизировали музыкальный геній; поэтому и не должны сердиться на нашу глупость.

— Это истинная правда,—сказалъ Рейтеръ.—Въ глуши нашихъ лѣсовъ скрыто больше музыкальности, чѣмъ во всей вашей странѣ. Итальянцы богато одарены; они способный народъ, и у нихъ замѣчательные пѣвцы, но за то нѣтъ настоящихъ композиторовъ, безсмертныхъ геніевъ, такихъ, какъ Бетховенъ и Вагнеръ. Ахъ! что это за геній! Въ мувыкѣ онъ то же, что вашъ Шекспиръ въ поэзіи! А у вашего профессора совсѣмъ нѣтъ души! Это статуя изъ глины, не оживленная священнымъ огнемъ Прометея.

— Бѣдный Антоній! Вашъ приговоръ очень суровъ.

— Твой другъ старается быть *только* философомъ,—съ ласковымъ сарказмомъ вставила свое слово мистриссъ Мервинъ:—и вотъ результаты. Я не могу сказать, конечно, что одна только наука убила въ немъ интересъ ко всему остальному; напротивъ, слѣдовало бы ожидать, что она расширитъ кругъ его симпатій; вся бѣда его въ томъ, что онъ самъ по себѣ человѣкъ узкаго ума и не въ состояніи уразумѣть глубокаго смысла жизни, а также понять чужую душу.

— И въ особенности душу своей бѣдной жены,—докончилъ Рейтеръ.

— Я искренно надѣюсь, что она понемногу расшевелитъ въ немъ лучшія стороны его характера и заставитъ его выйти изъ заколдованнаго круга, въ который онъ попалъ,—замѣтилъ ректоръ, который всегда былъ склоненъ къ оптимизму:—у нея честная натура, много проницательности, и я увѣренъ,—она будетъ имѣть на него сильное вліяніе.

Маленькій человѣчекъ покачалъ головой и глубоко вздохнулъ. По его мнѣнію, стараться повліять на бездушнаго Антонія было все равно, что метать бисеръ передъ свиньями.

— Кстати,—вдругъ сказала мистриссъ Мервинъ съ просвѣтлѣвшимъ взглядомъ,—знаете-ли вы, что мы получили неожиданныя и очень пріятныя вѣсти изъ Индіи? Черезъ мѣсяцъ Тедъ пріѣдетъ къ намъ въ отпускъ.

Рейтеръ улыбнулся.

— А! это дѣйствительно хорошія вѣсти.

Добродушный нѣмецъ говорилъ искренно, хотя личныя его воспоминанія о многообѣщающемъ юношѣ были не особенно пріятнаго свой-

ства, такъ какъ Тедъ въ былые дни немилосердно трунилъ надъ нимъ и устраивалъ ему разныя каверзы.

Собственно говоря, большинство старожиловъ Бойчестера хранили о Тедѣ подобныя же воспоминанія о разныхъ его шалостяхъ, тѣмъ не менѣе, вѣсть о его возвращеніи передавалась изъ дома въ домъ и вездѣ встрѣчалась съ нескрываемымъ удовольствіемъ, что явно свидѣтельствовало о всеобщемъ къ нему расположеніи. Быть можетъ, меньше всѣхъ говорила о его возвращеніи Эффи Макъ-Юнъ, но она глубже всѣхъ чувствовала близкое свиданіе. Живая и подвижная вообще, она ни минуты не могла усидѣть на мѣстѣ; любимыя занятія были брошены; любимыя книги забыты; въ одно пасмурное послѣ обѣда она почувствовала такой острый приступъ скуки, что отправилась въ гости къ Рахели, чтобы какъ-нибудь убить время. Цѣль была достигнута, но Эффи вернулась домой въ совершенно иномъ настроеніи, серьезная и задумчивая. Она столкнулась съ натурой впечатлительной и страстной; раньше она никогда не встрѣчала такой женщины. Изъ укромнаго уголка, гдѣ счастливо и безмятежно протекала ея молодая жизнь, она увидала странное зрѣлище: юную и пылкую душу, погруженную въ бездну отчаянія изъ-за причины, повидимому, ничтожной, и дивилась, испытывая смутную жалость, какъ ребенокъ, который читаетъ нѣмое желаніе въ глазахъ существа, лишеннаго дара слова, и не можетъ догадаться, въ чемъ состоитъ это желаніе. Заря женственности, которой суждено было со временемъ ярко разгорѣться и проявиться разумнымъ сочувствіемъ, еще только поднималась въ ея душѣ, но ей было больно видѣть горе, котораго она не могла ни понять, ни исцѣлить, и, когда она возвращалась домой по мирнымъ, пустыннымъ улицамъ стараго городка, лицо ея было серьезно и брови озабоченно сдвинуты.

— Мама,—сказала она въ тотъ вечеръ, садясь на кушетку, гдѣ лежала больная,—не правда-ли, какъ глупо со стороны мистриссъ Грэмъ желать прочесть всѣ эти старыя скучныя, книги профессора?

— По-моему, она хорошо дѣлаетъ, стараясь войти въ интересы мужа,—мягко возразила м-риссъ Макъ-Юнъ.

— Но вѣдь это же безполезно; она, все равно, не пойметъ ихъ,—настаивала Эффи.

Мистриссъ Макъ-Юнъ грустно покачала головой: задача была выше ея пониманія.

Тѣмъ временемъ сама Рахель продолжала переживать мучительныя тревоги и вся ушла въ свои мрачныя думы. Гуляя, она спустилась на берегъ рѣки и остановилась, озирая усталымъ взоромъ широкую полосу прозрачной воды и блѣдно-зеленые луга противоположнаго берега. Пейзажъ, раскинувшійся передъ нею, былъ лишенъ теплыхъ тоновъ. Небо было угрюмое, нависшее, лишь кое-гдѣ съ янтарными просвѣтами между тяжелыхъ тучъ; вдали ряды ивъ и тополей окутывались топ-

кимъ, сѣрымъ туманомъ; вѣтерокъ съ рѣчки приносилъ съ собой ощутительную сырость и холодъ.

Молодая женщина прислонилась къ стволу стараго дерева и, сжавъ руки, безучастно слѣдила за теченіемъ рѣки. Эстетическая сторона ея натуры въ эту минуту какъ бы дремала, она была подавлена сознаніемъ той несправедливости, которая существуетъ въ мірѣ, и смотрѣла на природу, не надѣясь найти въ ней ни сочувствія, ни поддержки. Тоска, овладѣвшая ею, смѣнила еще недавнія надежды; переходы отъ дѣятельной энергіи къ полному отчаянному равнодушію составляли отличительную черту ея характера.

Попытка самосовершенствованія, очевидно, не удалась. Первое разочарованіе не остановило Рахели; она нѣсколько дней подрядъ приходила въ библіотеку и заглядывала то въ одну книгу, то въ другую, въ надеждѣ найти какую-нибудь точку опоры, какое-нибудь положительное знаніе, которое послужило бы основаніемъ къ дальнѣйшей работѣ. Но каждая изъ выбранныхъ профессоромъ книгъ предполагала въ читающемъ нѣкоторый запасъ элементарныхъ свѣдѣній, а этихъ свѣдѣній не было у Рахели, поэтому она не могла разобраться въ прочитанномъ матерьялѣ, и результатъ получался отрицательный. Ничего она не выносила изъ чтенія, кромѣ смутнаго ощущенія какой-то путаницы и противорѣчій, мучившихъ ее и днемъ, и ночью. Она еще не сознавалась въ своей неудачѣ Антонію и только избѣгала видѣться съ нимъ, въ слабой надеждѣ, что вотъ-вотъ блеснетъ лучъ свѣта на ея трудномъ пути и освѣтитъ все то, что было ей доселѣ непонятнымъ. Но свѣтъ не показывался, а тѣни разочарованія все сгущались и сгущались. Однажды передъ нею точно блеснула заря идеальной красоты съ одной изъ страницъ сочиненій Платона, но этотъ блескъ оказался блуждающимъ огонькомъ и завелъ ее еще глубже въ дебри таинственной метафизики.

Съ каждымъ новымъ приливомъ надежды Рахель вспоминала слова Антонія: «конецъ бросаетъ свѣтъ на начало», и усердно принялась читать Гегеля, какъ представителя новѣйшей философіи, но тутъ она окончательно запуталась, попавъ въ лабиринтъ, изъ котораго не могла найти выхода. Это было послѣднее усиліе. Очевидно, заколдованный кругъ, въ который она попала, былъ не по силамъ ея молодому, неопытному уму, и она, какъ усталый путникъ, не могла дойти до святилища знанія; она бросила свои занятія съ горькимъ сознаніемъ испытаннаго пораженія и сказала себѣ, что нѣтъ смысла отдавать свою жизнь интересамъ, которые ей непосильны и съ которыми ей никогда не удастся освоиться вполнѣ. Будетъ то, что предсказывалъ Антоній—сближеніе безъ общности интересовъ, союзъ безъ симпатіи. Какимъ тоскливымъ и безплоднымъ казалось ей будущее! И зачѣмъ только она тѣшила себя неразумной надеждой? Ахъ, зачѣмъ все это! Теперь, послѣ того, какъ она убѣдилась въ своей умственной огра-

ниченности, бездна между ней и Антоніемъ какъ будто стала еще шире. Она, должно быть, непроходимо глупа, если не могла понять ничего изъ того, что для него было такъ просто и ясно. Отъ этой мысли у нея больно заныло сердце. Глупые люди никому не нужны, говорила она себѣ съ горечью, поэтому и она не нужна никому въ цѣломъ свѣтѣ. Мервины добры къ ней просто изъ жалости; ей казалось теперь, что и голубые глазки Эффи смотрѣли на нее только съ состраданіемъ, и душа ея ожесточилась. Нечего больше колебаться и медлить; она пойдетъ и скажетъ Антонію, что онъ напрасно давалъ ей книги, что всѣ ея усилія не привели ни къ чему, и она во всю жизнь не пойметъ ни одной умной книжки.

Въ такомъ настроеніи вошла она въ библіотеку и остановилась прямо передъ кресломъ профессора. Тотъ ласково посмотрѣлъ на нее.

— А я ужъ начиналъ думать, не случилось-ли чего-нибудь. За послѣдніе два-три дня васъ совсѣмъ не видно и не слышно.

— Такъ вы замѣтили мое отсутствіе? Вамъ было скучно безъ меня?—Въ голосѣ дѣвушки звучало сомнѣніе.

Онъ съ минуту помолчалъ, размышляя о томъ, дѣйствительно-ли онъ скучалъ безъ нея, или говоритъ только подъ вліяніемъ добраго побужденія.

— Пріятно видѣть васъ, иногда,—началъ онъ съ разстановкой.— Я думаю, люди привыкаютъ...

Конецъ этой любопытной сентенціи расплылся въ облакѣ дыма и былъ потерянъ для потомства.

— Позвольте, — прервала его неблагодарная Рахель,—можно привыкать къ очень многимъ вещамъ и въ то же время ненавидѣть ихъ. Вы вотъ, напримѣръ, должны привыкнуть считать меня дурой, потому что я дѣйствительно дура. Я не понимаю ни слова изъ всѣхъ этихъ книгъ.

Она съ такимъ негодованіемъ бросила на столъ книгу, которую держала въ рукѣ, что профессоръ вздрогнулъ и поспѣшилъ прикрыть ее рукой, какъ бы желая загладить ту обиду, которая выпала на долю ни въ чемъ неповиннаго философскаго трактата.

— Откуда такая враждебность?—спросилъ онъ, изумленный ея словами:—что съ вами случилось?

Она скрестила руки съ особенно вызывающимъ видомъ и продолжала стоять передъ нимъ, глядя на него сверкающими глазами.

— Многое случилось, — отвѣчала она рѣзко:—во всякомъ случаѣ, повторяю вамъ, я ничего не понимаю, и вы можете взять свои книгиобратно.

— Вы хотите сказать, что нашли изученіе философіи труднымъ?— спокойно и терпѣливо переспросилъ ее профессоръ:—а между тѣмъ вы занимались ея изученіемъ всего лишь одну недѣлю. Милое дитя, не безразсудно-ли такое нетерпѣніе?

— Не знаю,—отвѣчала она тѣмъ же тономъ:—можетъ быть, я и безразсудна.

Это было слишкомъ очевидно и не требовало подтвержденія. Профессоръ молчалъ; Рахель сердито прикусила губы въ безплодной попыткѣ сдержать себя.

— Не скажете-ли вы мнѣ, какія именно затрудненія такъ смутили васъ?—спросилъ, наконецъ, профессоръ.

Въ этотъ вечеръ онъ былъ даже ласковѣе, чѣмъ обыкновенно, и въ его голосѣ звучала нотка ободренія, тотчасъ же подмѣченная чуткимъ слухомъ молодой женщины. Она пыталась заговорить, но не могла вымолвить ни слова, и Антоній нѣсколько минутъ напрасно ждалъ отвѣта.

— Я думаю, вамъ не слѣдуетъ такъ скоро падать духомъ, — продолжалъ онъ успокоительно:—я уже говорилъ вамъ, что послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда я все еще считаю себя ученикомъ. Смиреніе—единственное, что приличествуетъ намъ, людямъ ограниченнаго мышленія, передъ мудростью тѣхъ сокровищъ мысли, которая накапливалась вѣками.

Отвѣта все не было. Онъ вообразилъ, что она стала разсуждать спокойнѣе, и продолжалъ:

— По всей вѣроятности, вы въ самомъ началѣ были огорчены, увидавъ, какъ мало вы знаете и какъ многому вамъ надо научиться; но это должно бы только подстрекнуть васъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ. Припомните, что единственнымъ притязаніемъ на мудрость, выраженнымъ Сократомъ, было сознаніе собственнаго невѣжества.

Она печально покачала головой. Какая польза для нея въ примѣрѣ Сократа!

Рыданіе вырвалось изъ ея груди; еще мигъ — и, къ крайнему удивленію и неудовольствію профессора, она стояла передъ нимъ на колѣнахъ и заливалась слезами.

— Это безполезно,—заговорила она прерывающимся голосомъ:—я не стану больше заниматься. Я думала, что, можетъ быть, для насъ обоихъ будетъ лучше, если я пойму, что интересуетъ васъ; но я слишкомъ глупа, чтобы учиться. Лучше, если я буду заниматься своей музыкой, а вы своей философіей, и такъ будетъ всегда, всегда!..

Она слегка облокотилась локтемъ на столъ и откинула назадъ со лба непослушныя кудри.

Профессоръ посмотрѣлъ на нее съ неудовольствіемъ. Все это казалось ему такимъ ненужнымъ, такимъ неразумнымъ.

— Мнѣ кажется, что вы совершенно напрасно такъ волнуетесь,— замѣтилъ онъ уже гораздо сдержаннѣе: — если вы рѣшились отказаться отъ намѣченной цѣли и можете быть счастливы и довольны помимо этого, гдѣ же причина такого уныній?

Она вдругъ вскочила на ноги.

— Вы совершенно правы. Все это было ошибкой, и мнѣ бы слѣдовало заранѣе предвидѣть, что это именно такъ и случится.

Она слегка вздрагивала, какъ будто легкій вѣтерокъ изъ полуоткрытаго окна вѣялъ на нее холодомъ.

— Хорошо, что мы не всегда можемъ предвидѣть свои ошибки,— сказалъ Антоній,—иначе мы никогда не познали бы благодѣтельныхъ послѣдствій опыта.

Рахель, молча, согласилась, хотя слова его не имѣли для нея опредѣленнаго смысла.

— Я сегодня еще не упражнялась,— сказала она вдругъ:—надо позаняться часокъ до обѣда.

Она повернулась и вышла, предоставивъ профессора собственнымъ размышленіямъ.

Размышленія эти были не особенно веселаго свойства. Его страшно раздражало очевидное отсутствіе разсудительности и сдержанности въ характерѣ, отъ котораго онъ начиналъ ждать многаго. Онъ несомнѣнно ошибся въ Рахели. Въ ней слишкомъ глубоко укоренилась легкомысленная неустойчивость, и всякое послѣдовательное стремленіе къ опредѣленной цѣли для нея невозможно. Она оказалась неспособной къ продолжительному усилію и теперь неразумно злится на свое пораженіе. Но съ какой стати она пришла сюда и наговорила ему такихъ непріятныхъ вещей? Развѣ онъ виноватъ? Вѣдь онъ предлагалъ помочь ей, а она отказалась и, по его мнѣнію, очень невѣжливо.

— Но, не все-ли равно? Развѣ онъ искалъ духовнаго товарищества? Вовсе нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ причины жаловаться на судьбу или страдать вслѣдствіе разочарованія; хозяйство идетъ гладко, заинтересованныя стороны, очевидно, поняли, наконецъ, другъ друга. Все идетъ какъ слѣдуетъ, планъ его удался какъ нельзя лучше. А между тѣмъ...

Онъ быстро всталъ и зажегъ лампу. Черезъ нѣсколько минутъ работа всецѣло поглотила его вниманіе, и непріятный инцидентъ былъ забытъ.

XVII.

Было начало октября; старый городъ отъ временной спячки перешелъ къ кипучей, бодрой дѣятельности. На улицахъ кипѣли жизнь и движеніе. Послѣдніе слѣды лѣта исчезли въ садахъ и паркахъ; высокіе вязы и граціозныя березки сверкали пурпуромъ и золотомъ. Стѣны коллегіи утратили живое покрывало, украшавшее ихъ; лишь кое-гдѣ еще виднѣлись гирлянды блекнувшихъ багряныхъ листьевъ.

Въ одинъ изъ рѣдкихъ хорошихъ дней, выпадающихъ въ это унылое время года, въ паркѣ колледжа собралась довольно многочисленная толпа поглазѣть на разныя игры, которыя затѣвала молодежь. Въ числѣ зрителей была и Эффи Макъ-Юнъ вмѣстѣ съ Рахелью. Она уговорила Рахель сопутствовать ей, но сама все время порхала, здороваясь то съ однимъ, то съ другимъ изъ знакомыхъ и лишь минутами слѣдила за ходомъ игръ. Убѣжавъ куда-то въ сто-

рону, она не замѣтила, что Рахель ушла съ своего мѣста, и, обернувшись, чтобы отыскать ее въ числѣ зрителей, она внезапно услыхала за собой знакомый веселый голосъ.

— Случается, что старые знакомые не узнаютъ своихъ друзей только потому, что выросли и воображаютъ о себѣ очень много.

Дѣвушка обернулась съ протянутой рукой и пылающими щеками.

— О, Тедъ! Я не ожидала васъ видѣть! Я не знала, что вы вернулись.

— Разумѣется, не знали; въ томъ-то и штука. Если вы хотите, чтобъ нѣжные родители и любящіе друзья встрѣчали васъ съ необычнымъ восторгомъ, всегда возвращайтесь домой днемъ раньше, чѣмъ васъ ожидаютъ. Я поставилъ себѣ такое поведеніе за правило и всегда получалъ должное удовлетвореніе.

— Едва-ли бы вы остались такъ довольны, еслибы по васъ не скучали и не желали васъ видѣть,—возразила Эффи, смѣясь отъ души.

Высокій, загорѣвшій молодой офицеръ показался ей красивѣе, чѣмъ когда-либо, и дѣйствительно, три года отсутствія имѣли благодѣтельное вліяніе на его здоровье и силу; осанка его сдѣлалась мужественнѣе, самоувѣреннѣе, а цвѣтъ лица принялъ болѣе глубокій бронзовый оттѣнокъ. Въ свою очередь, онъ съ довольной улыбкой любовался сіяющимъ личикомъ Эффи.

— Какъ вы выросли! Я бы даже не узналъ васъ, еслибъ не спутанные волосы. И вы еще не сказали мнѣ, что рады меня видѣть.

Она опять радостно засмѣялась, и онъ понялъ, что, не смотря на веселый нравъ и болтливость Эффи, сердце ея было вѣрно, какъ сталь. Въ первыя минуты встрѣчи, когда оба они чувствовали, что имъ надо такъ много сказать другъ другу, и не знали, съ чего начать, дѣвушка подъ вліяніемъ радости забыла обо всемъ остальномъ; но скоро она вспомнила о Рахели и стала отыскивать ее глазами.

— Ахъ, вотъ она, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я оставила ее!— вскричала, наконецъ, Эффи:—и смотритъ такъ, какъ будто ее дѣйствительно интересуетъ эта глупая, старая игра. Пойдемте, Тедъ, я васъ представлю; это мой большой другъ.

— Кто? Та дѣвушка въ сѣромъ, съ черными волосами? Не веселаго вида особа! На вашемъ мѣстѣ я бы выискалъ себѣ что-нибудь болѣе привлекательное.

— Замолчите,—строго сказали Эффи.—Ваши манеры нисколько не исправились. Говорю вамъ, что она очень милая. Вашъ отецъ и мистриссъ Мервинъ страшно любятъ ее.

— О, это ничего не доказываетъ!—вскричалъ молодой человѣкъ съ беззаботной непочтительностью, нарочно, чтобы позлить Эффи: — они всегда выкапываютъ откуда-то разныхъ антиковъ. Помню, какъ они пригласили на обѣдъ какого-то изголодавшагося настройщика, и я...

— Я не стану разговаривать съ вами, если вы не хотите говорить

серьезно,—сказала Эффи съ достоинствомъ, которое чрезвычайно забавляло ея собесѣдника.

— Слушаю-съ. Если вамъ угодно, я постараюсь быть приличнымъ. Какъ фамилія этой барышни?

— Рахель Грэмъ. Вы знаете эту старую сухую палку, профессора? Ну, такъ это его жена.

Онъ широко раскрылъ глаза и засмѣялся.

— Полноте, что за вздоръ. Не ждите, чтобы я повѣрилъ вамъ, миссъ Эффи.

— Это истинная правда, Тедъ,—отвѣчала она такимъ тономъ, что онъ невольно повѣрилъ и тихо засвисталъ, въ знакъ удивленія.

Рахель поздоровалась съ нимъ спокойно. Нервность, проявлявшаяся раньше въ ея обращеніи, теперь почти совсѣмъ исчезла. Часть былой дѣвичьей искренности также исчезла; обычнымъ выраженіемъ на ея лицѣ сдѣлалось выраженіе сдержанной грусти.

— Я много слыхала о васъ,—сказала она,—съ улыбкой разсматривая молодого человѣка.

— Боюсь только, что мало хорошаго,—отвѣтилъ онъ нѣсколько неувѣренно. На его совѣсти лежало не мало дерзкихъ шутокъ и продѣлокъ, которыя онъ позволялъ себѣ съ вѣчно сдержаннымъ, углубленнымъ въ свои мысли Антоніемъ. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на Рахель; она въ самомъ дѣлѣ должна была часто слышать о немъ.

Но Рахель была неповинна ни въ какихъ заднихъ мысляхъ и только думала, что у него необыкновенно открытое, привлекательное лицо и удивительно веселые глаза.

Между тѣмъ, вокругъ нихъ началъ собираться народъ; многіе узнали молодого офицера испѣшили, съ искренней радостью, привѣтствовать его.

— Вы, должно быть, привезли съ собой цѣлый музей рѣдкостей,—сказала хорошенькая дѣвушка, составлявшая центръ одной изъ группъ:—всякій, пріѣзжающій изъ Индіи, является чѣмъ-то въ родѣ Сантиклауса для своихъ родныхъ.

— О, и я собралъ кое-что,—отвѣчалъ онъ небрежно:—тигровыя шкуры, всякія вышивки и разный вздоръ. Одного тигра я самъ убилъ—чудная вышла шкура. И тигръ былъ замѣчательный: онъ пожралъ почти всѣхъ индійцевъ въ окрестностяхъ, а въ одинъ прекрасный день утащилъ дочь раджи, когда она возвращалась домой верхомъ.

— О, Тедъ!—воскликнула Эффи:—навѣрное ничего этого не было; вы все выдумываете.

Герой посмотрѣлъ на нее съ глубокой серьезностью; только одинъ глазъ его лукаво подмигивалъ.

— Мнѣ очень грустно видѣть, что и вы заражены скептическимъ духомъ вѣка. Увѣряю васъ, что мой разсказъ совершенно правдивъ. Лошади не нашли; очевидно, тигръ съѣлъ и ее. Раджа, понятно, страшно разсердился и назначилъ огромную награду тому, кто убьетъ тигра;

награду эту получилъ я. О, со мною случилось множество забавныхъ приключеній, дѣйствительно случилось, безъ обмана; когда-нибудь я разскажу ихъ вамъ...

Не докончивъ рѣчи, Тедъ Мервинъ внезапно куда-то скрылся. Обернувшись, слушатели увидали его быстро спѣшившимъ навстрѣчу какой-то дамѣ, не узнанной никѣмъ, кромѣ него.

— Это мистриссъ Мервинъ,—сказала Эффи.—Ну-съ, теперь намъ больше не слыхать разсказовъ про тигровъ. Онъ забудетъ о нашемъ существованіи.

А Тедъ, тѣмъ временемъ, радостно всматривался въ прекрасное, спокойное лицо, которое всегда было для него идеаломъ и воплощеніемъ совершенной женственности.

— Мама,—воскликнулъ онъ, въ порывѣ восторга:—ты, кажется, еще болѣе похорошѣла! Ни одна дѣвушка здѣсь не стоитъ твоего мизинца.

Она улыбнулась и сказала просто:

— Спасибо, милый. Комплиментъ, внушенный любовью, перестаетъ быть комплиментомъ, и то, что ты сказалъ мнѣ, конечно, пріятно слышать! Но не слѣдуетъ забывать о другихъ, потому только, что я появилась на сценѣ,—прибавила она ласково.—Много ты встрѣтилъ знакомыхъ?

— О, да, порядочно. А Эффи стала прехорошенькая,—правда, мама?

— Очень хорошенькая,—съ сердечной теплотой подтвердила мистриссъ Мервинъ;—и, если не ошибаюсь, въ ней нѣтъ и слѣда эгоизма.

Молодой человѣкъ охотно согласился съ этимъ. Онъ еще мальчикомъ былъ немножко влюбленъ въ Эффи и честно хранилъ память ней во всѣхъ разнообразныхъ перипетіяхъ своей, богатой приключеніями жизни. Привязанность эта не была, впрочемъ, преобладающей въ его сердцѣ. Изъ страны въ страну онъ возилъ съ собой портретъ своей матери; ея письма онъ свято хранилъ въ старомъ кожаномъ портфелѣ, уничтожая ихъ лишь черезъ долгіе промежутки времени, и то неохотно; ея улыбка была для него прекраснѣе улыбки всякой другой женщины.

Поистинѣ, Элеонора Мервинъ была щедро вознаграждена за свои труды и заботы о сынѣ наградой, которую можно считать за самое прочное счастье на землѣ.

— Не пойдемъ-ли мы домой,—сказала Эффи, когда группа разсѣялась и онѣ съ Рахелью снова остались однѣ: — кажется, ничего интереснаго больше не будетъ.

— И анекдотовъ не будетъ?—усмѣхнулась Рахель.

Эффи съ важностью покачала головой.

— Онъ ни капельки не измѣнился. Онъ всегда былъ большой шутникъ и насмѣшникъ, но никогда никого не обидѣлъ.

— И мнѣ такъ кажется. У него пріятное лицо; глаза немножко похожи на глаза матери.

Онѣ пошли домой по опустѣвшимъ аллеямъ, которыя казались та-

кими прекрасными лѣтомъ, а теперь имѣли унылый и заброшенный видъ, устланныя поблекшей, сырой листвой.

— Что вы будете дѣлать теперь?—съ сердечнымъ участіемъ спросила Эффи, когда онѣ остановились у дверей дома Рахели.

Она очень полюбила Рахель и стремилась, какъ умѣла, поддержать ее въ той борьбѣ, которую она угадывала, но не могла вполнѣ выяснить.

— Что дѣлать? По всей вѣроятности, пѣть экзерсисы,—былъ небрежный отвѣтъ. Рахель почти нелюбезно простилась съ своей спутницей, повернулась и вошла въ домъ. Эффи, молча, посмотрѣла ей вслѣдъ; въ ясныхъ голубыхъ глазахъ ея появился оттѣнокъ грусти. Она начинала понимать, что утѣшеніе и симпатія постороннихъ людей немного могутъ дать душѣ, которая живетъ въ разладѣ сама съ собою.

XVIII.

Дни тянулись за днями, и Рахель все рѣже и рѣже заглядывала въ кабинетъ профессора. Наступившій внутренній разладъ между супругами былъ замѣченъ двумя личностями. Во-первыхъ, Гризельдой, которая уговаривала Рахель не отстраняться отъ мужа и стараться показывать ему свое расположеніе, а во-вторыхъ, ректоромъ, который былъ искренно опечаленъ направленіемъ, которое приняла семейная жизнь его друга. Мервинъ приходилъ къ Рахели и старался разъяснять ей характеръ Антонія, въ надеждѣ, что его слова оживятъ падающую энергію Рахели и побудятъ ее не бросать оружія и продолжать начатую борьбу. Онъ разсказалъ ей объ ихъ юной дружбѣ, о любви Антонія, которая выразилась въ сценѣ въ саду, когда онъ съ такимъ отчаяніемъ отнесся къ ихъ разлукѣ. Онъ говорилъ ей о тѣхъ надеждахъ, которыя возлагалъ на нее, о надеждахъ, что она пробудитъ въ сердцѣ Антонія заглохнувшія чувства симпатіи къ людямъ. Мервинъ оживилъ въ ней и стремленія къ знанію, указавъ какую важную роль они играютъ въ жизни: если она потерпѣла неудачу въ изученіи философіи, то это, говорилъ онъ ей, вовсе не доказываетъ, чтобы она не могла найти истиннаго наслажденія въ знакомствѣ съ выдающимися мыслителями, болѣе доступными ея пониманію. Люди не должны смотрѣть на каждую неудачу, какъ на нѣчто непоправимое; такое отношеніе убило бы всякое движеніе впередъ, остановило бы то, что самое важное въ жизни: прогрессъ человѣчества.

Рахель много думала надъ его словами. Она уже не въ силахъ была отдаться вновь своимъ мечтамъ и нарисовать себѣ новыя иллюзіи, но слабая надежда проснулась въ ея сердцѣ; доброе отношеніе ректора вернуло ей нѣкоторую увѣренность въ своихъ силахъ и освѣтило ей ту тяжелую долю, которую послала ей судьба.

— Вы работаете, Антоній?—робко проговорила Рахель, заглядывая въ кабинетъ мужа въ сѣрый осенній вечеръ.

Профессоръ поднялъ на нее взоръ отъ книги, которую читалъ, и на лицѣ его было выраженіе утомленія и раздраженія.

— Нѣтъ,—былъ спокойный отвѣтъ:—я свободенъ и готовъ выслушать то, что вы желаете мнѣ сказать.

— Мнѣ кажется, у васъ плохой видъ,—нерѣшительно проговорила Рахель, опускаясь на стулъ.

— Благодарю васъ, я совершенно здоровъ,—отвѣтилъ онъ съ слабой попыткой улыбнуться:—только страдаю слегка отъ неизбѣжныхъ затрудненій при выполненіи отвѣтственной работы.

— Да, это замѣтно. А какъ подвигается ваша работа?—спросила Рахель, бросая завистливый взглядъ на кипу рукописей.

— Работа сама по себѣ идетъ болѣе успѣшно, чѣмъ я предполагалъ,—спокойно возразилъ профессоръ:—но пока нельзя судить о ея качествѣ, такъ какъ написано слишкомъ мало. Вотъ года черезъ два я буду имѣть возможность оглянуться и оцѣнить свой трудъ. Пока я серьезно размышляю о томъ, не отказаться-ли мнѣ отъ каѳедры нравственной философіи?

Рахель взглянула на него, раскрывъ широко глаза.

— Обязанности, сопряженныя съ профессурой, очень обременительны; кромѣ того, преподаваніе въ извѣстныхъ рамкахъ съуживаетъ міровоззрѣніе. Моя научная работа составляетъ, такъ сказать, центръ всей моей жизни; я долженъ посвятить ей всѣ свои силы и устранить все, что такъ или иначе мѣшаетъ ея успѣшному ходу.

— Мнѣ кажется, что ваши занятія въ университетѣ очень мало отнимаютъ у васъ времени,—замѣтила Рахель съ откровенной непочтительностью:—вы всегда говорите одно и тоже, слѣдовательно, труда тутъ особеннаго нѣтъ.

Антоній взглянулъ на нее нѣсколько подозрительно и недружелюбно.

— Тѣмъ не менѣе, эти занятія обременительны, и я отъ нихъ откажусь,—продолжалъ онъ настойчиво.

Рахель очень огорчилась этимъ сообщеніемъ и грустно поникла головой. Если онъ оставитъ свои занятія въ университетѣ, подумала она, то разрушится послѣдняя связь, которая соединяла его съ людьми, съ живою дѣйствительностью. Но вслухъ она ничего ему не возразила. На сердцѣ у нея было очень тяжело; скрестивъ руки, она отвернулась и устремила взглядъ на яркій огонь, который пылалъ въ каминѣ. Профессоръ поднялъ голову и смотрѣлъ на ея стройную фигуру, освѣщенную пламенемъ. Имъ овладѣло странное желаніе сказать ей что-нибудь такое, что оживило бы задумчивый взглядъ ея черныхъ глазъ, что-нибудь сердечное, задушевное; но это смутное желаніе не находило себѣ выраженія. Онъ вспомнилъ, что за послѣднее время она потеряла веселость, и прежняя порывистая восторженность уступила мѣсто какому-то спокойному равнодушію. Профессоръ пытался увѣрить себя, что это даже хорошо, такъ какъ соотвѣтствуетъ его желаніямъ, но, тѣмъ не

менѣе, замѣченная имъ перемѣна не внушала ему чувства удовлетворенія. Ея спокойствіе казалось ему неестественнымъ, а почему, онъ самъ не могъ себѣ объяснить.

Антоній раздумывалъ надъ тѣмъ, что бы ему сказать ей; но чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ труднѣе ему становилось подыскать подходящія выраженія. Самая необычайность такого желанія усложняла задачу и заставляла его чувствовать большую неловкость; для него было непривычно поддаваться зарождавшемуся чувству, которое смутило его обычную ясную уравновѣшенность, и онъ растерянно смотрѣлъ на Рахель, не будучи въ состояніи подѣлиться съ нею охватившимъ его наплывомъ нѣжности.

Рахель въ эту минуту повернулась въ его сторону, и ихъ взгляды встрѣтились. Они смотрѣли другъ на друга, и одно слово взаимнаго сочувствія открыло бы имъ то, что происходило въ душѣ каждаго изъ нихъ. Но этого слова не было сказано...

Минута прошла, оставивъ послѣ себя воспоминаніе какого-то мучительнаго недоразумѣнія—они отвернулись отъ того, что «могло бы быть» и имъ казалось, что они стоятъ около могилы, гдѣ погребено то, что было одинаково дорого имъ обоимъ. Рахель вышла изъ кабинета и усталыми шагами поднялась въ свою комнату. Тамъ она опустилась въ кресло. Были тусклыя осеннія сумерки; холодный дождь стучалъ въ окна и скользилъ по стекламъ крупными слезами. Жизнь ея казалась ей такой же сумрачной. Сердце мучительно сжималось, точно она потеряла что-то необычайно дорогое. Она сравнивала въ умѣ Мервина и своего мужа. Насколько первый былъ слугою всѣхъ и каждаго, настолько второй сторонился отъ каждаго живого существа. «Бросить занятія въ университѣ», вспомнилось ей; «такъ же легко онъ броситъ и меня, я тоже только помѣха на его пути. Но вѣдь я живой человѣкъ, и у меня есть душа, что мнѣ дѣлать съ ней? куда, на что я обращу свои силы?» Такъ сидѣла она глубоко задумавшись; глаза ея горѣли, и слезы не могли облегчить ея страданій—она давно разучилась плакать. Мракъ сгущался, и нигдѣ не было видно просвѣта. «Но вѣдь надо жить,—сказала она себѣ, съ страшнымъ усиліемъ отгоняя мрачныя мысли,—и мнѣ осталось еще искусство». Она подошла къ фортепіано и зажгла свѣчи въ темныхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ. Яркій свѣтъ разлился по комнатѣ, пальцы ея скользнули по клавишамъ; вскорѣ послышались звуки пѣсни, въ которой сказывалось столь знакомое многимъ горе одиночества.

Внизу сидѣлъ профессоръ; мелодія долетала до его слуха, и ему тоже казалось, что онъ одиноко плетется по тернистому пути. Задача могла бы разрѣшиться просто, но, какъ часто въ жизни, самое простое осталось неразрѣшеннымъ.

О. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи сектантскихъ движеній въ Екатеринославской губерніи.

Той направо, той наліво,
А всі браття
То-то й диво!

Шевченко.

Вмѣсто предисловія.

Запряженная въ повозку кляченка лѣниво плетется по пыльной проселочной дорогѣ подъ палящими лучами южнаго солнца.

Безконечно длиннымъ кажется путь! Степь направо, степь налѣво, необозримая даль впереди, которая только изрѣдка разнообразится курганомъ, раскопанной могилой, встрѣчнымъ хуторомъ или деревушкой, которые, какъ вѣхи, служатъ указателемъ разстоянія.

Скучно. Примолкъ мой возница—онъ дремлетъ; но вотъ, встрепенувшись на толчкѣ, онъ прибадривается, вытаскиваетъ кисетъ и люльку и, медленно раскуривъ ее кресаломъ, продолжаетъ свои нескончаемые разсказы о старинѣ, иллюстрируя ихъ съ воодушевленіемъ то исторіей попутнаго кургана, то лѣтописью запустѣлой усадьбы. Много любопытныхъ преданій, согрѣтыхъ дѣтски-наивной вѣрой, развертывается передъ слушателемъ, и этотъ недавній рабъ, указывая на запустѣлыя «хоромы» своихъ прежнихъ повелителей, рисуетъ печальныя и подчасъ ужасныя картины изъ столь близкаго ему прошлаго—

Було колись, минулося,
Не вернеться знову...

Закрѣпощенный, онъ много терпѣлъ отъ помѣщика, но, пробудившись отъ тяжелаго сна, онъ ищетъ свѣта въ окружающей тьмѣ. Отвѣта нѣтъ,—и его безпомощная рука тщетно пытается собственными усиліями зажечь свѣтильникъ правды и истины...

Стало вечерѣть; въ лицо пахнуло прохладой, до слуха донесся отдаленный благовѣстъ: былъ канунъ Спаса.

Вдали, на горѣ, показалась сельская церковь, обрисовался убогій погостъ; мы миновали баштанники, вѣтряки и, усталые, запыленные, въѣхали, наконецъ, въ с. Прядивку, Новомосковскаго у., Екат. губ., направляясь къ давно знакомой мнѣ хатѣ вожака шалапутовъ—Дуплія.

Едва пробравшись среди двора между возовъ и повозокъ, я вошла

въ хату, заглянула въ садикъ, но всюду царили тишина и покой; оказалось, что всѣ, кромѣ двухъ-трехъ бабъ-стряпухъ, были у вечерни. Направилась и я къ церкви, желая взглянуть на могилу своего стараго пріятеля Дуплія [1]), о смерти котораго я слыхала еще въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ отъ прыгуновъ и даже отъ православныхъ. Этому «шалапуту» всѣ отдавали должное за его своеобразное благочестіе, такъ какъ онъ жилъ народнымъ горемъ, страдалъ народными страданіями, и, нещадно бичуя людскіе пороки, воплощалъ въ себѣ самомъ идею христіанскаго служенія человѣчеству, согласно своему оригинальному пониманію идеала христіанина.

Уже издали увидѣла я могилу, осѣненную высокимъ крестомъ. Какимъ богатымъ мавзолеемъ казалась эта могила, обнесенная зеленой деревянной оградой, среди другихъ убогихъ и полуразрушенныхъ крестьянскихъ могилъ, съ покосившимися, вросшими въ землю крестами и даже вовсе безъ крестовъ. Народъ наглядно отмѣтилъ своего радѣтеля и вожака. Какъ мнѣ говорили, сюда приносилъ свое горе старъ и младъ, и, побывавъ на могилѣ «старого діда», всякій уходилъ облегченный, съ вѣрой, что и *тамъ* «дід» не забудетъ его своими молитвами.

Сумерки сгустились, и я вернулась съ погоста въ хату. Здѣсь, однако, было душно, а на душѣ становилось жутко, и я предпочла на ночь расположиться подъ открытомъ небомъ, на повозкѣ. Мнѣ не спалось. Вереницей промелькнули предо мной многочисленныя и яркія картины изъ моихъ скитаній по сектантамъ.. Какъ живой, между прочимъ, всталъ въ моей памяти суровый старикъ Дуплій, сначала въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, когда онъ, грозно изобличая собственныя слабости, заставлялъ задумываться всѣхъ окружающихъ, когда и штундисты, и прыгуны, и хлысты тщетно пытались залучить его въ свои ряды; затѣмъ, вспомнился мнѣ онъ же въ кандалахъ, окруженный конвоемъ, наравнѣ съ острожными героями, и, наконецъ, въ моемъ разгоряченномъ мозгу отпечатлѣлся его образъ, когда онъ, нравственно удовлетворенный, на краю могилы, радостно говорилъ мнѣ, указывая на свои зіяющія раны, изъ которыхъ торчали старческія кости: «вотъ она, благодать Божія!»

И теперь, лежа подъ покровомъ родимой южной ночи, я задумалась надъ судьбой той нивы, которую онъ засѣялъ своей непоколебимой вѣрой и суровыми рѣчами.

Много-ли времени прошло со смерти Дуплія, а даже краткое наблюденіе надъ окружающимъ міромъ, нѣсколько случайныхъ разговоровъ со старыми знакомыми ясно говорили, что, хотя непреоборимый аскетизмъ вожака оставилъ свой слѣдъ, но уже въ значительно смягченномъ видѣ. Мѣсто Дуплія занялъ его односельчанинъ, Назаръ Селянъ, человѣкъ заурядный, съ обычными слабостями и недостатками; главнымъ же проводникомъ нравственной стороны ученія явился сынъ

[1]) О немъ см. дальше.

Дуплія, Александръ. Невысокаго роста, худощавый, съ умнымъ, вдумчивымъ взоромъ и чахоточнымъ лицомъ, онъ привлекалъ каждаго своею сердечностью и ласковымъ словомъ; однако, въ немъ явно отсутствовали родительскій умъ и властность, онъ былъ лишенъ отъ природы тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человѣка героемъ, слову котораго толпа слѣпо подчиняется, предъ кѣмъ она безмолствуетъ.

Душно... Мѣсяцъ поднялся высоко и своимъ серебристымъ свѣтомъ сгладилъ убогія очертанія строеній, фантастически освѣтивъ весь дворъ съ группами молящихся, которые, стоя на колѣняхъ у повозокъ, страстнымъ шопотомъ возносили свои вечернія молитвы. И тихо внимала этой горячей молитвѣ задумчивая южная ночь. Наконецъ, все стихло, смолкло...

Спочивайте-жъ добрі люди
Що кого втомило:
Кого щастье, кого слези,—
Все нічка покрила!

Не спалось мнѣ, не спалось и нѣкоторымъ изъ моихъ сосѣдей. Понемногу около моей повозки сгруппировалась кучка любопытныхъ бабъ и мужиковъ, частью знакомыхъ мнѣ изъ моихъ прежнихъ посѣщеній Прядивки. Центромъ нашихъ бесѣдъ былъ Дуплій; на немъ сосредоточивались мысли каждаго изъ насъ; да и было почему: завтра праздникъ, 6 августа, день, особенно торжественный для прядивцевъ, праздникъ не престольный, а народный, установленный Дупліемъ для нищихъ, калѣкъ, бѣдныхъ дѣтей, для «страннаго люда» и вообще для убогихъ и обездоленныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Въ этотъ день ежегодно сюда стекаются со всѣхъ сторонъ убогіе взрослые и сирыя дѣти, приходятъ они издалека и изъ ближайшихъ деревень. Уже съ 1-го августа начинаютъ здѣсь печь хлѣбы, складывая цѣлыя горы ихъ въ коморахъ и амбарахъ, а наканунѣ самаго праздника, съ утра, здѣсь закипаетъ иная работа: вдоль улицы отъ воротъ, на протяженіи трехъ-четырехъ саженъ, устраивается рядъ «кабыць» для варева, и всѣ онѣ заставляются огромными поливянными горшками и «казанами» [1]) со всякой снѣдью. Каждый изъ односельчанъ, будь это и православный, считаетъ своею обязанностью принять участіе, если не посильнымъ приношеніемъ, то личнымъ трудомъ; бабы стряпаютъ борщъ, варятъ кутью, на длинныхъ столахъ, расположенныхъ во дворѣ, десятки рукъ дѣлаютъ пироги съ кашей, горохомъ, капустой и морковью; мѣсятъ, раскатываютъ, рѣжутъ лапшу и заготовляютъ сыту изъ меда для кутьи. Есть вѣдь для чего потрудиться! У подростковъ своя работа: они носятъ топливо, на нихъ же лежитъ обязанность собрать и доставить возможно большее количество ложекъ и деревянныхъ «ночёвокъ» (корыта) для варева. Спасибо скажетъ завтра голодный и обездолен-

[1]) Чугунные котлы.

ный: ему, вѣдь, рѣдко выпадаетъ такой братскій праздникъ—бѣднякъ накормитъ бѣдняка!

Засвѣжѣло, пахнулъ вѣтерокъ, вдали пропѣлъ пѣтухъ, гдѣ-то откликнулся другой, третій... Занялась заря, защебетали воробушки, постепенно все начало оживать и поднялась та суета, которая придаетъ столько прелести и поэзіи сельской жизни. Въ хатахъ замелькали огоньки, задымились трубы, застилая прозрачной дымкой деревенскую даль. Заскрипѣлъ «журавель», и потянулась къ водопою деревенская «худоба», сопровождаемая бабами, которыя, выгнавъ скотинку, спѣшили, перекинувъ черезъ плечо коромысло съ ведрами, за водою. Милая, знакомая, родная картина!

Вотъ и заблаговѣстили къ заутрени.

Вскорѣ во дворѣ остались лишь хозяинъ да нѣсколько бабъ-стряпухъ, которымъ недосугъ было идти въ церковь. Онѣ разогрѣвали всякую снѣдь, разстилали вдоль всего двора въ нѣсколько рядовъ полóтна и на нихъ раскладывали нарѣзанный хлѣбъ и пироги. Затѣмъ я увидѣла картину, которая никогда не изгладится изъ памяти. Во дворъ потянулись со всѣхъ сторонъ малолѣтки, такъ что вскорѣ весь дворъ запестрѣлъ свѣтлыми и темными головками. Каждая каплюшка тащила въ рукахъ деревянную чашечку и чинно усаживалась вдоль протянутыхъ полóтенъ. У котловъ закипѣла усиленная работа: миски наполнялись горячимъ борщемъ, кулешемъ, лапшею и скоро замелькали ложки, опустошая смѣну за смѣной. Я залюбовалась этой живописной картиной, освѣщенной лучами утренняго солнца. Взрослыхъ тутъ не было. Только хозяинъ, сынъ Дуплія, Александръ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и восторженнымъ взоромъ, обходилъ ряды малолѣтокъ, угощая и поощряя своихъ юныхъ гостей ласковымъ словомъ и доброй улыбкой. Трапеза кончилась; дѣтямъ наполнили ихъ чашечки кутьею съ медомъ, и расползлась эта маленькая команда, унося вмѣстѣ съ незатѣйливымъ лакомствомъ въ сердцахъ своихъ святые зачатки братства, добра и любви къ ближнему!

Наконецъ, отошла обѣдня, и на смѣну дѣтямъ явились нищіе, калѣки, монашки и «странные люди»; вся эта «Христова братія», голодная и холодная, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, принялась торопливо за даровое праздничное угощеніе. Обѣдавшихъ было около трехсотъ человѣкъ, включая сюда и отобѣдавшихъ малолѣтковъ. Насытившись, гости не спѣша, вставали, крестились и располагались группами тутъ же во дворѣ, кто возлѣ хаты, кто подъ навѣсомъ у амбара, а иные и подъ своими повозками. Я отъ души пожалѣла, что со мной не было фотографическаго аппарата, чтобы воспроизвести эту живописную картину изъ народной жизни!

Вотъ грустно прозвучалъ въ воздухѣ первый ударъ обездоленной кобзы!

Нищихъ, убогихъ въ свій домъ не пріймавъ,

Свого брата Лазаря за брата не мавъ,
А вінъ ёго при бідності, та во гной высилавъ,
А висилаючи лютимъ псомъ скувавъ [1])...
И вийшовъ богатий самъ за ворота
А за їмъ вийшла ёго припічна рота...

Такъ пѣлъ слѣпецъ, окруженный толпой такихъ же бездомныхъ лазарей, которымъ каждое слово пѣвца глубоко западало въ душу.

Пользуясь свободной минутой, утомленный мальчишка-поводарь разметался на травѣ и сладко дремалъ; невдалекѣ отъ этой группы раздавался гнусавый голосъ какого-то грамотѣя, мѣрно отчеканивавшаго каждое слово: «...избранніи чудотворцы, страстотерпцы Христовы и врачеве премудріи»...

Побродивъ нѣсколько среди отдыхающихъ группъ, я вернулась на старое мѣсто, сѣла на завалинкѣ и стала прислушиваться къ новой пѣснѣ слѣпца, которая невольно наводила на грустныя размышленія:

...А истинна правда слізами ридае,
А злая неправда медъ вино вживае,
А истинну правду ногами стоптали,
А злую неправду виномъ наповали,
А истинна правда во темной темниці,
А злая неправда зъ панами въ світлиці!..
А нема у світі правди, правди не зіськать
А тільке у світі й правды,—отець, та рідна мать...
А де-жъ ти, правда, ділась,
А чи ти правда вмерла,
А шо зла неправда увесь світъ зажерла!?
А истинна правда у небі царствуе,
А злая неправда у світі правдуе.
А вже кінець віка, той часъ приблизывся...

Надо мной раздался тихій дребезжащій голосъ. Я встрепенулась. Протянувъ морщинистую руку, противъ меня стояла согбенная старушка съ торбынкой черезъ плечо: «Помилосердствуйте Христа ради!»...

И при взглядѣ на эту разношерстную толпу, покрытую чистымъ рубищемъ, объединенную наименованіемъ «Христовой братіи», меня невольно осѣнила мысль, что только-что отошедшая трапеза была какъ бы безсознательнымъ актомъ народной признательности именно этимъ своимъ просвѣтителямъ, въ лицѣ сгруппировавшихся здѣсь странниковъ, кобзарей, начетчиковъ, которые первые пошли въ свое время на встрѣчу проснувшейся народной мысли.

I.

Получить точныя и вѣрныя свѣдѣнія о сектантахъ вообще и о ихъ численности, въ особенности, очень трудно; что ни учрежденіе, то новыя цифровыя данныя, различныя наименованія одной и той же секты. Духовные оффиціальные органы показываютъ одно, администрація дру-

[1]) Травилъ.

гое, статистика третье. Вотъ и извольте разобраться въ этой путаницѣ! Если изслѣдователь и нападетъ на указанія цифровыя, этнографическія или попытки характеристикъ сектъ по существу ученій, то къ этимъ указаніямъ нужно относиться съ большой осторожностью, такъ какъ почти всегда всѣхъ нынѣшнихъ сектантовъ именуютъ или штундистами или шалапутами, будь это хлысты, прыгуны или молокане. Сами же сектанты, весьма понятно, тщательно скрываютъ свою численность, и только исподволь, отъ наиболѣе болтливыхъ, можно получить приблизительныя свѣдѣнія, и то лишь по отношенію того или другого небольшого района.

Когда я, въ началѣ своихъ скитаній по сектантамъ, обратилась къ Дуплію съ наивнымъ вопросомъ: давно-ли его односельчане такъ усердствуютъ и много-ли у него на селѣ братьевъ? то старикъ, со свойственной ему суровостью и природнымъ юморомъ, воскликнулъ: «Эге-е! ще то воно було за старого хмеля, коли людей була жменя, а тепѣръ вже пригоршня!»...

Постараюсь, въ предѣлахъ возможнаго, ознакомить читателей съ тѣми данными, которыя мнѣ удалось добыть изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ источниковъ относительно того религіознаго движенія, которое охватило Новороссійскій край.

Какъ извѣстно, заселеніе края производилось разноплеменными элементами. Здѣсь были и приглашенныя по иниціативѣ правительства славянскія народности, и нѣмцы-меннониты, и выходцы изъ Греціи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи; сюда были переведены въ большомъ числѣ раскольники изъ внутреннихъ губерній и сюда же перекочевали раскольники, долго скрывавшіеся за границей; здѣсь осѣлъ по доброй волѣ русскій поселянинъ и, рядомъ съ нимъ, бѣжавшій отъ притѣсненій злого помѣщика дворовый и тяглый крестьянинъ, которые организовались изъ протестующаго элемента въ лицѣ самыхъ отчаянныхъ головъ. Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, правительство, можно сказать, санкціонировало здѣсь право убѣжища. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., секретное письмо гр. Зубова [1]) къ екатеринославскому намѣстнику Хорвату; въ немъ, между прочимъ, говорится, что къ бѣглымъ нужно имѣть снисхожденіе по человѣчеству, «дабы строгостью, законами повелѣваемою, не доводить ихъ до отчаянія... и чтобы, стараясь истребить побѣги, не подать нѣкоторымъ образомъ къ тому повода, что если окажутся бродяги, то стараться ихъ приписать къ городскимъ сельскимъ обществамъ, смотря по ихъ состоянію». Еще 1-го іюля 1699 г. крѣпость Азовъ была сдѣлана мѣстомъ ссылки колодниковъ, «которые по дѣламъ нынѣ есть и впередъ получатся изъ мастеровыхъ и посадскихъ людей, и къ смертной казни они по тѣмъ дѣламъ не подлежатъ, посылать въ Азовъ съ женами и съ дѣтьми и

[1]) «Первое столѣтіе гор. Екатеринослава», Владимірова.

съ ихъ пожитки на вѣчное житье [1])». Законъ этотъ касался только семейныхъ. Въ Таганрогъ на поселеніе посылались въ 1740 г. арестанты изъ Московской, Казанской, Воронежской и Нижегородской губерній. «Громадныя степныя, луговыя и лѣсныя пространства, составлявшія территорію Запорожья, по уничтоженіи самой Сѣчи въ 1775 году, стали достояніемъ людей привиллегированныхъ классовъ, которые, по понятіямъ того времени, одни считались правоспособными владѣть землею и поселенными на ней людьми. Земля раздавалась въ размѣрѣ отъ 1.500 до 12.000 десятинъ на одно лицо съ микроскопическою помѣрною платою и обязательствомъ заселить въ извѣстный срокъ дозволенными закономъ людьми податнаго класса [2]). Чтобы закрѣпить за собой участокъ земли, нужно было только поселить тамъ 13 дворовъ, а для водворенія поселенцевъ, имъ, на первыхъ порахъ, предоставлялись самыя широкія льготы, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ улыбалась возможность владѣть не только землею, но и людьми. Желающихъ нашлось не мало, въ составъ которыхъ вошли бѣглые, многіе изъ «челяди запорожскаго войска» и выходцы изъ заднѣпровской Украины [3]).

Всѣ эти разновидности растворились въ массѣ сродной національности, сохранивъ лишь нѣкоторыя черты своей народности. Одни лишь нѣмцы-меннониты обособились, сплотились, сохранивъ во всей чистотѣ свою національность и, со свойственной нѣмцамъ вообще настойчивостью и трудолюбіемъ, занялись серьезно земледѣліемъ, основавъ богатѣйшія колоніи.

60-е годы прошлаго столѣтія были особенно благопріятны для расцвѣта раскола въ той мѣстности, благодаря гуманному закону Петра III-го отъ 29-го января 1762 года. Огромная масса старообрядцевъ, съ издавнихъ поръ перекочевавшихъ за границу, добровольно возвращается на родину и размѣщается, съ согласія и по указаніямъ правительства, на запорожскихъ земляхъ. Также изъ внутреннихъ губерній, особенно изъ черниговскихъ слободъ, явилось сюда не мало раскольничьихъ семействъ.

Румянцевъ, въ періодъ управленія краемъ, перевелъ въ Новороссію до 1.242-хъ семействъ изъ Бессарабіи и Польши, и всѣмъ этимъ новоприбывшимъ были отведены участки на земляхъ «войсковаго товарищества». О приписке раскольничьихъ слободъ Екатеринославской губ. къ казачьему корпусу въ именномъ указѣ кн. Потемкину-Таврическому отъ 1788 г., между прочимъ, объяснено: п. 2) жителей раскольничьихъ слободъ, въ Екатеринославской губ. лежащихъ, устроить

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. III, № 1690.

[2]) «Кіевская Старина» 1885 г., № 4, стр. 780—781. Здѣсь приложенъ списокъ лицъ съ обозначеніемъ количества полученной земли.

[3]) Болѣе подробно см. «Кіевская Стар.» 1889 г., №№ 5—6, и «Екатеринославскій юбилейный листокъ» 1887 г., № 2.

по примѣру донскихъ такъ, какъ однодворцы той губерніи устроены, позволяя число ихъ умножить выходцами изъ Польши имъ подобными [1]).

Екатерина II-я, руководствуясь свободными взглядами въ дѣлахъ вѣры, категорически рѣшила предоставить «православнымъ протестантамъ» значительную долю свободы и указомъ отъ 4-го декабря 1762 года подтвердила льготы, дарованныя раскольникамъ Петромъ III-мъ; но она встрѣтила въ этомъ препятствіе и оппозицію со стороны высшаго духовенства. Тѣмъ не менѣе, однако, извѣстные дѣятели по устроенію единовѣрія—преосв. Никифоръ (гр. Ѳеотоки) въ 1780 году дѣйствуетъ въ с. Знаменкѣ, Елисаветградскаго у., бывшаго Екатеринославскаго намѣстничества, а Никодимъ изъ Стародубья входитъ въ 1781 году въ непосредственныя сношенія съ кн. Потемкинымъ, и старообрядцамъ разрѣшается воздвигать часовни и молитвенные дома, выстроить каменный мужской монастырь, извѣстный нынѣ подъ именемъ единовѣрческаго Корсунскаго, имъ даются священнослужители и обѣщается архіерей.

Среди поселившихся въ Новороссійскомъ краѣ раскольниковъ мы наблюдаемъ въ концѣ прошлаго столѣтія значительное религіозное оживленіе. Они сносятся съ раскольниками донскими, бахмутскими, городищанскими Славяносербскаго у. и кагальницкими Ростовскаго у. Что же касается до предвѣстниковъ охватившаго почти весь Новороссійскій край религіознаго движенія, то по этому предмету мы имѣемъ чрезвычайно скудныя данныя. Духовныя изданія вплоть до конца 70-хъ годовъ текущаго столѣтія или замалчиваютъ о сектантахъ, или говорятъ о нихъ глухо и всколзь, а между тѣмъ зачатки этого движенія въ Екатеринославской губ. стали появляться здѣсь въ теченіе всего прошлаго столѣтія, такъ какъ въ Азовской крѣпости впервые появились духоборцы, сосланные туда изъ Москвы и вообще изъ внутреннихъ губерній еще въ началѣ XVIII-го столѣтія, и туда же ихъ продолжали ссылать до конца столѣтія. Село же Никольское, Павлоградскаго уѣзда, дѣлается центромъ пропаганды духоборчества, и здѣсь раздается энергичная проповѣдь основателя духоборчества, Силуана Колесникова (1750—1775 гг.), который имѣлъ особенно большой успѣхъ среди крѣпостныхъ. «Силуанъ Колесниковъ,—говоритъ г. Ливановъ — сдѣлался... мѣстнымъ народнымъ открытымъ учителемъ, народною трибуною, народною церковью, куда спѣшили всѣ, желавшіе слушать приведенное въ нѣкоторую систему то ученіе, которое давно смутно жило въ ихъ умахъ... Колесникову стоило прикрыть догмою отверженіе дурныхъ властей московскихъ, тяготѣвшихъ надъ Украйною, равноправность людей предъ закономъ гражданскимъ, назвать царя и архіереевъ обыкновенными людьми, а безвѣтрительное духо-

[1]) Собр. пост. по расколу Св. Синода, т. I, стр. 739.

венство, какъ бремя—ненужнымъ, и успѣхъ такого ученія могъ быть обезпеченъ въ Украинѣ!» [1]).

И дѣйствительно, его грамотность, начитанность, природное краснорѣчіе, соединенное со строгимъ образомъ жизни и прекрасными душевными качествами, привлекали къ нему массу прозелитовъ. Домъ его открытъ былъ для всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ душевнаго облегченія. Изъ разныхъ дѣлъ видно, что с. Никольское, Павлоградскаго у., было многіе десятки лѣтъ очагомъ духоборчества, откуда выходили непреклонные ревнители своей вѣры. Какъ видно изъ документа о духоборцахъ, извлеченнаго «изъ рукописей Рѣшетиловскаго архива» [2]), уже въ половинѣ прошлаго столѣтія правительство вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ духоборцами. «Такъ,—читаемъ мы,—Павлоградскаго у. нижняя расправа мнѣніемъ положила, а екатеринославская верхняя расправа приговорила по силѣ уложенія гл. I-й, статьи I-й и воинскаго третьяго артикула, подсудимыхъ казнить смертію, сжечь; но до точнаго о томъ разсмотрѣнія по указу 1754 года сентября 30-го дня, наказавъ ихъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и, поставя указанные знаки, сослать всѣхъ ихъ на каторжную работу». Въ чемъ-же заключалось вѣроученіе духоборцевъ? Какъ видно изъ того же документа, по указу 22 февраля 1792 года намѣстническаго правленія, положено было допросить духоборцевъ, высылаемыхъ изъ Екатеринослава въ Сибирь въ количествѣ 36 душъ. Присланные съ Дона казаки по именамъ: Семенъ, Александръ и Кириллъ Блудовы съ ихъ женами и племянницами, равно Баевы, Строевъ Михаилъ, Фролъ Сбитневъ и др. 5-го іюня 1792 года единогласно показали:

«Рождены всѣ они отъ отцовъ, содержавшихъ преданіе церкви рукотворенной, т.-е. руками человѣческими сдѣланной; грамотѣ читать и писать не знаютъ и не учились по словамъ Христа Спасителя, который сказалъ: напишите въ сердцахъ и возвѣстите въ языцѣхъ... Крещеніе отъ поповъ за важное и святое не признаютъ и чрезъ поповское крещеніе крещеный христіаниномъ быть не можетъ. Кто-жъ придетъ въ возрастъ и уразумѣетъ, тотъ всякъ самъ окрестится словомъ Господнимъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа... Въ супружеской жизни основываются на словѣ закона вольномъ съ двухъ сторонъ и любви, не принимая никакихъ рукотворенной церкви обрядовъ. Умирающіе погребаются, гдѣ кому случится, безъ всякихъ обрядовъ рукотворенной церкви, а только общество поетъ Давыдовы псалмы, сколько пожелаетъ... По обряду рукотворенной церкви не исповѣдываются, а исповѣдываются Богу небесному духомъ и причащаются самому Христу также духомъ... Вѣруютъ во единую св. апостольскую церковь, которая есть собраніе истинныхъ христіанъ, и она есть нерукотворенная, которой глава есть Христосъ, основанная на словахъ Христа Спасителя слѣдующихъ: Аще гдѣ двое или трое глаголютъ во имя Мое, Азъ и въ немъ пребываю... Постовъ рукотворенной церкви не признаютъ, а постятся предъ Господомъ, когда кому желательно, духомъ чистымъ и усерднымъ; праздниковъ, въ рукотворенной церкви празднуемыхъ въ разные дни, они не признаютъ, а признаютъ праздники такъ: кто занимается и дѣлаетъ доброе предъ

---

[1]) «Раскольники и острожники», т. II, стр. 62.

[2]) «Русскій Архивъ» 1865 г., годъ 3-й, №№ 5 и 6, стр. 527.

Богомъ, тотъ имѣетъ и праздникъ; во время отправленія, по ихъ мыслямъ, богослуженія, нѣтъ никакого у нихъ начальствующаго, а всѣ равны и всѣ однимъ занимаются. Крестнаго знаменія не изображаютъ, потому что оно не въ помощь; иконамъ и мощамъ, которыя въ рукотворенныхъ церквахъ, не кланяются, потому что они не могутъ дать помощи... Какое есть въ рукотворенной церкви духовенство, считаютъ они ненужнымъ для себя. Прочихъ же человѣкъ по образу равными и одинаковыми считаютъ, и кто имѣетъ въ обществѣ службу и отличіе, по отличію признаютъ».

Новая секта разростается и, въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX-го столѣтія, принимаетъ въ этой губерніи, а также въ сосѣдней Харьковской, широкіе размѣры, подводится мѣстнымъ начальствомъ подъ категорію «бунтовъ», такъ что указомъ императора Павла I-го отъ 12-го августа 1799 г. масса духоборцевъ ссылается въ Екатеринбургъ на тяжкія рудниковыя работы. Только высокогуманнымъ указомъ императора Александра I-го отъ 7-го декабря 1801 года, даннымъ въ огражденіе интересовъ духоборцевъ Екатеринославской и Харьковской губ. «отъ всѣхъ притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ просвѣщенію», *мнимый бунтъ* былъ приписанъ неразумѣнію и неискусству увѣщателей и было повелѣно всякое слѣдствіе и розыскъ прекратить, а взятыхъ подъ стражу освободить.

«И разумомъ и опытами давно уже дознано,—гласитъ указъ,—что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаждаются и исчезаютъ. Сіи увѣщанія,—говорится тамъ же далѣе,—никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія, но должны сами собой и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а, чтобъ сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется, и послѣ претерпѣннаго ими раззоренія войти въ ихъ состояніе».

Духоборцы были разселены по р. Молочной, Маріупольскаго уѣзда, получили по 15 десятинъ душевого надѣла, съ освобожденіемъ въ теченіе пяти лѣтъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей; на подъемъ имъ выдано было изъ казначейства заимообразно по 100 рублей на дворъ, а уплата за землю разсрочена на 25 лѣтъ. Эти переселенцы основали здѣсь слободу Богдановку. Въ 1807 г., въ самомъ гор. Екатеринославѣ, былъ арестованъ мѣщанинъ Соколовъ, а въ с. Константиновкѣ—трое безпаспортныхъ бродягъ, не исповѣдывавшихъ никакой вѣры и власти никакой не признававшихъ. Они были закованы въ желѣзо, снабжены кормовыми деньгами и сосланы въ Соловецкій монастырь подъ строгій надзоръ архимандрита Илларіона. Въ 1820 г. Соколовъ вернулся на родину и совратилъ въ сектантство своего сына Семена и др. односельчанъ, за что вновь былъ водворенъ въ Соловки,

а его послѣдователи сосланы въ Кавказскую губернію [1]). О молоканахъ и субботникахъ въ Екатеринославской губ. имѣются довольно глухія свѣдѣнія. Молокане были въ Екатеринославской губ., говоритъ г. Ливановъ, но въ 1822 г., вслѣдствіе настоятельнаго требованія екатеринославскаго архіепископа Іова, они были высланы на Молочныя воды; далѣе, изъ другого источника мы узнаемъ, что «между меннонитскими и ногайскими поселеніями отведенъ участокъ земли въ 30 т. десятинъ для поселенія молоканъ, и въ 1823 г. основано первое поселеніе въ дер. Нововасильевкѣ, Таврической губ. Сюда они были высланы большею частью изъ губерній: Тамбовской, Орловской и *Екатеринославской*, при чемъ между ними было особенно много донскихъ казаковъ, изъ коихъ нѣкоторые даже служили въ офицерскихъ чинахъ» [2]).

II.

Бросивъ бѣглый взглядъ на картину зачаточнаго религіознаго движенія въ Екатеринославской губ., мы видимъ, что еще не такъ давно приходилось считаться съ единицами, десятками; теперь же сектантство захватываетъ хутора, деревни, села, почти сплошь цѣлые уѣзды [3]), увлекая стараго и малаго: ростетъ штунда, ростетъ хлыстовщина, прыгунство, молоканство, ростетъ пробужденная мысль народная, принимая, быть можетъ, и неправильное теченіе, такъ что нужно много умѣнія, любви къ народу и терпѣнія, чтобы съумѣть овладѣть этимъ стремительнымъ потокомъ и заставить его войти въ нормальное русло!

Въ промежутокъ времени съ 1847 г. по 1852 г. начали образовываться въ южной полосѣ Россіи новыя наслоенія въ мірѣ сектантовъ. Въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ отъ 1847 года № 243 находится дѣло о государственномъ крестьянинѣ Цыбѣ изъ Екатеринославской губ., Павлоградскаго у. Изъ этого дѣла видно, что Цыба

«установилъ новый порядокъ въ отправленіи молебновъ, панихидъ, каноновъ и акафистовъ. Во время моленія читалъ Евангеліе, молился за Императорскую фамилію, за всѣхъ своихъ послѣдователей, раздавалъ просфоры; по окончаніи моленія читалъ или разсказывалъ житія святыхъ, а о самомъ себѣ объявлялъ, что онъ посланъ отъ самого Бога Отца и Матери Божіей для удержанія людей отъ соблазна и для наставленія на путь истины, что къ нему въ видѣніяхъ являются для бесѣды пророки Илія и св. Алексѣй, предсказывалъ каждому изъ присутствовавшихъ уготовленное его молитвами божество въ царствіи небесномъ, угрожалъ адомъ не слушавшимъ его поученій и не слѣдовавшимъ за нимъ, называлъ себя проповѣдникомъ слова Божія, учителемъ, отцомъ Сергіемъ. Училъ при встрѣчахъ привѣтствовать другъ друга словами: «Господь на здоровье, Христосъ на здоровье», а разставаясь, говорить: «Господь на прощанье, Христосъ на прощанье». Во время моленія по

[1]) «Собр. пост. по части раскола», кн. 2-я, стр. 52, 58—59.

[2]) «Отечественныя Записки» 1828 г., стр. 56.

[3]) Въ Кіевской и Херсонской губерніяхъ.

ночамъ представлялся, что замираетъ. Тутъ онъ послѣ продолжительной молитвы принималъ видъ утомленный до болѣзненнаго состоянія, ложился на постель, притворялся заснувшимъ, стараясь быть совсѣмъ безъ движенія; пролежавъ довольно долго, онъ начиналъ говорить, то невнятно, то громко, что онъ видитъ Бога, его угодниковъ, сонмъ ангеловъ и тому подобное; читалъ стихъ «величитъ душа моя Господа», махалъ руками, какъ будто крыльями, объясняя потомъ, что душа его летала на небо; иногда вскакивалъ въ безпокойствѣ, размахивалъ руками, билъ кулаками въ стѣны и двери, объясняя потомъ, что разгонялъ нечистую силу и убилъ дьявола, искусившаго кого-либо изъ его приверженцевъ. Поучалъ водки и вина не пить, мясного не ѣсть, бороды не брить, никого не обижать и отвергать православное духовенство. По наставленіямъ Цыбы, приверженцы его, во время его замираній, подходили къ нему съ благоговѣніемъ и цѣловали правое его колѣно, на которомъ, будто-бы, былъ у него на тѣлѣ крестъ. При освидѣтельствованіи найдена у него на колѣнѣ лишаеобразная рана. Цыба имѣлъ любовную связь съ нѣкоторыми женщинами и, не смотря на то, привязалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдователей до того, что они отказывались отъ родныхъ отцовъ и матерей, дѣтей и всего своего состоянія, а при убѣжденіи отстать отъ Цыбы и обратиться къ церкви, объявляли готовность всѣ наказанія, къ какимъ бы Цыба ни былъ присужденъ, перенесть, хотя бы это стоило жизни; одинъ изъ нихъ сказалъ при слѣдствіи, что если разлучатъ его и другихъ съ Цыбою, то это все равно, что разлучить ихъ со Христомъ и Божіей Матерью. Другіе упорно оставались въ своихъ заблужденіяхъ, что Цыба есть посланникъ Божій» [1]).

Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія были началомъ широкаго религіознаго движенія. Этому движенію много способствовали крестьянскія волненія 1855 г., когда крѣпостной почувствовалъ себя человѣкомъ и почувствовалъ близость освобожденія. «Бунтовщиковъ» старались усмирить вооруженной силой, но это не помогало; народъ сталъ враждебно относиться и къ духовенству, которое, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ панами, прятало волю.

Проснувшееся народное самосознаніе принимало самыя причудливыя направленія сообразно тѣмъ вліяніямъ, которыя овладѣвали взбудораженной мыслью. И явились добровольные учители, просвѣтители этой темной массы: то были прохожія чернички, отставные солдаты, нищіе, монахи, нѣмцы-меннониты и иной «бродячій людъ», который шествовалъ тысячи верстъ, пробираясь чрезъ всю матушку Русь, чтобы поклониться мощамъ, да послушать душеспасительныхъ бесѣдъ. Эти-то добровольцы явились піонерами въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, откликнулись на духовные запросы, дѣлясь съ народомъ своими скудными познаніями, читая и поясняя доступныя народу книжки. Народъ жадно внималъ разсказамъ о страданіяхъ Спасителя за униженныхъ и обиженныхъ, о загробной жизни,—разсказамъ, почерпнутымъ изъ Четьи-Минеи, слушалъ толкованія апокалипсическихъ предсказаній, и боль-

[1]) «Исторія м-ва внутреннихъ дѣлъ», т. 8-й, стр. 598—599.

ная мысль терялась въ этомъ калейдоскопѣ всевозможныхъ предсказаній и пророчествъ. «Въ народѣ смутно таилось сознаніе несообразности и ненормальности того, что рядомъ съ ученіемъ православной церкви о всеобщемъ братствѣ, о Христѣ, стояло рабство, поддерживаемое и нѣкоторыми монашествующими представителями той же церкви», говоритъ г. Реутскій [1]). Вотъ въ эти-то моменты духовнаго шатанія и колебаній, въ народѣ стала укрѣпляться мысль о близкомъ пришествіи антихриста, слугами и предтечами котораго народъ считалъ своихъ притѣснителей. Обращаясь съ вѣрою къ апокалипсическимъ предсказаніямъ, народъ съ трепетомъ спрашивалъ себя: не сбывается-ли? Отыскивая пути ощупью, онъ ко всему сталъ относиться подозрительно, повсюду видя знаменія пришествія, если не самого антихриста, то его предтечей. Движеніе это захватываетъ много селъ, деревень и хуторовъ въ Новомосковскомъ уѣздѣ [2]) и прилегающую къ нему часть Кобелякскаго уѣзда Полтавской губ., именно тѣ мѣста, гдѣ пролегалъ путь богомольцевъ съ Дона на Кіевъ. Эта страница въ исторіи религіознаго движенія отличается мрачнымъ колоритомъ: «міръ гибнетъ во грѣхахъ—спасайтесь!» вотъ исходная точка отправленія громко раздавшейся проповѣди.

— Теперь уже есть предтечи антихриста,—говорилъ руководитель этого движенія Дуплій, — которые судятъ народъ судомъ неправеднымъ, предатели правды и истины, богоненавистники, но вотъ-вотъ скоро придетъ и самъ антихристъ изъ Туретчины, и тогда-то начнется великое смятеніе народное: побросаютъ люди испоконъ насиженныя мѣста и разбѣгутся въ разныя стороны и будутъ люди гибнуть отъ холода и голода, питаясь всякими скверны земными. Антихристъ же явится во образѣ человѣка и будетъ искушать народъ великими соблазнами.

Нервно настроенная толпа внимала проповѣднику, подчиняясь его энергіи, краснорѣчію, шла за нимъ, трепетно ожидая конца міра. На всемъ лежала печать безнадежности. Во множествѣ стали появляться міряне—подвижники, аскеты, началось усиленное хожденіе по св. мѣстамъ, въ Кіевъ, для поклоненія мощамъ и для душеспасительной бесѣды съ отшельникомъ Іоною, который только подкрѣплялъ ихъ вѣру въ наступленіе кончины міра, переполняя своими разсказами чашу безнадежности. Жизнь дѣйствительно такъ мало давала придавленному гнетомъ крѣпостничества народу, что ему оставалось одно лишь утѣшеніе—мечтать о жизни загробной, которая сулила за претерпленныя земныя страданія вѣчное блаженство на небѣ, въ раю! И вотъ, постепенно отдаляясь отъ своихъ односельчанъ, религіозность которыхъ

[1]) «Люди Божьи и скопцы», стр. 23.

[2]) Села: Перещепину, Чаплынку, Прядивку, Котовку, Могилёвъ, Шульговку Богатую на р. Орели и многія друг., по преимуществу самыя большія и промышленныя села.

*

не отвѣчала, по ихъ мнѣнію, требованіямъ времени, нѣкоторые, подъ руководствомъ грамотѣевъ, усиленно занялись чтеніемъ Евангелія, житій святыхъ, обильно окуривали хаты ладаномъ для изгнанія злого духа, распѣвали духовные стихи, стали отказываться отъ пищи, изнуряя свою плоть чрезмѣрными постами, отказались отъ спиртныхъ напитковъ, перестали курить табакъ—«бісове зіллє» и ставили безбрачіе въ большую заслугу, ибо «могій вмѣстити, да вмѣститъ»; къ общественнымъ дѣламъ эти обособившіеся стали относиться крайне индифферентно и болѣе занимались религіозными и житейско-нравственными вопросами. Такимъ образомъ, незамѣтно для самихъ себя, они превратились *въ иныхъ* людей среди своихъ односельчанъ, получивъ кличку «*шалапутовъ*», что означаетъ на простонародномъ языкѣ людей, сбившихся съ истиннаго пути. Не заботясь о земномъ, умаляя свои потребности до послѣдней крайности, они дошли до самобичеванія, начали надѣвать вериги, растравлять и вередить раны на тѣлѣ и возводить физическія страданія чуть-ли не въ культъ. «Будь смиреніемъ великъ, а нищетою богатъ, ибо житіе наше на небесахъ есть»,—такъ поучалъ вожакъ шалапутовъ. Во главѣ новаго религіознаго движенія сталъ крестьянинъ с. Прядивки, Новомосковскаго уѣзда, Петръ Дуплій, о которомъ я уже имѣла случай говорить подробно въ нашей печати [1]).

Шалапутство, какъ окрестила народная молва новую секту, своими догматами мало отличается отъ православной церкви; оно скорѣе является суррогатомъ послѣдней. Не довольствуясь существующими сокращеніями въ церковной службѣ, сектанты устроили у себя рядъ бдѣній, гдѣ болѣе грамотный отправлялъ, т.-е. читалъ всю службу безъ пропусковъ; такое безпрерывное моленіе, почти сплошь на колѣняхъ, при обильномъ окуриваніи ладаномъ душной хаты, страшно изнуряло ихъ.

Не мало пособій оказывали народившіеся «отщепенцы» православнымъ монастырямъ, не мало помогали они своимъ односельчанамъ и вообще бѣднымъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ исповѣданіи, и все это дѣлалось тайно, воистину по-евангельски, такъ что лѣвая рука не знала, что творитъ правая.

Въ Новомосковскомъ уѣздѣ еще доселѣ существуетъ женскій монастырь С., который своимъ благосостояніемъ въ значительной степени обязанъ *шалапуту* Дуплію. Широко дѣйствовала мужицкая благотворительность, далеко неслось воззваніе о необходимости поддержать Божію обитель «И чімъ тільке не усердствовали!—разсказывалъ мнѣ Дуплій.—Були тутъ и паровиці зъ хлібомъ, и лантухи зъ борошномъ и полотна, а якъ забогатіла игумынья, тай донесла на мене, шо шалапутъ Дуплій въ ії монастирі зъ монашокъ шалапутокъ поробивъ». Долгое время Дуплій былъ желаннымъ гостемъ въ монастырѣ; часто и

[1]) «Русскія Вѣдомости» 1883 г., № 19, и «Сѣверный Вѣстникъ» 1890 г., № 8.

игуменья подъѣзжала въ каретѣ къ убогой хатѣ сектанта, прося у него помощи и совѣта. Онъ дѣйствительно и пользовался своей властью, простирая ее и на внутренніе распорядки монастырской жизни, гдѣ часто стали раздаваться его обличительныя рѣчи противъ монастырской распущенности. Все это закончилось, однако, очень печально для Дуплія. Его вмѣшательство во внутреннюю жизнь монастыря пришлось не по сердцу игуменьѣ, и, когда миновала потребность въ матерьяльной помощи, она заявила кому слѣдуетъ о *«шалапутствѣ»* Дуплія. Старика арестовали, заковали въ кандалы, окружили усиленнымъ конвоемъ и отправили въ павлоградскую тюрьму. Онъ фигурировалъ на скамьѣ подсудимыхъ. На судѣ выяснилось, что «преступникъ» этотъ водки не пьетъ, не куритъ, мяса не ѣстъ, усердно постится и молится, призывая также къ посту, молитвѣ и другихъ. Такой результатъ дознанія привелъ къ полному оправданію подсудимаго, къ вящшему торжеству его единомышленниковъ.

Подъ вліяніемъ отставныхъ солдатъ, черничекъ, монаховъ и всякаго бродячаго люда, который своими разсказами усугублялъ угнетенное настроеніе народной массы, о коемъ сказано выше, паника охватывала людей все сильнѣе и сильнѣе: они постились, молились, съ отчаяніемъ взывая къ милосердію Божію. Подъемъ духа былъ слишкомъ великъ, а жертвы, которыя приносились для спасенія души—во избѣжаніе «мукъ пекельныхъ», показались нѣкоторымъ недостаточными, вслѣдствіе чего наиболѣе ревностные изъ нихъ растравляли раны, надѣвали вериги, поддерживая вокругъ себя атмосферу страданія и отреченія. Подобное настроеніе разрѣшалось необычайными явленіями. Подъ вліяніемъ разсказовъ какого-то слѣпого монаха о необходимости запечатлѣть представленіе о смерти болѣе осязательно, организовался союзъ молодыхъ дѣвушекъ, беззавѣтно стремившихся обрѣсти полное спасеніе, которыя ежедневно стали собираться по ночамъ въ хатѣ одной бобылки; онѣ избирали изъ своей среды очередную, раздѣвали ее и, облачивъ въ длинную бѣлую сорочку, связывали ей ноги, накрестъ складывали руки, украшали лобъ бумагой въ видѣ вѣнчика и клали эту импровизированную покойницу на лавку подъ божницу; присутствующія же зажигали восковыя свѣчи, курили ладаномъ, причемъ одна изъ нихъ громко читала молитвы, а остальныя начинали «тужить», т.-е слезно причитывать надъ этой покойницей. «Натужившись» вдоволь, онѣ развязывали ей ноги, подымали ее, и покойница, отбывъ свой чередъ, становилась на слѣдующій день снова въ ряды плакальщицъ. Все это дѣлалось въ большомъ секретѣ отъ сторонняго наблюдателя, не участвовавшаго въ организаціи, но когда Дуплій прозналъ о такомъ союзѣ, то разогналъ членовъ его, заявивъ, что на усердіе *въ такой формѣ* онъ не благословлялъ. Спустя ужъ много лѣтъ разсказывалъ онъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ, и лицо его, при одномъ воспоминаніи, принимало суровое, негодующее выраженіе.

Для принятія въ число шалапутовъ не существуетъ никакихъ обрядовъ; прослѣдивъ за прозелитомъ нѣкоторое время, достаточное, чтобы ознакомиться съ наклонностями его, съ твердостью характера, его принимали, и онъ дѣлался сразу равноправнымъ членомъ своей новой братской общины.

III.

Хлыстовщина была занесена, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ Екатеринославскую губ. отставными матросами, возвратившимися на родину изъ гор. Николаева. Впервые появленіе секты было замѣчено въ селѣ Петриковкѣ, Новомосковскаго уѣзда, которое и сдѣлалось впослѣдствіи однимъ изъ центровъ новаго религіознаго толка. Руководителемъ сектантовъ въ г. Николаевѣ, судя по ихъ собственнымъ разсказамъ, былъ нѣкій капитанъ Сухотинъ, котораго затѣмъ судили за ересь и сослали.

«П...п... дюже бувъ балакучій панъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ его единомышленниковъ,—якъ зачне, якъ зачне, ажно не протовпишся въ ёго річахъ; въ своіхъ хоромахъ зъ нами якъ свій братъ, до кажного разъ-у-разъ іде на зустрічъ, кажному въ ноги поклониться, «работа на Бога» [1]) зъ нами, а якъ вийде у городъ, або на базарь, неначе и не нашъ... въ палетахъ, важніющій бувъ панъ!..»

Хлыстовщину часто смѣшиваютъ съ *шалапутствомъ*, ограничиваясь въ опредѣленіи сектъ чисто внѣшними признаками. Дѣйствительно, какъ тѣ, такъ и другіе отличаются замкнутостью жизни, строгими постами, полнымъ отверженіемъ мясной пищи и цѣломудріемъ; одежду они обыкновенно носятъ темную, хаты украшаютъ иконами. Представители обѣихъ сектъ усердно посѣщаютъ православную церковь, строго слѣдя за выполненіемъ всѣхъ ея требъ. На самомъ же дѣлѣ ученія этихъ двухъ сектъ діаметрально противоположны, хотя обѣ секты слѣдуетъ отнести къ разряду мистическихъ.

Шалапуты, какъ мы видѣли выше, убѣждены, что *наступаетъ уже* царство антихриста, *мрачно* смотрятъ на жизнь, считая ее только искупительнымъ предвѣчнымъ періодомъ, *сознательно* бичуютъ себя ради спасенія души, признаютъ главнымъ образомъ Старый Завѣтъ, какъ основной источникъ всѣхъ предсказаній и пророчествъ; по ихъ мнѣнію, Новый Завѣтъ только «повершаетъ» Старый. Православную религію они признаютъ со всѣми ея обрядностями, но, не довольствуясь «усердіемъ» духовенства, дополняютъ церковное богослуженіе усиленными домашними бдѣніями, постами и всякими физическими лишеніями. Вопросъ о нравственности выдвигается у нихъ самъ собой на первый планъ, но, игнорируя пользу отъ этого нравственнаго самоусовершенствованія для земного существованія, они всѣ помыслы свои обращаютъ лишь къ загробной жизни, почему и молитвы, самобиченія, посты и изнуренія разсматриваются лишь, какъ средства для достиженія небеснаго блаженства.

[1]) Т.-е. радѣетъ.

Хлысты же, въ противность шалапутамъ, *возвеличиваютъ личность*, и, уподобляя себя божеству, утверждаютъ, что близится уже «царство истинныхъ христіанъ», что существованіе видимаго міра должно продлиться до безконечности, такъ какъ въ самихъ людяхъ лежатъ зачатки рая и ада, но наступленіе «царства истинныхъ христіанъ» задерживается только злою волею человѣка и его невѣдѣніемъ, которыя и толкаютъ его въ пучину грѣховъ. Въ одной изъ записанныхъ мной хлыстовскихъ пѣсенъ, которую полностью приведу ниже, явно сквозитъ боязнь за участь души, не очищенной отъ грѣховъ.

Въ концѣ пѣсни говорится:

Не знаемъ мы, братці, будемъ-ли видаться въ послідній часочекъ?
Покроють доскою... шо візьмемъ зъ собою?!
Наша гордость, ліность за насъ не заступить
И грішную душу одъ мукъ не одкупить и т. д.

Хлысты утверждаютъ, что и Христосъ воскресъ только Божествомъ своимъ, а человѣческая плоть его превратилась въ тлѣнъ. Придерживаясь главнымъ образомъ, новозавѣтнаго ученія, хлысты, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно почитаютъ псалмы царя Давида, и, признавая пляску пѣснопѣвца предъ кивотомъ завѣта за единственно возможный способъ единенія съ Богомъ, они моленія свои сопровождаютъ особаго рода пляской, именуемой у нихъ «радѣніемъ», и пѣніемъ импровизированныхъ духовныхъ стиховъ. Подобное моленіе они также называютъ «работой Богу» и «ділами», ссылаясь на Евангеліе, гдѣ сказано, что «вѣра безъ дѣлъ мертва есть». Учителей они не выбираютъ и признаютъ достойными не грамотѣевъ, а тѣхъ, «кого осѣнитъ Духъ Святой и кого самъ Господь Богъ сподобитъ пророчествовать на «радѣніяхъ», и эту сторону своего ученія они подтверждаютъ текстомъ Евангелія: «Отче небеси и земли яко утаилъ еси отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси то младенцамъ». *Они безсознательно* бичуютъ себя, воображая, что «работой Богу», т.-е. пляской, приближаются къ его естеству.

Большая часть хлыстовъ—люди очень зажиточные; ихъ гумна полны скирдами хлѣба, въ «левадѣ» стоятъ стоги сѣна, въ загонахъ худоба, подъ навѣсомъ сытые кони; внутреннее убранство хатъ говоритъ о полномъ матерьяльномъ довольствѣ, и среди этой-то обстановки еще рельефнѣе выступаютъ немощные, исхудалые, отуманенные больной мыслью обладатели этихъ достатковъ.

Каждая отдѣльная хлыстовская община называется «кораблемъ», который управляется кормчимъ или пророкомъ, а члены корабля, иначе говоря прихожане, называются братьями-корабельщиками. Живутъ хлысты замкнутой жизнью и отличаются необыкновенной скромностью. Слѣдующая пѣсня [1]) характеризуетъ отношенія братьевъ-корабельщиковъ, т.-е. членовъ этой обособленной дружной общины:

---

[1]) Записана мною въ селѣ Петриковкѣ, Новомосковскаго уѣзда.

Кораблик, кораблик воспливае по синему морю,
Въ кораблику корабельщики терплять много горя...
А вірному молодцю помощь подается,
Когда вірный молодець въ обманъ не дается
И всі скорби и печали терпить побіждае,
А самъ стоитъ въ «кораблику» рулемъ управляе
Ко Отцу въ высоту просьбу посилае:
«Отець ти нашъ милосердний,
До всіхъ насъ усердний»...
Якъ би були всі матроси
Своимъ сердцемъ прости,
Другъ вони на друга *моленно* взирали
За любовь за віру головушки-бъ клали
Надежду на Бога всегда-бъ спокладали
А земної слави ні въ чомъ не искали,
Бо земная слава,
То—горька отрава,
Хто зъ нея спізнався,
Той зъ Богомъ разстався!..
А намъ сестри-браття, надо крестъ терпити;
Рай даромъ не дасться...
Самъ Богъ унизився, на хресті очутився...
Не знаемъ мы, братці, будемъ-ли видаться въ послідній часочекъ!..
Покроють доскою,—
Що візьмемъ зъ собою?!
Наша гордость, ліность, за насъ не заступить
И грішную душу одъ мукъ не одкупитъ!
Богу слава и держава
Во віки вековъ. Аминь.

«Корабль» ихъ плыветъ по морю, т.-е. дѣйствуетъ среди житейскихъ невзгодъ, измѣнъ и соблазновъ, и всѣ члены обязаны быть солидарны, не должны измѣнять братству, не гнаться за земною славою.

Въ этой же пѣснѣ, какъ видитъ читатель, проведена идея о божественномъ естествѣ человѣка, въ силу которой хлысты при встрѣчахъ «моленно взираютъ другъ на друга» и кладутъ взаимные земные поклоны.

Вступающій въ хлыстовскій «корабль» долженъ порвать связь со всѣмъ, что ему прежде было близко и дорого, забыть прошлое, какъ нѣчто грѣховное, и всѣмъ своимъ существомъ отдаться служенію Богу и союзу «избранниковъ Божіихъ». Принятіе въ хлыстовскую общину обставлено значительными затрудненіями: согласіемъ общины, испытаніемъ, которое длится иногда нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ испытуемый долженъ поститься и молиться, стараясь забыть прошлое; ему сообщаютъ сначала вкратцѣ главные догматы вѣроученія: мяса не ѣсть—оно даетъ поблажку плоти; не пить водки, не курить табаку, не произносить клятвъ, избѣгать ругательствъ, воровства и блуда, не посѣщать православныхъ празднествъ, каковы: свадьбы, крестины и пр., и приготовить себя къ твердой встрѣчѣ всевозможныхъ гоненій со стороны даже такихъ близкихъ лицъ, какъ отецъ,

мать, жена и дѣти, которые, можетъ случиться, будутъ его хулить и ненавидѣть. Кромѣ такого продолжительнаго искуса, требуется поручительство одного изъ членовъ «корабля», котораго новопоступающій въ общину долженъ потомъ одарить за поруку. Принятіе въ секту отличается большою торжественностью и ликованіемъ. Вступающаго предварительно переодѣваютъ въ длинную бѣлую рубаху и шаровары, т.-е. облачаютъ въ «ризы невинныя», въ руку даютъ «хусточку» и затѣмъ уже вводятъ въ собраніе «избранниковъ Божіихъ». Вся обстановка собранія, люди, одѣтые точно въ саваны, съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ, возбужденныя лица, обиліе земныхъ поклоновъ другъ передъ другомъ, таинственность—наглухо закупоренная «світлиця», охраняемая сторожевыми, атмосфера, насыщенная запахомъ ладана, чтеніе «пророка» надъ вступающимъ и, наконецъ, «раскрытіе дѣлъ», т.-е. «радѣніе», выражающееся въ дикой пляскѣ съ біеніемъ себя въ грудь, вопли, стоны и метанье, конвульсивное и припадочное, производитъ на свѣжаго человѣка потрясающее впечатлѣніе. Но вотъ кончилось радѣніе, и начинается пророчество. «Слово» идетъ сначала общее. Говоритъ пророкъ неясно, рѣчь изобилуетъ туманными, общими мѣстами. Иногда же «слово» предназначается спеціально по адресу кого-нибудь изъ присутствующихъ, съ цѣлью изобличенія его во грѣхахъ. Изобличаемый въ подобномъ случаѣ долженъ стоять предъ пророкомъ на колѣняхъ и со слезами приносить покаяніе. По окончаніи моленія, собравшимся предлагается въ другой половинѣ хаты трапеза, которая заключается чрезвычайно характерной пѣснью [1]), въ которой изображены главные догматы хлыстовщины, а также и отношеніе хлыстовъ къ верховной власти:

Благодаримъ Бога Отца,
Сына Божьяго Творца,
Шо намъ пищу сотворивъ,
На престолъ поставивъ,
На престолъ поставивъ,
Благодатью посоливъ,
По рядамъ насъ посадивъ
Да и кушать благословивъ.
Михаилъ Архангелъ скативъ,
Ситой святой насладивъ,
Благодатью одъ Христа
Наситивъ наши уста,
Наситивъ насъ, накормивъ,
Живой водой напоивъ.
Дай Богъ здравствовать ёму—
Хозяину въ цімъ дому!
Ми за милость за твою,
Усі помолимся въ раю,
Шобъ услышавъ Богъ-Отець,
Тай пожаловалъ вінець.
Ты удалый молодець
Питаешь білихъ овець;
За твою за доброту
Богъ покрые сироту,
За умѣлий за привѣтъ
Засвітить Спаситель свѣтъ,
А за вѣру, за надежду
Пришлетъ бѣлую одежду;
Назовешься божій синъ
И прибавить въ тебе силъ...
Тебе имя Филаретъ...
Растворяешь ворота,
Иде усяка сирота;
Убогіе, безногіе, безрукіе, слѣпые
Усімъ одна *тамъ* буде честь,
Хоть вельможа онъ здѣсь есть!
Ми у этому дому,
Якъ у царствіи въ раю

[1]) Пѣсня эта записана мною въ Новомосковскомъ у., но ее же я слыхала и у прыгуновъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Шо ми Духомъ запоетъ
Усі «корабличкомъ» пойдемъ
Въ труби ангели вострубять...
Ми пойдемъ усі «на кругу»,
Якъ ангели запоемъ,
Да и «хрестечкомъ» пойдемъ...
Благодатію Богъ вінчае
Святимъ Духомъ покончае...
Освіти світла заря
Спаси Господи царя,
Сохрани ёго столицю
Шоб крові не пролить.
За то й Богъ его хранить,
Шо за христіанъ стоить!
Пошли Богъ покровъ избраннімъ
На молитву теперь станімъ.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вопреки свойству малороссійской пѣсни, которая, какъ извѣстно, отличается мелодичностью и задушевностью, пѣсня-молитва хлыстовъ, при звучности стиха, гармоніи и подчасъ глубинѣ содержанія, поражаетъ банальностью плясового мотива. «Вси языци восплещите руками, воскликните *гласомъ радованія*», говорится въ псалмѣ царя Давида—отсюда и происхожденіе плясового мотива пѣсень. Во время пѣнія хлысты ударяютъ себя по правому колѣну, какъ бы выбивая тактъ.

Крещенія хлысты не признаютъ никакого и говорятъ, что они крестятся, когда терпятъ страданія во время гоненій за вѣру, а причащаются, когда «радѣютъ, очищая себя Святымъ Духомъ». Страданій же они и сами себѣ создаютъ не мало. «Работаютъ», т.-е. скачутъ они и на «радѣніяхъ», скачутъ и въ одиночку, если только увѣрены, что ничей сторонній глазъ не наблюдаетъ за ними. Вслѣдствіе постоянныхъ усиленныхъ движеній, у хлыстовъ развиваются всевозможныя внутреннія болѣзни, особенно болѣзнь печени и ужасающее истощеніе силъ. Болѣе всего мнѣ приходилось встрѣчать страдающихъ вздутіемъ печени, а женщинъ—сплошь со спеціально женскими болѣзнями. Посты довершаютъ «радѣнія», расшатывая въ конецъ здоровье этихъ добровольныхъ страдальцевъ. Хлысты усиленно постятся, почти совсѣмъ избѣгая пищи, постятся такимъ образомъ недѣлями, изнуряя и безъ того тщедушную плоть свою. Необходимость продолжительныхъ постовъ выражена у нихъ въ пѣснѣ [1]), гдѣ вѣрующіе приглашаются слѣдовать примѣру Спасителя:

Прелюбезный нашъ Спаситель
На землі за насъ страдавъ,
По усему міру, по селамъ
И по многимъ городамъ
Одъ злодіевъ бувъ гонимъ,
Усі избранні йшли за нимъ.
Онъ распятъ бувъ на хрестѣ,
Самъ содержанъ на постѣ...
Попоститься по *денечку*,
По денечку, або й по *два*,
Буде Господу угодно,
А хто *три* дні попоститься—
Гріхъ во плоті умертвиться.
А у кого розумъ твердий
Перетерпить день *четвертий*,
А хто й *пятий* простраде,
Той плотію завладае..
Духа Свята призивая,
Перетерпить день *шестой*;
Хто жъ *седмицю* попотягне—
Благодать той получае,
Душу даромъ причащае,
Покаяньемъ очищае.
Онъ приносить Христу кровь,
Очищаясь жизнью вновь.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

[1]) Записана мною въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

Хлысты очень строго слѣдятъ за нравственностью «братьевъ» и «сестеръ», и малѣйшее нарушеніе правилъ о безбрачіи влечетъ за собой выговоры, отлученіе и великую скорбь всего «корабля». Бракъ хлысты отрицаютъ. Считая, что первородный грѣхъ искупленъ, они заключаютъ отсюда, что повелѣніе рости и множиться тѣмъ самымъ уничтожается, но такъ какъ грѣхъ еще пребываетъ въ людяхъ, потому-то люди и продолжаютъ множиться. Дѣтей въ хлыстовскихъ семьяхъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «дьяволъ искуситъ», побѣдивъ слабую плоть человѣческую, женскій надломленный организмъ не справляется со своимъ положеніемъ и даетъ въ результатѣ выкидышъ; послѣднее обстоятельство и дало поводъ утвердиться въ народѣ убѣжденію, что хлысты вытравливаютъ, «мертвять дітей», тогда какъ выкидышъ является естественнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ движеній. Разъ женщина готовится стать матерью, паденіе ея возводится въ разрядъ тяжкихъ прегрѣшеній, и она временно удаляется изъ общины. Исключенная, она еще съ большимъ усердіемъ «работаетъ въ одиночку на Бога» и тѣмъ самымъ, стараясь замолить свой грѣхъ, безсознательно убиваетъ внутри себя зародышъ новой жизни.

Тяжелое положеніе дѣвушки, попавшей «дьявольскимъ навожденіемъ» въ бѣду, изображено въ слѣдующей, записанной мной, пѣснѣ:

Ой горенько, горенько, велика біда:
Потеряла дѣвушка добрия діла,
Лішилася дѣвушка світлого рая,
А за нею плакала Матушка родна: (2 раза)
Не йди гулять дѣвушка у темни ліса,
Нема у тебе дѣвушка востраго меча,
Ростерзають дѣвушку лютие звіря (2 раза)
Воскликнула дѣвушка громкимъ голосомъ:
«Ну шо-жъ мінi дѣлати, Матушка родна!»
— Попроси-жъ ти дѣвушка свого жéниха,
Свого, свого жéниха Ісуса Христа,
Отъ-той тебе й виведе зъ темнаго ліса!
Богу слава и держава
Во вѣки виковъ. Аминь.

Мнѣ не время останавливаться здѣсь на деталяхъ этой женской трагической эпопеи: страница за страницей наполнилась бы картинами тяжелой душевной борьбы, которая доводила людей въ иныхъ случаяхъ до самоубійства. Не мало молодыхъ силъ гибло въ непосильной борьбѣ, не мало рушилось семейныхъ очаговъ: жены отказывались отъ сожительства съ мужьями, мужья бросали женъ и дѣти—родителей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда починъ въ присоединеніи къ хлыстовщинѣ исходилъ отъ старшихъ членовъ семьи, эти послѣдніе, внося постепенно новый режимъ въ домашній обиходъ, незамѣтно склоняли на свою сторону младшихъ; но горе тѣмъ изъ младшихъ членовъ семьи, которымъ тайно

отъ близкихъ приходилось нести бремя всякихъ отреченій, постовъ и прочихъ обрядовыхъ сторонъ новой вѣры!

«Задурила моя Галя,—разсказывалъ мнѣ отецъ одной изъ такихъ жертвъ фанатизма:—не їсть, не пье, змарніла, якъ змучена ходе,—ажно тяжко дивиться... И чого тільке ми ни робили? Нанялй молебень, жінка до знахарьки сходила: пошептала знахарька и на зорю, и на воду, та тією водою Галочку вмыла... Ажъ нічогісенько! Неодмовна дівчина стала, усімъ потрапляе, та усе чогось журиться. Чі занедужала вона? чі може кого закохала, та сумуе? Може заміжъ треба? домышлялись—ми зъ жінкою»...

Остановившись на послѣднемъ предположеніи, родители порѣшили отдать дочку замужъ. За женихами дѣло не стало, такъ какъ завидная была на селѣ невѣста Галя: и не безъ достатка, и пригожая, и веселая! Еще такъ недавно она была, вѣдь, украшеніемъ всѣхъ вечерницъ, гдѣ шутки, смѣхъ и пѣсни были вѣчными ея спутниками! Вступивъ въ хлыстовскую секту, гдѣ по новому закону предписывалось безбрачіе, Галя обязана была маскировать свою принадлежность къ сектѣ предъ «непосвященными» и исполнять «для видимости» всѣ обрядности православія. Удрученная тяжкими думами, она совсѣмъ растерялась, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться, а ослушаться родительской воли не смѣла. Съ кѣмъ же ей посовѣтоваться?! Кругомъ все «чужіе», а урваться къ «своимъ» нѣтъ возможности, такъ какъ тогда все узнаютъ. Пришли сваты, покорно вынула дивчина рушники изъ «скрыни» и перевязала руки старостамъ. Повезли ее, наконецъ, въ церковь, перевѣнчали. Свадьба въ полномъ разгарѣ, чарка гуляетъ по рукамъ, кругомъ смѣхъ, пѣсни, плясъ; одна Галя относилась ко всему безучастно, тоскливо; улучивъ удобную минуту, она выскользнула въ сѣни, быстро спустилась въ погребъ, зацѣпила поясокъ за перекладинку лѣсенки, накинула петлю на шею и... обѣтъ, данный ею Богу, былъ исполненъ: она отошла въ вѣчность, сохранивъ дѣвство, согласно закону своей новой вѣры. Наѣхали власти, опросили всѣхъ отъ мала до велика, свершили всякія формальности по осмотру и вскрытію, но знаковъ насилія не нашли; констатировали фактъ самоубійства и уѣхали. И долго потомъ драма эта оставалась для многихъ загадкой, и только отецъ, перешедшій впослѣдствіи въ хлыстовщину, уже нѣсколько времени спустя, провѣдалъ о причинѣ печальной кончины своей Галечки.

Въ томъ же селѣ Петриковкѣ, Новомосковскаго уѣзда, мнѣ удалось присутствовать на хлыстовскихъ похоронахъ. Видѣть «радѣніе» надъ покойницей мнѣ не удалось, но, по словамъ одного изъ моихъ доброжелателей-хлыстовъ, это «чрезвычайное радѣніе» происходило ночью, и, надо думать, что это было нѣчто до-нельзя мрачное. Весь послѣдующій день я провела въ хатѣ возлѣ покойницы и воспользовалась случаемъ, чтобы ближе присмотрѣться къ намѣченнымъ мной типамъ и къ складу хлыстовской жизни въ необычайной обстановкѣ. Комната,

гдѣ лежала покойница, была все время посѣщаема почти исключительно женщинами. Каждый вновь входившій клалъ земной поклонъ, произнося: «миръ дому вашему, простите родимые братики и сестрицы», на что ему отвѣчали: «Богъ проститъ, прости и ты насъ грішнихъ». На лавкѣ подъ божницей лежалъ буквально скелетъ старухи, обтянутый сморщенной, побурѣвшей кожей. Тѣло ея по шею было покрыто бѣлымъ холстомъ. Полюбопытствовавъ взглянуть на одежду покойницы, я, поправляя покрывало, нѣсколько приподняла его. На покойницѣ была надѣта длинная бѣлая рубаха почти до пятъ, подпоясанная темнымъ пояскомъ; въ руки былъ вложенъ свѣсившійся на-бокъ бѣленькій платочекъ—«хусточка»; голову покрывалъ черный платокъ, подвязанный у подбородка, какъ обыкновенно носятъ деревенскія бабы. Въ хатѣ царила тишина, нарушаемая только возгласами и причитаніями дочери покойницы,—угрюмой, пожилой дѣвственницы, которая, часто выбѣгая въ сѣни, падала на землю и билась въ припадкѣ падучей,—да надтреснутымъ сухимъ кашлемъ «заработавшагося» чахоточнаго сына, который, лежа на лавкѣ у противоположной стѣны, безмолвно ожидалъ своей очереди отойти въ вѣчность. Въ хатѣ было сильно накурено ладаномъ, который постоянно подкладывали въ черепокъ съ горячими угольями. Къ дочери покойницы всѣ относились съ большимъ почтеніемъ; она чуть-ли не съ дѣтства, какъ сообщали мнѣ ея единомышленники, отреклась отъ суетной жизни и, вѣчно угрюмая, молчаливая, эта «вѣковуша» оживлялась только во время «радѣній»; давно уже прошла она всѣ стадіи, ведущія ко спасенію, «носила въ себѣ рай» и, уподобившись божеству, была у нихъ въ числѣ руководительницъ.

Когда наступилъ моментъ похоронъ, въ хатѣ собрались однѣ только женщины, которыя, переложивъ, молча, тѣло въ гробъ, продѣли подъ него полотна и понесли гробъ въ «леваду», въ сопровожденіи православнаго священника, который обязательно приглашается на сектантскіе похороны, хотя сектантовъ и не хоронятъ на сельскомъ кладбищѣ. Гробъ быстро принесли къ вырытой у пригорка ямѣ, гдѣ священникъ сказалъ нѣсколько словъ, выразивъ надежду, что и этой заблудшей грѣшницѣ Богъ проститъ ея прегрѣшенія. Гробъ опустили сначала въ яму, а затѣмъ задвинули въ вырытую нишу: «шобъ земля не давила», а затѣмъ всѣмъ присутствовавшимъ въ домѣ, со священникомъ во главѣ, предложена была поминальная трапеза.

Какъ съ хлыстами, такъ и съ прыгунами, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, борьба весьма затруднительна; послѣдователи той и другой секты являются самыми ревностными посѣтителями православной церкви и точными исполнителями ея требъ. На собесѣдованіяхъ, устраиваемыхъ съ цѣлью возвращенія сектантовъ въ лоно православія, они рѣдко выступаютъ защитниками основъ своего ученія, а больше отмалчиваются или соглашаются; если же, въ рѣдкихъ случаяхъ, прорываются, то гово-

рятъ рѣзко и горячо. Въ отчетѣ петриковскаго миссіонерскаго комитета [1]) мы читаемъ:

«При перекличкѣ не оказалось 15 человѣкъ сектантовъ. По окончаніи переклички, предсѣдатель обратился къ сектантамъ съ краткой рѣчью, въ которой убѣждалъ ихъ являться на собесѣдованія аккуратно и не вынуждать комитетъ прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, затѣмъ повторилъ ученіе церкви о происхожденіи пастырскаго служенія, о важности его, о досточтимости пастырей и пр. Затѣмъ комитетъ обратился съ вопросомъ къ сектантамъ: убѣдились-ли они приведенными доводами? Шалапуты (т.-е., позволю себѣ поправить: хлысты) отвѣчали, что вполнѣ согласны со всѣмъ вышесказаннымъ. А когда комитетъ предложилъ дать подписку въ томъ, что они отстанутъ отъ своего заблужденія, перестанутъ собираться на свои ночныя собранія и будутъ во всемъ подчиняться уставамъ православной церкви, на это предложеніе шалапуты (т.-е. хлысты) отвѣчали, что они и безъ того считаютъ себя «православными», подписки они не намѣрены давать и отъ своихъ собраній отказаться не желаютъ, такъ какъ на нихъ они назидаютъ себя словомъ Божіимъ. Собесѣдованіе продолжалось долго, вслѣдствіе чего сектанты просили уволить ихъ отъ собесѣдованій, которыя продолжаются долго и потому изнурительны для сектантовъ».

Хлыстовщина встрѣчается въ Ростовскомъ уѣздѣ, гдѣ центромъ считается большое село Батайскъ, куда стекаются сектанты изъ гор. Ростова, изъ селъ: Койсуги, Ольховатки, Александровки и др. того же уѣзда, которые, съ своей стороны, сносятся также съ кубанскими сектантами. Главарями считаются здѣсь Пудъ Бѣлоцерковецъ, Пшеничный и Григорій Фастовъ, и, какъ сообщаютъ мѣстныя епархіальныя вѣдомости, въ домахъ этихъ главарей устраиваются собранія, куда являются братья даже съ хуторовъ Донской Области. Хлыстовщина встрѣчается также въ Славяносербскомъ у. въ селахъ Ольховаткѣ, Ильинкѣ и др., въ Новомосковскомъ у. въ с. Петриковкѣ и ближайшихъ хуторахъ и деревняхъ и въ Маріупольскомъ у. въ селахъ: Благодатномъ, Ольговкѣ, Платановкѣ и др.

Не только среди православныхъ, но и среди старообрядцевъ замѣтно движеніе въ пользу новѣйшихъ сектъ. «Замѣчательно, что молоканству и хлыстовщинѣ,—говорится въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣд.» [2]),—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочувствуютъ даже старообрядцы-раскольники. Такъ, въ Викторовскихъ хуторахъ, Херсонскаго у., мѣстные раскольники, послѣ закрытія ихъ моленной въ селѣ Явкинѣ, неоднократно говорили миссіонеру, что теперь уже не нужно молелень, храмъ долженъ быть въ сердцѣ человѣка, и т. д. Означенные раскольники уже болѣе 5-ти лѣтъ не исповѣдывались и не пріобщались на томъ основаніи, что они, по ихъ словамъ, «духовно пріобщаются Христа и Святаго Духа чрезъ покаяніе и благочестивую жизнь». Подобное же явленіе наблюдается и въ Екатеринославской губ., гдѣ нерѣдко на ростовской миссіонерской каоедрѣ старообрядческій проповѣдникъ, въ интересахъ своей общины, выступаетъ объ руку съ православ-

[1]) «Екатеринославскія Епарх. Вѣд.» 1890 г. № 1.

[2]) 1894 г. № 4, стр. 96.

нымъ миссіонеромъ для спасенія «крещенаго міра» отъ единаго общаго врага и бѣдствія: перехода въ штунду, хлыстовщину и прыгунство.

IV.

Съ теченіемъ времени многіе хлысты стали тяготиться чрезмѣрнымъ «усердіемъ», которое предписывалось ихъ новой вѣрой, и они, не разрывая съ своей вѣрой окончательно, стали постепенно выдѣляться изъ хлыстовской общины, чтобы образовать новую, болѣе жизненную—*прыгунскую*. Отбросивъ посты и всякія излишнія, по ихъ мнѣнію, формальности, секта прыгуновъ стала распространяться съ неимовѣрной быстротой по всей Екатеринославской губ., ютясь возлѣ хлыстовскихъ селъ, образуя вполнѣ независимыя общины, и численностью своей вскорѣ превзошла хлыстовщину. По внѣшнимъ признакамъ прыгунство очень схоже со штундою: какъ тѣ, такъ и другіе постовъ не соблюдаютъ, иконъ не почитаютъ, въ православную церковь не ходятъ, а если и ходятъ, то дѣлаютъ это демонстративно, давая чувствовать, что ихъ *принуждаютъ ходить*, нерѣдко издѣваясь, однако, надъ тѣмъ, что они отвергаютъ; совмѣстной супружеской жизни они не отрицаютъ, хотя прыгуны, по возможности, воздерживаются отъ полового сожительства, а если сходятся, то дѣлается это по естественному влеченію, безъ сопровожденія этого какими-либо внѣшними обрядностями, какъ это дѣлается у штундистовъ.

Нерѣдко прыгуновъ и хлыстовъ именуютъ общимъ наименованіемъ—«шалапутовъ». При тщательномъ ознакомленіи съ мѣстными архивными документами и печатными извѣстіями въ духовномъ журналѣ, мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать свѣдѣній о прыгунахъ въ Екатеринославской губ., пока я самолично, совершенно уже потерявъ надежду близко ознакомиться съ интересовавшей меня сектой въ Протовчанскихъ хуторахъ, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, благодаря только случайности, воочію могла убѣдиться въ широкомъ распространеніи этой живучей секты [1]). Нося въ себѣ зачатки хлыстовщины, прыгунство, во-первыхъ, значительно жизненнѣе своего первоисточника, а во-вторыхъ, и поступленіе въ эту секту не требуетъ такихъ продолжительныхъ искусовъ. Сюда идетъ все молодое, живое, всѣ тѣ, кто не имѣетъ мужества заживо похоронить себя и бѣжать отъ мірскихъ соблазновъ. Прыгуны не признаютъ воднаго крещенія, также какъ и хлысты. Относительно крещенія православной церкви, одинъ изъ сектантовъ, братъ Григорія Шевченко [2]), заявилъ, что

«священники никогда и ни надъ кѣмъ не совершали и не совершаютъ крещенія, потому что повивальная бабка, какъ только приметъ дитя на руки, обмываетъ его водою, и, перекрестивъ его три раза, непремѣнно произнесетъ слова: Во имя Отца

---

[1]) См. мою ст. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1890 г., № 8.

[2]) Извѣстнаго вожака прыгуновъ изъ с. Хорошаго, Павлоградскаго у.

и Сына... значитъ, крещеніе совершено, а дары Св. Духа пріобрѣтаются самимъ христіаниномъ, его благочестивою жизнью. Если же дѣти православныхъ и получаютъ дары Св. Духа, то ихъ скоро потерять могутъ своей безнравственной жизнью, потому что Духъ не можетъ обитать въ храмѣ грѣха» [2]).

Моленія прыгуновъ, также какъ и у хлыстовъ, сопровождаются «радѣніемъ» и той же таинственностью. Во время радѣній у прыгуновъ поются почти тѣ же пѣсни, что и у хлыстовъ. Темпъ пѣсенъ и у нихъ плясовой, такъ какъ и моленія прыгуновъ сопровождаются пляской, но въ своихъ пѣсняхъ, которыя я имѣла возможность записать въ селѣ Комисаровкѣ, Верхнеднѣпровскаго у., и еще ранѣе въ Протовчанскихъ хуторахъ, Новомосковскаго у., прыгуны касаются болѣе реальныхъ сюжетовъ, хотя съ примѣсью тѣхъ же мистическихъ элементовъ. Въ приводимой ниже пѣснѣ, послѣ туманныхъ размышленій о «седьмомъ небѣ», о «живой водѣ», о «звѣздахъ» и пр., говорится сначала объ «адѣ», подъ каковымъ словомъ разумѣется наша грѣшная земля; далѣе повѣствуется о горькой участи священниковъ, которые въ свое время не оцѣнили высокой миссіи Спасителя и гнали его, а затѣмъ, когда «очутились въ темной ночі» и раскаялись, то было уже поздно.

Привожу эту довольно длинную пѣсню полностью, какъ чрезвычайно характерную для разумѣнія свойства прыгунства.

Сонце, місяць и звізда
Ми пойдемъ, братці, туда,
Де идеть жива вода,
Живу воду будемъ пить,
Вслѣдъ за Батюшкой ходить,
Вслѣдъ за Батюшкой пойдемъ,
Родну Матушку найдемъ...
А Матушка подходила
Вона Духомъ говорила:
«Ужъ ви дѣтушки мой,
Голубушки бѣлой,
Я васъ, дѣтушки, люблю,
Во седьмо небо возьму;
Будемъ пѣть тамъ распѣвать,
Хвалу Богу воздавать».
А духъ злобный подходивъ,
Вінъ Матушкѣ говоривъ:
«Шо-жъ ти, Матушка, поешь,
Прямо у сердце мене бьешь,
Бьешь ти у сердце мене, мучишь,
А ще й більше къ тому й учишь!»
А Матушка оглянулась
И на гордость ужаснулась:
«Кака гордость велика
Безмѣрна й глибока...
Пойдемъ, гордость, зо мной,
Буде Батюшка зъ тобой,
Будемъ пѣть и распѣвать,
Хвалу Богу воздавать!»
И духъ злобний возмутився [1]),
Слезно плакавъ и молився:
«Ужъ ты Батюшка родной.
Терпеливий, дорогой;
Во всю жизнь я Тебе гнавъ
Поки й самъ сюди попавъ!
Я попавъ подъ Твой покровъ
И де Батюшкинъ поклонъ
И де зъ неба звізда впала
Увесь світъ білий осіяла.
Я пойду по білому світу
Найду Батюшкинъ я слідъ
Отдамъ Батюшкѣ отвітъ»...
А хто въ аду не бувавъ;
Той Батюшки не видавъ,
А хто въ аду побуде,
Ужъ зъ Батюшкой вічно буде!..
Христосъ въ аду бувавъ,
Рідного Батюшку видавъ.

---

[1]) «Екатеринославскія Епарх. Вѣд.» 1890 г., № 1, стр. 10.

[2]) Заволновался.

У Віолiемѣ Вінъ родився,
У простомъ родѣ находився,
Архереямъ не згодився,
А попи Ёго погнали
И свій путь Ему предлагали:
А хто въ шею, а хто въ грудь...
«Иди, Христосъ, тутъ не будь!
Говоримъ Тобі неложно!
Намъ въ Тобою жить не можно!»
Восплеснувъ Христосъ руками,
Умымався Вінъ слезами...
Услыхавъ Отець моленье,
Посилавъ Ему терпѣнье:
«Ужъ Ти Синъ Мій, Ти любимый,
У біломъ світі Ти гонимый
Тебе гонять, Тебе бьють
И цвіти Тобі дають!»
Святий ангелъ, Святий Сину,
Когда були попи въ силі,
А теперь стали безъ мочі,
Очутились въ темной ночі,
А впредь того оглянулись
И сердцами ужаснулись:
Тебе гонимъ, Тебе бьемъ,
Одъ Тебе спасенія ждемъ!
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слѣдующая пѣсня характеризуетъ отношеніе прыгуновъ къ иконамъ, которыя если и встрѣчаются у нихъ въ хатахъ, то представляютъ не болѣе, какъ формальные патенты на благонадежность; она же обрисовываетъ взглядъ прыгуновъ на духовенство:

Господь у небо отходивъ,
Апостоламъ говоривъ:
«Ви, апостоли, пророки, (2 раза)
Посмотрите по законамъ,
Тай не кланяйтесь иконамъ,
Деревяннимъ образамъ,
Ни ихъ сліпимъ глазамъ.
Ни хвіяламъ, ни кадиламъ,
Ни іхъ кривымъ водиламъ».
А у насъ есть Господь такой
Въ душу дѣйствуе Духъ Святой.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Темпъ пѣсенъ у прыгуновъ, какъ я сказала выше, плясовой, на мотивъ народныхъ плясовыхъ и даже солдатскихъ пѣсенъ; послѣдній заимствованъ, по всей вѣроятности, отъ вернувшихся на побывку солдатъ. Кстати, замѣчу здѣсь, что не всѣ пѣсни складываются мѣстнымъ «кораблемъ». Весьма часто они пользуются пѣснями, занесенными съ Кавказа и другихъ мѣстъ, гдѣ есть хлысты и прыгуны, и поэтому нѣкоторыя пѣсни носятъ характеръ какъ бы переводной пѣсни, гдѣ нерѣдко слова русскія замѣняются малороссійскими, а также къ русскимъ словамъ прибавляются малороссійскія окончанія. Вообще-же въ прыгунскихъ пѣсняхъ замѣчается больше простоты и поэзіи, нежели въ пѣсняхъ хлыстовъ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ подобной поэтической пѣсни, записанной мной у комисаровскихъ прыгуновъ, гдѣ подъ «птичкой», повидимому, разумѣется сектантка-ренегатка, такъ какъ сектанты часто называютъ въ разговорѣ «корабль», т.-е. свою общину, «садочкомъ», членовъ «корабля» — продуктами и обитателями сада; даже въ *пароляхъ*, употребляемыхъ при сношеніяхъ съ пріѣзжими сектантами, почти постоянно фигурируетъ «зеленый садочекъ», «урожай сада», т.-е. увеличеніе количества членовъ «корабля» и пр.

Трудно пташкѣ жить въ неволѣ дорогой.
Лучше было мнѣ на вѣткѣ,
Чѣмъ у клѣткѣ золотой...
Вся природа торжествуе,
Среди ясныхъ свѣтлыхъ дней,
Бѣдна пташечка горюе,
Сидя у клѣточкѣ своей:
И пшеничка, и водичка,

Все нетронуто стоить!..
Прилетѣла друга птичка
Со вдивленіемъ говорить:
«Шо-жъ ти, пташка, пріунила,
Шо невесело поешь,
Или жизнь тебѣ немила,
Шо ти корму не клюешь!»
— Хорошо тебѣ на вѣткѣ,
Кушать сладость увполнѣ,
Посиди ти, другъ, во клѣткѣ,
Дай свободу свою мнѣ...
Когда была я свободна
Пѣла лѣтомъ и весной.
Полистилась я на клѣтку,
Здѣсь потерянъ мой покой!
Клѣтка золотомъ сіяла
И пшеничка была въ ней,
Я, задумавшись, влетѣла...
Дверца хлопнула у ней!
«Прощай, прощай, бѣдна птичка,
Полечу я отъ тебя,
Какъ я тебѣ говорила,
Не послушалась меня;
Полечу я отъ тебя,
Чтобъ какъ тебѣ, бѣдняжечкѣ,
Не попастися сюда!»
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ этомъ же родѣ существуетъ у нихъ и другая пѣсня:

Сколько пташка не літала
У неволю попала,
У неволю попала,
Въ желѣзную клѣтку...
«Снижу, гляжу я скрозь клѣтку,
Якъ рыба скрозь сѣтку».
Со слезами разсуждала:
Куды я попала!
Жила, жила я на волѣ,
Ѣла хлібъ зъ сытою,
А нонеча не имѣю
Сухаря сытъ ою!..»
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Секта прыгуновъ быстро растетъ, имѣя всюду массу прозелитовъ. Хлысты не особенно враждуютъ противъ своихъ отщепенцевъ — прыгуновъ, считая ихъ за «несовершенныхъ» и допускаютъ ихъ даже, хотя и не особенно охотно, на свои «радѣнія», въ надеждѣ, конечно, на возвратъ послѣднихъ въ семью хлыстовъ. Кавказскіе же молокане, изъ среды которыхъ не мало народа переходитъ въ прыгунство, смотрятъ на прыгуновъ, какъ на бичъ божій, находя, что «секта эта распространяется, какъ моровое повѣтріе: быстро, наожиданно, часто тамъ, гдѣ не ожидаешь, и кого запятнаетъ, у того не скоро пропадетъ язвина» [1]).

Какъ я сказала выше, хлыстовщина впервые была занесена изъ г. Николаева въ Екатеринославскую губ. и свила себѣ гнѣздо въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

Выдѣлившись изъ хлыстовщины небольшой группой, прыгуны ютились сначала около с. Петриковки въ Протовчанскихъ хуторахъ, а затѣмъ прыгунство появилось и въ Павлоградскомъ уѣздѣ, гдѣ обосновалось въ пригородахъ города Павлограда. Въ другихъ уѣздахъ, напр., въ Верхнеднѣпровскомъ, встрѣчаются совершенно самостоятельные центры прыгунства, внѣ всякихъ хлыстовскихъ вліяній, какъ это мы видимъ въ с. Комисаровкѣ. Является вопросъ: откуда же проникли они сюда? Прыгуны села Комисаровки, между прочимъ, говорили мнѣ, что есть у нихъ «братья» и среди нѣмцевъ, которые живутъ въ колоніяхъ за Кривымъ Рогомъ. Мнѣ не удалось побывать тамъ, но и отъ мен-

[1]) «Отечественныя Записки» 1867 г., № 6.

нонитовъ колоніи Кичкасъ, Екатеринославскаго у., я также слыхала, что за Кривымъ Рогомъ есть колоніи меннонитскихъ «отщепенцевъ». Здѣсь же находится прыгунское село Широкое, откуда къ комисаровскимъ сектантамъ и пріѣзжалъ прыгунскій проповѣдникъ Скирко.

Въ 1859 году,—говоритъ г. Бушъ [1]),—обнаружилось между нѣкоторыми членами меннонитской общины (въ уѣздахъ Александровскомъ и Екатеринославскомъ) стремленіе отдѣлиться отъ общины, ихъ учителей духовныхъ, не отвергая, однако же, ученія или обрядовъ меннонитской секты. Какъ на причины этого стремленія, они указывали на проявившуюся грѣховность и отступленіе отъ строгихъ правилъ секты со стороны многихъ и послабленіе въ этомъ учителей, ссылаясь на 1 посл. Кор. гл. 1. 4—9, какъ на основу ученія Менно; затѣмъ стали собираться для совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ безъ участія подлежащихъ и установленныхъ у нихъ духовныхъ властей.

Въ качествѣ вожаковъ новой секты, явились меннониты: Исаакъ Кнопъ изъ Елизаветенталя, Абрамъ Корнельсенъ изъ Гросвальда и Клаасенъ изъ Либенау, изъ которыхъ послѣдній былъ признанъ, какъ апостолъ...

Увѣщеванія духовныхъ властей мало дѣйствовали; они еще съ бо́льшею энергіей стали распространять свое ученіе и дѣлали все возможное, чтобы возбудить религіозный фанатизмъ своихъ послѣдователей, устраивая ночныя сборища, во время которыхъ они причащали присутствовавшихъ, проповѣдывали имъ и, къ концу собраній, отдавались шумнымъ веселью́мъ, распѣвали духовные гимны на веселые свѣтскіе мотивы, подъ аккомпаниментъ гармоники или скрипки, сопровождаемые дикими танцами. Въ 1860 г. избираютъ уже эти *прыгуны*, или, какъ иначе ихъ называютъ, скакуны (diese Hüpfer) нѣсколькихъ старшинъ, какъ Корнельсона, Кнопа и Клаасена, а также Генриха Губерта, Якова Беккера, созываютъ собственный церковный съѣздъ и объявляютъ себя «истинными христіанами», а остальныхъ меннонитовъ—«заблудшими овцами». Уже въ 1861 году появляется такая же секта и въ нѣкоторыхъ меннонитскихъ колоніяхъ на островѣ Хортицѣ. Вожаками стали меннониты Генрихъ Нейфельдъ и Авраамъ Унгеръ изъ колоніи Эйплаге и Гергардъ Виллеръ изъ Хортицы. Никакія увѣщанія со стороны меннонитскихъ духовныхъ властей не помогали; новые сектанты стали смотрѣть на себя, какъ на мучениковъ, гонимыхъ и т. д., и съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ предавались пропагандѣ новаго ученія; съ большою небрежностью стали заниматься хлѣбопашествомъ и въ своемъ фанатизмѣ дошли до того, что предали публичному сожженію фундаментальныя книги меннонитскаго ученія, какъ: Арндта: «Истинное христіанство», Гофакера «Проповѣди» и Штарка «Ру-

[1]) «Ergenzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Qirchen und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland». E. A. Busch. Стр. 257—260.

ководство», утверждая, что содержаніе книгъ этихъ» вводитъ въ заблужденіе и удаляетъ людей отъ истиннаго пути къ Богу»... Во время своихъ богослужебныхъ сборищъ они *пѣли, прыгали, вздыхали, танцовали* и *цѣловались*. Этого рода забавы они называли: «благочестивыми дѣяніями во имя св. Духа» (Seligkeit im Namen des heil Geistes), утверждая при этомъ, что они теперь достигли уже степени полной благодати и *живутъ теперь уже, преддкушая благодать безсмертія*, такъ какъ они образуютъ общину праведныхъ. Къ этой сектѣ по 5 января 1861 г. принадлежало 30 семействъ и 169 душъ. Въ октябрѣ 1863 года Виллеръ окрестилъ въ Днѣпрѣ крестьянскаго мальчика Матвѣя Сабуленко и въ апрѣлѣ 1864 года 22-хъ-лѣтняго харьковскаго мѣщанина Андрея Петасенко. Въ маѣ 1864 г. эта секта появилась и въ колоніи Ней-Данцигъ, Херсонской губерніи. По желанію самихъ меннонитовъ, «ихъ отщепенцы» были переселены на окраины Россіи, а ихъ вожаки и вовсе были изгнаны изъ Россіи. Нѣкоторые изъ послѣднихъ вскорѣ возвратились, но были схвачены для слѣдованія ужъ въ Сибирь, но они покаялись и были водворены на мѣсто прежняго жительства.

Такова, согласно указаніямъ г. Буша, исторія распространенія этой секты. Сопоставляя изслѣдованіе г. Буша о нѣмецкихъ прыгунахъ и разсказы вышеупомянутыхъ комисаровскихъ прыгуновъ о «братьяхъ изъ німцівъ» съ горячими преніями по этому же вопросу на конференціи баптистовъ, бывшей въ 1884 г. въ с. Нововасильевкѣ, Бердянскаго уѣзда, о которой скажу ниже, гдѣ открыто вотировался пунктъ «о духѣ прыгунства», невольно напрашивается вопросъ: а не внесли-ли и нѣмецкіе скакуны свою лепту въ развитіе нашего прыгунства? Высказываю подобную мысль въ видѣ гипотезы, имѣя въ виду будущаго изслѣдователя, которому, быть можетъ, посчастливится сдѣлаться обладателемъ болѣе вѣскихъ доказательствъ по этому предмету.

Упомянутая выше конференція баптистовъ, большинствомъ 28 голосовъ противъ 5-ти, при усердномъ обсужденіи вопроса, признала «духъ и дѣйствія прыгуновъ заблужденіемъ». Разъ подобный вопросъ подымаютъ и вносятъ на обсужденіе цѣлой конференціи, то изъ этого явно слѣдуетъ, что движеніе въ извѣстномъ направленіи *существуетъ*, волнуя заинтересованные умы.

Обращаясь къ отношеніямъ православнаго мѣстнаго населенія къ сектантамъ, мы видимъ, что послѣдніе подвергаются со стороны своихъ собратьевъ православныхъ сильнымъ гоненіямъ. Надъ сектантами продѣлываютъ всевозможныя насилія и, при отсутствіи гласности, эти насилія принимаютъ какъ бы законную форму. Сектантовъ жесточайшимъ образомъ сѣкутъ... *по приговорамъ* и, когда, напр., комисаровскіе сектанты послали прошеніе въ верхнеднѣпровское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, моля о защитѣ, то присутствіе оставило прошеніе сектантовъ безъ послѣдствій, а дѣйствія по приговорамъ утвердило; сектантовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, пытаютъ ихъ же братья право-

славные,—братья если не по духу, то по крови, по долѣ; пытаютъ «*фанатизма ради*»—таково благодушное опредѣленіе этихъ дѣяній! У нихъ стараются отнять дѣтей, имущество, ссылаясь *на законъ*. Отношенія между православными и сектантами бываютъ самыя разнообразныя, начиная отъ содѣйствія и укрывательства и кончая выслѣживаніемъ, доносомъ и насиліемъ. Сектанты не защищаются и не оправдываются, благодаря «непротивленію злу», которое входитъ въ основу почти всѣхъ сектантскихъ ученій. Въ средѣ же некультурной, при извѣстной обстановкѣ, это «непротивленіе» разжигаетъ только зло, подогрѣтое обыкновенно всевозможными поощреніями, которыя даютъ ему возможность развернуться во всей своей неприглядности. Насилія, жертвой которыхъ нерѣдко дѣлаются сектанты, доходятъ иногда до гнуснѣйшихъ издѣвательствъ надъ «человѣкомъ».

Вотъ стоитъ передо мной тщедушное и до крайности замученное существо, крестьянинъ села Комисаровки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Потапъ Голій, и тихимъ голосомъ, испуганно озираясь, разсказываетъ грустную повѣсть своей многострадальной жизни. Ноги его обмотаны тряпками, сквозь которыя изъ ранъ просачивается матерія. Да не подумаетъ читатель, что это жертва самобичеванія, или человѣкъ, искалѣченный «злымъ недугомъ», нѣтъ. Много, много разъ и били его, и сѣкли въ волости по приговорамъ, сѣкли до потери сознанія, и все сходило благополучно—живучъ русскій человѣкъ!—пока совсѣмъ не доканали. Подкараулили какъ-то «доброжелатели», когда Потапъ выходилъ отъ своихъ «братьевъ» сосѣдей и схватили его. Была стужа, гололедка... Ну, и понатѣшились надъ нимъ! Прежде всего его заставили разуться и часа два водили босымъ по замерзшимъ кочкамъ, а когда ноги закоченѣли и отказались служить, то его повалили и поволокли къ кручѣ, заставляя головой пересчитывать обледенѣлыя кочки, не обращая вниманія на почти безсознательное состояніе своей жертвы. Но и этого было мало! Дотащивъ Голія до кручи, добровольные мучители сбросили его въ оврагъ, и, замѣтивъ, что онъ не шевелится, выволокли снова наверхъ и, окровавленнаго, доставили въ его хату; но и здѣсь онъ не приходилъ въ сознаніе. Тогда у нихъ созрѣваетъ новый планъ звѣрства: желая удостовѣриться, жива-ли жертва, они свертываютъ двѣ «цыгарки» изъ бумаги, вставляютъ ихъ ему въ носъ... и зажигаютъ, наслаждаясь зрѣлищемъ, какъ заметался несчастный страдалецъ, когда пламя догорѣвшихъ «цыгарокъ», облизавъ ноздри, зловѣще зашипѣло. И вотъ, съ той-то поры у него и ломота, и всякая хворь, и раны на отмороженныхъ ногахъ!

Не могу не упомянуть здѣсь также, какъ о прототипѣ массовыхъ побоищъ, о дѣлѣ по избіенію сектантовъ въ селѣ Александрополѣ, Хорошевской волости, Павлоградскаго уѣзда, 31 мая 1884 года. Изъ слѣдствія по этому дѣлу выяснилось, что сектантовъ, ихъ же православные сосѣди, «били палками, дрючками и желѣзными крючками

вытаскивали за волосы на улицу, рвали на нихъ одежду, забивали ротъ и носъ грязью, топили въ лужахъ, зарывали въ землю, раздѣвали женщинъ до нага и били ихъ вилами и батогами. Таковы подлинныя слова обвинительнаго акта! Такое же побоище, съ тѣми же пріемами насилія, повторились и 1-го августа 1885 г. [1]).

Заявляя миссіонеру объ истязаніяхъ, совершенныхъ надъ ея мужемъ, вожакомъ прыгуновъ, Григоріемъ Шевченко, «жена его Ксенія особенно возставала противъ духовенства вообще. Какая-то дикая ненависть и злоба дышала въ каждомъ ея словѣ,—повѣствуютъ мѣстныя епархіальныя вѣдомости,—когда она говорила о бывшемъ священникѣ села Хорошаго [2]), который, будто бы, вооружалъ православныхъ противъ ихъ общества и достигъ того, что ея мужу Григорію Шевченко православные протягивали подъ ногтями иголки съ ниткой, выворачивали руки и ноги, подковывали гвоздями», и т. п., и т. п. [3]).

Необходимо отмѣтить, что, не смотря на врожденную потребность русскаго человѣка въ духовномъ просвѣщеніи, враждебное отношеніе православнаго населенія къ сектантамъ, принимающее иногда размѣры изувѣрства, имѣетъ точкой отправленія вовсе не религіозный фанатизмъ; вражда растетъ не на почвѣ религіозныхъ преній, которыхъ между тѣми и другими никогда не бываетъ, а скорѣе вражду вызываетъ тотъ духъ замкнутости, отчужденности и жизнь «про себя», которыя столь чужды русскому народному духу. Необходимость для сектантовъ обособиться, въ силу соціальныхъ и юридическихъ условій ихъ существованія на селѣ, и возбуждаетъ противъ нихъ православныхъ односельчанъ, не могущихъ объяснить поведенія сектантовъ «независящими обстоятельствами», но субъективно относящихъ эту обособленность къ характеру и индивидуальностямъ самихъ сектантовъ. Придерутся къ сектанту, уличивъ его какъ-нибудь въ сопричастіи къ сектѣ, а то и просто по злобѣ къ нему, и тогда, по волостному приговору, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, порютъ до тѣхъ поръ, пока сектантъ, весь избитый, ползая «на карачкахъ» — подлинное выраженіе самихъ крестьянъ—только слабымъ голосомъ объ одномъ молитъ: «добийте мене, добийте-жъ мене до смерти!» А о бабахъ и говорить нечего. Положимъ, ихъ не сѣкутъ по приговорамъ, но досаждаютъ всякими способами. «Идешь куди,—говорили мнѣ сектантки села Комисаровки,—то вже й сподіваешься, якъ-би не прибили цѣпками, або вилами... Бьють насъ, дуже бьють... такъ кровь и закапа... гріхъ, кажемо, живого чоловіка кроіть, а имъ ажъ нічогісенько: ще дужче бьють. Якъ загримотить шо у ночі, або собака забреше, отто й ждемо, або лутку зъ вікна вибьють, або камінюкою

---

[1]) «Степь» 1885 г., №№ 9 и 17.

[2]) Свящ. Илья Мураханскій. Село это Павлоградскаго уѣзда.

[3]) «Екатеринославскія Епарх. Вѣд.» 1890 г., № 1, стр. 11 оф.

скрізь вікно прибьють... Воно-то намъ ще нічого, а бідни діти!» Въ народѣ твердо держится «чутка», и мнѣ лично не разъ приходилось слышать, что за поимку совратителя «счастливецъ» награждается, по высылкѣ укрывателя, его добромъ, т.-е. имуществомъ; поэтому на селѣ нерѣдко находятся добровольцы, готовые въ каждый моментъ разрушить благосостояніе сектантской семьи, въ ожиданіи призрачныхъ благъ жизни. Мнѣ самой чуть было не пришлось вынести на себѣ въ с. Комисаровкѣ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, всей тяжести непрошеннаго дозора, о чемъ я разскажу въ одной изъ дальнѣйшихъ статей, посвященныхъ описанію сношеній съ сектантами, а пока обратимся еще къ одному изъ религіозныхъ теченій въ народной жизни Екатеринославской губерніи—къ баптизму.

V.

Говоря о баптистахъ, нельзя пройти молчаніемъ вопроса о переселеніи меннонитовъ въ Россію, исторія которыхъ тѣсно связана съ русскимъ религіознымъ движеніемъ, получившимъ у насъ наименованіе *баптизма*. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1786 г. Императрица Екатерина II, по ходатайству гр. Румянцева, вызвала изъ-за границы меннонитовъ, ученіе которыхъ преобразовано голландскимъ священникомъ Менно Симономъ (1495—1561 гг.) изъ анабаптизма, для заселенія Новороссійскаго края, щедро награждая ихъ землями и всякими льготами. Въ 1789 г. прибыло изъ западной Пруссіи въ новоучрежденную тогда Екатеринославскую губ. сначала 228 семей, а потомъ еще 118, изъ коихъ часть поселилась въ Павлоградскомъ и Новомосковскомъ уѣздахъ; имъ дана была ссуда до 388.000 руб., и они, занявъ лучшія земли и получивъ массу льготъ, образовали цѣлый рядъ богатѣйшихъ колоній, лежащихъ вблизи другъ друга, устроили заводы и нѣсколько ремесленныхъ школъ, гдѣ вмѣстѣ съ меннонитскими дѣтьми обучались нерѣдко и дѣти мѣстныхъ православныхъ жителей. Переселенцы Екатеринославской губ. современемъ воздвигли чугунно-литейный заводъ и расширили, при помощи паровыхъ мельницъ, мукомольное дѣло, экспортируя муку чрезъ Одессу. Ими было обращено серьезное вниманіе на усовершенствованіе скотоводства; они же съумѣли расширить свои владѣнія, скупая обширные земельные участки у разорившихся помѣщиковъ, и, платя за десятину возвышенную цѣну, въ значительной степени содѣйствовали росту продажныхъ цѣнъ на землю. Дѣлать скупку земель было имъ легко, при помощи займовъ изъ колонистскихъ капиталовъ.

Для содѣйствія иностраннымъ переселенцамъ была учреждена въ 1763 году «канцелярія опекунства иностранныхъ» сначала въ Петербургѣ, а съ 1797 года открылись и мѣстныя отдѣленія для Херсонской, Екатеринославской и Таврической губ. Къ этому же времени

относится рядъ чрезвычайно важныхъ законоположеній вообще касательно переселенческаго вопроса въ Россіи [1]).

Любопытную картину зажиточности представляетъ собою поселеніе меннонитовъ, которое я имѣла возможность посѣтить, въ Кичкасѣ, Екатеринославскаго уѣзда. Дома и надворныя постройки здѣсь вездѣ каменные, капитальные, крытые желѣзомъ, окруженные красивыми палисадниками и цвѣтниками. Убранство домовъ не уступитъ любому городскому дому; на всемъ лежитъ печать благоустройства. Недалеко (въ верстахъ 3—4-хъ) отъ Кичкаса расположенъ на берегу Днѣпра, у перваго порога, хуторъ, принадлежащій, повидимому, «отщепенцамъ» меннонитскимъ, такъ какъ къ послѣднимъ относятся къ Кичкасѣ съ ироніей. Я поражена была вычурностью убранства этого дома: всѣ стѣны разрисованы масляными красками съ изображеніемъ сценъ изъ священнаго писанія. Въ залѣ полъ сдѣланъ изъ разноцвѣтнаго паркета, и вся комната уставлена предметами роскоши, выписанными изъза границы. Тутъ красуется огромное зеркало въ рамѣ изъ чернаго дерева съ чудной перламутровой инкрустаціей, изящный письменный столикъ, пьянино-автоматъ, которымъ съ трудомъ управляютъ хозяева дома. Все это благосостояніе поражаетъ, давитъ и невольно вызываетъ чувство грусти, когда вспомнишь о былой исторіи этой мѣстности:

Де та Січа, що якъ море,
Силою кіпіла;
Тая воля, що въ раздоллі
Пекломъ клекотіла?..
Землю, славою покриту,
Топче товарпна [2]).
На козачімъ вжитку німці
Хатъ набудували,
Грунтъ пошарпали, побили
Раломъ заорали!..

Во всѣхъ маломальски значительныхъ колоніяхъ имѣются школы, гдѣ учителя получаютъ приличное вознагражденіе. У пресвитера ихъ хорошенькій домикъ со всѣми угодьями, ему назначенъ солидный окладъ жалованья, такъ что онъ избавленъ отъ необходимости собирать «дань» за требы. Требы у нихъ совершаются по строго опредѣленной таксѣ: за бракосочетаніе 1 рубль, погребеніе 50 коп. и т. д. Такому благосостоянію и благоустройству меннониты въ значительной степени обязаны тѣмъ, что имъ отведены были лучшія земли, и они освобождены были на тридцать лѣтъ отъ податей, отъ всевозможныхъ службъ, постоевъ и всякихъ налоговъ. Въ настоящее время существуетъ на югѣ Россіи 3 меннонитскихъ округа: *Хортицкій*, гдѣ 19 колоній съ 9-ю тысячами жителей, *Маріупольскій*, въ которомъ 5 колоній съ 1.500 жителей (оба Екатеринославской губ.) и *Молочанскій* въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ Таврической губ., состоящій изъ 50 колоній, въ которыхъ до 20.000 жителей. Законъ о всеобщей воинской повинности нанесъ ударъ ихъ благосостоянію [3]). Отрицая, согласно

[1]) Сводъ законовъ, 2 ч., XII, 1857 г.

[2]) Скотъ.

[3]) Въ самой общинѣ произошелъ расколъ и, вслѣдствіе разногласій относи-

своему ученію, войну, они стали продавать свое имущество за безцѣнокъ, бросать насиженныя мѣста и эмигрировать въ Америку.

Какимъ способомъ, спрашивается, вербуютъ меннониты въ сектантство православное населеніе? Процессъ этотъ простъ, несложенъ и вполнѣ естественъ. Нашъ хохолъ-крестьянинъ идетъ всегда съ охотой на заработки къ «німцю»—колонисту. Нанимая рабочаго, колонистъ даетъ ему всегда хорошую плату, чуть-ли не вдвое, чѣмъ онъ получаетъ у мѣстнаго помѣщика; но, платя дорого, нѣмецъ требуетъ добросовѣстнаго труда, исполняя вмѣстѣ со своимъ батракомъ одну и ту же работу. Вотъ тутъ-то и начинается сближеніе между хозяиномъ и работникомъ, котораго онъ постепенно вводитъ въ кругъ своихъ житейскихъ и религіозныхъ понятій. Пища у нѣмца та же для «наймíта», что и для семьи колониста, а ѣдятъ нѣмцы сытно, вкусно и за однимъ столомъ съ батраками. За трапезой, которую они совершаютъ не спѣша, у меннонитовъ ведутся разговоры о религіи и о всякихъ житейскихъ дѣлахъ. Передъ ѣдой они читаютъ изъ Евангелія одну главу, распредѣляя чтеніе въ круговую, по очереди [1]). Такой способъ чтенія заставляетъ каждаго слѣдить со вниманіемъ, чтобы знать откуда надо продолжать свой очередной стихъ, причемъ непонятное для работника чтеніе переводится, комментируется, и тутъ же, между прочимъ, объясняется, почему хозяева не крестятся, почему у нихъ нѣтъ иконъ, и т. д. Рабочій видитъ доброе взаимное отношеніе между хозяиномъ и рабочими, между ихъ учителемъ и прихожанами, постепенно подчиняется новому режиму и спѣшитъ, подкрѣпившись евангельскими текстами, подѣлиться наблюденіями со своими земляками-малороссами.

Появленіе баптизма среди населенія Екатеринославской губ. относится къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ и выросло на почвѣ того же броженія умовъ, какое, при другихъ условіяхъ, породило шалапутство, хлыстовщину и пр.

Общественное положеніе сектантовъ было крайне неустойчиво, такъ какъ всѣ обряды, совершенные надъ баптистами изъ православныхъ, ихъ нѣмецкими пресвиторами, и акты о бракахъ, рожденіи, смерти и пр., внесенные въ нѣмецкія книги, не признавались русскими властями законными, и сектанты метались, не зная, какъ бы выйти изъ этого заколдованнаго круга. Впервые баптизмъ проявился въ городѣ Александровскѣ и въ нѣкоторыхъ селахъ того же уѣзда, а также въ Кичкасѣ, Хортицѣ и ближайшихъ къ нимъ селахъ Екатеринославскаго уѣзда, захватывая отдѣльныя семьи. Баптисты долго хлопотали о выдачѣ имъ

тельно крещенія, отбыванія воинской повинности и пр. Въ 1873 г. они подавали въ министерство внутреннихъ дѣлъ объяснительную записку о различіи между обновленными меннонитскими братствами и баптистами.

[1]) Мнѣ лично приходилось присутствовать на подобныхъ трапезахъ въ колоніи Кичкасъ, Екатеринославскаго уѣзда.

«казенной» книги для внесенія въ нее актовъ брачныхъ и о рожденіи, прося подчинить ихъ правиламъ отъ 19-го апрѣля 1874 г. о метрическихъ книгахъ для раскольниковъ; въ силу этихъ правилъ, на основ. 78 ст. X т. ч. I-й, браки раскольниковъ, внесенные въ метрическія книги, установленныя приложеніемъ къ 1093 ст. законовъ о состояніяхъ, получаютъ силу и послѣдствія законнаго брака, и вступленіе во второй бракъ, хотя бы путемъ перехода въ православіе, какъ средствомъ избавленія отъ перваго брака, такъ же строго преслѣдуется, какъ и двоеженство въ православіи. Не смотря на ихъ усиленныя хлопоты, законъ продолжалъ относиться къ нимъ отрицательно. Но вотъ наступила, наконецъ, для нихъ новая эра: 15-го августа 1879 года вышелъ циркуляръ [1]) министра внутреннихъ дѣлъ, Макова, который гласилъ, что «Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе м-ва внутреннихъ дѣлъ о духовныхъ дѣлахъ баптистовъ, мнѣніемъ положилъ, въ дополненіе надлежащи статей свода законовъ, постановить: 1) Баптисты, на основаніи ст. 44 осн. госуд. зак., безпрепятственно исповѣдываютъ свое вѣроученіе и исполняютъ обряды вѣры по существующимъ у нихъ обычаямъ. Общественное богослуженіе они отправляютъ въ устроенныхъ или отведенныхъ ими для сего, съ разрѣшенія губернатора, домахъ. 2) Избранные баптистами духовные наставники (старшины, учителя, проповѣдники) могутъ совершать обряды и произносить проповѣди не иначе, какъ по утвержденіи въ семъ званіи губернаторомъ. Духовные наставники изъ иностранцевъ обязаны принести присягу на вѣрность службы во время пребыванія ихъ въ Россіи. 3) Метрическія записи браковъ, рожденій и смерти баптистовъ ведутся мѣстными гражданскими властями».

Далѣе въ циркулярѣ изложены правила о формѣ метрическихъ записей о бракахъ, рожденіи и смерти баптистовъ. Въ пунктѣ 12-мъ мы читаемъ: «для записи въ метрическую книгу брака баптистовъ, сочетавшіеся бракомъ должны лично заявить о семъ и представить метрическія свидѣтельства о рожденіи и письменное или словесное удостовѣреніе подлежащаго духовнаго наставника, благословляющаго бракъ, а также о времени и о мѣстѣ заключенія онаго. За отсутствіемъ такого удостовѣренія, признаются достаточными показанія двухъ свидѣтелей, извѣстныхъ установленію, ведущему метрическія книги. Метрическія свидѣтельства о рожденіи, по составленіи записи о бракѣ и по сдѣланіи на нихъ объ этомъ отмѣтки, возвращаются. Метрическія книги ведутся въ двухъ экземплярахъ при городскихъ полицейскихъ управленіяхъ, уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ, а для жителей уѣздовъ при волостныхъ правленіяхъ, которыя по истеченіи года отсылаются для ревизіи въ губернскія правленія и въ управленія градоначальствъ, откуда уже послѣ ревизіи возвращаются обратно».

19-го февраля 1891 года, читаемъ мы въ одномъ изъ донесеній екатеринославскаго полицейскаго управленія [2]), «запасный рядовой Алексѣй Горбунцовъ и Павелъ Перепяткинъ дали росписку въ томъ, что имъ

---

[1]) «Екатеринославскія Губ. Вѣд.» 1879 г., № 78.

[2]) Почерпнуто мною изъ мѣстнаго полицейскаго архива.

сего числа объявлено изъ екатеринославскаго губернскаго правленія содержаніе циркуляра о дозволеніи баптистамъ, проживающимъ въ с. Эйлаге, Хортицкой волости, Екатеринославскаго уѣзда, на землѣ Кущевыхъ, Александровскаго у., свободно отправлять богослуженіе и исполнять обрядъ вѣры по ихъ вѣроученію въ устроенныхъ ими для сего домахъ». Сейчасъ же по объявленіи содержанія циркуляра былъ выбранъ пресвитеромъ Митрофанъ Дупленко, но приговоръ этотъ, присланный въ полицейское управленіе, не былъ утвержденъ, такъ какъ «по представленной становымъ вѣдомости видно, что прошеніе подписано менѣе чѣмъ половиной всѣхъ штундистовъ» [1]). И такъ, утвержденія въ данномъ случаѣ не воспослѣдовало только вслѣдствіе отсутствія большинства голосовъ. Сектанты встрепенулись и стали добиваться правъ, какъ будто предоставленныхъ имъ циркуляромъ. На дѣлѣ же выяснилось, что циркуляръ распространялся только на нѣмцевъ и имѣлъ временное значеніе. Неясность циркуляра вызвала рядъ репрессалій со стороны мѣстной администраціи. Въ результатѣ смутнаго положенія вещей явилось то, что администрація, придравшись къ одному полицейскому донесенію, гдѣ баптисты названы были «хромами», начала надъ фантастическими *хромами* мудрить. Послѣдовалъ рядъ закрытій моленныхъ баптистовъ, непризнаній уже узаконенныхъ по книгамъ ихъ браковъ; явилась на сцену 40 ст. уст. о пред. и пресѣченіи преступленій; назначено было слѣдствіе, и, согласно 41 ст. того же устава, по которой отступившимъ отъ православной вѣры лицамъ «воспрещается впредь до возвращенія ихъ въ православіе имѣть жительство въ имѣніяхъ, населенныхъ православными, и имѣнія сіи берутся на все сіе время въ опеку», было предписано екатеринославскому уѣздному исправнику собрать свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи «хромовъ», о количествѣ ихъ, о лѣтахъ и пр. Началось слѣдствіе, посыпались донесенія и, не смотря на то, что выборные изъ баптистовъ представили правила вѣроученія ихъ, баптистовъ все же не признали за таковыхъ.

Избравъ пресвитеромъ Митрофана Дупленко, а діакономъ александровскаго мѣщанина Андрея Чернаго, баптисты [2]) въ 1880 году обратились, чрезъ губернатора, къ министру внутреннихъ дѣлъ, прося объ утвержденіи ихъ въ этомъ званіи и о дозволеніи открытаго отправленія своихъ богослуженій, но, какъ видно изъ отношенія отъ 9 декабря 1881 года за № 756, ходатайство это оставлено безъ послѣдствій. Что же далъ въ результатѣ циркуляръ 1879 года? Для начальствующихъ обозначилась вполнѣ ясно группа лицъ отпавшихъ, которая, уже не скрываясь, въ силу фиктивнаго права, выступила, какъ готовая отдѣль-

[1]) Ошибочно употреблено слово «штундисты», вмѣсто слѣдуемаго «баптисты», что повторяется въ оффиціальныхъ донесеніяхъ постоянно.

[2]) Въ собраніи, бывшемъ 6-го марта 1880 г., присутствовали: Павелъ Перепяткинъ, Иванъ Ершовъ, Алексѣй Горбунцовъ, Лука Мирошниченко, Митрофанъ Дупленко, Мпронъ Басай, Яковъ Сарана, Сидоръ Цыганковъ и др.

ная община, прося себѣ правъ; что же касается до послѣднихъ, т.-е. сектантовъ, то у нихъ осталось лишь жгучее чувство разочарованія и озлобленія. Весь этотъ эпизодъ съ маковскимъ циркуляромъ оправдалъ жалобы сектантовъ, что надъ ними всѣ мудрятъ, подводя ихъ *произвольно* то подъ ту, то подъ другую статью карающаго свода законовъ, а между тѣмъ слѣдовало бы нѣсколько яснѣе разграничить права каждой, хотя бы изъ главнѣйшихъ сектъ, такъ какъ дѣло приходится имѣть не съ сотней или тысячью, а съ десятками тысячъ безправныхъ людей.

Выше было сказано, что маковскій циркуляръ, какъ имѣющій временное значеніе, внесъ, по неясности своей редакціи, массу недоразумѣній. Противъ баптистовъ началось гоненіе, которое завершилось перенесеніемъ дѣла въ окружной судъ, который 7-го ноября 1887 года присудилъ всѣхъ обвиняемыхъ къ тюремному заключенію, а нѣкоторыхъ, какъ, напр., Стоялова и Головченко и къ лишенію всѣхъ правъ. До 1879 года баптизмъ ютился, какъ было уже сказано выше, исключительно въ самомъ городѣ Александровскѣ, Кичкасѣ, Хортицѣ и въ ближайшихъ къ нимъ колоніяхъ Екатеринославскаго уѣзда [1]). Изъ позднѣйшихъ дознаній по дѣлу о распространеніи баптизма выяснилось, что однимъ изъ первыхъ насадителей баптизма былъ миссіонеръ Андрей Ананьевъ Стояловъ, бывшій раньше молоканинъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ былъ два раза командированъ отъ конференціи баптистовъ по три мѣсяца для распространенія баптизма въ Екатеринославскомъ уѣздѣ и для совершенія обряда крещенія надъ лицами, перешедшими изъ православія въ баптизмъ; онъ дѣйствительно въ 1883 году крестилъ 13 человѣкъ въ прудѣ Пеккера возлѣ колоніи Фриденсфельдъ, Лошкаревской волости, Екатеринославскаго у., совершивъ обрядъ крещенія въ присутствіи православныхъ и урядника. Обрядъ крещенія у баптистовъ совершается слѣдующимъ способомъ. Прежде всего самъ пресвиторъ, одѣтый въ бѣлую одежду, входитъ въ воду почти по шею; за нимъ по очереди подходятъ, тоже въ бѣлыхъ одеждахъ, желающіе креститься. Пресвиторъ говоритъ о важности крещенія и, спросивъ: «чувствуетъ-ли себя приступающій готовымъ къ крещенію?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, погружаетъ по очереди пріемлющихъ крещеніе въ воду навзничь, при чемъ одной рукой поддерживаетъ голову, а другой закрываетъ лицо. Стоявъ-

[1]) Въ Нейендорфѣ, Шенебергѣ, Фриденсфельдѣ, Аннофельдѣ, въ хуторѣ Антоновскомъ и др. Молитвенный домъ былъ въ колоніи Бурвальдѣ, въ домѣ крест. с. Вознесенска Перепяткина, а наставникомъ былъ Митрофанъ Дупленко. Въ колоніи Фриденсфельдъ, Лошкаревской волости, молитвенный домъ принадлежалъ прусскому подданному Эдуарду Эрлиху, а наставникомъ былъ Христіанъ Фишеръ, изъ колоніи Блюменгофъ, Николайтальской волости. Въ с. Михайловкѣ, Покровской волости, моленная была въ домѣ прусско-подданнаго Шульковскаго, онъ же былъ и наставникомъ.

шіе на берегу меннониты во время обряда, совершаемаго Стояловымъ, пѣли духовныя пѣсни, а затѣмъ новокрещенные отправились въ колонію Фриденсфельдъ, гдѣ въ нѣмецкомъ молитвенномъ домѣ, послѣ преломленія, послѣдовало причащеніе. Во время молитвы баптисты не крестятся, такъ какъ считаютъ крестъ орудіемъ пытки—шибиницей—недостойнымъ служить знаменіемъ христіанина, но складываютъ только молитвенно руки.

Мнѣ какъ-то пришлось присутствовать на преломленіи хлѣба въ вышеупомянутой колоніи Фриденсфельдъ, куда собрались также и баптисты изъ отстоящей въ трехъ верстахъ деревни Ново-Софіевки, у которыхъ я въ то время гостила. Довольно обширная комната была уставлена по обѣ стороны рядами скамеекъ, на которыхъ расположились отдѣльно женщины отъ мужчинъ. Наши русскіе баптисты и баптистки скромно пріютились на заднихъ скамейкахъ. Пресвиторъ сѣлъ у стола, накрытаго скатертью, на которомъ лежало Евангеліе, а въ сторонѣ стояла тарелка, наполненная нарѣзанными квадратиками бѣлаго хлѣба и сосудъ съ краснымъ виномъ. Онъ началъ читать по-нѣмецки Евангеліе, поясняя по-русски прочитанное. Читалъ онъ очень внятно о значеніи Тайной Вечери и давалъ объясненія вполнѣ толково. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и, по окончаніи чтенія, запѣли «псаломъ» изъ «Голоса вѣры»:

Боже правый, прости
Грѣхъ мой вольный и невольный,
Разрѣши и отпусти
Заблужденья плоти дольней!
Не суди меня, Судья,
Но спаси меня, Спаситель,
И погибшаго меня
Искупи, мой Искупитель! и т. д.

Во время пѣнія діаконъ взялъ со стола тарелку съ хлѣбомъ и роздалъ присутствующимъ баптистамъ по кусочку, причемъ вкусили и діаконъ съ пресвиторомъ. Раздача началась послѣ словъ пресвитора: «Пріимите, ядите» и т. д., причемъ всѣ присутствующіе, получивъ хлѣбъ, запѣли другой псаломъ:

Когда, Христе, Ты смерть Свою
Ученикамъ явилъ,
Тогда Ты за вечерею,
Взявъ хлѣбъ, благословилъ,
И, преломивъ, роздалъ имъ всѣмъ,
Къ нимъ говоря сіе:
«Пріимите и ядите всѣ—
Се тѣло есть Мое».
Потомъ съ виномъ Ты чашу взялъ,
Благодарилъ и, давъ
Своимъ ученикамъ, сказалъ:
«Сія есть кровь Моя,
Пріимите, пейте изъ нея
Всѣ, ибо сія кровь
За многихъ изливаема
Въ прощеніе грѣховъ.
Се Новый Мой Завѣтъ въ крови,
Вамъ въ завѣщаніе:
Въ Мое сіе творите вы
Воспоминаніе.
И мы здѣсь кровь Твою, Христе,
Пролитую за насъ,
И плоть, распяту на крестѣ,
Воспоминаемъ всѣ, и т. д.

Во время пѣнія второй половины псалма, пресвитеръ, со словами: «пейте изъ нея вси» и т. д., беретъ со стола чашу съ виномъ и черезъ діакона передаетъ ее для принятія причастія баптистамъ. Причастіе получаютъ только принявшіе вторичное крещеніе. Послѣ при-

частія всѣ стали на колѣни, и пресвитеръ произнесъ благодарственную молитву по-нѣмецки. Вдругъ раздалось, послѣ минутнаго молчанія, тихое восклицаніе: «О, Господи!.. Ти-жъ терпѣливий, Ти-жъ милосердний, змилуйся-жъ, прости мене грішную, подай же міні сили жить по правді!..» Дальнѣйшія слова трудно было разобрать, такъ какъ они произносились сквозь рыданія. Это—молящаяся готовилась въ недалекомъ будущемъ принять крещеніе и, какъ видно, переживала тяжелыя минуты душевныхъ терзаній. Остальные всѣ молились тихо, опустивъ глаза долу, сложивъ руки молитвенно. По окончаніи моленія, пресвитеръ прочелъ, въ назиданіе своей паствѣ, сообщеніе одной нѣмецкой газеты о печальной катастрофѣ съ праздничнымъ поѣздомъ, въ которомъ погибла вся публика, устремившаяся въ воскресный день на какое-то увеселеніе въ сосѣдній городокъ. «Они мало думали о Богѣ, не почитали воскреснаго дня, даннаго Богомъ для отдыха и молитвы и погибли, какъ жертвы заблужденія!» воскликнулъ съ паѳосомъ пресвитеръ, заканчивая свое назиданіе.

Хоръ стройно спѣлъ любимый баптистами «псаломъ» о заблудшей овцѣ, еще нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ они особенно трогательно пропѣли стихъ:

Тебѣ предатель измѣнилъ,
Ты въ судъ язычниковъ ведешься.
Я судъ, я казнь ту заслужилъ;
А ты на жертву предаешься!
Я, я во всемъ виновенъ былъ,
А ты, Господь мой, заплатилъ!

Затѣмъ все торжественно закончилось молитвеннымъ благодареніемъ:

Прими хвалу благодаренья,
Сынъ Божій, за твою любовь,
За грѣхъ нашъ Ты понесъ мученья,
За насъ Ты пролилъ потъ и кровь,
Терпѣлъ удары, поношенья!..

Появленіе баптизма въ деревнѣ Ново-Софіевкѣ (Крамидино тожъ), Лошкаревской волости, Екатеринославскаго уѣзда, относится къ 1879 г., когда здѣсь проживалъ Иванъ Нейбауэръ, баптистъ, женатый на православной. Поселившись въ Ново-Софіевкѣ, онъ сталъ читать своимъ односельчанамъ Новый Завѣтъ съ поясненіями, и крестьяне охотно слушали, собираясь у нихъ въ свободное время. Комментируя Св. Писаніе, онъ проповѣдывалъ, что можно молиться безъ иконъ, что чествованіе иконъ, какъ несогласное съ ученіемъ Ветхаго и Новаго Завѣта, даже грѣшно, что креститься не слѣдуетъ, такъ какъ крестъ есть орудіе страданія Спасителя; отрицалъ посты, говорилъ, что люди должны на землѣ жить по правдѣ, по божьему, а не надѣяться при своей грѣховной жизни получить царствіе небесное, такъ какъ послѣ смерти нѣтъ покаянія, что ясно видно изъ притчи о Лазарѣ; отвергалъ и таинства православной церкви, ея служителей, говоря, что *церковь* есть собраніе «истинныхъ христіанъ», и глава этой церкви есть самъ Христосъ. Проповѣдь его имѣла успѣхъ, но обратила на себя вниманіе мѣстныхъ властей, и Нейбауэръ, какъ элементъ пришлый, былъ вскорѣ

удаленъ, не успѣвъ создать прочно организованной, отдѣльной общины. Здѣсь, кстати, отмѣчу, что, отрицая православную церковь съ ея обрядами, баптисты создали собственную церковь, собственныя требы. Они имѣютъ пресвитеровъ, діаконовъ, старшихъ братьевъ, имѣютъ и таинство крещенія и причащенія и всенародную исповѣдь, но только предъ своею братіею. Замѣстителемъ вышеупомянутаго Нейбауэра явился крестьянинъ села Ново-Софіевки, Петръ Лысенко, фанатически отдавшійся пропагандѣ «новой вѣры». Человѣкъ недалекій отъ природы, онъ съумѣлъ, однако, окружить дѣло недюжинными помощниками, во главѣ которыхъ стоялъ александровскій мѣщанинъ Софронъ Головченко. Въ числѣ людей руководящихъ, Петръ Лысенко поселилъ у себя, въ качествѣ постояльца, мѣщанина гор. Екатеринослава, Аполлона Воротникова, а также въ деревню Ново-Софіевку перебрался изъ Ордино-Васильевки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Степанъ Жителевъ. Всѣ они переселились сюда съ женами и дѣтьми. Въ домѣ Петра Лысенко устроенъ былъ молитвенный домъ, куда нерѣдко на религіозныя собранія пріѣзжали и нѣмцы. Въ 1884 году была сдѣлана попытка крестить кого-то, но тутъ полиція оказала противодѣйствіе, а потому крещеніе надъ новообращеннымъ Софронъ Головченко совершилъ тайно. Баптисты—русскіе мечтали уже обособиться отъ нѣмцевъ, создать самостоятельную «русскую общину» и были очень обижены, когда ихъ пригласили на баптистскій съѣздъ, какъ частицу фриденсфельдской общины. Вскорѣ послѣ съѣзда, Петръ Лысенко, Софронъ Головченко и др. руководители были арестованы и 7-го ноября 1887 г. присуждены окружнымъ судомъ къ тюремному заключенію. Въ числѣ вещественныхъ уликъ отобранъ былъ у Софрона Головченко очень интересный документъ [1]): «Протоколъ съѣзда первой русской конференціи союза вѣрующихъ, крещеныхъ христіанъ или такъ называемыхъ баптистовъ Южной Россіи и Кавказа, состоявшагося въ селѣ Ново-Васильевкѣ, Бердянскаго уѣзда, Таврической губ., 30-го апрѣля и 1-го мая 1884 года въ молитвенномъ домѣ баптистовъ». Протоколъ этотъ ярко обрисовываетъ организаторскія способности и внутреннюю политику этой религіозной общины и средства, употребляемыя ею для пропаганды.

Изъ этого документа видно, что на съѣздъ собрались представители отъ всѣхъ южныхъ братствъ [2]), гдѣ только есть баптисты: *Таврической губ.*, изъ Ново-Васильевки, Астрахановки, Новоспасскаго, Тиршихарджи, изъ Молочанской нѣмецкой церкви, *Екатеринославской губ.* изъ колоніи Кичкаса (Эйнлаге) и Ново-Софіевки, Екатеринославскаго

[1]) Представленный въ екатеринославскую консисторію при рапортѣ свящ. Успенской церкви села Александрополь, Екатеринославскаго у., Арсенія Песоцкаго, отъ 20-го сентября 1885 г., за № 28, «о степени вредности и о времени появленія въ его приходѣ, дер. Софіевкѣ, секты *штундъ*».

[2]) Кромѣ Кавказа.

уѣзда; *Херсонской губ.* изъ дер. Основы, изъ мѣстечка Любомировки, Карловки, и, наконецъ, былъ представитель изъ Петербурга. Въ примѣчаніи къ протоколу сказано, что отъ Кавказа не имѣлось представителей, хотя туда и были посланы «предложенія относительно миссіи». Въ самомъ началѣ засѣданія, по предложенію выбраннаго предсѣдателя, были опредѣлены мѣстности, въ которыхъ «необходимо нужно назначить евангелистовъ для посѣщенія разсѣянныхъ членовъ по хуторамъ, селамъ и городамъ и гдѣ открыты двери для евангельской дѣятельности и которыя нужно было снабдить миссіонерами». Такими мѣстностями оказались слѣдующія: 1) въ *Херсонской губ.*, Одесскій, Ананьевскій и Херсонскій уѣзды; 2) въ *Кіевской губ.*, Таращанскій, Звенигородскій и Сквирскій уѣзды; 3) въ *Екатеринославской губ.*, Екатеринославскій и Александровскій уѣзды; 4) въ *Таврической губ.*; 5) *на Кавказѣ*, Владикавказъ и окрестности, Тифлисъ и Закавказскій край; 6) *Кубанская* область и Черноморье. При чтеніи протокола очень живо развертывается картина внутренней жизни этой духовной общины: у баптистовъ есть своя касса взаимопомощи, есть миссіонерская касса, ея отдѣленія, а также и союзная касса. Провѣривъ предварительно наличность кассы, съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію дѣйствовавшихъ правилъ о вознагражденіи миссіонерамъ. Было постановлено: 1) жалованье евангелистамъ (проповѣдникамъ) выдавать въ размѣрѣ 500 рублей за годъ, считая 8 мѣсяцевъ дѣятельности внѣ дома; 2) жалованье евангелисту, занимающемуся 4 мѣсяца проповѣдью, выбирая болѣе свободное на то время, 175 рублей; 3) жалованье за 2 мѣсяца, т.-е. самаго свободнаго для земледѣльца времени—75 рублей, причемъ путевые расходы всѣхъ этихъ активныхъ дѣятелей покрываются изъ союзной кассы экстренно. Затѣмъ конференція признала необходимымъ распространить свою дѣятельность на Кубанскую область и Черноморье, куда сослано много братьевъ, по многочисленнымъ и многолюднымъ станицамъ и по станціямъ Кавказской линіи, гдѣ «весьма быстро развивается страшное заблужденіе хлыстовщины, но нѣтъ тамъ живого евангелиста, проповѣдующаго благую вѣсть о нашемъ спасеніи чрезъ Іисуса Христа», и назначенъ былъ одинъ изъ братьевъ, «который уже въ Херсонской губерніи обратилъ нѣсколькихъ изъ хлыстовской секты къ истинѣ Евангелія». Одинъ изъ братьевъ былъ назначенъ въ качествѣ миссіонера всего союза. Отъ нѣмецкаго американскаго миссіонерскаго комитета онъ получилъ 400 рублей, изъ союзной кассы ему назначили 200 рублей и на путевые расходы приблизительно 300 рублей. Вопросъ о сборѣ на миссію долженъ быть обусловленъ, по постановленію съѣзда, обязательнымъ взносомъ каждаго вступающаго. «Братья-земледѣльцы, говорится въ протоколѣ, могли-бы Господу жертвовать часть посѣва, сестры часть виноградника, а ремесленники часть дохода отъ своего ремесла. Хорошій примѣръ дали въ прошломъ году сестры ново-васильевской церкви, изъ которыхъ нѣкоторыя вручили доходы для Гос-

пода отъ одной курицы, т.-е. что снесла курица въ теченіе года, продали яйца, чѣмъ собрали 37 рублей». Далѣе слѣдовали болѣе второстепенные вопросы: о подчиненіи миссіонеровъ конференціи и миссіонерскому комитету, о кавказскомъ отдѣленіи кассы и миссіонерскаго комитета; была заслушана просьба о разрѣшеніи открыть новое отдѣленіе на Кавказѣ. Затѣмъ слѣдовалъ отчетъ о количествѣ новокрещенныхъ (200 человѣкъ). Вопросъ о вторичномъ вступленіи въ бракъ членовъ общины, покинутыхъ одною изъ брачущихся сторонъ, на основаніи Евангелія отъ Матѳея, гл. 5, ст. 32, былъ разрѣшенъ отрицательно, хотя, по усмотрѣнію церкви, и разрѣшается вѣнчать отлученныхъ. Относительно же вѣнчанія дѣтей молоканскихъ родителей, а также—въ исключительныхъ случаяхъ—и православныхъ, рѣшено было: сочетать бракомъ, но безъ «поѣздовъ» и съ обязательствомъ подписки: 1) что бракъ былъ совершенъ по ихъ личной просьбѣ, 2) что они будутъ посѣщать собранія и 3) что они подчинятся надзору общины въ нравственномъ отношеніи и примутъ участіе въ экономическихъ расходахъ. Подписка эта должна храниться въ архивѣ церкви.

По вопросу о томъ, можно-ли ѣсть съ отлученными за однимъ столомъ—было принято рѣшеніе на основаніи 1 посл. Коринѳ, г. 5 ст. 11, чтобы отлученнаго не принимать за общій столъ; исключеніе же дѣлать только для членовъ семьи. Если же членъ общины кается и вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшитъ постоянно, то его, согласно единогласному рѣшенію, слѣдуетъ постоянно и отлучать, пока не исправится. Относительно омовенія ногъ при Вечерѣ Господней было разрѣшено каждой общинѣ поступать по своему убѣжденію. Далѣе было запрещено взыскивать долги безъ вѣдома церкви, чрезъ посредство гражданскаго суда. Проценты также запрещено брать, и исключеніе сдѣлано лишь для займовъ на торговое дѣло, и то не свыше 6%. Особенно интересно постановленіе объ обязательномъ обученіи и воспитаніи дѣтей. «Дѣти,—говорилъ одинъ изъ братьевъ,—суть наши сокровища, за которыхъ мы должны дать отчетъ своему Отцу небесному, какъ мы заботились объ этомъ талантѣ, порученномъ намъ Господомъ». Перечисленными постановленіями исчерпываются главнѣйшія занятія конференціи. Этимъ и я закончу свой очеркъ о движеніи баптизма въ Екатеринославской губерніи.

Въ заключеніе настоящей главы считаю необходимымъ отмѣтить, что, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше шалапутовъ, хлыстовъ, прыгуновъ и баптистовъ, въ наличности имѣется еще въ Екатеринославской губ. нѣкоторое количество скопцовъ и старообрядцевъ. Послѣдніе по большей части занимаются по городамъ и селамъ торговлей краснымъ товаромъ. Вліяніе баптизма проникло и въ среду старообрядчества. Такъ, агентомъ библейскаго общества Миллеромъ было совращено въ Ростовѣ много старообрядцевъ, въ число которыхъ попалъ и іерей ростов-

ской молельни, Ѳома Казаковъ. Много послѣдователей нашелъ онъ и среди православныхъ.

VI.

Подводя итоги всему сказанному, мы несомнѣнно убѣждаемся, что мысль народная растетъ, направляясь въ разныя стороны, давая въ результатѣ многочисленныя секты, обнимающія собою не одну тысячу человѣкъ. Эти секты выдѣляютъ своихъ героевъ, изъ коихъ многіе отличаются высокими нравственными качествами и жизнью, отмѣченною подвигами и страданіями за «вѣру свою». Сектантство является продуктомъ умственной работы простолюдина. Всѣ эти нескончаемые дебаты между собою изъ-за различно истолкованныхъ текстовъ, дѣленія на секты, толки и пр. говорятъ сами за себя.

Вѣчный обмѣнъ мыслей развиваетъ самодѣятельность, вырабатываетъ способность къ критическому анализу. Съ просвѣтленіемъ ума, исчезаютъ и понятія, присущія тьмѣ. Но рядомъ съ этими положительными сторонами народной жизни мы наблюдаемъ и многое темное, отталкивающее, болѣзненное, о чемъ упоминалось мною въ настоящей статьѣ неоднократно. Эта смѣсь добрыхъ, здоровыхъ чертъ съ вредными и несимпатичными придаетъ всему религіозному движенію юга характеръ чего-то стихійнаго, что легко можетъ быть направлено въ ту или въ другую сторону; но никто настоящимъ образомъ не интересуется психологіей народной массы, и народъ, предоставленный самому себѣ, тщетно пытается, какъ я уже сказала выше, собственными усиліями зажечь свѣтильникъ правды и истины, который иной разъ въ его рукахъ свѣтитъ нездоровымъ огнемъ... Кто же виновники всей неурядицы и какъ пособить «великому горю народному»? Я не берусь, конечно, своими силами дать полный и всесторонній отвѣтъ на эти трудные «проклятые» вопросы, но, какъ близкій свидѣтель всему описанному выше, постараюсь въ предѣлахъ возможности и *зависящихъ обстоятельствъ* дать тотъ вполнѣ откровенный отвѣтъ, который я вынесла изъ многолѣтняго знакомства съ сектантской жизнью.

На первомъ мѣстѣ, по всей справедливости, въ стихійности и произвольности народной мысли виновато отсутствіе хорошо-организованныхъ школъ, которое такъ рѣзко бросается въ глаза при изслѣдованіи народной жизни въ южной полосѣ Россіи. Разумѣю здѣсь, конечно, тѣ районы юга, которые перечислены выше. Народная грамотность стоитъ низко и явилась сюда не изъ правильно-организованныхъ школъ и не черезъ настоящихъ учителей, а насаждена здѣсь тѣми случайными элементами, которые описаны мною въ введеніи къ настоящей статьѣ. Всѣ эти странники, начетчики, отставные солдаты, меннониты—вотъ та среда, черезъ посредство которой слабо, а подчасъ фальшиво стали проникать въ народъ лучи просвѣщенія. Виноваты, во-вторыхъ, тѣ воистину анормальныя отношенія, кото-

рыя вѣками сложились между духовными пастырями и паствой. Къ великому несчастью, современное сельское духовенство, не смотря на свои добрыя стремленія, подчасъ, въ силу обстоятельствъ своего положенія, рѣшительно не въ состояніи идти на встрѣчу вѣяніямъ времени. Быть насадителемъ школьнаго просвѣщенія священникъ не въ состояніи, если только онъ желаетъ быть истиннымъ *пастыремъ церкви* въ высокомъ смыслѣ этого слова: онъ физически не можетъ раздвоиться, не имѣетъ силъ и времени удовлетворить запросамъ церкви и школы. Да и самый контингентъ сельскихъ священниковъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ тому высокому призванію, которое связано съ именемъ «пастыря духовнаго стада». Обращаясь къ одесскимъ семинаристамъ, преосвященный Никаноръ говорилъ: «Я предсказываю и повторяю, что священники, если не проснутся, могутъ очутиться безъ словесныхъ овецъ, а если ихъ и это не пугаетъ—и безъ куска хлѣба» [1]). Слова покойнаго епископа херсонскаго какъ нельзя лучше могутъ быть иллюстрированы слѣдующимъ показаніемъ мѣстнаго духовнаго органа: «Комисаровка—(о которой я неоднократно упоминала въ статьѣ), сказано тутъ,—это село, по народонаселенію выдающееся въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ. Въ немъ жителей больше 6 тысячъ обоего пола, которые дѣлятся на два прихода по двумъ имѣющимся здѣсь церквамъ. И замѣчательно, въ приходѣ одной церкви сектантства и не было, и нѣтъ, а въ приходѣ другой церкви, Николаевской, оно нашло себѣ пріютъ и благопріятную почву для своего развитія. При этой церкви до декабря мѣсяца 1885 года состоялъ священникъ Димитрій Гординскій, человѣкъ, по образу жизни своей далеко не безукоризненный, а по отношенію къ своимъ пасомымъ довольно небрежный, чтобъ не сказать больше» [2]). Въ этихъ словахъ компетентнаго источника ясное подверженіе того положенія, что сектантство растетъ обратно пропорціонально нравственному уровню служителя мѣстной церкви. Вспомнимъ также показаніе Ксенія Шевченко, которое я приводила выше, и намъ станетъ вполнѣ ясна зависимость сектантства отъ нравственныхъ свойствъ духовенства.

Сюда же долженъ быть отнесенъ, какъ одна изъ существенныхъ причинъ, и низкій умственный уровень сельскихъ священниковъ, неумѣющихъ, а подчасъ и *не желающихъ* распознать, съ какого рода вѣроученіями имъ предстоитъ борьба и что за сектанты ихъ окружаютъ, о чемъ я также имѣла случай упоминать. Вотъ это-то отсутствіе сильнаго духовнаго оружія въ рукахъ духовенства и дискредитируетъ и умаляетъ значеніе миссіонерскихъ комитетовъ, учрежденныхъ въ большомъ изобиліи въ Екатеринославской губ. и состоящихъ именно изъ этихъ представителей сельскаго духовенства. Читая всевозможные миссіонерскіе отчеты, приходится дивиться такту, чутью и выдержкѣ про-

---

[1]) «Екатеринославскія Епарх. Вѣд.» 1883 г., № 6.

[2]) «Екатеринославскія Епарх. Вѣд.» 1891 г., стр. 155.

столюдина, который несложной аргументаціей, подогрѣтой истинной вѣрой въ свои слова, побиваетъ часто оффиціальныхъ своихъ противниковъ. Помѣщикъ Вербовскій пожертвовалъ въ 1885 г. капиталъ въ 75 тысячъ и 1.409 десятинъ земли для устройства въ с. Коховкѣ, Павлоградскаго у., мужского монастыря. При этомъ общежительномъ монастырѣ имѣется и училище миссіонерское, откуда должны выходить предполагаемые сильные борцы съ сектантствомъ. Не смотря на эти благопріятныя внѣшнія условія для миссіонерства, сельское духовенство, однако, застигнутое народнымъ движеніемъ неподготовленнымъ, врасплохъ, не въ состояніи своими силами съ нимъ справиться и вынуждено прибѣгать для увѣщеванія заблудшихся къ самому невѣрному и опасному въ данномъ случаѣ оружію—къ полицейской власти.

Но будетъ несправедливо, если мы весь корень зла и немощи въ борьбѣ съ сектантствомъ отнесемъ только и только къ внутреннимъ самостоятельнымъ недостаткамъ представителей церкви. На эти недостатки имѣютъ подавляющее вліяніе тѣ матерьяльныя условія существованія, въ которыя поставленъ нашъ несчастный сельскій священникъ. Необезпеченный жалованьемъ, опредѣленнымъ содержаніемъ, необходимымъ для приличной жизни въ селѣ, онъ вынужденъ силою вещей брать иногда послѣднюю курицу, десятокъ яицъ, мѣрку пшеницы изъ скуднаго достатка своего прихожанина. Отсутствіе какой-либо регламентаціи въ поборахъ за требы гибельно отзывается на взаимныхъ отношеніяхъ священнослужителей и мірянъ. Вслѣдствіе этого переходъ въ сектантство, помимо религіознаго интереса, является для мѣстнаго населенія естественнымъ выходомъ изъ заколдованнаго круга экономическихъ отношеній двухъ заинтересованныхъ сторонъ. Отпадая отъ православной церкви, сектантъ освобождается отъ косвенныхъ налоговъ, которые ему приходится платить за требы деньгами, холстомъ, печенымъ хлѣбомъ и прочими домашними продуктами, а также отъ натуральной повинности, въ видѣ полевыхъ работъ на церковномъ участкѣ. Дабы устранить отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія въ пристрастномъ освѣщеніи этой стороны народной жизни, считаю нужнымъ привести по тому же предмету самое свѣжее свидѣтельство строго-оффиціальнаго изданія:

«Дѣлопроизводство консисторіи, отчеты епархіальныхъ преосвященныхъ по поводу обозрѣній епархіи показываютъ,—говоритъ «Церковный Вѣстникъ» [1]),—что прихожане нерѣдко обвиняютъ духовенство въ вымогательствѣ, жалуются, что духовенство, особенно при совершеніи браковъ, пользуется случаемъ получить съ крестьянина не только за бракъ, а и старые долги деньгами и хлѣбомъ. Духовенство, въ свою очередь, жалуется, что крестьяне не платятъ долговъ, не платятъ ругу во время сборовъ или очень мало даютъ хлѣба, или совсѣмъ ничего не даютъ. Результатомъ такихъ отношеній является то, что духовенство, недо-

[1]) „Церковный Вѣстникъ", 1896 г. № 27, стр. 869—870.

вольное прихожанами, часто переходитъ изъ одного прихода въ другой; прихожане, недовольные духовенствомъ, подаютъ прошенія епархіальнымъ начальствамъ, чтобы убирали отъ нихъ непріятныхъ членовъ причта. При существованіи такихъ непріятныхъ отношеній между духовенствомъ и прихожанами не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, чтобы священникъ былъ дѣйствительно добрымъ пастыремъ, день и ночь заботящимся о своихъ овцахъ, а прихожане—послушными чадами».

Для урегулированія этихъ сложныхъ экономическихъ отношеній и проистекающаго отсюда зла, было бы полезно, еслибы извѣстный циркуляръ кіевской консисторіи встрѣтилъ подражаніе и въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Екатеринославской губ., конечно. Согласно 3-му пункту этого циркуляра [1]), «священникъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ торговаться за требу или настаивать на уплатѣ впередъ до совершенія требы; онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что дадутъ, и, даже, если ничего не дадутъ, не долженъ требовать. За нарушеніе этого правила,—сказано далѣе въ циркулярѣ,—священникъ будетъ подвергаться тяжкой отвѣтственности, какъ за вымогательство».

Отсутствіе гуманныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя были приноровлены къ современнымъ потребностямъ народной жизни, безспорно, имѣетъ также великое значеніе въ развитіи сектантства. Исключительно карательное законодательство окружаетъ «заблудшихся» только ореоломъ таинственности и мученичества, а разные временные циркуляры, плохо редактированные и вскорѣ отмѣняемые, вносятъ лишь смущеніе и шатаніе въ народную жизнь. Пусть законодательство поставитъ каждое проявленіе народной жизни, разъ оно не носитъ на себѣ печати уголовной преступности, въ строго опредѣленныя рамки, и только тогда оно въ силахъ будетъ такъ или иначе руководить этими проявленіями, согласно съ законами гражданственности и истинной христіанской культуры.

Въ былое время, во времена вольницы и казачества, говоритъ г. Кулишъ [2]), «казаки *боролись* за вѣру и подобно крестоносцамъ кликали кличъ: кто хочетъ за христіанскую вѣру быть посаженъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти — приставай къ намъ! Не надо смерти бояться: отъ нея не убережешься! Такова казацкая жизнь!» Шли и безропотно умирали, предварительно не задавая себѣ вопроса: что это за христіанская вѣра, чему она учитъ, чего она требуетъ отъ человѣка-христіанина, къ чему она обязываетъ людей?.. «И если когда-либо,—говоритъ тотъ же авторъ,—казакъ задумывался о спасеніи своей души, то не иначе могъ вообразить ее помилованной, какъ ради того *вреда*, который онъ причиняетъ туркамъ и татарамъ».

---

[1]) «Новое Время» 1895 г., № 7075.
[2]) «Вѣстникъ Евр.» 1874 г., № 4.

Но тѣ времена прошли. Сложность историческихъ событій выработала иной критерій для разума и вѣры, явились новые идеалы, въ народъ проникъ лучъ свѣта, явилась потребность въ просвѣщеніи, и засвѣтилась та «искра Божія», которая цѣлые вѣка таилась въ глубинѣ души народной.

Будемъ же надѣяться, что близко то время, когда яркимъ пламенемъ вспыхнетъ зажженная «искра Божія», когда свѣтъ проникнетъ во всѣ темные уголки и, не раздѣляя людей на отщепенцевъ и правовѣрныхъ, освѣтитъ путь всѣмъ тѣмъ,

Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безпросвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

В. Бородаевская-Ясевичъ.

ЖИЗНЕСПОСОБНО-ЛИ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО?

Вопросы объ отношеніяхъ и вліяніи фабричнаго трудового населенія на сельское населеніе Германіи, въ особенности послѣ Бреславльскаго съѣзда, имѣли слѣдствіемъ оживленіе въ нѣмецкой литературѣ дебатовъ по вопросу объ условіяхъ конкурренціи мелкаго земледѣльческаго производства съ крупнымъ и о жизнеспособности крестьянскаго хозяйства. Въ виду особенной важности этого послѣдняго вопроса для Россіи, мы считаемъ не безполезнымъ познакомить читателей нашего журнала съ статьями по этому предмету двухъ авторовъ, принадлежащихъ, однако, къ одной партіи: Эдуарда Давида и его оппонента, Карла Каутскаго. Статью перваго въ нѣсколько сокращенномъ видѣ помѣщаемъ раньше, нежели второго.

Экономическое превосходство крупнаго производства надъ мелкимъ считается истиной, не требующей доказательства, и постоянно растущее подчиненіе ремесленнаго производства капиталистическому почти во всѣхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, повидимому, оправдываетъ такое отношеніе къ вопросу. Иное слѣдуетъ сказать относительно сельскаго хозяйства. Въ этой отрасли промышленности нельзя констатировать поглощенія мелкаго производства крупнымъ, какъ явленія массоваго. Тамъ, гдѣ наблюдается широкое распространеніе крупнаго землевладѣнія, послѣднее образовалось не путемъ экономической побѣды конкуррирующаго крупнаго сосѣда надъ мелкимъ. Вытѣсненіе крестьянъ имѣло обыкновенно цѣлью не введеніе технически болѣе совершеннаго производства, а замѣну земледѣлія скотоводствомъ, какъ въ Шотландіи, или даже пустырями, какъ въ австрійскихъ Альпахъ. И даже тамъ, гдѣ земля, концентрированная въ немногихъ рукахъ, продолжаетъ подвергаться обработкѣ, крупные собственники не организовали крупнаго хозяйства, снабженнаго всѣми средствами новѣйшей техники, а, разбивъ свою землю на участки, предоставили ее болѣе или менѣе крупнымъ арендаторамъ (Ирландія). Было бы неслыханной вещью, еслибы какой-нибудь Круппъ вздумалъ эксплуатировать свои владѣнія путемъ отдачи ихъ по частямъ въ аренду самостоятельнымъ кузнецамъ, слесарямъ, горнорабочимъ и т. п. Капиталисты же аграріи сплошь и рядомъ поступаютъ подобнымъ образомъ, и должны же быть экономическія причины такого различія, если только не допустить, что

землевладѣльцы не понимаютъ своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Но остальное ихъ поведеніе совершенно исключаетъ это обидное для нихъ подозрѣніе.

Упорное сопротивленіе, оказываемое мелкимъ сельскохозяйственнымъ производствомъ крупному его конкурренту внутри страны (слѣдовательно, при равныхъ внѣшнихъ условіяхъ), во всякомъ случаѣ должно удержать насъ отъ простого перенесенія въ область сельскаго хозяйства историко-экономическихъ теорій, примѣнимыхъ къ индустріи. Теоретическая аналогія, не находящая подтвержденія въ дѣйствительности, по меньшей мѣрѣ, подозрительна.

Для большей легкости разсмотрѣнія этого предмета, возьмемъ «чистый случай». Представимъ себѣ крупное хозяйство, употребляющее значительное число наемныхъ рабочихъ, и противопоставимъ ему крестьянское хозяйство, поглощающее все время хозяина и его семьи. Чтобы исключить всякое побочное обстоятельство, примемъ, что оба хозяйства владѣютъ равноцѣнной, необремененной долгами землей, что оба владѣльца равно интеллигентны и способны къ своему дѣлу и что хозяйства занимаютъ одинаково выгодное положеніе въ отношеніи сообщенія съ другими районами, политическихъ условій и т. д. Единственнымъ различіемъ, поэтому, будетъ размѣръ производства, и подлежащій изслѣдованію вопросъ заключается въ томъ, пользуется-ли крупное земледѣльческое производство тѣми же экономическими преимуществами, какія присущи фабрично-заводской промышленности?

Разсмотримъ этотъ вопросъ въ примѣненіи къ тремъ сторонамъ предмета: 1) къ силамъ и средствамъ производства, 2) къ процессу производства и 3) къ реализаціи дохода. Что касается человѣческой рабочей силы, то фабрикантъ часто имѣетъ преимущество передъ ремесленникомъ, поскольку онъ въ большей мѣрѣ можетъ примѣнять простую, или односторонне развитую рабочую силу. Въ сельскомъ же хозяйствѣ ничему необученный рабочій находитъ себѣ только случайное примѣненіе, и потому рабочая сила обходится крупному хозяину не дешевле, чѣмъ мелкому. Кромѣ того, наемная рабочая сила, сравнительно съ трудомъ самого хозяина, въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо менѣе цѣнна, чѣмъ въ индустріи, такъ какъ на фабрикахъ и въ большихъ мастерскихъ недостатокъ внутренняго интереса къ работѣ легче восполняется надзоромъ, чѣмъ въ крупномъ сельскохозяйственномъ производствѣ. Рабочіе одной фабрики соединены на небольшомъ пространствѣ, и продуктъ ихъ труда сейчасъ же является на свѣтъ, такъ что возможенъ немедленный надъ ними контроль. Рабочіе въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ разбросаны на гораздо большей площади, по лугамъ и полямъ, въ рощахъ и амбарахъ; постоянный за ними надзоръ совершенно невозможенъ, а продуктъ труда часто появляется на свѣтъ лишь долгое время спустя послѣ произведенной работы, и притомъ онъ настолько осложненъ содѣйствующими факторами (индивидуаль-

ными особенностями кормленія, разведенія или упряжки скота, качествомъ почвы, подходящимъ выборомъ сѣмянъ, состояніемъ погоды), что обыкновенно удается установить съ достовѣрностью только очень грубыя упущенія въ работѣ. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ, работающій на своемъ полѣ, имѣетъ рѣшительное преимущество передъ крупнымъ землевладѣльцемъ, всецѣло зависящимъ отъ «чужихъ людей». Сравнительно же съ ремесленникомъ крестьянинъ имѣетъ то преимущество, что въ разнообразныхъ отрасляхъ его промысла найдется мѣсто для приложенія труда всѣхъ членовъ семьи, между тѣмъ какъ семья мелкаго ремесленника лишь мало помогаетъ мужчинѣ въ его профессіональномъ занятіи. Такимъ образомъ, въ отношеніи примѣненія къ производству человѣческой рабочей силы, крестьянинъ-земледѣлецъ имѣетъ преимущество и надъ крупнымъ сельскимъ хозяиномъ, и надъ ремесленникомъ.

Относительно не человѣческой рабочей силы нужно замѣтить, что сельское хозяйство отличается отъ фабрично-заводской промышленности широкимъ примѣненіемъ силы животныхъ. Но десять животныхъ лошадиныхъ силъ, приблизительно, стоятъ въ десять разъ больше, чѣмъ одна; крупному сельскому хозяину, поэтому, животная сила обходится не дешевле (если не дороже,—по причинѣ небрежнаго и грубаго обращенія «чужихъ людей»), нежели мелкому. Это—очень существенное отличіе сельскаго хозяйства отъ обрабатывающей промышленности, гдѣ рѣшающую роль играетъ механическій (а не животный) двигатель, примѣненіе котораго тѣмъ дешевле, чѣмъ онъ крупнѣе.

Но почему же механическій двигатель не играетъ рѣшающей роли и въ сельскохозяйственномъ производствѣ? На это есть много причинъ. Во-первыхъ, онъ не даетъ удобренія, а взаимодѣйствіе между жизнью растеній и животныхъ есть законъ природы, которому должна подчиняться и человѣческая мудрость. Во-вторыхъ, препятствіемъ къ широкому примѣненію механической силы въ сельскомъ хозяйствѣ служитъ то обстоятельство, что, въ противоположность условіямъ фабрично-заводской промышленности, здѣсь требуется подвижной двигатель. Для свободнаго же примѣненія такового на поляхъ и лугахъ существуютъ очень большія трудности (неровныя мѣста почвы), во всякомъ случаѣ гораздо большія, чѣмъ при употребленіи неподвижныхъ моторовъ въ фабричныхъ зданіяхъ. Но если даже всѣ техническія затрудненія и будутъ преодолѣны, то за животными все-таки остается весьма вѣское преимущество, вытекающее изъ дѣятельности ихъ кишечника.

Третьей причиной слабаго примѣненія механической силы въ сельскомъ хозяйствѣ нужно считать тотъ фактъ, что въ земледѣліи, скотоводствѣ и еще болѣе въ садоводствѣ и огородничествѣ, въ противоположность обрабатывающей промышленности, повторяющаяся механически равномѣрная работа стоитъ на второмъ планѣ сравнительно съ трудомъ, направляемымъ личными соображеніями: сельское хозяйство требуетъ заботливости и ухода.

По только что указанной причинѣ ручныя орудія въ сельскохозяйственномъ производствѣ играютъ гораздо большую роль, чѣмъ въ индустріи, и въ той же мѣрѣ для крупнаго земледѣльческаго хозяйства отпадаютъ тѣ преимущества, какими, благодаря машинамъ, фабрикантъ пользуется сравнительно съ ремесленникомъ. Но и орудія, приводимыя въ дѣйствіе животными, не даютъ крупному хозяину преимуществъ сравнительно съ мелкимъ, вслѣдствіе одинаковой стоимости тамъ и здѣсь животной силы. Пять возовъ впятеро дороже одного, а вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ земледѣльческаго производства въ той же пропорціи возрастаетъ и число употребляемыхъ въ хозяйствѣ возовъ. То же самое приложимо къ плугамъ, боронамъ, сѣялкамъ и прочимъ орудіямъ, требующимъ примѣненія животной силы. Что же касается паровыхъ машинъ, то паровой плугъ съ успѣхомъ можно употреблять только при извѣстной культурѣ и благопріятной почвѣ, а паровой молотилкой мелкій хозяинъ пользуется также, какъ и крупный: она кочуетъ изъ имѣнія въ имѣніе, изъ деревни въ деревню, вмѣстѣ съ спеціально обученными рабочими, и мелкіе хозяева нанимаютъ ее наряду съ крупными, причемъ крестьяне нерѣдко помогаютъ другъ другу въ работѣ и тѣмъ избѣгаютъ роскоши употребленія «чужихъ людей».

Перевозка зерна, вслѣдствіе обширнаго протяженія участка, стоитъ крупному хозяину столько же, сколько и мелкому, за исключеніемъ того случая, когда владѣнія послѣдняго состоятъ изъ многихъ разбросанныхъ участковъ. Это убыточное побочное обстоятельство я оставляю въ сторонѣ, какъ не необходимо связанное съ мелкимъ производствомъ.

Въ отношеніи пользованія сырымъ матерьяломъ существуетъ такая же противоположность между сельскохозяйственнымъ производствомъ и обрабатывающею промышленностью, какая наблюдается и въ ихъ отношеніяхъ къ рабочей силѣ и орудіямъ труда. Сырымъ матерьяломъ въ земледѣліи нужно считать удобреніе, сѣмена и почву. Имѣетъ-ли крупный сельскій хозяинъ при добываніи сырого матерьяла такое же преимущество передъ крестьяниномъ, какъ и фабрикантъ передъ ремесленникомъ? По отношенію къ искусственному удобренію крупный хозяинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ мелкимъ, такъ какъ полученіе его въ большихъ количествахъ обходится нѣсколько дешевле. Но и крестьяне могутъ дешево получать искусственное удобреніе, если—какъ это часто и бываетъ—они соединятся въ товарищества. Относительно естественнаго удобренія въ лучшихъ условіяхъ находится то хозяйство, которое меньше отчуждаетъ полевыхъ продуктовъ на сторону, а это именно и есть хозяйство крестьянское: люди и скотъ поглощаютъ въ немъ все, что оно выращиваетъ и возвращаютъ обратно въ видѣ удобренія.

То же самое и съ сѣменами: нѣкоторая выгода, доставляемая пріі-

обрѣтеніемъ ихъ крупными размѣрами, доступна и крестьянамъ, прибѣгающимъ для этого къ кооперації. Но главную часть въ хозяйствѣ составляютъ сѣмена собственнаго производства, а этимъ исключается возможность коммерческой выгоды для крупнаго производителя.

Мы переходимъ къ самой землѣ. Нельзя отрицать того обстоятельства, что, при покупкѣ крупными участками, земля обходится дешевле, нежели, когда она пріобрѣтается мелкими. Причины этого заключаются не въ существѣ самаго объекта и не въ сущности мелкаго или крупнаго производства, а въ окружающихъ ихъ соціальныхъ условіяхъ, съ перемѣной которыхъ исчезнетъ и указанное различіе. Это обстоятельство, поэтому, не подлежитъ нашему разсмотрѣнію, и мы нарочно выбрали два незадолженныя имѣнія. Но возможность прикупки земли далеко не зависитъ только отъ обладанія деньгами, какъ это имѣетъ мѣсто при покупкѣ сырья въ обрабатывающей промышленности. Капиталистъ-землевладѣлецъ, если не хочетъ платить бѣшеныхъ цѣнъ, долженъ выжидать случая, чтобъ прикупить землю. И большей частью ему приходится пріобрѣтать ее частями и платить, конечно, тѣ же цѣны, что и крестьянину. Почву нельзя умножать по желанію и переносить съ мѣста на мѣсто. Это приводитъ сельскохозяйственое производство крупное, какъ и мелкое, къ нѣкоторой неподвижности размѣровъ. Послѣдніе не могутъ быть измѣнены по желанію при помощи денегъ, — что составляетъ обычное явленіе въ обрабатывающей промышленности, къ выгодѣ сильныхъ и ко вреду слабыхъ конкуррентовъ.

Еще болѣе важныя различія обнаруживаются между фабрично-заводскимъ и земледѣльческимъ отраслями промышленности, когда мы обращаемся къ самому процессу производства. Въ предыдущемъ я причислилъ сѣмена и почву къ сырымъ матерьяламъ; но ихъ нельзя считать таковыми въ томъ смыслѣ, въ какомъ кожа служитъ сырымъ матерьяломъ для башмачнаго производства. Въ послѣднемъ случаѣ сырье играетъ совершенно пассивную роль, продуктивная же дѣятельность зависитъ отъ человѣческой рабочей силы или отъ машины, направляемой волею человѣка. Сѣмена же и почва участвуютъ въ производствѣ не пассивно. Скорѣе они—а не человѣкъ—суть дѣйствительные, активные агенты процесса земледѣльческаго производства. Сельскій хозяинъ дѣлаетъ только подготовительныя операціи, при процессѣ же производства онъ остается зрителемъ и не рѣдко совершенно безпомощнымъ. Не онъ, а природа работаетъ въ полѣ, на лугу, въ саду и въ хлѣву. Холодъ и жаръ, сырость и засуха, бури и непогоды являются рѣшающими факторами въ производствѣ, и сила ихъ одинаково поражаетъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ хозяевъ. На этомъ основаніи не можетъ быть приписана относительно большая надежность въ достиженіи желаемаго результата крупному сельскому хозяйству, даже еслибы оно стояло выше мелкаго въ отношеніи техническаго развитія.

Но указанное фундаментальное различіе въ самомъ процессѣ

производства въ земледѣліи и въ обрабатывающей промышленности имѣетъ еще одно послѣдствіе, гораздо болѣе важное въ экономическомъ отношеніи. Такъ какъ процессъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ есть естественный процессъ, независимый въ главномъ отъ желанія человѣка, то его нельзя, по желанію, ни ускорять, ни повторять. Существенная выгода фабричнаго производства сравнительно съ ремесленнымъ заключается въ чрезвычайномъ ускореніи процесса продукціи: сырой матерьялъ гораздо быстрѣе превращается въ окончательный продуктъ при помощи средствъ капиталистическаго производства, нежели въ мастерской ремесленника; оборотъ капитала при этомъ совершается быстрѣе, а потому и при меньшей прибыли отъ каждаго оборота получается большій доходъ. Этотъ ускоренный пульсъ производства, обезпечивающій крупной обрабатывающей промышленности большую способность къ конкурренціи, невозможенъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Природа неподкупна, и сколько бы помѣщикъ ни предложилъ ей денегъ, она не подрумянитъ ему скорѣе пшеницы, не покраситъ прежде яблока и не родитъ раньше изъ чрева матери теленка, чѣмъ она это дѣлаетъ для крестьянина. Сельскохозяйственное производство идетъ однимъ темпомъ и въ крупномъ, и въ мелкомъ хозяйствѣ, и теорія должна съ этимъ считаться такъ же, какъ и практика.

Но и на третьей ступени производства, при реализаціи дохода, мы наталкиваемся на чрезвычайно важное различіе между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, благопріятствующее жизненности мелкаго земледѣлія. Мелкій крестьянинъ въ трехъ четвертяхъ своего производства, и даже болѣе, является производителемъ для собственнаго потребленія, благодаря чему онъ избѣгаетъ той невыгоды и риска, какимъ подверженъ мелкій производитель товара, по сравненію съ крупнымъ. Башмачникъ потребляетъ ничтожную часть продукта своей работы; онъ долженъ продавать, чтобы кормиться. Крестьянинъ же создаетъ свою пищу и тѣмъ самымъ—основу своего существованія. Слѣдующіе по важности предметы—жилище и одежда—также составляютъ отчасти продуктъ его собственнаго труда, и продавать ему приходится лишь относительно небольшой излишекъ продукта. Его потребность въ деньгахъ чрезвычайно мала, по сравненію съ ремесленникомъ (нуждающимся часто въ дорогихъ помѣщеніяхъ для своего дѣла, въ обстановкѣ съ цѣлью конкурренціи, рекламы, или для вида). Но чѣмъ крупнѣе сельскохозяйственное производство, тѣмъ больше оно производитъ для сбыта и тѣмъ болѣе роковой становится для него необезпеченность урожая и рынка. Крестьянинъ можетъ загладить неудачу тѣмъ, что пробьется кое-какъ нѣкоторое время со своей семьей; крупный землевладѣлецъ на это неспособенъ.

Нужно еще принять во вниманіе характеръ сельскохозяйственнаго продукта, какъ необходимаго предмета потребленія. Крестьянину достаточно имѣть одну зажиточную семью-покупательницу его продукта,

чтобы выручить необходимую для него сумму денегъ. Мелкій ремесленникъ погибъ бы при такомъ ограниченномъ кругѣ покупателей. Потребители хлѣба, мяса, молока, масла, яицъ, овощей и т. п. живутъ скученно; почта, желѣзныя дороги и телеграфъ излишни для нахожденія рынка этимъ продуктамъ, Крупный землевладѣлецъ не имѣетъ и приблизительно равной возможности вытѣснить съ рынка своего мелкаго конкуррента, благодаря превосходству коммерческихъ способностей, какъ это обыкновенно бываетъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности.

Перемѣны моды и новые образцы продукта также не играютъ роли въ сельскомъ хозяйствѣ, и поэтому производителямъ не приходится прибѣгать къ рекламѣ. Наконецъ, имѣетъ значеніе еще то обстоятельство, что большинство сельскохозяйственныхъ продуктовъ обладаютъ свойствомъ почти безконечной дѣлимости, которая допускаетъ продажу ихъ непосредственно потребителю мельчайшими частями за небольшую цѣну и за наличныя деньги. Это значительно упрощаетъ задачи сбыта для производителя и ограничиваетъ выгоды крупнаго хозяина сравнительно съ мелкимъ; а поскольку эти выгоды крупныхъ продажъ существуютъ— крестьянинъ по характеру своего товара также можетъ воспользоваться ими при помощи товарищескихъ организацій. И дѣйствительно, крестьянскія товарищества для сбыта функціонируютъ гораздо легче, чѣмъ таковыя же у ремесленниковъ.

На всѣхъ ступеняхъ сельскохозяйственнаго производства обнаруживаются, слѣдовательно, своеобразныя, коренящіяся въ природѣ вещей условія, достаточно объясняющія своеобразность его историко-экономическаго развитія. Само собой разумѣется, что между сельскохозяйственнымъ и промышленнымъ производствомъ существуетъ цѣлый рядъ аналогій, но разсмотрѣніе этой стороны вопроса, говоритъ Э. Давидъ, не входило въ планъ моей работы. Пункты сходства сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности, мнѣ кажется, слишкомъ выставляются на видъ, и если мы хотимъ избѣгнуть опасности попасть на ложные теоретическіе пути, то мы должны изслѣдовать и существующее между ними различіе. Конечно, этой статьей я не разрѣшаю вопроса. Я долженъ былъ ограничиться бѣглымъ изложеніемъ наиболѣе очевидныхъ пунктовъ различія. И чтобы избѣгнуть нѣкоторыхъ полемическихъ недоразумѣній, мнѣ слѣдуетъ подчеркнуть слѣдующее: я очень далекъ отъ намѣренія доказывать, что сельское хозяйство осталось, или можетъ остаться незадѣтымъ тѣмъ экономическимъ переворотомъ, который наступилъ въ экономической жизни культурныхъ народовъ съ введеніемъ современныхъ средствъ производства. Во-первыхъ, наука и техника непрерывно примѣняютъ открытія и изобрѣтенія также къ культурѣ растеній и скота. Возможно поэтому, что, благодаря указанному обстоятельству, размѣры производства, экономически жизнеспособные въ настоящее время, перестанутъ быть таковыми въ будущемъ. Затѣмъ, измѣненія одной части хозяйственнаго организма необходимо даютъ себя чувствовать и во всѣхъ

другихъ. Сельское хозяйство, какъ и всякая другая отрасль промышленности, тѣсно связано съ судьбой всего соціальнаго строя. Мы здѣсь не разсматривали вопроса, будетъ-ли это внѣшнее вліяніе менѣе благопріятно для мелкаго крестьянина, чѣмъ для капиталиста - землевладѣльца. Насъ интересовалъ вопросъ: имѣются-ли въ самомъ существѣ сельскаго хозяйства, въ природѣ его средствъ производства, въ процессѣ его труда, какъ и въ его продуктѣ—имѣются-ли условія, дающія возможность мелкому производителю, при прочихъ равныхъ условіяхъ, конкуррировать съ крупнымъ? И на это я отвѣчаю: да, такія условія имѣются!

Изложенная статья Давида вызвала возраженіе со стороны Каутскаго. Статья Каутскаго состоитъ изъ двухъ частей: въ одной, большей, онъ старается ослабить силу доводовъ своего противника; въ другой—высказываетъ нѣсколько соображеній о положеніи, какое надлежитъ занять нѣмецкой рабочей партіи по отношенію къ мелкому землевладѣнію и покоящемуся на немъ крестьянству. Насъ интересуетъ въ настоящее время первый вопросъ. По отношенію же ко второму ограничимся замѣчаніемъ, что самоустраненіе партіи отъ поддержанія нѣмецкаго крестьянскаго сословія въ его борьбѣ за существованіе Каутскій считаетъ умѣстнымъ, не только по соображеніямъ философско - историческаго порядка, но и потому, что основу этого сословія въ Германіи составляетъ частная земельная собственность. И «что бы ни думали о нашей сельской агитаціи,—такъ заканчиваетъ Каутскій свою статью,—въ основѣ ея всегда должно лежать требованіе общественной собственности на землю».

Послѣ этого замѣчанія обратимся къ существенной части статьи нашего автора.

Желая обсудить вопросъ о томъ, способно-ли мелкое хозяйство конкуррировать съ крупнымъ, мы должны прежде всего условиться въ томъ, что мы разумѣемъ подъ мелкимъ производствомъ, что подъ крупнымъ и что подъ способностью къ конкурренціи. Несомнѣнно, что, при извѣстныхъ условіяхъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства мелкое производство вполнѣ жизнеспособно. Но наибольшую важность имѣетъ разрѣшеніе вопроса о томъ, жизнеспособно-ли мелкое хозяйство, при современныхъ способахъ производства и обращенія, въ наиболѣе важной отрасли, въ земледѣліи—и прежде всего въ хлѣбопашествѣ.

Обратимся къ вопросу о крупномъ производствѣ. Мы находимъ здѣсь одно различіе между сельскимъ хозяйствомъ и обрабатывающей промышленностью, котораго не коснулся Давидъ. Въ индустріи крупное производство становится господствующимъ только съ развитіемъ капитализма; въ сельскомъ же хозяйствѣ оно гораздо древнѣе: извѣ-

стно, что уже въ древнія времена крупное производство неоднократно вытѣсняло крестьянское. Это вытѣсненіе, однако, обусловливалось не техническимъ его превосходствомъ: въ дѣйствительности скорѣе даже имѣло мѣсто противоположное явленіе, и если крупное хозяйство все-таки производило дешевле, то это благодаря тому, что въ его распоряженіи была въ высшей степени дешевая принудительная работа. Но лишь только изсякалъ источникъ этой послѣдней—крупное производство замѣщалось мелкимъ. Крупная собственность часто продолжала существовать, но крупное производство разбивалось и превращалось въ мелкія аренды.

Такъ, мы видимъ, что въ Римѣ, во времена имперіи, когда привозъ рабовъ уменьшился, крупныя хозяйства исчезаютъ, а на ихъ мѣстѣ возникаетъ система мелкихъ арендъ (колонны). Такъ, на примѣрѣ Англіи легко прослѣдить, что съ конца среднихъ вѣковъ большимъ хозяйствамъ феодальныхъ бароновъ наступаетъ конецъ всюду, гдѣ прекращается дешевая принудительная работа крѣпостныхъ. И еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ тотъ же процессъ совершился въ Америкѣ: съ уничтоженіемъ рабства крупное сельскохозяйственное производство оказалось непрочнымъ, и на мѣстѣ плантацій появились крестьянскіе и арендные участки. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется одна изъ причинъ того явленія, что на континентѣ Европы крестьянское хозяйство водворяется именно въ странахъ, наиболѣе развитыхъ экономически и политически, гдѣ феодальный принудительный трудъ былъ отмѣненъ всего ранѣе, какъ-то: во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Южной и Западной Германіи. И именно въ отсталой Восточной Европѣ—въ Россіи, Румыніи и Польшѣ,—мы находимъ еще довольно распространеннымъ крупное производство, покоящееся на особаго рода рабствѣ, на кабалѣ.

Между тѣмъ, въ Англіи, на родинѣ капиталистической формы производства вообще, появилось и капиталистическое хозяйство, въ наше время видимо распространяющееся и на европейскомъ континентѣ, и въ Америкѣ, вытѣсняя отсталое и бѣдное капиталами крупное производство стараго порядка.

Этотъ родъ крупнаго производства, всѣ стремленія котораго направлены къ тому, чтобы, при возможно меньшей затратѣ труда, создать возможно больше продуктовъ, уже полвѣка тому назадъ имѣлъ всѣ техническія преимущества передъ мелкимъ хозяйствомъ, не только вслѣдствіе употребленія машинъ, но и благодаря обширнымъ улучшеніямъ почвы (дренажъ, искусственное орошеніе), примѣненію искусственнаго удобренія, разведенію лучшей породы скота, большему раздѣленію труда и болѣе планомѣрной организаціи его и т. д., и всюду, гдѣ это производство вытѣсняло мелкое хозяйство, «мѣсто рутиннаго и нераціональнаго производства занимало сознательное технологическое примѣненіе науки» (Марксъ).

Само собой разумѣется, что не вездѣ можно по желанію ввести эту форму хозяйства. Она предполагаетъ извѣстную высоту общаго экономическаго и техническаго развитія страны и благопріятныя условія землевладѣнія. Крупное производство въ настоящее время невозможно безъ крупнаго землевладѣнія. Напротивъ того, крупное землевладѣніе не ведетъ обязательно къ крупному производству, а при нѣкоторыхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, въ Ирландіи, оно можетъ оказаться благопріятнымъ и для самаго мелкаго хозяйства.

Не всякое крупное землевладѣніе обнимаетъ крупное производство и не всякое крупное производство есть производство раціональное. Но очевидно, что, желая доказать способность мелкаго производства къ конкурренціи съ крупнымъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе самую совершенную форму послѣдняго, а не отсталую; ту форму, которая достигла классическаго состоянія въ Англіи и о которой умалчиваетъ Давидъ.

Если подъ крупнымъ производствомъ разумѣть лишь совершенную капиталистическую его форму, то нѣкоторыя положенія Давида окажутся невѣрными. Онъ, напр., утверждаетъ, что такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ производитъ не человѣкъ, а природа, не дѣлающая различія между мелкимъ и крупнымъ хозяйствомъ, то относительно большая надежность въ достиженіи желаннаго результата въ крупной формѣ обрабатывающей промышленности не можетъ быть перенесена на крупное сельское хозяйство.

Мы придерживаемся другого мнѣнія. Если вѣрно утвержденіе Давида, что крупное производство такъ же безпомощно по отношенію къ природѣ, какъ и мелкое, то это приложимо къ какому-нибудь польскому хозяйству, но не къ настоящему капиталистическому, сущность котораго именно и заключается въ порабощеніи силъ природы при помощи науки. Засуха и сырость—злые враги сельскаго хозяйства; но ихъ можно побѣдить, примѣняя орошеніе и дренажъ, которые должны быть, однако, проведены на большомъ пространствѣ и требуютъ приложенія большого капитала. Не хочетъ-ли Давидъ утверждать, что и въ этомъ отношеніи крупное производство не имѣетъ преимуществъ передъ мелкимъ?

То же самое мы найдемъ и въ другихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Капиталистъ устраиваетъ болѣе цѣлесообразныя стойла для скота и тѣмъ предупреждаетъ заболѣваніе послѣдняго; скорѣе найдетъ, въ случаѣ надобности, ветеринара и т. п. А гдѣ техника не въ состояніи защитить его отъ дѣйствія разрушительныхъ силъ природы—капиталистъ обращается къ страхованію и тѣмъ обезпечиваетъ себя отъ потерь, какія могутъ ему причинить огонь, градъ и эпизоотіи.

Невѣрно и то утвержденіе Давида, что въ сельскомъ хозяйствѣ процессъ производства не поддается ускоренію и что его продолжительность одинакова въ крупной и въ мелкой производительной еди-

ницѣ. Современное скотоводство, напр., стремится къ возможно раннему созрѣванію скота и достигло въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. «Двадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ Рошеръ, англійскія овцы обыкновенно созрѣвали для рынка къ тремъ-четыремъ годамъ, теперь же—къ двадцати двумъ мѣсяцамъ. Теперь на лондонскомъ рынкѣ появляются двухлѣтніе шотландскіе быки вѣсомъ отъ 80—100 пуд.; прежде этого можно было достигнуть, по крайней мѣрѣ, къ $3^1/_2$ годамъ. Но это доступно только крупному производству, такъ какъ, по словамъ Дарвина, для успѣшности разведенія скота необходима наличность большого количества индивидуумовъ подлежащей улучшенію породы и широкое примѣненіе подбора.

Мы не хотимъ отрицать того, что существуютъ продукты, время производства которыхъ одинаково для крупнаго и мелкаго хозяйства. Но крупное производство и здѣсь имѣетъ то преимущество, что, при тѣхъ же затратахъ труда на той же площади участка, оно можетъ создать больше продукта.

Обратимся теперь къ мелкому производству. Вопросъ въ томъ, примѣнимо-ли и къ сельскому хозяйству слѣдующее положеніе нашей программы. «Экономическое развитіе... съ естественной необходимостью ведетъ къ исчезновенію мелкаго производства, въ основѣ котораго лежитъ частная собственность рабочаго на его средства труда».

Въ этомъ именно смыслѣ мы должны понимать мелкое производство. Такъ его понимаетъ и Давидъ, опредѣляя его, какъ производство, достаточно большое, чтобы обезпечить хозяину полное приложеніе труда его семьи и удовлетвореніе необходимыхъ потребностей.

Сельскія хозяйства, превосходящія эту мѣру, не могутъ быть разсматриваемы, какъ мелкія, хотя бы они и не носили капиталистическаго характера. Подобныя крупныя крестьянскія хозяйства могутъ еще, пожалуй, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ выдерживать борьбу съ крупными; но у насъ идетъ рѣчь о хозяйствѣ, не употребляющемъ наемнаго труда.

Въ какомъ же положеніи находятся хозяйства, слишкомъ малыя для того, чтобы вполнѣ обезпечить существованіе семьи? Здѣсь мы должны указать на важное различіе между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, котораго не коснулся Давидъ. Если ремесленное производство не въ состояніи обезпечить семью ремесленника, то оно обречено на погибель. Не то въ сельскомъ хозяйствѣ: мелкій хозяинъ, даже въ случаѣ постояннаго дефицита въ производствѣ, покрываетъ недочеты доходомъ отъ побочныхъ промысловъ. Въ этихъ случаяхъ онъ работаетъ дома на капиталиста, занимается случайной поденной работой въ большомъ имѣніи, или въ лѣсномъ хозяйствѣ и т. п.; нанимается въ рабочіе на сосѣднее промышленное предпріятіе или въ рудникъ, предоставляя сельское хозяйство заботамъ жены и дѣтей. Рядомъ съ этимъ нужно упомянуть и о тѣхъ хозяйствахъ пролетаріевъ-рабочихъ, которыхъ привлекла въ деревню фабрика и которые стремятся пріоб-

рѣсти или арендовать клочекъ земли, чтобы посѣять картофель, овощи, или же получить кормъ для козы. Эти люди могутъ платить за землю сравнительно большія цѣны, чѣмъ крупный землевладѣлецъ или крупный арендаторъ. Вѣдь они обрабатываютъ ее не для прибыли. Они довольны, если могутъ такимъ путемъ добыть средства пропитанія дешевле, чѣмъ покупая ихъ въ лавкѣ. Капиталисты покровительствуютъ этимъ пріобрѣтеніямъ и обезпечиваютъ себѣ такимъ образомъ зависимую отъ нихъ рабочую силу. По этой же причинѣ и крупные землевладѣльцы часто поощряютъ образованіе такихъ мелкихъ хозяйствъ.

Такъ растетъ число мелкихъ хозяйствъ при условіяхъ капиталистической формы производства и при ея посредствѣ, вмѣстѣ съ крупной продукціей и пролетаріатомъ. Такое мелкое хозяйство черпаетъ свою жизненную силу не въ способности къ конкурренціи, а въ рабочей платѣ. Такія хозяйства во многихъ странахъ постоянно возрастаютъ, но они растутъ на счетъ собственно крестьянскихъ хозяйствъ, на развалинахъ которыхъ они и возникаютъ. Представители этихъ хозяйствъ въ большей или меньшей степени поденщики, и интересы ихъ болѣе и болѣе совпадаютъ съ интересами пролетаріата. И этотъ классъ составляетъ уже въ настоящее время большинство сельскаго населенія Германіи. Въ общемъ, къ этой категоріи можно причислить всѣ хозяйства ниже пяти гектаровъ земли, а таковыхъ еще въ 1882 г. числилось уже 4 милліона, т.-е. $^3/_4$ всѣхъ сельскихъ хозяйствъ. И если даже отбросить хозяйства съ 2—5 гектарами земли, то все же ихъ остается три милліона, т.-е. три пятыхъ всѣхъ хозяйствъ.

Необходимо подчеркнуть одно важное различіе между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, вполнѣ вѣрно отмѣченное Давидомъ. Въ индустріи производство для сбыта достигло полнаго развитія; въ сельскомъ хозяйствѣ, рядомъ съ товарнымъ, сохраняется еще и производство для собственнаго потребленія и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ мельче производство. Но законы конкурренціи дѣйствительны только въ сферѣ товарнаго производства; поэтому мелкое производство подчинено имъ менѣе, чѣмъ крупное.

Это обстоятельство—независимость отъ конкурренціи—имѣетъ большое значеніе для вопроса о возможности существованія мелкаго сельскаго хозяйства, и ему въ значительной степени слѣдуетъ приписать сравнительно медленное распространеніе крупнаго производства въ области земледѣлія. Въ особенности рѣзко выступаетъ эта сила выносливости мелкаго хозяйства, когда падаютъ цѣны на сельскохозяйственные продукты: крупныя хозяйства страдаютъ при этомъ гораздо больше, чѣмъ мелкія. Поэтому, наплывъ жизненныхъ припасовъ изъ-за океана въ послѣднія два десятилѣтія измѣнилъ взаимное положеніе крупнаго и мелкаго хозяйствъ въ Европѣ въ пользу послѣдняго. Но это—выигрышъ весьма сомнительнаго достоинства. Такъ какъ конкурренція колоніальныхъ странъ раззоряетъ все европейское хозяйство.

какъ крестьянское, такъ и землевладѣльческое, то и вышеуказанное измѣненіе отношеній въ пользу мелкаго хозяйства не спасетъ его отъ гибели. Полной независимости отъ рынка давно нѣтъ у мелкаго хозяина, и съ каждымъ днемъ онъ все болѣе теряетъ ее. Крестьянину нужны деньги для уплаты податей и для пріобрѣтенія различныхъ предметовъ потребленія, проникающихъ въ деревню, благодаря культурѣ. Домашнее производство для собственнаго потребленія исчезаетъ, а продукты его замѣняются фабричными. Какъ ни медленно и ни нерѣшительно крестьянинъ слѣдуетъ усовершенствованіямъ сельскохозяйственной техники, но совершенно устраниться отъ нихъ онъ не можетъ: онъ долженъ покупать орудія, часть нужнаго ему скота и искусственное удобреніе. Въ то же время онъ долженъ застраховать себя отъ несчастныхъ случаевъ. Но и наилучшее страхованіе не можетъ его защитить отъ убытковъ, производимыхъ, напр., паденіемъ цѣнъ, такъ что по временамъ выручка отъ хозяйства недостаточна для покрытія всѣхъ денежныхъ расходовъ, и тогда приходится обращаться къ займамъ, и къ прежнимъ потребностямъ въ деньгахъ присоединяется еще одна: необходимость платить проценты. Другой причиной задолженности служитъ полученіе земли по наслѣдству: чтобы не раздроблять хозяйство, его беретъ одинъ наслѣдникъ, выплачивая доли остальнымъ деньгами.

Такъ растетъ потребность крестьянина въ деньгахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его зависимость отъ рынка.

Давидъ, однако, находитъ, что крестьянинъ занимаетъ выгодную позицію даже и въ томъ случаѣ, когда ему приходится прибѣгать къ послѣднему: «для крестьянина достаточно одной зажиточной семьи, покупательницы,—говоритъ онъ,—чтобы получить необходимую сумму денегъ».

Врядъ-ли, однако, это утвержденіе можно считать выражающимъ преобладающій порядокъ вещей. Въ маленькихъ городкахъ это еще возможно, но обмѣнъ между селами и большими городами происходитъ менѣе примитивнымъ способомъ.

Между продуктами, продаваемыми крестьяниномъ, Давидъ прежде всего называетъ хлѣбъ и мясо. Но вѣдь крестьянинъ производитъ не хлѣбъ и не продаетъ мяса! Въ большинствѣ мѣстностей главный его продуктъ составляютъ зерно или скотъ; а состоятельныя семейства потребителей не покупаютъ непосредственно пшеницы, или цѣлаго вола. Точно также крестьянинъ не можетъ продавать потребителю табакъ, хмель, свекловицу и т. п. Для яицъ и молока это возможно въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Но преимущество крупнаго хозяйства при выработкѣ изъ молока масла и сыра давно уже сдѣлалось общепризнаннымъ фактомъ.

При продажѣ своихъ продуктовъ крестьянинъ, слѣдовательно, нуждается въ посредникѣ—капиталистѣ. А если такъ, то намъ непонятно

заявленіе Давида, что коммерческія выгоды при продажѣ продуктовъ крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ не такъ велики, какъ въ индустріи. Намъ кажется болѣе вѣрнымъ противное. Въ густо населенныхъ городахъ работа ремесленника непосредственно на потребителя имѣетъ еще нѣкоторое значеніе. Непосредственное же производство сельскаго хозяина на потребителя существуетъ лишь, какъ исключеніе. Поэтому, при продажѣ своихъ продуктовъ, онъ еще болѣе зависитъ отъ посредника, нежели ремесленникъ.

Какъ производитель товаровъ, мелкій крестьянинъ поставленъ въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ всякій другой производитель, и это ослабляетъ выгоды, проистекающія изъ его положенія, какъ производителя для собственнаго потребленія. Чѣмъ больше ему нужны деньги, чѣмъ болѣе растутъ подати, проценты, культурныя потребности и требованія производства, тѣмъ болѣе онъ превращается въ производителя товаровъ, и тѣмъ хуже становится его положеніе, сравнительно съ крупнымъ хозяиномъ.

Давидъ указываетъ на товарищества, какъ на средство, могущее устранить въ этомъ отношеніи временныя невыгоды положенія крестьянина. Образованіе товариществъ для покупки и продажи составляетъ, конечно, весьма дѣйствительное средство для устраненія убыточнаго посредничества. Но образовать такіе союзы, конечно, легче зажиточному, интеллигентному капиталисту, чѣмъ бѣдному, невѣжественному, изолированному крестьянину. Рядомъ съ товариществами для покупки и продажи существуютъ и другія: молочныя, машинныя, для орошенія или осушенія почвы и т. п. И эти товарищества имѣютъ нѣкоторое значеніе; но ихъ примѣненіе крестьянами скорѣе служитъ доказательствомъ того, что послѣдніе сами начинаютъ сознавать неспособность мелкаго хозяйства къ конкурренціи съ крупнымъ, ибо производство товариществами есть крупное, а не мелкое, и съ возрастаніемъ послѣднихъ вопросъ о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ замѣняется вопросомъ о крупномъ капиталистическимъ или товарищескомъ производствѣ.

Тѣмъ не менѣе, мы не отрицаемъ, что при нѣкоторыхъ условіяхъ мелкое хозяйство, не смотря на свою техническую отсталость, все еще въ состояніи выдерживать напоръ крупнаго. Но какимъ образомъ?

Испоконъ вѣка поклонники мелкаго хозяйства превозносили прилежаніе крестьянина. Описаніе фламандскаго хозяйства, говоритъ, напр., Милль, особенно поучительно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какими средствами неутомимая трудовая дѣятельность покрываетъ сторицей недостатокъ въ средствахъ, несовершенства орудій и незнакомство съ научными теоріями. Другими словами, это означаетъ, что крестьянинъ выдерживаетъ конкурренцію крупнаго хозяйства, благодаря тому, что онъ мучитъ работой и себя, и членовъ своей семьи.

Къ чрезмѣрной работѣ присоединяется недостаточное потребленіе;

Давидъ благозвучно называетъ это «проживать съ своей семьей нѣкоторое время кое-какъ». Но это время длится что-то слишкомъ долго, и положеніе такихъ самостоятельныхъ хозяевъ сплошь и рядомъ хуже положенія сельскихъ поденщиковъ. Можетъ-ли поэтому что-нибудь яснѣе доказывать неспособность мелкаго хозяйства къ конкурренціи?

Нельзя думать объ удовлетвореніи культурныхъ потребностей тамъ, гдѣ господствуетъ горькая нужда. Но, такъ какъ эти потребности все-таки проникаютъ въ деревню, то отсутствіе возможности ихъ удовлетворенія вызываетъ бѣгство интеллигентныхъ, энергичныхъ элементовъ въ города, что еще больше способствуетъ духовному оскудѣнію деревни.

Читатель, внимательно прочитавшій объ предложенныя ему статьи, легко замѣтитъ, что авторъ первой изъ нихъ стоитъ на практической, а второй—на академической почвѣ. Давидъ не ограничивается констатированіемъ различія земледѣльческой и обрабатывающей промышленности, обусловливающаго въ первой изъ нихъ иныя отношенія мелкаго и крупнаго производства, нежели во второй. Онъ, кромѣ того, утверждаетъ, что тамъ, гдѣ крупный собственникъ пользуется несомнѣнными преимуществами надъ мелкимъ, послѣдній можетъ съ нимъ сравняться при помощи кооперації; и это утвержденіе не есть простое предположеніе, а констатированіе общеизвѣстнаго факта. Каутскій не только не отрицаетъ этого положенія, но обращаетъ его на защиту своей мысли о неизбѣжной гибели мелкаго хозяйства, ибо—говоритъ онъ—соединеніе крестьянъ для общественнаго преслѣдованія какой-либо хозяйственной цѣли есть уже нарушеніе принципа мелкаго производства и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство несостоятельности послѣдняго.

Такимъ образомъ, практическій вопросъ о томъ, можетъ-ли крестьянское хозяйство, оставаясь (до поры, до времени), въ главномъ, мелкимъ и единоличнымъ, но, примѣняя кооперацію къ отдѣльнымъ моментамъ производства (продажа продуктовъ, покупка удобренія, сѣмянъ, наемъ жатвенныхъ и молотильныхъ машинъ, устройство молочныхъ, винодѣленъ и т. п.), еще неопредѣленно долгое время выдерживать конкурренцію съ капиталистическимъ земледѣліемъ,—этотъ поставленный Давидомъ практическій вопросъ Каутскій замѣняетъ вопросомъ о томъ: можетъ-ли подобное крестьянское хозяйство именоваться мелкимъ.

Стремленіе къ обращенію практическаго вопроса въ академическій усматривается и въ томъ положеніи Каутскаго, согласно которому онъ считаетъ правильнымъ подвергать сравненію реальное мелкое хозяйство континента Европы не съ господствующимъ здѣсь видомъ крупнаго хозяйства, а съ наиболѣе совершенной формой послѣдняго, свившей себѣ гнѣздо на небольшой площади собственно Англіи и въ послѣднее время запускающей свои пахотныя поля въ луга и пустыри.

Но и преимущества этой формы хозяйства, какъ они формулированы

у Каутскаго, не имѣютъ безусловнаго значенія. Орошеніе полей, съ одной стороны, можетъ быть примѣнено крупнымъ собственникомъ далеко не вездѣ, гдѣ хозяйство страдаетъ отъ засухи, а съ другой—оно нерѣдко примѣняется на крестьянскихъ поляхъ, напр., въ Самарской губ. Сказанное еще въ большей степени приложимо къ дренированію почвы съ цѣлями ея осушенія, для чего сплошь и рядомъ необходимо соглашеніе многихъ крупныхъ владѣльцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осушеніе болотъ составляетъ опять-таки весьма обыкновенное явленіе среди русскихъ крестьянъ. Другія указываемыя Каутскимъ преимущества раціональнаго крупнаго хозяйства—въ родѣ пользованія услугами ветеринара, застрахованія посѣвовъ и т. п.—теряютъ свое значеніе, по мѣрѣ того, какъ организацію медицинской помощи населенію и его скоту берутъ на себя общественныя учрежденія (напр., земства въ Россіи) и когда ими же поставленъ вопросъ объ обязательномъ страхованіи, напр., крестьянскаго скота, подобно тому, какъ обязательно страхуются отъ огня крестьянскія жилища.

Словомъ, если отъ теоретическаго вопроса объ условіяхъ конкурренціи *мелкаго* и крупнаго земледѣльческаго производства мы перейдемъ къ вопросу о томъ, обладаетъ-ли достаточной жизненностью современное *крестьянское* хозяйство (и преимущественно хозяйство въ Россіи, гдѣ, благодаря господству общиннаго землевладѣнія и зачаткамъ артельнаго единенія, устранены многія препятствія для примѣненія кооперація, задерживающія ея развитіе среди крестьянъ Западной Европы), то мы должны придти къ заключенію, что возраженія Каутскаго, какъ противника мелкаго земледѣлія, еще больше, нежели утвержденія Давида, доказываютъ жизнеспособность крестьянскаго хозяйства.

НАША КНИГА НА БАЗАРѢ ЖИТЕЙСКОМЪ.

Люди, мало-мальски знакомые съ книжнымъ рынкомъ, знаютъ, что рядомъ съ оживившимся спросомъ на чтеніе, какъ со стороны интеллигенціи, такъ и въ особенности со стороны народа, книги у насъ все-таки идутъ плохо и—главное—не ровно, а какими-то странными и неожиданными скачками. Идетъ, идетъ беллетристика,—только ее и подавай, вдругъ стопъ машина: беллетристики не нужно, подавай философію! Безъ года недѣлю идетъ философія, и въ одно прекрасное утро: нельзя-ли, вмѣсто философіи, дать что-нибудь по эстетикѣ—ужъ очень она по душѣ. И эстетика, въ свою очередь, также недолговѣчна; ее замѣняютъ справочныя книги, а ихъ антропологія и т. д. Словомъ, въ спросѣ на книгу нѣтъ устойчивости, нормы, и рынокъ окончательно сбитъ съ толку. Онъ никогда заранѣе не можетъ оріентироваться въ своемъ производствѣ и знать, что можетъ потребоваться. Удивительно страннымъ сдѣлался теперь читатель: его не разберешь, не поймешь, не узнаешь, чего онъ хочетъ, что ему нравится, что не нравится. Почему читатель сдѣлался такимъ капризнымъ, измѣнчивымъ въ своихъ взглядахъ, симпатіяхъ, антипатіяхъ и вкусахъ—все это вопросы, на которые каждый отвѣчаетъ по-своему. Авторъ книги (которая не идетъ) утѣшается упадкомъ современной критики, и въ глубинѣ души онъ убѣжденъ, что еслибъ современная критика стояла на высотѣ своего призванія, то его книга отлично бы разошлась; а книгопродавецъ всю вину сваливаетъ на иллюстрированные журналы; словомъ, каждый толкуетъ это странное явленіе по-своему и такъ, какъ для него выгоднѣе. Но врядъ-ли люди, прямо не прикосновенные къ дѣлу, а наблюдающіе это явленіе со стороны, могутъ удовлетвориться этими толкованіями. Эти люди прекрасно знаютъ, что если теперь книжный рынокъ, дѣйствительно, наводняется массою плохихъ книгъ, то рядомъ съ этимъ выходитъ также масса очень цѣнныхъ, дѣльныхъ и талантливыхъ произведеній, рѣшительно по всѣмъ областямъ знанія и литературы. Знаютъ они и то, что наша критика далеко не такъ плоха, какъ объ этомъ думаютъ гг. авторы, которые этой критикѣ не нравятся, что если у насъ бываетъ критика пристрастная, придирчивая, то это ничуть не мѣшаетъ, на ряду съ

этимъ, процвѣтать и критикѣ чисто рекламнаго характера, которая, однако-жъ, ничуть не придаетъ ходкости книгѣ прославляемаго автора. Небезизвѣстно, я думаю, и то, что потребность въ чтеніи вовсе не такая потребность, которая удовлетворяется извѣстными порціями, что, напротивъ, чѣмъ больше эта потребность удовлетворяется, тѣмъ больше она развивается, и что, слѣдовательно, съ распространеніемъ какихъ бы то ни было журналовъ, у читателя потребность въ чтеніи, т.-е. въ книгѣ, должна не уменьшаться, а увеличиваться. Но что же, въ такомъ случаѣ, дѣйствительно произошло и отчего спросъ на книгу теперь очутился въ такомъ неустойчивомъ положеніи? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо раньше фактически доказать, что до этого книжное дѣло у насъ находилось на сравнительно большей высотѣ, чѣмъ теперь. И само собой разумѣется, что эти данныя мы должны искать на томъ же книжномъ рынкѣ. Тамъ мы будемъ имѣть дѣло не съ умозрительными заключеніями и предположеніями, а прямо съ фактами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на книжномъ рынкѣ качество книги опредѣляется спросомъ на нее, а спросъ, въ свою очередь, опредѣляется потребностью въ этой книгѣ. На книжномъ рынкѣ своя критика, у этой критики свои взгляды, логика, принципы, и въ большинствѣ случаевъ эта критика расходится съ той или другой школой, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ и вообще со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ основу обыкновенной критики. Критика книжнаго рынка товарная: она немногословна, очень сжата, кратка, но за то удивительно ясна, точна и убѣдительна: идетъ книга,—значитъ, она хороша, не идетъ,—значитъ, дурна. Что противъ такихъ аргументовъ можно возразить, чѣмъ поколебать такіе неопровержимые доводы? И вотъ, если мы, заручившись такими критическими пріемами, станемъ оглядываться назадъ, пожелаемъ сдѣлать нѣчто въ родѣ критическо-историческаго обозрѣнія нашей книжно-издательской дѣятельности, за періодъ, приблизительно, въ двадцать пять, тридцать лѣтъ, т.-е. именно за тотъ періодъ, когда у насъ книга стала выходить не въ вицмундирѣ, если, говорю я, мы это сдѣлаемъ, то придемъ къ очень печальнымъ выводамъ. Мы, не книжники, убѣждены, что этотъ періодъ былъ періодомъ расцвѣта нашей книги, что за это время по всѣмъ отраслямъ явилась масса очень серьезныхъ и полезныхъ книгъ и что, слѣдовательно, въ этихъ книгахъ ощущалась потребность; но, ставъ на точку зрѣнія книжнаго рынка, мы должны признать, что нашъ взглядъ ошибоченъ, что именно тѣ книги, которыя мы считаемъ хорошими, полезными, на дѣлѣ оказались дурными, потому что онѣ-то и шли плохо.

И дѣйствительно, мы видимъ, что въ этотъ періодъ вылетали въ трубу не тѣ издатели, которые спекулировали, торговали человѣческой мыслью и чувствомъ, а тѣ, которые относились къ своей дѣятельности

серьезно, съ полнымъ сознаніемъ той нравственной отвѣтственности, которая на нихъ лежала. Достаточно упомянуть такія лопнувшія фирмы, какъ Кожанчикова, Звонарева, Черкесова, «Русской книжной торговли», «Магазина для иногородныхъ», Полякова и т. п.

Если мы прослѣдимъ исторію многихъ болѣе или менѣе серьезныхъ, дорого стоющихъ изданій, то увидимъ, что судьба ихъ почти всегда одинакова. Сначала, какъ это водится, на нихъ возлагаются большія надежды, затрачивается много денегъ, труда, а потомъ, когда выходятъ онѣ, годика два лежатъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ, украшаютъ собою выставки, а потомъ снимаются съ выставокъ, полокъ и переселяются на отдыхъ въ кладовыя. Дальнѣйшая ихъ судьба ужъ зависитъ отъ того, кто ихъ издатель. Если это добровольцъ, который, не спросившись брода, сунулся въ воду и, затративши свои послѣднія крохи (а въ большинствѣ случаевъ залѣзшій и въ долги), очутился на рѣкахъ вавилонскихъ, тогда дѣло просто, и исторія немедленно же заканчивается букинистомъ, который купитъ книгу за грошъ и будетъ продавать ее не по номинальной цѣнѣ, а по удешевленной. Если же издатель изъ обстрѣленныхъ и можетъ выждать, онъ, разумѣется, изъ кладовой такъ скоро книги не выпуститъ; будетъ держать ее до тѣхъ поръ, пока она не расползется, что можетъ случиться годиковъ черезъ 10—20, или же до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ не вылетитъ въ трубу и весь его товаръ не пойдетъ съ молотка, т.-е. опять-таки книга не попадетъ на толкучку, въ общество «Прекрасныхъ магометанокъ», «Атамановъ-мстителей», «Каторжниковъ» и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ феноменальныхъ страшилищъ, которыми московскій книжный рынокъ наводитъ ужасъ на всю Россію.

Просмотрите любой каталогъ удешевленныхъ книгъ (цѣны, выставленныя въ каталогахъ, обязательны только для публики, для торговцевъ онѣ значительно уменьшаются), и вы увидите, что въ разрядѣ залежавшихся перебывали чуть-ли не всѣ, безъ исключенія, писатели, ученые, мыслители, какъ изъ нашихъ, такъ изъ европейскихъ. Правда, не всѣ они вѣчно остаются въ этомъ разрядѣ, многіе изъ нихъ кончаютъ свой срокъ очень скоро, а нѣкоторые даже дослуживаются до повышенія въ цѣнѣ, но это еще больше подтверждаетъ ту мысль, что дѣло собственно не въ качествѣ книги, а во времени, т.-е. въ выдержкѣ ея издателя. И по крайней мѣрѣ до 1892 года очень рѣдко бывали примѣры, чтобы болѣе или менѣе серьезное изданіе разошлось сразу и по своей номинальной цѣнѣ.

Размѣръ моей статьи не позволяетъ мнѣ долго останавливаться на перечнѣ тѣхъ книгъ, которыя по волѣ судебъ подверглись такой участи: это заняло бы слишкомъ много мѣста; а поэтому я ограничусь очень краткими и отрывочными указаніями, изъ которыхъ читатель ясно увидитъ, что у насъ далеко не всегда идутъ хорошо однѣ только хорошія и интересныя книги (на это въ литературѣ уже дѣлалось указанія гг. Ру-

бакинымъ и Пругавинымъ), что есть очень много книгъ, которыя несомнѣнно представляютъ интересъ и при всемъ томъ, въ такой странѣ, какъ Россія, съ ея ста-двадцатью-милліоннымъ населеніемъ, 2—2½ т. экз. (въ какомъ количествѣ обыкновенно у насъ издаютъ) преспокойно садятся на мель. Вотъ вкратцѣ этотъ скорбный листъ нашей злополучной книги: «Исторія индуктивныхъ наукъ» Уэвеля, въ переводѣ Антоновича и Пыпина, съ 8 руб. 50 коп. съѣхала на 3 р. Сильно упали также въ цѣнѣ: «Исторія англійской литературы» Тэна (за нѣкоторыя сравнительныя цифры я ручаться не могу и поэтому буду ихъ пропускать); Тэнъ: «Объ умѣ и познаніи; Кантъ; «Критика чистаго разума»; Льюисъ: «Исторія философіи»; всѣ изданія Бибикова, между которыми имѣются такія капитальныя вещи, какъ: Адамъ Смитъ—«Богатство народовъ», Мальтусъ—«Законы народонаселенія», соч. Бэкона и много др., были проданы *на вѣсъ бумаги*, и это не фигурально, а буквально. Изъ современныхъ, на что ужъ солиднѣе фирмы Суворина, которая на своихъ плечахъ можетъ вынести не одно капитальное изданіе, и та въ послѣднее время стала прибѣгать относительно массы накопившихся въ ея кладовыхъ такъ называемыхъ *остатковъ* изданій къ хирургическимъ операціямъ. Такъ, она обрѣзала: «Естественную исторію племенъ и народовъ» Гельвальда, съ 15 р. на 6 р.; «Нашъ вѣкъ» Лейкснера съ 18 р. на 6 р. «Иллюстрированную исторію Петра Великаго» Брикнера съ 15 р. на 6 р.; «Исторію Екатерины Великой» Брикнера же съ 18 р. на 8 р.; «Живописная Россія» Вольфа, которая долгое время мирно покоилась въ кладовыхъ и услаждала собою досугъ крысъ, теперь раздается даромъ при жур. «Новь». Конечно, живописная Россія вовсе не такъ живописна, какъ ее расписывалъ въ своихъ рекламахъ г. Вольфъ, но, во всякомъ случаѣ, это такое изданіе, на которое нужно было затратить очень много денегъ. Всего, конечно, не перечислишь [1]).

---

[1]) Вотъ какія книги у насъ лежатъ отчасти въ видѣ остатковъ первыхъ изданій, вслѣдствіе появленія послѣдующихъ, а отчасти въ главной своей массѣ:

Ламартинъ, А. Исторія жирондистовъ. 2 тома, вм. 4 р.—1 р. 50 к.

Шарко. Болѣзни нервной системы, вм. 3 р. 50 к.—40 к.

Благосвѣтлова, Г. Е. Сочиненія съ предисл. Н. В. Шелгунова, вм. 3 р. 50 к.—1 р. 25 к.

Трачевскаго, А. Польское безкоролевье, вм. 3 р.—40 к.

Вирхова. Изложеніе ученія о трихинахъ, вм. 50 к.—5 к.

Зеворта, Э. Исторія новаго врем. XVI—XVIII ст. Перев. подъ ред. съ дополненіями проф. И. В. Лучицкаго, вм. 4 р. 50 к.—2 р. 50 к.

Кавелина, К. Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія, вм. 50 к.—20 к.

Мартенсъ. Россія и Англія въ средней Азіи, вм. 75 к.—15 к.

Диксонъ. Швейцарцы. Перев. Кутейникова, вм. 1 р. 25 к.—75 к.

Маккензи и Эрби. Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи, съ предисл. Гладстона, 2 тома, вм. 3 р.—1 р. 50 к.

Кауфмана, И. И. Кредитъ, банки, вм. 4 р. 50 к.—1 р.

Крафтъ-Эбингъ. Нашъ нервный вѣкъ, вм. 1 р.—50 к.

Сэйсъ. Ассиро-вавилонс. литерат., вм. 50 к.—15 к.

Флоберъ, Г. Саламбо. Спб. 1884 г., вм. 1 р.—40 к.

Успенскаго, Глѣба. Люди и нравы, вм. 2 р. 50 к.—1 р.

Его же. Деревенская неурядица, вм. 2 р. 80 к.—1 р.

Успенскаго, Н. В. Повѣсти, разск. и очер. 4 тома, вм. 7 р.—2 р. 50 к.

Изъ этого читатель можетъ видѣть, что прошлое нашего книгоиздательства далеко не такое блестящее, какъ объ этомъ принято думать. Если раньше издатели-книгопродавцы наживали деньги, а нѣкоторые изъ нихъ даже составляли себѣ солидныя состоянія, то дѣлали они это

Германъ. Основы физіологіи человѣка. Перев. И. Сѣченова, вм. 2 р. 50 к.—1 р. 20 к.

Градовскій, А. Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ, вм. 2 р.—1 р. 25 к.

Онэ, Жоржъ. Бѣлоручка и работникъ, вм. 1 р. 50 к.—30 к.

Максимова, С. Сибирь и каторга, вм. 5 р.—1 р. 80 к.

Вальтеръ Скотта. Айвенго, вм. 1 р 50 к.—50 к.

Его же. Морской разбойникъ, вм. 2 р.—75 к.

Диксонъ, Вильямъ. Швейцарія, вм. 1 р. 25 к.—40 к.

Эберсъ. Мелисса. Истор. ром., вм. 2 р.—80 к.

В. И. Немировичъ-Данченко, Въ гостяхъ, вм. 1 р. 25 к.—75 к.

Захеръ-Мазохъ. Еврейскіе разсказы, вм. 1 р.—35 к.

Фогтъ Карлъ. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ, 2 тома, вм. 3 р.—1 р. 20 к.

Бретъ Гарта. Калифорнійскіе разсказы, вм. 1 р.—35 к.

Додэ, Альфонсъ. Безсмертный, вм. 1 р.—40 к.

Кемпійскій. О подражаніи Христу, вм. 50 к.—10 к.

Гонеггеръ. Литерат. и культура, 18 стол., вм. 1 р. 50 к.—40 к.

Гольдсмитъ. Векфильдскій священникъ, вм. 1 р. 50 к.—1 р.

Гирса. Записки военнаго, вм. 1 р. 60 к.—30 к.

Гизо. Жизнь Вашингтона, вм. 75 к.—20 к.

Диккенса. Записки Пиквикс. клуба, вм. 2 р.—30 к.

Его же. Давидъ Каперфильдъ, вм. 4 р.—2 р. 40 к.

Златовратскаго. Разсказы и очерки, вм. 1 р. 50 к.—50 к.

Его же. Среди народа, вм. 1 р. 50 к.—60 к.

Ибсена. Ингэръ изъ Эстрота, вм. 75 к.—10 к.

Л. Толстой, гр. Плоды просвѣщ. и смерть Ив. Ильича, вм. 1 р.—20 к.

Флоберъ. Бюваръ и Пекюше, романъ, вм. 1 р. 30 к.—75 ь.

Макіавели, Н. Государь и разсужденія на первыя три книги Тита Ливія, вм. 2 р.—1 р.

Вюрцъ, д-ръ. Гипотезы и развитіе атомовъ. Теорія свойствъ, измѣреній и эквивалентовъ съ прил., вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Кристофа. Физіологія преступленій, вм. 1 р.—50 к.

Финдель. Исторія франкъ-массонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. 2 т., вм. 5 р.—2 р.

Избранныя стихотворенія. Людвига Кондратовича (Владислава Сырокомли), вм. 2 р.—1 р. 25 к.

Уйда. Двѣ сказки, въ перев. В. М. Гаршина, вм. 75 к.—40 к.

Андреевъ. Историческіе очерки. вм. 3 р.—75 к.

Маршъ, Г. Человѣкъ и природа, или о вліяніи человѣка на измѣненіе физико-географическихъ условій природы. Перев. съ англ. А. Невѣдомскій, вм. 3 р.—2 р.

Ахшарумовъ. Мандаринъ. Романъ, вм. 2 р.—1 р.

Пинто. Исторія національной литературы въ Италіи, вм. 2 р.—1 р. 50 к.

Айрлендъ, д-ръ. Идіотизмъ и тупоуміе, съ предисловіемъ проф. Мержеевскаго, вм. 2 р. 50 к.—75 к.

Макъ-Карти. Исторія нашего времени, вм. 1 р. 50 к.—40 к.

Сенкевичъ. Панъ Володыевскій. Новый истор. ром., вм. 1 р.—20 к.

Леруа-Болье. Колонизація у новѣйшихъ народовъ, вм. 3 р.—1 р. 50 к.

Жанъ-Жакъ-Руссо. Теорія воспитанія, вм. 3 р.—1 р. 50 к.

Льюисъ. Очерки животной жизни, пер. Рачинскаго, со многими рисунками, вм. 1 р.—50 к.

Мора. Фр. Исторія земли, геологія на новыхъ основаніяхъ, пер. Шульгина, вм. 3 р. 50 к.—2 р.

Шлейденъ. Этюды, популярныя чтенія, пер. проф. Калиновскаго, съ гравир. портр. Шлейдена, вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Кербн и Спенсъ. Общая естествен. исторія насѣкомыхъ, вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Гершель. Дж. Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ, пер. Рачинскаго, съ рисунками, вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Рудольфъ, Л. Картины растительности земного шара, пер. А. Бекетова, съ картинами и политипаж., вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Тиндаль. Альпійскіе ледники, перев. проф. Рачинскаго, съ рисунк. и политип., вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Стендаль. Итальянскія хроники, вм. 75 к.—20 к.

не книгами въ полномъ смыслѣ этого слова, а хламомъ и спекулятивной дрянью, которую они подъ шумокъ и подъ прикрытіемъ настоящей книги очень ловко сплавляли. Дѣйствительно, хорошая книга очень рѣдко имъ давала барыши, потому что она никогда настоящимъ образомъ не шла, а только тащилась за ходкой дрянью. Прежняя книжная

Милюковъ. Отголоски на литературныя и общественныя явленія, критическіе очерки, вм. 1 р. 75 к.—50 к.

Іеремія Бентамъ. Избранн. соч., переводъ А. Н. Пыпина и А. Н. Невѣдомскаго, вм. 3 р. 75 к.—1 р. 50 к.

Гарнье, Эд. Карлики и великаны, съ 39 гравюр. въ текстѣ и картой путешествія Стэнлея, вм. 1 р.—50 к.

Блекки. Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, христіанство и утилитаріанизмъ, вм. 2 р.—1 р. 25 к.

Буше-Леклеркъ. Изъ исторіи культуры, истолкованіе чудеснаго въ античномъ мірѣ, вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Данилевскій. Девятый валъ (Христова невѣста), романъ, 2 т., вм. 1 р. 50 к.—1 р.

Дизраэли. Эндиміонъ, романъ, вм. 2—1 р.

Золя. Для счастья дамъ, романъ, вм. 2 р.—75 к.

Клодъ-Бернаръ. Лекціи физіологіи и патологіи нервной системы, вм. 4 р.—2 р.

Конради. Общественныя задачи домашняго воспитанія, книга для матерей, вм. 5 р.—1 р.

Полевой, П. Н. Художественная Россія. Роскошное изданіе, украшенное 166 рисунками и портретами, вм. 5 р.—2 р.

Таганцевъ. Изслѣдованія объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ по русскому праву, вм. 1 р.—50 к.

Бремъ, Э. Путешествіе по Сѣверной Африкѣ или странамъ, подвластнымъ Египту: Судану, Нубіи, Сеннару, Россересу и Кордофану, 2 т., вм. 3 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Шпилевскій, Сер. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Шекспиръ. Гамлетъ, вм. 75 к.—15 к.

Миттермайеръ. Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ. 2 тома, вм. 4 р. 30 к.—1 р. 75 к.

Мора, Эд. Путешествіе въ Африку къ водопадамъ Викторіи на Замбези, съ портр. и многими рисунками, вм. 6 р.—75 к.

Леббокъ. Начало цивилизаціи—умственное и общественное состояніе дикарей, вм. 2 р. 50 к.—2 р.

Лучицкій, проф. Католическая лига и кальвинисты во Франціи, вм. 2 р. 50 к.—1 р. 50 к.

Бекетовъ. Изслѣдованія надъ явленіями вытѣсненія однихъ элементовъ другими, вм. 1 р.—30 к.

Наумовъ, Н. Въ забытомъ краю, разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ, вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Бэнъ, А. Наука воспитанія, вм. 2 р. 50 к.—2 р.

Кирпичниковъ. Исторія русской литературы, вм. 1 р.—25 к.

Фоше. Очерки Англіи, вм. 2 р.—75 к.

Фойницкій. Мошенничество по русскому праву, вм. 2 р. 50 к.—50 к.

Стронинъ, А. Политика какъ наука, вм. 1 р. 75 к.—75 к.

Антоновичъ, А., проф. Основанія политической экономіи, вм. 2 р. 50 к.—75 к.

Кояловичъ, М., проф. Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ, вм. 2 р.—1 р. 25 к.

Дистервегъ. Избранныя педагогическія сочиненія, вм. 1 р. 40 к.—75 к.

Циммерманъ. Путешествіе вокругъ свѣта, вм. 1 р. 25 к.—75 к.

Спенсеръ. Описательная соціологія съ таблицами, вм. 3 р. 50 к.—2 р.

Его же. Начала соціологіи. (Обрядовыя учрежденія), вм. 1 р. 50 к.—1 р.

Литтре. Варвары и средніе вѣка, истор. этюды, вм. 2 р.—1 р.

Гексли. Начальныя основанія сравнительной анатоміи. О классификаціи животныхъ и о черепѣ позвоночныхъ, вм. 2 р. 50 к.—75 к.

Робертсонъ, Дж. Исторія христіанской церкви со временъ апостольскихъ до реформаціи, 3 т., вм. 3 р. 25 к.—2 р.

Дюмонъ-Дюрвиль. Путешествіе вокругъ свѣта. 10 ч. для дѣтей, съ карт., вм. 5 р.—2 р.

Погодинъ, М. Н. Сборникъ, служащій дополненіемъ въ простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ, вм. 1 р. 50 к.—50 к.

Арманъ-Каррель. Соч., т. I. Исторія контръ-революціи въ Англіи, вм. 1 р. 75 к.—40 к.

Бэнъ, А. Психологія, вм. 2 р. 50 к.—2 р.

Огородниковъ. Очерки Персіи, вм. 2 р.—1 р.

Въ послѣднее время застряли двѣ книги, заслуживающія лучшей участи, чѣмъ лежать въ складахъ: «8-часовой рабочій день» Вебба и Кокса и «Женскій вопросъ» Хиггинсона. И т. д.

дребедень въ этомъ случаѣ оказывала ту услугу, что иногда она на своихъ плечахъ вытаскивала на свѣтъ Божій хорошую книгу. Прежній издатель, даже спекулянтъ по природѣ, былъ честолюбивъ; онъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы прослыть порядочнымъ, интеллигентнымъ человѣкомъ и старался вести свое дѣло такъ, чтобы и нашимъ, и вашимъ. Притомъ нѣкоторые изъ этихъ господъ нажили себѣ состояніе учебниками, а это совсѣмъ особая статья. Если же изъ прежнихъ издателей осталось еще два-три человѣка, которые никогда не сворачивали и не сворачиваютъ до сихъ поръ въ сторону спекуляціи и все-таки о крахѣ еще не думаютъ, то они въ счетъ идти не могутъ; это или такіе исключительные люди, какъ Павленковъ, или не профессіональные издатели, а люди очень богатые, какъ Солдатенковъ, которые занимаются своимъ дѣломъ изъ любви къ идеѣ или искусству. Слѣдовательно, и въ книжномъ дѣлѣ всѣ эти преувеличенные разсказы о якобы блестящемъ прошломъ нашего книжно-издательскаго дѣла нужно отнести къ сомнительной области легендъ.

И, откровенно говоря, въ данномъ случаѣ далеко не всегда можно было винить нашего читателя, который, въ сущности, далеко не такъ ужъ дуренъ, какъ объ этомъ у насъ привыкли думать. Книга, конечно, у него не такая насущная потребность, чтобы онъ особенно спѣшилъ удовлетворить ее, но нельзя же въ самомъ дѣлѣ не обращать вниманія и на его положеніе. Если онъ живетъ, напр., гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, то новой книги онъ, конечно, никогда въ глаза не видитъ и содержаніемъ соблазниться не можетъ. Онъ можетъ узнать совершенно случайно или вычитать изъ газеты (если тамъ есть объявленія или отзывы), что вышла такая-то книга; ему кажется, что книга интересна и онъ хотѣлъ бы ее пріобрѣсть. Что онъ долженъ для этого сдѣлать?.. Онъ долженъ написать письмо, положить туда деньги, снести или послать на почту, которая иногда находится отъ него вер. въ 20—30, и начать ждать, пока ее пришлютъ, пока ее прочитаетъ почтмейстеръ, а иногда и его знакомые.

Провинціальный читатель въ этомъ отношеніи часто совершенно безпомощенъ, и никто къ нему не приходитъ на подмогу. Даже тамъ, гдѣ имѣется нѣкоторое подобіе книжной торговли (за исключеніемъ, разумѣется, нѣсколькихъ большихъ городовъ, гдѣ имѣется настоящая книжная торговля), то почти съ увѣренность можно сказать, что занимается этой торговлей или человѣкъ, который ничего въ книгахъ не смыслитъ и вмѣстѣ съ книгами продаетъ ситецъ, галантерею, а то и треску, беретъ товаръ въ кредитъ, причемъ, само собой разумѣется, что порядочной книги вы у него никогда не найдете. Конечно, если вы ему оставите деньги, онъ вамъ выпишетъ какую угодно книгу, но это будетъ почти то же самое, какъ если вы станете сами ее выписывать, съ той, впрочемъ, разницею, что торговецъ возьметъ съ васъ за комиссію. Что у насъ до сихъ поръ крайне мало посредниковъ между производителями

книжнаго товара и его потребителями, видно изъ того, что на всю Россію насчитывмется всего-на-всего до 600 [1]) книжныхъ магазиновъ и лавокъ, изъ которыхъ на Петербургъ и Москву приходится 296 (учрежденій, не спеціально торгующихъ произведеніями печати въ обѣихъ столицахъ, насчитывается гораздо больше). Мыслимо-ли при такой постановкѣ дѣла какое-нибудь правильное развитіе книжно-издательскаго дѣла, и можно-ли, по совѣсти, серьезно обвинять читателя въ томъ, что раскупка изданія въ 4—5 т. экз. у насъ пока считается блестящимъ и исключительнымъ издательскимъ дѣломъ?

Но, какъ бы, однако-жъ, туго ни развивалось книжное производство и какими бы черепашьими шагами оно ни двигалось, оно все-таки развивается и съ каждымъ годомъ подвигается впередъ. На книжное дѣло съ каждымъ годомъ затрачивается все больше денегъ, труда, выпускается все больше и больше книгъ и увеличивается число конкуррентовъ. Конкурренція въ какомъ угодно дѣлѣ приноситъ пользу, какъ самому производству, такъ и потребителямъ, но имѣетъ и нѣкоторыя отрицательныя стороны; это—чрезмѣрное удешевленіе продукта на счетъ его качества, поддѣлка плохого товара подъ хорошій, стремленіе къ пониженію заработной платы и низкой оцѣнкѣ труда, нерѣдко чрезмѣрное расширеніе производства и перепроизводство продукта, несоразмѣренное съ возможностью сбыта, реклама и т. п.

Наши истинно русскіе люди, радѣтели о развитіи русской торговли и промышленности, до сихъ поръ еще въ простотѣ душевной полагаютъ, что только въ надувательствѣ и заключается вся сила торговли. Сказывается это и въ книжномъ дѣлѣ.

Свойство книжнаго товара таково, что не всякій можетъ въ немъ оріентироватся, отличить товаръ отъ гнили, хлѣбъ отъ камня. Фальсифицировать книжный товаръ, во всѣхъ его формахъ и видахъ, помимо того, что не представляетъ никакого риска, но и съ технической стороны не представляетъ никакихъ затрудненій. Тутъ особенно много хлопотать, поддѣлывать, подмѣшивать, подкрашивать незачѣмъ, тутъ просто: взялъ камень съ мостовой—вотъ и хлѣбъ. Тутъ даже нѣтъ

[1]) По оффиціальнымъ даннымъ, учрежденій, торгующихъ произведеніями печати (т.-е. книжные магазины, лавки, лари, склады какъ издателей, такъ и земствъ, епархіальныхъ вѣдомствъ, заводовъ и типографій, продающіе книги) доходитъ до 1.934, но если изъ этого числа отбросить лавки и лари (имѣющіеся, главнымъ образомъ, въ столицахъ), которые торгуютъ держанымъ товаромъ, магазины, не торгующіе русскими книгами, которыхъ очень много на окраинахъ,—гдѣ, судя по количеству книжныхъ магазиновъ, не нужно днемъ съ огнемъ отыскивать книгу, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ нашихъ центральныхъ мѣстностяхъ,—такія лавки въ отдаленныхъ захолустьяхъ, которыя торгуютъ исключительно московской лубочной стряпней, если, говорю я, это сдѣлать, то предположеніе людей свѣдущихъ, что во всей Россіи врядъ-ли наберется 600 книжныхъ лавокъ, будетъ ближе къ истинѣ, чѣмъ оффиціальныя свѣдѣнія, въ которыя входятъ, безъ исключенія, всѣ лица и учрежденія, имѣющія право торговать книгами и между которыми, несомнѣнно, находится много такихъ, которыя, хотя и имѣютъ разрѣшеніе, а торговать и не думаютъ.

надобности ловко маневрировать съ вѣсами и аршинами, чтобы обмѣрить и обвѣсить; тутъ у каждаго своя мѣра, вѣсъ, и каждый беретъ за свой товаръ столько, сколько ему вздумается. Это именно дѣло такое, гдѣ все зависитъ отъ добросовѣстности продавца; покупатель тутъ въ большинствѣ случаевъ совершенно безсиленъ; онъ иногда даже не подозрѣваетъ, что его просто надуваютъ. И понятно, что при такихъ условіяхъ шансы на побѣду всегда будутъ на сторонѣ конкуррента недобросовѣстнаго. А на книжномъ рынкѣ пока дѣло обстоитъ такъ. Съ одной стороны, книжникъ-производитель долженъ вести борьбу съ коммерчески-законно конкуррирующей съ нимъ фирмой, а съ другой стороны ему приходится имѣть дѣло съ завѣдомыми фальсификаторами и поддѣлывателями книжнаго товара. На книжномъ рынкѣ, на ряду съ правильнымъ производствомъ товара, идетъ лихорадочная работа по фабрикаціи книжнаго суррогата, который цѣлыми горами сваливается на рынокъ.

Москвѣ, конечно, въ этомъ отношеніи принадлежитъ пальма первенства; тамъ на Никольской улицѣ имѣются грандіозныя, благоустроенныя фабрики заготовленія такихъ товаровъ, которыми наводняется вся Россія.

Никольскій рынокъ это — нѣчто до того достопримѣчательное по своей организаціи, лихорадочно-кипучей дѣятельности, которую онъ обнаруживаетъ, и по тѣмъ грубымъ, примитивнымъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ представляетъ собою очень рѣдкое явленіе.

На этомъ книжномъ рынкѣ нѣтъ ничего недоступнаго, невозможнаго, завѣтнаго и невѣроятнаго; тамъ все доступно, все возможно. Вы пройдитесь по Никольскому книжному рынку, присмотритесь ко всему тому, что тамъ дѣлается, обратите вниманіе на литературу, науку, которая оттуда выходитъ, вглядитесь въ «геніевъ человѣчества», которые тамъ наряжаются шутами гороховыми, и у васъ волосы дыбомъ встанутъ. Вы ужаснетесь за человѣческую мысль, за участь тѣхъ несчастныхъ людей, которые по наивности своей попадаютъ въ лапы этихъ хищниковъ-дикарей, и невольно задумаетесь о несчастномъ народѣ, который пока чуть не всецѣло находился въ просвѣтительныхъ застѣнкахъ этихъ господъ. Только въ самые послѣдніе годы интеллегенція стала издавать книжки для народа; но это только попытки, которыя встрѣчаютъ на своемъ пути разныя затрудненія и количественно подавляются и поглощаются дѣятельностью этихъ господъ. Главное, что въ ихъ дѣятельности ужасно, это то, что они у людей неопытныхъ и неразвитыхъ на первыхъ же порахъ могутъ отбить охоту отъ книги, вселить въ ихъ сердца отвращеніе къ наукѣ, литературѣ, ко всему тому, что принято уважать, ставить выше уровня обыденной житейской мелочности. Человѣкъ слышалъ имя какого-нибудь замѣчательнаго писателя, мыслителя, онъ въ своемъ представле-

ніи привыкъ считать его очень умнымъ, образованнымъ, привыкъ уважать его; ему предлагаютъ этого писателя, мыслителя сравнительно очень дешево, онъ его, разумѣется, пріобрѣтаетъ, выписываетъ, и, о ужасъ! это какая-то безграмотная галиматья! Что долженъ онъ подумать?—Хорошъ геніальный писатель, даже до смысла котораго трудно добраться. А между тѣмъ нѣтъ области, куда бы эта милая улица первопрестольной не залѣзала; нѣтъ того болѣе или менѣе извѣстнаго имени, которое она не старалась бы эксплуатировать и посредствомъ его обманывать почтеннѣйшую публику. Въ особенности плохо приходится тому бѣдному люду, который инстинктивно стремится къ познанію, но не знаетъ, гдѣ его искать, который, какъ говорится, слышалъ о литературѣ и наукѣ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. Вытащить два, три, а иногда четыре и пять руб. изъ кармана любознательнаго мастерового или приказчика—ровно ничего не стоитъ. И чего-чего только они ни обѣщаютъ этому бѣдному человѣку за нѣсколько руб. лей, и что только они выдаютъ ему за литературу, науку и искусство! За три рубля они даютъ цѣлый «*Рудникъ богатства* или драгоцѣнный самородокъ», въ которомъ «десять тысячъ новѣйшихъ практическихъ свѣдѣній и современныхъ открытій и еще никому (за исключеніемъ Никольскаго рынка) неизвѣстныхъ тайнъ и секретовъ, необходимыхъ для каждаго богатаго и бѣднаго семейства». Эти, еще никому неизвѣстныя тайны и секреты въ «агрономіи, техникѣ, технологіи (буквально), механикѣ, медицинѣ, ветеринаріи, кулинарномъ искусствѣ, ремеслахъ, художествахъ, хозяйственныхъ законахъ и проч.—могутъ сдѣлать то, что очень *легко* и въ самое *короткое время* обращаетъ «*все недоходное и негодное въ годное и прибыльное*», вслѣдствіе чего, разумѣется, каждому, заплатившему 3 р., представляется возможность сдѣлать одну изъ самыхъ блестящихъ аферъ. За 6 ничтожныхъ цѣлкачей васъ вводятъ въ «*Храмъ знаній*», въ которомъ вы не только можете узнать всѣ науки, но и безъ помощи «*учителей и мастеровъ*», сами, «*вполнѣ*» можете выучиться «48 ремесламъ и 48 фабричнымъ дѣламъ и сельскимъ производствамъ» (роковыя 48, повидимому, тутъ имѣютъ какое-то кабалистическое значеніе). Удивительная дешевизна! За 2 рубля вамъ устроятъ «*Кабинетъ молодого мужчины и дамы*» (какого возраста дамы, неизвѣстно, но, судя по книжицѣ, надо полагать, не особенно молодой). За 1 рубль на Никольскомъ дѣлаются «*Другомъ красоты молодыхъ людей*» и превращаются въ *хранилище* «самыхъ вѣрныхъ косметическихъ средствъ, необходимыхъ при туалетѣ какъ женщины, такъ и мужчины, содержащее въ себѣ рецепты противъ недостатковъ лица и тѣла». Въ случаѣ же, если кабинетъ давно устроенъ и въ красотѣ вы не столько нуждаетесь, какъ въ здоровьѣ, причемъ возможно, что вы опасно больны неизлѣчимой болѣзнью,—что-жъ, дѣло поправимое: заплатите г. Леухину 3 руб., и онъ вамъ дастъ «*Востановителя здоровья*», который обладаетъ искусствомъ «*продолжать жизнь*» человѣка, «*предохранять его отъ*

смерти» и излѣчивать «*всѣ*» болѣзни и недуги. «Этотъ удивительный трехрублевый врачъ Никольскаго рынка излѣчиваетъ не только такія болѣзни, которыя иногда излѣчиваются и другими врачами, но и такія, съ которыми не знаетъ, что дѣлать вся современная медицина. Такъ, напримѣръ, ему ничего не стоитъ излѣчить *ракъ*, *дифтеритъ*, *умопомѣшательство*, *параличъ*, *чуму*, *оспу*, *холеру*, *чахотку* и даже отъ *перелома костей* и *безплодья*, а въ крайнихъ случаяхъ лѣчебникъ подаетъ даже и акушерскую помощь. Но, если у васъ, Боже упаси, дѣло дойдетъ до того, что вы станете прибѣгать къ врачебной помощи г. Леухина, то совѣтую вамъ не жалѣть денегъ и заплатить ему 5 руб., и онъ вамъ дастъ, дѣйствительно, нѣчто умопомрачительное: онъ васъ снабдитъ ни больше, ни меньше, какъ «*Столбомъ исцѣленія всѣхъ болѣзней и недуговъ*», составленнымъ аптекарями гг. Герцикомъ и Вилькомъ, подъ редакціей какого-то Вл. Второго, «*на основаніи старинныхъ рукописныхъ травниковъ и цвѣтниковъ, новѣйшихъ научныхъ трудовъ, лучшихъ ботанниковъ и личныхъ изысканій и наблюденій при 20-лѣтней практикѣ*». И надо отдать справедливость, что 20-лѣтняя практика и научные труды лучшихъ ботанниковъ привели господъ леухинскихъ аптекарей къ удивительнымъ выводамъ. Они пришли къ тому заключенію, «что на всемъ земномъ шарѣ врядъ-ли можно встрѣтить другую страну, которая, подобно нашей Россіи, была бы настолько богата различными лѣкарственными растеніями; но, къ несчастію, большинство этихъ растеній или совершенно не употребляются врачами, по незнанію пользы отъ нихъ, или же извѣстны только самому ограниченному числу изъ числа нашихъ мужичковъ, посвятившихъ себя лѣченію болѣзней своихъ ближнихъ». Что именно такъ, а не иначе, приводится чуть-ли не цѣлый художественно-написанный романъ, содержаніе котораго сводится къ слѣдующему. Доходитъ до свѣдѣнія одного изъ нашихъ ученыхъ профессоровъ-врачей, что въ одной изъ южныхъ губерній проживаетъ старикъ-мельникъ, который въ медицинѣ творитъ чудеса. И отправляется ученый профессоръ къ мельнику учиться уму-разуму. Пріѣзжаетъ и хочетъ завести съ мельникомъ ученый разговоръ. Но мельникъ: — «гдѣ намъ, мы люди неученые, неграмотные»...

— Но вѣдь ты лѣчишь?

— Лѣчу.

— Чѣмъ же?

— Травкой.

Дальше-больше, пошли съ мельникомъ въ поле. Вырываетъ мельникъ корешокъ, подаетъ его профессору и спрашиваетъ: что это будетъ за корешокъ?.. Разумѣется, профессоръ оказывается невѣждой и не знаетъ, какой это корешокъ.

— Пользителенъ или вреденъ? — допрашиваетъ профессора мельникъ.

Профессоръ нюхаетъ, смотритъ и ничего положительно сказать не

можетъ. Тогда мельникъ велитъ профессору потереть этимъ корешкомъ руку, что тотъ и дѣлаетъ. Черезъ нѣсколько минутъ рука профессора начинаетъ сильно пухнуть. Профессоръ пугается, такъ какъ ему неизвѣстна даже причина этой опухоли, и проситъ мельника помочь горю. Тотъ, конечно, внимаетъ мольбамъ профессора, вырываетъ травку, прикладываетъ ее къ опухоли, и ее какъ рукой снимаетъ, послѣ чего, понятно, ученый профессоръ, воочію увидѣвъ всю тщету своей науки, свято увѣровалъ въ пользу безграмотности мельника. Какъ видите, очень даже недурно. И что-жъ послѣ этого мудренаго, что столбъ исцѣленія излѣчиваетъ не только отъ всѣхъ «*неизлѣчимыхъ болѣзней, но въ особенности* (подчеркнуто въ подлинникѣ) *и отъ безплодья*». Вообще, на Никольскомъ рынкѣ чего хочешь, того и просишь. Тамъ, напр., можете достать и такую мудреную книгу: «*Земной міръ, естественная исторія*», гдѣ составитель этой книги задался цѣлью дать русскому юношеству «*систематическое чтеніе по естественнымъ наукамъ*», для чего онъ черпалъ свои свѣдѣнія отъ всѣхъ знаменитыхъ естествоиспытателей, какъ отечественныхъ, такъ и заграничныхъ, между которыми есть даже такіе знаменитые естествоиспытатели, какъ Ушинскій, Даль, Аксаковъ и Гончаровъ. Если вѣрить господину Леухину, эта замѣчательная книга даже одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и стоитъ-то она бездѣлицу—всего 3 рубля. Нерѣдко на Никольскомъ рынкѣ можно встрѣтить торговлю чужими именами, названіями и стремленіе туманить простодушнаго читателя фонетическими созвучіями. Если бы Никольскому торговцу почему-либо показалось выгоднымъ на Бовѣ Королевичѣ поставить имя Шекспира, онъ бы, не задумываясь, сдѣлалъ это. Приглянулось бы ему названіе «Ярмарки тщеславія» Теккерея, и онъ бы немедленно поставилъ его на произведеніи г. Евстигнѣева. Да вотъ факты. Почему-то г. Брилліантову понравился г. Мордовцевъ (чтобы ужъ взять Тургенева, Достоевскаго или гр. Толстого), и онъ беретъ и выставляетъ его авторомъ книжицы подъ названіемъ «Живой товаръ». Что тутъ въ самомъ дѣлѣ церемониться! Стряпается на Никольскомъ рынкѣ, рубликовъ за 10, какая-то несчастная «Исторія Россіи». Такъ какъ на Руси есть очень много глупыхъ исторій, которыхъ, однакожъ, никто не покупаетъ и не читаетъ, то издатель этой исторіи беретъ и ставитъ на ней: соч. «Константина Соловьева», и плохая, ничтожная исторія превращается въ очень серьезное дѣло. Существуетъ извѣстная поваренная книга Молоховецъ, подъ названіемъ «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ». Она толково составлена, давно извѣстна и хорошо идетъ, значитъ, названіе ея чего-нибудь да стоитъ, и—«тяпъ, ляпъ» готово: молодыя хозяйки получаютъ изъ Никольскаго новый «подарокъ». Кажется, на этомъ можно бы успокоиться, такъ нѣтъ же. Завидно сдѣлалось сосѣду, что вотъ, дескать, тотъ придумалъ «подарокъ», дай-ка,—думаетъ онъ,—состряпаю и я не только «подарокъ», но и саму Молоховецъ. Но такъ какъ

г-жа Молоховецъ живой въ руки не дастся, то придуманъ былъ фортель поддѣлать подъ нея Моровичъ; разница, какъ видите, не очень большая. И на свѣтъ Божій является третій «подарокъ молодымъ хозяйкамъ», сост. Моровичъ. Въ поддѣлкѣ именъ и фирмъ Никольскій рынокъ положительно достигъ виртуозности. Тамъ не только Гербертъ Спенсеръ можетъ оказаться сущимъ остолопомъ, но и Левъ Толстой, въ одно прекрасное утро, можетъ очутиться авторомъ «Предсказателя человѣческой судьбы», а Ротшильдъ сочинителемъ книги: «Вѣрное средство разбогатѣть». И пусть себѣ гг. Толстой и Ротшильдъ протестуютъ, заявляютъ, что они ничего общаго не имѣютъ съ этими книгами. Тотъ, кто будетъ покупать эти книги, не прочитаетъ протеста, а кто прочитаетъ—и безъ того не станетъ покупать этихъ книгъ. Притомъ, какъ могутъ гг. Левъ Толстой и Ротшильдъ доказать, что они одни только носятъ эти имена, что это, наконецъ, настоящія имена, а не псевдонимы? И поэтому-то въ Москвѣ многія изъ почему-либо извѣстныхъ лицъ, которые никогда пера въ рукахъ не держали, оказываются авторами книгъ. Такъ, извѣстный коннозаводчикъ Иловайскій фигурируетъ въ качествѣ автора въ книжкѣ «Лошадь». Знаете-ли вы, кѣмъ составлена и редактирована книга: «*Народный трудъ источникъ богатства, наставникъ-руководитель сельскохозяйственныхъ знаній и совѣтникъ по всѣмъ вопросамъ сельской и городской жизни*»? Остроградскимъ и Масленниковымъ. Я, конечно, допускаю, что помимо Остроградскаго-математика и Масленникова (издателя сельскохозяйственнаго журнала) существуетъ еще очень много другихъ Остроградскихъ и Масленниковыхъ, которые ровно ничѣмъ неизвѣстны и извѣстными быть не могутъ, но съ полною увѣренностію могу сказать только то, что ни настоящіе Остроградскіе, ни настоящій Масленниковъ участія въ этой шарлатанской книгѣ не принимали и что такое постоянное совпаденіе именъ извѣстныхъ людей съ именами никому неизвѣстныхъ субъектовъ можетъ случаться только на Никольскомъ рынкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, творятся чудеса и водятся черти. Но, я полагаю, достаточно примѣровъ.

Не удивительно, что, при такихъ милыхъ нравахъ и пріемахъ, въ книжномъ дѣлѣ, въ борьбѣ за обладаніе рынкомъ, преимущество не рѣдко остается за тѣми господами, которые усвоиваютъ себѣ эти пріемы. Помимо того, что такіе пріемы сбиваютъ съ толку покупателей, они подрываютъ въ его глазахъ довѣріе къ добросовѣстнымъ издателямъ. Покупатель, неоднократно обманутый, дѣлается очень подозрительнымъ, недовѣрчивымъ, и, если ему предлагаютъ дѣйствительно хорошую книгу, онъ начинаетъ подозрѣвать, нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь надувательства. Притомъ, московскій рынокъ не ждетъ, пока покупатель къ нему придетъ; онъ самъ отыскиваетъ покупателя, гонится за нимъ по пятамъ и повсюду его преслѣдуетъ. Московскій товаръ проникаетъ въ самые глухіе, заброшенные уголки нашего отечества. Для этого на

Никольскомъ практикуется широкая система кредита, хорошо организована торговля посредствомъ офень, словомъ, москвичъ не дремлетъ: онъ ѣздитъ на нижегородскую ярмарку, заводитъ сношенія, мѣняетъ товаръ, продаетъ, сравнительно съ ничтожной прибылью, и поэтому имѣетъ возможность выпускать свою дрянь въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ 50—100 т. экз., а иногда и еще больше (календари, брошюры и т. п.). Словомъ, Никольскій рынокъ—такая темная сила, съ которой книжному дѣлу не такъ-то легко бороться.

Второе, что ставитъ наше книжное дѣло въ неблагопріятныя условія для правильнаго развитія, это—сложность и дороговизна почтовой пересылки. Всякій, кто мало-мальски знакомъ съ практической стороной книжнаго дѣла, тотъ знаетъ, что при нашихъ громадныхъ пространствахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, книжникъ становится въ очень затруднительное положеніе. Бываютъ случаи, когда онъ не только не имѣетъ возможности торговать, но при этомъ еще рискуетъ прослыть человѣкомъ неаккуратнымъ, неисполнительнымъ, а подчасъ и недобросовѣстнымъ. Есть книги, пересылка которыхъ превышаетъ ихъ цѣну. Присоединять почтовые расходы на такія книги не всегда удобно. Что въ такомъ случаѣ долженъ дѣлать магазинъ? Высылать книги? Но, представьте себѣ, что отъ книги онъ зарабатываетъ двугривенный ком., а пересылка ея, напр., въ Владивостокъ должна стоить нѣсколько рублей. Остается только отослать деньги назадъ, но вѣдь такихъ случаевъ въ магазинѣ можетъ быть нѣсколько въ день, и на одну безплодную переписку онъ долженъ держать цѣлый штатъ служащихъ. Съ другой стороны, книжные магазины, отчасти подъ вліяніемъ этихъ, а главнымъ образомъ, другихъ причинъ, требуютъ отъ авторовъ, издающихъ книги, все большей и большей скидки: прежде ком. % былъ 20, потомъ сталъ 30, а теперь даже солидные магазины требуютъ 40% и получается воистину трагическое положеніе. Съ одной стороны, люди работаютъ, трудятся, ночей не спятъ, пишутъ, набираютъ, печатаютъ, производятъ массу книгъ и не знаютъ, что съ этими книгами дѣлать, куда ихъ дѣвать, а съ другой стороны, по всему лицу земли русской на цѣлыя сотни, а иногда тысячи верстъ книги и въ глаза не увидишь. Люди мечутся, какъ угорѣлые, не знаютъ, что съ собою дѣлать, какъ убить время, чѣмъ наполнить свой досугъ, пьянствуютъ, безобразничаютъ, играютъ въ карты, а книга, эта злополучная книга, которая могла бы избавить ихъ отъ скуки и ея послѣдствій, лежитъ въ кладовой и никто не думаетъ о томъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ измѣнить это положеніе вещей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обширномъ производствѣ, какъ книжное, такъ непозволительно халатно относиться къ рынку для сбыта, какъ относятся къ нему наши книжники-производители теперь. Во всякомъ производствѣ не всегда рынокъ самъ приходитъ на домъ, не всегда онъ и подъ бокомъ; иногда его приходится долго отыскивать, употреблять усилія для того, чтобы завла-

дѣть имъ и удержать его въ своихъ рукахъ. А что въ этомъ смыслѣ сдѣлали наши книжники? Ровно ничего, они палецъ о палецъ не ударили; они только заготовляютъ товаръ и удивляются, что этотъ товаръ не раскупается, а если и раскупается, то въ сравнительно ничтожномъ количествѣ. Да какъ же, при нынѣ существующихъ условіяхъ сбыта, этотъ товаръ можетъ раскупаться? Для того, чтобы книги раскупались не въ такомъ ничтожномъ количествѣ, въ какомъ расходились онѣ и расходятся теперь, необходимо измѣнить условія ихъ сбыта, необходимо вступить въ борьбу съ фальсификаторами и поддѣлывателями, которые теперь почти хозяйничаютъ на книжномъ рынкѣ, даютъ тонъ и направленіе всему книжному производству. Какъ это сдѣлать, это другой вопросъ, но несомнѣнно, что если книжному дѣлу дорого свое существованіе оно должно серьезно объ этомъ подумать. Одинъ, два человѣка, конечно, тутъ ничего сдѣлать не могутъ, но еслибы за это взялись, если не всѣ, то главные изъ издателей, не преслѣдующихъ спекулятивныхъ цѣлей, или сами авторы образовали въ этихъ видахъ товарищества, то несомнѣнно, что тутъ очень многое можно сдѣлать. У всѣхъ у нихъ одни и тѣ же тормазы, кто-же имъ мѣшаетъ сдѣлать попытку общими усиліями постараться устранить эти тормазы, мѣшающіе развитію общаго дѣла?

П. Пружанскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Критика.

Ольга Шапиръ. Любовь, романъ. Спб. 1897 г.

Имя г-жи Ольги Шапиръ въ достаточной мѣрѣ извѣстно русской читающей публикѣ, чтобы распространяться о достоинствахъ ея таланта и знакомить съ ея литературною дѣятельностью. Достаточно сказать, что уже третье десятилѣтіе произведенія писательницы украшаютъ наши журналы, и каждое читается съ интересомъ и возбуждаетъ разговоры. По всей вѣроятности, если не настало еще двадцатипятилѣтія почтенной литературной дѣятельности талантливой писательницы, то настанетъ въ ближайшемъ будущемъ.

Подобно большинству нашихъ писательницъ, г-жа О. Шапиръ посвящаетъ свои произведенія преимущественно анализу семейной жизни, причемъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, любовь. У г-жи О. Шапиръ есть даже романъ, озаглавленный «Безъ любви», но и въ этомъ романѣ дѣло идетъ все-таки, главнымъ образомъ, о разныхъ перипетіяхъ страсти нѣжной. Впрочемъ, какъ у писательницы стараго закала, замѣчается у г-жи Шапиръ и кое-какой тенденціозный душокъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что наилучшіе и наиболѣе положительные герои ея постоянно дѣлаютъ какое-то хорошее дѣло и снисходятъ къ обиженнымъ и оскорбленнымъ; правда, объ этихъ альтруистическихъ стремленіяхъ героевъ говорится только вскользь; не вдаваясь въ подробности идейныхъ занятій героевъ, писательница, главнымъ образомъ, устремляетъ все вниманіе читателей на исторію ихъ сердца, но все-таки, какъ видите, она не забываетъ положить свою, хотя и микроскопическую, лепту на алтарь отечества.

Далѣе, подобно большинству нашихъ беллетристовъ обоего пола, у г-жи Шапиръ небольшія произведенія, повѣсти и разсказы выходятъ несравненно удачнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ крупные романы. По крайней мѣрѣ, въ каждомъ большомъ романѣ ея вы найдете не мало болѣе или менѣе существенныхъ промаховъ и несообразностей. Очевидно писательница не въ состояніи бываетъ справиться съ большимъ и широкимъ замысломъ и строго выдержать его. То же самое мы видимъ и въ послѣднемъ романѣ ея «Любовь».

Сюжетъ романа задуманъ, если хотите, недурно. Главная героиня Елена, курсистка-медичка, отправилась на войну сестрою милосердія; тамъ въ нее влюбился раненый герой, нѣкто Ставлинъ, за которымъ она ходила; затѣмъ она вышла за него замужъ, единственно изъ состраданія, чтобы доставить ему отраду умереть на груди любимой женщины и закрыть ему глаза. Это доброе

дѣло было сторицею вознаграждено, такъ какъ Ставлинъ былъ богатъ и завѣщалъ Еленѣ пожизненно все свое состояніе. Далѣе мы встрѣчаемъ первую несообразность въ романѣ г-жи О. Шапиръ. Если Елена видѣла въ медицинѣ «сознательное, горячо выбранное дѣло», то что мѣшало ей заниматься имъ послѣ смерти мужа? Обладая большими средствами, она имѣла возможность не ограничиваться одною практикою изъ-за куска хлѣба, а предпринять что-нибудь болѣе широкое и грандіозное. Но она почему-то вдругъ совсѣмъ бросила свою медицину. Правда, мы не мало встрѣчали барышень, которыя шли на медицинскіе курсы, единственно лишь повинуясь модному вѣянію, усердно занимались, получали дипломы, а затѣмъ выходили замужъ за акцизныхъ чиновниковъ, а дипломы прятали въ комоды и вынимали [ихъ изрѣдка за тѣмъ лишь, чтобы похвастаться передъ знакомыми: и мы не лыкомъ шиты, имѣемъ тоже ученую степень. Но Елена не принадлежитъ къ такимъ тщеславнымъ и пустенькимъ дщерямъ своего вѣка. Авторъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіи всего романа, побуждаетъ насъ молиться на нее, и вдругъ въ самомъ началѣ рекомендуетъ намъ ее такъ неблаговидно.

Какъ бы то ни было, но въ продолженіе шести лѣтъ вдовства Елена, вмѣсто того, чтобы взяться за «горячо избранное дѣло», слонялась по Петербургу въ полной праздности, и ничего не принесли ей эти шесть лѣтъ, кромѣ «усталости и возростающаго равнодушія»... И вдругъ у Елены нашлось дѣло, и, ахъ, какое увлекательное дѣло! Одна дальняя ея родственница по мужу, Нина, увлеклась нѣкимъ молодымъ химикомъ Безпаловымъ. Онъ подавалъ большія надежды, обѣщалъ быть будущимъ свѣтиломъ университетской науки, но въ настоящемъ былъ голъ, какъ соколъ; родители Нины запретили своей дочери и думать о такой безумной партіи. Но Нина самовольно и тайкомъ отъ родителей вышла замужъ за Безпалова, который получилъ небольшое мѣсто въ губернскомъ городѣ К., и на скудныя средства, получаемыя на этомъ мѣстѣ, ему пришлось жить съ женою и дочерью, готовясь къ магистерскому экзамену. Если у женщины хватило энергіи выйти замужъ, вопреки волѣ родителей, то совсѣмъ другое дѣло оказалось, когда пришлось терпѣть нужду и жить впроголодь, во всемъ себѣ отказывая. Этого Нина не предвидѣла, да и не была къ тому приготовлена. Изнѣженная, избалованная, болѣзненная, истерично-нервная, она не способна была ни сводить концовъ съ концами, ни сколько-нибудь сносно вести хозяйство: въ маленькой квартиркѣ Безпаловыхъ воцарился хаосъ, неряшество, полный безпорядокъ; не допивали, не доѣдали, путались въ долгахъ, а Нина только и дѣлала, что, вѣчно хворая, то пролеживая цѣлыя недѣли въ постели, то возсѣдая на какомъ-то синемъ тронѣ, нарочно устраиваемомъ Безпаловымъ своей царицѣ, капризничала, нервничала, вѣчно высказывала свое неудовольствіе и не только не помогала ни въ чемъ мужу, но съ отвращеніемъ смотрѣла на его химическія занятія въ устроенной имъ на чердакѣ лабораторіи, ежеминутно съ ужасомъ ожидая, что онъ сдѣлаетъ пожаръ и сожжетъ весь домъ.

У Елены былъ старый, запущенный барскій домъ въ этомъ самомъ городѣ К. Она пріѣхала съ цѣлью продать этотъ домъ, но, познакомившись поближе съ

Безпаловыми и, пораженная всею ужасною обстановкою ихъ жизни, вдругъ увлеклась мыслью: вмѣсто того, чтобы продавать домъ, поселить въ немъ Безпаловыхъ, поселиться и самой съ ними и, такимъ образомъ, помогши Безпалову выбраться изъ нужды и устроить свою ученую карьеру, подарить отечеству геніальнаго химика. Въ этомъ она возмнила существенное дѣло своей жизни, которое должно было спасти ее отъ тоски праздной и никому ненужнаго существованія.

Сказано и сдѣлано. Безпаловы были водворены въ старыя ставлинскія хоромы, причемъ Елена устроила Безпалову великолѣпную лабораторію въ подвальномъ этажѣ дома и сама принялась дѣятельно помогать ему во всѣхъ его ученыхъ работахъ. Такимъ образомъ получилось слѣдующее положеніе: въ центрѣ—мужественный и жизнерадостный герой, готовый сдѣлаться свѣтиломъ науки, по правую сторону—больная и капризная жена, вѣчно устраивающая ему сцены, а по лѣвую—энергическая помощница, готовая всю себя пожертвовать его преуспѣянію. Понятно, что въ результатѣ такого пикантнаго положенія неминуемо долженъ былъ произойти романъ между героемъ и его рьяною помощницею. Такъ дѣйствительно и случилось, и произошла та самая *любовь*, которая значится въ оглавленіи романа.

Сюжетъ, какъ видите, задуманъ, еще разъ повторяю, недурно. Но, къ сожалѣнію, писательница слишкомъ увлеклась имъ и превзошла всѣ мѣры и предѣлы долготерпѣнія своихъ читателей. Весь цѣликомъ этотъ сюжетъ отлично могъ бы быть уложенъ въ пять, много въ десять листовъ; писательница же распространила его болѣе, чѣмъ на 30 листовъ. Это выходитъ немножко много. Пришлось производить психическій анализъ каждаго душевнаго движенія героевъ положительно изо дня въ день. Сегодня Нина послѣ припадка необузданной истерики слегла, завтра она встала, какъ встрепанная, на третій день она приревновала своего благовѣрнаго къ Еленѣ, на четвертый вздумала великодушничать; то она выходитъ изъ себя, что благовѣрный манкируетъ службою, то не пускаетъ его на службу, негодуя, что онъ покидаетъ ее на цѣлые часы. Елена то намѣревается посвятить славѣ Безпалова всю жизнь, то рѣшается уѣхать отъ него навсегда. Безпаловъ, въ свою очередь, то требуетъ, чтобы она сейчасъ же покинула ихъ на вѣки вѣчныя, то объявляетъ, что жить не можетъ безъ нея. И эта канитель тянется, тянется безъ конца, приводя читателей положительно въ какое-то одуреніе, и лишь на 479-й страницѣ, почти въ концѣ книги, герой, уже въ Парижѣ, къ удовольствію читателя, постучался, наконецъ, ночью въ двери номера Елены, и та «твердой поступью пошла и отворила дверь».

Къ еще большему удовольствію читателей, Нина умерла отъ воспаленія въ легкихъ, не доѣхавъ до Россіи. Казалось-бы, ничего не стоило Безпалову соединиться съ Еленою узами законнаго брака, и затѣмъ Елена могла бы заниматься дѣломъ приготовленія отечеству свѣтила науки на законномъ уже основаніи, въ качествѣ супруги своего возлюбленнаго. Но не тутъ-то было. Жестокая писательница положила во что бы то ни стало заключить романъ не иначе, какъ трагически. И [вотъ Безпаловъ, подъ впечатлѣніемъ смерти жены, вдругъ преисполнился раскаяніемъ и внезапно охладѣлъ къ Еленѣ. Его начала смущать

мысль, что ему приходится вести Елену подъ вѣнецъ не иначе, какъ черезъ трупъ женщины, которая всѣмъ для него пожертвовала и такъ много терпѣла. Къ тому же, Нина, умирая, взяла съ него клятву, что онъ не женится на Еленѣ. Онъ охладѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ самой своей наукѣ. Онъ сообразилъ, что еслибы «онъ не былъ подлымъ эгоистомъ, еслибы всю жизнь не презиралъ денегъ, Нина, можетъ быть, не умерла бы въ двадцать восемь лѣтъ». И вотъ, онъ, рѣшившись всю жизнь посвятить дочери, положилъ смѣнить ученую карьеру на денежную и пойти химикомъ на какой-нибудь заводъ. Въ отчаяніи Елена поспѣшила въ покинутую Безпаловымъ лабораторію и тамъ торжественно приняла ядъ. «Она,—читаемъ мы,—не понимала, какъ недолговѣчно настроеніе, овладѣвшее ея другомъ, и какъ неизбѣжно жизнь должна пересилить и вернуть его къ ея любви».

Читая эти слова, мы, конечно, еще въ большей степени должны проникнуться жалостью къ несчастнымъ молодымъ людямъ: счастье было такъ возможно, такъ близко, а они, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ и мирно наслаждаться, что надъ собой сотворили!.. Не знаемъ ужъ, кого винить въ этой несообразности: ихъ-ли самихъ, или жестокую писательницу?

Повѣсти и разсказы А. И. Плещеева, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Подъ редакціей П. Быкова. Т. I (1847—1859). Изданіе *А. А. Плещеева*.

Говоря о Плещеевѣ, большинство читающей публики, особенно молодой публики, предполагаетъ, что Плещеевъ былъ исключительно поэтъ, талантливый переводчикъ и компиляторъ, и едва-ли многіе знаютъ, какъ много написалъ онъ повѣстей и разсказовъ, по достоинству своему ничуть не уступающихъ его поэтическимъ произведеніямъ.

Еще при жизни своей Алексѣй Николаевичъ собралъ свои беллетристическія произведенія, написанныя прозой, въ 2 сборника, изъ которыхъ одинъ вышелъ въ 60-мъ году, а другой въ 80-мъ. Въ настоящее время, сынъ покойнаго, А. А. Плещеевъ, задумалъ издать въ 2-хъ большихъ томахъ всѣ повѣсти и разсказы своего отца, включивъ въ нихъ, какъ тѣ два сборника, о которыхъ мы только-что упомянули, такъ и всѣ остальные разсказы, разсѣянные по разнымъ журналамъ: «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Петербургскія Вѣдомости», «Библіотека для Чтенія» и др. Въ первый, недавно вышедшій томъ вошли разсказы, написанные между 1847—1859 г.

Отличительной чертой и главнымъ достоинствомъ этихъ чрезвычайно простыхъ по замыслу, трогательно-задушевныхъ и написанныхъ превосходнымъ языкомъ разсказовъ является, по справедливому замѣчанію Добролюбова, то, что ихъ проникаетъ постоянно элементъ общественности. Они живо рисуютъ передъ нами бытъ нашего общества въ ту дореформенную эпоху, когда все наше дворянство, жившее въ городахъ и особенно въ столицѣ, почти поголовно служило въ канцеляріяхъ. Весь этотъ чиновничій, бюрократическій укладъ жизни съ его патріархальной простотой, съ его молчаливствомъ, вмѣнявшимся въ обязанность, съ его грубымъ произволомъ, съ одной стороны, и безропотнымъ повиновеніемъ съ другой, съ его лживостью и безчеловѣчіемъ возстаетъ передъ вами въ яркихъ кар-

тинахъ и образахъ. Вы видите передъ собою то же «темное царство», что и у Островскаго, только въ другой сферѣ, то же торжество грубой силы и безсильные вопли замученныхъ жертвъ, подчасъ ихъ отчаянныя и почти всегда безплодныя усилія выбиться изъ своего положенія. Въ разсказахъ Плещеева совсѣмъ нѣтъ драматическихъ эффектовъ, сюжеты его часто однообразны, но вы съ захватывающимъ интересомъ читаете страницу за страницей несложные романы всѣхъ его бѣдныхъ чиновниковъ, писцовъ, учителей, швеекъ и проникаетесь къ нимъ искренней жалостью и глубокой симпатіей къ автору, изображающему такъ эпически-просто, такъ спокойно и въ то же время такъ трогательно ихъ судьбу. Многіе изъ разсказовъ проникнуты живымъ юморомъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые написаны до 1849 года, когда надъ Плещеевымъ стряслась бѣда,—обвиненіе и отправка въ оренбургскіе батальоны за участіе въ дѣлѣ петрашевцевъ Это обстоятельство несомнѣнно имѣло сильное вліяніе на его характеръ, и позднѣйшія беллетристическія произведенія А. Н. отличаются той серьезностью и тихой грустью, которая является отличительной чертой и его стихотвореній.

Очерки Сибири. *С. Я. Елпатьевскаго.* Второе изданіе. Спб. 1897 г.

Намъ очень пріятно отмѣтить, что книга г. Елпатьевскаго вышла вторымъ изданіемъ. Не смотря на то, что авторъ въ своихъ «Очеркахъ» касается, главнымъ образомъ, только природы Сибири и небольшой части ея обитателей — преимущественно ссыльныхъ, книга его—одна изъ самыхъ хорошихъ книгъ, какія появились за послѣднее время. Первое изданіе ея было встрѣчено въ печати очень сочувственно, но все-таки дарованіе г. Елпатьевскаго еще до сихъ поръ не оцѣнено по достоинству. Публика мало знаетъ его; критика, когда говоритъ о современныхъ беллетристахъ, рѣдко вспоминаетъ его имя. Причина этого заключается въ томъ, что г. Елпатьевскій пишетъ рѣдко, и въ томъ, что талантъ его—одинъ изъ тѣхъ тонкихъ поэтическихъ талантовъ, для пониманія которыхъ требуется много любви и чуткости къ художественнымъ произведеніямъ. Прошелъ же одинъ изъ самыхъ задушевныхъ и поэтичныхъ его разсказовъ—разсказъ «Гекторъ», помѣщенный года два тому назадъ въ «Вѣстникѣ Европы»,—совсѣмъ почти незамѣченнымъ.

Въ разбираемой книгѣ прежде всего привлекаетъ рѣдкая простота и красота слога и рѣдкая искренность тона. Передаетъ-ли авторъ то подавляющее впечатлѣніе, которое производитъ природа Сибири—унылая, пустынная Обь или мрачная, молчаливая, безконечная тайга,—рисуетъ-ли несчастную жизнь «жигановъ», «уголовныхъ дворянъ», жалкихъ остяковъ, глухіе сибирскіе городки или мертвую Абаканскую степь, всегда чувствуешь, что все это глубоко пережито имъ, выношено въ чуткомъ и гуманномъ сердцѣ. Прибавьте къ этому недюжинное художественное дарованіе и вамъ станетъ понятно, отчего у г. Елпатьевскаго такой образный и точный языкъ, отчего изображаемыя имъ лица такъ жизненны, а главное, отчего каждый его разсказъ производитъ такое цѣльное впечатлѣніе, отчего въ каждомъ его разсказѣ есть то, что называется «настроеніемъ».

Лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ могутъ служить очерки: «Маскарадъ въ Тайгинскѣ», «Савелій» и «Окаянный городъ», описанія Оби и вечера

и бури въ тайгѣ въ двухъ первыхъ путевыхъ замѣткахъ подъ заглавіемъ «До Томска» и «Отъ Томска» и особенно «Абаканская Степь»—очень небольшое, но такое художественное и поэтичное произведеніе, что подъ нимъ съ удовольствіемъ подписался бы любой изъ первоклассныхъ писателей.

Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. *А. Н. Лисовскаго.* Полтава. 1896.

Имя Шевченко вызываетъ на своей родинѣ такое пламенное поклоненіе, которому можно противопоставить только немногіе примѣры въ европейской литературѣ. И это неудивительно. Произведенія Шевченка, кромѣ художественнаго и идейнаго общечеловѣческаго ихъ значенія сохранили для его земляковъ значительную долю интереса животрепещущей современности. Дѣйствительность за послѣднія тридцать пять лѣтъ въ такой ничтожной степени осуществила стремленія русскаго и въ частности малорусскаго интеллигентнаго общества, что многіе идеалы лучшихъ людей 40-хъ и 50-хъ годовъ и до сего времени являются все такими же отдаленными и заманчивыми. Но если поставить вопросъ, какіе результаты принесло поклоненіе Шевченку для серьезнаго изученія его поэзіи, то отвѣтъ получится весьма неутѣшительный. Не говоря уже о той неисчерпаемой спеціальной литературѣ, которая группируется вокругъ именъ выдающихся европейскихъ писателей, даже русскіе классики, Пушкинъ, Тургеневъ и др., изучены куда полнѣе и пристальнѣе. О Шевченкѣ и его поэзіи не существуетъ не только научныхъ изслѣдованій, сколько-нибудь исчерпывающихъ предметъ, но даже серьезныхъ критическихъ статей. Извѣстная статья о немъ М. П. Драгоманова въ «Громадѣ» или образцовый этюдъ Ивана Франко, въ «Перебендѣ», представляютъ, во всякомъ случаѣ, каплю въ морѣ. Печальнѣе всего, что самый текстъ шевченковскихъ стиховъ десятки лѣтъ издается все въ томъ же жалкомъ видѣ, безъ пересмотра рукописей, безъ введенія, безъ примѣчаній. Любопытно, что и въ Галиціи, гдѣ, повидимому, ничто не препятствовало бы полному изданію сочиненій Шевченка, поклонники его позволяютъ себѣ сознательно уродовать его произведенія въ угоду польскимъ панамъ и католическому духовенству. При вышеописанномъ положеніи литературы о Шевченкѣ, приходится относиться со вниманіемъ ко всякой даже дилеттантской работѣ о немъ, если только она обнаруживаетъ серьезное желаніе автора уяснить себѣ сущность поэтической силы великаго «кобзаря». Такое желаніе несомнѣнно одушевляетъ г. Лисовскаго, но столь же несомнѣнны и дилеттантскія черты его работы. Во-первыхъ, произвольность и неопредѣленность классификаціи. «Изучая творчество Шевченка,—говоритъ авторъ,—можно усмотрѣть въ немъ четыре главные элемента: поэзію жизни, поэзію чувства, поэзію силы и поэзію правды» (стр. 3). Подъ этими рубриками г. Лисовскій группируетъ всю литературную дѣятельность Шевченка, поясняя свое дѣленіе четырьмя поэмами: *Наймычка*, *Катерына*, *Гайдамаки*, и *Неофиты*. Очень трудно понять, что именно авторъ понимаетъ подъ терминами: жизнь, чувство... Почему жизнь есть нѣчто отдѣльное отъ чувства, силы и правды? Почему *Наймычка* воплощаетъ поэзію жизни, а *Катерына* поэзію чувства? Съ одинаковымъ основаніемъ можно было

бы перемѣнить ихъ роли. Съ одинаковымъ правомъ можно было распредѣлить произведенія Шевченка по какимъ угодно другимъ отвлеченнымъ рубрикамъ: свобода, равенство и братство, или вѣра, надежда, любовь и т. п. Другимъ признакомъ дилеттантизма является полное отсутствіе сравнительно-историческаго метода. Шевченко, въ изображеніи г. Лисовскаго, является метеоритомъ, свалившимся съ неба на землю: появленіе его ничѣмъ не подготовлено; поэзія его стоитъ особнякомъ отъ всего окружающаго и не имѣетъ никакой связи съ современными ей явленіями въ другихъ литературахъ. При этомъ любимая форма изложенія автора есть афоризмъ, иногда весьма претенціозно выраженный. «Есть что-то вечернее въ этой безсмертной фигурѣ,—резюмируетъ онъ свое мнѣніе о *Наймычкѣ*.—Въ ней нѣтъ ни мрака, ни свѣта, ни радости, ни горя. Неисцѣлимое страданіе погасило ея свѣтъ, а глубоко вложенная нѣжность разсѣяла мракъ своими лучами... Жизнь—вотъ ея имя, жизнь, полная труда, болѣзней, зла и горя, жизнь, сулящая отдыхъ въ могилѣ и награду на небѣ» (стр. 8). Между тѣмъ, еслибы авторъ потрудился обосновывать свои выводы и развивать свои мысли, то, быть можетъ, онъ достигъ бы кое-какихъ цѣнныхъ результатовъ. Такъ, напр., онъ подмѣтилъ, вопреки національной чертѣ, почти полное отсутствіе юмора въ произведеніяхъ Шевченка (стр. 45) и правильно приводитъ эту черту въ связь съ такимъ же серьезнымъ настроеніемъ въ малорусской народной пѣснѣ. Онъ отводитъ надлежащую роль патетическому элементу въ поэзіи Шевченка, указывая, что онъ сильнѣе всего дѣйствуетъ на читателя и дольше всего сохраняетъ имя поэта для потомства. Но еслибы г. Лисовскій осмотрительнѣе высказывалъ свои приговоры и захотѣлъ бы ихъ мотивировать съ достаточной полнотой, онъ никогда не повторилъ бы ходячаго среди крайнихъ украйнофиловъ мнѣнія объ исключительно практическомъ складѣ ума великоросса и отвращеніи его отъ всего возвышеннаго, въ томъ числѣ отъ паѳоса (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) въ поэзіи (стр. 29); онъ не могъ бы забыть Пушкинскаго *Пророка*, *На смерть Пушкина* Лермонтова, Рылѣевскаго *Временщика* и другихъ вдохновенныхъ произведеній великороссовъ. Такимъ образомъ, г. Лисовскій и дѣльныя свои мысли сопровождаетъ иногда легкомысленными обобщеніями. Между тѣмъ благодарная задача изслѣдованія мотивовъ и источниковъ поэзіи Шевченка еще ждетъ своего толкователя; она не можетъ быть исчерпана тремя печатными листами разрозненныхъ афоризмовъ и замѣчаній, а требуетъ много и много упорнаго труда и, главное, правильной постановки вопроса.

Педагогика. Дѣтскія книги.

А. Тарабакунинъ. **Новая практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ.** Учебное пособіе для одно и двуклассныхъ училищъ, преимущественно для тѣхъ, въ которыхъ элементъ учащихся смѣшанный—русскій и инородческій, и для самообразованія. С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 50 к.

Анд. Круковскій. **Учебникъ грамматики русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Этимологія и начальный курсъ синтаксиса.** С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 65 к.

А. Тарабакунинъ свою грамматику предназначаетъ преимущественно для тѣхъ школъ, въ коихъ элементъ учащихся смѣшанный. Это, конечно, осложняетъ задачу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же и заставляетъ предъявлять большія требованія. Особенность названной грамматики заключается въ томъ, что авторъ въ упражненіяхъ на слова признаетъ только одно списываніе. Такое списываніе, по мнѣнію автора, даетъ навыкъ руки, навыкъ зрительнаго органа и навыкъ правилъ. Исключеніе допускается только тамъ, гдѣ необходимо, прежде всего, «вниманіе и знаніе правилъ или русскаго языка», какъ напр., при согласованіи словъ, при образованіи падежей и пр. Безъ сомнѣнія, отъ частаго упражненія получится кое-какой навыкъ, но онъ купится слишкомъ дорогой цѣной: ученикъ привыкаетъ мыслить механически, а при такомъ способѣ мышленія говорить о живомъ развитіи интеллекта не придется. Занимательно, легко, разнообразно—вотъ форма, въ которую должно выливаться всякое изученіе; гдѣ этого нѣтъ, тамъ у ребенка не работаетъ умъ, не работаетъ его чувство.

Совершенно не можемъ понять—для чего авторъ заставляетъ ученика выписывать алфавитъ и заучить его (стр. 1-я). Непонятно также, какимъ образомъ буква *т* въ концѣ словъ можетъ служить признакомъ дѣйствія (§ 11). Потомъ, кажется намъ, наиболѣе цѣлесообразно было бы имя числительное помѣстить рядомъ съ прилагательнымъ, не раздѣляя ихъ, какъ сдѣлалъ авторъ, мѣстоименіемъ и глаголомъ. Почему-то въ имени числительномъ, въ отдѣлѣ правописанія, нѣтъ правила на букву *ъ* въ словахъ «обѣ и однѣ», хотя есть упражненіе на это правило. Для выясненія предлоговъ дано сравнительно мало матерьяла. Рѣдко, рѣдко понятіе о чемъ-либо выводится изъ примѣровъ, изъ предварительныхъ упражненій; въ большинствѣ случаевъ дается сразу правило, а потомъ упражненія на это правило.

Нельзя похвалить и учебникъ грамматики Анд. Круковскаго. Ничего въ немъ нѣтъ новаго, оригинальнаго. Впрочемъ, опредѣленіе: «Гласнымъ звукомъ называется такой членораздѣльный звукъ, который произносится свободно, безъ помощи органовъ рта, носа и гортани» (?!) можно назвать болѣе, чѣмъ оригинальнымъ. Заслуживаетъ вниманія и такое опредѣленіе: «Всякое сужденіе (мысль, выраженная словами) въ грамматикѣ называется предложеніе» (5 стр.).

П. Р. Фрейбергъ. **Растенія—друзья человѣка.** Вып. I. Финиковая и кокосовая пальмы. Вып. II. Бамбукъ.

Брошюры Фрейберга посвящены друзьямъ человѣка изъ міра растеній; это, какъ называетъ ихъ самъ авторъ, «культурно-ботаническіе очерки». Въ нихъ разсказывается о трехъ тропическихъ растеніяхъ—финиковой и кокосовой пальмахъ и бамбукѣ, о роли, которую они играютъ въ жизни человѣка, объ ихъ строеніи и жизненныхъ отправленіяхъ. Бамбукъ для туземцевъ (китайцевъ, жителей острововъ Таити, Явы и др.) все. Изъ бамбука они строятъ себѣ жилище, приготовляютъ посуду, мебель, цыновки, рѣшета, сита, веревки и оружіе; во всеобщемъ также употребленіи бамбуковыя шляпы, музыкальные инструменты, па-

лапкины, лѣтнія подушки, фонари, вѣера и проч. Даже пища туземца часто приготовляется изъ молодыхъ побѣговъ того же бамбука.

Такое же исключительное значеніе играютъ пальмы въ жизни обитателей пустынь и населяющихъ приморскія мѣстности или острова; у первыхъ финиковая и кокосовая у вторыхъ. Финиковая пальма служитъ въ пустынѣ тѣмъ же, чѣмъ для насъ «зерновые хлѣба, дающіе намъ муку; деревья, снабжающія насъ строительнымъ матерьяломъ и топливомъ; виноградъ, дарящій намъ вкусный напитокъ; масличныя деревья, изъ которыхъ мы добываемъ масло», и проч.; все это для жителей знойнаго юга замѣняетъ пальма. Въ этомъ же очеркѣ находится интересное описаніе внѣшняго вида пальмы, строенія ея плодовъ и способа размноженія.

Занимательности чтенія способствуютъ много изящные рисунки въ текстѣ, хорошо иллюстрирующіе написанное, и вообще внѣшній видъ книжки не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Что читать дѣтямъ до-школьнаго возраста. Руководящая статья и каталогъ, составленные особою коммиссіею .Изд. «Родительскаго кружка», при Педагогическомъ музеѣ.

Это хорошая и полезная брошюрка, которую мы охотно рекомендуемъ нашимъ читателямъ. Руководящая статья ея составлялась особой коммиссіей, въ которую вошли М. Л. Виноградова, Е. Я. Корсакова, А. Н. Альмединген (редакторъ «Родника»), П. В. Голяховскій (редакторъ «Всходовъ»), И. С. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, М. В. Соболевъ и П. П. Өеоктистовъ. Затѣмъ она была разослана въ редакціи дѣтскихъ и педагогическихъ журналовъ, по многимъ педагогамъ, литераторамъ, ученымъ и др. лицамъ, изъ которыхъ большинство сообщило свои замѣчанія. Послѣ этого статья была вновь переработана и, такимъ образомъ, явилась результатомъ коллективной работы лицъ, достаточно знакомыхъ съ вопросомъ и компетентныхъ въ немъ. Авторы отнеслись къ дѣлу внимательно и добросовѣстно, такъ какъ хорошо сознавали, что «отъ книги, одного изъ сильныхъ факторовъ современнаго воспитанія, зависитъ въ значительной мѣрѣ судьба подростающаго человѣка, его развитіе—умственное, нравственное и эстетическое, а, слѣдовательно, и возможность быть нравственнымъ и счастливымъ человѣкомъ. И насколько благодѣтельна можетъ быть книга въ рукахъ ребенка, настолько же она можетъ быть и вредна для него». Авторы, такъ серьезно смотрящіе на чтеніе, желаютъ только *помочь* родителямъ разобраться въ вопросѣ о томъ, что давать для чтенія дѣтямъ, т.-е. «какія книги должны входить въ составъ дѣтской библіотеки, но самое руководство дѣтскимъ чтеніемъ» они оставляютъ «на долю воспитателя». Это рѣшеніе совершенно понятно, такъ какъ ближайшій выборъ каждой отдѣльной книжки для каждаго отдѣльнаго ребенка зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей его.

«Ребенка, растущаго въ бѣдной семьѣ, среди нужды и недостатковъ, книги съ жизнерадостнымъ, бодрящимъ содержаніемъ могутъ предохранить отъ безрадостнаго взгляда на міръ Божій, какъ на сплошной рядъ страданій и несчастій; полезны будутъ для него и книги, знакомящія съ такими нравственными наслажденіями, которыя не зависятъ отъ бѣдности или богатства. Въ ребенкѣ же, окруженномъ богатствомъ и людьми, ни въ чемъ не нуждающимися, книжки, знакомящія съ бѣд-

постью и лишеніями, свяжутъ мысль о богатствѣ съ сознаніемъ обязанности помогать ближнему... Ребенка съ пылкою фантазіей лучше направить на книжки съ дѣловымъ содержаніемъ, не поощряя его въ чтеніи фантастическихъ сказокъ. И, наоборотъ, для ребенка, въ которомъ замѣчается преждевременная положительность и излишняя разсудочность, и фантастическая сказка полезна».

Такимъ образомъ, книжка должна приспособляться къ индивидуальности ребенка, но, тѣмъ не менѣе, хорошія дѣтскія книжки должны имѣть и много общихъ чертъ. Переходя къ разсмотрѣнію особенностей, при которыхъ дѣтская книжка можетъ быть хорошей, авторы останавливаются прежде всего на изданіяхъ для неграмотныхъ дѣтей, т.-е., главнымъ образомъ, на картинахъ. Слѣдующую главу они посвящаютъ вопросу о самостоятельномъ чтеніи и приходятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«1) Содержаніе дѣтской книги должно вполнѣ соотвѣтствовать уровню душевнаго развитія ея читателя,—только въ этомъ случаѣ она будетъ доступна и интересна для него. Содержаніе должно быть проникнуто любовью къ правдѣ, добру и красотѣ,—только въ этомъ случаѣ она будетъ полезна.

2) Языкъ книги долженъ быть ясный, правильный, естественный и, по возможности, образный, художественный. Само собою разумѣется, что книга должна быть произведеніемъ талантливаго автора, потому что только при наличности таланта могутъ быть выполнены указанныя требованія.

3) Желательнѣе книги, изящныя по внѣшности и снабженныя картинками, строго приноровленными къ тексту».

Матерьяломъ для чтенія дѣтей первой ступени могутъ быть сказки, басни, разсказы, стихотворенія, библейскіе разсказы. Авторы довольно подробно останавливаются на каждомъ изъ этихъ видовъ литературныхъ произведеній. Они полагаютъ, что самыми подходящими книгами для библіотеки дѣтей этого возраста будутъ хорошо и разнообразно составленныя «книги для чтенія» (хрестоматіи) и дѣтскіе сборники, а затѣмъ уже отдѣльно изданные разсказы изъ жизни людей и животныхъ, сказки и т. п. Матерьялъ для чтенія дѣтей второй ступени уже сложнѣе; въ него входятъ, кромѣ произведеній указанныхъ для первой ступени, повѣсти, драматическія произведенія и книги научнаго содержанія. Разсматривая ихъ по отдѣламъ, авторы даютъ и много общихъ указаній. Они утверждаютъ, что «черезчуръ обильное чтеніе, не говоря уже о вредѣ для физическаго развитія, вредно и для душевнаго. Работа, непосильная по количеству, только вредитъ развитію, точно такъ же, какъ и непосильная по качеству. Ребенокъ, болѣе или менѣе впечатлительный, можетъ до такой степени увлечься чтеніемъ, что потеряетъ почти всякій интересъ къ впечатлѣніямъ дѣйствительности, перваго и главнѣйшаго воспитателя, а книжный міръ, какъ бы онъ ни былъ близокъ къ реальному, никогда не можетъ замѣнить его». «Слишкомъ быстрая смѣна впечатлѣній, при обильномъ чтеніи, уменьшаетъ результаты чтенія: быстролетные образы не могутъ быть вѣрны и полезны; они не успѣваютъ улечься въ прочныя ассоціаціи и оставляютъ очень слабые слѣды; частая смѣна ихъ... не ведетъ къ развитію душевныхъ способностей, но, наоборотъ, даже понижаетъ ихъ: память притупляется массою плохо усвоенныхъ фактовъ, любознательность превращается въ неспасытную жажду новизны, и т. п. Если же, по недостатку хорошихъ книгъ, дѣти прочтутъ одну и ту же безупречную книгу нѣсколько разъ, то это принесетъ только пользу»...

Вторая половина брошюры заключаетъ въ себѣ краткій, удачно составленный каталогъ, въ который включены книги духовнаго содержанія, хрестоматіи, изданія для неграмотныхъ дѣтей, книги для чтенія дѣтей первой ступени и второй ступени и, наконецъ, изданія по естествознанію—всего 84.

Народныя книги.

«Клятва отцовская». (Быль). 3-ье изд. Отд. распространенія духовно-нравств. книгъ. **«Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ»** Алексѣя Котелова. **«Іуды и Каины русскаго народа»** Кардо-Сысоева. Издан. ред. «Сельской Бесѣды».

Въ П. губерніи въ одномъ селѣ жилъ крестьянинъ, Семенъ Курута. Онъ былъ человѣкъ достаточный, работящій, по ремеслу—столяръ. Какъ хорошій мастеръ, онъ много зарабатывалъ и пользовался въ селѣ почетомъ. У Семена была добрая жена, двое дѣтокъ, сынъ и дочь, и старикъ отецъ. Житье ихъ было бы преотмѣнное, но Семенъ иногда запивалъ, тогда становился грубъ и драчливъ. Въ одинъ изъ такихъ разгульныхъ дней Семенъ избилъ отца. Не стерпѣлъ старикъ, рѣшилъ покинуть домъ сына и, стоя на порогѣ хаты, сказалъ Семену: «будь же ты, анаѳема, проклятъ!» Затѣмъ, повернувшись лицомъ къ образу Богоматери, добавилъ: «Пусть Матерь Божья, Царица небесная, караетъ тебя каждый разъ, какъ ты будешь переступать этотъ порогъ. Пусть она, Владычица наша, и тебя покинетъ такъ, какъ разстаюсь я съ ея свѣтлымъ образомъ». Закрылись за старикомъ двери, и посыпались несчастья на Семена: скотина его околѣла, домъ сгорѣлъ, сынъ утонулъ, дочь забодалъ быкъ, жена захворала чахоткой и, въ довершеніе всего, самъ Семенъ совершилъ нелѣпѣйшее убійство.

Однажды, возвращаясь изъ лѣсу домой, ему пришлось идти мимо кладбища, гдѣ былъ похороненъ Кириллъ Бундурчукъ—крестьянинъ, про котораго ходила слава, будто онъ знается съ нечистымъ. Дѣло было подъ вечеръ, Семенъ трусилъ, боялся, что самъ колдунъ вылѣзетъ изъ могилы поглядѣть на него. Поднялъ глаза Семенъ и увидалъ на кладбищенскомъ валу что-то бѣлое. Въ ужасѣ рванулся онъ къ привидѣнію и сталъ рубить его топоромъ, крича во все горло: «Помилуйте, кто въ Бога вѣруетъ! Я убилъ дьявола». Сбѣжались мужики, схватили обезумѣвшаго Семена за руки, и что же оказалось! Онъ убилъ не черта, а ребенка лѣтъ восьми, который, играя, забрался на кладбище и стоялъ на валу, поджидая, не появится-ли кто, чтобы вмѣстѣ добрести до дому.

Довольно удивительное приключеніе. Но «быль», господа, быль, а потому здравый смыслъ осужденъ на молчаніе.

Чѣмъ же вся эта страшная исторія кончается?

Семенъ въ отчаяніи говоритъ: «Батька, ты меня сгубилъ!» (т.-е. твое проклятіе) и требуетъ, чтобъ его вязали. На судѣ Семенъ разсказываетъ все какъ было: утаивать ему нечего, такъ какъ вражды къ ребенку у него не могло быть, и пьянъ онъ не былъ. Требуютъ на судъ стараго Каруту. Тутъ истина и обнаруживается: старикъ объясняетъ свои отношенія съ сыномъ, ссору съ нимъ и проклятіе, надъ нимъ тяготѣвшее; въ заключеніе добавляетъ: «Правду говорилъ

намъ отецъ Димитрій, что благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же искореняетъ ихъ до основанія». Одного не сказалъ старикъ, какимъ образомъ толковалъ ему отецъ Димитрій эти слова священнаго писанія.

Конечно, миръ и ладъ въ семьѣ создаютъ ту атмосферу внутренняго довольства и энергіи въ трудѣ, которую не даютъ распри, ссоры и пьянство. Понятно также, что крупная ссора между отцомъ и сыномъ, сопровождаемая страшными словами проклятія, камнемъ ложится на сердце виновнаго и гонитъ его въ кабакъ утолить горе, а слѣдовательно, окончательно раззоряетъ и губитъ семью. Всякое случайное несчастье суевѣрный крестьянинъ—считая себя виновнымъ и проклятымъ—приписываетъ наказанію Божію.

Дикіе нравы диктуютъ дикіе поступки но, вмѣсто того, чтобъ просвѣтить темноту духовную свѣтомъ любвеобильнаго ученія Христа, мудрые авторы и издатели призываютъ Божью Матерь стать на одинъ уровень съ дикимъ, озлобленнымъ человѣкомъ.

Какое же впечатлѣніе производитъ такая книга на простолюдина?

Подняться до христіанскаго міровоззрѣнія — прощенія всякой нанесенной обиды—онъ не въ силахъ: «око за око, зубъ за зубъ»—больше соотвѣтствуетъ его взглядомъ, потому—кощунственное отношеніе къ Божьей Матери не внушаетъ ему негодованія. За то нелѣпость всѣхъ нагроможденныхъ несчастій приводитъ его въ изумленіе и, возвращая книгу, онъ говоритъ, улыбаясь: «Больно много съ нимъ бѣдъ приключилось!» «Диковинное дѣло—ребенка за чорта принять—не слѣпъ, кажись, былъ!» «Да и кто-жъ подъ пьяную руку не дрался? Чего въ семьѣ не бываетъ?»

Иными словами: «сора изъ избы не выноси» и «искру въ пламя не раздувай».

Это говоритъ, конечно, «практическая» мудрость, а до высшей—люди едвали скоро додумаются, если будутъ питаться книгами, противными христіанскому духу.

Желая лучше «пронять» мужика, многіе «радѣтели» считаютъ нужнымъ пугать его чертовщиной. Къ числу такихъ педагогическихъ изданій принадлежитъ и «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ» Алексѣя Котелова.

Сенсанціонная книжка эта полна самаго «захватывающаго» интереса. Отъ нея навѣрно мужикъ не оторвется.

Полюбился бѣдный Савва чертямъ, и они преслѣдуютъ его всю жизнь, то въ образѣ красивой женщины, толкающей его на убійство, то въ образѣ друга, нашептывающаго ему корысть и измѣну. Въ концѣ концовъ, въ дни тяжкой болѣзни, вся коллекція чертей съ рогами и хвостами пляшетъ передъ его кроватью, доказывая ему на юридическомъ основаніи (у старшаго чорта и документъ въ рукахъ), что онъ продалъ свою душу діаволу. Хорошо, что вблизи оказался священникъ; онъ и избавилъ Савву отъ непріятной компаніи хвостатой братіи Приложенная картинка представляетъ чертей во всей ихъ красѣ и навѣрно приведетъ въ должный трепетъ не только подростка, но и взрослыхъ людей. Эффектъ будетъ достигнутъ. Но, скажите, неужели это та «духовно-нравственная» пища, которая нужна крестьянину?

Пусть на это отвѣтятъ составители брошюръ и тѣ руководители, которые

включаютъ подобныя произведенія въ рядъ книгъ, одобренныхъ духовной цензурой, и разсылаютъ ихъ по сельскимъ библіотекамъ.

Къ числу одобренныхъ и пропагандируемыхъ книгъ принадлежатъ и брошюра г-на Кардо-Сысоева: «Іуды и Каины въ семьѣ русскаго народа». (Изд. редакц. «Сельск. бес.»).

Если и было, то давно мохомъ поросло все, что сенсаціонно вздуто и размазано на страницахъ этой книги. Печаталась она около 20 лѣтъ тому назадъ Къ чему это повѣствованіе теперь? Кто не знаетъ, что въ наши дни фельдшера должны окончить фельдшерскую школу, а учителя—семинарію или соотвѣтствующее заведеніе? Кто не знаетъ, что послѣднихъ съ большой осмотрительностью назначаетъ уѣздн. земск. управа и утверждаетъ инспекція?

Гдѣ же въ наши дни эти возмутители народа въ средѣ сельскихъ учителей? Какая злая и вредная клевета!

Неужели *воспитаніе* народа состоитъ въ томъ, чтобъ возбуждать его подозрительное недовѣріе къ лучшимъ друзьямъ его, жертвующимъ ему всѣми своими силами, досугами, часто насущно нужной копѣйкой? Эти подвижники труднаго дѣла,—умирающіе раньше времени отъ чахотки и истощенія—вотъ тѣ «Каины и Іуды», отъ которыхъ г-нъ Кардо-Сысоевъ считалъ нужнымъ остерегать народъ. Если спросить его по совѣсти (конечно, въ томъ случаѣ, если онъ знакомъ съ условіями деревенской жизни)—онъ, вѣроятно, самъ съ готовностью откажется отъ обвиненія, взведеннаго на фельдшеровъ и учителей, практикующихъ въ наше время среди народа.

Къ чему же разсылать такія ветхозавѣтныя изданія и вводить въ заблужденіе крестьянъ, которые берутъ книгу, не разсуждая, когда она издана, по какому поводу написана и насколько въ наши дни несправедлива и неумѣстна.

Если «стриженые волосы» есть «признакъ Каина», то всякій крестьянинъ и въ наши дни можетъ указать на многихъ учительницъ съ короткими волосами: однѣ стригутъ ихъ потому, что при негигіеничномъ образѣ жизни они сильно падаютъ; другія—при школьной обстановкѣ считаютъ это вопросомъ личной опрятности. Неужели же человѣкъ не въ правѣ распорядиться даже собственными волосами, если они ему мѣшаютъ?

Указывая на образчики такого рода книгъ, мы предоставляемъ любителямъ изслѣдовать это богатое поле.

Изданія «Посредника»: 1) *Проф. Кайгородовъ.* **Дерево и его жизнь.** 2) *Сутуловъ.* **Картофель.** 3) **«Хижина дяди Тома»**, изложила *Е. Б.* 4) **Русскій сельскій календарь на 1897 годъ**, составилъ *Горбуновъ-Посадовъ*, ц. 20 к.

Среди «писателей для народа», безъ знанія дѣла берущихся за составленіе народныхъ книжекъ, издающихся потомъ разнаго рода издателями, спекулирующими на народное невѣжество, пріятно встрѣтить дѣйствительно знающихъ людей, какимъ является проф. Кайгородовъ въ его брошюрѣ «Дерево и его жизнь». Эта небольшая, всего въ 30 страницъ, книжка проникнута неподдѣль-

ной любовью автора къ своему предмету. Любовь и задушевность, въ связи съ занимательнымъ и доступнымъ для всякаго читателя изложеніемъ, заставляютъ желать возможно большаго распространенія книжки въ народѣ и пріобрѣтенія ей въ народныхъ аудиторіяхъ должнаго мѣста.

Передъ читателемъ проходитъ вся жизнь дерева, начиная съ того момента, какъ зародышъ попадаетъ въ благопріятную для его развитія обстановку. Читатель получаетъ понятіе о роли корня, ствола, вѣтвей, листьевъ и плодовъ въ жизни дерева. Онъ видитъ, изъ чего развивается будущій лѣсной великанъ и что необходимо для этого. Знакомое многимъ явленіе «плача» древесныхъ растеній получаетъ здѣсь ясное и толковое объясненіе, попутно съ вопросомъ о роли крахмала въ жизни дерева. Далѣе читатель узнаетъ, почему по годовымъ кольцамъ можно узнать возрастъ дерева, знакомится со строеніемъ его, съ условіями его питанія и жизненными процессами. Вообще, въ этой небольшой книжкѣ читатель изъ народа найдетъ много интереснаго и поучительнаго, что, въ связи съ легкостью и живостью изложенія, заставляетъ еще разъ пожелать ей широкаго распространенія.

Упомянемъ только, что мы замѣтили слѣдующія опечатки: на стр. 10—11 перепутаны названія подъ рисунками первымъ и третьимъ: листъ березы названъ листомъ черной ольхи и наоборотъ; на стр. 29 вмѣсто числа 640.000 поставлено 64.000.

Брошюра «*Картофель*» посвящена описанію способовъ посѣва картофеля. Хотя она написана довольно тяжелымъ языкомъ, но обиліемъ практическихъ совѣтовъ можетъ быть полезна сельскимъ хозяевамъ.

Что касается до «*Хижины дяди Тома*», то излишне говорить о полной пригодности для народнаго чтенія безсмертнаго творенія англійской романистки, столь блистательно нѣкогда послужившаго дѣлу освобожденія негровъ. Эта полная высокой гуманности, любви къ страдающимъ и обездоленнымъ, простая и трогательная повѣсть всегда и во всякомъ читателѣ вызоветъ много мыслей и чувствъ, много негодованія противъ института рабства, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, и вмѣстѣ живое и хорошее состраданіе къ чужому горю. Среди нашихъ изданій для народа, очень часто грѣшащихъ желаніемъ насильно навязать читателю какую-нибудь идею, искусственно бьющихъ на эффектъ, чтобы вызвать то или другое чувство, «Хижина дяди Тома» навѣрно будетъ имѣть успѣхъ именно своей простотой, тѣмъ, что самый сюжетъ ея самъ говоритъ за себя и устраняетъ ненужную искусственную аффектировку.

Оставляя въ сторонѣ содержаніе «Хижины дяди Тома», извѣстное, конечно, всякому еще съ дѣтства, перейдемъ къ ея изложенію, сдѣланному г. Е. Б. Изложеніе удовлетворительно, и лучшія мѣста подлинника, насколько мы его помнимъ, сохранились и въ изложеніи. Тѣмъ не менѣе, фактъ поступленія въ народъ «Хижины дяди Тома» лишь въ изложеніи невольно наводитъ на грустныя мысли. Является вопросъ, почему это мы не хотимъ ознакомить нашего читателя изъ народа съ лучшими произведеніями русской и иностранной литературы, не обезображивая ихъ сокращеніями и передѣлками. Въ нашей періодической печати не разъ уже затрогивался этотъ вопросъ, и теперь, кажется, уже общепризнанъ фактъ, что поскольку мы,

предлагая народу эти произведенія въ различнаго рода передѣлкахъ, исходимъ изъ той точки зрѣнія, что народъ еще не подготовленъ къ полному пониманію ихъ,—мы горько заблуждаемся. Вспомнимъ чтенія г-жи Алчевской, которыя отлично показали, что даже такія трудныя для пониманія вещи, какъ «Демонъ», и тѣ хорошо усвоиваются народомъ, такъ что изъ нихъ не требуется дѣлать никакихъ выпусковъ. Между тѣмъ всякіе выпуски, передѣлки и сокращенія, какъ бы удачно и умѣло они ни были сдѣланы, обыкновенно служатъ во вредъ содержанію, и общее впечатлѣніе отъ книги получается уже нѣсколько иное. «Хижина дяди Тома», не смотря на то, что изложеніе ея сдѣлано довольно внимательно, все-таки много потеряла отъ передѣлки, значительно больше того, сколько выиграла въ дешевизнѣ. Книжка вышла довольно толстой, такъ что намъ кажется, что съ незначительной сравнительно прибавкой къ ея цѣнѣ (30 к.) можно бы было выпустить «Хижину дяди Тома» въ полномъ переводѣ. Будемъ надѣяться, что это случится въ скоромъ времени, тѣмъ болѣе, что можно предсказать успѣхъ «Хижинѣ дяди Тома» даже въ изложеніи.

Г. Горбуновымъ-Посадовымъ изданъ цѣлый рядъ календарей, начиная съ 1894 г. и кончая наступающимъ 1897 годомъ, цѣль которыхъ—служить справочными книгами для сельскихъ хозяевъ, въ виду чего въ нихъ помѣщены «полныя свѣдѣнія для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ». Вопросы, затрогиваемые авторомъ, помогутъ намъ опредѣлить достоинства календарей съ этой стороны. Вотъ краткій перечень ихъ: кредитныя товарищества, крестьянскій банкъ и его новый уставъ, кредитныя учрежденія для сельскаго населенія, потребительныя товарищества и общественныя лавки, законы о переселеніи на казенныя земли, устройство библіотекъ, книжныхъ складовъ и сельскихъ читаленъ, заведеніе книжной торговли, откуда выписывать полезныя книги, и проч. Но, конечно, этимъ не ограничивается составитель календаря, а сообщаетъ, кромѣ святцевъ, почтъ и телеграфа, этихъ постоянныхъ отдѣловъ всякаго календаря, еще полезныя для сельскихъ хозяевъ свѣдѣнія изъ области земледѣлія, огородничества, садоводства, лѣсоводства, скотоводства и пчеловодства, указываетъ мѣры противъ пожаровъ, списокъ книгъ по ремесламъ и производствамъ, а также отводитъ особую главу указанію книгъ съ законами, относящимися до сельскаго быта. Точно также есть главы, направленныя противъ пьянства, посвященныя врачебному дѣлу, описанію Россіи и нѣкоторыхъ сторонъ жизни Финляндіи и Галиціи.

Даже изъ этого крайне неполнаго обзора содержанія календаря видно, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, очень разнообразны, касаются многихъ сторонъ жизни сельскаго населенія и могутъ оказать ему существенную пользу.

Въ текстѣ календаря помѣщены недурные рисунки, знакомящіе читателя съ разными уголками Россіи.

При всемъ этомъ цѣна календаря незначительная и доступная для большинства сельскихъ хозяевъ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Сост. *А. Быкова.* Изданіе *А. Муриновой*, ц. 50 к. **Чистыя сердца.** Разск. *Н. Северина*, изд. «Постоянной Коммиссіи».

У насъ такъ немного хорошихъ научно-популярныхъ книгъ для народа, что всякая попытка дать что-нибудь новое, лучшее — должна быть встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ. Недавно вышедшая въ изданіи А. Муриновой книжка «Сѣв.-Ам. Соед. Штаты», въ особенности обращаетъ на себя вниманіе, какъ интереснымъ содержаніемъ, такъ и обстоятельностью и доступностью изложенія. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что это одна изъ самыхъ выдающихся книжекъ въ народной литературѣ двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ. Составительница задалась цѣлью дать въ краткой и общедоступной формѣ полное понятіе о Соед. Штатахъ, и это ей до извѣстной степени удалось. Начиная съ колонизаторскихъ поселеній англичанъ, знакомства съ историческимъ прошлымъ, съ первобытной культурой мѣстныхъ и пришлыхъ жителей Сѣв. Америки, составительница переходитъ къ развитію городовъ, быта и того высокаго государственнаго строя, котораго достигли Соед. Штаты. Читатель ясно видитъ, какъ слагалась жизнь свободнаго народа, взявшаго въ основу своей жизни совершенно новые государственные принципы и дошедшаго до очень высокой степени развитія. Нѣтъ той области жизни—бытовой, общественной, экономической, государственной и пр., которой бы ни касалась книжка. Школьный, церковный, женскій вопросы затронуты и освѣщены особенно хорошо; безусловно интересны также и характеристики американцевъ, оригинальнаго, свободнаго народа. Меньше же всего, къ сожалѣнію, досталось на долю мѣстнаго самоуправленія. Тѣмъ не менѣе, съ особеннымъ усердіемъ рекомендуемъ всякому читателю эту недорогую, полезную и такъ интересно написанную книжку.

Ничего подобнаго нельзя сказать про издательство «Постоянной Коммиссіи». Передъ нами лежитъ послѣдняя ея книжка «Чистыя сердца», разск. Н. Северина. Трудно представить себѣ что-нибудь тенденціознѣе, неестественнѣе и бездарнѣе. Владѣлецъ хутора, богатый купецъ, какъ всякій *мірской* человѣкъ, жаденъ на деньги и на работу; жена же его не ладитъ съ нимъ, мірскія дѣла не увлекаютъ ее она, грѣясь на солнышкѣ, предается душеспасительнымъ размышленіямъ. Но такъ какъ ей «хочется добро дѣлать, приносить людямъ пользу и *самой становиться лучше*», то она входитъ въ дружескія отношенія съ мѣстнымъ священникомъ, который и убѣждаетъ ее построить для его дочери церковно-приходскую школу. Напрасно мужъ просилъ «не поважнвать его» и говорилъ, что «вожжаться съ нимъ—одинъ убытокъ», купчиха настояла на своемъ. И вотъ, однажды мужъ подслушалъ разговоръ жены съ священникомъ, который разсказывалъ, какъ умиралъ отъ оспы его маленькій сынъ, какія страданія онъ перенесъ; вспомнилъ тутъ купецъ своего сына, умершаго тоже отъ оспы, и растворилось его сердце. «Скажи ты ему,—обратился онъ послѣ этого къ женѣ:—пусть полъ дома у насъ на школу беретъ. И денегъ сколько тамъ надо на обзаведенье дамъ... пусть справляется... Ну, чего стоишь, глаза на меня пучишь? Вѣдь оспой сыночекъ-то нашъ померъ, забыла нешто?»

Такъ заканчивается этотъ разсказъ. Содержаніе его мы привели исключительно лишь для общей характеристики издательства.

Этика. Психологія. Философія.

*Полан*ъ, *Фр.* **Психологія характера**, перев. съ французск. подъ редак. и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго*. Спб. 1896 г.

Трудъ Фр. Полана состоитъ изъ трехъ частей, въ свою очередь подраздѣляющихся на нѣсколько отдѣловъ. Въ первой части разсматриваются типы, вызываемые преобладаніемъ спеціальной формы духовной дѣятельности. Здѣсь положительные, чисто научные выводы богато иллюстрированы примѣрами, которые авторъ почерпаетъ изъ автобіографій и біографій. Пріемъ этотъ должно признать особенно удачнымъ потому, что онъ много способствуетъ уясненію выводовъ и, кромѣ того, придаетъ изложенію большой интересъ. Позволимъ себѣ привести доказательства высказанному нами. Напр., указывая на то, что внутреннее противорѣчіе часто встрѣчается у индивидовъ съ очень сильными и подвижными страстями, Полан, въ видѣ примѣра, приводитъ Мюссе. Мюссе, подъ видомъ своего героя въ «Исповѣди сына вѣка», оставилъ намъ собственную свою характеристику, въ которой онъ пишетъ:

«Когда кончались эти ужасныя сцены, во время которыхъ мой умъ истощался отъ страданій, разрывалъ мнѣ сердце, и я то обвинялъ, то издѣвался, но постоянно жаждалъ мученій и возврата къ прошлому, странная любовь, возбужденіе, доходившее до экзальтаціи, заставляли меня относиться къ моей любовницѣ, какъ къ божеству. Я только что ее поносилъ, и вотъ уже лежалъ у ея ногъ. Какъ только я переставалъ обвинять, я просилъ прощенія; какъ только переставалъ издѣваться, я плакалъ. Тогда мною овладѣвало какое-то умоизступленіе, чувство лихорадочнаго блаженства, я не помнилъ себя отъ радости, мой умъ мутился отъ восторга, я не зналъ, что говорить, что дѣлать, что выдумать, чтобы загладить причиненное мною зло».

Эта само-характеристика вполнѣ совпадаетъ съ тою, которую намъ оставила о Мюссе Жоржъ Зандъ. Правда, типы, подобные Мюссе, въ чистомъ видѣ встрѣчаются очень рѣдко, но въ зародышномъ состояніи мы наталкивается на нихъ довольно часто. Приходится наблюдать типы, которые сами себѣ создаютъ непріятности и волненія; подобный субъектъ, если и лишенъ всякой возможности волноваться, то онъ все же будетъ ожидать какихъ-либо потрясеній, и одно уже это ожиданіе явится причиною волненій, такъ необходимыхъ складу его характера.

Во второмъ отдѣлѣ этой части авторъ послѣдовательно останавливается на характерахъ людей мелочныхъ, спокойныхъ, впечатлительныхъ и устойчивыхъ (своевольныхъ, упрямыхъ, постоянныхъ и др.). Опредѣленіе характера того или другого типа авторомъ дѣлается весьма умѣло, отмѣтимъ только нѣкоторую неточность, которую Полан допустилъ при опредѣленіи типа упрямыхъ людей. Такъ, онъ говоритъ, что

«Упрямымъ мы называемъ такого человѣка, который никогда не совершаетъ дѣйствія, ему непріятнаго; постояннымъ же такого, который долго сохраняетъ одно чувство; слѣдовательно, это—двѣ различныя стороны одного и того же свойства. И постоянный человѣкъ, и упрямецъ сохраняютъ свой образъ мыслей и свои желанія вопреки всѣмъ препятствіямъ»...

Что касается опредѣленія характера человѣка постояннаго, то оно вѣрно, но съ опредѣленіемъ характера упрямаго мы не согласны. Если мы скажемъ, что

упрямый совершаетъ дѣйствія только ему пріятныя, то этимъ мы отожествимъ его съ эгоистомъ, что едва-ли будетъ вѣрно. Упрямый совершаетъ не тѣ акты, которые ему пріятны, а тѣ, которые согласуются съ его волею и настроеніемъ. У него на первомъ мѣстѣ стоитъ не удовлетвореніе своего чувства пріятнаго или непріятнаго, а совершеніе акта, который въ данный моментъ для него желателенъ. Если мы вспомнимъ о натурахъ экзальтированныхъ, то, конечно, должны будемъ приписать имъ извѣстную долю упрямства, а отнюдь не эгоизма. Во 2-ой части своей книги авторъ трактуетъ о типахъ, обусловливаемыхъ преобладаніемъ или отсутствіемъ того или другого стремленія (органическаго, соціальнаго и сверхобщественнаго). Къ типамъ, въ которыхъ преобладаютъ или отсутствуютъ стремленія органической жизни, относятся люди обжорливые и воздержные, сладострастные и холодные, если же доминирующія стремленія касаются жизни духовной, то получаются типы со стремленіями, обусловливаемыми чувствами, которыя могутъ проявляться въ доминированіи органовъ зрѣнія, слуха и проч. Остановимся нѣсколько на типахъ съ преобладаніемъ зрительныхъ ощущеній. Въ этомъ отдѣлѣ Поланъ упоминаетъ о Рембрандтѣ, скульпторѣ Донателло, Делакруа и, какъ противоположность имъ, указываетъ на многихъ другихъ (напр., Сенъ-Бёва), у которыхъ впечатлѣніе, воспринятое зрѣніемъ, сопровождается тотчасъ соотвѣтственными дѣйствіями, но оно не запечатлѣвается въ ихъ памяти, не становится, такъ сказать, центромъ психической системы. Высказанное Полаиомъ совершенно вѣрно, но какое это имѣетъ отношеніе къ характеру вообще, онъ не говоритъ. Это свойство прирожденное, но вѣдь не изъ одного же его состоитъ весь характеръ человѣка. Авторъ, къ сожалѣнію, не отмѣчаетъ, какъ это стремленіе вліяетъ на остальныя свойства характера. Правда, Поланъ говоритъ, напр., про Делакруа, что «любовныя похожденія, о которыхъ онъ (т.-е. Делакруа) упоминаетъ не безъ удовольствія въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ своихъ писемъ, были только мимолетными развлеченіями. Любовь въ истинномъ смыслѣ этого слова слишкомъ поглощаетъ человѣка, чтобы она могла пустить корни въ душѣ, всецѣло преданной искусству»; но и эта вторая черта Делакруа, понятно, не исчерпываетъ еще всего его характера. А вотъ это-то сопоставленіе доминирующаго стремленія и его вліянія на характеръ in pleno и могло бы дать весьма цѣнный вкладъ въ психологію характера. То же самое замѣчаніе сдѣлаемъ и относительно типовъ, у которыхъ преобладаютъ стремленія къ слуховымъ ощущеніямъ. Поланъ по этому поводу замѣчаетъ: «важнѣе всего уяснить себѣ, какъ пристрастіе къ звукамъ или формамъ можетъ вліять на психологію характера, когда оно порождаетъ преобладающее стремленіе, подчиняющее себѣ остальныя, и пріобрѣтаетъ значеніе чрезвычайно существенное не только для самого человѣка, но и для соціальной среды, къ которой онъ принадлежитъ...» Поневолѣ читатель заинтересуется вопросомъ, дѣйствительно важнымъ, но отвѣта на него не получитъ, потому что авторъ не пытается его разрѣшить. Далѣе, Поланъ разъясняетъ типы, обладающіе стремленіями соціальными и среди нихъ на первомъ планѣ ставитъ типы, у которыхъ стремленія эти касаются не группъ соціальныхъ, а отдѣльныхъ индивидовъ; къ этимъ типамъ, вполнѣ основательно, авторъ причисляетъ эгоистовъ

и альтруистовъ. Всякій соціальный строй порождаетъ особые типы. Каждый типъ извѣстнаго строя полагаетъ, что во время его (т.-е. строя) существованія обезпечивается удовлетворительное управленіе и должный порядокъ. Если же окажется, что данная (новая) система управленія не удовлетворительна, то все же онъ не измѣняетъ своихъ убѣжденій. Примѣры Дантона, Робеспьера, Наполеона, Прудона, Фурье и др. являются подходящими типами. Въ нихъ мы видимъ, что политическая или соціальная, а иногда и чисто философская страсть, отличаясь безкорыстнымъ характеромъ, преобладаетъ надъ личными соображеніями и интересами соціальныхъ группъ. Вторая форма этого типа соединяетъ въ себѣ стремленія отвлеченное съ конкретнымъ. Люди этого типа не могутъ представить себѣ индивида безъ идеи и идеи безъ индивида. Подобное смѣшеніе стремленій и олицетвореніе конкретнаго особенно замѣчается среди мистиковъ.

Третья часть, разбираемаго нами труда, заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе характера индивидуальнаго. Здѣсь особый интересъ представляетъ примѣръ опыта опредѣленія характера, авторъ останавливается на личности Густава Флобера, и путемъ анализа выясняетъ психологію характера этого выдающагося писателя.

К. Вагнеръ. **Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни.** Переводъ *С. Леонтьевой.* Спб. 1897 г.

Еслибы изъ произведеній Виктора Гюго выбрать всѣ риторическія мѣста, всѣ напыщенныя тирады о мужествѣ, добродѣтели, истинѣ и т. п., то получилось бы нѣчто *съ перваго взгляда* похожее на «мужество» г-на Вагнера, но только съ перваго взгляда, такъ какъ чуткій читатель вскорѣ замѣтилъ бы существенную разницу. Въ красивыхъ фразахъ К. Вагнера преобладаетъ приторная слащавость, въ тирадахъ же Гюго — величавая горечь. Читаешь книгу Вагнера и все какъ будто ничего, даже очень благородно, но кончилъ, переварилъ прочитанное и дѣлается нестерпимо тошно. И больно, что подобныя слащавыя и фальшивыя проповѣди имѣютъ въ наше время большой успѣхъ, тогда какъ сочиненія дѣйствительно великихъ проповѣдниковъ нравственности многіе знаютъ лишь по наслышкѣ!

Будемъ все же надѣяться, что у насъ книга не переживетъ и двухъ изданій. Во Франціи ихъ уже одиннадцать, но тамъ буржуазнаго духа больше, чѣмъ въ Россіи.

Томасъ Фаулеръ. **Прогрессивная нравственность.** Переводъ А. Погодина, подъ редакціей *Владиміра Соловьева.* Спб. 1896 г.

Книга Фаулера невольно напомнила намъ извѣстный учебникъ психологіи М. И. Владиславлева, когда-то надѣлавшій много шума. Въ этомъ учебникѣ больше всего обращаетъ на себя вниманія оригинальная скала степеней уваженія, въ зависимости отъ годовыхъ доходовъ. Получаетъ извѣстное лицо, положимъ, 1.000 рублей и соотвѣтственно пользуется уваженіемъ 10-ой степени (совсѣмъ маленькимъ), получаетъ 10.000 и пользуется уже уваженіемъ въ десять разъ большимъ.

Въ книгѣ же Фаулера обращаетъ на себя вниманіе исключительно стараніе автора убѣдить богатыхъ людей въ безнравственности помощи бѣднымъ. Эта помощь, по мнѣнію почтеннаго англичанина, наноситъ «вредъ обществу въ его дѣлахъ», такъ какъ «значительное число лицъ» отвлекается «отъ промышленной производительности» и причисляется «къ непроизводительнымъ классамъ». Въ особенности велико преступленіе, если деньги берутъ изъ промышленнаго предпріятія, въ которомъ помѣщены средства безразсуднаго благодѣтеля. Филантропъ лишаетъ тогда «семьи многихъ рабочихъ и ремесленниковъ плодовъ ихъ честнаго труда», лишаетъ «для того, чтобы небольшому числу семействъ дать возможность жить въ лѣности и праздности».

Всѣ эти разсужденія вызваны предположеніемъ, что кто-нибудь, имѣя 50.000 годового дохода, раздастъ 50 семьямъ по 100 рублей! Тревожатъ г-на Фаулера и подарки, которые зажиточные люди дѣлаютъ прислугѣ!

Никакихъ другихъ оригинальныхъ мыслей мы въ пустенькой брошюркѣ Фаулера не нашли. Сравнивать ее съ сочиненіемъ проф. Циглера «Что такое нравственность?» было бы обиднымъ для этого послѣдняго.

Подобная книга не дѣлаетъ особенной чести г-ну Владиміру Соловьеву, имя котораго бьетъ въ глаза на обложкѣ брошюры. Что вообще дѣлается съ нашимъ философомъ? На страницахъ одного изданія онъ защищаетъ войну, въ другомъ посвящаетъ стихотворный наборъ словъ г-ну издателю-редактору «Недѣли», у котораго въ газетѣ онъ фигурируетъ рекламной приманкой съ эпитетомъ «самаго глубокаго и блестящаго мыслителя!»

Какъ это никто изъ издателей иллюстрацій не догадается разсылать его «въ рамкѣ» подписчикамъ въ видѣ преміи?!

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Наши исправительныя колоніи.

Въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ, гдѣ скучивается масса фабрикъ,—громадный % жителей составляютъ бѣдняки; считаясь какъ бы отверженцами — паріями, они селятся въ глухихъ переулкахъ или на окраинахъ отдѣльными городками, и если вы побываете тамъ или хотя бы только прочтете правдивое изображеніе ихъ жизни, то невольное чувство жалости и ужаса охватитъ васъ. Обстановка въ такихъ «трущобахъ»—самая ужасная: сырые подвалы, куда временами заливаетъ съ улицы вода, или другія помѣщенія, хотя бы и во 2-мъ или 3-емъ этажѣ, но страшно грязныя, съ гнилыми полами, причемъ сквозь разбитыя стекла свободно разгуливаетъ по комнатѣ вѣтеръ. Въ такой комнатѣ, на какомъ-нибудь грязномъ мѣшкѣ, набитомъ гнилой соломой, а то и просто на охапкѣ соломы, спитъ семья рабочаго, а иногда въ одной комнатѣ и двѣ-три семьи. Стремясь хоть на время уйти отъ вони и грязи, людъ этотъ, какъ только заводятся деньги, за отсутствіемъ хорошихъ, разумныхъ развлеченій, идетъ въ портерныя и кабаки, которые такъ привѣтливо манятъ къ себѣ: въ нихъ есть и общество, въ нихъ можно и забыться на время отъ тяжелой дѣйствительности...

Дѣтямъ, родившимся въ такой ужасной обстановкѣ, приходится видѣть зачастую самыя возмутительныя сцены, глубоко оскорбляющія нравственное человѣческое чувство. Привыкнувъ съ измала смотрѣть на всякія безобразія, видя лишь нищету и терпя побои,—дѣти, естественно, стремятся избавиться отъ всего этого и попадаютъ подъ вліяніе разныхъ темныхъ людей, ютящихся массами по глухимъ предмѣстьямъ. Разъ ребенокъ подпалъ подъ вліяніе такихъ личностей, онъ быстро начинаетъ катиться по наклонной плоскости, переходя отъ болѣе мелкихъ преступленій къ болѣе крупнымъ. Надо замѣтить, что главнымъ стимуломъ, который увлекаетъ на путь преступленій, служитъ для ребенка—нужда: ему иногда положительно нечего ѣсть, его часто посылаютъ на «промыселъ» отецъ, мать или другіе взрослые,—у нихъ нѣтъ денегъ, такъ какъ работы нѣтъ, а между тѣмъ жалкій видъ ребенка навѣрное кого-нибудь разжалобитъ; если же ребенокъ принесетъ мало, то его ждутъ дома брань и колотушки, и вотъ онъ, всячески стараясь извер-

нуться, постепенно начинаетъ заниматься мелкимъ воровствомъ. Вообще, причина преступленій малолѣтнихъ лежитъ внѣ ихъ самихъ, по большей части въ средѣ и обстоятельствахъ, окружающихъ малолѣтняго и прививающихъ ему преступность. Уже изъ характера преступленій видно, чѣмъ онѣ вызываются: по словамъ Богдановскаго, «статистическія цифры показываютъ, что почти всѣ преступленія, совершаемыя малолѣтними, заключаются или въ нищенствѣ и бродяжествѣ, или въ кражѣ, или въ мошенничествѣ». Не менѣе прекрасной иллюстраціей къ этому служатъ и слѣдующія свѣдѣнія: «Во Франціи и Англіи $^{1}/_{10}$ малолѣтнихъ преступниковъ—дѣти отцовъ и матерей также преступниковъ, около $^{7}/_{10}$ суть плоды разврата или брошенныя на произволъ судьбы, $^{2}/_{10}$ принадлежатъ родителямъ, ведущимъ жизнь бродягъ, нищихъ или публичныхъ женщинъ».

Между тѣмъ, преступленія, совершаемыя малолѣтними, являются нарушеніями закона, а потому, разъ дѣти захвачены и улики противъ нихъ,—они подвергаются наказанію. Наказаніе, по прежнимъ воззрѣніямъ, имѣло значеніе и возмездія за совершенныя дѣянія, за злую волю, и значеніе извѣстной исправительной и устрашающей мѣры; наказаніе прилагалось одинаково ко всѣмъ, возрастъ не различался, такъ что малолѣтніе преступники попадали въ общія камеры, гдѣ среди опытныхъ, закоснѣлыхъ преступниковъ окончательно портились.

Въ Америкѣ впервые обратили на это вниманіе и сдѣлали попытку смягчить дѣйствіе тюрьмы, посредствомъ временнаго призрѣнія малолѣтнихъ преступниковъ, выходящихъ изъ тюремъ. Именно, въ прошломъ столѣтіи, въ Бостонѣ, однимъ изъ филантропическихъ обществъ былъ учрежденъ такой пріютъ для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Пользы особенной не было, такъ какъ благія внушенія и наставленія, дѣлаемыя воспитанникамъ, разбивались о тѣ наставленія, которыя они получали въ тюрьмѣ. Понемногу стали стараться, чтобы обойтись безъ тюрьмы, устроивъ такое мѣсто, гдѣ бы малолѣтніе преступники могли бы и отбыть наказаніе, и перевоспитаться. Къ этому времени во взглядахъ юристовъ произошли перемѣны, и ученіе о воспитательномъ, исцѣляющемъ значеніи наказанія возможно въ болѣе тяжелой формѣ—было отброшено. Вотъ что говоритъ по этому поводу криминалистъ Беранже-де-ля-Дромъ: «Изъ того обстоятельства, что для большинства молодыхъ преступниковъ источникомъ правонарушеній была нужда и что слабость возраста, дѣлая ихъ неспособными къ добыванію себѣ законнаго пропитанія, довела ихъ до беззаконія, какъ послѣдняго, можетъ быть, самаго отчаяннаго рессурса, видно, что имъ нужно не наказаніе, въ юридическомъ смыслѣ этого слова, а воспитаніе или перевоспитаніе, посредствомъ котораго они могли бы быть исторгнуты изъ среды, сдѣлавшей ихъ порочными». Работы многихъ криминалистовъ, а также труды знаменитыхъ дѣятелей—Говарда и Песталоцци — были направлены на дальнѣйшую разработку вопроса

о раціональномъ устройствѣ перевоспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Песталоцци открылъ въ Швейцаріи первый земледѣльческій пріютъ для дѣтей бѣдныхъ родителей, и этотъ пріютъ послужилъ образцомъ не только для самой Швейцаріи, но и для другихъ государствъ. Въ особенности же во множествѣ стали открываться различныя колоніи и пріюты послѣ того, какъ на Лондонскомъ конгрессѣ 1872 г., гдѣ были выдающіеся тюрьмовѣды, была высказана мысль, принятая единогласно всѣми, что общество само виновато въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя совершаются среди него, такъ какъ большинство преступниковъ приготовляется «въ тѣхъ *проклятыхъ* мѣстахъ заключенія, гдѣ общество содержитъ своихъ преступниковъ».

Въ старину и у насъ, въ Россіи, относились къ участи малолѣтнихъ преступниковъ равнодушно. Только лишь въ 1820 г., когда открылось «Общество попеч. о тюрьмахъ», с.-петербург. комитетъ его постановилъ: «арестованныхъ малолѣтнихъ отдѣлять отъ взрослыхъ, учить грамотѣ и легкой работѣ—щипать корпію, водить прогуливаться, нанять для нихъ трезвыхъ, толковыхъ дядекъ и мастеровъ для обученія сапожному мастерству». Комитетъ осуществилъ это на дѣлѣ, устроивъ при тюрьмѣ особое помѣщеніе для малолѣтнихъ; затѣмъ, не смотря на всѣ усилія, дѣятельность его не расширялась, а скорѣе уменьшалась, тѣмъ болѣе, что тогдашнее правительство было противъ подобныхъ нововведеній (В. Н. Никитинъ. «Тюрьма и ссылка»). Наконецъ, примѣръ Запада, гдѣ ужъ въ это время дѣйствовали, хотя и не особенно хорошо, различные пріюты, показалъ, какъ надо подойти къ рѣшенію вопроса и у насъ. И вотъ, въ 1848 г. открылся въ Нарвѣ пріютъ подъ названіемъ: «Воспитательнаго заведенія для нравственно-испорченныхъ дѣтей». Затѣмъ, было еще открыто нѣсколько подобныхъ же пріютовъ; но постановка дѣла была вездѣ очень плоха, и воспитанники, побывавшіе въ этихъ пріютахъ, нисколько не исправлялись, такъ что многіе изъ нихъ попадали въ пріюты по нѣскольку разъ (рецидивъ доходилъ до 75%). Въ общемъ числѣ преступленій статистическія данныя мин. юст. свидѣтельствовали очень большой процентъ (9%) преступниковъ малолѣтнихъ. Это, а также и неудовлетворительное функціонированіе пріютовъ заставило обратить бо́льшее вниманіе на вопросъ о малолѣтнихъ преступникахъ, и оттого въ объяснительной запискѣ къ 6 ст., уст. о нак., налаг. мир. суд., читаемъ: «тюремное заключеніе въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно исполняется надъ взрослыми, въ отношеніи къ ребенку, вступившему на путь порока, имѣетъ, очевидно, послѣдствіемъ—окончательную его порчу и гибель». Чтобы избѣжать послѣдняго, «наказаніе для нихъ (дѣтей) должно быть не столько возмездіемъ за содѣянное, сколько залогомъ лучшаго будущаго». Въ это время заграницей пріюты, постепенно видоизмѣнялись, приняли форму земледѣльческихъ колоній или ремесленныхъ пріютовъ. Руководясь гуманною цѣлью устроить, вмѣсто возмездія-наказанія, лишь правильную систему

перевоспитанія, наше законодательство предписало отдавать малолѣтнихъ (въ возрастѣ отъ 10 до 17 л.) въ исправительные пріюты, вмѣсто заключенія въ тюрьму.

Въ настоящее время у насъ имѣются слѣдующія исправительныя заведенія для малолѣтнихъ: 1) Петерб. колонія, 2) Рукавишниковскій пріютъ (въ Москвѣ), 3) Галкинскій пр. (въ Саратовѣ), 4) Большевскій пр. (въ Моск. у.), 5) Кіевск. кол., 6) Студзенецкая кол., 7) Нижегор. кол., 8) Казанск. пр., 9) Симбирск. пр., 10) Харьк. пр., 11) Яросл. пр., 12) Вологодск. пр., 13) Одесск. пр., 14) Баташевск. пр. (въ Тулѣ), 15) Таврич. пр., 16) Костромск. пр., 17) Вятск. пр., 18) Астрах. кол., 19) Владим. кол., 20) Роденпойск. кол., 21) пр. Пуща (въ Варшавѣ), 22) Смоленск. кол., 23) Петерб. пр., 24) Кавказск. кол., 25) Тверск. кол., 26) Таганрогскій пріютъ-колонія, 27) Елецк. кол., 28) Полтавск. кол., 29) Екатеринос. кол., и 30) Черниговская колонія.

Самой первой земледѣльческой колоніей является у насъ С.-Петербургская. Цѣль ея—исправленіе преступниковъ дѣтей, обращеніе ихъ «въ честныхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ», а такъ какъ сюда принимаются преимущественно дѣти крестьянъ, то и самый образъ жизни въ колоніи, работа, одежда и пища приноравливаются къ быту простыхъ крестьянъ. Въ видахъ этого, нѣкоторые отчеты ревизіонныхъ коммиссій совѣтуютъ увеличить рабочій день воспитанниковъ; тоже совѣтуетъ и д-ръ Заболотскій, въ своей статьѣ въ «Тюремномъ Вѣстникѣ» за 1896 г. № 2, говоря: «слѣдовало бы еще устроить третью группу съ большимъ числомъ рабочихъ часовъ, такъ какъ у насъ всегда почти рабочій день 12 час., слѣд. воспитанники, привыкшіе къ 9-ти-часовой работѣ, будутъ уставать на 12-ти-час. и потому не приниматься въ работники». На IV же съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, бывшемъ въ Москвѣ въ 1895 г., по вопросу о числѣ рабочихъ часовъ, эксперты (проф. Эрисманъ, д-ръ Лажечниковъ и д-ръ Константиновскій) высказались за необходимость дѣлить питомцевъ на 2 группы, сообразно съ физическимъ развитіемъ дѣтей, опредѣляя до 14 лѣтъ 7-ми-часовой рабочій день, съ обязательнымъ отдыхомъ въ серединѣ дня, а дѣтямъ старше 14 лѣтъ 9-ть часовъ работы. Мы думаемъ, что увеличеніе рабочаго дня для воспитанниковъ представляется нерацiональнымъ, такъ какъ упорный физическій трудъ вызываетъ слишкомъ большія мышечныя усилія и громадную затрату энергіи, что необходимо влечетъ за собой умственную вялость и невоспріимчивость; въ колоніи же, исправляющей дурное въ питомцахъ, особенное вниманіе должно обращаться на нравственное развитіе ихъ; поэтому взглядъ экспертовъ болѣе правиленъ и пригоденъ. Въ уставѣ С.-Петербургской колоніи, утвержденномъ въ 1871 г. и дѣйствующемъ и по нынѣ, 2-ой и 3-ій §§ содержатъ въ себѣ указанія на тѣ средства вообще, которыми надѣются достигнуть намѣченной цѣли; это: 1) личное вліяніе директора, священнослужителя и воспитателей,

2) элементарное обученіе, 3) земледѣльческій трудъ и практическое обученіе разнымъ производствамъ въ сферѣ сельскаго хозяйства и ремесламъ, непосредственно съ нимъ связаннымъ, 4) правильная, простая трудовая жизнь.

Личное воздѣйствіе, о которомъ здѣсь говорится, очень велико, особенно со стороны воспитателей «отцовъ своихъ семей», которые постоянно находятся въ тѣсномъ общеніи съ воспитанниками. Здѣсь надо упомянуть, что всѣ воспитанники раздѣлются на семьи или по возрасту, или по поведенію, или по другимъ какимъ-либо признакамъ, и у каждой семьи есть свой воспитатель. Эта система представляетъ много удобствъ для воспитателя, отдавая подъ его надзоръ небольшую группу дѣтей; такимъ образомъ онъ можетъ изучить индивидуальныя особенности каждаго и сообразно съ этимъ вести дѣло перевоспитанія. Другая система—казарменная представляетъ массу неудобствъ и совершенно не соотвѣтствуетъ правиламъ разумнаго воспитанія. При ней личность воспитателя теряется въ массѣ другихъ, и воспитатель не имѣетъ никакой возможности удовлетворить самому первому требованію педагогики: имѣть въ виду индивидуальныя свойства воспитанниковъ. Выборъ воспитателей долженъ производиться съ большою осмотрительностью: необходимо, чтобы это были люди знакомые съ педагогическимъ дѣломъ, честные, гуманные, умѣющіе быть всегда примѣромъ; поэтому весьма желательными являются тѣ пріемы, которые практикуются въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, гдѣ лица, желающія стать воспитателями, сперва нѣкоторое время живутъ при колоніи, присматриваясь къ ея устройству. Въ Германіи, при «Суровомъ домѣ» (Rauhes Haus) близь Гамбурга, даже есть особое братство, подготовляющее будущихъ дѣятелей—воспитателей. Вообще, по тому, какое значеніе придается воспитателямъ, колоніи можно раздѣлить на два вида: одинъ—слѣдуетъ принципу централизаціи, а другой—децентрализаціи. При первомъ, во главѣ стоитъ директоръ, личному вліянію котораго отводится наибольшее мѣсто; дядьки-воспитатели набираются изъ отставныхъ солдатъ и всецѣло подчинены директору; при другомъ—дѣло воспитанія отдается совѣту изъ директора и воспитателей, при чемъ, понятно, послѣдніе должны быть уже съ образовательнымъ цензомъ. Изъ этихъ двухъ системъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ вторая, какъ болѣе цѣлесообразная для правильнаго веденія дѣла въ колоніяхъ; при ней воспитатель не прикрывается постоянно именемъ директора, теряя оттого всякое значеніе въ глазахъ воспитанниковъ, а можетъ дѣйствовать самостоятельно.

Очень большой контингентъ изъ попавшихъ въ колоніи составляютъ осужденные за воровство; они и въ колоніяхъ вначалѣ не оставляютъ его, такъ какъ оно обратилось у нихъ уже въ привычку и въ особаго рода удальство. Интересный случай приводитъ отчетъ С.-Петербургской колоніи за 1873 г.: мальчикъ, поступившій въ колонію, каждый день воровалъ, и замѣтно было, что онъ воровалъ такъ себѣ, ради

лишь самаго процесса воровства, какъ бы ловчѣе и незамѣтнѣе утащить; ни выговоры, ни наказанія не помогали; тогда рѣшили не обращать на него никакого вниманія, и вотъ онъ вскорѣ охладѣлъ къ своему занятію, а затѣмъ и совершенно бросилъ его. Это лишь одинъ изъ множества случаевъ, показывающихъ, какъ умѣло и деликатно долженъ дѣйствовать воспитатель. Кроткое, мягкое обращеніе, дружескіе совѣты—вотъ главныя орудія дѣйствія воспитателей. Это признавалось давно. Отчеты 70-хъ годовъ ставятъ въ заслугу нѣкоторымъ воспитателямъ ихъ гуманное отношеніе къ питомцамъ, и теперь, напр., отчетъ одесскаго общ. землед. кол. и рем. пр. за 1894 г. констатируетъ тотъ фактъ, что ласковымъ, добрымъ обращеніемъ очень многаго можно достичь, но, благодаря плохому подбору воспитателей, все это мало проводится на дѣлѣ и бываетъ лишь исключеніемъ.

Для поощренія исправляющихся устроена повсюду, кромѣ 2-хъ обществъ, система наградъ; къ сожалѣнію, на IV съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній не были сообщены имена этихъ обществъ. Награды дѣлятся на матерьяльныя и моральныя; къ первымъ относятся: книжки ссудо-сберегательной кассы за «примѣрное поведеніе и стараніе на полевыхъ работахъ», выдача гостинцевъ въ праздники и иногда, при окончаніи полевыхъ работъ, книги за успѣхи въ школѣ и инструменты за то же въ мастерскихъ; это притомъ все награды личныя, а иногда бываютъ и коллективныя, именно: книгами въ каждую семью отдѣльно, иногда иконами или знаменами въ отличившуюся своимъ поведеніемъ семью; къ числу моральныхъ наградъ относятся: запись на красную доску, похвалы, дозволеніе свиданій съ родными и письма къ нимъ, наконецъ, различнаго рода нашивки; перечисленныя награды первоначально примѣнялись повсюду, но теперь къ нимъ относятся съ большимъ недовѣріемъ, какъ это выяснилось на IV съѣздѣ. Вредъ наградъ сознается не только у насъ, но, по словамъ Богдановскаго, и въ голландскомъ исправительномъ заведеніи близъ Роттердама «считается невѣрнымъ средствомъ улучшенія нравственности дѣйствовать на самолюбіе и честолюбіе дѣтей посредствомъ разныхъ наградъ и поощреній, какъ это практикуется во французской Меттрейской колоніи. Поэтому знамена, красныя доски, похвалы и другія награды, на которыя такъ много надѣются во Франціи, здѣсь считаются нецѣлесообразными, ибо они, по мнѣнію Сурингара, основателя этого заведенія, «возбуждаютъ только самолюбіе, но не истинное чувство долга и обязанности». Теперь въ С.-Петербургской земледѣльческой колоніи, по словамъ отчетовъ директоровъ ея (за 1884 и 1895 г.), награды и поощренія практикуются лишь коллективныя и не въ формѣ наградъ, а въ видѣ удовольствія прогулокъ въ масляную недѣлю на балаганы и лѣтомъ въ «Зоологическій садъ», причемъ «проступковъ никакихъ въ этотъ день не бываетъ»; а въ Рукавишниковскомъ пріютѣ бываютъ прогулки по городу, съ цѣлью посѣщенія

«интересныхъ учрежденій». И мы думаемъ, что вмѣсто посѣщенія балагановъ слѣдовало бы посѣщать съ воспитанниками драматическій театръ, музеи и такія учрежденія, какъ Соляной городокъ, Румянцевскій музей и т. п.

Тамъ, гдѣ есть награды, должны быть и наказанія, и мы видимъ, что система наказаній, дѣйствительно, примѣняется очень широко. По уставу С.-Петербургской колоніи (изд. 1886 г.) воспитанники подвергаются: а) выговору, б) публичному выговору, в) недопущенію къ играмъ, г) занятіямъ работами отдѣльно отъ товарищей, д) заключенію въ особыя помѣщенія, так.-наз. «отдѣльный домикъ», находящіяся подъ болѣе строгимъ надзоромъ, или на время, или до окончанія срока пребыванія воспитанника въ заведеніи, а въ отчетѣ за 1895 г. упоминается и заключеніе въ карцеръ. Въ другихъ колоніяхъ бываетъ еще оставленіе безъ блюда, а нѣкоторыя примѣняютъ и розгу; такъ, въ отчетѣ за 1880 г. колоніи «Студзенецъ» говорится о случаѣ тѣлеснаго наказанія; въ Рубежевской коллоніи «въ особенно важномъ случаѣ—побѣга, видимо упорнаго неповиновенія» — педагогическому комитету, послѣ исчерпанія всѣхъ мѣръ исправленія, предоставляется назначать тѣлесное наказаніе; въ Казани, по отчету Каз. кол. за 1894 г., было наказано розгой за побѣгъ четверо и т. п. Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ испр. завед., какъ напр. въ г. Альтонѣ, въ исключительныхъ случаяхъ также примѣняютъ розгу. Даже на IV съѣздѣ врачи-эксперты высказались за допущеніе тѣлеснаго наказанія въ исключительныхъ случаяхъ, при чемъ рѣшающій голосъ о допущеніи или недопущеніи воспитанника къ этому наказанію принадлежитъ врачу заведенія, который долженъ сообразоваться съ личностью наказуемаго, съ его физической организаціей. И это тогда, когда сами врачи на VI пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ рѣшили ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, когда вообще всѣ лучшіе люди стремятся къ уничтоженію этого архаическаго, позорящаго все общество наказанія!? Да, врачи-эксперты признали розгу полезнымъ воспитательнымъ средствомъ, лишь бы подвергаемый наказанію субъектъ былъ здоровъ, и теперь этотъ, узаконенный и освященный авторитетомъ медицины, пріемъ будетъ, по всей вѣроятности, еще шире примѣняться. Вѣдь такъ легко наказать ребенка, не давъ себѣ труда подумать: да не въ себѣ-ли самомъ, не въ своихъ-ли пріемахъ воспитанія лежатъ причины его неисправленія. Вообще, сила воспитательнаго, облагораживающаго воздѣйствія заключается не въ наградахъ и наказаніяхъ, а въ умѣніи воспитателя стать живымъ примѣромъ во всѣхъ отношеніяхъ, быть всегда послѣдовательнымъ, аккуратнымъ, правдивымъ, безпристрастнымъ, трудолюбивымъ, а главное—любящимъ свое дѣло и своихъ питомцевъ. Д-ръ Заболотскій въ своей статьѣ («Тюр. Вѣст.» № 2, 1896 г.) утверждаетъ, «на основаніи долгаго своего и чужого опыта», что только при такихъ усло-

віяхъ воспитаніе можетъ имѣть нравственную силу и будетъ приносить положительные результаты.

Вторымъ средствомъ исправленія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ служитъ элементарное образованіе. Въ составъ его въ Петербургской колоніи входятъ: Законъ Божій, чтеніе, письмо и черченіе, начало ариѳметики, общія понятія по естествовѣдѣнію, сообщаемыя, преимущественно, въ видѣ объясненій при производствѣ сельскохозяйственныхъ и техническихъ работъ, наконецъ, воспитанникамъ сообщаются, въ видѣ бесѣдъ, важнѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи Россіи, а въ Рукавишниковскомъ пріютѣ есть еще пѣніе и славянское чтеніе. Преподаются всѣ эти предметы или въ объемѣ одноклассnаго народнаго училища (Ярославскій пріютъ, Рубежевская колонія), или даются лишь самыя элементарныя свѣдѣнія (Симбирская, Нижегородская колоніи), только въ одной Мокотовской преподаваніе ведется въ размѣрѣ курса двухклассnаго народнаго училища. Что касается заграничныхъ колоній, то въ нихъ преподаются почти тѣ же предметы, какъ и у насъ, въ объемѣ курса начальныхъ училищъ, хотя, впрочемъ, есть и добавленія: такъ, при «Суровомъ домѣ» преподается начальная геометрія и гимнастика. Самымъ главнымъ тормазомъ для правильной постановки преподаванія служитъ частая смѣна воспитанниковъ и то, что въ теченіе года прибываютъ все новые и новые воспитанники, съ которыми надо иногда начинать сначала; однако, нѣкоторые успѣхи констатируются всѣми отчетами различныхъ колоній: тѣ, кто не умѣлъ читать, а таковыхъ большинство, научаются чтенію и письму; воспитанники же съ большими познаніями въ нѣкоторыхъ колоніяхъ получаютъ даже свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса народнаго училища. Обыкновенно весь составъ воспитанниковъ дѣлится на два отдѣленія: старшее и младшее; въ младшее поступаютъ тѣ, кто не умѣетъ ни читать, ни писать, въ старшее же—воспитанники съ нѣкоторымъ знаніемъ грамоты и счисленія. При преподаваніи почти всюду принято за правило не давать питомцамъ приготовлять уроки или выполнять иного рода задачи внѣ школы. Что касается системъ обученія, то первоначальное ведется, большею частью, по звуковому методу, а въ остальномъ все зависитъ отъ личности учителей, такъ что общихъ систематическихъ пріемовъ не замѣтно.

Третьимъ средствомъ исправленія питомцевъ служитъ земледѣльческій трудъ. Основатель Меттрейской коллоніи во Франціи, Деметцъ, ставилъ за правило: «Улучшайте человѣка посредствомъ земли и землю посредствомъ человѣка». Дѣйствительно, трудъ земледѣльческій наиболѣе облагораживающій, наиболѣе соотвѣтствующій цѣлямъ, преслѣдуемымъ колоніями, имѣетъ глубокое, общепризнанное и испытанное значеніе. Не даромъ общимъ типомъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ являются земледѣльческія колоніи. Для того, чтобы выполнить вторую половину правила Деметца: «улучшайте

землю посредствомъ человѣка», нужно не хищнически эксплуатировать землю, а вести раціональное хозяйство (принявъ, конечно, во вниманіе нормальное, здоровое положеніе крестьянина, а не бѣдственное и угнетенное), поэтому земледѣльческое образованіе воспитанниковъ заключается въ практическомъ обученіи ихъ на хуторѣ всѣмъ работамъ, производимымъ въ сельскомъ хозяйствѣ, съ примѣненіемъ при этомъ всѣхъ наиболѣе полезныхъ и простыхъ техническихъ усовершенствованій; кромѣ полеводства, воспитанники обучаются при колоніи огородничеству и тому хозяйству, которое ведется на образцовой фермѣ колоніи. Если кто-нибудь изъ питомцевъ проявляетъ особенную любовь и способности къ какому нибудь отдѣльному роду земледѣльческихъ занятій, то принимаются мѣры къ дальнѣйшему развитію этой склонности и доведенію воспитанника въ данной области труда до степени совершенства: Петербургское же общество землед. кол. лучшихъ изъ своихъ питомцевъ опредѣляетъ иногда, по истеченіи срока пребыванія ихъ въ колоніи, для дальнѣйшаго образованія, въ земледѣльческія или техническія училища пансіонерами на свой счетъ.

Что касается самыхъ работъ, то онѣ состоятъ изъ слѣдующихъ: прежде всего земля, находящаяся во владѣніи колоніи, расчищается, если же на ней замѣчается сырость, то проводятся канавы, строятся мостики; весною воспитанники, приступая къ полевымъ работамъ, прежде всего должны спустить воды съ полей и луговъ, а затѣмъ разносить по кучамъ и раскидать навозъ; вспахиваніе полей; какъ требующее много силы и умѣнья, производится наемными рабочими, но боронятъ преимущественно воспитанники; ими же производится очистка полей и луговъ отъ растущихъ на нихъ сорныхъ травъ; устройство грядъ огорода, посадка сѣмянъ въ немъ, а также и посадка картофеля производятся воспитанниками подъ руководствомъ огородника; полются гряды, окучивается картофель и капуста ими же, они же сами и косятъ, и жнутъ, и выбираютъ картофель и рубятъ капусту. Всѣ эти работы, производимыя на открытомъ воздухѣ, притомъ такъ, чтобы воспитанники работали охотно, сами по себѣ, безъ особенныхъ приказаній воспитателей, производятъ на питомцевъ наилучшее вліяніе, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Питомцы охотно берутся за работы и занимаются ими весело, съ прибаутками надъ оплошавшими изъ товарищей; роль воспитателя ограничивается лишь совѣтами, даваемыми въ простой, дѣловой формѣ, при чемъ сами воспитатели, принимая участіе въ работахъ, своимъ примѣромъ, своей работой побуждаютъ питомцевъ къ соревнованію въ работѣ. Въ изслѣдованіяхъ фонъ-деръ-Ховена всюду констатируется такое живительное воздѣйствіе воспитателей своимъ личнымъ примѣромъ; подтверждаютъ это также и другіе изслѣдователи и отчеты различныхъ колоній.

Обученіе ремесламъ въ С.-Петербургской колоніи не имѣетъ цѣлью

образовать въ строгомъ смыслѣ опытныхъ ремесленниковъ, а только приспособить воспитанниковъ къ тѣмъ ремесламъ, знакомство съ которыми необходимо для ихъ будущей сельскохозяйственной дѣятельности. Такъ дѣло обстоитъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ изъ среды сельскаго населенія, для преступниковъ-дѣтей изъ лицъ городского населенія, какъ отвыкшихъ отъ полевыхъ работъ и вообще сельскаго хозяйства, учреждаются обыкновенно при колоніи ремесленные пріюты. Пріютъ ставитъ широкую задачу образовать «честныхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ ремесленниковъ, которые могли бы впослѣдствіи зарабатывать своимъ трудомъ средства къ жизни». Сообразно съ этимъ, для обученія избираются такія ремесла, которыя могутъ дать наиболѣе прочный заработокъ. Въ большинствѣ колоній, какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ, ведется обученіе мастерствамъ: столярному, переплетному, портняжному, сапожному и слесарному; затѣмъ не рѣдко, смотря по индивидуальнымъ свойствамъ и способностямъ питомцевъ, въ колоніяхъ вводятся и другія мастерства. Обыкновенно дѣла по ремесленному образованію ведутся вяло: воспитанники портятъ лишь матерьялъ, мастера жалуются, заказовъ со стороны бываетъ немного, такъ что въ отчетахъ, большею частью, по отдѣлу ремеслъ стоитъ дефицитъ. Лишь въ нѣкоторыхъ колоніяхъ можно указать на хорошіе результаты: такъ, въ Рубежевской земледѣльческо-ремесленной колоніи обученіе ремесламъ весьма удовлетворительно, такъ что колонія имѣла возможность участвовать въ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ, причемъ издѣлія ея удостоивались одобрительныхъ отзывовъ; затѣмъ, въ Саратовскомъ исправительномъ пріютѣ не только удовлетворяются всѣ собственныя нужды трудомъ воспитанниковъ, но и принимается много заказовъ со стороны. Въ самомъ порядкѣ и устройствѣ пріема заказовъ и работъ наблюдается много разнообразія: то мастера берутъ на себя подряды и заваливаютъ дѣтей работами, то сами комитеты обществъ пріискиваютъ заказы и покупаютъ матерьялы, то все дѣло поручается директору. Вообще, дѣло это не имѣетъ общихъ чертъ, и все зависитъ отъ личныхъ желаній комитета и отъ условій окружающей обстановки.

Наконецъ, четвертымъ средствомъ исправленія питомцевъ служитъ простая, трудовая жизнь въ колоніи. Жизнь тамъ отличается, дѣйствительно, простотой и въ то же время росписанія занятій устроены такъ, чтобы трудъ чередовался съ отдыхомъ, хотя все же труду отдается главное мѣсто. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ дѣти встаютъ лѣтомъ въ 5, 6 ч. и ложатся въ $8^1/_2$ ч. Намъ кажется, что такое распредѣленіе ненормально. Составители росписанія руководствовались тѣмъ, что лѣтомъ лучше рано вставать, такъ какъ тогда прохладнѣе и работать легче, однако, это примѣнимо лишь къ взрослымъ работникамъ; гдѣ же ребенку, который зимой встаетъ позже, отвыкнуть отъ послѣдняго; его организмъ сильно нуждается въ томъ, чтобы въ это время

еще отдохнуть, поспать, да и ложиться лѣтомъ въ $8^1/_2$ ч. для нихъ очень трудно: въ воздухѣ еще тепло, даже душно, дѣтей манитъ на улицу, въ прохладу, а тутъ извольте засыпать. Въ Петербургской колоніи росписаніе занятій иное; питомцы встаютъ въ 6—7 ч., затѣмъ: отъ 7—9—младшій классъ въ школѣ, старшій въ мастерскихъ.

» 9—11—старшій въ школѣ, младшій—гимнастика и Законъ Божій.

» 11—12—пѣніе.

» 12—2—обѣдъ, отдыхъ, игры, чтеніе подъ надзор. воспитателей.

» 2—$4^1/_2$—въ мастерскихъ, полдникъ.

» $4^1/_2$—5—старшій классъ—пѣніе, младшій—гимнастика.

» 5—$7^1/_4$—мастерскія, приготовленіе къ ужину $^1/_4$ ч.

» $7^1/_2$—8—ужинъ.

» 8—9—отдыхъ, чтеніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика.

» 9—$10^1/_2$—младш. классъ ложится въ 9, старш. можетъ до $10^1/_2$ приготовл. уроки.

Здѣсь мы замѣчаемъ важный пробѣлъ, именно: не указано совершенно прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ; если время для нихъ входитъ въ составъ времени для отдыха, то тогда получается то неудобство, что отдыхъ,—вполнѣ отдыхъ, съ предоставленіемъ питомцамъ возможности распоряжаться временемъ по-своему,—сведется ни къ чему; въ росписаніи только противъ двухъ рубрикъ 12—2 и 8—9—стоитъ отдыхъ, да и то неполный: въ первомъ съ часъ и болѣе уйдетъ на обѣдъ, а во второмъ, вмѣсто отдыха, поставлены—чтеніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика, т.-е. тѣ же занятія, которыя входятъ и въ другія рубрики. Въ этомъ росписаніи, между прочимъ, упоминается и чтеніе подъ надзоромъ воспитателей; здѣсь можетъ быть двоякаго рода чтеніе: одно, когда каждый питомецъ получаетъ изъ библіотеки книгу по своему желанію, при чемъ дѣло воспитателя ограничивается лишь помощью, совѣтами, разъясненіями; другое чтеніе вслухъ какой-либо книги или статьи самимъ воспитателемъ, или кѣмъ-нибудь изъ воспитанниковъ,—чтеніе, сопровождаемое объясненіями воспитателя непонятныхъ, неясныхъ мѣстъ; наиболѣе желательнымъ является, конечно, такой порядокъ, когда оба вида чтенія примѣняются. Сами воспитанники читаютъ съ большимъ интересомъ, поэтому необходимо имѣть при колоніи хорошо составленную библіотеку; мнѣ приходилось видѣть, что книги, даваемыя въ Петерб. колоніи частнымъ образомъ, черезъ нѣсколько дней возвращались въ самомъ плачевномъ видѣ; оказывалось, что взявшій книгу разсказывалъ товарищамъ, какъ интересна книжка, и тогда каждый старался прочесть ее, и—въ нѣсколько дней она обходила всю семью. Послѣ чтенія у питомцевъ само собою возникаютъ разные вопросы, и если они любятъ воспитателя, то обращаются къ его совѣту и указанію; этимъ воспитателю не слѣдуетъ пренебрегать, а какъ можно больше развивать такую пробуждающуюся любознательность воспитанниковъ.

Относительно питанія во всѣхъ колоніяхъ держатся правила, чтобы пища была самая простая, но въ то же время здоровая, питательная На IV съѣздѣ представителей исправительныхъ заведеній было указано на одинъ наиглавнѣйшій недостатокъ пищеваго режима нашихъ исправительныхъ заведеній—это именно на недостаточное количество потребляемыхъ жировъ. Этотъ недостатокъ присущъ у насъ почти всѣмъ учрежденіямъ филантропическаго характера: столовымъ, домамъ трудолюбія и пр.; на него неоднократно указывалось, но существенной перемѣны и послѣ указаній не замѣчалось. Въ нѣкоторыхъ отчетахъ ревизіонныхъ коммиссій, въ упрекъ управленію С.-Петербургской колоніи, ставится выдача воспитанникамъ молока, сметаны и т. п. продуктовъ, такъ какъ-де это излишество (въ большинствѣ заграничныхъ колоній, напр. Меттрейской и др., молочные продукты выдаются постоянно воспитанникамъ); но надо принять въ соображеніе то, во-первыхъ, что означенные продукты пріобрѣтаются колоніей со своей же фермы, иначе они остались бы безъ употребленія (продажа на сторону продуктовъ фермы весьма слабо развита), а, во-вторыхъ, питомцамъ, особенно вновь поступающимъ, необходимо хорошее питаніе, такъ какъ они поступаютъ изнуренными частымъ недоѣданіемъ и голодовками. Въ Мокотовской колоніи пища воспитанникамъ слѣдующая: утромъ—горячій супъ съ 1/4 ф. пеклеваннаго хлѣба,

въ 12 часовъ—1/4 ф. пеклеваннаго хлѣба съ солью,

въ 2 часа—обѣдъ изъ 1 блюда съ 1/4 ф. пеклев. хлѣба,

въ 6 часовъ—1/4 ф. пеклев. хлѣба съ солью,

въ 8 часовъ—горячій супъ или борщъ съ 1/4 ф. хлѣба.

Эта пища по пятницамъ и средамъ бываетъ постная, а въ остальные дни скоромная. Приведенное росписаніе почти цѣликомъ взято съ росписанія «Спасительнаго дома» Бауэра въ Альтонѣ, съ тою только разницею, что тамъ по утрамъ, вмѣсто горячаго, дается кофе. Это же росписаніе повторяется и въ другихъ колоніяхъ, иногда только съ небольшими видоизмѣненіями.

Вотъ краткій очеркъ постановки дѣла исправленія малолѣтнихъ преступниковъ въ нашихъ исправительныхъ земледѣльческихъ колоніяхъ. Что колоніи принесли и приносятъ пользу, это видно изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя получаются о вышедшихъ питомцахъ, занимающихся уже на волѣ самостоятельнымъ трудомъ. Конечно, бываетъ и такъ, что, въ силу окружающихъ условій, отсутствія мѣста и работы, питомецъ, по выходѣ изъ колоніи, не можетъ найти заработка и понемногу снова вступаетъ на путь преступленій, особенно, если страсть къ легкой наживѣ вошла въ его плоть и кровь; поэтому повсюду существуютъ еще патронаты, наблюдающіе и поддерживающіе питомцевъ, вышедшихъ изъ колоній, и старающіеся доставить работу наилучшимъ изъ нихъ. Въ Англіи и Франціи до 50-хъ годовъ изъ всего числа дѣтей, побывавшихъ въ тюрьмахъ, 70 процен-

товъ становились рецидивистами; теперь же число рецидивистовъ значительно уменьшилось. У насъ, въ Россіи, рецидивъ среди малолѣтнихъ преступниковъ, побывавшихъ въ колоніяхъ, по словамъ Н. С. Таганцева, опирающагося на свѣдѣнія, собранныя статистическимъ бюро министерства юстиціи, въ среднемъ 15,6%, т.-е. довольно незначительный, хотя эта цифра блѣднѣетъ и теряетъ свое значеніе, если мы вспомнимъ, что громадное большинство несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, за недостаткомъ мѣста, не можетъ попасть въ колоніи, именно—изъ 3.500—4.000 малолѣтнихъ преступниковъ, ежегодно осуждаемыхъ за преступленія, лишь для 1/10 хватаетъ мѣста въ колоніяхъ. Поэтому нужно какъ можно больше средствъ и усилій со стороны нашего общества, чтобы призрѣть и исправить этихъ несчастныхъ преступниковъ-дѣтей. Необходимо устроить еще много колоній и пріютовъ, чтобы никто изъ осужденныхъ малолѣтнихъ не попадалъ въ тюрьму; но, осуществляя задачу исправленія дѣтей, не надо забывать и объ источникѣ—объ устраненіи тѣхъ бѣдствій и невзгодъ нашей жизни, благодаря которымъ могутъ появляться дѣти- преступники.

С. Ж—кинъ.

II. Къ вопросу о всеобщемъ обученіи.

(Права земствъ, городовъ, другихъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ на открытіе упрощенныхъ школъ).

Проведеніе въ жизнь идеи всеобщаго обученія было бы, конечно, дѣломъ, сравнительно, легко достижимымъ, еслибы за него одновременно и дѣятельно взялись правительство и общество; но если за него будутъ браться одни только разрозненныя земства, то осуществленіе идеи всеобщаго обученія едва-ли пойдетъ быстро, особенно на первыхъ порахъ и при наличныхъ нашихъ условіяхъ. А условія эти настолько тяжелы, что нѣкоторыя, слабыя духомъ и энергіей, земства могутъ передъ ними оробѣть, растеряться и, чего добраго, пожалуй, начнутъ возвращаться назадъ, какъ бы это тяжело и мучительно ни было.

Прежде всего, конечно, встрѣчается затрудненіе въ средствахъ [1]). Во-вторыхъ, у насъ нѣтъ подготовленныхъ учителей. Недостатокъ въ учителяхъ съ хорошей педагогической подготовкой въ настоящее время чувствуется во всѣхъ тѣхъ земствахъ, которыя открываютъ новыя школы. Въ нѣкоторыхъ земствахъ учительскія должности замѣщались

---

[1]) Вотъ что говорятъ наши педагоги о томъ, сколько потребуется средствъ для введенія всеобщаго обученія: г. Песковскій вычислилъ, что при введеніи всеобщаго обученія ежегодный бюджетъ долженъ быть не менѣе 150 мил. руб., при чемъ нужно единовременно затратить 400 мил.; г. Страннолюбскій полагаетъ, что этотъ бюджетъ долженъ быть въ 125 мил. и т. д. («Вѣсти. Восп.» № 1, 1896 г.).

почти исключительно окончившими въ учительскихъ семинаріяхъ, рѣдко окончившими въ женскихъ гимназіяхъ съ педагогическимъ классомъ и никогда—окончившими въ епархіальныхъ училищахъ. Теперь же учительскія должности замѣщаются безъ разбора. Если въ послѣднее время и закрылись нѣкоторыя учительскія семинаріи, то это объясняется не тѣмъ, что учителей было довольно-предовольно, а просто-на-просто тѣмъ затишьемъ, застоемъ, царившимъ въ народномъ образованіи въ концѣ 80-хъ годовъ и въ началѣ 90-хъ. Въ третьихъ—населеніе большей части имперіи разселилось такъ неравномѣрно, что разъ навсегда опредѣленной сѣти и типа школъ выработать нельзя. Въ болѣе населенныхъ пунктахъ земства могутъ открывать школы съ тремя отдѣленіями. Въ мѣстностяхъ же менѣе населенныхъ, гдѣ одно селеніе отъ другого находится на далекомъ разстояніи, земству уже будетъ не подъ силу открывать школу съ тремя отдѣленіями, потому что въ нихъ обучаться будутъ вмѣсто 50—60 чел. какіе-нибудь 15—20 чел. Очевидно, въ послѣднемъ случаѣ земствамъ придется, сообразуясь съ условіями, открывать упрощенныя и удешевленныя школы съ однимъ или двумя отдѣленіями.

Такъ это и было до 1891 г., когда, къ огорченію земскихъ учрежденій, обществъ и частныхъ лицъ, открывавшихъ и содержавшихъ упрощенныя школы, вдругъ всѣ эти школы были переданы въ вѣдѣніе духовенства. Когда же земства занялись разработкой вопроса о всеобщемъ обученіи, то при составленіи необходимой сѣти школъ увидѣли, что безъ упрощенныхъ школъ никакъ нельзя будетъ обойтись. И вотъ послѣдовалъ цѣлый рядъ постановленій земскихъ собраній—ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи открывать школы съ одногодичнымъ и двухгодичнымъ курсомъ.

Все это было, однако, не больше, какъ простымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ въ Высочайше утвержденномъ положеніи 25 мая 1874 г. количество отдѣленій для начальныхъ народныхъ училищъ вовсе не опредѣлено, что въ прошломъ году и было разъяснено оффиціально [1]). Одинъ изъ директоровъ народныхъ училищъ обратился въ управленіе с.-петербургскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открывать при начальныхъ народныхъ училищахъ параллельныя отдѣленія, на что послѣдовало слѣдующее важное и имѣющее принципіальный характеръ разъясненіе управленія округа, которое мы и приводимъ почти цѣликомъ.

«Количество лѣтъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ ни положеніемъ о сихъ училищахъ, Высочайше утвержденномъ 25 мая 1874 года, и никакими послѣдующими узаконеніями или распоряженіями не установлено: дѣти въ начальныхъ школахъ могутъ обучаться и годъ

[1]) Циркуляръ по с.-петербургскому учебному округу, № 12, 1895 г. «Новое слово», № 4, о. п. 1897.

и два, и три, сколько угодно. Никакихъ отдѣленій (по закону) не существуетъ: можетъ быть одно, два, три и больше. Существующія въ дѣйствительности обычныя три отдѣленія образовались лишь фактически, установились практикою; поэтому, если открывается какая-либо земская начальная школа, то не только нѣтъ надобности, но и положительно невозможно требовать, чтобы принятыя въ эту школу дѣти были распредѣлены на два или на три отдѣленія. Каждая начальная земская школа можетъ быть совершенно правильно организована и при одномъ только отдѣленіи. Необходимо только, чтобы въ ней преподавались учебные предметы [1]), указанные въ ст. 3-й Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, причемъ объемъ преподаванія этихъ предметовъ обозначенъ въ самыхъ общихъ чертахъ и никакими строго опредѣленными программами не установленъ». Программы, выработанныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, служатъ только для руководства, и строгое исполненіе ихъ не обязательно. Составлены онѣ лишь для того только, чтобы облегчить преподавателей въ распредѣленіи учебнаго матерьяла. «Самое отсутствіе обязательныхъ къ исполненію въ начальныхъ народныхъ училищахъ программъ указываетъ на то, что законодатель имѣлъ въ виду предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ открывать начальныя народныя училища съ весьма разнообразнымъ по объему проходимыхъ въ нихъ предметовъ курсомъ, нисколько не стѣсняя обучающихся въ нихъ дѣтей требованіемъ пребыванія въ школѣ того или другого количества лѣтъ». «Если позволяютъ средства имѣть нѣсколькихъ учителей и учительницъ, и дѣти имѣютъ охоту учиться, а родители не только тому не препятствуютъ, напротивъ, желаютъ, то закономъ вовсе не возбраняется устроить въ той же школѣ и четыре отдѣленія или больше. Народное просвѣщеніе отъ такой постановки учебнаго дѣла можетъ только выиграть. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ съ населеніемъ рѣдкимъ и крайне бѣднымъ нечего и думать объ открытіи школъ со многими отдѣленіями; въ такихъ школахъ можетъ существовать только два или даже можетъ не быть и ни одного. Къ тому же, такая школа обойдется значительно дешевле и будетъ болѣе соотвѣтствовать даннымъ условіямъ. Открытіе таковыхъ упрощенныхъ и удешевленныхъ земскихъ школъ, въ виду необходимости распространенія грамотности, по возможности, и въ мѣстностяхъ глухихъ, съ населеніемъ бѣднымъ, въ высшей степени желательно и своевременно. Министерство народнаго просвѣщенія постоянно заботилось и продолжаетъ заботиться объ открытіи именно таковыхъ земскихъ начальныхъ школъ, курсъ обученія въ коихъ нисколько не превышалъ бы самыхъ элементарныхъ требованій начальнаго обученія и указанные ст. 3-й положенія о начальныхъ училищахъ учебные предметы преподавались бы въ оныхъ, по возможности,

[1]) Первоначальныя свѣдѣнія по Закону Божію, обученіе чтенію, письму и счету.

въ наименьшемъ объемѣ. Открытіе таковыхъ школъ во многихъ мѣстностяхъ вызывается настоятельной потребностью. дѣйствительно, нельзя даже ни въ чемъ и сравнивать начальное народное училище, открытое напримѣръ, въ столицѣ, съ таковымъ же училищемъ, существующимъ въ какой-либо глухой и бѣдной деревнѣ. Очевидно, что требованія, которыя можно предъявить къ тому и другому, будутъ весьма различны, такъ какъ и тѣ условія, при коихъ открыты и существуютъ эти училища, тоже весьма различны. При этомъ, однако, всякое начальное народное училище, не смотря на разнообразіе объема преподаваемыхъ въ немъ учебныхъ предметовъ, должно во всемъ соотвѣтствовать положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, а по сему и нѣтъ никакихъ основаній удешевленныя и упрощенныя земскія начальныя народныя училища подводить подъ какой-либо иной типъ или признавать ихъ какъ-бы за параллельныя отдѣленія той или другой школы. Таковыя училища могутъ быть открываемы не въ видѣ параллельныхъ отдѣленій, а какъ самостоятельныя, упрощенныя и удешевленныя земскія школы. То обстоятельство, что учители въ этихъ школахъ будутъ получать жалованья менѣе, чѣмъ въ другихъ школахъ, ровно никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ размѣръ жалованья для учителей вполнѣ зависитъ отъ лицъ и учрежденій школу содержащихъ. Что учителя въ эти школы будутъ назначаться не изъ лицъ, имѣющихъ дипломы, тоже безразлично, ибо по закону отдается только предпочтеніе лицамъ, имѣющимъ право преподаванія въ начальныхъ школахъ, а это не есть безусловное требованіе. Школы эти открываются и могутъ существовать на основаніи ст. 3469, 3478, 3484 и 3486, т. XI, ч. I, св. зак. изд. 1893 г. Называть же такія упрощенныя и удешевленныя школы, если онѣ открываются въ такой мѣстности, гдѣ другой начальной земской школы нѣтъ, параллельными, нѣтъ достаточныхъ основаній и можетъ повести лишь къ ненужнымъ, вреднымъ для дѣла народнаго образованія пререканіямъ.

О семъ объявляется для свѣдѣнія и надлежащаго руководства»

Для земствъ, предполагающихъ ввести всеобщее обученіе, приведенное разъясненіе имѣетъ огромное значеніе. Земства, обремененныя громаднымъ количествомъ обязательныхъ для нихъ расходовъ, при сравнительно небольшомъ количествѣ предметовъ, подлежащихъ земскому обложенію, при невозможно плохой организаціи земскихъ сборовъ и невообразимыхъ затрудненіяхъ собиранія ихъ, положительно будутъ не въ силахъ устраивать исключительно школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, для осуществленія вопроса о всеобщемъ обученіи. При настоящихъ же экономическихъ условіяхъ страны, едва-ли можно думать о значительномъ повышеніи земскихъ расходовъ и налоговъ, которые и безъ того велики и тягостны [1]).

[1]) Нельзя, между прочимъ, не указать на слѣдующее: по ст. 3 Высочайше утвер-

Изъ всего вышесказаннаго выводъ тотъ, что земства (а также города, общества и частныя лица), при посильной затратѣ средствъ, могутъ имѣть надежду осуществить идею всеобщаго обученія, включая въ сѣть школъ упрощенныя и удешевленныя школы. Тутъ рѣшается самъ собой вопросъ не только о средствахъ, но и объ учителяхъ: для упрощенныхъ школъ они всегда найдутся. Конечно, желательно было бы, чтобы учителя этихъ школъ обладали хотя бы небольшой педагогической подготовкой и имѣли бы нѣкоторое умѣнье и навыкъ въ обученіи. А достичь этого можно безъ особыхъ затрудненій. Учителями въ упрощенныя школы лучше всего поставлять окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ министерскихъ училищахъ и послѣ этого практиковавшихся въ преподаваніи подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла упрощенныя школы могутъ находиться подъ руководствомъ учителей и законоучителей нормальныхъ земскихъ школъ. Можно приготовлять учителей для упрощенныхъ школъ и инымъ путемъ. Въ лѣтнее время, подъ руководствомъ опять-таки опытныхъ учителей земскихъ школъ, можно для окончившихъ двухклассныя министерскія училища организовать нѣкоторое подобіе педагогическихъ курсовъ.

Мнѣ извѣстенъ первый въ Россіи опытъ такихъ курсовъ и ихъ результаты. Въ виду интереса и значенія этого вопроса, не могу не привести нѣкоторыхъ свѣдѣній объ этомъ фактѣ. Крестьяне одной изъ волостей Череповецкаго уѣзда 19 мая 1896 г., на волостномъ сходѣ, постановили: «признавая всеобщее обученіе грамотѣ необходимымъ для благосостоянія нашего и нашихъ дѣтей—учредить *на средства волости* 12 новыхъ школъ грамоты, въ дополненіе къ существующимъ». На содержаніе этихъ школъ сходомъ было ассигновано 350 руб. изъ мірскихъ суммъ; а 250 руб. было собрано по *добровольной подпискѣ*. Кромѣ того, крестьяне обязались ежегодно вносить въ мірскія суммы для содержанія школъ по 20 коп. съ души. Изъ среды крестьянъ были выбраны три уважаемыхъ волостью мужика, на которыхъ должны лежать обязанности по завѣдыванію новыми школами. Скоро были подысканы и помѣщенія. Но тутъ вдругъ явилось такое серьезное затрудненіе, которое дѣлало постановленіе схода почти невыполнимымъ: земскій начальникъ, руководившій дѣломъ, прежде всего остановился

жденнаго 7-го іюня 1895 г. мнѣнія государственнаго совѣта, уѣздныя земства могутъ испрашивать на нужды народнаго образованія средства, остающіяся у нихъ отъ содержанія мировыхъ учрежденій; но, къ сожалѣнію, многія земскія собранія отклоняютъ ходатайства земскихъ управъ объ отпускѣ вышеуказанныхъ средствъ на устройство новыхъ школъ, въ виду того, что, будто бы, эти средства предназначены исключительно на исправленіе путей сообщенія, при чемъ точно забываютъ, что всякій непорядокъ въ странѣ находится въ прямой зависимости отъ ея культуры, а слѣдовательно, затрата этихъ средствъ на народное образованіе не менѣе производительна, чѣмъ на дороги.

надъ вопросомъ—гдѣ взять учителей для цѣлыхъ 12 школъ, изъ которыхъ каждая располагаетъ бюджетомъ, не превышающимъ и 100 р. Простая случайность помогла разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Въ одной изъ деревень означенной волости, нынѣшнимъ лѣтомъ, жилъ бывшій сельскій учитель. По его мысли и были организованы, съ разрѣшенія ближайшаго начальства, маленькіе курсы, подъ руководствомъ учителя двухкласснаго училища, для приготовленія учителей для вновь открытыхъ школокъ; курсисты были набраны изъ окончившихъ въ двухкласномъ училищѣ; практическія занятія происходили въ маленькой, временно организованной школкѣ. Такимъ путемъ, нынѣшней осенью, въ этой волости и было открыто 12 новыхъ школокъ, въ которыя поступило 307 чел.; изъ нихъ 159 мальчиковъ и 148 дѣвочекъ. Послѣднія цифры положительно поразительны. Онѣ указываютъ на то, что въ данной мѣстности потребность въ обученіи дѣвочекъ ничуть не уступаетъ такой же потребности для мальчиковъ. Всѣхъ дѣтей школьнаго возвраста въ волости насчитывается до 1.000; изъ нихъ въ земскихъ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ обучается до 400 чел. Значитъ, открытыя 12 новыхъ школокъ еще далеко не удовлетворили потребности въ обученіи, но и этому маленькому симпатичному почину нельзя не порадоваться и не пожелать отъ души всего лучшаго въ будущемъ.

Можетъ, конечно, случиться, что нѣкоторые уѣздные училищные совѣты, въ силу традицій, будутъ не согласны на открытіе упрощенныхъ школъ, но законнаго права они на это не имѣютъ.

Въ такихъ случаяхъ земства и народные инспекторы должны дѣло переносить въ губернскій училищный совѣтъ, а если и послѣдній не будетъ согласенъ, то тогда уже дѣйствія и того и другого училищнаго совѣта подлежатъ обжалованію въ правительствующій сенатъ.

Земства, города, общества и частныя лица, воспользовавшись правомъ на открытіе упрощенныхъ и удешевленныхъ школъ, могутъ произвести цѣлое движеніе въ области народнаго просвѣщенія, которое отъ этого можетъ быстро развиться и пойти впередъ. Къ сожалѣнію, еще очень немногія земства воспользовались этимъ правомъ. А между тѣмъ упрощенныя школы заслуживаютъ особеннаго вниманія съ той стороны, что открытіе ихъ должно происходить въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ, можетъ быть, еще цѣлые десятки лѣтъ не дождаться школы съ трехлѣтнимъ курсомъ.

Упрощеннымъ школамъ, за отсутствіемъ пока лучшихъ, желательно самое широкое распространеніе. Въ настоящее время, только этимъ путемъ, земствамъ, не располагающимъ большими средствами, и есть возможность осуществить на дѣлѣ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ сказать, что въ настоящее время всѣ начальныя народныя училища существуютъ, открываются и впредь могутъ открываться на основаніи слѣдующихъ законоположеній: 1) училищнаго устава 1828 г о приходскихъ, городскихъ и сельскихъ школахъ, 2) зако-

нополоѣенія 1839 г. о казенныхъ училищахъ (въ Москвѣ), 3) законоположенія 1864 г. о начальныхъ народн. училищахъ, 4) законоположенія 1874 г. (нѣсколько измѣненное законоположеніе 1864 г.), 5) законоположенія 1869 и 1876 г.г. о сельскихъ министерск. училищахъ, 6) законоположенія 1884 г. о церк.-приходск. школахъ и 7) законопол. 1891 г. о школахъ грамотности. Всѣ эти законоположенія не исключаютъ взаимно другъ друга, и въ этомъ не только нѣтъ особой бѣды, но напротивъ желательно еще большее разнообразіе типовъ школъ и еще большій просторъ для частной и общественной инициативы. Нѣкоторыя, къ сожалѣнію, немногія земства пользуются предоставляемымъ закономъ правомъ и открываютъ на основаніи зак. 1874 г. школы не съ 3-мя, а съ 4 отдѣленіями. Таковы земства: курское, смоленское и тверское.

К. Левинъ.

III. Финансовые итоги 1895 г.

Недавно изданъ отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи государственной росписи въ 1895 г. Изъ этого отчета видно, что по государственной росписи на 1895 г. *обыкновенные доходы* были исчислены въ 1.142.957.006 р., *обыкновенныхъ же расходовъ* было внесено 1.120.094.938 р., такъ что, по предположенію росписи, доходы должны были превысить расходы на 22.862.068 р. Дѣйствительное же исполненіе росписи по обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ дало слѣдующіе результаты: *доходовъ* поступило 1.255.818.781 р. Расходовъ выполнено на *983.744.982 р.* и подлежитъ выполненію 154.064.965 р., всего же 1,137.809.947 р. Слѣдовательно, обыкновенные доходы превысили обыкновенные расходы на 118.008.834 р.

Чрезвычайные расходы, исчисленные по росписи въ 94.283.092 р., предполагалось покрыть: а) внесенными въ роспись чрезвычайными рессурсами въ суммѣ 2.000.000 р., б) ожидавшимся по росписи превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ суммѣ 22.862.068 р. и в) свободною наличностью государственнаго казначейства въ суммѣ 69.421.024 р. *Въ дѣйствительности чрезвычайныя поступленія* достигли 162.274.944 р., а съ присоединеніемъ свободныхъ остатковъ заключенныхъ смѣтъ въ суммѣ 5.125.838 р., всего 167,400.782 р. *Чрезвычайныхъ же расходовъ* произведено 357.870.041 р. и предстоитъ выполнить 25.139.182 р., всего же 383.009.223 р. Слѣдовательно, чрезвычайные расходы превысили доходы на 215.608.441 р.

Мы видѣли выше, что обыкновенныхъ доходовъ по росписи было исчислено 1.142,9 мил. руб., въ дѣйствительности же ихъ поступило 1.255,8 мил. руб., такъ что дѣйствительное поступленіе превысило смѣтное исчисленіе на 112,8 мил. руб. или почти на 10%. Этотъ переборъ

былъ послѣдствіемъ превышенія дѣйствительныхъ поступленій противъ ожиданій по 26 статьямъ росписи, при недоборѣ по 8 статьямъ.

Превышеніе противъ смѣтнаго ожиданія оказалось по слѣдующимъ доходамъ, въ милліонахъ рублей: *по таможенному на* 30,5, *по питейному*—на 20,2, *по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ*—14,8, *выкупнымъ платежамъ*—13,5, *возврату ссудъ и другихъ расходовъ*—8,3, *сахарному доходу*—8,4, *лѣсному доходу*—4,1, *табачному доходу*—2,7, *нефтяному*—2,7 и т. д. Недоборъ противъ смѣтныхъ исчисленій дали слѣдующія статьи: *обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ* 4,0 мил. руб., *пособія государственному казначейству изъ посторонниихъ источниковъ* 2,9 мил. руб., *прибыль отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій*—1, 2 мил. руб. и др.

Обыкновенныхъ расходовъ на 1895 г. было исчислено 1.120.094.938 р., т.-е. на 138.871.988 руб. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году (981.222.950). Главнѣйшими причинами столь значительнаго возрастанія кредитовъ росписи отчетнаго года противъ росписи 1894 года являются: во-первыхъ, перенесеніе въ число обыкновенныхъ расходовъ ассигнованій на перевооруженіе арміи (24.886.187 р.) и флота (324.000 р.), а также расходовъ на усиленіе и улучшеніе казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ (12.500.000 р.); во-вторыхъ, внесеніе въ государственную роспись оборотовъ вновь перешедшихъ въ казну желѣзныхъ дорогъ: бывшаго главнаго общества, рыго-орловской линіи и лозово-севастопольской (на 39.000.000 р.); въ-третьихъ, занесеніе въ роспись отчетнаго года 16 милл. р. на расходы по казенной продажѣ питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской) и на подготовительныя мѣры къ введенію казенной монополіи въ 15 западныхъ и южныхъ, а также въ 10 привислянскихъ губерніяхъ, и, въ-четвертыхъ, занесеніе въ смѣту системы государственнаго кредита, кромѣ суммы, необходимой для уплаты процентовъ по четыремъ купонамъ 4% государственной ренты сроковъ 1895 г., еще 11.700.000 р. на уплату мартовскаго купона 1896 года.

Въ общемъ ассигнованія 1895 года превысили ассигнованія предъидущаго года по смѣтамъ: системы государственнаго кредита на 13.027.961 р., высшихъ государственныхъ учрежденій на 158.422 р., вѣдомства святѣйшаго синода на 1.041.969 р., и министерствъ: Императорскаго двора на 1.209.264 р., военнаго на 30.824.902 р., морского на 3.693.116 р., финансовъ на 20.508.094 р., земледѣлія и государственныхъ имуществъ на 2.545.282 р., внутреннихъ дѣлъ на 1.419.329 р., народнаго просвѣщенія на 1.339.190 р., путей сообщенія на 62.148.246 р., юстиціи на 76.961 р., и государственнаго контроля на 532.380 р., и по фонду на экстренныя въ теченіе года надобности на 2.000.000 р.; съ другой стороны, ассигнованія 1895 года оказались ниже назначеній 1894 года по смѣтамъ: министерства иностранныхъ дѣлъ на 117.449 р., главнаго управленія государственнаго конно-

заводства на 34.679 р. и по фонду на покрытіе расходовъ, въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ на 1.500.000 р. Итогъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, продолженныхъ кредитовъ и подлежащихъ отпуску суммъ обыкновенныхъ расходовъ (1.137.809.948 р.), по сравненію съ итогомъ кредитовъ, ассигнованныхъ по росписи 1895 г. (1.120.094.938 р.) представляетъ увеличеніе на 17.715.010 р. Если же, при сопоставленіи между собою предположеній росписи и отнесенныхъ на нее расходовъ, исключить изъ итога росписи внесенный для устраненія сверхсмѣтныхъ кредитовъ фондъ въ 12.000.000 р. на экстренныя въ теченіе года надобности, то превышеніе расходовъ по смѣтамъ всѣхъ вѣдомствъ противъ предположеній росписи опредѣлится въ 29.715.010 р. Этотъ результатъ составляетъ послѣдствіе увеличенія расходовъ по однимъ вѣдомствамъ на 35.643.115 р. и уменьшенія по другимъ на 5.928.105 р. Увеличеніе расходовъ выразилось по отдѣльнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ цифрахъ въ милліонахъ: по военному министерству 14,2, по министерству путей сообщенія 10,2, по системѣ государственнаго кредита 7,4, по морскому министерству 2,2 и т. д. Уменьшеніе же расходовъ послѣдовало по смѣтамъ: министерства финансовъ на 3 мил. руб., министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ на 1 мил., министерства внутреннихъ дѣлъ на 589.022 р. и др. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что по министерству народнаго просвѣщенія неизрасходованными оказалось 26.804 руб. Сравненіе же расходовъ 1895 г. съ расходами непосредственно предшествовавшаго ему 1894 г. указываетъ, что расходы 1895 года (1,137.809.948 р.) превысили расходы 1894 г. (1.053.573.969 р.) на 84.235.979 р., причемъ расходы 1895 г., сравнительно съ расходами 1894 г., увеличились по всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ главнаго управленія государственнаго коннозаводства. Наиболѣе значительное по цифрѣ повышеніе расходовъ оказалось по смѣтамъ министерствъ путей сообщенія и финансовъ, системы государственнаго кредита и министерствъ: военнаго, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, морского, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и Императорскаго двора, а также по смѣтѣ вѣдомства святѣйшаго синода.

Наконецъ, изъ обозрѣнія движенія расходовъ за 10 лѣтъ слѣдуетъ, что за указанный періодъ обыкновенные государственные расходы возросли на 281.849.962 р. или на одну треть, между тѣмъ какъ обыкновенные доходы за тотъ же періодъ возросли на 470.020.788 р. или почти на двѣ трети. Годичный ростъ расходовъ составляетъ, такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ за десятилѣтіе, три процента, тогда какъ ростъ доходовъ превышаетъ 6% въ годъ.

Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ исполненной росписи 1895 года и постараемся оцѣнить бюджетъ отчетнаго года, на основаніи лишь двухъ наиболѣе характерныхъ его цифръ. Выше мы видѣли, что обыкновенные доходы 1895 года превысили обыкновенные же рас-

ходы болѣе чѣмъ на 118 милл. руб., дѣйствительное же поступленіе обыкновенныхъ доходовъ превысило смѣтное ихъ исчисленіе на 112,8 милл. руб., или почти на 10%. На основаніи этихъ двухъ цифръ слѣдуетъ безспорно признать бюджетъ 1895 года однимъ изъ самыхъ блестящихъ, но если сопоставить эти блестящіе результаты исполненія государственной росписи съ обычными у насъ указаніями на обѣдненіе населенія, на упадокъ его платежныхъ и покупательныхъ средствъ, то немедленно является цѣлый рядъ сомнѣній и вопросовъ. И дѣйствительно, останавливаясь прежде всего на значительной разницѣ между исчисленіемъ доходовъ и ихъ поступленіемъ, мы спрашиваемъ себя: полезна-ли государству принятая система въ бюджетныхъ исчисленіяхъ, создающая хроническіе переборы государственныхъ доходовъ? Если же далѣе мы вспомнимъ, что у насъ, кромѣ того, замѣчается постоянное и весьма значительное превышеніе доходовъ надъ расходами и рядомъ съ этимъ постоянное увеличеніе налоговъ, то является непонятнымъ поступленіе платежей съ населенія больше, чѣмъ слѣдовало бы на покрытіе обыкновенныхъ нуждъ. Идеаломъ государственнаго хозяйства слѣдуетъ признать полное удовлетвореніе нуждъ страны, при наименьшемъ отягченіи плательщиковъ. Вслѣдствіе этого, если въ странѣ замѣчается избытокъ доходовъ надъ расходами и нѣтъ неудовлетворенныхъ нуждъ, то государству остается только уменьшать свой приходъ на сумму, оказывающуюся для бюджета излишней, ибо каждый рубль, безъ надобности взысканный съ населенія, наноситъ извѣстный ущербъ его хозяйству. Если же въ странѣ существуетъ цѣлый рядъ жгучихъ нуждъ и давно назрѣвшихъ потребностей, то отвлеченіе каждаго бюджетнаго рубля отъ удовлетворенія этихъ потребностей не можетъ не отразиться вредно на духовномъ развитіи массы и на состояніи народнаго хозяйства. Кому неизвѣстно, что первѣйшія потребности населенія далеко не удовлетворяются у насъ съ желательной полнотой: укажемъ, для примѣра, на крайнюю недостаточность медицинской помощи, на народную безграмотность, на недостатокъ низшихъ и среднихъ профессіональныхъ школъ, на необходимость устройства переселенческаго дѣла и пр. Съ другой стороны, у насъ каждый годъ образуются бюджетные остатки, вслѣдствіе чего платежныя силы населенія достигаютъ крайняго напряженія, накопляются крупныя недоимки, а удовлетвореніе насущныхъ его нуждъ какъ-то затерывается въ массѣ банковыхъ, кредитныхъ операцій, финансовыхъ проектовъ и другихъ подобныхъ заботъ. Нѣкоторые органы печати говорятъ, что финансы государства въ блестящемъ положеніи, что текущіе приходы даютъ крупный избытокъ надъ текущими расходами, а между тѣмъ внѣшняя задолженность наша ростетъ, налоги постоянно увеличиваются, насущныя же потребности населенія не удовлетворяются. Къ чему же собираются съ населенія тѣ колоссальныя суммы, которыя оказываются излишними или которыя, по крайней мѣрѣ,

не идутъ на удовлетвореніе назрѣвшихъ нуждъ страны? Въ самомъ дѣлѣ, было время, когда въ Россіи обыкновенные расходы превышали обыкновенные же доходы, и наши государственные бюджеты страдали тогда хроническими дефицитами; тогда, конечно, нельзя было думать объ увеличеніи расходовъ: главной заботой финансоваго вѣдомства было уничтоженіе дефицитовъ. Съ теченіемъ времени указанные дефициты дѣйствительно были быстро устранены крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ страны и крайнею сдержанностью въ ассигнованіи средствъ на удовлетвореніе духовныхъ и матерьяльнымъ нуждъ населенія. Въ настоящее же время, когда бюджетъ нашъ даетъ не дефициты, а весьма значительные избытки доходовъ надъ расходами, пора, намъ думается, вспомнить и о главномъ плательщикѣ государственныхъ податей и налоговъ: снять съ него излишнюю часть податнаго бремени и государственными средствами придти къ нему на помощь въ его непосильной борьбѣ съ невѣжествомъ, съ болѣзнями, съ силами природы, съ малоземельемъ и пр.

Признавая нашъ государственный бюджетъ 1895 года однимъ изъ самыхъ блестящихъ, мы невольно задаемся вопросомъ: въ какой же мѣрѣ этотъ бюджетъ можетъ служить отраженіемъ общаго экономическаго положенія нашей страны? Говорятъ, что обильныя поступленія обыкновенныхъ доходовъ по всѣмъ статьямъ росписи, и при томъ превысившія ожиданія министерства финансовъ на 112,8 м. руб., во всякомъ случаѣ, были бы немыслимы, при общемъ экономическомъ упадкѣ страны. Такимъ образомъ, выходитъ, что или нашъ бюджетъ не блестящъ, или что въ нашей хозяйственной жизни все обстоитъ благополучно. Намъ думается, что такое отношеніе къ связи экономическаго положенія государства съ его финансами слѣдуетъ признать неправильнымъ. Дѣло въ томъ, что финансовые органы, по остроумному сравненію Шефле, — это «ложка, которую государство погружаетъ въ общую колоссальную миску національнаго дохода, чтобы почерпнуть оттуда соотвѣтственную часть національнаго производства, какъ матерьяльныя средства своего существованія». На основаніи того, что извлекается изъ народнаго хозяйства, можно прежде всего составить себѣ нѣкоторое представленіе о величинѣ ложки, которая погружается въ общую миску, а не объ ея содержимомъ; вотъ почему и по размѣрамъ государственныхъ доходовъ нельзя еще судить непосредственно о хозяйственномъ состояніи населенія, такъ какъ финансовая ложка можетъ оказаться, по размѣрамъ, несоотвѣтственной и не вполнѣ согласованной съ миской національнаго производства. Блестящіе финансы могутъ служить вѣрнымъ показателемъ экономическаго благополучія страны лишь тогда, когда обложеніе населенія не противорѣчитъ научнымъ экономическимъ требованіямъ, т.-е. когда мы смотримъ на духовное и экономическое развитіе страны какъ на основу финансовой мощи государства и когда бюджетный успѣхъ строится

на успѣхѣ народнаго хозяйства и его благосостояніи. Если же блестящій бюджетъ будетъ уживаться рядомъ съ прогрессивнымъ обѣдненіемъ населенія, то едва-ли онъ будетъ проченъ.

А. Котельниковъ.

IV. По поводу государственной росписи на 1897 г.

1-го января обнародованъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1897 г. Роспись эта сведена въ слѣдующемъ видѣ:

	Доходовъ.	Расходовъ.
По обыкновенному бюджету. . . .	1.318.366.495 р.	1.284.858.862 р.
» чрезвычайному »	3.808.627 »	129.112.196 »
Изъ свободной наличности государственнаго казначейства	91.795.122 »	—
Всего.	1.413.971.058 р.	1.413.971.058 р.

По сравненію съ росписью 1896 г., обыкновенныхъ доходовъ ожидается болѣе на 78.894.800 р., а обыкновенныхъ расходовъ предположено болѣе на 53.770.448 р. Всѣ чрезвычайные расходы предназначены исключительно на желѣзнодорожныя сооруженія. Недостающія на нихъ суммы изъ чрезвычайныхъ поступленій (3,8 мил.) покрываются превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ такими же расходами (болѣе чѣмъ на 33,5 мил.) и затѣмъ частью свободной наличности государственнаго казначейства. Наличность эта, по отчету государственнаго контролера, составляла, за отчисленіемъ изъ нея чрезвычайныхъ расходовъ истекшаго года, сумму въ 154 мил. р. Въ теченіе 1896 г. она увеличилась, во-первыхъ, 84-мя мил. р., на которые обыкновенные доходы за время съ 1-го января по 1-ое ноября превысили предположенныя по росписи поступленія, а во-вторыхъ, 37,3-ми мил., поступившими, сверхъ предположеній, по чрезвычайному бюджету. Образовавшаяся такимъ образомъ наличность уменьшилась на слѣдующія отчисленія: въ пособіе крестьянскому поземельному банку 5,6 мил. р., въ доплаты по обмѣну 5%-ой желѣзнодорожной ренты въ 4%—до 2 мил., на переданные въ государственный банкъ для причисленія къ размѣнному фонду, обезпечивающему кредитные билеты, 75 мил. р., на уплаченные банку за пріобрѣтенное для той же цѣли золото 25,9 мил. р. и на предположенные къ передачѣ государственному банку для погашенія части безпроцентнаго долга государственнаго казначейства, сверхъ суммъ, вырученныхъ отъ реализаціи 3% золотого займа 1896 г., — 15,9 мил. р. «За всѣми этими оборотами,—докладываетъ министръ финансовъ, — свободная наличность къ 1-му января 1897 г. должна будетъ опредѣлиться, — не считая тѣхъ

превышеній въ доходахъ, которые могутъ получиться въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, и не считая ежегодно получающихся при заключеніи смѣтъ свободныхъ остатковъ,—не менѣе, какъ въ 150 мил. руб. Такимъ образомъ, никакихъ займовъ для выполненія предположенныхъ на 1897 г. чрезвычайныхъ расходовъ не потребуется».

Въ этомъ отношеніи роспись 1897 г. похожа на многія росписи предшествующихъ годовъ, составлявшіяся при двухъ послѣднихъ министрахъ финансовъ. Всѣ онѣ имѣютъ очень много общихъ между собой и характерныхъ чертъ, уяснить которыя очень важно и интересно. Въ цѣляхъ такого уясненія составлялся и всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ. По установившемуся обычаю, докладъ этотъ, съ одной стороны, объяснялъ причины уменьшенія или увеличенія смѣтныхъ исчисленій по отдѣльнымъ статьямъ, предоставляя тѣмъ возможность оцѣнить правильность предположеній, включенныхъ въ роспись, а съ другой стороны, излагалъ ближайшія изъ намѣченныхъ мѣропріятій и болѣе или менѣе опредѣленно указывалъ характеръ принятой финансовой системы. Прекрасный обычай этотъ въ значительной мѣрѣ былъ нарушенъ уже прошлый годъ, когда министръ финансовъ заявилъ въ своемъ докладѣ, что ограничивается лишь *краткимъ* указаніемъ главнѣйшихъ смѣтныхъ измѣненій, не останавливаясь «на тѣхъ соображеніяхъ, которыми обусловливалось исчисленіе ожидаемыхъ по росписи на 1896 годъ доходовъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи министерство финансовъ и государственный совѣтъ слѣдовали тѣмъ же пріемамъ, которые выработаны долголѣтней практикой». Роспись на 1897 г. идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше, такъ какъ въ ней даже этихъ *краткихъ* указаній очень немного, а потому значительная часть смѣтныхъ измѣненій въ исчисленныхъ ею доходахъ можетъ показаться необоснованной. Въ прежніе годы печать неоднократно указывала, что доходы исчисляются съ крайней и излишней осторожностью и по большинству статей почти всегда оказываются меньше дѣйствительныхъ. Исполненіе росписи вполнѣ подтверждало справедливость такихъ указаній, вслѣдствіе чего въ правильности «пріемовъ», выработанныхъ «долголѣтней практикой» позволительно будетъ усумниться. Въ 1894 г. обыкновенныхъ доходовъ поступило больше противъ исчисленнаго по росписи на 149 мил. руб., въ 1895 г.—на 113 мил., въ десять мѣсяцевъ истекшаго 1896 г. больше на 84 мил. по обыкновенному бюджету и на 37,3 мил. по чрезвычайному. Что-жъ это за пріемы, которые приводятъ къ систематическимъ неточностямъ на столь крупныя суммы, и притомъ къ неточностямъ, имѣющимъ одну и ту же тенденцію—къ уменьшенію смѣтныхъ исчисленій. Такихъ пріемовъ десять-двѣнадцать лѣтъ тому назадъ не было, и бухгалтеры министерства финансовъ считали тогда гораздо правильнѣе. Несомнѣнно, что и теперь они могутъ считать вполнѣ точно и если не дѣлаютъ этого, то только потому, что министерство финансовъ, публикуя въ столь значительной

мѣрѣ неточныя цифры, очевидно имѣетъ какіе-либо особые виды. Этихъ видовъ министръ финансовъ не указалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1897 г. и не объяснилъ тѣхъ пріемовъ исчисленія измѣненій въ доходныхъ статьяхъ, которые практикуются въ министерствѣ. Поэтому весьма трудно сказать, почему, напр., доходы отъ косвенныхъ налоговъ предположены въ 1897 г. только въ суммѣ 555 мил. р., противъ исчисленныхъ на истекшій годъ 539 мил., а не въ суммѣ, напр., 575 мил., поступившихъ въ 1895 г. или не въ суммѣ 590 мил., которые должны бы поступить въ 1896 г., если будутъ вноситься съ той же правильностью, какъ вносились за первые 8-мь мѣсяцевъ. Предположенное въ смѣтѣ уменьшеніе противъ поступленій доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ не объясняется введеніемъ казенной продажи вина, такъ какъ эта продажа понижаетъ только одинъ патентный налогъ, да и то на сравнительно ничтожную сумму (на 2 мил. въ 1896 г.). Между тѣмъ одинъ приростъ населенія настолько увеличиваетъ потребленіе вина, что доходъ отъ него, при нормальныхъ условіяхъ, долженъ постепенно возрастать. Понизиться же до суммы, полученной два года тому назадъ, онъ могъ бы только при какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событіяхъ, вродѣ голода, на которыя роспись не можетъ разсчитывать, да и, повидимому, не разсчитывала. Тѣмъ не менѣе, по ней питейный доходъ исчисленъ на 1897 г. въ суммѣ 284,9 мил. р., противъ 298½ мил., полученныхъ въ 1895 г. Точно также и таможенный доходъ далъ казнѣ въ 1895 году 167¾ мил. р., а въ 1894 г. даже на 5 мил. больше, въ первые же 8 мѣс. 1896 г. онъ доставилъ 120,4 мил. р., противъ 109,1 мил., поступившихъ за тотъ же срокъ въ 1895 году; по смѣтѣ же на 1897 г. тотъ же доходъ опредѣленъ въ 159,68 мил. Можетъ быть, министерство и въ правѣ разсчитывать на такое пониженіе, но оно не приводитъ въ пользу этого никакихъ доказательствъ; обыватель же, судя по примѣру прежнихъ лѣтъ, еще больше въ правѣ думать, что таможенныхъ доходовъ поступитъ больше, что цифра послѣдней росписи уменьшена и потому неточна.

Прямыхъ налоговъ предположено къ поступленію въ 1897 году 97,8 мил., противъ 104,5 м., исчисленныхъ по росписи 1896 г. Налоги поземельный, съ недвижимыхъ имуществъ и подати исчислены меньше прошлогоднихъ на 8,1 мил., очевидно, въ виду льготъ, дарованныхъ Высочайшимъ манифестомъ 14 мая 1896 г., въ силу котораго платежи населенія по поземельному налогу уменьшены на 7,5 мил. руб. Но и при этомъ условіи едва ли можно ожидать столь значительнаго уменьшенія поступленій отъ прямыхъ налоговъ, какъ исчислено министерствомъ финансовъ. Въ 1895 г. одного поземельнаго налога поступило на 2 мил. больше, чѣмъ въ 1894 г. Затѣмъ, если предположить, что поступленіе прямыхъ налоговъ за восемь мѣсяцевъ истекшаго года составляетъ такую же пропорцію къ годовому окладу, какая наблюдалась

и въ 1895 г., то необходимо допустить, что доходъ отъ прямыхъ налоговъ въ 1896 г. имѣетъ полную вѣроятность достигнуть 106 м. р., т.-е. превыситъ, приблизительно, на $1^1/_2$ мил. смѣтныя предположенія. Въ виду этого, а также слишкомъ осторожнаго исчисленія сборовъ съ торговли (всего 700 т. р. больше прошлогодней смѣты) возможно ожидать, что и доходы отъ прямыхъ налоговъ включены въ роспись 1897 г. въ размѣрѣ меньшемъ противъ той суммы, на поступленіе которой можно разсчитывать въ дѣйствительности. Доходъ отъ выкупныхъ платежей исчисленъ по росписи въ 87.678.000 р., т.-е. на 1.322.000 меньше прошлогодней смѣтной цифры. Несомнѣнно поступленія его должны уменьшиться вслѣдствіе закона 13 мая 1896 г., облегчившаго въ нѣкоторой мѣрѣ сельскимъ обывателямъ уплату выкупнаго долга. Какъ велико будетъ это уменьшеніе предвидѣть трудно; но при сужденіи объ этомъ необходимо принять во вниманіе, что въ 1895 году выкупныхъ платежей поступило на $8^1/_2$ мил. больше, чѣмъ въ 1894 г., и на $3^1/_2$ м. болѣе дѣйствительнаго годового оклада.

Не касаясь остальныхъ доходныхъ статей, уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно усмотрѣть, что допускавшіяся въ росписяхъ неточности по исчисленію доходовъ далеко не могутъ считаться устраненными и въ только что опубликованной смѣтѣ. Пробѣлъ этотъ имѣетъ весьма существенное значеніе, на которомъ необходимо остановиться. Наши «хроническіе избытки», обнаруживающіеся въ постоянномъ и притомъ весьма значительномъ превышеніи поступленій надъ смѣтными назначеніями, а также надъ дѣйствительно производящимися расходами, показываютъ, что обыкновенные расходы могутъ покрываться при гораздо меньшемъ напряженіи платежныхъ силъ, чѣмъ это наблюдается теперь. Что это напряженіе дѣйствительно велико, доказывается огромными недоимками прежнихъ лѣтъ, превышающими, напр., въ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерніяхъ, годовой окладъ въ нѣсколько разъ. На то же напряженіе платежныхъ силъ населенія указываютъ и трудности взиманія прямыхъ налоговъ, не разъ отмѣчавшіяся оффиціальными лицами и учрежденіями. Наконецъ, это напряженіе, повидимому, признается и г. министромъ финансовъ, который свидѣтельствуетъ въ разсматриваемомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, что «утѣшительное исполненіе» росписей даетъ возможность обратить «вниманіе на нѣкоторыя наиболѣе отяготительныя статьи обложенія, въ цѣляхъ облегченія податнаго бремени». Въ виду этого, въ послѣдніе годы былъ предпринятъ «цѣлый рядъ полныхъ отмѣнъ и пониженій» прямыхъ налоговъ и пошлинъ, а также были «установлены весьма значительныя льготы по уплатамъ и взысканіямъ». Въ чемъ же заключались эти льготы, пониженія и отмѣны? Г-нъ министръ финансовъ подробно исчисляетъ ихъ. Онъ указываетъ на законъ 7 февр. 1894 г. о производствѣ по выкупнымъ платежамъ отсрочекъ и разсрочекъ недоимокъ, на подобный же законъ 13 мая 1896 г. объ облегченіяхъ по уплатѣ сельскимъ населе-

ніемъ выкупнаго долга, на дарованное 14 мая 1896 г. уменьшеніе госуд. поземельнаго сбора на сумму около 7,5 въ годъ и на нѣкоторыя другія мѣропріятія въ этой области. Всѣ они, разумѣется, имѣютъ болѣе или менѣе крупное значеніе, но нужно имѣть въ виду, что указанныя льготы по выкупнымъ платежамъ не могутъ считаться коренной мѣрой, такъ какъ не избавляютъ населеніе отъ обременительныхъ платежей, а только отсрочиваютъ ихъ. Даже уменьшеніе поземельнаго налога не измѣняетъ нашей податной системы, вся невыгода которой заключается въ чрезмѣрномъ обремененіи массы населенія, наименѣе платежеспособной. Съ этой точки зрѣнія, очень небольшое значеніе имѣютъ для массы нашихъ плательщиковъ и многія изъ другихъ мѣръ, указываемыхъ министромъ финансовъ. Такъ, отсрочки крѣпостныхъ пошлинъ, пониженіе пробирной пошлины и пошлины же по уставу о привилегіяхъ на изобрѣтенія и отмѣна судоходнаго сбора почти не касаются наиболѣе бѣдной и неплатежеспособной части населенія, которая имѣетъ слишкомъ мало достатковъ, чтобы пользоваться льготами по пробирнымъ, крѣпостнымъ и др. пошлинамъ. Вообще, она нуждается не въ однихъ частичныхъ облегченіяхъ, а въ такомъ коренномъ пересмотрѣ податной системы, который избавилъ бы ее отъ всѣми признаннаго крайняго напряженія платежныхъ силъ и перенесъ бы податную тяготу на другіе источники обложенія. У насъ до сихъ поръ слишкомъ льготно обложены нѣкоторые виды промышленности и торговли, очень мало увеличивается сборъ съ денежныхъ капиталовъ, нѣтъ подоходнаго налога и т. д. Если министерство финансовъ не считаетъ нужнымъ вводить этотъ налогъ или увеличивать сборы съ капиталовъ и торговли, то и независимо отъ этого смѣтные «хроническіе избытки» даютъ ему возможность кореннымъ образомъ облегчить массу населенія въ ея платежахъ и тѣмъ избавить часть населенія отъ податнаго раззоренія, грозящаго ему всегда при теперешней системѣ, настоятельно ждущей преобразованія, а не частичныхъ облегченій при выполненіи ея. Вотъ эту-то настоятельную нужду и затемняютъ въ нѣкоторой мѣрѣ неточныя, уменьшенныя исчисленія доходовъ, приводящія къ огромному превышенію поступленій надъ смѣтными исчисленіями и потому допускающія мысль, что все обстоитъ благополучно и что никакого напряженія платежныхъ силъ у насъ не существуетъ.

Переходя къ расходной смѣтѣ, необходимо отмѣтить, прежде всего, что по обыкновенному бюджету расходы исчислены въ 1.284,8 мил., т.-е., приблизительно, на 33,5 мил. меньше обыкновенныхъ доходовъ. Нужно ожидать, что исполненіе смѣты еще больше увеличитъ эту разницу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ прежніе годы: въ 1895-мъ, напримѣръ, году обыкновенные расходы оказались на 118 мил. меньше обыкновенныхъ доходовъ. По этому поводу опять возникаетъ вопросъ о томъ, насколько желательно, чтобы на обыкновенные расходы собиралось изъ обыкновенныхъ же источниковъ больше средствъ, чѣмъ нужно. Вѣдь такое

усиленное полученіе доходовъ несомнѣнно отягощаетъ населеніе,—зачѣмъ же въ такомъ случаѣ безъ нужды, при обыкновенныхъ условіяхъ, напрягать его силы?!

Разсматривая дальше расходную смѣту, отмѣтимъ, что возросла она по обыкновенному бюджету, сравнительно со смѣтой 1896 г., почти на 53,8 мил. Больше другихъ потребовалось увеличеніе расходовъ по вѣдомству путей сообщенія (на 30½ мил.). Вызвано такое увеличеніе, повидимому, расширеніемъ сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Далѣе расходы по министерству финансовъ увеличены на 17,4 мил., что въ значительной мѣрѣ объясняется введеніемъ питейной монополіи въ 8-ми новыхъ губерніяхъ. Затѣмъ, послѣдовали увеличенія расходовъ по вѣдомству св. синода (на 2,2 м. р.), по морскому (почти на 2 м. р.) по министерству земледѣлія (на 1,2 м. р.) и т. д. Въ концѣ всѣхъ вѣдомствъ, увеличивающихъ свои расходы, по обыкновенію, стоитъ министерство народнаго просвѣщенія, повысившее свою расходную смѣту, приблизительно, лишь на 600 тыс. руб. Очевидно, это почтенное министерство не очень спѣшитъ со своимъ дѣломъ, или ему, въ самомъ дѣлѣ, не даютъ денегъ, какъ увѣрялъ какой-то защитникъ его въ «*Новомъ Времени*».

Ростъ расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ вполнѣ объясняется, какъ мы уже видѣли, расширеніемъ самаго дѣла. Противъ этого, разумѣется, ничего нельзя сказать. Но здѣсь умѣстно будетъ обратить вниманіе, что увеличеніе числа чиновниковъ и вообще служащихъ далеко не всегда объясняется дѣйствительной потребностью. Въ нашихъ министерствахъ есть должности, которыя не замѣщаются цѣлыми годами. Дѣло отъ этого нисколько не терпитъ, а наградныя остальныхъ чиновниковъ увеличиваются. Затѣмъ, какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ провинціи создаются новыя должности и увеличивается число старыхъ, повидимому, безъ достаточныхъ поводовъ къ тому. Извѣстны примѣры, когда увеличеніе должностей распространялось даже на такія окраины, въ которыхъ населеніе болѣе чѣмъ ничтожно, а доходы казны отъ него еще ничтожнѣе. Такихъ увеличеній съ открытіемъ новыхъ чиновничьихъ мѣстъ нужно опасаться. Чиновникъ идетъ со всѣхъ концовъ, заполняетъ всѣ углы, онъ требуетъ новыхъ штатовъ, пересмотра старыхъ, новыхъ средствъ, привиллегій и т. д. Въ концѣ-концовъ для удовлетворенія его потребуются колоссальныя суммы, а на дѣйствительныя народныя потребности пойдутъ только незначительные остатки. По даннымъ Р. фонъ Кауфмана, изданнымъ министерствомъ финансовъ [1]), въ 1892—1893 гг. Россія уже расходовала 13,36% своего бюджета на общее управленіе страны, тогда какъ чиновная Австрія несла на тотъ же предметъ 9,28% бюджета, Пруссія 6,9%, Франція 4,65%, а Великобританія только 3,21%.

[1]) Р. фонъ-Кауфманъ. «Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ.»

Наши земства, постоянно обвиняемыя въ расточительности, не смотря на ростъ и развитіе своего дѣла, не только не увеличиваютъ, а напротивъ того, стараются уменьшить свои расходы на содержаніе земскаго управленія. Такъ, въ 1886 г. они назначили на этотъ предметъ 4.054 тыс. руб., въ 1888 г. уже—4.012 тыс. руб., въ 1890 году—3.981 тыс. руб., а въ 1893 г. произвели расходовъ на 3.923 тыс. руб. и т. д. Государственные же расходы на управленіе все растутъ и растутъ. Положить конецъ этому росту тѣмъ необходимѣе, что на самые производительные предметы государство расходуетъ до чрезвычайности мало. По даннымъ того же Кауфмана, на образованіе, науки и искусства Россія тратила 3,99% бюджета (а теперь тратитъ еще меньшій %), тогда какъ остальныя государства расходуютъ отъ 6,32% до 8,34. На воспособленіе промысламъ мы расходовали 1,62%, а Австрія, къ которой у насъ привыкли относиться свысока, тратила на тотъ же предметъ 3,82%.

На этомъ мы и покончимъ обозрѣніе смѣтной части всеподданнѣйшаго отчета министра финансовъ. Что же касается второй части этого отчета, съ рѣдкой подробностью трактующей о принципіальныхъ финансовыхъ вопросахъ и развивающей цѣлую финансовую программу, то, въ виду исключительнаго интереса возбуждаемаго ею, мы поговоримъ о ней въ слѣдующей книжкѣ.

М. Слобожанинъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Съ Урала. (Результаты покровительственныхъ пошлинъ).

Принято думать, и совершенно основательно, что чѣмъ больше страна потребляетъ желѣза, чѣмъ большее количество его приходится на каждаго человѣка, тѣмъ страна культурнѣе. Всѣ успѣхи цивилизаціи, наукъ, искусства, развитіе всѣхъ отраслей промышленности и народнаго хозяйства тѣсно связаны съ развитіемъ горнаго дѣла вообще и съ развитіемъ производства желѣза въ частности. Историки человѣческой культуры справедливо относятъ начало эпохи современной цивилизаціи ко времени открытія желѣза. Пароходы, желѣзныя дороги, всевозможныя машины, земледѣльческія орудія и различнаго рода сооруженія и т. д., и т. д.—все это требуетъ желѣза, желѣза и желѣза.

Слѣдовательно, вопросъ о производствѣ желѣза, долженъ, по моему мнѣнію, интересовать общество не менѣе, чѣмъ какой-нибудь другой.

Поэтому я намѣренъ говорить объ Уралѣ, преимущественно какъ о центрѣ нашей горной промышленности. Онъ издавна славится своими громадными горными богатствами и въ области горной промышленности ему всегда отводилось первое мѣсто. И дѣйствительно, съ самаго начала возникновенія у насъ горнаго

промысла, онъ сдѣлался центромъ преимущественнаго его развитія и до половины настоящаго столѣтія $^2/_3$ всего количества производимаго въ Россіи желѣза получались на горныхъ заводахъ Урала, но съ 1860 г. эта пропорція стала все болѣе и болѣе уменьшаться, дойдя въ 1894 году почти до $^1/_3$.

Въ 1894 году на 86 уральскихъ заводахъ было выплавлено 28.357.905 пудовъ чугуна; желѣза полупродукта (болванки, куски и мильбарсъ)—8.921.317 пуд., готоваго (полосовое, сортовое, котельное и проч.) 14.325.762 пуд., стали—въ болванкахъ и отливкахъ—2.880.166 пудовъ и стали сортовой, листовой и проч. 1.217.340 пудовъ.

Изъ уральскихъ заводовъ наибольшую производительность оказали: Нижне-Салдинскій, выплавившій 1.453.316 пудовъ чугуна, 1.103.371 пудъ стали и 28.396 пуд. готоваго чугуна; Катавъ-Ивановскій—1.062.305 пуд. чугуна, 1.355.301 пуд. стали и 30.445 пуд. желѣза; Добрянскій—1.641.202 пуда желѣза и болѣе 300 тысячъ пудовъ стали.

Производительность 13 казенныхъ уральскихъ заводовъ выразилась въ такихъ цифрахъ: чугуна 3.585.474 п., желѣза 1.542.254 п., стали 255.828 п.

Такимъ образомъ, уральскіе заводы, хотя и въ настоящее время, по наибольшей общей производительности желѣза, занимаютъ первое мѣсто, но если взять среднюю производительность одного завода, то они займутъ, по выплавкѣ чугуна, 3-е мѣсто, уступивъ свое первенство заводамъ южнымъ, и затѣмъ польскимъ, по выдѣлкѣ желѣза, 4-е и, наконецъ, по выдѣлкѣ стали, послѣднее.

Такова неумолимая логика цифръ. Она свидѣтельствуетъ, что горная промышленность Урала прогрессируетъ чрезвычайно слабо; въ ней сонъ царитъ глубокій, какъ и вообще во всей нашей промышленности.

И вотъ, благодаря этому глубокому сну, изъ года въ годъ увеличивается привозъ изъ-за границы желѣза, стали и издѣлій изъ этихъ металловъ. Въ 1894 году привозъ желѣза изъ-за границы равнялся 14.808 мил. пуд., стали—2.979, издѣлій 2.129 и машинъ 5.464 мил. пудовъ. Слѣдовательно, для удовлетворенія потребности своего внутренняго рынка, Россія нуждалась въ 1894 г. въ чугунѣ въ количествѣ 127.613 мил. пудовъ, что составляетъ 1,06 пуда потребленія на жителя.

А было время, когда Россія вмѣстѣ съ Швеціей удовлетворяли потребности въ желѣзѣ не только внутри своихъ странъ, но и значительной части населенія Европы и Азіи. Но это продолжалось не долго. Россія не могла удержать своего первенствующаго значенія на всемірномъ металлическомъ рынкѣ, утратила заграничные рынки и не удержалась даже на уровнѣ внутренней потребности страны, а сама должна была прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ.

А между тѣмъ, природа вовсе не обдѣлила насъ рудными богатствами; напротивъ, мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы развить нашу желѣзную промышленность не только до такихъ размѣровъ, чтобы выйти изъ зависимости отъ иностранцевъ, но даже до такихъ, чтобы удѣлять свои избытки другимъ.

Одинъ Уралъ, исключая всѣ другія горнозаводскія мѣстности, заключаетъ въ себѣ такія рудныя богатства, что одинъ онъ можетъ удовлетворить потребности всей Россіи въ желѣзѣ. Напримѣръ, только двѣ горы—Высокая и Благо-

дать и ихъ ближайшія окрестности, по самому умѣренному разсчету, заключаютъ такіе запасы чистыхъ и богатыхъ рудъ (66—67% чугуна) магнитнаго желѣзняка, котораго достанетъ на 1.000 лѣтъ.

И эти пункты вовсе не единственныя мѣсторожденія магнитныхъ желѣзняковъ. Извѣстны богатѣйшія мѣсторожденія ихъ въ горахъ Бѣлой, Синей, Малой Благодати, Кочканорѣ, Магнитной крѣпости и друг.

Весь восточный азіатскій склонъ Урала представляетъ изъ себя неисчисленную массу плотныхъ бурыхъ и глинистыхъ желѣзняковъ, залегающихъ въ силлурійскихъ пластахъ, каменноугольныхъ и пермскихъ формаціяхъ.

Такое громадное рудное богатство лежитъ, къ стыду нашему, почти нетронутымъ. Мы—нищіе, а попираемъ богатства ногами. Природа, точно нарочно, разбросала свои богатые дары передъ лѣнивыми рабами...

И эти рудныя богатства находятся рядомъ, бокъ-о-бокъ со всѣмъ необходимымъ для ихъ обработки: мы имѣемъ, не смотря на хищническую эксплуатацію, еще сравнительно громадные лѣса и богатѣйшія мѣсторожденія каменнаго угля, не уступающія англійскимъ.

Но фактъ остается фактомъ. Наша желѣзная промышленность развивается чрезвычайно тихо и туго. Въ періодъ времени болѣе 150 лѣтъ она увеличилась только въ $3^1/_2$ раза, въ теченіе послѣдняго 70-лѣтія еле удвоилась, между тѣмъ въ другихъ странахъ за этотъ промежутокъ времени она даже удесятерилась...

Впрочемъ, иначе и быть не могло. Наше настоящее положеніе есть лишь естественный результатъ того, что творилось раньше. Съ самаго начала возникновенія у насъ горнаго промысла, онъ попалъ на ложный путь. Онъ сдѣлался промысломъ привиллегированнымъ, монопольнымъ, а впослѣдствіи рабскій, крѣпостной непроизводительный трудъ препятствовалъ ему развиваться.

«Казенныя ссуды и пособія всякаго рода и вида: изъ заемнаго банка, сохранной казны, государственнаго банка, непосредственно изъ государственнаго казначейства, изъ суммъ Уральскаго горнаго правленія, запмообразная выдача чугуна съ казенныхъ заводовъ, недоимки въ горныхъ податахъ, затѣмъ разсрочки и льготы во взысканіи долговъ,—говоритъ академикъ Безобразовъ,—положительно развратили и усыпили нашу горную промышленность».

И до сихъ поръ на Уралѣ нѣтъ заводчиковъ, т.-е. людей, вкладывающихъ свой трудъ, свою личную энергію въ промышленное дѣло, а есть только заводовладѣльцы, нерѣдко знающіе о своихъ заводахъ ровно столько же, сколько я съ вами, читатель, о санскритскихъ письменахъ.

Все ихъ участіе въ заводскомъ хозяйствѣ исчерпывается требованіями «немедленно выслать столько-то тысячъ рублей»...

Крѣпостной трудъ эксплуатировался безпощадно и немилосердно, эксплуатировался при всемъ безобразіи технической постановки; объ улучшеніяхъ и о людяхъ не заботились. Заводовладѣльцы желали одного только: барышей и еще большихъ привиллегій. Все остальное было сущіе пустяки.

И горное дѣло замерло.

А вѣдь горные заводы на Уралѣ существуютъ не со вчерашняго дня, и стоитъ

только хотя бы слегка вспомнить весь дождь привиллегій и субсидій, падавшій на нихъ безпрерывно въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія, чтобы стать вступикъ передъ результатами, получившимися отъ этого усиленнаго и долгаго обереганія отечественной промышленности отъ «нѣмца».

Казалось бы, что въ продолженіе столѣтія-то можно бы было успѣть и расширить производство, и удешевить продукты настолько, чтобы не бояться конкурренціи со стороны иностранныхъ промышленниковъ. Между тѣмъ ничего подобнаго въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Какъ и въ первые дни своего существованія, наши желѣзодѣлательные заводы не могутъ существовать безъ покровительственныхъ пошлинъ. Въ то время, какъ Западъ продаетъ свои рельсы по 62 коп., сортовое желѣзо по 95 коп. и котельное по 1 руб. 35 коп. за пудъ, минимальная цѣна нашихъ рельсовъ составляетъ на мѣстѣ производства—1 руб. 56 коп., сортоваго желѣза—около 1 руб. 60 коп. и котельнаго—болѣе 3 рублей.

Понятно отсюда, что при такихъ условіяхъ самостоятельное существованіе для нашихъ заводовъ немыслимо. Спрашивается, что же за причина такой дороговизны производства? Можетъ быть, высокая стоимость главныхъ элементовъ его, т.-е. чугуна, горючаго матерьяла, рабочихъ рукъ? Нѣтъ. Цифры говорятъ совершенно обратное.

	Стоимость:		
	Пуда передѣльнаго чугуна въ копѣйкахъ.	Горючаго матерьяла.	Рабочихъ рукъ.
Западъ	30—45	4—8½	80—1.20
Уралъ	25—40	3—7	40—50.

Слѣдовательно, дѣло не въ этомъ, а въ чемъ-то другомъ. Скорѣе всего — въ малой производительности нашихъ заводовъ сравнительно съ иностранными. Въ то время, какъ, напр., одинъ только заводъ Sparows point, близь Балтиморы, вырабатываетъ въ годъ 36 милліоновъ рельсъ, всѣ заводы Россіи, вмѣстѣ взятые, не выпускаютъ и четвертой доли этого количества.

Какъ было уже выше сказано, уральскіе заводы, по средней выработкѣ желѣза, приходящейся на одинъ заводъ, занимаютъ далеко не первое мѣсто. Понятно поэтому, что при такой сравнительно малой производительности, постоянные расходы (какъ, напр., по администраціи), которые увеличиваются далеко не пропорціонально увеличенію производства, а гораздо медленнѣе, должны ложиться тяжелымъ бременемъ на заводъ и повышать стоимость выработаннаго продукта.

Но отчего же не расширяется производство? Можетъ быть, малъ спросъ? Можетъ быть, недостаетъ рынковъ?—И опять-таки нѣтъ.

Насколько широко у насъ поле для этого рода дѣятельности (желѣзодѣлательной), указываетъ тотъ фактъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ потребленіе желѣза на жителя опредѣлилось по 7 пудовъ производства, даже въ 10 пуд., между тѣмъ въ Россіи оно составляетъ 16 фунтовъ, т.-е. едва $^1/_{25}$. Если при этомъ примемъ во вниманіе разность въ количествѣ населенія, то увидимъ, что Россія станетъ на одинъ уровень съ Соед. Штатами лишь тогда, когда будетъ производить желѣза въ 35 разъ болѣе, чѣмъ производитъ въ настоящее время.

Не смотря на всѣ эти «наглядныя несообразности», причину ненормальнаго положенія вещей найти, по нашему мнѣнію, далеко не трудно. Не нужно только забираться въ подробности, въ которыхъ легко растеряться.

Всякое нововведеніе дѣлается лишь подъ давленіемъ нужды въ немъ. Но какъ же могутъ ощущать нужду наши горнозаводчики, когда доходъ имъ гарантированъ покровительственной пошлиной? Они вѣдь успѣли уже забыть, что на свѣтѣ существуетъ конкурренція. А если высокія цѣны тяжело ложатся на потребителя, тормазятъ народное хозяйство, такъ для горнозаводчика это безразлично, когда «дивидендъ» лежитъ уже въ карманѣ.

Съ какой вдругъ стати онъ будетъ гнаться за нововведеніями, за различнаго рода техническими усовершенствованіями, съ которыми необходимо сопряжены на первое время значительные расходы, въ которыхъ, наконецъ, есть доля риска?! Другое дѣло, еслибы онъ не былъ увѣренъ въ безконечности «временной» поддержки; еслибы, положимъ, было объявлено, что покровительственная пошлина вводится лишь на опредѣленное время, напр., 5—6 лѣтъ, тогда бы горнозаводчикъ несомнѣнно поторопился изысканіемъ мѣръ къ удешевленію производства и съумѣлъ бы сдѣлать это, конечно, лучше людей, не заинтересованныхъ въ доходахъ непосредственно.

Но развѣ наши горнозаводчики шевельнутъ хоть однимъ пальцемъ? Конечно, нѣтъ. Только путемъ строгаго опредѣленія времени «поддержки» можно заставить ихъ сдѣлать хоть что-нибудь, потому что только личный интересъ, только непосредственная нужда имѣетъ значеніе въ дѣлахъ человѣческихъ массъ.

Полтораста лѣтъ наши горнопромышленники мирно лежали на боку, безчеловѣчно эксплуатировали человѣческій трудъ, пользовались самыми обширными, положительно неслыханными привиллегіями, пренебрегали наукой, техникой, сорили деньги самымъ безсмысленнымъ образомъ, и вотъ результатъ: въ то время, какъ въ Западной Европѣ давнымъ-давно уже введены въ желѣзную промышленность минеральное отопленіе и каменный уголь, примѣняется нагрѣтое дутье въ доменномъ производствѣ, увеличившее желѣзную производительность въ Англіи за 10 лѣтъ болѣе, чѣмъ вдвое, во Франціи почти вдвое (съ 14 на 25 милл.), у насъ же все обстоитъ по старому. Мы продолжаемъ хищнически истреблять свои лѣса и очень недалеко ушли отъ того способа производства, который примѣнялся въ до-петровскія еще времена.

Я не знаю другого производства, гдѣ бы рутина укоренилась такъ прочно, какъ въ желѣзодѣлательномъ.

Да чего лучше? Спеціалисты горнаго дѣла у насъ положительно въ загонѣ, имъ предпочитаютъ на нашихъ заводахъ полуграмотныхъ «практиковъ», выбираемыхъ обыкновенно изъ своихъ же заводскихъ служащихъ. Въ огромномъ большинствѣ уральскихъ заводовъ управляющими и управителями состоятъ люди, не получившіе ни малѣйшаго спеціальнаго образованія, что, однако, не мѣшаетъ имъ получать отъ 250—1.000 руб. въ мѣсяцъ!

По своему качеству (мягкость) и прочности, уральское желѣзо, по отзывамъ спеціалистовъ, въ общемъ, выше заграничнаго, но это происходитъ не отъ усовершенствованія техники производства, а отъ естественныхъ природныхъ бо-

гатствъ Урала, какъ, напр., свойства рудъ, древеснаго топлива и т. п. Но нашему уральскому желѣзу мѣшаетъ конкуррировать съ иностраннымъ его дороговизна. Торговля металламп въ данный моментъ переживаетъ періодъ борьбы желѣза и стали. Желѣзо видимо отживаетъ свой вѣкъ, уступая повсюду мѣсто стали, какъ металлу, съ успѣхомъ замѣняющему его, а главное—имѣющему за собою преимущество дешевизны выдѣлки. Производство мартеновскаго металла на югѣ и юго-западѣ Россіи весьма развито, на Уралѣ же все продолжаетъ преобладать пудлинговое и отчасти все еще кричное производства, дающія дорогое желѣзо, спросъ на которое, вслѣдствіе наплыва дешеваго продукта, едвали будетъ достаточенъ для покрытія предложенія.

Точно также въ дѣлѣ приготовленія сортиментовъ уральское желѣзо во многомъ уступаетъ и заграничному, и русскому южному и юго-западному продуктамъ. При продажѣ сортового желѣза, помимо неудовлетворительности сортимента, заключающейся въ недостаточности размѣровъ, часто приходится слышать жалобы потребителей на неточность пріобрѣтенныхъ размѣровъ и неправильность ихъ прокатки. Къ достоинству уральскаго кричнаго и пудлинговаго желѣза, впрочемъ, надо, по справедливости, отнести его большую способность къ ковкѣ, преимущественно къ ковкѣ ручной, и затѣмъ — его большую выносливость при нагрѣвѣ. Но при машинной ковкѣ указанныя достоинства кричнаго и пудлинговаго желѣза стушевываются и особенной важности не представляютъ. Неточность же размѣровъ и неправильность прокатки выступаютъ съ большею силой, и что терпимо при ручномъ употребленіи желѣза, то совершенно непригодно при машинномъ. Для примѣра можно указать на то, что, по отзывамъ спеціалистовъ, все круглое желѣзо Урала (котораго въ 1894 г. приготовлено было 500.000 пудовъ) не годится для машинной штамповальной работы. Переходя затѣмъ къ сортименту листоваго кровельнаго желѣза, нельзя не отмѣтить недостатка уральскаго желѣза и въ этомъ отношеніи. На заграничныхъ заводахъ всегда можно изъ первыхъ рукъ купить какой угодно развѣсъ листового кровельнаго желѣза, но отъ уральскихъ заводчиковъ, въ большинствѣ случаевъ, этого получить нельзя, такъ какъ торгуютъ они извѣстнымъ пропорціональнымъ сортиментомъ, что и заставляетъ (хочешь, не хочешь) при одномъ развѣсѣ брать извѣстный процентъ другихъ. Подъ вліяніемъ сказаннаго, невольно получается выводъ, что и при существующей даже высокой таможенной охранѣ дальнѣйшее вѣроятное пониженіе цѣнъ на южное желѣзо и дешевизна заграничнаго металла, при существующихъ условіяхъ его выработки, могутъ привести къ тому что Уралу придется или ограничиться производствомъ для мѣстныхъ ближайшихъ районовъ, или же изыскать средства для перехода на такіе способы выработки, которые бы удешевили стоимость металла на Уралѣ до стоимости его за границей и у насъ на югѣ.

Насколько, напр., дешево желѣзо за границей, указываетъ слѣдующій фактъ. Въ Одессѣ 100 кило бельгійскаго кровельнаго листового желѣза стоятъ безъ оплаты пошлиной $19^1/_2$ франковъ. Считая 100 кило=6 пуд. 4 ф. и $19^1/_2 \times 37$ коп.= 7 р. 20 коп., получимъ за 1 пудъ 1 рубль 20 коп. кредитными. Пошлина на листовое кровельное (10 ф. въ листѣ) обходится на пудъ около 1 рубля; этотъ-

то рубль и ограждаетъ русское желѣзо отъ чрезмѣрной заграничной конкурренціи, исключая возможность для заграничнаго желѣза выдерживать большія перевозки внутрь страны. Въ такихъ же пунктахъ, какъ Одесса, Николаевъ, Либава и С.-Петербургъ, заграничный продуктъ занялъ прочное положеніе, такъ что доступъ туда для уральскаго листового и кровельнаго желѣза въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ почти совершенно невозможенъ.

Это весьма серьезный вопросъ для будущности нашей коренной желѣзодѣлательной уральской промышленности, и ей своевременно надо остановиться передъ нимъ.

Пора же, наконецъ, серьезно вдуматься въ дѣло и перестать мечтать единственно только о гарантіяхъ и субсидіяхъ. Вѣдь на дѣлѣ оказывается, что результаты всѣхъ оказанныхъ казной пособій самые плачевные. Изъ списка ссудъ, выданныхъ казною заводамъ, видно, что почти всѣ заводы, воспользовавшіеся этими ссудами, суть самые, до сихъ поръ, разстроенные на Уралѣ. Всѣ выданные въ ссуду капиталы, за весьма рѣдкими исключеніями, употреблены заводовладѣльцами непроизводительно, нисколько не увеличили цѣнности заводовъ и послужили лишь поощреніемъ къ продолженію безхозяйственности въ заводоуправленіи.

А вѣдь эти огромные, непроизводительно затраченные капиталы могли бы послужить на операціи и предпріятія, необходимыя для благосостоянія всего края и для пользы всего горнаго хозяйства, а не нѣсколькихъ личныхъ интересовъ...

Самыя же пагубныя послѣдствія этой системы «гарантій и привиллегій» заключаются въ томъ направленіи, кореннымъ образомъ фальшивомъ, которое дано всей нашей горнозаводской промышленности. Постоянная, систематическая поддержка несостоятельныхъ заводовъ, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, развратила этотъ промыселъ. Чѣмъ разстроеннѣе дѣла на заводахъ, тѣмъ большія оказывались и оказываются имъ пособія и тѣмъ бо́льшія права считаютъ за собою заводовладѣльцы на казенныя деньги; къ сожалѣнію, самая несомнѣнная неблагонадежность заводоуправленій не бываетъ препятствіемъ къ полученію новыхъ льготъ и субсидій. Примѣры этому налицо и извѣстны всему Уралу. Такимъ образомъ несостоятельность сдѣлалась весьма выгоднымъ дѣломъ, а усилія къ сохраненію своей самостоятельности и къ борьбѣ съ трудными обстоятельствами времени—самымъ невыгоднымъ предпріятіемъ, не могущимъ разсчитывать ни на какое покровительство.

И казна на одни только уральскіе заводы затратила десятки милліоновъ рублей, выданныхъ въ формѣ субсидій...

Спрашивается, что же получило государство, общество за всѣ эти потраченные на «поощреніе» горной промышленности милліоны? Увы, ровно ничего.

Заводовладѣльцы ни мало не перестаютъ плакаться на свое горькое положеніе и лелѣютъ надежды получать еще и еще субсидіи и субсидіи, гарантіи и гарантіи... И когда только будетъ конецъ этимъ ненасытнымъ вожделѣніямъ—неизвѣстно. А ужъ давно бы, кажется, пора. Изъ вышеизложеннаго очерка мы видѣли, къ чему привела систематическая казенная «поддержка» нашей горной

промышленности, видѣли далѣе, что кромѣ «кризисовъ» и «упадка» она ни къ чему не ведетъ и не можетъ привести.

Всего вѣрнѣе, что для устраненія кризисовъ и упадковъ къ намъ придутъ иностранцы, которые все болѣе и болѣе начинаютъ интересоваться Ураломъ. За капиталами, энергіей, знаніями и предпріимчивостью у нихъ, конечно, дѣло не станетъ. Это только мы, лежа на боку и набивая карманы, вздыхаемъ и хлопочемъ о субсидіяхъ и покровительствѣ.

Проснитесь же, сонные! А то послѣ сами же будете «жаловаться», что все забралъ въ руки «нѣмецъ», но будетъ уже поздно. Нѣмецъ тутъ рѣшительно непричемъ.

В. В—ій.

Изъ Козловскаго уѣзда (Земскія картинки. Власть писаря).

Нынѣшнее козловское земское собраніе изобиловало замѣчательными эпизодами. Начну съ доклада управы о положеніи земской больницы въ г. Козловѣ. Докладъ этотъ былъ представленъ вслѣдствіе порученія прошлогодняго собранія изыскать мѣры или къ улучшенію и перестройкѣ больницы, или къ перенесенію ея за городъ, въ новое зданіе, вполнѣ помѣстительное и приспособленное для этой цѣли. Порученіе собранія истекало изъ того, уже не разъ высказывавшагося взгляда, что земская больница въ городѣ прямо невозможна, что это не больница, а «палата № 6» г. Чехова. Кажется, ясно и опредѣленно. Между тѣмъ, управа взглянула на порученіе собранія иначе. Остановившись на вопросѣ перенесенія больницы за черту города, она рѣшительно заявила, что «вопросъ этотъ есть болѣе вопросъ моды, чѣмъ дѣйствительной необходимости». По мнѣнію управы, Западная Европа давно уже отказалась отъ мысли изолированія больницъ внѣ городскихъ стѣнъ, потому что при чудовищномъ ростѣ западно-европейскихъ городовъ нѣкогда построенныя за городомъ больницы снова слились съ жилыми городскими зданіями: городъ, такъ сказать, нагналъ и снова охватилъ ихъ. Это съ одной стороны. Съ другой, говоритъ докладъ, козловской больницѣ, если перенести ее за городъ, въ недалекомъ будущемъ предстоитъ та же самая печальная участь, ибо г. Козловъ, по причинѣ окружающихъ его рѣкъ и болотъ, намѣтилъ строиться и разростаться какъ разъ по направленію того мѣста, которое проектировано подъ больничный домъ. Если вѣрить докладу, положеніе трагическое: больница бѣжитъ изъ города, городъ за ней, и, разумѣется, догоняетъ... хотя бы больницу отнесли за 2 в. Наконецъ, докладываетъ управа, чортъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ: «палата № 6», сирѣчь земская городская больница, не такъ тѣсна, не такъ грязна и не такъ антисанитарна, какъ это представлено на прошлогоднемъ собраніи. Въ больницѣ 80 к. с. и 80 ч. больныхъ. Слѣдовательно, на каждаго больнаго приходится по 1 к. с. воздуха, т.-е. то количество, которое нужно на «здороваго» человѣка, по гигіенѣ Эрисмана, замѣчаетъ докладъ. Что же касается до загрязненности больницы, отсутствія въ ней вентиляціи, порчи воздуха, зараженности почвы изверженіями, которыя не успѣ-

ваютъ вывозить, «хотя возчики ободрали уже двухъ лошадей», то, разсуждаетъ докладъ, загрязнить вездѣ и все можно, а злокачественныя бактеріи и бациллы носятся всюду въ огромныхъ массахъ, и мы ежеминутно поглощаемъ ихъ милліардами безъ ущерба для нашего здоровья. Вообще, докладъ былъ съ ученымъ оттѣнкомъ, убѣждалъ, въ концѣ концовъ, поремонтировавши слегка больницу, оставить ее тамъ, гдѣ она есть.

Собраніе не удовлетворилось докладомъ и выбрало коммиссію для новаго, самаго детальнаго осмотра больницы, которая, кстати сказать, бокъ-о-бокъ съ земской управой. Коммиссія отнеслась къ возложенной на нее задачѣ серьезно и основательно. «Когда,—сообщалъ одинъ членъ коммиссіи,—вошли мы въ больницу, то на насъ пахнула атмосфера какой-то кислоты, прѣли, амміачныхъ газовъ... Вентиляціи въ зданіи ни малѣйшей. Стѣны у кроватей заплеваны и замазаны раздавленными клопами. Койки въ палатахъ разставлены тѣсно, такъ что промежутки между ними меньше аршина. Палаты не изолированы, и больные, напр., сифилисомъ, могутъ сноситься съ хирургическими, тифозными и т. п. Изъ водопроводнаго крана въ корридорѣ пьютъ *всѣ*, безъ исключенія. Вода въ кранѣ съ запахомъ гнилости... Въ клозетахъ душно отъ непріятнаго запаха. Доискиваясь причины гнилости воды, мы влѣзли въ темную каморку верхняго бака и при свѣтѣ фонаря увидали, что бакъ зацвѣлъ и заросъ отъ грязи и плѣсени. Вытащить же, просушить и вычистить его нельзя, потому что бакъ наглухо и на мѣстѣ вдѣланъ въ своей комнаткѣ. Вода въ верхній бакъ подается изъ нижняго, надъ которымъ виситъ отводная клозетная труба и изъ нея каплетъ... Это не больница, а тюрьма добраго стараго времени, и полный ремонтъ ея требуетъ, по крайней мѣрѣ, 5 т.». Сообщеніе коммиссіи навело на собраніе уныніе. Желая разогнать его, предсѣдатель потребовалъ сочиненія гигіенистовъ Эрисмана и Флюге. Занялись «ученой бесѣдой». Оказалось, что на больного въ больницѣ нужно имѣть воздуха не 1 к. с., а цѣлыхъ *шесть*, притомъ съ хорошей вентиляціей; что западно-европейскіе города намъ не указъ, потому что въ нихъ нѣтъ ни архаическихъ пластовъ навоза по улицамъ, ни тучъ пыли, которая составляетъ преобладающее зло Козлова. Въ результатѣ, не внимая ученымъ доводамъ управы, собраніе постановило: перенести больницу за городъ, для чего ежегодно отчислять по 9 т. р., а пока ремонтировать и очищать эти... авгіевы стойла.

Другой врачебный эпизодъ, разсмотрѣнный собраніемъ, относится къ области такъ называемыхъ «инцидентовъ». Московскій адвокатъ Плевако прислалъ въ собраніе письмо, въ которомъ пишетъ, что лѣтомъ въ его имѣніи Козловскаго у. заболѣлъ сибирской язвой работникъ. Больного отправили въ сельскую больницу. Врачъ былъ дома, но онъ немедленно куда-то уѣхалъ, такъ что охавшаго работника принялъ и лѣчилъ фельдшеръ. Черезъ три дня мужикъ умеръ. Авторъ письма не дѣлалъ изъ этого никакихъ выводовъ, но они были понятны, разумѣется, каждому. Виновникъ инцидента случился въ собраніи и его попросили дать объясненіе. Врачъ далъ объясненіе, но такое, что онъ «ухаживалъ» за больнымъ три дня, а неблагодарный батракъ все-таки отправился ad patres... Никто не удовлетворился разсказомъ врача, поэтому поручили управѣ разслѣдовать изложенный казусъ отдѣльно и затѣмъ доложить когда-нибудь собранію. Надо ду-

мать, конечно, что управа все-таки прольетъ свѣтъ на инцидентъ съ работникомъ г. Плевако.

Что такое земскій врачъ? Вотъ вопросъ, который, то и дѣло, періодически поднимается въ нашей печати. Одни рѣшаютъ его такъ, что врачъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ «услужающій» земства, въ родѣ писаря, сторожа, дворника. Что, молъ, имъ прикажутъ разные портупей и штыкъ-юнкера, случайно попавшіе за столъ, на которомъ дымится горячій земскій пирогъ, то они и обязаны исполнять. Другіе говорятъ, что врачъ не только спеціалистъ, но и человѣкъ образованный, и предъявлять къ нему такія требованія, какія предъявляются къ сторожу или дворнику, значитъ, не умѣть и не желать пользоваться образованіемъ, какъ силою, въ той мѣрѣ, въ какой она необходима для земскаго дѣла. Первое рѣшеніе вопроса является отголоскомъ старыхъ крѣпостныхъ традицій, оно—слѣды нашего вчерашняго рабства. Къ сожалѣнію, козловское земство не совсѣмъ еще избавилось отъ нихъ. Напримѣръ, въ нынѣшнюю сессію, по отношенію къ врачамъ, часть которыхъ присутствовала въ публикѣ, громко и властно былъ преподанъ такой совѣтъ управѣ:

— Прогоните ихъ всѣхъ, если они не исполняютъ вашихъ инструкцій! Будь я на вашемъ мѣстѣ, эти врачи живыми бы отсюда не вышли...

Правда, на эту энергичную фразу одинъ гласный заявилъ, что «его взяла сторона, и онъ боится, какъ бы по ошибкѣ и его не приняли за врача», но очевидно, что не слишкомъ-то весело служить тамъ, гдѣ врача «прогоняютъ», чуть не заушаютъ. Впрочемъ, то же собраніе утвердило программу медицинско-санитарнаго совѣта при управѣ, по которой врачи созываются ежемѣсячно подъ предсѣдательствомъ главы управы. Въ составъ совѣта входятъ три или четыре гласныхъ, и опредѣленія его обязательны для управы, а о всякомъ неисполненномъ управою постановленіи совѣта она должна доложить собранію съ подробнымъ изложеніемъ причинъ неисполненія. Въ добрый часъ! Будемъ вѣрить, что, благодаря совѣту, земская медицина сдѣлается болѣе живою, активною и самостоятельною во многихъ вопросахъ, особенно санитарно-гигіеническихъ. Будемъ надѣяться, что совѣтъ избавитъ земскую кассу и отъ такихъ непроизводительныхъ расходовъ, какъ непомѣрная закупка медикаментовъ, которые потомъ сваливаются въ подвалы земскихъ зданій въ видѣ негоднаго хлама... Фактъ о сданныхъ въ архивъ медикаментахъ засвидѣтельствованъ былъ въ собраніи членомъ медицинской коммиссіи.

Отъ медицины, на которую земство наше тратитъ свыше 30% бюджета, перейдемъ теперь къ школьнымъ дѣламъ. Въ общемъ дѣла народной школы у насъ не плохи: 132 училища, считая и городскія, 160 учителей и чуть не 15 тыс. учащихся. Расходъ на школу возросъ уже до 70 тыс. Въ послѣдній учебный сезонъ число учащихся прибавилось на 700, хотя число школъ увеличилось только на *двѣ*. Населеніе любитъ школу и охотно шлетъ въ нее своихъ дѣтей, не смотря даже на препоны. Къ иллюстраціи этихъ препонъ разскажу о слезной жалобѣ одного мѣщанина, заслушанной въ собраніи. Проживая въ деревнѣ, онъ вздумалъ обучать дѣтишекъ въ сельской школѣ. Учительница безпрекословно приняла мѣщанскихъ ребятъ и занималась съ ними цѣлый се-

мастеръ. Вдругъ ударъ: общество постановляетъ приговоръ брать съ «пришлыхъ» плату по 3 р. въ годъ. На основаніи этого приговора является въ школу староста и объявляетъ, чтобы такихъ-то не учили. Мѣщанинъ не унялся, выждалъ нѣсколько дней и снова отправилъ сыновей въ храмъ незамысловатой деревенской науки. Урокъ начался. Но вотъ отворяется дверь, вваливается староста въ регаліяхъ и гонитъ «пришлыхъ» почти въ шею...

— Былъ-ли утвержденъ подобный приговоръ?—спросили у земскаго начальника Снѣжкова, въ участкѣ котораго случилось происшествіе съ недозволеніемъ просвѣщенія.

— Не знаю, не помню... рѣшительно не помню,—отвѣтилъ г. Снѣжковъ.

Досадно, конечно, что не удалось выяснить оффиціальную участь приговора, своеобразнаго на столько, что забыть его, казалось бы, нельзя. Что касается собранія, то оно занялось этимъ вопросомъ обстоятельно и пришло къ гуманному рѣшенію, что всѣ принадлежащіе въ уѣзду суть земскіе плательщики. Стало быть, въ земскую школу, даже при участіи въ содержаніи ея мѣстнаго общества, могутъ ходить дѣти всѣхъ крестьянскихъ и не крестьянскихъ сословій. «Иностранцы», т.-е. уроженцы другихъ уѣздовъ,—дѣло иное.

Къ области препонъ въ развитіи сѣти земскихъ школъ нужно отнести и такіе факты, сообщенные гласными собранія. Строитъ землевладѣлецъ Часовниковъ прекрасное каменное зданіе, которое и преподноситъ въ даръ земству для открытія школы. Между тѣмъ на этотъ даръ явился претендентъ въ лицѣ мѣстнаго священника, заявившаго по начальству, что Ч. употребилъ на школу лѣсъ, отпущенный безплатно изъ казенной дачи спеціально для постройки церковно-

дской школы, «поэтому-де зданіе и должно пойти подъ церковную школу»... Какъ быть? Навели справку у лѣсничаго дачи. Тотъ отвѣтилъ, что обществу лѣсъ дѣйствительно отпускался, а Ч. никогда о немъ не просилъ. Далѣе выяснилось, что съ дозволенія батюшки, занмообразно, Ч. на самомъ дѣлѣ воспользовался нѣсколькими осиновыми жердями для подставокъ къ лѣсамъ—и только! Отсюда «инцидентъ» съ даромъ.

Въ pendant къ инциденту съ Ч. одинъ гласный разсказалъ о цѣломъ рядѣ маленькихъ препонъ также на почвѣ борьбы церковно-приходской школы съ земскою. Существуетъ, какъ извѣстно, правило, что если въ деревнѣ есть церковная школа, то земское училище можетъ быть устроено при томъ лишь условіи, когда на это изъявитъ согласіе епархіальное начальство. Представьте теперь себѣ, что общество какого-нибудь села Христофорова дѣлаетъ приговоръ о желаніи имѣть у себя земское училище. Приговоръ отсылается на утвержденіе, а недѣлю-двѣ спустя въ этомъ селѣ оффиціально учреждается церковная школа. Такъ было и еще въ нѣсколькихъ селахъ, да бываетъ, вѣроятно, и сейчасъ...

Между тѣмъ, по словамъ прочитаннаго въ собраніи инспекторскаго отчета, многіе преподаватели Закона Божія въ земскихъ школахъ упорно держатся того пріема, который называется долбней, задаваніемъ уроковъ по книжкѣ «отселева до селева». А такъ какъ пріемъ этотъ возможенъ только съ грамотными, то ученики низшихъ отдѣленій, какъ еще неспособные къ воспріятію такого просвѣщенія, оставляются систематически втунѣ... Инспекція горько жалуется на

подобное крупное методическое недоразумѣніе, хотя совершенно безсильна противъ него.

Довольно земскихъ картинокъ. Уѣздная жизнь даетъ много и другихъ картинокъ, иногда трагическихъ, иногда комическихъ. Чтобы не утруждать читателя своимъ затянувшимся письмомъ, набросаю картину смѣшаннаго, трагикомическаго характера. Дѣло происходило въ II—й волости, въ концѣ сентября. Нѣкто запасный унтеръ-офицеръ Я—въ явился къ волостному писарю за полученіемъ денегъ по должности баса въ мѣстномъ хорѣ. Писарь, приводя какія-то пустыя причины, въ деньгахъ Я—ву отказалъ. Унтеръ настаивалъ, произошли пререканія, и оба разстались ни съ чѣмъ. Проходитъ полчаса или часъ. Вдругъ заявляется къ пѣвчему правленскій сторожъ и требуетъ его къ писарю, въ волостное правленіе. «Зачѣмъ?»—А кто его знаетъ... похоже, деньги хочетъ отдать,—отвѣчаетъ сторожъ. Я—въ безтрепетно идетъ въ волость, но не успѣлъ еще затворить за собой дверей, какъ писарь мигнулъ сторожамъ, и тѣ моментально сволокли его въ арестантскую. Храбрый воинъ, помня пословицу, что утро вечера мудренѣе, растянулся на полу: дѣло же было именно вечеромъ. Выкурилъ унтеръ папироску, выкурилъ двѣ и началъ засыпать. Но утра онъ не дождался—послышались шаги, отмыканіе засововъ, сверкнулъ свѣтъ. «Выходи!»—говорятъ сторожа.—Зачѣмъ?—«Выходи да и только... писарь велѣлъ».—Онъ меня засадилъ, онъ пусть и придетъ выпущать,—отвѣчаетъ лежащій на полу басъ. Доложили писарю, который уже пилъ дома чай. Нечего дѣлать, пришелъ писарь, чтобы извлечь изъ арестантской самовольно, безъ суда и слѣдствія засаженнаго унтера. Я назвалъ этотъ эпизодъ трагикомическимъ, потому что кому ни разскажешь о немъ—и негодуютъ, и смѣются. Да и русскій человѣкъ болѣе добродушенъ, чѣмъ золъ. Однако, мнѣ думается, что за «случаемъ», происшедшимъ въ II—й волости, кроется что-то иное, болѣе глубокое и, вѣроятно, печальное. Нужно слишкомъ много примѣровъ безправія, нужно даже спеціальное внушеніе «не стѣсняться» съ мужикомъ, чтобы рѣшиться на лишеніе свободы такъ себѣ, за здорово живешь, рѣшиться, опираясь на какую-то призрачную власть писаря.

Въ заключеніе небольшое слово о бывшемъ тамбовскомъ губернаторѣ, баронѣ Рокасовскомъ. Всѣмъ еще памятенъ газетный разговоръ по поводу слуха, что баронъ отказалъ въ своемъ согласіи на изданіе въ Тамбовѣ ежедневнаго листка, мотивируя отказъ якобы тѣмъ, что «губернскія вѣдомости вполнѣ удовлетворяютъ потребности населенія въ періодической печати». Былъ-ли въ дѣйствительности таковъ губернаторскій отзывъ или нѣтъ—я не знаю. Но безусловно вѣрно и справедливо то, что при баронѣ Рокасовскомъ «Тамб. Губ. Вѣд.» пользовались все-таки нѣкоторою относительною свободой въ изложеніи фактовъ мѣстной текущей жизни и въ оцѣнкѣ общественныхъ явленій. Была, и возможна была «критика», субъективное отношеніе авторовъ корреспонденцій и замѣтокъ къ случаямъ, въ родѣ того, какой описанъ объ и—мъ писарѣ. Но баронъ Рокасовскій ушелъ, а съ нимъ со страницъ губернскихъ вѣдомостей исчезло все, что хоть сколько-нибудь оживляло ихъ, вносило свѣжую струю въ нашу глухую провинціальную жизнь. Такой крутой поворотъ

въ направленіи и содержаніи единственнаго нашего органа очень замѣтенъ, и я, какъ обозрѣватель тамбовскаго провинціальнаго захолустья, не могу не упомянуть о немъ.

И. И—въ.

Изъ Суздальскаго уѣзда (Къ вопросу о положеніи народнаго учителя).

Вопросъ о народномъ образованіи, этотъ фокусъ, въ которомъ сходятся благія стремленія столькихъ мыслящихъ людей, затронутъ былъ и у насъ на очередномъ земскомъ собраніи, открывшемся въ Суздалѣ 26 сентября.

Словъ нѣтъ, забота о народномъ просвѣщеніи выразилась у насъ не такъ, какъ это слѣдовало ожидать по аналогіи съ другими уѣздными земскими собраніями. У насъ не поднимался вопросъ о всеобщемъ народномъ обученіи, но отрадно и то, что къ существующимъ народнымъ школамъ, а ихъ у насъ въ уѣздѣ—къ слову сказать—52, прибавится еще новыхъ пять. И еще отраднѣе, что въ данномъ случаѣ постройка новыхъ школъ большею частью явилась дѣломъ самихъ крестьянъ, а земство лишь пришло на помощь съ своими матерьяльными средствами. Въ Нельшинской, напр., волости до сихъ поръ не было ни одной школы. Крестьяне рѣшили сообща завести училище. Они вошли въ соглашеніе съ однимъ помѣщикомъ, г. Чилищевымъ, сняли у него подъ школу домъ на пять лѣтъ съ условіемъ платить ему каждогодно по 100 рублей, къ земству же обратились съ просьбой взять на себя расходы по содержанію учителя... Земское собраніе уважило просьбу крестьянъ, и теперь Нельшинская волость будетъ имѣть свою школу въ сельцѣ Кутишевѣ. Подобные факты, а ихъ много, ясно показываютъ, что крестьяне сознали пользу ученія. Они уже давно охотно посылали своихъ дѣтей въ школу и сильно обижались, когда приходилось, за недостаткомъ мѣста, отказывать ихъ дѣтямъ, теперь же они сами по собственной иниціативѣ строятъ школы или же снимаютъ подъ нихъ дома.

Научаются также крестьяне уважать и любить того скромнаго труженика, который работаетъ на нивѣ народной, засѣвая въ юныя сердца сѣмена добра, правды и любви къ ближнему. Какой отрадой вѣетъ, напримѣръ, отъ факта, разсказаннаго на земскомъ собраніи однимъ изъ гласныхъ и характеризующаго, что можетъ сдѣлать въ деревнѣ человѣкъ, искренно преданный дѣлу и энергично работающій на благо народное.

Въ одномъ селѣ была поднесена учительницѣ Шумиловой икона отъ крестьянъ, которые захотѣли отблагодарить скромную труженицу за ея труды, за ея заботу о молодыхъ поколѣніяхъ деревни и за ея искреннее и любовное отношеніе къ дѣлу. Шумилова, искренно преданная школѣ, помогала и взрослымъ разными совѣтами и, благодаря своимъ трудамъ, своей внимательности и сочувствію къ горю окружающихъ ее людей, пріобрѣла всеобщее уваженіе. Своихъ питомцевъ она поощряла къ дальнѣйшему ученію, дѣйствовала въ этомъ направленіи и на родителей, и лишь по ея настоянію и совѣту нѣкоторые изъ

мальчиковъ, кончившихъ у ней курсъ, учатся теперь кто въ вышневолоцкомъ, а кто въ техническомъ училищѣ въ Ковровѣ.

О личности сельскаго учителя и его положеніи много говорилось на земскомъ собраніи. Предсѣдателемъ собранія, г. Куроѣдовымъ, было внесено на обсужденіе предложеніе о періодической прибавкѣ жалованья сельскимъ учителямъ и учительницамъ. Предложеніе прошло большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ шести. Нѣтъ надобности, кажется, лишній разъ говорить о той незавидной долѣ, которая выпала сельскому учителю. Судите сами, можно-ли болѣе или менѣе сносно прожить даже одинокому человѣку на какіе-нибудь 20 рублей въ мѣсяцъ? Примите во вниманіе, что учитель, въ силу своей профессіи, долженъ заботиться не только о своемъ тѣлѣ. Разъ человѣкъ облеченъ такимъ высокимъ званіемъ, какъ званіе учителя, разъ его прямая обязанность насаждать въ молодыхъ поколѣніяхъ сѣмена знанія и любви къ ближнему, то ему необходимо постоянно пополнять свое образованіе, развивать свой интеллектъ. А скажите, гдѣ возьметъ денегъ на книги учитель при двадцатирублевомъ жалованьѣ?.. А на сколько труднѣе и безотраднѣе становится положеніе учителя, когда онъ становится семьяниномъ! Что ни говорите, а скверно! Матерьяльная нужда рѣзко даетъ нать о себѣ, парализуя энергію и желаніе трудиться на пользу народа. И неудивительно поэтому, что замѣчаются печальные факты ухода учителей съ того поприща, на которомъ они трудились. И что печальнѣе, такъ это то, что бросаютъ мѣсто люди, нужные деревнѣ, люди энергичные. И нельзя винить ихъ! Постоянная нужда, заставляющая жить чуть-ли не впроголодь; невозможность удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей; тяжелый, подтачивающій здоровье трудъ, и въ перспективѣ голодная старость, вслѣдствіе отсутствія пенсіи, — все это тѣ факторы, которые заставляютъ часто учителя мѣнять свою профессію на болѣе хлѣбную.

Чѣмъ-то безконечно-унылымъ и грустнымъ вѣетъ на меня, при воспоминаніи объ учителѣ приходскаго училища въ г. Суздалѣ, Степановѣ. Четырнадцать лѣтъ работалъ этотъ человѣкъ, работалъ, не покладая рукъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья и живя, къ тому же, въ негигіеническихъ условіяхъ, особенно въ послѣднее время. Представьте себѣ двѣ небольшія комнатки, въ которыхъ обиталъ Степановъ и которыя отапливались небольшою желѣзною печкою. Зимой въ этихъ комнатахъ былъ постоянный холодъ. И въ этомъ холодѣ жилъ человѣкъ, котораго уже подтачивала злая болѣзнь, сведшая его преждевременно въ могилу. И умеръ учитель, умеръ отъ излишняго напряженія и отъ борьбы съ нуждою, умеръ чуть-ли не за самымъ урокомъ,—и послѣ него остался капиталъ—*три копѣйки*. Похоронить было бы не на что, если бы земство не выдало пособія въ 75 рублей. Нельзя не привѣтствовать поэтому попытки улучшить положеніе учителей. Относительно періодической прибавки земской управой было выработано три проекта. По первому—учитель, прослужившій десять лѣтъ, получаетъ прибавку въ пять рублей въ мѣсяцъ, и эта прибавка увеличивается на ту-же сумму черезъ каждыя пять лѣтъ. Но этотъ проектъ не прошелъ, такъ какъ требовалъ слишкомъ большихъ затратъ. Поэтому на обсужденіе былъ представленъ другой, по которому учитель, прослужившій 15 лѣтъ, начинаетъ получать не 20, а уже 25 рублей

въ мѣсяцъ, а прослужившій еще 10 лѣтъ, т.-е. всего 25 лѣтъ, начинаетъ получать тридцать рублей.

При обсужденіи не обошлось безъ недоразумѣній. Въ числѣ гласныхъ нашлись такіе «благожелатели», которымъ почему-то хотѣлось провалить предложеніе г. Куроѣдова.

Оно обсуждалось сначала по существу: «Прибавить или нѣтъ?» Подача голосовъ «за» и «противъ» этой мѣры производилась на листочкахъ бумаги, гдѣ каждый гласный и писалъ свое мнѣніе.

— А почему не баллотировкой?—спросилъ г. городской голова Охлонинъ.—Вѣдь, это дѣло денежное.

— Да не все-ли одно,—отвѣтилъ предсѣдатель.

Когда предложеніе г. Куроѣдова о періодической прибавкѣ жалованья прошло большинствомъ 15 голосовъ противъ 6, назначенъ былъ перерывъ для обѣда.

— Господа,—обратился предсѣдатель послѣ перерыва,—одинъ изъ гласныхъ заявилъ мнѣ, что мы поступили незаконно, не подвергнувъ баллотировкѣ вопроса о прибавкѣ жалованья учителямъ. Раздумавъ, я нашелъ, что это такъ. Прикажете баллотировать?

— Къ чему?—сказали нѣкоторые изъ гласныхъ.—Вѣдь то-же самое будетъ.

— Однако, одинъ изъ гласныхъ противнаго мнѣнія. Если хотите, я вамъ назову и гласнаго.—И обращаясь къ г. Охлонину, предсѣдатель произнесъ:—Вы, кажется, заявляли?

— Что-же? Ну, я! Отъ своихъ словъ не отказываюсь.

— Значитъ баллотировать?

— Да.—Принесли ящикъ съ шарами.

— Я не возьму шара,—сказалъ вдругъ Охлонинъ.

— Вы не имѣете права,—возразили нѣкоторые гласные,—вы можете положить шаръ налѣво, но не отказываться отъ него.

— Не возьму да и все!

— Я запишу ваши слова въ журналъ, г. Охлонинъ,—замѣтилъ предсѣдатель.

— Можете! Жалуйтесь—тамъ разберутъ...

Съ большимъ трудомъ удалось гласнымъ урезонить расходившагося Охлонина, которому такъ хотѣлось затормазить благое начинаніе.

Учитель.

Грайворонъ, Курск. губ. (земское собраніе).

Въ минувшемъ октябрѣ закончилось у насъ очередное земское собраніе, разрѣшившее болѣе сотни докладовъ, представленныхъ управою, и нѣсколько предложеній, внесенныхъ гласными. Быстро и безостановочно прочитывались доклады, еще быстрѣе они обсуждались и дѣлались по нимъ постановленія. Въ цѣляхъ скорѣйшаго окончанія дѣлъ предсѣдателемъ собранія предложено не вносить въ журналъ преній, а записывать только названіе доклада и краткое постановленіе. Такая поспѣшность вызвана, во-первыхъ, предписаніемъ г. начальника губерніи окончить собраніе непремѣнно ко дню откры-

тія дѣйствій воинскаго присутствія по призыву новобранцевъ, а во-вторыхъ, замѣчательной солидарностью гласныхъ по всѣмъ вопросамъ вообще, а по вопросу о сокращеніи смѣты—въ особенности. Стремленіемъ «къ сокращенію» глубоко проникласъ сама управа, а взгляды управы легко сообщились составу гласныхъ, чему въ извѣстной мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что предсѣдатель управы имѣетъ въ числѣ гласныхъ двухъ родныхъ братьевъ и одного двоюроднаго, вслѣдствіе чего 20% почти голосовъ (всѣхъ гласныхъ 21) принадлежитъ одной фамиліи, Григоросуло. Настоящій составъ управы, избранной въ прошломъ году и выступившей предъ очереднымъ собраніемъ въ первый разъ, представилъ рядъ докладовъ о сокращеніи смѣты, охотно встрѣченныхъ и быстро принятыхъ большинствомъ гласныхъ. Протесты со стороны 2—3-хъ гласныхъ отъ крестьянъ, раздававшіеся въ тѣхъ случаяхъ, когда сокращенія касались ассигновокъ на народное образованіе или медицину, звучали диссонансомъ въ хорѣ молчаливаго согласія остальныхъ гласныхъ. Остановимся на главнѣйшихъ вопросахъ, разрѣшенныхъ собраніемъ.

Нѣсколько сельскихъ обществъ обратились въ земство съ ходатайствами объ ассигнованіи, по установившемуся порядку, пособій на постройку новыхъ зданій училищъ, вмѣсто старыхъ—тѣсныхъ и темныхъ. По рѣшительному настоянію предсѣдателя управы и вопреки желанію трехъ гласныхъ-крестьянъ, собраніе отклонило эти ходатайства. Исторія нашего уѣзднаго земства не даетъ подобнаго примѣра. Напротивъ, въ прежнее время управа сама возбуждала крестьянскія общества къ предъявленію ими такихъ ходатайствъ, и земскія собранія всегда охотно удовлетворяли ихъ. Правда, настоящій отказъ мотивированъ назначеніемъ тѣмъ-же обществамъ пособій и ссуды отъ губернскаго земства; но губернское земство, устанавливая въ прошломъ году выдачу пособій и ссудъ сельскимъ обществамъ, руководилось той мыслью, что пособія на этотъ предметъ отъ уѣздныхъ земствъ недостаточны. И дѣйствительно, въ числѣ обществъ, ходатайствовавшихъ о пособіи, были и такія, которыя рѣшились перестроить свои училища лишь при условіи полученія пособія одновременно отъ губернскаго и уѣзднаго земствъ. Въ этомъ смыслѣ въ прошломъ году и сдѣланы управою предложенія обществамъ.

Въ 1894 году, по выработанному управою уставу, наше земство постановило открыть въ уѣздѣ 14 безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, по одной въ каждой волости, и на содержаніе ихъ ассигновало «навсегда» по 1.400 руб. въ годъ, т.-е. по 100 руб. ежегодно на каждую. Объ участіи въ содержаніи этихъ читаленъ то же собраніе постановило обратиться къ губернскому земству и волостнымъ сходамъ уѣзда. Результатомъ этого обращенія получилось ассигнованіе губернскимъ земствомъ 200 руб. въ годъ и волостными сходами въ разной суммѣ—отъ 25 до 75 руб. ежегодно. Волостные сходы, кромѣ того, постановили дать подъ читальни помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и всю обстановку. Два волостные схода, имѣвшіе уже свои общественныя библіотечки, постановили передать ихъ въ предположенныя къ открытію читальни отъ земства. Одинъ сходъ устроилъ подписку и, кромѣ 75 руб. ежегодной ассигновки, собралъ еще единовременно до 140 руб. По ходатайству земской управы, упраздненный нынѣ с.-петербургскій комитетъ грамотности прислалъ

въ управу двѣ библіотеки, по 250 руб. каждая. Нѣтъ, поэтому, сомнѣнія, что предположеніемъ открыть народныя читальни уѣздное земство своевременно отвѣтило на потребность крестьянъ.

Къ сожалѣнію, разрѣшеніе на открытіе библіотекъ затянулось до вступленія въ дѣйствіе вновь избранной управы, т.-е. до конца ноября 1895 г. А теперь, хотя это разрѣшеніе и получено, списокъ книгъ составленъ, а нѣкоторыя общества заготовили уже и помѣщенія, земское собраніе постановило имѣвшуюся въ наличности ассигновку прежнихъ 2-хъ лѣтъ изъ смѣты исключить, зачисливъ ее въ раскладку. Такимъ образомъ, библіотеки-читальни умерли прежде, чѣмъ родились на свѣтъ.

Въ разное время наше земство установило семь стипендій, по 180 руб. каждая, для учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей наибѣднѣйшихъ родителей, преимущественно сиротъ. Двѣ изъ этихъ стипендій остались свободными съ прошлаго года и къ настоящему собранію на нихъ подано 23 прошенія. Отбросивъ прошенія лицъ состоятельныхъ и такихъ, которыя по разнымъ причинамъ не имѣютъ права на стипендіи грайворонскаго земства, собраніе остановилось на восьми прошеніяхъ, удовлетворяющихъ требованіямъ на право пользованія стипендіями, и всѣ они были подвергнуты баллотировкѣ, сначала полуоткрытой (записями на бумагѣ), причемъ большинство голосовъ высказалось за назначеніе стипендій одному крестьянину-полусиротѣ и одному мѣщанину-круглому сиротѣ, а потомъ—шарами, по которой стипендіи достались дворянамъ-землевладѣльцамъ, имѣющимъ одинъ около 80, другой 100 десятинъ земли.

Инспекторъ народныхъ училищъ вошелъ съ представленіемъ объ учрежденіи 2-хъ передвижныхъ школъ для тѣхъ мелкихъ деревень и хуторовъ уѣзда, которые, по своей разбросанности, не имѣютъ возможности содержать постоянныя школы, но которые согласились давать отъ себя помѣщенія. Закрытой баллотировкой представленіе это собраніемъ отклонено. Точно также отклонено много другихъ предложеній, внесенныхъ нѣкоторыми гласными (объ увеличеніи ассигновки на библіотеку служащихъ земства и проч.), инспекторомъ народныхъ училищъ (о выпискѣ руководствъ для учителей и проч.), училищнымъ совѣтомъ (объ учрежденіи стипендіи для женской прогимназіи по случаю 25-лѣтія ея существованія и проч.), учителями и учительницами (объ ассигнованіи на матерьялы для обученія дѣвочекъ рукодѣлью и проч.), и, между прочимъ, отклонено ходатайство общества для усиленія средствъ с.-петербургскаго женскаго медицинскаго института объ ассигнованіи пособія. Въ баллотировкѣ этого послѣдняго ходатайства собраніе проявило такое единодушіе, что за назначеніе пособія былъ поданъ одинъ единственный голосъ.

Нечего и говорить о множествѣ ходатайствъ учителей, фельдшеровъ и другихъ служащихъ земства о пособіяхъ на лѣченіе, за долголѣтнюю службу и проч.—всѣ они отклонены собраніемъ.

Не очень благосклонно отнеслось послѣднее и къ нуждамъ медицины. Уѣздный врачебный совѣтъ, вновь избранный прошлогоднимъ очереднымъ собраніемъ, фактически не существовалъ въ теченіе всего года, такъ какъ новый предсѣ-

датель управы не только не считалъ нужнымъ пользоваться мнѣніями спеціалистовъ, но на первыхъ же порахъ заявилъ вызваннымъ изъ участковъ врачамъ, что никакого врачебнаго совѣта онъ не признаетъ. Только изъ опасенія, что кто-либо изъ членовъ предстоявшаго собранія можетъ попросить объясненій, почему не существуетъ врачебный совѣтъ, предсѣдатель рѣшилъ созвать его за нѣсколько дней предъ собраніемъ и предложилъ врачамъ составить медицинскій отчетъ за минувшій годъ и высказать свои предположенія о желательныхъ измѣненіяхъ въ существующемъ строѣ уѣздной медицины. При такомъ отношеніи управы къ врачамъ, послѣдніе, увѣренные, что и большинство гласныхъ раздѣляетъ взгляды управы, не рѣшились предъявлять какихъ-либо требованій, сопряженныхъ съ новыми ассигнованіями, и ограничились лишь предложеніями: 1) объ уничтоженіи самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ; 2) объ уничтоженіи разъѣздной системы врачей; 3) объ освобожденіи врачей на одинъ день въ недѣлю отъ пріема амбулаторныхъ больныхъ, съ тѣмъ, чтобы день этотъ врачи могли употребить на операціи, на тщательный осмотръ стаціонарныхъ больныхъ, на приведеніе въ порядокъ всего сдѣланнаго ими за недѣлю и проч., не исключая и выѣздовъ къ больнымъ, а въ нужныхъ случаяхъ и пріема амбулаторныхъ. Предложено было установить командированіе врачей съ научной цѣлью, по одному ежегодно, на 2—3 мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія. Всѣ эти предложенія собраніемъ отклонены. Прочитанный краткій медицинскій отчетъ, наскоро составленный врачемъ Артемовымъ, вызвалъ страстную филиппику со стороны предсѣдателя управы, указывавшаго, между прочимъ, на то, что когда въ уѣздѣ было только три врача съ фельдшерами и оспопрививателями, тогда дѣти не оставались безъ оспопрививанія, а съ введеніемъ восьми врачей, взявшихъ въ свои руки все дѣло медицины, уничтожившихъ оспопрививателей, а теперь добивающихся уничтоженія фельдшерскихъ пунктовъ, оспопрививаніе сократилось, потребовалась помощь постороннихъ лицъ, для производства оспопрививанія, и новые расходы и т. д. Сказанное предсѣдателемъ понято было какъ обвиненіе врачей въ бездѣйствіи. Впечатлѣніе это нѣсколько разсѣяно однимъ изъ гласныхъ, указавшимъ на цифры сдѣланныхъ врачами пріемовъ (отъ 10 до 22 тысячъ приходящихъ больныхъ на каждаго врача въ годъ) и выѣздовъ на пріемные пункты и къ больнымъ на дома, достаточно свидѣтельствующія о ихъ дѣятельности, не говоря уже о трудѣ по завѣдыванію больницами, исполненію канцелярскихъ и массы другихъ работъ, поглощающихъ все время. Кончилось, однако, тѣмъ, что докладчику, врачу А. Ф. Артемову, собраніе выразило благодарность, чѣмъ и проявило на этотъ разъ свое несогласіе съ мнѣніемъ предсѣдателя. Тѣмъ не менѣе, предложеніе врачей о временномъ приглашеніи лицъ для усиленія оспопрививанія обойдено молчаніемъ. Самое замѣчательное въ медицинскомъ отчетѣ, это—указаніе на огромное превышеніе во многихъ мѣстахъ уѣзда смертности надъ рождаемостью населенія. Важность этого необычайнаго явленія усугубляется тѣмъ, что не во всѣхъ мѣстахъ оно объясняется существованіемъ эпидемій; въ большинствѣ мѣстностей причины громадной смертности кроются въ крайнемъ экономическомъ разстройствѣ крестьянскаго населенія. Хотя нѣкоторыми гласными и остановлено было вниманіе собранія на этомъ обстоятельствѣ, но, «за недостат-

комъ времени» для болѣе или менѣе всесторонняго обсужденія этого вопроса, постановлено только принять отчетъ къ свѣдѣнію. Недостаткомъ же времени объясняется принятіе къ свѣдѣнію и другихъ, не менѣе важныхъ докладовъ, напримѣръ, доклада о народномъ продовольствіи. По собраннымъ управою свѣдѣніямъ, обработаннымъ и представленнымъ собранію, оказывается, что урожай хлѣба въ текущемъ году плохъ и недостаточенъ для продовольствія населенія. На вопросъ одного гласнаго: какія мѣры противъ этого предлагаетъ управа? предсѣдатель отъ себя объяснилъ, что представленныя свѣдѣнія невѣрны, что продовольствія хватитъ; въ подробное же обсужденіе входить нѣтъ времени. Докладъ принятъ къ свѣдѣнію.

Впрочемъ, вопросы о мѣрахъ поднятія экономическаго уровня населенія на минувшемъ собраніи занимали не послѣднее мѣсто. Между прочимъ, постановлено организовать при управѣ экономическій совѣтъ, въ составѣ предсѣдателя и членовъ управы, 5-ти человѣкъ землевладѣльцевъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ, одного земскаго начальника, податнаго инспектора, представителей отъ крестьянскихъ обществъ, по одному отъ каждой волости (по выбору волостныхъ сходовъ); постановлено также учредить должность земскаго агронома. Осталось, однако, невыясненнымъ, въ чемъ именно должна выражаться дѣятельность совѣта и агронома.

Улучшеніе рогатаго скота съ давнихъ поръ составляетъ заботу грайворонскаго земства. Съ этой цѣлью оно ежегодно вноситъ въ смѣту извѣстную сумму (на 1896 г.—700 руб.) на покупку племенныхъ быковъ. Изыскивая способы наиполнѣйшей утилизаціи этихъ затратъ, наше земство сначала передавало купленныхъ быковъ въ стада мѣстныхъ землевладѣльцевъ, съ условіемъ возврата двухъ бычковъ отъ приплода для передачи послѣднихъ въ стада крестьянскихъ обществъ; но результаты получались неудовлетворительные: чрезъ годъ или два отъ землевладѣльцевъ получались обыкновенно сообщенія, что земскіе быки сдохли, не оставивъ потомства. Тогда земство рѣшило отдавать купленныхъ быковъ непосредственно крестьянскимъ обществамъ; но, по мнѣнію теперешней управы, и такой способъ неудаченъ. Предсѣдатель заявилъ собранію, что кровные быки не годятся для мелкихъ крестьянскихъ коровъ, что крестьяне не умѣютъ ухаживать за ними, а по прошествіи лѣта возвращаютъ земству, не желая содержать ихъ зимой. Однако, изъ отчета управы же, составленнаго ветеринарнымъ врачемъ, видно, что за истекшій годъ земскіе быки дали приплода болѣе 50%. Тѣмъ не менѣе, предсѣдатель управы просилъ собраніе возвратиться къ прежнему способу, т.-е. раздавать быковъ помѣщикамъ. Благодаря протесту нѣкоторыхъ гласныхъ-крестьянъ, указавшихъ, что если для крестьянскихъ коровъ кровные быки непригодны, то можно покупать и полукровныхъ; что если крестьяне и плохо присматриваютъ за быками, то результаты затратъ земства все-таки видны въ полученныхъ %% приплода, что, кромѣ приплода, крестьяне возвращаютъ земству и устарѣвшихъ быковъ, которые продаются и часть расхода возмѣщается, тогда какъ отъ перваго способа не получалось ничего, предсѣдателемъ собранія былъ предложенъ компромиссъ, принятый большинствомъ гласныхъ: на ассигнованные 700 руб. пріобрѣтать одного кровнаго быка для пе-

*

редачи одному изъ помѣщиковъ, а на остальную сумму—покупать полукровныхъ производителей для крестьянскихъ стадъ.

Характерно вообще отношеніе новой управы къ постановленіямъ минувшихъ собраній: по предложеніямъ бывшаго состава управы, нашимъ земствомъ учреждены съ начала 1895 г. при 10-ти училищахъ повторительные курсы для лицъ, окончившихъ народную школу, а съ начала 1895—1896 учебнаго года введены и послѣобѣденныя занятія при тѣхъ 14 училищахъ, гдѣ число желающихъ учиться дѣтей не можетъ вмѣститься въ существующія училища, для чего и учреждены особые учителя, подъ названіемъ помощниковъ. Дѣло это—новое, требующее наблюденія, провѣрки, выясненія недостатковъ и устраненія ихъ; но ничего подобнаго не было сдѣлано, и на запросъ одного гласнаго о положеніи дѣла управа отвѣтила неимѣніемъ свѣдѣній. Лишь кое-что сообщилъ присутствовавшій на собраніи инспекторъ народныхъ училищъ, и это кое-что показало, что повторительные курсы и послѣобѣденныя занятія требуютъ бо́льшаго къ себѣ вниманія, чѣмъ они пользуются теперь. Кромѣ того, прошлогоднее собраніе поручило управѣ собрать отъ одиннадцати сельскихъ обществъ свѣдѣнія относительно открытія у нихъ женскихъ училищъ. Настоящая управа запаслась такими свѣдѣніями только отъ двухъ обществъ, не изъявившихъ желанія участвовать въ расходахъ на содержаніе училищъ, по недостатку средствъ. На этомъ основаніи управа построила предположеніе, что и остальныя общества относятся къ вопросу такимъ же образомъ. Нѣкоторымъ гласнымъ съ трудомъ удалось добиться постановленія обязать управу—собрать нужныя свѣдѣнія и отъ остальныхъ обществъ и доложить ихъ будущему собранію. Не мало и другихъ порученій оставлено управою неисполненными, что, однако, было едва замѣчено собраніемъ.

Не лишне указать еще на одинъ эпизодъ изъ настоящей сессіи собранія. Однимъ изъ уѣздныхъ гласныхъ внесенъ въ собраніе докладъ объ уравненіи отбыванія повинностей. Напоминая, что положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 г. на земства возложена обязанность вѣдать дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, въ докладѣ перечисленъ рядъ мѣръ, предпринятыхъ земствомъ въ цѣляхъ поднятія умственнаго, нравственнаго и экономическаго уровня обывателей, и дѣлается заключеніе, что урегулированіе податнаго бремени есть важнѣйшая изъ мѣръ въ томъ же направленіи. По поводу мірскихъ повинностей въ докладѣ говорится, что установилось понятіе, будто волостныя и сельскія управленія служатъ интересамъ однихъ крестьянъ, и потому сборы на содержаніе этихъ управленій должны отбываться ими же. Для доказательства, что такое понятіе невѣрно, перечисляются, во-первыхъ, всѣ волостныя и сельскія должностныя лица уѣзда: 13 волостныхъ старшинъ, 13 ихъ помощниковъ, 13 волостныхъ писарей, до 30 ихъ помощниковъ, до 60 человѣкъ волостныхъ судей; по 143 человѣка сельскихъ старостъ, сельскихъ писарей, сборщиковъ податей, полицейскихъ сотскихъ; безчисленное множество полицейскихъ десятскихъ, сторожей при волостныхъ и сельскихъ управленіяхъ, не говоря уже о длинной вереницѣ другихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: смотрителей запасныхъ магазиновъ, пожарныхъ и церковныхъ старостъ; во-вторыхъ, стоимость содержанія указанной арміи, для чего взята сумма расхода за 1895 г. по одной волости,

являющейся по числу населенія среднею между остальными; расходъ по этой волости простирается до 9.086 р. 73 к., слѣдовательно, по всему уѣзду, приблизительно, до 120.000 руб., не считая натуральныхъ повинностей; въ-третьихъ, перечисляются обязанности, отбываемыя волостной и сельской властью: кромѣ указанныхъ въ ст. 81—86 полож. о крестьянахъ, имѣющихъ чисто общегосударственное значеніе, на волостныя и сельскія управленія ложатся разныя подготовительныя работы по призыву новобранцевъ, по конской переписи, по собиранію и доставленію разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ всевозможнаго рода свѣдѣній; на нихъ лежитъ также засвидѣтельствованіе договоровъ между землевладѣльцами, заводчиками, фабрикантами, съ одной стороны, и крестьянами рабочими, съ другой, по арендѣ земель, по наймамъ на работы; принятіе мѣръ понужденія къ исполненію этихъ договоровъ, исполненіе постановленій суда по нарушеніямъ договоровъ; на нихъ лежитъ обязанность производить обыски, дознанія, когда у землевладѣльца совершена кража, порубка лѣса и т. п. Далѣе въ докладѣ указывается на дорого оплачиваемую крестьянами повинность содержанія лошадей для проѣзда чиновниковъ, по чьимъ бы дѣламъ они ни ѣхали, и на повинность исправленія проселочныхъ дорогъ, отбываемую крестьянами натурою, тогда какъ дорогами пользуются всѣ обыватели уѣзда. Выводъ доклада тотъ, что многочисленное волостное и сельское начальство несетъ гораздо большую часть обязанностей, имѣющихъ характеръ, во-первыхъ, общегосударственный, а во-вторыхъ, общесословный, и лишь самую ничтожную сравнительно часть мірскихъ, а между тѣмъ тяжесть содержанія этого начальства цѣликомъ лежитъ на плечахъ крестьянъ. Для установленія справедливости докладомъ ставится предложеніе о возбужденіи въ установленномъ порядкѣ ходатайства объ уравненіи сбора для такъ называемыхъ мірскихъ потребностей между всѣмъ населеніемъ уѣзда.

Тѣмъ же гласнымъ подано заявленіе относительно внутреннихъ распорядковъ въ управѣ. Дѣло въ томъ, что новая управа сочла для себя затруднительнымъ производить ежедневно пріемъ и выдачу денегъ и установила для этого три дня въ недѣлю, да и въ эти дни пріемъ и выдача начинаются не ранѣе, а часто и позже 12 часовъ дня, продолжаясь только до 2-хъ часовъ. Такъ какъ сборщики, старшины, старосты, служащіе земства и проч. предпринимаютъ поѣздки въ городъ, въ особенности съ окраинъ уѣзда, не для одной управы, а пріурочиваютъ ко времени поѣздки и дѣла въ другія учрежденія—въ казначейство, съѣздъ и проч., то установленный порядокъ оказался крайне неудобнымъ. Многимъ лицамъ необходимо быть въ городѣ по дѣламъ службы непремѣнно въ извѣстный день; но этотъ день не совпадаетъ съ днемъ пріема въ управѣ, и имъ приходится или ожидать въ городѣ этого дня, или пріѣзжать вторично за 60 — 70 верстъ. Поэтому, гласный просилъ собраніе обязать управу отмѣнить свое распоряженіе.

Но ни докладъ о мірскихъ повинностяхъ, ни это послѣднее заявленіе, какъ и заявленіе того-же гласнаго о вмѣненіи управѣ въ обязанность на будущее время представлять очереднымъ собраніямъ отчеты, по исполненію постановленій минувшихъ собраній, не только остались непрочитанными,

не смотря на просьбы нѣкоторыхъ гласныхъ, но и послѣдовало конфиденціальное почему-то предупрежденіе не касаться такихъ вопросовъ подъ опасеніемъ отвѣтственности за что-то и отъ кого-то. Впрочемъ, постановлено: докладъ и заявленія передать въ управу...

Во всѣхъ приведенныхъ, какъ и въ остальныхъ рѣшеніяхъ собранія, бросается въ глаза узкосословная тенденція земскаго представительства, чрезмѣрно усиленная реформой земскихъ учрежденій 12 іюня 1890 г., давшей численное преобладаніе привиллегированному элементу. Эта тенденція такъ сильна, что рѣшеніе каждаго вопроса можно предвидѣть заранѣе. Убѣдившись въ этомъ, нѣкоторые гласные, явившись на собраніе съ заготовленными предложеніями, напримѣръ, по вопросамъ о народномъ образованіи, объ учрежденіи должности земскаго юрисконсульта, объ учрежденіи губернскимъ земствомъ своего періодическаго печатнаго органа и друг., не только отказались подавать таковыя, но и сами уѣхали до конца сессіи, считая свое участіе въ настоящемъ собраніи безполезнымъ, если не обиднымъ для ихъ самолюбія.

Изъ Воронежа. (О земской эмеритурѣ).

Необезпеченность земскихъ служащихъ на случай старости и неспособности къ труду, явленіе весьма обычное. Воронежское земство тоже до сихъ поръ ничѣмъ не обезпечивало своихъ служащихъ, и многіе изъ нихъ, особенно получавшіе небольшое жалованье, принуждены, послѣ выхода со службы, влачить самое жалкое существованіе. Въ особенности тяжело приходится имѣющимъ семьи, такъ какъ послѣднія остаются буквально безъ куска хлѣба. Земство, правда, оказывало нѣкоторую поддержку семьямъ служащихъ, въ видѣ единовременныхъ пособій, но долго-ли могли онѣ существовать на ничтожную сумму въ 50—100 рублей?

Необходимость помощи земскимъ служащимъ, сознавалась еще 10 лѣтъ назадъ, но только въ нынѣшнемъ году сдѣлана попытка практически разрѣшить этотъ вопросъ. На прошлогодномъ губернскомъ земскомъ собраніи рѣшено было разработать вопросъ объ эмеритурѣ, и губернская управа представила нынѣшнему очередному собранію проектъ эмеритальной кассы для служащихъ въ земствѣ Воронежской губерніи. Этотъ проектъ уже обсуждался на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, и замѣчанія ихъ приведены (вмѣстѣ съ мнѣніемъ о нихъ управы) въ докладѣ губернской управы. Кромѣ того, проектъ разосланъ на обсужденіе служащихъ уѣздныхъ земствъ, но полученъ пока отвѣтъ изъ одного только уѣзда (Воронежскаго); мнѣнія же служащихъ другихъ земствъ не получены, такъ какъ губернская управа разослала проектъ устава кассы слишкомъ поздно [1]). Благодаря полученнымъ отвѣтамъ земствъ и служащихъ, управа нѣсколько измѣнила свой первоначальный проектъ, хотя главныя его основанія остались неизмѣненными. Въ виду того, что проектъ устава кассы затрогиваетъ интересы почти двухъ

---

[1]) Интересно отмѣтить, что губернская управа своихъ служащихъ исключила и мнѣнія ихъ не спрашивала, полагая очевидно, что они согласны съ мнѣніемъ своего начальства и не могутъ смѣть свое сужденіе имѣть.

тысячъ служащихъ всей губерніи и представляетъ для большинства послѣднихъ важный фактъ, мы скажемъ по поводу его нѣсколько словъ.

«Главная цѣль,—говорится въ объяснительной запискѣ,—которую поставила себѣ губернская управа, при выработкѣ устава эмеритальной кассы, была создать такія условія, при которыхъ касса обходилась бы только своими средствами, не требуя со стороны земства особыхъ сверхсмѣтныхъ приплатъ, что всегда можетъ случиться, при недостаточно точныхъ разсчетахъ о правахъ на пенсію, когда эмеритальная касса устраивается не на принципѣ страхованія на дожитіе и когда частая провѣрка разсчетовъ эмеритальныхъ кассъ существующаго типа невозможна, вслѣдствіе крайней сложности этихъ разсчетовъ и трудности собиранія статистическихъ матерьяловъ, необходимыхъ для этой провѣрки. Ознакомившись съ собраннымъ ею статистическимъ матерьяломъ, а также съ уставами другихъ земствъ, управа пришла къ заключенію, что въ распоряженіи земскихъ учрежденій слишкомъ мало статистическихъ данныхъ, дабы, оперируя съ ними, можно было сдѣлать точные разсчеты для правильной постановки эмеритуры, по образцу наиболѣе распространеннаго типа кассъ, когда въ основаніе ихъ кладется не возрастъ служащаго, а продолжительность его службы, и всѣ разсчеты основываются на количествѣ лицъ, которыя должны выйти со службы, не выслуживъ пенсій (стр. 2—3). Принявъ во вниманіе всѣ вышесказанныя соображенія, управа выработала свой уставъ, по образцу пенсіонныхъ кассъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Сущность проекта устава кассы сводится къ слѣдующему. Касса учреждается для уплаты пенсій и единовременныхъ выдачъ лицамъ, служащимъ въ земскихъ учрежденіяхъ Воронежской губерніи, и ихъ семействамъ. Участіе въ кассѣ обязательно для всѣхъ служащихъ. Средства кассы составляются изъ 6% вступныхъ, 6% ежегодныхъ вносовъ за себя и 2% за жену; земство же, съ своей стороны, вноситъ 8% со всей суммы выплачиваемаго имъ жалованья. Право на пенсію получаютъ участники кассы, прослужившіе не менѣе 15 лѣтъ. Участнику кассы, прослужившему менѣе 5 лѣтъ, не выдается ничего; прослужившему 5 лѣтъ выдаются его вносы безъ процентовъ; прослужившему 5—10 лѣтъ вносы со сложными процентами; прослужившему 10 лѣтъ и болѣе, кромѣ того, выдается отъ 30 до 90% остальной суммы, записанной на его личный счетъ. Вышедшій въ отставку ранѣе 15 лѣтъ, вслѣдствіе разстроеннаго на службѣ здоровья и неспособный къ труду, получаетъ пенсію, равную 25% послѣдняго жалованья, пенсія сиротъ составляетъ столько % съ послѣдняго жалованья, сколько лѣтъ прослужилъ ихъ отецъ. Желающіе зачесть прежніе года службы должны сдѣлать вносы за себя и за земство.

Такимъ образомъ мы видимъ, что касса основана на принципѣ страхованія на дожитіе, иначе говоря, это есть взаимно-страховое учрежденіе, въ которомъ платятъ обѣ стороны. Поэтому всѣ свои вычисленія управа основывала на возрастѣ лицъ, т.-е. на томъ, сколько осталось прожить извѣстному лицу, считая эти данныя вполнѣ достовѣрными. Но, такъ какъ она, кромѣ того, стремилась еще обезпечить кассу ея собственнымъ капиталомъ и избавить земство отъ какихъ-либо приплатъ, то въ результатѣ получилось, что интересы служащихъ отступили на второй планъ.

Прежде всего оказалось, что касса слишкомъ много требуетъ отъ своихъ участниковъ и очень мало обезпечиваетъ ихъ. Особенно рельефно обнаруживается это при разсмотрѣніи вносовъ и пенсій низшихъ земскихъ служащихъ, составляющихъ, однако, громадное большинство и болѣе всего нуждающихся въ помощи.

Какъ было уже указано въ одной мѣстной газетѣ (№ 108 «Вор. Телегр.»), для учащаго персонала размѣръ взносовъ будетъ крайне стѣснителенъ. Въ среднемъ учителя получаютъ 20 руб. въ мѣсяцъ, а помощники 10 рублей; слѣдовательно, въ первый годъ учителя должны вносить ежемѣсячно 2 р. 40 к., а помощники 1 р. 80 к.; въ слѣдующіе годы первые 1 р. 20 к., вторые 90 коп. Мы думаемъ, что для людей, получающихъ такое ничтожное жалованье, этотъ вычетъ будетъ крайне обременителенъ. Для нихъ дорога каждая копѣйка, и недочетъ въ рубляхъ является весьма важнымъ. При этомъ надо принять во вниманіе то, что среди такихъ служащихъ есть значительное число семейныхъ. Такъ, среди служащихъ на жалованьѣ отъ 60 до 600 руб. число имѣющихъ дѣтей равняется 38,8% всѣхъ служащихъ. Изъ нихъ съ однимъ ребенкомъ—30%, съ двумя 29% и съ тремя—41%. Очевидно, что $^2/_5$ всѣхъ низшихъ служащихъ, среди которыхъ громадное большинство (91%) получаетъ менѣе 300 рублей, должны ограничить свое и безъ того жалкое существованіе.

Быть можетъ, за эти лишенія служащіе [получатъ полное обезпеченіе на старости? Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не видимъ. Возьмемъ для примѣра служащаго, вступившаго въ кассу 25 лѣтъ и прослужившаго 20 лѣтъ, получая 20 руб. въ мѣсяцъ. За это время онъ получитъ право на пенсію въ 42 р. въ годъ или 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Черезъ 25 лѣтъ онъ получитъ 66 руб. въ годъ или $5^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ. Тотъ, кто знакомъ съ условіями жизни хотя бы низшаго медицинскаго персонала и учителей, вполнѣ согласится, если мы скажемъ, что послѣ 20—25-лѣтней работы эти лица не въ состояніи будутъ заниматься какимъ-либо трудомъ. Они должны, слѣдовательно, существовать на пенсію въ $3^1/_2$—$5^1/_2$ рублей въ мѣсяцъ, что, конечно, невозможно даже въ деревнѣ. Имъ остается идти въ богадѣльню или протягивать руку за подаяніемъ. Мы беремъ одинокаго, а что будетъ съ тѣми $^2/_5$ семейныхъ, которые есть среди служащихъ? Очевидно, что положеніе такихъ служащихъ не улучшится при введеніи эмеритуры и, во всякомъ случаѣ, никакого обезпеченія ихъ семьи не получатъ.

Между тѣмъ земство безъ особыхъ затратъ могло бы придти на помощь учащимъ. Общая сумма жалованья учащимъ равняется 148.309 руб. Вступные 6% составятъ 8.898 р. 54 к., столько же ежемѣсячные; если не считать 2% вносовъ за женъ, то общій размѣръ взносовъ земства въ первый годъ составитъ почти 18 тыс. руб. или $1^1/_2$ тыс. на уѣздъ. Въ слѣдующіе года онъ будетъ равенъ 750 р. на уѣздъ. Подобная сумма не можетъ стѣснить земство и въ то же время весьма существенно облегчитъ учащій персоналъ. Было бы вполнѣ справедливо возложить этотъ расходъ на губернское земство, такъ какъ оно въ послѣднюю сессію отклонило предложеніе коммиссіи объ увеличеніи жалованья учителямъ и, надо думать, похоронило этотъ вопросъ надолго.

Могутъ на это возразить, что тогда будетъ нарушенъ принципъ равенства и

учащіе займутъ какое-то привиллегированное положеніе. На это мы отвѣтимъ, что учащіе, среди остальныхъ земскихъ служащихъ, должны пользоваться особымъ вниманіемъ, такъ какъ ихъ работа является самой продуктивной и безусловно необходимой. Во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя приравнять къ канцелярскимъ писцамъ. Всякій знаетъ, что трудъ нашихъ учителей, когда занятія ведутся съ любовью,—трудъ каторжный, выматывающій изъ человѣка всю душу и быстро уносящій силы. Кромѣ того, подобное облегченіе будетъ весьма выгодно самому земству, такъ какъ привлечетъ болѣе опытныхъ и подготовленныхъ учителей, на что нельзя разсчитывать въ настоящее время, когда отъ 240 до 300 руб. получаетъ только 29%, а свыше 300 руб. всего 3,6% учителей. И дѣйствительно, по даннымъ управы, менѣе $^1/_4$ учащихъ получили спеціальное педагогическое образованіе, да и то 20 человѣкъ (2,5%) изъ нихъ не окончили курса; 33,9% получили низшее образованіе и 5,8% домашнее. Учащихъ со среднимъ образованіемъ было только 29,8%, причемъ преобладали окончившіе епархіальное училище и прогимназію, т.-е. заведенія далеко не первыя, по сообщаемымъ ими знаніямъ. Вполнѣ понятно, что та мизерная пенсія, которую предстоитъ получать учащимъ, не въ состояніи будетъ удержать ихъ на мѣстѣ и привлечь болѣе образованныхъ. При первомъ же удобномъ случаѣ, они бросятъ свое мѣсто и перейдутъ на лучшее. Принявъ на свой счетъ взносы учащихъ, земство могло бы удержать у себя знающихъ учителей и, слѣдовательно, способствовать болѣе правильной постановкѣ сильно-таки хромающаго народнаго образованія.

На подобное облегченіе участи своихъ служащихъ управѣ и слѣдовало бы обратить вниманіе при выработкѣ устава, а между тѣмъ, распинаясь за нихъ на бумагѣ, она ввела въ уставъ милый параграфъ (44), по которому «всѣ взносы лицъ, вышедшихъ въ отставку, не прослуживъ земству 5 лѣтъ, остаются въ кассѣ и поступаютъ въ запасный капиталъ» [1]). Введеніе такого пункта слишкомъ уже ясно обрисовало стремленіе управы взять побольше со служащихъ и поменьше съ земства. Изъ объяснительной записки видно, что до сихъ поръ служившіе менѣе 5 лѣтъ мужчины составляли 42% всѣхъ мужчинъ, а женщины 12,2%. При незначительной пенсіи, не могущей особенно сильно удерживать служащихъ, и при подвижности земской службы, часто невольной, этотъ параграфъ лишитъ массу лицъ ихъ кровныхъ денегъ или заставитъ ихъ поневолѣ мириться съ самыми невыгодными условіями. Этотъ параграфъ до извѣстной степени закрѣпощаетъ служащаго земству и ставитъ его еще въ большую зависимость отъ начальствующихъ лицъ.

Явная несправедливость такой мѣры вызвала много возраженій, и они такъ сильно подѣйствовали на управу, что она измѣнила свое первоначальное мнѣніе и пріобрѣла... прямо противоположное. Крайне интересно, для характеристики управы, посмотрѣть, какъ совершилось такое превращеніе. «Устанавливая 5-лѣтній срокъ обязательной службы,—говорится въ докладѣ,—управа *прекрасно сознавала всю несправедливость этого* по отношенію къ лицамъ, уже находя-

[1]) Нельзя не замѣтить, что этотъ параграфъ принадлежитъ всецѣло творчеству нашей управы, такъ какъ въ уставахъ другихъ кассъ онъ не встрѣчается.

щимся на службѣ [1]); но эта несправедливость временная, вытекающая изъ желанія сразу поставить дѣло эмеритальной кассы на твердую почву, а для этого необходимо какъ можно скорѣе создать запасный капиталъ, который могъ бы гарантировать кассу отъ всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей... Вообще, управа считаетъ долгомъ заявить, что при выработкѣ устава эмеритальной кассы она считала своимъ долгомъ, главнымъ образомъ, принимать во вниманіе ея будущее, поступаясь иногда (?) временными интересами участниковъ кассы». Мы видимъ, что управа имѣла самыя хорошія намѣренія и, руководясь только ими, она хотѣла совершить «явную несправедливость» относительно земскихъ служащихъ. Она хотѣла лишь, чтобы участники кассы «временно» (лѣтъ этакъ 20—30) поступались своими деньгами въ пользу кассы, пользоваться которой имъ никогда не придется. Но когда эти служащіе громко запротестовали противъ заботъ о нихъ управы, то послѣдняя перемѣнила фронтъ и заговорила другое. «Во всякомъ случаѣ,—говорится далѣе въ докладѣ,—отъ сокращенія 5 лѣтъ обязательной службы и даже окончательнаго отмѣненія ихъ никакого существеннаго вреда въ дѣлахъ кассы не произойдетъ; только времени на образованіе запаснаго капитала потребуется больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдалится и болѣе существенная задача эмеритуры—возможность увеличенія размѣра пенсій. Но разъ уѣздныя земства и сами служащіе находятъ желательнымъ (еще бы!) такое сокращеніе, то губернская управа, съ своей стороны, можетъ предложить только не останавливаться на полумѣрахъ (каковъ размахъ!), а уничтожить совсѣмъ проектируемыя 5 лѣтъ обязательной службы, выдавая вышедшимъ въ отставку въ этотъ періодъ ихъ личные взносы безъ начисленія % и приплатъ со стороны земства» (Докладъ, стр. 12—13).

Такъ вотъ какой съ Божьей помощью оборотъ произошелъ въ мысляхъ управы. Странно только, что, «ожидая больше всего возраженій» противъ этого параграфа, «сознавая всю несправедливость» его и то, что отсутствіе его не произведетъ «никакого существеннаго вреда въ дѣлахъ кассы», управа все-таки внесла его въ уставъ. Хорошо еще, что теперь она проситъ губернское земство защитить служащихъ отъ ея «добрыхъ намѣреній» и «выбросить вонъ» вышеприведенный параграфъ.

Мы видѣли, что главный недостатокъ кассы заключается въ ничтожныхъ размѣрахъ пенсій, а между тѣмъ ихъ можно было увеличить безъ особаго ущерба для кассы. Дѣло въ томъ, что средняя продолжительность жизни участниковъ кассы принята въ 65 лѣтъ. Цифра эта, безъ сомнѣнія, сильно преувеличена, такъ какъ, даже по даннымъ таблицъ смертности обществъ страхованія жизни, для людей всѣхъ профессій средняя продолжительность жизни принимается въ 50 лѣтъ. По изслѣдованіямъ же д-ра Френча, отмѣтившаго въ штатѣ Массачузетъ, въ теченіе 43 лѣтъ, 238.792 смертныхъ случаевъ, средняя продолжительность жизни служащихъ всякаго рода равняется 49 годамъ [2]). Понятно, что

---

[1]) Иначе говоря, ко всѣмъ, такъ какъ участіе для всѣхъ обязательно.

Авторъ.

[2]) Данныя взяты изъ мнѣнія служащихъ Воронежскаго уѣзда.

жизнь нашихъ земскихъ служащихъ, особенно низшихъ, должна быть еще меньше. Но если даже принять ее въ 50—55 лѣтъ, то и тогда размѣръ пенсій можно увеличить въ $1^1/_2$—2 раза безъ всякаго убытка для кассы.

Въ заключеніе намъ остается указать на нѣкоторые другіе менѣе существенные недостатки устава. Такъ, желающій зачесть время прежней службы долженъ уплатить всѣ установленные взносы, «причитающіеся за окупаемые годы какъ съ него, такъ и съ земства» (§ 53). Помимо несправедливости, эти правила дѣлаютъ зачетъ фактически невозможнымъ, такъ какъ сразу придется вносить очень большую сумму. Для получающихъ небольшое жалованье она является положительно непосильной. Такъ, получающій 240 руб. въ первый годъ долженъ внести около 58 рублей; получающій 1.000 руб.—240 руб. Ясно, что внести такія суммы для этихъ служащихъ немыслимо. Противъ этого параграфа возражало три земства, и управа опять измѣнила свое первое мнѣніе. Она, оказывается, не ввела въ проектѣ льготныхъ для даннаго случая и исключительно въ виду того, что не рѣшалась взять на свой страхъ сдѣлать это самостоятельно. Главнымъ образомъ, ее затрудняло, какой положить принципъ въ основаніе земской помощи при вкупѣ, а также размѣръ этой помощи» (стр. 14). Бѣдная управа, очевидно, боялась, какъ бы не передать лишняго служащимъ и даже теперь осмѣлилась лишь настолько, чтобы предложить собранію «избрать особую комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса». Будемъ надѣяться, что земское собраніе окажется справедливѣе и смѣлѣе управы и измѣнитъ этотъ параграфъ, сложивъ со служащихъ обязанность дѣлать взносы за земство.

Необходимо также измѣнить и § 31, по которому «вдовцамъ за службу женъ пенсій не выдается». Прежде всего здѣсь нарушено право женщинъ служащихъ, такъ какъ онѣ дѣлали взносы наравнѣ съ мужчинами; а между тѣмъ права ихъ почему-то ограничены. Кромѣ того, послѣ жены можетъ остаться мужъ, неспособный къ труду и нуждающійся въ помощи.

Страннымъ является также § 42, говорящій, что при опредѣленіи правъ на пенсіи сиротамъ и престарѣлымъ родителямъ считается только непосредственная служба участника или пенсіонера кассы въ воронежскомъ земствѣ; сдѣланный же ему зачетъ службы въ другихъ земствахъ въ разсчетъ не принимается! Спрашивается, зачѣмъ же тогда служащій окупалъ эти годы? Вѣдь по уставу онъ заплатилъ не только за себя, но и за земство, т.-е. получилъ всѣ права, а между тѣмъ его этихъ правъ лишаютъ. Этотъ налогъ въ пользу кассы, по нашему мнѣнію, совершенно ничѣмъ не оправдывается.

Этими замѣчаніями мы и ограничимся, хотя въ уставѣ встрѣчаются еще другіе недостатки и недосмотры. Будемъ надѣяться, что экстренное губернское земское собраніе, которому предстоитъ обсудить уставъ кассы, отнесется къ нему внимательно и внесетъ необходимыя измѣненія. Вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ, чтобы относиться къ нему поверхностно.

Земскій служащій.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ.

(Политическіе итоги 1896 г.).

Прошелъ еще годъ политической жизни въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, прошелъ уныло, мрачно, неприглядно, безцѣльно, и еслибъ не блеснулъ одинъ свѣтлый лучъ въ этомъ темномъ царствѣ, то нечѣмъ было бы его помянуть. Европа, по прежнему, представляла вооруженный лагерь, и ея производительныя силы, въ видѣ людей и финансовъ, щедро расточались на приготовленія къ войнѣ, которую, повидимому, всячески стараются предупредить тройственный союзъ и другія дипломатическія комбинаціи, называющія себя гарантіями міра. Господствующая уже четверть столѣтія, съ легкой руки Бисмарка, и стоющая дороже всякой войны, система вооруженнаго мира, по самому своему существу, постоянно развивается, и вооруженія, а вмѣстѣ съ ними расходы на нихъ растутъ въ громадныхъ размѣрахъ; такъ, въ концѣ истекшаго года, въ Германіи, Франціи и Австріи обнаружились симптомы новаго перевооруженія артиллеріи, на что потребуется до четырехъ сотъ милліоновъ рублей. Конечно, примѣръ показала Германія, хотя, по всегдашней своей привычкѣ, свалила всю вину на безпокойную Францію: совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ для другихъ странъ, въ ноябрѣ появилось правительственное распоряженіе о реформѣ морской артиллеріи скоро заряжающимися пушками большого калибра, а затѣмъ, по вполнѣ вѣрной догадкѣ нѣмецкой прессы, естественно эти орудія перейдутъ въ крѣпостную и полевую артиллеріи. Франція и Австрія, не желая отстать первая отъ своей соперницы, а вторая отъ союзницы, поспѣшили вступить на тотъ же путь. Рано или поздно, то же произойдетъ и относительно вооруженія арміи скорострѣльными малокалиберными ружьями, которыя вводятся въ германскихъ войскахъ уже третій годъ. Италія также, хотя и съ ужасомъ, въ виду ея раззоренія чрезмѣрными налогами, ждетъ усиленія кадровъ ея арміи, на чемъ настаиваетъ министерство Рудини, считая, что теперешнихъ двѣнадцати корпусовъ мало для защиты отечества, а требуется—сравнительно съ современнымъ положеніемъ другихъ европейскихъ армій—восемнадцать. Въ виду общей

воинственной лихорадки, которой подвергается и Англія, приступившая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, къ усиленію своего флота, является неизбѣжной война гдѣ-нибудь, если не общая и не въ Европѣ, то спеціальная и въ другихъ частяхъ свѣта. Дѣйствительно, въ 1896 году Италія воевала въ Абиссиніи, Англія въ Суданѣ, Испанія въ Кубѣ и на Филиппинскихъ островахъ. Первыя двѣ войны окончены: абиссинская—полнымъ пораженіемъ итальянцевъ и заключеніемъ мира, по которому они отказались отъ протектората надъ Абиссиніей и своихъ завоеваній внѣ предѣловъ колоніи Эритреи, а суданская, веденная очень быстро англо-египетскими войсками—присоединеніемъ части Судана, именно Донголы къ Египту. Что же касается до Испаніи, то она никакъ не можетъ справиться съ возстаніемъ на Кубѣ и на Филиппинскихъ островахъ; первое наиболѣе серьезно, и хотя въ послѣднее время убитъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей республики, оффиціально существующей на Кубѣ, генералъ Масео, но другой полководецъ и душа возстанія, Гомецъ, а также президентъ республики, маркизъ Санта Лучія, такъ энергично отстаиваютъ освобожденную ими родину, что, по словамъ недавно посѣтившаго Кубу члена американскаго конгресса Монея, «Испанія не въ состояніи побороть ихъ и никогда не добьется побѣды надъ ними». Впрочемъ, свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на Кубѣ, такъ противорѣчивы, смутны и отрывочны, что трудно придти къ правильному заключенію; такъ, оффиціальныя испанскія извѣстія удостовѣряютъ, что возстаніе окончательно побѣждено и Гомецъ вступилъ въ переговоры о сдачѣ, а изъ Америки, глубоко сочувствующей республикѣ на Кубѣ и даже склоняющейся къ признанію ея, сообщаютъ совершенно противоположныя свѣдѣнія, именно, что Масео не убитъ, а раненый спасся съ поля битвы, что дѣла республики идутъ прекрасно и что испанскому главнокомандующему, генералу Вейлеру, не смотря на всѣ его жестокости, огульное разстрѣливаніе плѣнныхъ и объявленіе военной контрабандой хлороформа и антисептическихъ средствъ, остается только принять посредничество Соединенныхъ Штатовъ для примиренія съ главами возстанія введеніемъ въ Кубѣ либеральныхъ реформъ, о чемъ уже и ведутся переговоры. Но если въ только-что окончившемся году и лилась кровь въ Африкѣ и Америкѣ, благодаря честолюбивымъ, корыстнымъ стремленіямъ европейскихъ государствъ, то все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ жестокой, огульной рѣзней, производимой турками въ Арменіи, и преслѣдованіями христіанъ на Критѣ, въ Македоніи и Сиріи, о чемъ мы говорили въ прошедшей нашей хроникѣ. Теперь прибавимъ только, что до сихъ поръ продолжается то же самое, а данная недавно амнистія армянамъ остается такой же мертвой буквой, какъ и всѣ прежнія пресловутыя реформы, что не мѣшаетъ европейскимъ дипломатамъ, какъ всегда, писать ноты, вести переговоры и возвѣщать міру о скоромъ мирномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса. Вся эта недостойная трагикомедія набрасываетъ такую

мрачную тѣнь на 1896 годъ, что «Daily News» вполнѣ правъ, называя его въ отношеніи восточнаго вопроса—годомъ позора.

Если мы перейдемъ къ внутреннему положенію европейскихъ странъ за эти двѣнадцать мѣсяцевъ, то насъ прежде всего поразитъ тотъ фактъ, что повсюду царитъ если не прямая реакція, то господство консервативныхъ министерствъ. Въ Англіи торійскій кабинетъ лорда Сольсбери хотя не ознаменовалъ себя никакими ретроградными мѣропріятіями, и предположенный имъ непопулярный билль объ измѣненіи введенной Гладстономъ системы первоначальныхъ школъ былъ взятъ назадъ, но его управленіе отличалось до сихъ поръ самымъ неудачнымъ, безцвѣтнымъ характеромъ. Въ внѣшнихъ дѣлахъ онъ терпѣлъ одну неудачу за другой: въ Венецуэллѣ, гдѣ ему пришлось уступить передъ вмѣшательствомъ Американскихъ Штатовъ, въ Африкѣ, гдѣ президентъ боерской республики, Крюгеръ, поборолъ всѣ англійскія притязанія на господство, и т. д., а во внутренней политикѣ онъ, съ одной стороны, привелъ парламентскую дѣятельность къ полному застою, а съ другой—своимъ противодѣйствіемъ Ирландіи возбудилъ въ этой странѣ новую агитацію, которая основана на требованіи возврата несправедливо взыскиваемыхъ англійскимъ правительствомъ налоговъ и тѣмъ опаснѣе, что она объединила ирландцевъ всѣхъ партій отъ лордовъ до поселянъ, отъ націоналистовъ до англо-саксонцевъ Ульстера. Наконецъ, голодъ и чума въ Индіи увеличиваютъ еще затрудненія, окружающія со всѣхъ сторонъ злополучное министерство лорда Сольсбери, Бальфура и Чамберлэна. Во Франціи радикальное правительство Буржуа, доказавшее на дѣлѣ, что оно могло управлять страной, и хорошо управлять, было неожиданно замѣнено министерствомъ яраго протекціониста Мелиня, который окружилъ себя опортунистами и существуетъ только благодаря поддержкѣ консерваторовъ, клерикаловъ и роялистовъ, а равно полной бездѣятельности, что даетъ ему возможность лавировать между всѣми подводными камнями. Въ Австріи также новый кабинетъ графа Бадени прозябаетъ, ловко опираясь на клерикаловъ и на рознь національностей, входящихъ въ составъ Габсбургской монархіи. Въ Германіи престарѣлый канцлеръ, князь Гогенлоэ, и никому неизвѣстные, постоянно смѣняющіеся министры, играющіе роль простыхъ исполнителей воли императора, ведутъ кое-какъ борьбу съ враждебными элементами рейхстага. Въ Италіи консервативный кабинетъ Рудини, сначала поддерживаемый радикалами, въ виду его обѣщаній очистить Италію отъ разведенныхъ Криспи панамистовъ, мало-по-малу отшатнулся отъ своихъ союзниковъ, начинаетъ обнаруживать диктаторскія замашки и недавно закрылъ всѣ соціалистическіе клубы въ Римѣ, чтобъ только напугать короля мнимой опасностью отъ соціалистовъ и добиться предлога для распущенія палаты. Въ Бельгіи клерикалы и консерваторы до того употребляютъ во зло свою власть, состоя уже много лѣтъ во

главѣ правительства, что народное недовольство быстро растетъ и грозитъ общимъ возстаніемъ. Шведское реакціонное министерство разжигаетъ борьбу съ Норвегіей, которая энергично отстаиваетъ свои права на національное самоуправленіе. Испанія управляется главою консерваторовъ, Кановасомъ-делла-Кастилія, и, не смотря на всѣ жертвы людьми и деньгами, ведетъ третій годъ неудачную войну съ республиканцами Кубы. О другихъ второстепенныхъ европейскихъ государствахъ нечего и говорить; тамъ, такъ же, какъ и въ болѣе крупныхъ странахъ, господствуютъ консерваторы, заботящіеся только о сохраненіи своей власти и объ интересахъ привиллегированныхъ классовъ. Если мы перейдемъ изъ Стараго Свѣта въ Новый, то Сѣверо-Американскіе Штаты представляютъ намъ не менѣе мрачное зрѣлище. Только-что окончившіеся президентскіе выборы доставили побѣду Маккинли, пресловутому главѣ протекціонистовъ и представителю буржуазной плутократіи, тогда какъ его противникъ, Брайанъ, являлся защитникомъ трудящагося, неимущаго класса; въ сущности, борьба велась не между сторонниками золота и серебра, а изъ-за того, кому господствовать въ заатлантической республикѣ: плутократамъ, эксплуатирующимъ чужой трудъ, или истиннымъ друзьямъ народа.

Этого бѣглаго взгляда на положеніе политическаго міра въ прошедшемъ году достаточно, чтобъ съ полнымъ основаніемъ назвать его темнымъ царствомъ. Но въ темномъ царствѣ блеснулъ свѣтлый лучъ, и, благодаря ему, прошедшій годъ займетъ видную страницу въ современной исторіи. Такимъ благотворнымъ лучемъ свѣта среди давящаго мрака было неожиданное практическое примѣненіе принципа третейскаго разбирательства къ международнымъ распрямъ. Въ прошедшемъ году не только состоялись нѣсколько подобныхъ мирныхъ окончаній споровъ, которые могли въ другое время повести къ войнѣ, но заключенъ въ послѣдніе его дни трактатъ между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами объ учрежденіи перваго на свѣтѣ постояннаго, третейскаго международнаго суда. Къ первымъ фактамъ относится прежде всего третейскій приговоръ предсѣдателя швейцарской республики по вопросу, много лѣтъ служившему яблокомъ раздора между Франціей и Венецуэллой, потомъ объ убыткахъ, нанесеннымъ правительствомъ послѣдней страны французскому гражданину Антуавну Фабіани, имѣвшему тамъ пароходство и желѣзнодорожную концессію. Третейскій судъ не призналъ правительство Венецуэллы виновнымъ въ недобросовѣстномъ владѣніи, но присудилъ съ него въ пользу Фабіани часть его требованій, именно 174.000 фунт. стерлинг., отказавъ въ искѣ остальныхъ 900.000. Португальскій король разрѣшилъ споръ между Англіей и Бразиліей, на счетъ владѣнія маленькимъ островомъ Тринидадъ, въ пользу южно-американской республики. Та же Бразилія и Колумбія покончили третейскимъ судомъ существовавшую между ними вѣковую территоріальную распрю. Кромѣ того, въ настоящее время происходятъ два третей-

скія разбирательства: въ одномъ случаѣ Камиль Янсенъ, бывшій губернаторъ Конго, разсматриваетъ финансовый споръ между Франціей, Швеціей и Чили, а во второмъ—Мартенсъ приступилъ, по Высочайшему повелѣнію, къ третейскому разбирательству вопроса объ арестѣ нидерландскими властями въ Макассарѣ капитана англійскаго корабля Карпентри, а для предварительнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ собралъ въ Брюсселѣ коммиссію экспертовъ отъ обѣихъ враждующихъ странъ. Подобнымъ же мирнымъ способомъ, хотя въ нѣсколько иной формѣ, покончена трехлѣтняя распря между Греціей и Румыніей, по поводу одного крупнаго наслѣдства, благодаря чему между этими правительствами были прерваны дипломатическія сношенія; теперь австрійскій императоръ предложилъ свое посредничество и удачно помирилъ двѣ стороны. Что такое третейское разбирательство, какъ средство предупредить войну, не представляетъ только случайности, а становится средствомъ, за которымъ все болѣе и болѣе признается право гражданства даже въ странахъ наиболѣе воинственныхъ, можно видѣть изъ того, что надняхъ нижняя палата австрійскаго рейхстага постановила обратить вниманіе правительства на включеніе въ коммерческіе трактаты съ иностранными государствами условія о разрѣшеніи третейскимъ судомъ всѣхъ могущихъ возникнуть споровъ, а также на обсужденіе вопроса о томъ, нельзя-ли войти въ соглашеніе съ европейскими державами о таковомъ же третейскомъ разбирательствѣ международныхъ распрей. Наконецъ, 19 ноября, въ германскомъ рейхстагѣ министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Маршаль, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Наступательныя войны принадлежатъ прошедшему, исторіи: даже между націями, имѣющими основаніе считать себя недовольными своей судьбой, существуетъ такая глубокая потребность мира, поддерживаемая нынѣшней легкостью международныхъ отношеній и ужасами войны, что всякое правительство, какъ бы оно ни желало войны, приметъ всѣ мѣры, чтобъ снять съ себя отвѣтственность войны, даже въ виду своихъ собственныхъ подданныхъ».

Но наиболѣе важный и знаменательный шагъ на этомъ благотворномъ, гуманномъ пути сдѣланъ Англіей и Соединенными Американскими Штатами. Въ началѣ прошлаго года неожиданно американское правительство вмѣшалось въ давній споръ могущественной Великобританіи съ маленькой Венецуэллой, на основаніи знаменитой теоріи Монроэ. Сначала англійское правительство и вся Англія всполошились, такъ что дѣло едва не дошло до войны, но потомъ англійское общественное мнѣніе успокоилось и побудило лорда Сольсбери войти въ переговоры не только объ улаженіи, при посредствѣ американскаго правительства, распри съ Венецуэллой, но и объ учрежденіи постояннаго третейскаго суда для могущихъ возникнуть между обѣими странами споровъ. То и другое теперь покончено. Территоріальный споръ о границѣ между англійскими и венецуэльскими владѣніями разрѣшенъ въ пользу южноамериканской республики, а представители Англіи и Соединенныхъ Шта-

товъ подписали трактатъ о созданіи перваго въ свѣтѣ международнаго третейскаго суда, считавшагося до сихъ поръ немыслимой утопіей. Хотя этотъ трактатъ еще не ратификованъ, но, въ виду его популярности въ обѣихъ странахъ, въ этой санкціи нечего сомнѣваться. Онъ заключенъ на пять лѣтъ, и третейскій судъ будетъ двойной: одинъ для разрѣшенія споровъ финансовыхъ, а другой—территоріальныхъ; первый будетъ состоять изъ двухъ членовъ, по одному отъ каждой страны, а въ случаѣ несоглашенія ихъ, избирается обѣими странами посредникъ; если же и на счетъ этого не состоится соглашенія, то шведскій король выбираетъ суперъ-арбитра; въ составъ же второго трибунала войдутъ три члена верховнаго американскаго суда и англійскаго тайнаго совѣта, которые должны постановлять свои приговоры большинствомъ пяти голосовъ. Хотя по газетнымъ извѣстіямъ, такъ какъ подлинный текстъ трактата еще не обнародованъ, въ немъ есть очень сомнительная статья, устраняющая отъ третейскаго разбирательства споры, затрогивающіе честь обѣихъ націй, но, во всякомъ случаѣ, Гладстонъ совершенно правъ, сказавъ по этому случаю: «Я радуюсь подписи англо-американскаго трактата; конечно, нельзя ожидать, чтобъ всѣ международныя распри разомъ уничтожились подобными трактатами, но они представляютъ достойный христіанъ принципъ и составляютъ шагъ по пути истиннаго прогресса». Не одинъ великій старикъ сочувственно отозвался объ этомъ крупномъ политическомъ событіи: итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти Веноста сказалъ: «всякій итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ съ гордостью подписалъ бы такой трактатъ», а бывшій ставленникъ Бисмарка, Криспи, считаетъ, что Италія, Австрія и Швейцарія могли бы теперь заключить между собою подобные же трактаты. По словамъ Рошфора, это «громадное дѣло, совершенное на пользу цивилизаціи», а Клемансо признаетъ англо-американскій трактатъ за великую побѣду идеи человѣчности. «Это величайшій актъ нашего вѣка», говоритъ Джонъ Борнсъ, глава рабочей партіи въ Англіи. Въ виду единодушія общественнаго мнѣнія Стараго и Новаго Свѣта, а также громаднаго, очевиднаго для всѣхъ мыслящихъ людей, значенія этого факта, можно вполнѣ справедливо назвать его въ совокупности съ другими событіями того же характера — свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ прошлогодней политики.

II.

Интересы дня.

Итоги общественныхъ вопросовъ въ 1896 году.—Успѣхи женскаго движенія въ Неаполѣ и Старомъ Свѣтѣ.—Эволюція женскаго вопроса и теперешнее его положеніе во Франціи. — Видоизмѣненія французскихъ университетовъ. — Новая фаза распространенія университетскаго образованія въ Англіи.

Европейская и американская печать старательно подводитъ итоги

того, что сдѣлано въ только-что окончившемся году въ различныхъ отрасляхъ общественной жизни; оказывается, что кромѣ необыкновенныхъ успѣховъ въ научной сферѣ, гдѣ рентгеновскіе лучи произвели еще не вполнѣ оцѣненный, даже не вполнѣ выясненный переворотъ, и въ политикѣ, гдѣ принципъ третейскаго разбирательства международныхъ распрей сдѣлалъ значительные шаги на пути практическаго примѣненія, о чемъ мы только что говорили,—всего болѣе подвинулся женскій вопросъ, а также произошли достойные вниманія факты въ отношеніи труда и капитала и развитія образованія, какъ высшаго, такъ и народнаго.

Женское движеніе ведется наиболѣе энергично и успѣшно въ Новомъ Свѣтѣ, именно—въ Америкѣ и Австраліи. Послѣдняя страна даже занимаетъ первое мѣсто въ свѣтѣ, по практическому разрѣшенію вопроса о женскихъ избирательныхъ правахъ, и въ концѣ прошедшаго года парламентъ одной изъ австралійскихъ колоній, Виктоpіи, вотировалъ билль о предоставленіи женщинамъ права голоса на политическихъ и общественныхъ выборахъ. Первый примѣръ подобной реформы представила другая австралійская колонія, Новая Зеландія, три года тому назадъ, и, по отчету генеральнаго агента этой колоніи въ Англіи, В. Ривса, за прошедшій годъ, результаты ея самые удовлетворительные: «наплывъ женщинъ къ избирательнымъ урнамъ, глубокій интересъ, высказанный ими къ избирательной агитаціи, мирный, вполнѣ порядочный характеръ ихъ участія и безпримѣрное либеральное большинство, созданное этими выборами,—все это историческіе факты; при этомъ женщины болѣе поддерживали мужчинъ, чѣмъ противодѣйствовали имъ, возставали противъ попытокъ мѣстнаго духовенства измѣнить существующую систему свободнаго, обязательнаго, свѣтскаго образованія, высказывались въ пользу мѣръ для распространенія трезвости и участвовали въ проведеніи законовъ о покровительствѣ дѣтямъ и усыновленіи, а также въ учрежденіи техническихъ школъ и женской инспекціи на фабрикахъ, въ больницахъ для умалишенныхъ и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ». Въ нѣкоторыхъ Сѣверо-американскихъ штатахъ: Колорадо, Утахѣ и Віомингѣ женщины уже пользуются избирательными правами и впервые въ 1896 г. принимали участіе въ президентскихъ выборахъ, увеличивая почти вдвое число избирателей въ этихъ штатахъ. За Макъ-Кинлея было подано 80.000 женскихъ голосовъ, а за Брайана 100.000, что, очевидно, доказываетъ сочувствіе женщинъ къ соціальной части программы кандидата неимущихъ, трудящихся классовъ, побѣжденнаго представителемъ капиталистовъ. Что касается до положенія въ Америкѣ вопросовъ о женскомъ образованіи и женскомъ трудѣ, то американская ассоціація женскихъ коллегій произвела въ только-что истекшемъ году два очень интересныхъ дознанія: она собрала свѣдѣнія о судьбѣ 451 женщины, окончившей курсъ въ женскихъ коллегіяхъ раз-

личныхъ штатовъ и мнѣнія многихъ фабрикантовъ, заводчиковъ, магазинщиковъ и т. д. о качествѣ женской работы. Въ первомъ отношеніи оказалось, что женщины, получившія высшее образованіе, состоятъ преимущественно учительницами (169), библіотекарями (47), стенографами (28), боннами (22), журналистами (19) и чиновниками (19). Насколько разнообразны занятія остальныхъ, можно судить по тому, что среди нихъ встрѣчаются: астрономы, составители гербаріевъ, сотрудники словарей, агенты страховыхъ обществъ, лаборанты, чтецы корректуръ, контролеры, счетчики, бухгалтеры, художники и т. д. Сравнительно, женщинъ-докторовъ въ Америкѣ очень немного, и изъ числа 20.000 членовъ указанной ассоціаціи только 2% имѣютъ докторскіе дипломы. По вопросу, въ какой степени оплачивается женскій трудъ, 250 женщинъ отвѣчали ассоціаціи, и изъ этихъ отвѣтовъ видно, что въ 150 случаяхъ женщины получаютъ меньше мужчинъ, въ 95—одинаковую плату и въ 5—большую. Изъ 90 работодателей, откликнувшихся на вызовъ ассоціаціи, 46 признали, что женская работа столь же удовлетворительна, какъ и мужская, 29—высказались за неудовлетворительность женской работы, 8 заявили—«частью женщины работаютъ удовлетворительно, а частью нѣтъ, смотря по предмету работы», а 7 дали неопредѣленныя отвѣты.

Если мы перейдемъ въ Европу, то увидимъ, что никогда еще женское движеніе не дѣлало такихъ успѣховъ и не обращало на себя такого вниманія, какъ въ прошедшемъ году. Дѣйствительно, три конгресса—въ Парижѣ, Женевѣ и Берлинѣ,—рядъ публичныхъ лекцій въ главнѣйшихъ интеллектуальныхъ центрахъ и постоянно увеличивающееся число спеціальныхъ журналовъ, уже не говоря о многочисленныхъ книгахъ и статьяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, энергично поддерживали агитацію въ пользу правъ женщинъ на образованіе, трудъ и общественную дѣятельность. Въ Германіи за послѣдніе мѣсяцы много сдѣлано для объединенія всѣхъ отдѣльныхъ теченій въ женской агитаціи, и на-дняхъ открывается съ этой цѣлью въ Берлинѣ первый женскій клубъ, подъ предсѣдательствомъ Мины Кауеръ, основавшей уже два женскія общества: «Verein Frauenwohl» и «Hilfsverein Weibliche Angestellte». Одинъ берлинскій журналистъ, Артуръ Киргофъ, обратился къ выдающимся нѣмецкимъ профессорамъ, учителямъ и литераторамъ съ просьбой высказать свое мнѣніе о способности женщинъ къ ученію и научной карьерѣ, и изъ полученныхъ отвѣтовъ составилъ очень любопытную книгу, подъ заглавіемъ: «Die akademische Frau» (Ученая женщина). Большинство приведенныхъ имъ отзывовъ склоняется къ тому, что современное общество не имѣетъ права отказывать женщинамъ въ средствахъ къ высшему образованію, даже если бъ ученая женщина была исключеніемъ, а нѣкоторые высказываются за полную способность женщинъ къ научнымъ занятіямъ. Напримѣръ, Іоганнъ Ортъ, директоръ патологиче-

скаго института въ Геттингенѣ, доказываетъ, что женщины ловчѣе мужчинъ владѣютъ пальцами, что̀ очень важно при операціяхъ, а профессоръ того же университета, Феликсъ Клейстъ, заявляетъ, что въ прошедшемъ году у него было на курсѣ высшей математики шесть женщинъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ были равны мужчинамъ. Что агитація женщинъ въ Великобританіи быстро двигается впередъ, доказываютъ отчетъ Эдинбургскаго университета за прошедшій годъ, по которому значится 188 студентокъ, статья профессора Блакки въ недавнемъ номерѣ «North American Review», гдѣ онъ подводитъ итоги женской борьбы на его родинѣ, доказывая, что если женщины одержали верхъ въ вопросахъ о высшемъ женскомъ образованіи, то, конечно, одержатъ вскорѣ побѣду и относительно избирательныхъ правъ, наконецъ, энергичная подготовка женскаго конгресса въ Лондонѣ въ 1898 г., подъ предсѣдательствомъ леди Абердинъ, жены генералъ-губернатора Канады, стоящей во главѣ англійскаго женскаго движенія. Но нигдѣ успѣхи этого движенія не были такъ замѣчательны въ прошедшемъ году, какъ во Франціи, которая въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ другихъ передовыхъ европейскихъ странъ, но въ послѣднее время стала быстро ихъ догонять и даже если не перегнала, то сравнялась съ ними.

Эволюція женскаго вопроса на родинѣ Жанны д'Аркъ представляется очень любопытной. Хотя въ старину и раздавались иногда голоса въ пользу уравненія женскихъ правъ, но, какъ всѣ реформы во Франціи, и женское движеніе начинается съ революціи. Сіесъ и Кондорсэ первые подняли голосъ за женщину и мало-по-малу образовалась нѣсколько женскихъ обществъ, которыя подавали петиціи въ національное собраніе о признаніи правъ женщины наравнѣ съ правами человѣка. Г-жа Орбъ, представительница общества женскихъ друзей конституціи, а за нею Олимпія Гуржъ, очень талантливая писательница, составили полную, въ 17 статей, программу справедливыхъ требованій женщины; въ 1793 году образовалось общество республиканскихъ женщинъ, подъ предсѣдательствомъ Розы Лакомбъ, которое придало болѣе широкое развитіе возбужденной агитаціи. Но дѣятели революціи, воспользовавшись сначала пылкой энергіей гражданокъ, обнаружили отсталые предразсудки, когда былъ поднятъ вопросъ о женскихъ правахъ и не только особымъ закономъ запретили женщинамъ участвовать въ политической жизни и закрыли всѣ женскіе клубы, которыхъ было особенно много въ провинціальныхъ центрахъ, но даже не дозволили имъ присутствовать при засѣданіяхъ національнаго собранія, противъ чего протестовалъ только одинъ депутатъ—Шарліе. Во время директоріи, консульства и имперіи женское движеніе спало непробуднымъ сномъ; при реставраціи были основаны двѣ газеты, поддерживавшія женскія права: «La Tribune des Femmes» и «La Gazette des Femmes», а въ эпоху іюльской монархіи

сенъ-симонисты вписали достиженіе этихъ правъ въ свою программу, и среди нихъ было нѣсколько очень талантливыхъ женщинъ, особенно Клара Демеръ и Флора Тристанъ. Наконецъ, въ 1848 году женщины подняли высоко свое знамя, образовали много клубовъ и стали издавать безконечное число журналовъ и газетъ, но практическаго результата не вышло изъ этой агитаціи, такъ какъ всѣ дѣятели того времени, за исключеніемъ Виктора Консидерана и Пьера Леру, отличались анти-женскими предразсудками героевъ первой революціи, несмотря на стойкую поддержку республики многими мужественными женщинами противъ декабрьскаго переворота. Однако, пѣвцомъ геройскаго мужества этихъ защитницъ республики явился Викторъ Гюго, бывшій однимъ изъ первыхъ бойцовъ за женское равенство и сказавшій въ 1859 г.: «XVIII вѣкъ провозгласилъ права человѣка, а XIX провозгласитъ права женщины». Въ концѣ второй имперіи возникло то женское движеніе, которое расширилось при третьей республикѣ и достигло теперь полнаго расцвѣта; его основательницей была Марія Дерэмъ, а ей неутомимо помогали Л. Рише, Альбертина Оклеръ и Евгенія Петонье-Пьеръ; онѣ издавали двѣ газеты: «Le droit des Femmes» и «La Citoyenne», созвали первый женскій конгрессъ въ Парижѣ въ 1878 г., образовали нѣсколько женскихъ обществъ, для объединенія которыхъ учрежденъ въ 1891 г. всемірный союзъ женщинъ подъ предсѣдательствомъ Клемансы Ройэ. Собравшійся въ Парижѣ въ 1893 г. первый международный женскій конгрессъ придалъ новыя силы агитаціи, которая дружно ведется женщинами и ихъ энергичными сторонниками среди видныхъ современныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей. Не только въ журналистикѣ, на публичныхъ митингахъ и въ обществѣ раздаются вѣскіе мужскіе голоса въ пользу женскихъ правъ, но и въ палатѣ общинъ составилась особая группа подъ этимъ названіемъ въ 16 человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ Бокье. Въ прошедшемъ году это движеніе сдѣлало замѣчательные успѣхи: международный конгрессъ въ Парижѣ доказалъ воочію всю практичность агитаціи; въ Руанѣ открыта первая выставка женскаго труда; въ палатѣ общинъ проведенъ законъ, дозволяющій замужнимъ женщинамъ пользоваться плодами своего труда, что было для нихъ до сихъ поръ недостижимо; окончательно окрѣпли и дружно дѣйствуютъ теперь въ Парижѣ восемь женскихъ обществъ и шесть женскихъ органовъ печати. Но, быть можетъ, краснорѣчивѣе энергичной дѣятельности Маріи Поньонъ, Евгеніи Петонье-Пьеръ, г-жи Ферессъ Дерэмъ, г-жи Жанны Шмаль, Маріи Мартинъ Гріесъ-Траутъ, стоящихъ во главѣ женскаго движенія во Франціи, говоритъ въ пользу успѣховъ этого движенія его быстро развивающаяся популярность. Надъ женскими правами уже не смѣются, какъ прежде, а ихъ изучаютъ и отстаиваютъ такіе выдающіеся публицисты, какъ Леопольдъ Лакуръ, Поль Гервье, Жюль Казъ, Генри Фукье, Жюль Буа, Генри Бауеръ

и т. д. Во французской коллегіи въ нынѣшнемъ семестрѣ профессоръ Флашъ читаетъ рядъ лекцій, посвященныхъ современному положенію женщинъ во Франціи. Даже клерикалы протянули руку помощи женщинамъ: при содѣйствіи аббата Фремона и виконтессы Атмаръ открытъ женскій институтъ христіанскаго покровительства для высшаго женскаго образованія и устроенъ особый классъ для женщинъ въ католическомъ институтѣ, имѣющемъ характеръ клерикальнаго частнаго университета. Наконецъ, среди аристократіи начинаетъ сильно распространяться женская пропаганда, и пресловутая герцогиня Юзесъ, покровительница Буланже, состоитъ предсѣдательницей одного изъ наиболѣе энергичныхъ женскихъ обществъ «L'avant-courière», основательница котораго, г-жа Шмаль, напечатала на-дняхъ, имѣющую громадный успѣхъ брошюру: «Будущность брака». Еще больше шума произвелъ выпущенный въ концѣ ноября мѣсяца спеціальный номеръ «Revue Encyclopedique», подъ названіемъ «Les femmes et les feministes», въ которомъ рядомъ съ защитой женскихъ правъ такими писателями, какъ Ибсенъ, Брандесъ, Іокай, Рони, Гервье и т. д., напечатаны очерки эволюціи женскаго вопроса во Франціи и, главное, галлерея съ портретами ста тридцати трехъ современныхъ женщинъ, доказывающихъ своею дѣятельностью въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и общественной жизни, на что онѣ способны. Прибавимъ ко всему сказанному, что если женское движеніе можетъ съ гордостью указать на свои успѣхи въ прошедшемъ году, то это происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что женщины написали на своемъ знамени «свобода и справедливость», придали своей агитаціи практическій, строго законный характеръ и теперь добиваются не свободной любви и мужского костюма, возбуждавшихъ нѣкогда столько насмѣшекъ, а знанія, куска хлѣба и участія въ общественныхъ дѣлахъ.

1896 годъ будетъ долго памятенъ въ исторіи высшаго образованія во Франціи: старые университеты съ ихъ прежнимъ если не полнымъ, то относительнымъ самоуправленіемъ возстановлены въ Парижѣ и четырнадцати провинціальныхъ центрахъ, именно: въ Тулузѣ, Ліонѣ, Реннѣ, Бордо, Монпелье, Пуатье, Лиллѣ, Дижонѣ, Гренобліѣ, Клермонѣ, Каенѣ, Безансонѣ, Нанси и Э. Эта реформа введена закономъ 16 іюля прошедшаго года, который составленъ радикальнымъ министерствомъ Буржуа и только утвержденъ при его преемникѣ Мелинѣ, а примѣненъ на практикѣ еще только въ Парижѣ и Монпелье. Открытіе этихъ двухъ новыхъ, или скорѣе, видоизмѣненныхъ университетовъ состоялось съ обычнымъ въ этихъ случаяхъ торжествомъ, причемъ высокопоставленные ораторы, отъ президента Фора и министра народнаго просвѣщенія Рамбо до предсѣдателей мѣстныхъ муниципалитетовъ и профессоровъ, выяснили все значеніе для высшаго образованія во Франціи совершенной реформой, которой Франція ждала около ста лѣтъ. Какъ извѣстно, корни французскаго университетскаго

образованія скрываются въ отдаленной эпохѣ друидовъ. Юліанъ Отступникъ сдѣлалъ свою любимую Лютецію центромъ просвѣщенія и созвалъ туда епископовъ со всей Галліи для обсужденія богословскихъ споровъ, а Карлъ Великій далъ парижскому университету первый статутъ, или хартію, расширенную Карломъ V и Франциской I. Данте слушалъ лекціи, тогда славившагося во всемъ свѣтѣ, Парижскаго университета и получилъ тамъ ученую степень. Игнатій Лойолла и Кальвинъ въ одно время, хотя и въ разныхъ коллегіяхъ, изучали въ Парижѣ богословіе и покинули университетъ въ одномъ году и съ одинаковыми учеными степенями. Съ большимъ или меньшимъ ученымъ авторитетомъ существовала Alma Mater, по образцу которой учреждены многіе европейскіе университеты, до революціи, когда были уничтожены всѣ старинныя монархическія учрежденія, подъ которыя подвели тогдашніе демократическія дѣятели и центры высшаго образованія. Наполеонъ создалъ одинъ университетъ во Франціи, съ подчиненными ему отдѣльными и не имѣющими ничего между собою общаго факультетами, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ. Въ этомъ видѣ около ста лѣтъ прозябали французскіе университеты, которые въ сущности представляли только высшія школы, подчиненныя строгой административной централизаціи. Это, конечно, не мѣшало появленію на университетскихъ каѳедрахъ длиннаго ряда знаменитыхъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ профессоровъ, но между ними и студентами не было никакой внутренней связи, не существовало и тѣни университетскаго самоуправленія, а профессоры играли роль только лекторовъ и экзаменаторовъ. Только со времени учрежденія третьей республики, благодаря иниціативѣ Жюля Ферри, началась постепенная реформа этихъ ненормальныхъ порядковъ, задерживавшихъ развитіе настоящаго высшаго образованія, которое, по мѣткому выраженію Мишле, имѣло въ продолженіе послѣднихъ ста лѣтъ ту отличительную черту, что между университетомъ и народомъ зіяла громадная бездна. Эта бездна, по словамъ предсѣдателя парижскаго муниципальнаго совѣта Бодена, въ его рѣчи, произнесенной при открытіи видоизмѣненнаго Парижскаго университета, въ концѣ ноября прошедшаго года, пополнена длиннымъ рядомъ узаконеній, принятыхъ парламентомъ въ продолженіе десяти лѣтъ и увѣнчанныхъ закономъ 1896 года. Теперь французскіе университеты получили, хотя и не полное, но относительное самоуправленіе: всѣ факультеты составляютъ одно общее, подъ названіемъ университета, который управляется общимъ университетскимъ совѣтомъ, и хотя ректоръ, а также профессоры назначаются правительствомъ, но изъ лицъ, представленныхъ совѣтомъ, который пользуется всѣми правами и преимуществами юридическаго лица. «Если названіе университета снова воскресло,—сказалъ на парижскомъ университетскомъ торжествѣ ректоръ Грearъ,—то, конечно, потому, что никакое другое слово такъ точно не опредѣляетъ идеи-гармоніи, которая должна

руководить высшимъ образованіемъ. Расширять и укрѣплять умы, открывать имъ новые взгляды на обширное поле человѣческихъ знаній и указывать имъ одну общую точку единенія всѣхъ этихъ знаній составляетъ, несомнѣнно, основу той системы обученія, которая имѣетъ цѣлью создать ученыхъ, профессоровъ и учителей. Прежнія отдѣльныя, отрывочныя, ничѣмъ не связанныя знанія теперь все болѣе и болѣе замѣняются единой цѣльной наукой, стремящейся къ той вершинѣ, съ которой, по словамъ Даламбера, вселенная должна казаться человѣку однимъ пунктомъ, одной истиной. Концентрированіе всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ знанія составляетъ цѣль современнаго университета, и, согласно новой университетской системѣ, прежняя разрозненность факультетовъ замѣняется общей солидарностью университетскихъ совѣтовъ». Развивая ту же идею объ университетской солидарности, секретарь парижскаго университетскаго совѣта, извѣстный историкъ, Лависъ, въ своей рѣчи по тому же случаю, указалъ на необходимость распространенія того же принципа среди учащейся молодежи, которая, вмѣстѣ съ профессорами, составляетъ одну общую, свободную корпорацію, имѣющую, какъ древній Янусъ, два фаса: одинъ—обращенный на XIII вѣкъ—эпоху наибольшей славы alma mater omnium universitatum, а другой—на XX вѣкъ.

Демократизація высшаго образованія составляетъ отличительную черту конца XIX вѣка, и та форма, въ которую она вылилась, именно система распространенія университетскаго образованія на Западѣ и въ Америкѣ принимаетъ съ каждымъ днемъ новыя видоизмѣненія. Въ напечатанныхъ въ англійскихъ газетахъ свѣдѣніяхъ объ успѣхахъ этихъ народныхъ университетовъ въ странѣ ихъ возникновенія, кромѣ общихъ результатовъ, обращаетъ на себя особое вниманіе новый ихъ видъ, именно: прибавленіе къ общему курсу спеціальнаго изученія земледѣлія въ училищѣ распространенія университетскаго образованія въ провинціальномъ городѣ Ридингѣ. Это училище основано четыре года назадъ на общія средства мѣстнаго муниципалитета, Оксфордскаго университета, департамента земледѣлія и ассоціаціи англійскихъ молочныхъ фермъ. Всего въ этомъ училищѣ находится теперь 670 учениковъ, посѣщающихъ спеціальные курсы на четырехъ факультетахъ: педагогическомъ, естественномъ, художественномъ и земледѣльческомъ; кромѣ того, тамъ читаются публичныя лекціи, на которыхъ постоянныхъ слушателей числится 1.500. Новый элементъ въ этомъ народномъ университетѣ, именно обученіе земледѣлію, въ короткое время увѣнчался такимъ успѣхомъ, что ассоціація англійскихъ молочныхъ фермъ перевела туда изъ Эльсбюри свою образцовую молочную школу и строитъ въ Ридингѣ новое, великолѣпное зданіе, которое получитъ названіе молочнаго института и будетъ стоить болѣе 4.000 фун. стерл. Если отъ этого новаго вида народнаго университета мы перейдемъ къ дѣятельности распространенія университетскаго образованія въ Англіи

за прошедшій годъ, то увидимъ, что въ Оксфордскомъ университетѣ на 238 курсахъ слушало лекціи 23.051 челов., въ Кембриджѣ на 233 курсахъ—15.824 и въ Лондонѣ на 136 курсахъ—13.374. Лондонское общество распространенія университетскаго образованія, въ своемъ прошлогоднемъ отчетѣ, указываетъ съ особеннымъ удовольствіемъ на серьезный характеръ посѣтителей его курсовъ, что доказывается постояннымъ возвышеніемъ процента лицъ, получающихъ экзаменаціонныя свидѣтельства. Такихъ свидѣтельствъ получило въ 1896 году 1.900 человѣкъ, что составитъ 14% всѣхъ слушателей, а въ предъидущіе двѣнадцать мѣсяцевъ этотъ процентъ выражался двѣнадцатью. Съ такой же гордостью сослался на годичномъ собраніи этого общества его предсѣдатель, сэръ Джонъ Лоббокъ, на тотъ фактъ, что устраиваемые курсы все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ общей послѣдовательной системы и что въ прошедшемъ году изъ 148 курсовъ только 36 не входили въ общую программу.

III.

Между журналами и газетами.

Кооперативное молочное хозяйство въ Голландіи.—Съ нѣкоторыхъ поръ въ Голландіи процвѣтаетъ самая простая и всѣмъ доступная форма кооперація въ молочномъ хозяйствѣ. Два англійскихъ сельскихъ хозяина, Гербертъ Смитъ и Эрнестъ Триплинъ, посвящаютъ этому любопытному явленію обстоятельный очеркъ въ ноябрьской книжкѣ «Nineteenth Century» [1]). Во всей Голландіи существуютъ многочисленныя сыроварни и маслобойни, которыя производятъ прекрасные продукты, и все дѣло ведется на слѣдующихъ основаніяхъ: напримѣръ, въ округѣ, имѣющемъ 15 или 20 фермъ, въ которыхъ отъ 50 до 120 акровъ въ каждой, устраиваютъ въ центральномъ мѣстѣ и непремѣнно по близости отъ канала или желѣзной дороги сыроварню и маслобойню, на общій счетъ всѣхъ фермеровъ. Каждый изъ нихъ ежедневно отвозитъ туда молоко, получаемое отъ собственныхъ коровъ, и привозитъ обратно сыворотку для корма свиней и телятъ. Назначаемый всѣми фермерами управляющій ведетъ дѣло на сыроварнѣ и маслобойнѣ, нанимаетъ необходимыхъ помощниковъ, производитъ сыръ и масло, а затѣмъ продаетъ ихъ на рынкахъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ счета балансируются, расходы высчитываются изъ валового дохода, и получаемая прибыль дѣлится между фермерами, соотвѣтственно тому количеству молока, которое каждый изъ нихъ поставилъ. Эта простая и

---

[1]) «English and Dutsh Dairy Farming», by Herbert Smith and Ernest Trepplin. «Nineteenth Century». November 1896.

практическая форма кооперативнаго хозяйства преобладаетъ въ Голландіи, принося значительный доходъ ея участникамъ. Хотя существуютъ и акціонерныя общества, которыя покупаютъ молоко у фермеровъ, а нѣкоторые фермеры сами производятъ у себя дома масло и сыръ; но кооперативныя сыроварни и маслобойни признаются всѣми за наиболѣе выгодныя и успѣшныя: по внутреннему устройству, онѣ представляютъ прекрасныя каменныя или кирпичныя зданія, со всѣми современными приспособленіями и электрическимъ освѣщеніемъ. Все это производится самими фермерами, на строго кооперативномъ началѣ, а административныя власти вмѣшиваются только въ одну фазу производства и доставки на рынокъ сыровъ и масла, именно въ взвѣшиваніе ихъ, причемъ накладываютъ свои штемпеля, что уничтожаетъ возможность всякаго спора между покупщикомъ относительно вѣса. Кромѣ подробностей о кооперативномъ молочномъ хозяйствѣ въ Голландіи, авторы указанной статьи сообщаютъ и любопытныя свѣдѣнія о тамошнихъ поселянахъ. Бо́льшая часть земли обрабатывается самими ея собственниками, а остальная, около 2.000.000 акровъ, отдается въ наемъ, но выгодной, но не обременительной для земледѣльцевъ цѣнѣ. Рабочіе на фермахъ получаютъ очень хорошую плату, именно отъ 12 до 15 шиллинговъ въ недѣлю, кромѣ ежедневнаго завтрака, состоящаго изъ хлѣба и молока, или кофе. Но за то и рабочіе работаютъ вдвое больше, чѣмъ средній англійскій земледѣлецъ: они буквально трудятся отъ восхода до захода солнца и лѣтомъ доятъ коровъ въ 4 часа утра и 4 дня, что въ Англіи неслыханно. Вообще, голландскіе поселяне — народъ честный, довольный и веселый.

Елена Кей и ея дѣятельность въ Стокгольмѣ.—Во всей Скандинавіи нѣтъ популярнѣе имени—Елены Кей. Она дочь шведскаго парламентскаго дѣятеля, который недавно умеръ, посвятивъ всю свою жизнь на разумную организацію партіи поселянъ въ Швеціи. Его дочь, напротивъ, поставила себѣ цѣлью заботиться всѣми силами о благосостояніи рабочихъ. Она отдалась этому дѣлу всѣмъ сердцемъ, всѣмъ умомъ и теперь пользуется громаднымъ вліяніемъ не только среди трудового населенія, но и въ мірѣ литературномъ и художественномъ. Она посвятила себя одинаково улучшенію какъ нравственнаго, такъ и умственнаго и матерьяльнаго положенія бѣдныхъ людей. Не смотря на то, что въ ея жилахъ течетъ аристократическая кровь, — ея мать была графиня Поссе, имѣвшая родственныя связи съ высшими родами Швеціи,—она довольствуется скромнымъ положеніемъ учительницы въ смѣшанной школѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Для расширенія своей дѣятельности, она основала съ помощью доктора Антона Нистрема, въ Стокгольмѣ, цѣлый особый институтъ. Это образцовое учрежденіе имѣетъ прекрасное центральное помѣщеніе въ столицѣ и отдѣлы почти во всѣхъ провинціальныхъ городахъ. Повсюду организованы курсы попу-

лярныхъ лекцій по исторіи, философіи, литературѣ, естественнымъ наукамъ, которые привлекаютъ все болѣе и болѣе слушателей. Сама г-жа Кей читаетъ шведскую литературу и, кромѣ того, завѣдуетъ созданнымъ ею отдѣломъ статистики, въ которомъ помогаютъ ей собирать необходимые матерьялы, подготовленныя ею для этой цѣли молодыя работницы 16—17 лѣтъ. Каждое воскресенье въ своей скромной квартирѣ она принимаетъ цѣлыя толпы бѣдняковъ, которые стекаются къ ней за совѣтомъ какъ по своимъ общественнымъ, такъ и по семейнымъ вопросамъ. Хотя она является однимъ изъ главныхъ ораторовъ на ежегодномъ празднованіи 1-го мая и много сдѣлала для распространенія соціалистическихъ идей въ Швеціи, но она признаетъ соціализмъ не цѣлью, а средствомъ. Ей непріятна мысль объ обществѣ-машинѣ, которое замѣнило бы теперешній общественный строй, и, подобно своему другу, нѣмецкому соціалъ-демократу, Вольмару, женатому на шведкѣ, она возстаетъ противъ общей централизаціи, а, напротивъ, стоитъ за мелкія, независимыя группы, въ которыхъ могли бы развиться выдающіяся личности. Для достиженія своего идеала, она считаетъ необходимымъ полное преобразованіе трудящихся классовъ нравственнымъ, умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, для чего она и создала свой институтъ, съ помощью доктора Нистрема, апостола позитивизма въ Швеціи. Трудно себѣ представить что-нибудь, болѣе любопытное и характеристичное, какъ составъ совѣта, завѣдывающаго этимъ институтомъ: въ немъ сидятъ рядомъ консервативные депутаты, даже министры и соціалисты, какъ Хіальмаръ Брантингъ, такія европейскія знаменитости, какъ Норденшильдъ, и простые деревенскіе ремесленники. Не смотря на все это разнообразіе, дѣло идетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ прекрасно, и всѣ стараются превзойти другъ друга въ усиліяхъ на общее благо; но всѣхъ энергичнѣе и плодотворнѣе работаетъ сама Елена Кей. Удивительно, что у нея достаетъ еще времени на литературные труды: она то пишетъ характеристику Гёте, то изучаетъ шведскаго писателя Альмквиста, предшественника, съ одной стороны, Бодлера и Нитше, а съ другой—символистовъ, то издаетъ біографіи знаменитой Софьи Ковалевской и ея друга, Анны Лефлеръ, герцогини Каянелло, то издаетъ читанную ею лекцію студентамъ въ Христіаніи о соціализмѣ и индивидуализмѣ, то составляетъ популярныя политическія брошюры, въ которыхъ, главнымъ образомъ, пламенно отстаиваетъ демократическую Норвегію въ ея патріотической борьбѣ со Швеціей. Въ настоящее время Елена Кей занята составленіемъ популярной исторіи шведской литературы, и авторъ небольшой, но интересной статьи о ней, въ «Revue Encyclopedique», А. Люгнэ-Поэ [1]), изъ которой мы заимствовали ея характеристику, говоритъ, что нельзя съ достаточнымъ уваженіемъ отнестись

[1]) «Ellen Key», par A. Lugné-Poe. «Revue Encyclopedique.» 10 Oktobrr 1896.

къ подобной талантливой, достойной и человѣчной женщинѣ, служащей, по словамъ знаменитаго датскаго критика Брандесса, «истинной представительницей шведскаго генія».

Образцовое городское управленіе въ Бирмингамѣ.—Если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ городовъ въ свѣтѣ, по примѣрному веденію городскихъ дѣлъ, считается Бирмингамъ. Муниципальное хозяйство достигло тамъ своего процвѣтанія мало-по-малу, со времени вступленія въ должность мэра извѣстнаго Джозефа Чамберлэна, который первоначальную свою общественную дѣятельность посвятилъ устройству городскихъ дѣлъ въ Бирмингамѣ, а потомъ уже, пріобрѣтя на этомъ поприщѣ себѣ славу, перешелъ на министерскую арену, гдѣ сначала, въ кабинетахъ Гладстона, какъ радикалъ, а теперь въ министерствѣ лорда Солсьбери, какъ либеральный отщепенецъ, игралъ и играетъ видную роль. Во всякомъ случаѣ, говорить о городскомъ управленіи Бирмингама нельзя, не упоминая объ его организаторѣ Чамберлэнѣ, и Джоржъ Паркеръ, въ своей статьѣ по этому предмету, въ ноябрьской книжкѣ «Century Magazine» [1]), ясно указываетъ на этотъ фактъ. Первая реформа, введенная Чамберлэномъ, на слѣдующій же годъ послѣ избранія его въ мэры, состояла въ выкупѣ городомъ газоваго освѣщенія у существовавшихъ тогда акціонерныхъ компаній, и это дѣло велось съ тѣхъ поръ городомъ такъ успѣшно, что употребленіе газа распространилось не только по всѣмъ улицамъ, но и въ значительномъ числѣ домовъ, именно въ 160.000, а самый газъ сильно подешевѣлъ. Тоже, но гораздо съ большими усиліями, произведено и въ дѣлѣ снабженія жителей Бирмингама водой, хотя ни въ самомъ городѣ, ни вокругъ него нѣтъ рѣкъ, или крупныхъ источниковъ воды, а потому пришлось вести воду издалека, именно изъ Уэльса, что стоило чрезвычайно дорого; но въ концѣ концовъ, Бирмингамъ пользуется хорошей и дешевой водой. Всѣмъ этимъ дѣломъ завѣдуетъ особая водяная коммиссіи изъ восьми компетентныхъ лицъ, работающихъ даромъ для общаго блага и дѣятельность которыхъ не вызывала ни малѣйшаго подозрѣнія въ корыстныхъ поступкахъ, или въ какихъ-либо упущеніяхъ. Какъ одинъ изъ главныхъ центровъ англійской промышленности, Бирмингамъ въ прежнія времена страдалъ не менѣе Лондона отвратительными трущобами, которыя были разбросаны по всему городу и даже въ двухъ шагахъ отъ ратуши и самыхъ лучшихъ улицъ въ городѣ. Къ реформѣ своего главнѣйшаго слабаго мѣста Бирмингамъ приступилъ самымъ радикальнымъ и раціональнымъ образомъ. Прежде всего весь городъ былъ подвергнутъ строгому санитарному осмотру, а затѣмъ снесено 3.744 дома, оказавшихся наиболѣе вредными, и на ихъ мѣстѣ проведены двѣ широкія улицы съ удобными для бѣдныхъ людей, преимущественно рабочихъ, небольшими

[1]) «An Object-lesson in Municipal goverment; showing how public affairs are conducted in the city of Birmingham», by G. Parker. «Century Magazine». November. 1896.

домиками. На все это городъ израсходовалъ 2.000.000 фун. стерлинг., но благотворный результатъ подобной реформы тотчасъ же далъ себя почувствовать: въ прежнее время смертность въ означенной мѣстности доходила до 52,2% населенія, а черезъ три года послѣ реформы она понизилась до 21,3%. Другое, менѣе важное санитарное преобразованіе относилось къ очисткѣ нечистотъ, которыя теперь отведены на городскія фермы, находящіяся въ 1.300 акрахъ отъ Бирмингама. Наконецъ, для оздоровленія города много сдѣлали устройство лучшей мостовой въ большинствѣ улицъ и образцовое ихъ содержаніе особымъ муниципальнымъ комитетомъ, устройство семи парковъ, пяти открытыхъ мѣстъ для игръ и двухъ садовъ въ различныхъ частяхъ города, наконецъ, проведеніе на городской счетъ конокъ по всѣмъ направленіямъ, что даетъ возможность бѣднымъ людямъ селиться на болѣе здоровыхъ окраинахъ города. Въ дѣлѣ народнаго образованія Бирмингамъ сдѣлалъ если не болѣе, то, во всякомъ случаѣ, не менѣе. Хотя первоначальныя школы и находятся въ завѣдываніи не города, а особаго школьнаго совѣта, но муниципалитетъ щедро оказываетъ помощь этому совѣту въ содержаніи и увеличеніи его школъ. Кромѣ того, онъ завелъ нѣсколько образцовыхъ техническихъ училищъ, художественную школу съ замѣчательнымъ музеемъ и цѣлый рядъ даровыхъ читаленъ, изъ которыхъ центральная имѣетъ до 200.000 книгъ, въ томъ числѣ драгоцѣнныя собранія сочиненій по изученію Шекспира, Мильтона и Байрона. Конечно, всѣ эти городскія улучшенія стоятъ очень дорого, и уплата муниципальныхъ налоговъ увеличилась за послѣднія двадцать лѣтъ съ 14 шилл. на 23 шилл. 6 пенс. въ годъ съ каждаго жителя, а городской долгъ доходитъ до 8.000.000 фун. стер., но бирмингамцы не ропщутъ, а съ удовольствіемъ не только платятъ старые долги и текущіе расходы, но и охотно соглашаются на новые займы, если этого требуютъ интересы города. Такое отношеніе къ дѣлу вполнѣ понятно, такъ какъ бирмингамцы пользуются самой либеральной системой городского самоуправленія, а въ дѣлѣ новыхъ займовъ необходимъ referendum, т.-е. отобраніе голосовъ у всѣхъ жителей города, платящихъ налоги. Городской совѣтъ избирается всѣми гражданами, какъ мужского, такъ и женскаго пола, владѣющими или нанимающими домъ, лавку, мастерскую или участокъ земли, доходъ которыхъ оцѣненъ свыше 10 фун. стерл. Срокъ дѣятельности совѣта годичный, а въ члены различныхъ комитетовъ могутъ быть избираемы и посторонніе лица. Составъ совѣта, въ полномъ смыслѣ слова, представительный. Такъ, въ настоящее время въ немъ засѣдаютъ изъ общаго числа 72 членовъ—23 мануфактуриста, 6 джентльменовъ, не занимающихся никакимъ опредѣленнымъ дѣломъ, 6 торговцевъ, а остальные состоятъ изъ докторовъ, аптекарей, адвокатовъ, стряпчихъ, лавочниковъ, издателей газетъ и т. д. Со времени начала городскихъ реформъ только одинъ разъ, и то лишь на годъ, попалъ въ городской совѣтъ кабат-

чикъ. Ни одинъ изъ членовъ совѣта не пользуется никакой привилегіей и не имѣетъ дарового доступа ни на конки, ни на желѣзныя дороги, ни въ театры, ни въ какія-либо увеселительныя мѣста. Онъ подвергается удаленію отъ мѣста и пенѣ въ 50 фунт. стер. за заключеніе съ городомъ какого-либо контракта или продажу городу какого-либо предмета. Въ этомъ отношеніи строгость доходитъ до того, что одинъ членъ какого-то городского комитета, уличенный въ желаніи продать городу участокъ земли, былъ вынужденъ, по настоянію товарищей, подать въ отставку. Вся комитетская работа даровая, а получаютъ жалованье только чиновники, какъ секретари, казначеи, землемѣры, доктора и т. д., причемъ жалованье главныхъ чиновниковъ очень значительно, именно: городской секретарь получаетъ 2.200 ф. ст., городской землемѣръ—1.400, городской казначей—1.050 и т. д. Мэръ выбирается ежегодно, и хотя, по закону, онъ можетъ не быть членомъ совѣта, но подобнаго примѣра еще не было. Онъ не только не получаетъ жалованья, но расходуетъ по своей должности отъ 1.000 до 2.000 ф. ст. въ годъ. Главная причина замѣчательнаго успѣха городского управленія въ Бирмингамѣ, по словамъ Паркера, заключается въ безупречной честности и добросовѣстности всѣхъ городскихъ дѣятелей. «Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь сомнѣвался въ честности совѣта и его членовъ. Иногда слышались жалобы на неспособность того или другого городского дѣятеля, но никогда не было ни малѣйшаго скандала относительно общественныхъ работъ, газоваго освѣщенія, водянаго снабженія, дѣйствій полиціи, находящейся въ вѣдѣніи города, и т. д. Просто немыслимо, чтобы въ бирмингамскомъ муниципалитетѣ зашла рѣчь о томъ, чтобы кто-нибудь изъ его членовъ мирволилъ своимъ пріятелямъ и друзьямъ по какой-нибудь отрасли городского хозяйства. Даже еслибы и нашелся такой членъ совѣта или многочисленныхъ комитетовъ, который рѣшился бы сдѣлать что-либо нечестное, то зоркое наблюденіе за всѣми городскими дѣлами, какъ прессой, такъ и самими обывателями, дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе подобнаго замысла».

В. Т

НАРОДНЫЯ БИБЛІОТЕКИ ПАРИЖА.

I.

Еще не особенно давно Парижъ считался законодателемъ Европы. Все, что исходило отъ Парижа, считалось достойнымъ подражанія. Передъ нимъ преклонялись и враждебная Германія, и все презирающая Англія, а всѣхъ больше, конечно, Россія. Короче, Парижъ былъ одновременно и кумиромъ, и баловнемъ культурной Европы.

Съ середины 80 гг., вслѣдствіе многихъ причинъ, слѣпое поклоненіе Парижу начинаетъ замѣняться отношеніемъ критическимъ. Парижъ перестаетъ быть идеаломъ; въ его жизни оказывается много темныхъ сторонъ, которыя уже не скрываются, не прощаются. Настроеніе это ростетъ быстро, и вскорѣ Парижъ окончательно впадаетъ въ немилость. «Столица міра» превращается въ «грязный вертепъ», а Франція въ «вырождающуюся страну».

Нельзя сказать, чтобы это утвержденіе было совсѣмъ безосновательно. За послѣдніе годы Парижъ, дѣйствительно, проявилъ не мало симптомовъ вырожденія. Въ области политической и соціальной жизни—«панамы» всѣхъ родовъ и видовъ, воровство и продажность; въ области умственной жизни—походъ противъ науки, поворотъ къ метафизикѣ; въ области религіи—возвратъ къ католицизму, къ мистицизму и, рядомъ съ этимъ, возрожденіе самыхъ дикихъ, безсмысленныхъ культовъ, когда-либо созданныхъ больной человѣческой фантазіей; въ области искусства — декадентство въ его самыхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ; въ печати—полнѣйшая безпринципность, шантажъ, реклама и порнографія; въ личной и семейной жизни—потеря всякихъ идеаловъ, адюльтеръ и грязнѣйшій развратъ, доходящій до эротоманіи; въ международныхъ отношеніяхъ — рядомъ съ узкимъ національзмомъ: «Франція для французовъ!» — пресмыкательство передъ союзниками, и т. д., и т. д.

Если мнѣнія расходятся относительно причинъ этихъ печальныхъ явленій, то всѣ согласны относительно ихъ характера, ихъ принадлежности исключительно Парижу—Франціи.

Составляютъ-ли, однако, всѣ эти симптомы вырожденія съ парижскимъ ярлычкомъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ спеціально парижское? Если посмотрѣть внимательно, не трудно замѣтить, что вся Европа, отъ Гибралтара до береговъ Колхиды, проявляетъ тѣ же недуги, что и со-

временная Франція, только, можетъ быть, не такъ шумно и интенсивно. Итальянское «панамино»—прямая копія французской «панамы»: тѣ же «воры крупные, съ кокардами», тѣ же «кражи, чуть не милліардами»; англійскіе эстеты и прерафаэлиты, какъ и итальянская школа д'Аннунціо, если не настолько бездарны, то, во всякомъ случаѣ, настолько же «декадентны» по формѣ и гораздо антипатичнѣе по направленію, чѣмъ «школа Вернена»; поворотъ къ клерикализму и реакціи достаточно ярко выразился на послѣднихъ выборахъ и въ Бельгіи, и въ Англіи, и въ Австріи; увлеченіе метафизикой сдѣлалось болѣзнью всей Европы; проповѣдь грубаго и дикаго индивидуализма, высказанная въ Германіи громко и рѣзко устами несчастнаго Нитчше, встрѣчена, какъ откровеніе, сдѣлалась моднымъ ученіемъ, и т. д. Все это—явленія одного цикла съ тѣми, которыя имѣютъ мѣсто въ Парижѣ. Они одинаково типичны какъ для Парижа, такъ и для Лондона и Берлина; какъ для Франціи, такъ и для Австріи и Италіи.

Одна изъ характернѣйшихъ особенностей Парижа — его чувствительность ко всякой новинкѣ. На всякій звукъ, откуда бы онъ ни шелъ и какъ бы онъ ни прозвучалъ, Парижъ непремѣнно родитъ свой откликъ, всегда громкій и шумный. Парижъ быстро все схватываетъ, ассимилируетъ и на второй день уже выдаетъ подъ собственнымъ ярлычкомъ, какъ нѣчто спеціально парижское. Это, да еще то, что на Парижъ до сихъ поръ продолжаютъ смотрѣть, какъ на законодателя «моды», и есть причина, что Парижу одному приписывается много такого, что не имъ создано и не его характеризуетъ.

Въ сущности, всѣ симптомы вырожденія—отъ «грандіознаго» воровства до «утонченнаго скотства», разврата—зародились и выросли исключительно въ средѣ одного класса, который стоитъ теперь, какъ масло на водѣ, на поверхности рѣшительно во всей культурной Европѣ, выдвигая изъ своей среды и политическихъ дѣятелей, и ученыхъ, и мыслителей, и дѣятелей печати...

Нельзя, конечно, не признать, что явленія дегенераціи, выражаясь особенно рельефно на почвѣ парижской жизни, даютъ особенный тонъ и окраску этой жизни. Но даютъ-ли они ей направленіе? Являются-ли они въ какой-нибудь мѣрѣ указателями ея будущаго? Свидѣтельствуютъ-ли они хоть сколько-нибудь о тѣхъ задаткахъ, которые таитъ въ себѣ жизнь великаго города?

Чтобы изучить Парижъ въ цѣломъ, Парижъ съ его около двухъ-съ-половиною-милліоннымъ разнохарактернымъ населеніемъ, еще недостаточно останавливаться на «громкихъ» явленіяхъ, какъ бы типичны они ни были. Для этого слѣдуетъ брать явленія, выростающія естественно и постепенно на почвѣ парижской жизни и органически съ нею связанныя.

И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, помимо той горсти, хотя и значительной, мошенниковъ, развратниковъ и психопатовъ, которые лишь потому не

уводятся безъ шума въ тюрьмы и дома умалишенныхъ, что имъ удалось, а при нынѣшнемъ строѣ это для ловкихъ людей не трудно—взобраться на видное мѣсто, помимо нихъ въ Парижѣ есть еще много сотенъ тысячъ честныхъ тружениковъ, отъ простого рабочаго до геніальнаго мыслителя, которые не только работаютъ для настоящаго, но создаютъ и будущее. Помимо разныхъ «пикантныхъ заведеній», вертеповъ, храмовъ сатаны, декадентскихъ салоновъ и т. п., въ Парижѣ есть еще и университеты, и академіи, замѣчательные музеи, читаются всевозможные курсы, существуютъ сотни школъ, сотни библіотекъ и проч. Медленно, но широко и безпрерывно идетъ великая культурная работа, которая одна даетъ Парижу извѣстную почву, опредѣляетъ его будущность.

Съ другой стороны, при теперешнемъ составѣ общества и группировкѣ классовъ, столичная жизнь создаетъ нѣкоторыя особенныя явленія, достойныя глубокаго вниманія. Проституція во всѣхъ ея формахъ, алкоголизмъ, самоубійства, нищета, выдѣляющая сотни тысячъ людей въ особый классъ паріевъ—съ одной стороны; съ другой—растущее самосознаніе рабочаго класса во всѣхъ его проявленіяхъ, женское движеніе, и т. д. Вотъ всѣ эти и многія другія аналогичныя явленія, свѣтлыя и темныя, культурныя и антикультурныя, представляются намъ наиболѣе типичными для характеристики... если не Франціи—на половину еще крестьянской и живущей совсѣмъ особенной жизнью,—то Парижа. Типичность этихъ явленій не въ ихъ наличности—они повторяются во всѣхъ крупныхъ центрахъ, а въ томъ, въ какой мѣрѣ, въ какой формѣ они проявляются. Въ этомъ должны сказаться характеръ и умственный и нравственный уровень населенія; эти особенности должны выступить показателями того, насколько настоящая культурная почва въ состояніи выдержать тѣ бури, которыя происходятъ на ея поверхности, тѣ катастрофы, которыя ей готовитъ близкое будущее.

Намъ хотѣлось бы познакомить русскаго читателя именно съ этими культурно-бытовыми сторонами парижской жизни. На первый разъ мы остановимся на народныхъ библіотекахъ Парижа [1]).

II.

Въ 1895 г., въ Парижѣ, помимо библіотекъ государственныхъ, административныхъ, спеціальныхъ, общественныхъ и частныхъ, существовало 74 городскихъ (муниципальныхъ) библіотеки съ бюджетомъ въ 232.000 франковъ и книжнымъ фондомъ въ 301.116 томовъ. Число выдачъ изъ этихъ библіотекъ достигло въ 1894 г. 1.761.463. Въ 1878 г. муниципальныхъ библіотекъ было въ Парижѣ 8, бюджетъ ихъ рав-

[1]) «Annuaires statistiques de la ville de Paris» 1—XIV (1880—1893). Saint-Albin. «Les bibliothèques municipales de la ville de Paris». 1896. «Bulletin de la Société Franklin» 1868—1893, etc.

нялся 15.000 фр., книжный фондъ 32.237 т., а количество выдачъ—29.339 т. Такимъ образомъ, въ теченіе 16—17 лѣтъ число библіотекъ увеличилось въ 9 разъ, количество книгъ—почти въ 10 разъ, бюджетъ—болѣе чѣмъ въ 15 разъ и число выдачъ—болѣе чѣмъ въ 60 разъ.

Муниципальныя библіотеки представляютъ въ настоящее время вполнѣ установившуюся, правильно функціонирующую организацію. Но это еще не доказываетъ, что онѣ достигли полнаго развитія. Какъ ни значительны вышеприведенныя цифры сами по себѣ, онѣ для Парижа съ его 2.300.000 жителей, не только обязательно грамотныхъ, но, можно сказать, обязательно культурныхъ, почти ничтожны. Въ 1894 г. на 1.000 жителей старше 15 лѣтъ выпадало около 849 прочитанныхъ книгъ, т.-е. менѣе одной книги на взрослаго человѣка въ годъ! Что цифра эта можетъ увеличиться въ нѣсколько десятковъ разъ, кажется, и сомнѣнія быть не можетъ.

Въ серединѣ 50 гг. во Франціи въ средѣ образованнаго общества началось движеніе въ пользу культурнаго вліянія на народъ. Въ Парижѣ и провинціи основывались десятки обществъ, ставившихъ своей цѣлью поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня народа. Открывались школы, устраивались курсы, издавались книги, и, наконецъ, стали открываться и народныя библіотеки.

Въ Парижѣ въ это время народныхъ библіотекъ еще совершенно не было. Существовало нѣсколько десятковъ библіотекъ частныхъ, религіозныхъ, партійныхъ, но во всѣхъ ихъ на первомъ планѣ стояли не общеобразовательныя цѣли. Если одни библіотеки были коммерческимъ предпріятіемъ, то другія были орудіемъ партійной пропаганды. Въ общемъ, библіотеки эти были крайне бѣдны книгами и еще бѣднѣе читателями.

Первая народная библіотека была открыта въ Парижѣ въ 1861 г. обществомъ «Les Amis de l'instruction du III-e arrondissement», по иниціативѣ основателя этого общества, рабочаго литографа Жирара. Первый опытъ вполнѣ удался и вызвалъ рядъ новыхъ попытокъ въ томъ же родѣ.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ дѣло народныхъ библіотекъ было сосредоточено исключительно въ рукахъ частныхъ лицъ и «обществъ». Вскорѣ, однако, за него взялись муниципальные совѣты и правительство, и рядомъ съ «вольными» библіотеками стали открываться муниципальныя, коммунальныя и государственныя, а частная иниціатива стала постепенно ослабѣвать.

Первая окружная (муниципальная) библіотека (читальня) открыта въ Парижѣ въ 1865 г., по иниціативѣ мэра XI округа. Первый составъ книгъ въ количествѣ 800 экземпляромъ образовался отъ пожертвованій лицъ различнаго положенія: отъ министра до простого рабочаго. Въ читальню допускались исключительно мужчины не моложе 15 лѣтъ. На домъ книги выдавались только, въ видѣ исключенія, учи-

телямъ и учительницамъ. Только въ 1880 г. эта читальня была обращена въ библіотеку съ выдачей на домъ.

Вторая библіотека была открыта въ 1869 г. Она образовалась изъ книгъ, пожертвованныхъ однимъ почтовымъ чиновникомъ, который былъ назначенъ ея библіотекаремъ, съ окладомъ жалованья. Вскорѣ она, по небрежности этого же библіотекаря, была закрыта и открылась вновь лишь въ 1877—1878 г.

Этими двумя попытками и ограничивается дѣятельность муниципалитета по устройству библіотекъ при имперіи. Но и въ теченіе первыхъ 8—9 лѣтъ республики муниципалитетъ почти ограничивался поддержаніемъ библіотекъ, открытыхъ по иниціативѣ частныхъ лицъ. Въ бюджетѣ муниципальнаго совѣта за 1872 г. значится 12.000 фр., ассигнованныхъ на содержаніе 6-ти библіотекъ. Въ теченіе слѣдующихъ 6-ти лѣтъ были открыты всего двѣ библіотеки.

Не смотря на то, что всѣ эти библіотеки возникли самостоятельно, почти случайно, безъ общаго, заранѣе опредѣленнаго плана, возникновеніе ихъ отмѣчено рѣшительно однѣми и тѣми же чертами. Иниціаторомъ является мэръ, матерьяльныя средства даетъ муниципалитетъ, а книги, по крайней мѣрѣ первый фондъ, жертвуютъ частныя лица. Муниципалитетъ еще не беретъ на себя ни открытія библіотекъ, ни управленія ими, ассигновывая субсидіи лишь тогда, когда къ нему за этимъ обращаются, но это обращеніе уже свидѣтельствуетъ, что на частныя средства библіотеки существовать не могутъ. Единственно, что остается въ рукахъ общества и остается отчасти до настоящаго времени—это снабженіе вновь открываемыхъ библіотекъ книгами. (До сихъ поръ библіотеки продолжаютъ получать въ даръ ежегодно по нѣсколько тысячъ книгъ). Но это имѣетъ ужъ мало общаго съ той систематической культурной дѣятельностью, которой были обязаны своимъ возникновеніемъ первыя народныя библіотеки. Въ общемъ, можно сказать, что весь 13-ти-лѣтній періодъ съ 1865—1878 г. является переходной эпохой въ исторіи библіотекъ, эпохой соединенія ослабѣвающей частной иниціативы и зарождающейся дѣятельности муниципалитета. Послѣдній дѣйствуетъ еще крайне осторожно. Онъ не выказываетъ активности, а только приходитъ на помощь къ существующимъ библіотекамъ. Въ теченіе этого времени онъ выдалъ на устройство и содержаніе библіотекъ 128.400 франковъ.

Съ 1878 г. начинается новый фазисъ въ развитіи библіотекъ: муниципалитетъ беретъ на себя устройство библіотекъ во всѣхъ округахъ Парижа. Этимъ библіотеки были сразу поставлены въ разрядъ необходимыхъ общеобразовательныхъ городскихъ учрежденій. Устройство ихъ вышло изъ узкихъ рамокъ благотворительности и пошло правильно, методически, по опредѣленному плану. Вмѣсто одной библіотеки въ два-три года, стали открываться ежегодно по три, пяти и даже десяти библіотекъ, которыя, какъ счастливые народы, не имѣли

«исторіи». Ежегодная ассигновка муниципалитета на библіотеки росла съ поразительной быстротой и, сообразно съ этимъ, росло не только число библіотекъ, но и количество книгъ, на покупку и переплетъ которыхъ расходовалось больше половины субсидіи. Рядомъ съ этимъ и еще интенсивнѣе, росло число читателей, что, конечно, и служило главнымъ стимуломъ для дѣятельности муниципалитета.

Въ быстромъ ростѣ числа читателей, помимо количественнаго роста библіотекъ, большую роль игралъ и характеръ этихъ библіотекъ. До 1878 г. открывались, главнымъ образомъ, читальни, доступныя для публики лишь въ теченіе двухъ вечернихъ часовъ. Это служило главнымъ препятствіемъ количественному росту читателей. Рабочій, мастеровой, служащій, чиновникъ, вообще, человѣкъ, въ теченіе цѣлаго дня занятый трудомъ, отрывающимъ отъ семьи и не позволяющимъ входить въ духовное общеніе съ людьми, естественно имѣетъ потребность провести свои нѣсколько свободныхъ часовъ вечеромъ въ семьѣ, въ обществѣ, въ кафе, въ театрѣ, на собраніи и т. п. Пойти на это время въ читальню, чтобы тамъ опять очутиться въ одиночествѣ—на это способенъ не всякій. Средній человѣкъ рабочей среды, если онъ читаетъ, «урываетъ» для этого часы отъ сна, отъ труда; онъ читаетъ во время отдыха, за обѣдомъ, какъ онъ читаетъ газету на улицѣ, спѣша на работу, на службу. Чтобы этотъ читатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи книгу всегда, когда онъ хочетъ и можетъ читать, надо было устроить не читальни, а библіотеки для выдачи книгъ на домъ. Муниципалитетъ понялъ эту потребность и пошелъ, хотя сначала и робко, ей на встрѣчу. Продолжая до 1885 г. колебаться между этими двумя формами библіотекъ, съ этого времени онъ окончательно пріостанавливаетъ открытіе новыхъ читаленъ, и, благодаря этому, центръ тяжести всецѣло переходитъ къ библіотекамъ. Между тѣмъ какъ въ 1879 г. двѣ трети книгъ были прочитаны въ читальняхъ, а одна треть была выдана изъ библіотекъ на домъ, въ 1894 г. были выданы на домъ девять десятыхъ (91,4), а менѣе одной десятой (8,6%) прочитано въ библіотекахъ.

Главная причина, по которой вначалѣ открывались преимущественно читальни, заключалась въ недовѣріи къ читающей публикѣ. Не смотря на опытъ другихъ странъ и на опытъ вольныхъ библіотекъ Парижа, у иниціаторовъ по устройству библіотекъ существовало убѣжденіе, что, при выдачѣ книгъ на домъ, библіотеки будутъ въ нѣсколько лѣтъ расхищены. Мнѣніе это настолько укоренилось, что когда муниципалитетъ уже рѣшился открывать отдѣлы выдачъ на домъ, въ эти отдѣлы были помѣщены книги малоцѣнныя, во всякомъ случаѣ, не рѣдкія и большей частью дубликаты. Опытъ показалъ, что эти опасенія были крайне преувеличены: на милліонъ почти выдачъ выпадаетъ ежегодно отъ 150 до 350 невозвращенныхъ книгъ.

Въ теченіе первыхъ 4 лѣтъ активной дѣятельности, муниципали-

тетъ осуществилъ то, что за 10 лѣтъ передъ тѣмъ считалось дерзкой мечтой: каждый изъ 20 округовъ Парижа имѣлъ свою муниципальную библіотеку. Оказалось, однако, что этого недостаточно, и на сцену выступилъ вопросъ объ устройствѣ библіотеки въ каждомъ изъ 80-ти кварталовъ Парижа.

Но тутъ явилось серьезное затрудненіе. Первыя 20 библіотекъ были помѣщены въ мэріяхъ, а для вновь открываемыхъ надо было найти помѣщеніе уже гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Наемъ квартиръ слишкомъ увеличилъ бы расходы, и дѣло, вѣроятно, значительно замедлилось бы, еслибъ не было предложено помѣщать библіотеки при первоначальныхъ школахъ, какъ это съ давнихъ поръ практикуется въ Америкѣ. Такъ какъ библіотеки открывались для публики только вечеромъ, когда школа свободна, то оказалось вполнѣ возможнымъ помѣстить оба учрежденія въ одномъ зданіи. Этимъ рѣшеніемъ вопроса была обезпечена возможность открытія многихъ десятковъ новыхъ библіотекъ, при чемъ сокращались и другія издержки по ихъ содержанію, такъ какъ библіотекаремъ, его помощникомъ и сторожемъ могли быть: учитель, его помощникъ и школьный сторожъ, которые, конечно, могли довольствоваться половиннымъ окладомъ сравнительно съ лицомъ, спеціально для этого нанятымъ.

Въ настоящее время служащій персоналъ всѣхъ муниципальныхъ библіотекъ состоитъ изъ 265 лицъ, въ томъ числѣ: 74 библіотекаря съ окладомъ отъ 600 до 1.000 фр. въ годъ, 93 помощника, получающихъ отъ 400 до 450 фр., и 98 сторожей съ жалованьемъ отъ 300 до 350 франковъ.

Кромѣ дѣятельности по устройству библіотекъ для чтенія, муниципалитету принадлежитъ заслуга учрежденія при библіотекахъ отдѣловъ музыки и промышленнаго искусства (art industrielle) и основаніе «библіотеки Форней».

Въ 1880 г. желѣзнодорожная компанія «Paris-Lyon-Méditerranée» передала библіотекѣ 12 округа богатую коллекцію гравюръ и рисунковъ техническаго характера для выдачи рабочимъ и мастеровымъ, которымъ эти рисунки могли служить пособіемъ въ работѣ. Отчасти оттого, что рисунки были слишкомъ спеціальнаго характера, отчасти потому, что библіотеки находились не въ рабочемъ округѣ—рисунки не спрашивались. Однако, идея была дана и муниципалитетъ поспѣшилъ воспользоваться ею. Въ концѣ 1885 г. онъ открылъ одновременно при двухъ библіотекахъ отдѣлы «промышленнаго искусства», которыми рабочіе понемногу начали пользоваться: въ теченіе перваго же 1886 г. изъ обоихъ отдѣловъ было уже выдано 13.638 экз. Непредвидѣнное обстоятельство сразу дало этому отдѣлу быстрое и широкое развитіе.

Въ 1879 г. городъ получилъ по завѣщанію отъ милліонера Форней 260.000 фр., изъ которыхъ 60.000 были назначены на устройство школьныхъ кассъ, ясель и пріютовъ, а 200.000 на устройство обще-

образовательнаго учрежденія въ родѣ курсовъ, библіотекъ, профессіональныхъ школъ и т. п. Вопросъ, какъ употребить съ большей пользой пожертвованныя деньги, обсуждался долго, и только въ 1883 г. муниципалитетъ остановился на рѣшеніи: открыть народную промышленную библіотеку, въ которую вошли бы произведенія, относящіяся къ промышленному искусству и пригодныя для техническаго образованія рабочихъ.

По опредѣленію муниципалитета была составлена, по выбору префекта и подъ его предсѣдательствомъ, коммиссія, на которую было возложено устройство библіотеки и выборъ книгъ. По опредѣленію коммиссіи, 180.000 фр. были оставлены, какъ неприкосновенный фондъ, проценты съ котораго должны были идти на пополненіе библіотеки; остальныя же 20.000 фр. вмѣстѣ съ 14.165 фр. процентовъ назначены были на самое устройство библіотеки. Муниципалитетъ взялъ на себя содержаніе персонала библіотеки, расходы и помѣщеніе, которое было отведено въ 11-мъ округѣ, наиболѣе населенномъ рабочими.

Библіотека была торжественно открыта 28 февраля 1886 г. Ея быстрый успѣхъ показалъ, насколько парижскій рабочій сознаетъ уже необходимость справляться съ печатными пособіями. Въ 1894 г. библіотека содержала 50.732 экз., а количество выдачъ возросло съ 9.413 (въ 1886 г.) до 76.135, т.-е. увеличилось въ восемь разъ.

Въ первое время по открытіи библіотеки, рисунки, гравюры и книги не только не выдавались на домъ, но и на мѣстѣ выдавались съ большой предосторожностью. Въ библіотекѣ, которая, не въ примѣръ прочимъ, была открыта съ 9 ч. утра до 5 ч. вечера, неотлучно находились двое городовыхъ, наблюдавшихъ, чтобы кто-либо не унесъ съ собой книги. Режимъ этотъ, понемногу, однако, измѣнился. Городовые исчезли, книги и гравюры, даже рѣдкія, стали выдаваться на домъ; наиболѣе частые посѣтители сами берутъ и ставятъ на мѣста нужныя имъ папки и книги.

Время отъ времени въ библіотекѣ читаются спеціалистами лекціи научнаго и техническаго характера. Въ теченіе 10-ти лѣтъ было прочитано 69 лекцій, напечатанныхъ и пущенныхъ потомъ въ продажу [1]).

По мѣрѣ того, какъ библіотека разросталась, росла и ея субсидія отъ муниципалитета: съ 3.552 фр. въ 1884 г. она возросла до 15.480 въ 1895 г.

Муниципалитетъ не удовлетворился этой библіотекой и въ періодъ времени съ 1887 по 1891 г. устроилъ при разныхъ библіотекахъ рабочихъ кварталовъ еще 7 отдѣловъ «промышленнаго искусства». Въ

[1]) Вотъ названіе нѣкоторыхъ изъ прочитанныхъ въ 1894—95 г.: «Декоративное искусство въ Америкѣ», «Чудовища и химеры», «Гончарное искусство въ Греціи», «Мужской костюмъ во Франціи отъ каменнаго вѣка до нашихъ дней», «Иллюстрированная книга», «Эстетика и гигіена», «Примѣненіе фотографіи къ промышленному искусству» и т. п.

общемъ, такихъ отдѣловъ въ 1894 г. было 10. Выдача изъ нихъ достигла въ этомъ году 128.547 экз.

Не менѣе интересно и поучительно устройство музыкальнаго отдѣла библіотеки.

Въ 1879 г. извѣстный парижскій издатель, Брандисъ, подарилъ въ библіотеку 16 округа значительную коллекцію музыкальныхъ пьесъ, которыя онъ рекомендовалъ выдавать молодымъ людямъ, изучающимъ музыку, не предполагая, чтобы обыкновенная публика могла предъявлять требованія на произведенія этого отдѣла. Онъ, однако, ошибся: едва въ библіотекѣ появился новый отдѣлъ, какъ со стороны публики начался усиленный спросъ, который съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увеличивался. Это побудило и другія библіотеки открыть у себя подобные же отдѣлы. Въ 1881 г. было выдано 6.667 музыкальныхъ пьесъ, а въ 1894 г. цифра эта поднялась до 81.020! Это достаточно свидѣтельствуетъ о музыкальномъ развитіи рабочаго населенія Парижа, которое не только усердно посѣщаетъ концерты и оперы, но и дома занимается музыкой. У сколько-нибудь зажиточнаго рабочаго или приказчика не рѣдкость найти въ домѣ піанино, которое или покупается на льготныхъ условіяхъ, или берется на прокатъ съ платой отъ 10 фр. въ мѣсяцъ.

Помимо отдѣловъ промышленнаго и музыкальнаго, при нѣкоторыхъ библіотекахъ имѣются отдѣлы книгъ для юношества.

III.

Рядомъ съ иниціаторской дѣятельностью муниципалитета шла организаціонная дѣятельность администраціи.

Стремленіе администраціи подчинить библіотеки своему надзору началось съ возникновенія первыхъ библіотекъ. Въ 1864 г. былъ изданъ первый циркуляръ по этому предмету [1]). Въ циркулярѣ опредѣлялись составъ, численность и дѣятельность библіотечныхъ коммиссій, которыя должны были назначаться префектомъ и засѣдать подъ его предсѣдательствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, въ немъ даны очень опредѣленныя указанія относительно выбора книгъ [2]).

[1]) Въ 1839 г. былъ обнародованъ законъ о библіотекахъ, на который до сихъ поръ ссылается администрація. Но этотъ законъ не могъ имѣть въ виду народныя библіотеки по той простой причинѣ, что тогда онѣ не только не существовали, но и не предполагались къ открытію.

[2]) «Каталогъ допущенныхъ къ чтенію книгъ долженъ заключать въ себѣ только полезныя профессіональныя книги, способныя поднять умственный и нравственный уровень рабочаго класса. Необходимо вычеркнуть изъ него съ крайней строгостью такіе романы, чтеніе которыхъ можетъ оставить дурное впечатлѣніе; слѣдуетъ также позаботиться объ исключеніи книгъ полемическихъ по вопросамъ соціальнымъ и религіознымъ и такихъ, которыя, подъ предлогомъ политической экономіи, служатъ пропагандѣ опасныхъ и разрушительныхъ тенденцій». (Циркуляръ отъ 19 апрѣля 1864 г.).

Въ слѣдующемъ 1865 г. былъ выработанъ самимъ правительствомъ планъ устройства народныхъ библіотекъ при мэріяхъ. Проектъ былъ принятъ, и авторъ его, Сентъ-Альбенъ, назначенъ его исполнителемъ, въ качествѣ инспектора. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, Сентъ-Альбенъ составилъ планъ устройства 11-ти библіотекъ, изъ которыхъ до паденія имперіи была открыта лишь одна, да и то не совсѣмъ удачно.

Послѣ паденія имперіи библіотеки были освобождены отъ регламентаціи. Свободно основывались они мэромъ и частными обществами и такъ же свободно функціонировали. Комитеты составлялись самими иниціаторами, безъ участія префекта. Нѣкоторые комитеты, руководствуясь указомъ 1839 г., обращались къ министру нар. пр. за утвержденіемъ, другіе не выполняли и этой формальности.

Въ 1878 году, одновременно съ тѣмъ, какъ муниципалитетъ рѣшилъ взять въ свои руки устройство библіотекъ, префектъ сенскаго департамента [1]) учредилъ инспекцію окружныхъ библіотекъ, потребовавъ отъ инспектора представленія подробнаго отчета о происхожденіи, развитіи и состояніи каждой изъ существующихъ библіотекъ. Одновременно съ этимъ, при канцеляріи префекта, было открыто отдѣльное бюро, которое должно было заняться спеціально библіотеками сенскаго департамента. При учрежденіи бюро имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, упорядоченіе архивовъ административныхъ учрежденій, но быстрый ростъ библіотекъ заставилъ направить всю дѣятельность бюро въ ихъ сторону и потребовалъ умноженія персонала бюро, которое черезъ три года имѣло уже вмѣсто одного чиновника цѣлыхъ десять.

Дѣятельность инспекціи и библіотечнаго бюро вначалѣ была исключительно организаціонная; цѣль ея была дать существующимъ и долженствовавшимъ открыться библіотекамъ общую организацію.

Во всѣхъ библіотекахъ была обязательно введена простая шнуровка книгъ и тройные каталоги (по номеру, алфавиту, отдѣламъ), была указана форма записи выдаваемыхъ книгъ, была даже опредѣлена форма переплета. Установлены правила, по которымъ книги безплатно выдавались лицамъ обоего пола, не моложе 15 лѣтъ, по удостовѣренію личности при помощи квартирной квитанціи, избирательной карты и т. п. Для открытія библіотекъ назначено было время отъ 8 до 10 вечера ежедневно, не исключая воскресныхъ дней (утромъ). Исключеніе составляли только библіотека Форней, открытая отъ 9 ч. утра до 5-ти вечера, и еще нѣсколько особенно активныхъ библіотекъ, въ которыхъ выдача произво-

[1]) Напомнимъ, кстати, что префектъ сенскаго департамента является одновременно и представителемъ муниципальнаго совѣта (городской голова), и представителемъ центральной власти (губернаторъ), которая его и назначаетъ. Совмѣщеніе двухъ подобныхъ функцій въ однѣхъ рукахъ объясняется тѣмъ, что правительство не считаетъ возможнымъ довѣрить Парижъ съ его войскомъ и полиціей человѣку, независимому отъ центральной власти.

дится два раза въ день (отъ 4 до 6 дня и отъ 8 до 10 веч.). Въ библіотекѣ на видномъ мѣстѣ обязательно находится книга «читательскихъ требованій», куда каждый посѣтитель можетъ записать заявленіе и требованіе о покупкѣ тѣхъ или иныхъ книгъ.

Покончивъ съ внѣшней организаціей, администрація обратилась къ внутреннему устройству библіотекъ, къ выбору книгъ, который находился въ рукахъ мѣстныхъ библіотечныхъ коммиссій, независимыхъ ни отъ центральной, ни отъ муниципальной власти. Въ 1880 г. библіотечныя коммиссіи, которыя до того составлялись свободно, были переименованы въ надзирательныя (commissions de surveillance), признаны обязательными для каждаго округа и подчинены мэрамъ, выбиравшимъ членовъ этихъ коммиссій и предсѣдательствовавшимъ въ нихъ. Помощникъ мэра, инспекторъ, начальникъ и секретарь бюро при мэріи и начальникъ библіотечнаго бюро входили безъ выбора въ составъ коммиссіи, имѣвшей отъ 10 до 20 членовъ. Отчеты своихъ засѣданій коммиссіи обязаны представлять на разсмотрѣніе префекта.

Въ 1882 г. была учреждена «центральная надзирательная коммиссія», представлявшая высшую инстанцію всѣхъ окружныхъ коммиссій. Въ ея задачу входило изученіе вопросовъ, относящихся къ организаціи и функціонированію библіотекъ, какъ муниципальныхъ, такъ и административныхъ, дабы выяснить, какимъ путемъ можно увеличить ихъ число и улучшить ихъ состояніе. Коммиссія эта, состоявшая вначалѣ изъ 23, потомъ изъ 27 членовъ, носила еще болѣе административный характеръ, такъ какъ большинство ея членовъ состояло изъ мэровъ и чиновниковъ. Несмѣняемымъ предсѣдателемъ ея считался префектъ. Коммиссія была раздѣлена на 4 подкоммиссіи, изъ которыхъ одна занимается спеціально муниципальными и вольными библіотеками. Центральная коммиссія составила «каталогъ книгъ для муниципальныхъ библіотекъ», рекомендованный окружнымъ коммиссіямъ для руководства при выборѣ книгъ. Каталогъ ежегодно пополняется прибавленіями о вновь выходящихъ книгахъ.

Такимъ образомъ, въ выборѣ книгъ для библіотекъ установился слѣдующій порядокъ. Библіотекарь отмѣчаетъ въ своемъ годовомъ отчетѣ, какія книги должны быть замѣнены новыми экземплярами. Если изъ ассигнованной муниципалитетомъ суммы оказывается остатокъ, библіотекарь, руководствуясь оффиціальнымъ (хотя и не обязательнымъ) каталогомъ и читательской книгой, обозначаетъ новыя книги, которыя онъ считаетъ полезными имѣть въ библіотекѣ. Коммиссія утверждаетъ отчетъ библіотекаря или же вычеркиваетъ изъ него нѣкоторыя книги, замѣняя ихъ другими, руководствуясь при этомъ своими соображеніями, читательской книгой и каталогомъ. Исправленные и утвержденные коммиссіями отчеты библіотекарей отсылаются въ центральную коммиссію, которая опять вноситъ свои по-

правки, «вычеркиваетъ запрещенныя книги» и ужъ окончательно утверждаетъ списокъ.

Такимъ образомъ, выборъ книгъ находится, хотя и косвенно, исключительно въ рукахъ администраціи, что, конечно, кладетъ свой отпечатокъ на составъ и общую физіономію библіотекъ. Помимо того, что изъ нихъ изгнано все, что носитъ сколько-нибудь партійный, агитаціонный характеръ, какого бы то ни было направленія [1]), администрація вмѣшивается и въ выборъ художественныхъ произведеній. Она смѣлой рукой вычеркиваетъ изъ каталога всѣ романы, которые она признаетъ безнравственными [2]) и, считая сильное распространеніе этого отдѣла вообще нежелательнымъ, дѣлаетъ попытки искусственно сократить выдачи книгъ по беллетристикѣ. Отъ романовъ (фельетонныхъ) недалеко и до художественныхъ произведеній вообще, и недавно сообщалось въ печати, что въ муниципальныхъ библіотекахъ не выдаютъ нѣкоторыхъ произведеній первоклассныхъ писателей — между прочимъ «Мадамъ Бовари» Флобера,—какъ произведеній «безнравственныхъ».

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что пока администрація дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе осторожно, не позволяя себѣ особенныхъ крайностей. Удерживаетъ ее, главнымъ образомъ, муниципалитетъ, часто протестующій противъ ея вмѣшательства.

IV.

Перейдемъ теперь къ внутреннему состоянію библіотекъ.

Изъ предъидущаго мы видѣли, какъ возникли, при какихъ условіяхъ и на какой почвѣ получили свое развитіе муниципальныя библіотеки; посмотримъ теперь, какъ шло это развитіе и какъ онѣ функціонировали.

Въ 1878 г., какъ мы уже видѣли, было всего 8 библіотекъ съ 32.237 книгами; выдано было 29.339 книгъ, что составляло, при населеніи въ 1.988.806 человѣкъ, 15 книгъ на 1.000 жителей Парижа въ годъ. Черезъ 8 лѣтъ, въ 1886 г., библіотекъ уже было 49 съ фондомъ книгъ въ 174.378 экз. Количество выдачъ возросло до 1.187.699, что составило уже (при населеніи въ 2.244.550) 527 книгъ на 1.000 жителей. Наконецъ, въ 1894 г. библіотекъ было 71, книгъ—301.116; выдано—1.761.463, то-есть, уже болѣе 700 книгъ на 1.000 жителей. Соразмѣрно съ этимъ росла и субсидія муниципалитета: съ 15.000 въ 1878 г. она поднялась до 187.150 фр. въ 1886 г. и достигла 232.600 фр. въ 1895 г.

Цифры эти, конечно, не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ.

[1]) Въ первомъ отчетѣ инспектора библіотекъ говорится: «Всѣ книги, проникнутыя клерикальнымъ духомъ, немилосердно изгнаны». Этой же участи, съ другой стороны, подвергаются и книги соціалистическія.

[2]) Въ одномъ оффиціальномъ отчетѣ говорится: «Въ муниципальныхъ библіотекахъ... окружныя коммиссіи абсолютно исключаютъ безнравственныя произведенія».

Муниципальныя библіотеки, носящія еще и названіе «народныхъ библіотекъ», считаются, и не напрасно, учрежденіемъ чисто демократическимъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что преобладающее большинство читателей этихъ библіотекъ составляетъ «народъ». Публика, пользующаяся библіотеками, крайне разнообразна — и рядомъ съ рабочимъ и прислугой тамъ можно встрѣтить и богатаго рантье, и студента, и журналиста.

Въ отчетахъ библіотекарей, къ сожалѣнію, не указаны ни число читателей, ни ихъ составъ по общественному положенію. Относительно послѣдняго, мы находимъ лишь частныя данныя для отдѣльныхъ библіотекъ за разные годы. Такъ, для трехъ библіотекъ (17-го округа за 1885 г. и 7 и 8 округовъ за 1894 г.) мы получили слѣдующіе выводы по категоріямъ читателей:

Буржуа разныхъ категорій—24% (изъ нихъ мужчинъ 29,3% и женщинъ 70,7%), лица либеральныхъ профессій — 27,5% (мужч. — 66%, женщ.—34%); рабочіе, служащіе, прислуга, солдаты—48,5% (мужч. — 80,6%, женщ.—19,4%).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что читатели «изъ народа» составляютъ нѣсколько меньше половины пользующихся муниципальными библіотеками. Другая половина почти въ одинаковой пропорціи состоитъ изъ читателей-буржуа и лицъ, занимающихся либеральными профессіями. Любопытно то, что въ то время, когда изъ богатаго класса библіотекой пользуются, главнымъ образомъ (70,7%), женщины, рабочій и вообще трудящійся классъ даетъ 4/5 читателей мужчинъ (80,6). Въ общей сложности мужчины пользуются библіотекой ровно въ два раза больше (64,3%), чѣмъ женщины (35,7).

Если въ библіотечныхъ отчетахъ мы находимъ болѣе или менѣе полныя данныя относительно состоянія и развитія библіотекъ съ внѣшней стороны, то относительно качественнаго ихъ состоянія отчеты или совершенно молчатъ, или даютъ свѣдѣнія самаго общаго характера. «Статистическіе ежегодники» указываютъ, какіе отдѣлы имѣются въ библіотекахъ и сколько книгъ было выдано изъ каждаго отдѣла. О томъ же, какъ эти отдѣлы составлены, какіе авторы и сочиненія наиболѣе требуются читателями—въ отчетахъ нѣтъ ни слова [1]). Только

[1]) Исключеніе составляетъ полный отчетъ о библіотекѣ 17 округа за 1886 г. Въ немъ находятся слѣдующія данныя относительно состава отдѣловъ. Къ концу 1885 г. въ библіотекѣ имѣлось: для выдачи на домъ 3.160 томовъ (2.599 соч.) и для чтенія на мѣстѣ 2.385 т. (1.134 соч.). Въ библіотекѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ отдѣлъ романовъ (1.100 т.), въ составъ котораго входили переводы: В. Скотта, Диккенса, Купера, Майнъ-Рида и др., затѣмъ слѣдуютъ романы: А. Дюма-отца, Жоржъ-Занда, Бальзака и современныхъ писателей, какъ Жюль-Верна, Гекторъ Мало, Шербюлье, Кларети, Гревиль, Оне и др. Прочіе отдѣлы составлены далеко не такъ полно и заключаютъ лишь по нѣсколько сочиненій извѣстныхъ писателей. Напротивъ, въ читальнѣ отдѣлъ романовъ представленъ довольно скромно (300 т.), и туда входятъ, рядомъ съ соч. Бальзака, Мери и Жюль Верна, «Жиль Бласъ» и «Донъ-

періодическая печать изрѣдка, да и то какъ бы мимоходомъ, даетъ на этотъ счетъ кое-какія свѣдѣнія [1]).

Книги, находящіяся въ библіотекахъ и читальняхъ, распадаются на слѣдующіе отдѣлы: 1) романы, 2) литература, поэзія, театръ, 3) наука, искусство, образованіе, 4) географія, путешествія, 5) исторія и біографія, 6) музыка, 7) сочиненія на иностранныхъ языкахъ. Между этими отдѣлами выдача распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

	1881	1885	1889	1893	За все вр. (1881—1893)
Романы	55%	55%	49%	51%	7.213.866—51,2%
Литература	15 »	12 »	15 »	15 »	1.929.423— 13,8 »
Наука	12 »	10 »	9 »	8 »	1.306.867— 9,3 »
Географія	9,5	10 »	13 »	12 »	1.625.036—11,6 »
Исторія	8,5	8 »	8 »	8 »	1.177.894— 8,4 »
Музыка	—	4 »	5 »	5 »	626.329— 4,5 »
Иностран. соч.	—	1 »	1 »	1 »	76.721— 0,7 »
Всего (въ цифрахъ)	266.643.	1.031.167	1.232.127.	1.613.181	13.956.136—100%

Не смотря на то, что количество выдачъ возростало на сотни тысячъ ежегодно, процентное отношеніе отдѣловъ между собою мѣнялось крайне медленно, и расположеніе ихъ все время оставалось неизмѣннымъ. Только отдѣлы «наука» и «географія», близкіе въ % отношеніи, послѣ 1885 г. помѣнялись мѣстами.

Приведенныя цифры нисколько не говорятъ о повышеніи требованій на серьезную книгу. Напротивъ, онѣ скорѣе указываютъ на пониженіе этихъ требованій. Въ 1881 г. серьезныхъ книгъ (литература, наука, географія, исторія) было выдано 45%, а въ 1893 г. только 43%. Въ частности больше всего понизился относительный ростъ самаго существеннаго изъ серьезныхъ отдѣловъ, научнаго, съ 12 до 8%. Фактъ этотъ могъ бы служить приговоромъ культурному вліянію библіотекъ, еслибы контингентъ читателей оставался все время неизмѣннымъ. На самомъ

Кихотъ». За то особенно полно обставленъ отдѣлъ «исторіи» (500 т.). Въ него входятъ, во-первыхъ, полная серія исторіи Франціи Анри Мартена, Мишле, Луи-Блана, Пьера, Гарнье-Паже, Таксиль-Делора и др., мемуары Сенъ-Симона и большая часть того, что было написано о войнѣ 1870 г. ея очевидцами. Много сочиненій по исторіи Парижа. Въ отдѣлъ «литература» (450 т.) входятъ классики: греческіе, латинскіе, французскіе и иностранные, особенно французскіе первоклассные художники XIX в. Въ отдѣлѣ «географія» (300 т.) на первомъ мѣстѣ находится полный экземпляръ географіи Реклю. Отдѣлъ «политическая экономія» заключаетъ 200 т.; «медицины и гигіены»—около 100 т. Кромѣ того, въ библіотекѣ имѣются главнѣйшіе справочные словари: Литтре, Дюпинай, Варепьеръ, Бешерель, Вапро и др. Наконецъ, библіотека получаетъ 15 журналовъ и 3 оффиціальныхъ изданія («Journal officiel» и два журнала муниципалитета).

[1]) Согласно этимъ свѣдѣніямъ за 1890 г., послѣ А. Дюма и Е. Сю, на сочиненія которыхъ было больше всего спроса, стоитъ Золя (замѣтимъ кстати, что Золя очень усердно читается и въ Германіи въ средѣ рабочихъ). Затѣмъ идутъ: Жюль-Вернъ, Габоріо, Монтепенъ. Романы Бальзака и Жоржъ-Зандъ читались очень мало. Изъ отдѣла «литература» больше всего требованій выпало на сочиненія В. Гюго. На произведенія новѣйшихъ символистовъ въ теченіе года было во всѣхъ 65 библіотекахъ *одиннадцать* требованій!

же дѣлѣ, число читателей быстро и безостановочно ростетъ, пополняясь лицами, литературныя требованія которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, ниже средняго уровня литературныхъ требованій библіотечной публики. Помимо молодежи, библіотеки постепенно привлекаютъ къ себѣ читателей бульварныхъ романовъ, обыкновенно пользующихся частными библіотеками. Эти прибывающіе читатели, принимая въ среднихъ отношеніяхъ на свою долю равную часть серьезныхъ книгъ, которыхъ они не читаютъ, тѣмъ самымъ какъ бы понижаютъ уровень требованій прежнихъ читателей. Прогрессъ послѣднихъ и вліяніе на нихъ библіотекъ, такимъ образомъ, скрадывается. Предположеніе это подтверждается тѣмъ фактомъ, что ростъ требованій на серьезную книгу обратно пропорціоналенъ росту выдачъ или, что одно и то же, росту числа читателей. Чѣмъ сильнѣе притокъ новыхъ читателей, тѣмъ ниже падаетъ процентъ серьезныхъ книгъ и наоборотъ. За первыя 5 лѣтъ прибавлялось въ среднемъ по 200 тысячъ выдачъ въ годъ и % серьезныхъ книгъ понизился къ 1885 году до 40%. Въ 1885—1889 гг. количество выдачъ возростало крайне слабо и, вмѣстѣ съ этимъ, возросло требованіе на серьезную книгу до 45%, а % романовъ понизился съ 55 до 49. Наконецъ, въ 1890—1893 гг. выдача опять начинаетъ возростать на 100—125 тысячъ въ годъ, и соотвѣтственно этому начинается паденіе % серьезныхъ книгъ (43) и ростъ % романовъ (51).

Что притокъ новыхъ читателей приноситъ въ библіотеку контингентъ лицъ съ уровнемъ развитія болѣе низкимъ, чѣмъ контингентъ прежнихъ читателей, свидѣтельствуетъ и постепенная, но систематическая замѣна читаленъ библіотеками. Въ 1881 г. изъ общаго числа выдачъ 78,9% было взято на домъ, а 21,1% прочитано въ читальнѣ, а въ 1893 г. изъ библіотекъ было взято уже 89,4%, а въ читальнѣ 10,6%. Говоря выше о неудобствахъ, которыя представляетъ для рабочаго населенія читальня сравнительно съ библіотекой, мы отмѣтили, что, вслѣдствіе этого, читальни имѣютъ читателей съ гораздо болѣе высокимъ уровнемъ развитія, чѣмъ библіотеки [1]) и, такимъ образомъ, замѣна читаленъ библіотеками, въ которыхъ и подборъ книгъ болѣе легкаго содержанія, является однимъ изъ симптомовъ пониженія уровня развитія читающей публики.

И если, не смотря на все это, % серьезныхъ книгъ продолжаетъ оставаться почти тотъ же, то это свидѣтельствуетъ, что библіотеки имѣютъ воспитательное вліяніе и постепенно ведутъ читателя отъ легкаго чтенія къ серьезному. Вмѣсто тысячъ человѣкъ, читавшихъ въ 1881 г. 45% серьезныхъ книгъ, въ 1893 г. хотя только 43%, но читались уже сотнями тысячъ лицъ.

[1]) Въ отчетѣ одной библіотеки-читальни мы находимъ слѣдующія данныя: выдано въ среднемъ за 1890—1891 гг. изъ библіотеки: 70% романовъ, 22% серьезныхъ книгъ и 8% музыкальныхъ пьесъ; изъ читальни: 14% романовъ и 86% серьезныхъ книгъ.

Если мы возьмемъ цифры даже въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ даетъ таблица, намъ тоже станетъ ясно громадное значеніе и благотворное вліяніе библіотекъ. Если отдѣлы серьезныхъ книгъ не прогрессировали, въ смыслѣ выдачъ, относительно, то абсолютный ихъ ростъ былъ громадный. Въ 13 лѣтъ число выдачъ этихъ отдѣловъ почти *ушестерилось* и возросло отъ 120 тысячъ почти до 700 тысячъ. Въ общемъ, за все время, съ 1881 по 1893 г., было выдано (съ отдѣломъ музыки) 13.356.136 книгъ, изъ которыхъ на четыре серьезныхъ отдѣла падаетъ 6.039.220 выдачъ. Можно сказать съ увѣренностью, что безъ муниципальныхъ библіотекъ, населеніе, образующее теперешній контингентъ читателей этихъ библіотекъ, врядъ-ли прочло бы десятую долю этихъ шести милліоновъ книгъ.

Скажемъ еще пару словъ о такъ наз. «вольныхъ» библіотекахъ.

Вольныя библіотеки, какъ мы уже говорили, были первой попыткой въ этомъ направленіи: до 80-ыхъ годовъ онѣ стояли на первомъ планѣ. Обязанныя своимъ возникновеніемъ исключительно иниціативѣ разныхъ обществъ распространенія народнаго образованія, («L'Ami de l'instruction», «Société Franklin», «Oeuvre des familles» и др.) и основанныя на началахъ ассоціаціи, библіотеки получали главныя средства отъ членскихъ взносовъ, пополняемыхъ въ настоящее время субсидіей въ 34.000 фр. ежегодно отъ муниципалитета (по 2 тысячи фр. на каждую изъ 17 библіотекъ). Въ своей организаціи и управленіи библіотеки совершенно свободны отъ вмѣшательства, какъ муниципалитета, такъ и библіотечной администраціи и находятся исключительно въ рукахъ членовъ, которые по выбору или по очереди исполняютъ обязанность библіотекарей, помощниковъ, инспекторовъ и т. п. Безплатно выдаются книги на домъ и въ читальнѣ только членамъ. Въ 1880 г., когда число библіотекъ равнялось 13-ти, былъ основанъ «Sindicat des bibliothèques libres», поставившій въ своей программѣ обширную и разностороннюю культурную дѣятельность.

Цифры «Статистическихъ Ежегодниковъ» относительно этихъ библіотекъ свидѣтельствуютъ, что развитіе ихъ окончательно пріостановилось. Число членовъ съ каждымъ годомъ уменьшается (6.888 въ 1886 г. и 5.546 въ 1893), сокращается и доходъ библіотекъ (въ 1884 г. 72.440, въ 1893—63.433 фр.). Что же касается числа выдачъ, то за 8 лѣтъ (1886—1893) оно почти не измѣнилось (184.428—184.708). Причина этого печальнаго состоянія вольныхъ библіотекъ лежитъ въ томъ, что доступъ къ нимъ труднѣе, чѣмъ къ муниципальнымъ библіотекамъ, Книги выдаются безплатно, но эта «безплатность» фиктивная, такъ какъ членскіе взносы обязательны, а книги выдаются только членамъ. Вообще вольными библіотеками въ настоящее время пользуется опредѣленный кругъ лицъ, добровольно жертвующихъ для этого дѣла трудомъ и деньгамм. Культурная дѣятельность «Синдиката» тоже не приняла широкихъ размѣровъ. Единственно, что можно отмѣтить въ его

дѣятельности, это—устройство систематическихъ курсовъ и лекцій: съ 1886 по 1893 г. при всѣхъ 17 библіотекахъ было 1.020 курсовыхъ и 653 отдѣльныхъ лекцій.

V.

Вопросъ, на которомъ безпрестанно останавливаются какъ библіотекари и администрація въ своихъ отчетахъ, такъ и всякій, кто интересуется народными библіотеками—это вопросъ о «романѣ». Громадный спросъ на произведенія этого отдѣла, почти постоянно перевышающій спросъ на всѣ другія книги, вмѣстѣ взятыя, внушаетъ серьезную тревогу, всѣмъ, кому дорого дѣло народнаго развитія. Тревога эта станетъ особенно понятна, если принять во вниманіе, что классическія произведенія художественной литературы фигурируютъ въ отдѣлѣ «Литература, поэзія, театръ», а въ отдѣлъ «Романы» входятъ сочиненія, большей частью, ничего общаго не имѣющія съ художественной литературой. Не давая пищи ни уму, ни сердцу, не удовлетворяя элементарнымъ требованіямъ художественности, романы эти разсчитаны исключительно на нервы читателей. На воображеніе они дѣйствуютъ опьяняющимъ образомъ и представляютъ собою буквально «печатный алкоголь». Эта лубочная литература «культурныхъ дикарей», какъ и литература художественная, имѣетъ своихъ первоклассныхъ писателей, между которыми Дюма-отецъ стоитъ не только на первомъ мѣстѣ, но, по силѣ таланта и популярности, даже нѣсколько особнякомъ. Главными представителями этого «печатнаго алкоголя» являются Понсонъ-дю-Террайль, Монтепенъ, Габоріо, Феваль и др.

— Стоитъ-ли,—спрашиваютъ съ тревогой составители отчетовъ и другіе, пишущіе о народныхъ библіотекахъ,—стоитъ-ли тратить милліоны франковъ, занимать цѣлыя бюро съ особымъ персоналомъ, жертвовать столько труда и энергіи лишь на то, чтобы доставить населенію возможность свободно и безплатно пользоваться романами, которые, большей частью, вмѣсто воспитательнаго, оказываютъ самое пагубное вліяніе?

Какъ ни краснорѣчивы цифры отчетовъ, на основаніи которыхъ дѣлаются такія пессимистическія заключенія, онѣ еще не даютъ и приблизительнаго представленія объ истинномъ положеніи дѣла и о той роли, какую «романъ» играетъ въ жизни парижанина.

Парижанинъ зачитывается легкимъ бульварнымъ романомъ не потому, что онъ его легко и безплатно получаетъ въ библіотекѣ. Когда народныхъ библіотекъ еще не было въ поминѣ, бульварный романъ не только существовалъ, но и доминировалъ. Въ 50-хъ гг. Парижъ зачитывался Поль-де-Кокомъ, который до сихъ поръ остался любимымъ авторомъ извѣстной части населенія и считается чуть-ли не писателемъ классическимъ [1]). Читаются бульварные романы и теперь милліонами

[1]) Въ предмѣстьѣ Парижа Lilas, родинѣ Поль-де-Кока, его именемъ названъ

помимо муниципальныхъ библіотекъ. Парижанинъ не только любитъ подобное чтеніе, онъ какъ-то не можетъ обойтись безъ него, какъ пьяница безъ водки. Больные, расшатанные нервы требуютъ соотвѣтственной пищи, ищутъ все болѣе сильныхъ впечатлѣній, ищутъ и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. А печать, даже самая радикальная (за исключеніемъ, впрочемъ, анархической), не только не борется съ этой страстью, но спѣшитъ, на перебой, съ лакейской угодливостью, ей на встрѣчу. Въ газетахъ самое почетное мѣсто отводится кровавымъ происшествіямъ: звѣрское преступленіе, смертная казнь, сенсаціонный процессъ, катастрофа,—все, что окрашено кровью, подхватывается съ жадностью, разсказывается въ мельчайшихъ подробностяхъ, смакуется иногда въ теченіе цѣлыхъ недѣль и въ заключеніе изображается яркими красками въ иллюстрированныхъ журналахъ и приложеніяхъ къ наиболѣе распространеннымъ газетамъ.

Этой же тенденціей—и еще въ большей степени—проникнуты газетные фельетоны, состоящіе изъ романовъ самаго низкаго пошиба. Объ этихъ романахъ заранѣе извѣщается большими афишами, изображающими «ужасную», большей частью, кровавую сцену. Афиши эти раскленваются на стѣнахъ, возятся по городу на спеціальныхъ колесницахъ [1]). Прохожимъ на перекресткахъ раздаются листы все съ той же «ужасной» картинкой и съ текстомъ первой или первыхъ двухъ главъ. И если газетѣ удастся пріобрѣсть въ самомъ дѣлѣ «интересный» романъ и рекламами привлечь къ нему вниманіе публики — она можетъ разсчитывать на нѣсколько тысячъ новыхъ покупателей ежедневно.

Область бульварнаго романа далеко не ограничивается одними газетными фельетонами.

Помимо муниципальныхъ и вольныхъ общественныхъ библіотекъ, въ Парижѣ существуетъ *болѣе тысячи* частныхъ библіотечекъ, составъ которыхъ ограничивается одними романами. Библіотечекъ этихъ можно встрѣтить буквально по 2—3 на каждой улицѣ, при каждой лавочкѣ письменныхъ принадлежностей. Книжное богатство этихъ библіотечекъ, за очень небольшимъ исключеніемъ, состоитъ изъ 200—500 томовъ. Не смотря, однако, на подобную бѣдность выбора, не смотря на то, что за чтеніе приходится платить (по 10—15 сантимовъ съ книги

одинъ изъ главныхъ бульваровъ; въ Луврѣ и «музеѣ Парижа» имѣются портреты Поль-де-Кока.

[1]) На афишахъ романъ часто «рекомендуется съ лучшей стороны». На-дняхъ, напримѣръ, на улицахъ Парижа были расклеены афиши, извѣщавшія, что въ «Journal» начинаетъ печататься «Молодость Тартюфа», большой романъ «de Cape et d'Epée, de Sac et de Corde» («капюшона и шпаги, мѣшка и веревки»). Впрочемъ, англичане въ этомъ отношеніи пошли еще дальше. Въ Лондонѣ романы и повѣсти извѣстнаго пошиба выходятъ выпусками подъ названіемъ «Penny-dreadful» («На грошъ ужасовъ»).

за двѣ недѣли), въ то время, когда тутъ же, часто въ двухъ шагахъ есть безплатная муниципальная библіотека,—эти библіотечки находятъ достаточное число абонентовъ, а нѣкоторыя даже «процвѣтаютъ». Ихъ успѣхъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ имѣется подборъ бульварныхъ романовъ, которыя въ муниципальныхъ библіотекахъ не держатся или, вслѣдствіе усиленнаго спроса, ихъ трудно получить.

Изъ предъидущихъ главъ мы получили болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: «что читаетъ абонентъ муниципальныхъ библіотекъ?» Если же мы поставимъ вопросъ этотъ шире, если спросимъ: «что читаетъ Парижъ, если не весь, то та часть его, трудящаяся, небогатая, элементарно-образованная, которая можетъ быть названа «народомъ» въ русскомъ смыслѣ этого слова», мы получимъ совершенно иную картину, иныя цифры, иное процентное отношеніе отдѣловъ. Если цифры выиграютъ при этомъ въ количественномъ отношеніи, то онѣ гораздо больше потеряютъ въ качественномъ.

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, частныя библіотечки выдаютъ ежемѣсячно отъ 50 до 200 книгъ. Средняя и наиболѣе частая выдача—100 книгъ. Такимъ образомъ, годовая выдача всѣхъ библіотечекъ—если считать, что ихъ въ Парижѣ 1.000 (а ихъ навѣрное гораздо больше)—равняется, приблизительно, *одному милліону*.

Перейдемъ къ фельетоннымъ романамъ. Изъ сотни парижскихъ газетъ—народными можно считать слѣдующія: «Petit Journal», «Petit Parisien», «Intransigeant», «Petite République», «Radical». Первыя двѣ наиболѣе распространенныя («Petit Journal» расходится въ количествѣ 1.000.000 экземпляровъ ежедневно, «Petit Parisien», если не ошибаемся, въ 500.000 экз.) имѣютъ больше всего читателей въ провинціи. Остальныя три—газеты исключительно парижскія и рабочія. Изъ нихъ «Intransigeant» имѣлъ во время буланжизма 250.000 читателей, а теперь имѣетъ около половины этого; «Radical»—болѣе 60.000; «Petite République» — оффиціальный органъ соціалистской партіи — 50.000 читателей. Въ общемъ, можно смѣло предположить, что всѣ 5 газетъ расходятся, въ среднемъ, въ Парижѣ въ количествѣ 500.000 экземпляровъ. Въ каждой газетѣ непремѣнно ежедневно печатается фельетонъ, большей частью даже два, иногда и три сразу. Въ среднемъ каждая газета даетъ ежегодно, приблизительно, восемь длинныхъ романовъ. Полагая, что лишь три четверти покупателей газетъ читаетъ фельетонъ (въ сущности рѣдко-рѣдко кто его не читаетъ), мы получимъ 3.000.000 читателей романовъ ежегодно. Вмѣстѣ съ милліономъ романовъ, выдаваемыхъ изъ частныхъ библіотечекъ, это составитъ 4.000.000 [1]), ровно

[1]) Помимо всего этого, въ Парижѣ ежегодно издаются сотни бульварныхъ романовъ отдѣльными выпусками (по 1/2 печатнаго листа), которые продаются по 5 сантимовъ и расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

въ *пять* разъ больше количества романовъ, выданныхъ въ 1893 г. изъ всѣхъ 70 муниципальныхъ библіотекъ (829.647). Такимъ образомъ, общія цифры получаютъ совершенно иной характеръ. Вмѣсто 1.700.000 прочитанныхъ въ муниципальныхъ библіотекахъ книгъ, является цифра 5.700.000, изъ которыхъ 4.000.000 падаетъ на долю романовъ. Съ 50% отдѣлъ этихъ книгъ подымается до 88%! И если этотъ грозный—по истинѣ грозный! — % показываетъ, какая обширная и сложная дѣятельность предстоитъ еще воспитательному вліянію библіотекъ, то милліонныя цифры романовъ, прочитанныхъ внѣ народныхъ библіотекъ, показываютъ, съ своей стороны, что почва для этой дѣятельности еще и на половину не завоевана. Въ великомъ культурномъ Парижѣ, какъ и въ глухой русской деревнѣ, лубочная литература, грязная и дрянная, властвуетъ, клеймя позоромъ нашу цивилизацію!

Мы полагаемъ, что указанныя цифры, не смотря на ихъ нѣсколько гадательный характеръ, вовсе не преувеличены. Подтвержденіемъ этому могутъ служить примѣры общественныхъ библіотекъ въ Англіи [1]), данныя имѣющихся у насъ отчетовъ вольныхъ парижскихъ библіотекъ и многихъ провинціальныхъ. Отчасти согласны съ нашими выводами и цифры, приводимыя Н. А. Рубакинымъ въ его интересной книгѣ «Этюды о русской читающей публикѣ», и данныя имѣющихся у насъ отчетовъ 1-ой харьковской читальни библіотеки за 1892—1894 гг..

Такимъ образомъ, если принять, что 88% есть обычный—чтобы не сказать «нормальный» — % читателей романовъ, цифры выдачъ, и отношенія отдѣловъ муниципальныхъ библіотекъ выступятъ передъ нами въ совершенно иномъ освѣщеніи. Вмѣсто сѣтованій, что выдается 50% романовъ, насъ пріятно поразитъ тотъ фактъ, что половина читателей обращается къ болѣе или менѣе серьезнымъ книгамъ, ранѣе совершенно недоступнымъ и неизвѣстнымъ народной массѣ. Въ этомъ именно и заключается громадное значеніе народныхъ библіотекъ.

Въ сущности, для романовъ 50% далеко не такая страшная цифра, какъ это стараются изобразить составители отчетовъ. Надо имѣть въ виду составъ читающей публики. Въ муниципальныя библіотеки ежегодно прибываютъ тысячи и десятки тысячъ новыхъ читателей, состоящихъ или изъ только-что начинающей читать—и начинающей, конечно, съ беллетристики—молодежи, или же изъ людей, которые раньше ничего, кромѣ бульварныхъ романовъ не читали. И тѣхъ, и другихъ можно, при разумномъ руководствѣ, постепенно пріучить къ серьезной книгѣ, но преобладающимъ чтеніемъ этой публики долгое время будутъ оставаться романы.

Въ практикѣ библіотекъ важенъ не столько вопросъ: «сколько про-

---

[1]) Въ отчетѣ конгресса «Library Association of the United Kingdom» за 1892 г. говорится: «У насъ отчеты показываютъ, что 85% книгъ, выдаваемыхъ изъ общественныхъ библіотекъ—романы». St. Albin. «Les bibliothèques etc.», стр. 163.

читано романовъ?» какъ вопросъ: «ростетъ или понижается относительный спросъ на нихъ?» И въ этомъ отношеніи отчеты муниципальныхъ библіотекъ даютъ вполнѣ успокоительный отвѣтъ. За 13 лѣтъ % романовъ понизился съ 54,85% до 51,42% [1]). Изъ предъидущаго мы видѣли, что на самомъ дѣлѣ прогрессъ библіотекъ былъ гораздо значительнѣе того, что показываютъ цифры.

Народныя библіотеки имѣютъ передъ собою, главнымъ образомъ, задачи воспитательнаго характера въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И если по отношенію къ только-что начинающей читать молодежи, для которой библіотека является какъ бы продолженіемъ школы, задача эта крайне сложна, то она еще гораздо сложнѣе по отношенію къ читателямъ, съ установившимися невысокими, большей частью, даже извращенными, литературными требованіями [2]).

Библіотекари, библіотечныя коммиссіи и администрація, очевидно, сознаютъ сложность и отвѣтственность задачи; по крайней мѣрѣ, они добросовѣстно работаютъ для ея выполненія. Свидѣтельствомъ ихъ усердія служатъ результаты ихъ дѣятельности. Единственно, за что ихъ можно упрекнуть и за что ихъ упрекаетъ печать и лучшая часть муниципалитета, это—за борьбу съ книгой такими средствами, которыя были, если не разумны, то понятны во время наполеоновскаго режима, но которыя лишены всякаго смысла при республикѣ, при свободѣ печати. Воспитательная дѣятельность библіотеки, какъ и воспитательная дѣятельность школы, должна имѣть своимъ основаніемъ свободу, а орудіемъ—разумное убѣжденіе. Это—непремѣнное условіе ея успѣха, въ этомъ залогъ ея великаго будущаго.

С. Ап—скій.

Парижъ. Декабрь 1896 г.

---

[1]) По мнѣнію St. Albin'a, меньше всего читаются романы именно въ рабочихъ кварталахъ. Такъ, напр., въ библіотекѣ богатаго 7-го округа романы составляютъ 54%, а въ 20-мъ, чисто рабочемъ, округѣ они съ 1890 г. не подымаются выше 42—43%. Въ библіотекѣ 13-го округа, находящейся въ положительно нищенскомъ кварталѣ (Гобелены), романовъ было выдано въ послѣднемъ отчетномъ году 32,2%. Утвержденіе это, однако, кажется намъ нѣсколько рискованнымъ. Недостатокъ точныхъ данныхъ не позволяетъ опредѣлить, почему въ кварталѣ Гобеленовъ % романовъ низокъ: потому-ли, что рабочіе читаютъ много серьезныхъ книгъ, или потому, что основное населеніе квартала не пользуется библіотекой, которая имѣетъ контингентъ читателей, болѣе зажиточныхъ и болѣе серьезныхъ.

[2]) Отмѣтимъ, кстати, одно оригинальное предложеніе: «Слѣдуетъ организовать при каждой мэріи серію бесѣдъ, которыя дали бы направленіе въ выборѣ книгъ для чтенія. Въ первой бесѣдѣ слѣдовало бы наложить общія основанія для руководства въ чтеніи и указать классическія произведенія, которыя должны быть прочитаны всякимъ. Въ слѣдующихъ бесѣдахъ спеціалисты, каждый по своему отдѣлу, могли бы ознакомить публику съ ихъ отдѣлами и указать по нимъ лучшія сочиненія».

Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.

(КРИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА).

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Больные герои больной литературы.

I.

Настоящее мое письмо, совершенно случайно и непредвидѣнно, является какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ статьи о Вл. Ив. Немировичѣ-Данченко, напечатанной въ предъидущей книжкѣ «Новаго Слова». Впрочемъ, обстоятельство это какъ нельзя болѣе естественно; иначе и быть не могло, такъ какъ къ какой же иной литературѣ принадлежитъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, какъ не къ нашей современной, больной, и о чемъ же была въ означенной статьѣ рѣчь, какъ не о томъ, что всѣ герои его—люди ненормальные и нравственно больные. Намъ только и остается теперь, что отъ Вл. Ив. Немировича-Данченко перейти къ ряду другихъ современныхъ намъ беллетристовъ и показать читателю, что въ произведеніяхъ ихъ встрѣчаются герои, по своей болѣзненности и ненормальности, не уступающіе героямъ только-что разобраннаго нами писателя.

Въ самомъ дѣлѣ, герои съ сильными характерами, богато одаренные нравственными и умственными силами, неисчерпаемою глубиною своего мощнаго духа, непоколебимо честные и мудрые, яко зміи, какіе время отъ времени являлись въ нашей литературѣ, начиная съ 20-хъ годовъ истекающаго столѣтія и вплоть до 80-хъ годовъ, представляются нынѣ словно миѳическими богатырями древнихъ сагъ, свидѣтельствующихъ лишь о томъ, какіе наши предки были здоровые, сильные и могучіе люди, и какъ сравнительно съ ними жалки ихъ выродившіеся и измельчавшіе потомки. Что ужъ говорить о герояхъ беллетристики 60-хъ годовъ, о блаженной памяти Лопуховыхъ, Кирсановыхъ, Рахметовыхъ, Базаровыхъ, съ ихъ непримиримою ненавистью ко всему отжившему и самоотверженною отвагою піонеровъ, пролагающихъ новые пути среди дремучей дѣвственной тайги и готовыхъ на каждомъ шагу бороться съ разными драконами и чудови-

щами; но возьмите героевъ 30-хъ годовъ, въ родѣ Чацкаго, Евгенія Онѣгина, Печорина. На самомъ дѣлѣ послѣдніе больше ничего, какъ паркетные шаркуны, учившіеся «чему-нибудь и какъ-нибудь», хлыщеватые денди, драпирующіеся въ чайльдгарольдовскіе плащи, взятые напрокатъ съ чужихъ плечъ, праздно слагавшіе на груди ненужныя руки и занимавшіеся отъ нечего дѣлать волокитствомъ за томными Танечками и легкомысленными Олечками, изнывавшими въ провинціальной глуши, въ ожиданіи приличныхъ ихъ дворянскому званію жениховъ. Критика давно уже успѣла отнестись къ этимъ героямъ съ достодолжнымъ отрицаніемъ. А тѣмъ не менѣе, при всей ихъ непроизводительности, при всей несостоятельности и въ гражданскомъ, и въ семейномъ отношеніяхъ, надо отдать справедливость, что, во всякомъ случаѣ, въ ихъ личностяхъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, мало того, что вполнѣ здоровыми и здравомыслящими, но и обладавшими недюжинными силами. И не даромъ возбуждали они независимымъ и открытымъ выраженіемъ чувства своего нравственнаго достоинства страхъ и ненависть во всѣхъ жалко-посредственныхъ и низко пресмыкающихся современникахъ ихъ; не даромъ покоряли всѣ встрѣчавшіяся въ ихъ жизни женскія сердца: они были въ глазахъ своихъ современницъ, какъ бы тамъ ни было, а все-таки героями, лучшими людьми своего времени.

На что ужъ герои 40-хъ годовъ,—Рудины, Бельтовы, Райскіе; критика 60-хъ годовъ смотрѣла на нихъ не иначе, какъ на людей безхарактерныхъ, лишнихъ, способныхъ къ однимъ отвлеченнымъ умствованіямъ, разъѣдающимъ рефлексамъ и самоанализу. Тѣмъ не менѣе, и они являются богатырями, сравнительно съ тѣми героями, какихъ выставляетъ и какими занимается современная наша литература. Предполагалось, что если они были неспособны осуществлять свои общественные и лично-нравственные идеалы въ жизни, за то были отличными сѣятелями, и они, дѣйствительно, «сѣяли разумное, доброе, вѣчное», движимые вѣрой, что когда-нибудь за это «спасибо имъ скажетъ сердечное русскій народъ». Понятно, что на нихъ смотрѣли, какъ на истинныхъ героевъ въ своемъ родѣ, за ними шла молодежь, ими увлекались женщины, совершенно съ такою же беззавѣтностью, съ какою маменьки ихъ увлекались Онѣгиными и Печоринымъ, а дочки Базаровыми и Рахметовыми.

Нынѣ же беллетристика имѣетъ дѣло почти сплошь съ героями, лишенными всякаго образа и подобія Божія, мало того, что нервно развинченными и ни на что неспособными тряпицами, но безнадежными неврастениками, психопатами, а порою совсѣмъ умалишенными или умопомраченными. Водить читателей по психіатрическимъ больницамъ и заставлять его прочитывать цѣлыя страницы сумасшедшаго бреда считается нынѣ шикомъ. Мало этого: сумасшедшій бредъ, преслѣдующій васъ порою отъ первой страницы до послѣдней, имѣетъ въ глазахъ

автора не одну только цѣль объективнаго изображенія душевной болѣзни, какъ, напримѣръ, въ «Запискахъ сумасшедшаго» Гоголя,—авторъ обнаруживаетъ явное намѣреніе представить въ этомъ бредѣ какое-то философское откровеніе, внутренній символическій смыслъ, мистическія бездны и старается при этомъ увѣрить васъ, что въ грезахъ безумія скорѣе и вѣрнѣе можно постигнуть истину, чѣмъ въ ученѣйшихъ трактатахъ мудрецовъ всѣхъ вѣковъ.

Всѣ прежніе герои времени держали въ своихъ рукахъ какія бы то ни было знамена, во имя которыхъ и считались героями, было-ли это знамя байронизма, гегелевской философіи, естествознанія или народности. Герои же современной беллетристики тѣмъ именно и отличаются, и тщеславятся, что они плюютъ на какія бы то ни было знамена. Все призваніе современнаго героизма заключается въ отсутствіи какого бы то ни было знамени. Да и то сказать, какое же можетъ быть знамя въ больницѣ св. Николая или психіатрическихъ баракахъ на Удѣльной станціи? Знамени въ настоящемъ случаѣ и потому еще не требуется, что за каждымъ знаменемъ предполагаются толпы послѣдователей. Но куда же пришлось-бы слѣдовать за современными героями? Въ одинъ изъ домовъ умалишенныхъ. Нечего сказать, пріятная перспектива! Впрочемъ, сумасшествіе, говорятъ, тоже заразительно, по крайней мѣрѣ для людей, предрасположенныхъ къ нему... Ну, а предрасположенныхъ въ настоящее время не занимать стать, такъ что, пожалуй, и современные герои не останутся безъ свиты поклонниковъ и поклонницъ.

II.

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ, конечно, ужъ декадентская беллетристика. Мы уже видѣли въ прошлогднихъ критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ кое-какія попытки ея изображенія современныхъ героевъ; видѣли «новыхъ людей» г-жи Гиппіусъ, ищущихъ «новой красоты»,—въ лицѣ одного героя, который созерцалъ съ героиней, какъ распустился первый цвѣтокъ яблони, а затѣмъ взялъ да и повѣсилъ, вмѣсто лампы, свою собственную особу; въ лицѣ другого героя, греческая кровь котораго заставила его прозрѣть античную статую въ глупой поповнѣ и внезапно разочароваться въ ней, когда, упавши въ грязную канаву, поповна превратилась въ мокрую курицу; въ лицѣ, наконецъ, третьяго героя, который вмѣстѣ съ нѣкоей полоумной миссъ возмнилъ, что истинная любовь должна начинаться съ весеннимъ разцвѣтомъ перваго цвѣтка, а кончаться съ первымъ осеннимъ дождемъ. Имѣли мы дѣло и съ одержимымъ delirium tremens героемъ романа гр. Сологуба «Темныя силы», обагряющимъ руки въ крови и послѣ того, съ спокойной совѣстью, сочетающимся бракомъ съ безстыжею героинею, раздѣвающейся передъ нимъ до-нага, ради доказательства возможности вершины счастія—любви безъ желаній.

Въ прошломъ же году декадентская беллетристика сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ по тому же доблестному пути, далеко оставивъ за собою вышеозначенныя начатки. Такъ, въ одиннадцатой книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» прошлаго года появилась повѣсть г-жи Гиппіусъ «Зеркала», въ которой писательница ведетъ насъ не въ какой-либо аллегорическій бедламъ, а въ подлинную больницу св. Николая, и тамъ, среди шума и гама безумныхъ, изъ устъ одной умалишенной излетаетъ истина, озаряющая всю повѣсть свѣтомъ глубокой символической премудрости.

Зеркала? Почему повѣсть озаглавлена такимъ страннымъ, загадочнымъ заглавіемъ? О какихъ зеркалахъ идетъ здѣсь рѣчь? А вотъ послушайте, что провѣщала одна изъ содержащихся въ больницѣ св. Николая больная, нѣкая Вѣра Райвичъ, сестра одного изъ героевъ повѣсти:

«—Вотъ, — сказала она,—представь себѣ: длинный-предлинный рядъ зеркалъ: все разныя, кривыя, косыя, ясныя, мутныя, маленькія, большія... И всѣ въ одну сторону обращены. А напротивъ—Духъ. Не знаю, какой,—только великій Духъ. И онъ въ этихъ зеркалахъ отражается. Каждое зеркало, какъ умѣетъ, его отражаетъ. Потомъ, разъ, два, моментъ жизни кончѣнъ, зеркало затуманилось, разбилось, и Духъ не отражается. Мы говоримъ—исчезъ. Неправда: есть! Только мы не видимъ, потому что не отражается. Зеркала разныя бываютъ, вогнутыя, выгнутыя... а Духъ одинъ. Понялъ меня? Ничего больше нѣтъ... Чего они тѣснятся? Сами отраженія, кругомъ отраженія, и выйти изъ нихъ, изъ отраженій, нельзя, пока зеркало не разбилось».

Въ этомъ, конечно, и заключается тайна человѣческаго существованія, тайна души, жизни, смерти и загробнаго міра. Никому, ни Спинозѣ, ни Канту не пришло ничего подобнаго въ голову, а душевнобольная, темная и ничему не учившаяся Вѣра Райвичъ, постигла эту тайну и повѣдала ее міру за нѣсколько минутъ до своей кончины. Прекрасно; зеркала такъ зеркала... Но какое отношеніе имѣютъ эти зеркала къ самой повѣсти, ея содержанію, сюжету? Представьте себѣ: ровно никакого! Развѣ только одно обстоятельство имѣетъ нѣкоторую связь съ мистическими зеркалами: именно то, что одинъ изъ героевъ повѣсти, Янъ Райвичъ, въ первый разъ увидѣлъ одну изъ героинь, Раису, въ зеркалѣ, передъ которымъ онъ сидѣлъ: дѣвушка показалась изъ-за портьеры, отразилась въ зеркалѣ и скрылась, и когда Янъ обернулся, никого уже въ комнатѣ не было. Въ этомъ можно предугадывать такой символическій смыслъ, что точно также и въ жизни героя Раиса появилась, какъ бы въ своемъ отраженіи въ его памяти, и скрылась; точно также скрылась она, конечно, и послѣ своей смерти; наконецъ, точно также показываемся, отражаемся и скрываемся и всѣ мы въ нашемъ земномъ существованіи. Но, какъ бы то ни было, все-таки зеркала сами по себѣ, а герои повѣсти сами по себѣ, и отъ первой страницы до послѣдней продѣлываютъ они такія вещи, что содержащаяся въ больницѣ св. Николая Вѣра можетъ предста-

виться сравнительно съ ними квинтъ-эссенціею мудрости и здраваго смысла.

На первомъ планѣ передъ нами два героя. Одинъ изъ нихъ, Янъ Райвичъ, уже съ дѣтства, какъ и всегда это бываетъ, обѣщалъ героя и притомъ вполнѣ въ современномъ вкусѣ: онъ сталъ помнить себя поздно; говорить началъ только по четвертому году, росъ тупо и вяло; порою просиживалъ часами неподвижно, глядя въ одну точку не мигающими глазами, съ остановившеюся мыслью. Сестра отдала его въ реальное училище, боясь, что онъ не осилитъ латыни. Яну, дѣйствительно, очень трудно давалось ученье, хотя онъ и старался.

Съ дѣтствомъ, равно какъ и съ обстоятельствами жизни другого героя, Самохина, авторъ насъ не знакомитъ; мы знаемъ только, что подъ тридцать лѣтъ онъ уже былъ настолько обезпеченъ, что ѣздилъ на собственныхъ лошадяхъ. Въ семнадцать лѣтъ, когда онъ былъ еще въ гимназіи, это былъ мальчикъ худой, со впалой грудью, длинноватымъ блѣднымъ лицомъ, всегда тревожнымъ и старообразымъ, хотя не некрасивымъ. Небольшіе сѣрые глаза, смотрѣли остро и прямо изъ-подъ густыхъ, свѣтлыхъ бровей. Улыбался онъ часто, но какъ-то однимъ угломъ рта, безъ всякаго веселья, а со злостью. Такая улыбка его показывала, что, въ противоположность любвеобильному и мягкосердечному Яну, онъ имѣлъ натуру хищную и сердце черствое и жестокое.

Начинается повѣсть тѣмъ, что герой № 1-й, т.-е. Янъ нафискалилъ на товарищей, и ихъ за это наказали. Правда, сдѣлалъ онъ это не сознательно и не ради того, чтобы подслужиться, а, какъ и подобаетъ современному психопатическому герою, совершенно непредвидѣнно и невмѣняемо. «Я,—разсказывалъ онъ,—тогда задумался такъ, что ничего не слышалъ. Это со мной бываетъ, я не совсѣмъ здоровъ. Шумъ былъ, крики—я ничего не слышалъ. А тутъ сразу инспекторъ подходитъ, схватилъ меня за плечо и спрашиваетъ: «Лебедевъ и Хлоповъ тоже ходили? Да?» Я говорю: «да, да». Я тогда на все отвѣтилъ бы «да». Я даже и не зналъ, что Лебедевъ и Хлоповъ ходили и попались, я и теперь не знаю, куда они ходили. Какой же я доносчикъ?»

Не смотря на эти увѣренія, Самохинъ собралъ товарищей на сходку для того, чтобы судить Яна, какъ доносчика, и исключить изъ гимназіи. Но товарищи, выслушавъ оправданія Яна и принявъ во вниманіе, что онъ и безъ того уже оставлялъ училище, такъ какъ родственники его переѣзжали въ Петербургъ, оставили все это дѣло безъ послѣдствій. но Самохинъ, по своему жестокосердію, былъ крайне этимъ недоволенъ и, встрѣтивъ Яна въ корридорѣ гимназіи, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

— Вы спрашивали, за что я васъ ненавижу? (Лицо его было блѣдное и злое). Кто вамъ сказалъ, что я васъ ненавижу? Я ненавижу не васъ, а ихъ всѣхъ вмѣстѣ... Такъ нельзя дѣлать. Судить—такъ судить! Исключить надо было, что-жъ такое, что вы не виноваты? Не

могу терпѣть, когда и туда, и сюда,—и въ сущности ничего. Несправедливость—и отлично, что несправедливость.

III.

Послѣ того проходитъ восемь лѣтъ. Янъ оказывается въ Петербургѣ; живетъ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ-то служитъ и содержитъ семью, состоящую изъ бабушки, дряхлой старушки, которая, согнутая въ три погибели подъ прямымъ угломъ, ничего не видѣла, не слышала, не понимала и не могла ходить иначе, какъ везя передъ собою дѣтскую тачку для сохраненія равновѣсія, и изъ старшей сестры Вѣры, содержавшейся въ больницѣ св. Николая. Когда Янъ уходилъ на службу или навѣщать сестру, за бабушкой его ухаживала хозяйская дочка Оля, кроткое, нѣжное, любящее существо, единственно реальное и здравомыслящее во всей повѣсти. Она давно любила Яна, не задумываясь ни надъ своею любовью, ни надъ тѣмъ, за что она его любитъ.

Какъ вдругъ однажды, когда Янъ возвращался изъ больницы, онъ неожиданно встрѣтилъ Самохина, который ѣхалъ въ щегольской маленькой колескѣ на резинахъ, забрызгалъ грязью своего бывшаго товарища, тотчасъ же узналъ его, окликнулъ, заѣхалъ къ нему и затѣмъ, какъ это водится у психопатическихъ героевъ, не смотря на то, что, разставшись врагами, они восемь лѣтъ не видались и встрѣтились совершенно случайно на улицѣ, Самохинъ съ перваго же раза, вдругъ, ни съ того, ни съ сего повезъ его въ одинъ знакомый ему домъ, къ генералу Бѣлозерскому, жившему съ дочкой круглый годъ, зиму и лѣто, на Крестовскомъ. Тамъ Янъ и увидѣлъ, какъ мы уже выше сказали, въ первый разъ въ зеркальномъ отраженіи дочь Бѣлозерскаго Раису, и сейчасъ же воспылалъ къ ней страстью. Еще раньше его успѣлъ уже влюбиться въ нее Самохинъ, и поистинѣ можно сказать, что на свою голову познакомилъ онъ своего бывшаго товарища съ предметомъ своей страсти, такъ какъ Раиса начала съ перваго же знакомства оказывать явное предпочтеніе Яну. Дѣло дошло у нихъ до свиданія, на которомъ чуть было не послѣдовало объясненія въ любви, но помѣшалъ Самохинъ, который, очевидно, слѣдилъ за Раисою. Но далѣе послѣдовало нѣчто совсѣмъ уже несообразное. Представьте себѣ, что совершенно неожиданно, на другой же день, когда Янъ пришелъ къ Бѣлозерскимъ, онъ нашелъ тамъ Самохина, и послѣдній торжественно объявилъ ему при Раисѣ, что онъ помолвленъ съ нею. Яну показалось вдругъ, что онъ давно это зналъ, зналъ, когда шелъ къ Бѣлозерскимъ, «когда ночью ему снилась Раиса, нѣжная, родная, съ тѣмъ взоромъ, какой онъ видѣлъ вчера. Онъ думалъ одно, а въ темной глубинѣ души лежало знаніе, что случится невозможное, но неизбѣжное, что Раиса не отдастся ему безъ борьбы, вполнѣ новой, неожиданной, коснувшейся ея души

хотя бы пришлось совершить насиліе надъ этой смущенной душой. Онъ понялъ и не удивился, не поразился, принялъ просто и покорно».

Затѣмъ Самохинъ объявилъ своему другу, что послѣ свадьбы намѣренъ совершить съ молодой женой свадебное путешествіе и опять-таки совершенно неожиданно потребовалъ, чтобы Янъ ѣхалъ съ нимъ.

«—Хочу увлечь васъ съ нами, голубчикъ,—проговорилъ онъ, наклоняя къ нему взволнованное лицо.—Подумайте, ну, почему бы вамъ не ѣхать съ нами? Что вы тутъ будете одинъ? За бабкой присмотрятъ отлично, а вы поѣдете съ друзьями, мы будемъ всегда вмѣстѣ. Рѣшайте скорѣе...

Янъ видѣлъ, что хочетъ съ нимъ сдѣлать Самохинъ. Ему было мало отнять у него душу Раисы, онъ хотѣлъ идти до конца, сдѣлать Яна вѣчнымъ свидѣтелемъ этой побѣды, которую онъ считалъ пошлой. Жертва была еще жива. Въ бѣшенствѣ онъ хотѣлъ безмѣрно усиливать пытку оскорбленій, которыя разбивались до сихъ поръ о покорную силу Яна. Теперь, казалось, жизнь Самохина зависитъ отъ согласія Яна.

— Вы согласны? Да говорите же, что согласны!

Янъ улыбнулся. Сердце Яна сжалось больно. Онъ хотѣлъ крикнуть, что это слишкомъ, что у него нѣтъ силъ... и въ то же мгновеніе, случайно взглянувъ прямо передъ собой, увидѣлъ въ зеркалѣ глаза Раисы. Она думала, что ея никто не видитъ, и не скрыла взора. Взоръ былъ тотъ же, нѣжный и смущенный, какой Янъ видѣлъ вчера въ аллеѣ, и ночью во снѣ. Раиса тоже хотѣла, чтобы онъ согласился. Но хотѣла, не думая ни о чемъ, быть можетъ, не сознавая, просто хотѣла, чтобы онъ былъ всегда съ ней. Они ждали и боялись его слова не такъ и не потому, почему боялся Игнатій».

— Я подумаю... Спасибо, Игнатій,—тихо произнесъ Янъ. Это было равносильно согласію.

И вотъ они поѣхали втроемъ, были всегда вмѣстѣ, не разставаясь. «Странно,—читаемъ мы,—было видѣть этихъ троихъ людей, углубленныхъ каждый въ свою печаль, все рѣже разговаривающихъ другъ съ другомъ, можетъ быть, враговъ и связанныхъ неразрывною, непонятною цѣпью». Самохинъ пригласилъ пріятеля изъ злорадства, чтобы мучить и терзать его созерцаніемъ своего счастія, но мучиться и терзаться пришлось ему самому, такъ какъ на его глазахъ росло сближеніе между Раисою и Яномъ, и вотъ въ Римѣ онъ подслушалъ изъ комнаты, какъ на балконѣ дошло дѣло до того, что Раиса призналась Яну въ любви. Это такъ потрясло его, что онъ тотчасъ же принялъ піанистаго кали и палъ мертвый. Вслѣдъ затѣмъ Раиса услала Яна въ какое-то мѣстечко на берегу Салернскаго залива и велѣла ему ждать тамъ отъ нея извѣстій. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, онъ получаетъ письмо, въ которомъ Раиса объявляетъ ему, что она не пріѣдетъ, и они больше не увидятся, что она была сумасшедшей въ то мгновеніе, на балконѣ, что она его все-таки любитъ, но онъ не можетъ ее любить, какъ ей надо: онъ любитъ по-своему, а ей нужно, чтобы было по ея, и они были бы несчастны вмѣстѣ. Въ то же время получилъ Янъ письмо и отъ Оли, которая умоляла его скорѣе пріѣхать въ Россію.

— Не прійду я, милая Оля,—тихо проговорилъ Янъ, опустивъ голову, и задумался. И даже не задумался, а впалъ, какъ ребенкомъ

бывало, въ тихое, сладкое оцѣпенѣніе, не сонъ и не бодрствованіе, безъ мыслей, едва ощущая жизнь и совсѣмъ не ощущая себя.

Вотъ и все. Согласитесь, что въ повѣсти г-жи Гиппіусъ дѣйствуютъ передъ вами люди совершенно, что называется, не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти. Если же къ тому же принять во вниманіе всю ту ахинею, какую они говорятъ во все время своего несообразнаго романа, то сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что стоило бы только отправить всѣхъ троихъ въ больницу св. Николая, врачи тотчасъ опредѣлили бы, какою психическою болѣзнью каждый изъ нихъ боленъ. А вѣдь тоже, подумаешь, герои!

IV.

Въ свою очередь и г. Сологубъ сдѣлалъ въ прошломъ году нѣсколько смѣлыхъ шаговъ по пути декадентства, причемъ онъ значительно опередилъ г-жу Гиппіусъ. У ней дѣйствуютъ хотя и невмѣняемые по своей психопатіи, но, во всякомъ случаѣ, взрослые люди, герои же г. Сологуба уже въ дѣтствѣ сходятъ съ ума и не доживаютъ до зрѣлаго возраста, такъ что въ прошлогднихъ повѣстяхъ его мы имѣемъ дѣло не съ героями, а лишь съ геройчиками. Такъ, въ разсказѣ его «Червякъ» («Сѣв. В.» 1896 г., № 6) изображается двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Ванда. Родители отдали ее въ гимназію, но такъ какъ жили въ деревнѣ, то принуждены были поселить ее на квартирѣ у учительницы гимназіи, Анны Григорьевны Рубоносовой. Ванда была дѣвочка здоровая, рѣзвая; но вотъ однажды, рѣзвясь, она разбила любимую чашку хозяина. Хозяинъ же былъ человѣкъ грубый, звѣрообразный; онъ напустился на дѣвочку съ страшнымъ крикомъ, пригрозилъ ей ременною плеткою. Заслыша свистъ плети въ воздухѣ, Ванда отчаянно взвизгнула, увернулась отъ удара судорожно-быстрымъ движеніемъ, вскочила на ноги и бросилась въ переднюю, гдѣ забилась за шкапъ, въ тѣсный и пыльный уголъ. По всему дому разносились оттуда ея истерическія вскрикиванія. Не въ силахъ будучи достать ее оттуда, Рубоносовъ пригрозился, что отъ него не спрячешься, и онъ ее доймета; вотъ ужо ночью, какъ только она заснетъ, заползетъ ей въ глотку червякъ. Подобная нелѣпая угроза могла бы подѣйствовать на пяти, шестилѣтняго ребенка; и вдругъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, знающая уже, конечно, что земля обращается вокругъ солнца въ теченіе года, и что червяки живутъ въ землѣ, а не ползаютъ по комнатамъ и не заползаютъ по волѣ Владиміра Ивановича людямъ въ глотку, — повѣрила вдругъ угрозѣ дикаго звѣря; ночью ей начало казаться, что червякъ у нея уже во рту, а на утро она была въ увѣренности, что онъ заползъ уже ей въ желудокъ и щекочетъ его. Мало-по-малу червякъ этотъ обратился въ навязчивую идею; дѣвочка начала худѣть, сохнуть и, наконецъ, умерла отъ скоротечной чахотки.

Параллельно съ этой дѣвочкой въ разсказѣ «Къ звѣздамъ» («Сѣв. В.» 1896 г. № 9) г. Сологубъ выставилъ мальчика Сережу, который, въ свою очередь, является передъ нами маленькимъ психопатомъ, во младенчествѣ уже познавшимъ тщету жизни. Сережа былъ больной, тщедушный мальчикъ, страдалъ порокомъ сердца, къ тому же росъ въ дурномъ и развратномъ семействѣ, былъ заброшенъ, предоставленъ безконтрольной власти гувернера, грубаго семинариста. Никто его не любилъ, не къ кому ему было приласкаться, и вотъ онъ полюбилъ звѣзды. Звѣзды далекія и мирныя смотрѣли ему прямо въ глаза; онѣ мигали и казались робкими. Сережа былъ тоже робкій, и, подолгу смотря на звѣзды, забывалъ свою досаду и злость. Кротко и ясно становилась на его душѣ. Ему хотѣлось улетѣть туда, къ звѣздамъ, и узнать, что тамъ дѣлается, живутъ-ли тамъ ангелы съ большими крыльями и въ золотыхъ рубашкахъ или такіе же люди. Однажды ночью, онъ пробрался тайкомъ въ садъ и тамъ, любуясь на звѣзды, пришелъ въ такой экстазъ, что дошелъ до галлюцинацій. «Скамейка, на которой лежалъ Сережа, толкала его и старалась сбросить; вѣтеръ повѣялъ—и вдругъ страшные звуки поднялись вездѣ на деревьяхъ. Сережа вскочилъ на ноги. Сердце у него трепетало, словно у него выросли крылья. Земля колебалась подъ Сережиными ногами. Что-то противное и страшное приближалось къ нему по землѣ, гибкое, съ яркозелеными глазами, и кричало ужасно и рѣзко. За спиною Сережи кто-то неистово хохоталъ грубымъ человѣческимъ голосомъ. Подъ хаосомъ грубыхъ и злыхъ звуковъ, которые возникали вездѣ вокругъ Сережи и оглушали его, радостно и призывно звенѣли звѣзды,—голоса ихъ были тихіе, но внятные для Сережи. А въ воздухѣ носилась липкая и тонкая паутина и ложилась на щеки Сережи; среди общаго смятенія и шума, она одна была безмолвна, и это безмолвіе липкой паутины было всего страшнѣе».

Больное сердце мальчика не выдержало, наконецъ, всѣхъ этихъ ужасовъ, разорвалось, и утромъ нашли его мертвымъ на сырой землѣ у забора. Онъ лежалъ, широко раскинувъ руки, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу. Около его рта, на блѣдной, словно припухшей отъ улыбки, щекѣ виднѣлась темная струя запекшейся крови. Глаза его были сомкнуты, лицо не по дѣтски спокойно, онъ весь былъ холодный и мертвый. Такъ и умеръ маленькій психопатикъ, не успѣвши сдѣлаться взрослымъ психопатомъ и, въ качествѣ героя въ современномъ духѣ, украсить своею особою одну изъ повѣстей г-жи Гиппіусъ.

V.

Вы, можетъ быть, скажете мнѣ, что нельзя по двумъ беллетристамъ-декадентамъ, по г-жѣ Гиппіусъ и г. Сологубу, судить о всей современной беллетристикѣ. На то они и декаденты, чтобы изображать

всякаго рода эксцентричности, фантастическій сумбуръ выдавая за проникновеніе въ мистическія тайны загробнаго существованія и въ неврастеникахъ и психопатахъ усматривая вѣщихъ прорицателей и чуть-что не спасителей міра. Пусть эти самые декаденты выдаютъ себя за представителей новыхъ словъ и новыхъ вѣяній въ нашей литературѣ, пусть они претендуютъ на открытіе намъ «новой красоты» и на изображеніе «новыхъ людей», подобныхъ которымъ не было еще у насъ ни въ жизни, ни въ литературѣ, но вольно же вамъ вѣрить имъ на слово. Обратите вниманіе, что до сихъ поръ въ ихъ лагерѣ не появилось ни одного мало-мальски крупнаго таланта, такъ что поневолѣ является мысль, неоднократно проскальзывавшая уже въ прессѣ, что ничто иное, какъ самолюбивыя потуги создать во что бы то ни стало нѣчто новое, при крайнемъ безсиліи творчества, и ведетъ ихъ ко всѣмъ ихъ экспентричностямъ и сумбурностямъ. Но развѣ нѣтъ у насъ въ настоящее время въ литературѣ нашей талантовъ, несравненно болѣе сильныхъ, чѣмъ всѣ эти г-да Мережковскіе, Гиппіусы, Сологубы и пр.

Ну, что-жъ, обратимся къ болѣе сильнымъ талантамъ. Вотъ напримѣръ, передъ нами г. Ант. Чеховъ, — нечего и говорить о томъ, что въ настоящее время величина крупная, имѣющая вполнѣ заслуженно массу почитателей и поклонниковъ. Каждое произведеніе его, какой-нибудь маленькій разсказикъ въ нѣсколько страничекъ, встрѣчается съ большимъ интересомъ, читается съ восторгомъ, нарасхватъ. И, надо правду сказать, въ лицѣ г. Чехова мы имѣемъ мало сказать, что сильный художественный талантъ, но талантъ весьма сложный, разносторонній: у него вы найдете и мастерство писать прекрасные, поэтичные ландшафты, вырисовывать типы и выводимыя конкретныя лица такъ рельефно, что они стоятъ передъ вами, какъ живыя, и глубокій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкій психическій анализъ, наконецъ, не обидѣлъ его Богъ и весьма бойкимъ, веселымъ и задушевнымъ юморомъ. Нечего и говорить о томъ, что чего-либо декадентскаго, символо-ерундивнаго не найдете вы у него и слѣда. Онъ остается до сихъ поръ вѣренъ въ стилѣ своего письма тургеневской школѣ.

И, тѣмъ не менѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, какого рода героевъ выводитъ онъ, то увидимъ, что и онъ недалеко ушелъ отъ декадентовъ въ томъ отношеніи, что и у него, въ свою очередь, въ большинствѣ произведеній выводятся герои, если не физически, то нравственно больные, съ развинченными нервами, безвольные, надломленные, а порою и совершенно психопатическіе, одержимые разными душевными недугами до полнаго помраченія разсудка. Вспомните, напримѣръ, хотя бы такія произведенія, какъ «Шестую палату», «Изъ записокъ неизвѣстнаго», «Чернаго монаха» и пр.

Но, чтобы не ходить далеко, такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ характеристикой всей дѣятельности г. Чехова, а лишь съ тѣмъ, какъ

она проявилась въ послѣднее время, въ теченіе не далѣе прошлаго года, мы обратимъ вниманіе на два появившіяся въ теченіе прошлаго года произведенія его: «Домъ съ мезониномъ» (Р. М. 1896 г. № 4) и «Моя жизнь» (Лит. прил. къ «Нивѣ» 1896 г. №№ 10—12).

Разсказъ «Домъ съ мезониномъ» ведется отъ лица художника-пейзажиста, вспоминающаго, что было съ нимъ 6—7 лѣтъ тому назадъ. Онъ гостилъ тогда у нѣкоего помѣщика Бѣлокурова, и, какъ онъ, такъ и этотъ самый Бѣлокуровъ, оба были одного поля ягода. Помѣщикъ Бѣлокуровъ, по словамъ разсказчика, «вставалъ очень рано, ходилъ въ поддевкѣ, по вечерамъ пилъ пиво и все жаловался, что онъ нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія». «Онъ,—читаемъ далѣе,—говорилъ о томъ, какъ много приходится работать, когда хочешь стать образцовымъ сельскимъ хозяиномъ». А пріятель его думалъ: какой это тяжелый и лѣнивый малый. Онъ, когда говорилъ о чемъ-нибудь серьезно, то съ напряженіемъ тянулъ «э-э-э-э» и работалъ такъ же, какъ говорилъ,—медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки. Въ его дѣловитость разсказчикъ плохо вѣрилъ уже потому, что письма, которыя онъ поручалъ ему отправлять на почту, онъ по цѣлымъ недѣлямъ таскалъ у себя въ карманѣ.

— Тяжелѣе всего,—бормоталъ онъ,—что работаешь и ни въ комъ не встрѣчаешь сочувствія. Никакого сочувствія!

Но и самъ разсказчикъ немногимъ превосходилъ его по части дѣловитости. «Обреченный,—разсказываетъ онъ,—судьбой на постоянную праздность, я не дѣлалъ рѣшительно ничего. По цѣлымъ часамъ я смотрѣлъ въ свои окна на небо, на птицъ, на аллеи, читалъ все, что привозили мнѣ съ почты. Иногда я уходилъ изъ дому и до поздняго вечера бродилъ гдѣ-нибудь».

А въ другой разъ, вотъ съ какой рѣчью обратился онъ къ Бѣлокурову:

«— Скажите, отчего вы живете такъ скучно, такъ неколоритно? *Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художникъ, я странный человѣкъ, я изверганъ съ юныхъ лѣтъ завистью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло, я всегда бѣденъ, я бродяга,* но вы-то, вы—здоровый, нормальный человѣкъ, помѣщикъ, баринъ, отчего вы живете не интересно, такъ мало берете отъ жизни?..»

А жилъ Бѣлокуровъ дѣйствительно не интересно, если ко всему вышесказанному прибавить, что у него была подруга жизни, Любовь Ивановна, дама очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню; она гуляла по саду въ русскомъ костюмѣ съ бусами, всегда подъ зонтикомъ, а прислуга то и дѣло звала ее то кушать, то чай пить. Года три назадъ, она наняла одинъ изъ флигелей подъ дачу, да такъ и осталась жить у Бѣлокурова, повидимому, навсегда. Она была старше его лѣтъ на десять и управляла имъ деспотически, такъ что, отлучаясь изъ дому, онъ долженъ былъ спрашивать у нея позволеніе...

И такъ, передъ нами байбакъ-помѣщикъ, въ родѣ Обломова, подъ башмакомъ у старой бабы и бродяга художникъ, «издерганный съ юныхъ лѣтъ завистью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло». Не правда-ли, какая прекрасная парочка: герои вполнѣ въ современномъ вкусѣ, подъ стать героямъ Вл. Ив. Немировича-Данченко.

Познакомились наши пріятели съ сосѣднимъ помѣщичьимъ семействомъ Волчаниновыхъ, состоящимъ изъ матери и двухъ дочерей, Лиды и Жени. Старшая, Лида, была дѣвушка, очевидно, весьма замѣчательная, дѣльная, что проскальзываетъ невольно сквозь иронической тонъ невзлюбившаго ее разсказчика. Такъ, мы видимъ, что по ея настоянію Волчаниновы жили въ деревнѣ безвыѣздно, лѣто и зиму, и Лидія была учительницей въ земской школѣ у себя въ Шелковкѣ и получала 25 рублей въ мѣсяцъ. Она тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живетъ на собственный счетъ. Но одною школою не ограничивалась ея дѣятельность: она вѣчно о чемъ-нибудь хлопотала, собирала деньги на погорѣльцевъ, лѣчила приходящихъ къ ней крестьянъ, составила вокругъ себя сильную партію изъ симпатичныхъ ей людей, при помощи которой ей удалось «прокатить» на земскихъ выборахъ предсѣдателя земской управы Балагина, державшаго въ своихъ рукахъ весь уѣздъ. Все это, взятое вмѣстѣ, возбуждаетъ въ васъ невольное сочувствіе къ дѣвушкѣ, которая, не покладая рукъ, трудилась надъ скромнымъ, но серьезнымъ и реальнымъ дѣломъ, а не сидѣла, сложа ручки, въ исканіяхъ «новой красоты» или въ содерзаніи Бога въ причудливыхъ формахъ золотыхъ вечернихъ облаковъ.

Понятно, что она не могла отнестись съ симпатіею къ двумъ своимъ шалопайствующимъ сосѣдямъ и высказала явное презрѣніе къ нимъ. Серьезная, не улыбаясь, она спрашивала Бѣлокурова, почему онъ не служитъ въ земствѣ и почему до сихъ поръ не былъ ни на одномъ земскомъ собраніи и сказала ему укоризненно:

— Нехорошо, Петръ Петровичъ, нехорошо, стыдно!..

Что касается художника, то, каждый разъ, когда Лида начинала какой-нибудь дѣловой разговоръ, она говорила ему сухо: «это для васъ не интересно». Внѣшнимъ образомъ она не выражала своего нерасположенія къ нему, но онъ чувствовалъ его и такъ какъ далеко не былъ столь добродушенъ, какъ его пріятель, то началъ платить ей за ея презрѣніе ядовитыми замѣчаніями въ родѣ того, что лѣчить мужиковъ, не будучи врачомъ, значитъ обманывать ихъ, и что легко быть благодѣтелемъ, когда имѣешь двѣ тысячи десятинъ. Мало-по-малу дошло у нихъ до весьма острыхъ объясненій, больше, впрочемъ, съ его стороны, чѣмъ съ ея. Онъ началъ горячо и съ нескрываемымъ раздраженіемъ отрицать всю ея дѣятельность, и, какъ это всегда бываетъ съ современными намъ разнаго рода представителями общественнаго индиферентизма, начиная съ теоретиковъ чистаго искусства и кончая метафизиками, мистиками и декадентами, отрицаніе свое онъ старался

основывать на такихъ якобы широкихъ положеніяхъ, которыя хватали яко-бы куда дальше и шире близорукихъ и узкихъ взглядовъ Лиды, и съ точки зрѣнія которыхъ оказывалось, что вся ея дѣятельность не стоила выѣденнаго яйца. Но, читая горячія тирады героя, вы видите, какъ онъ самъ себѣ на каждомъ шагу противорѣчитъ и, наконецъ, совсѣмъ сбивается съ толку...

Начинаетъ онъ съ того, что, по его мнѣнію, медицинскіе пункты, школы, библіотечки, аптечки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только къ порабощенію народа, такъ какъ, внося въ жизнь его новые предразсудки, они увеличиваютъ число его потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушки и за книжки онъ долженъ платить земству и, значитъ, сильнѣе гнуть спину. Необходимо же освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда, дать имъ почувствовать себя на свободѣ и имѣть время подумать о душѣ, о Богѣ; разъ человѣкъ сознастъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства, а не эти пустячки. На вопросъ же, какъ же освободить народъ отъ физическаго труда, герой отвѣчалъ какъ нельзя болѣе развязно, что еслибы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ, безъ исключенія, согласились подѣлить между собой трудъ, который затрачивается вообще человѣчествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждаго изъ насъ, быть можетъ, пришлось бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день (!), а чтобы еще менѣе зависѣть отъ своего тѣла и менѣе трудиться, мы изобрѣтаемъ машины, замѣняющія трудъ, махнулъ герой, забывъ, что какъ для изобрѣтенія, такъ, тѣмъ болѣе, для дѣланія машинъ необходима масса физическаго труда. Далѣе, онъ напалъ не только уже на аптечки и библіотечки, но и на самыя науки и искусства, говоря, что они должны искать правды и смысла жизни, искать Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библіотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. Весь этотъ фейерверкъ закончился слѣдующаго рода бенгальскимъ огнемъ:

«—У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ біологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, преходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человѣкъ по прежнему остается самымъ хищнымъ и самымъ нечистоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человѣчество въ своемъ большинствѣ выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго, нечистоплотнаго животнаго, поддерживая существующій порядокъ. И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится въ тартарары!..»

Во всей этой фейерверочной трескотнѣ взятыхъ напрокатъ и мало продуманныхъ чужихъ взглядовъ вы чувствуете лишь одно: что

все это говорилось единственно ради оправданія праздности и успокоенія встревоженной совѣсти. Впрочемъ, герой нашъ не замедлилъ и на практикѣ показать, какого ищетъ онъ «Бога» и «живую душу». Не найдя сочувствія въ Лидѣ, онъ началъ улавливать въ свои сѣти младшую ея сестру, Женю, наивнаго подросточка 16—17 лѣтъ, не успѣвшую еще и сформироваться, съ слабою, неразвитою грудью, тонкими плечами и худенькимъ тѣломъ, стянутымъ поясомъ. Конечно, ему ничего не стоило закружить головку у этого ребенка. «Я, — разсказываетъ онъ, — нравился Женѣ, какъ художникъ, я побѣдилъ ея сердце своимъ талантомъ, и мнѣ страстно хотѣлось писать только для нея, и я мечталъ о ней, какъ о своей маленькой королевѣ, которая вмѣстѣ со мною будетъ владѣть этими деревьями, полями, туманомъ, зарею, этой природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сихъ поръ чувствовалъ себя безнадежно одинокимъ и ненужнымъ».

Къ счастью для маленькой Жени, она объявила ему, что у нея нѣтъ тайнъ для своей семьи, и она должна сейчасъ разсказать все мамѣ и сестрѣ. «Это такъ страшно! — прибавила она: — мама ничего, мама любитъ васъ, но Лида!»

Лида дѣйствительно приняла энергическія мѣры, чтобы избавить сестру и отъ преждевременнаго и отъ во всѣхъ отношеніяхъ несообразнаго увлеченія: пользуясь авторитетомъ въ своей семьѣ, она услала мать и Женю къ теткѣ въ Пензенскую губернію. И вотъ, еслибы герой нашъ былъ человѣкъ мало-мальски солидный и съ характеромъ, и еслибы страсть его къ Женѣ была серьезнымъ чувствомъ, а не блажною прихотью празднаго эротомана, то что мѣшало ему послѣдовать за предметомъ своей страсти и добиться своего. Вѣдь Пензенская губернія не за океаномъ, а тамъ, вдали отъ Лиды, онъ безпрепятственно могъ бы сочетаться съ Женею узами брака. Но герой нашъ и не думалъ о какихъ-либо серьезныхъ видахъ на дѣвочку, и понятно, что когда онъ узналъ объ ея отъѣздѣ, первое впечатлѣніе его было чувство стыда: «трезвое, будничное настроеніе,—разсказываетъ онъ,—овладѣло мной, и мнѣ стало стыдно всего, что я говорилъ у Волчаниновыхъ, и по прежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечеромъ уѣхалъ въ Петербургъ». И послѣ того онъ такъ и не встрѣчался съ Женей, и лишь въ минуты, когда его томило одиночество и ему было грустно, онъ вспоминалъ ее смутно; ему начинало казаться, что и о немъ тоже вспоминаютъ, ждутъ его и что они встрѣтятся, и онъ восклицалъ:

— Мисюсь, гдѣ ты?

Согласитесь сами, что въ лицѣ героя передъ нами съ головы до ногъ чистопробный психопатъ и къ тому же эротоманъ.

VI.

Въ разсказѣ «Моя жизнь» мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ

неудачниковъ, которые очень часто встрѣчались во всѣ времена въ среднихъ слояхъ нашего общества и которые именно и подали поводъ къ созданію извѣстной пословицы «въ семьѣ не безъ урода». Отецъ героя былъ городской архитекторъ, человѣкъ бездарный, тупой, старыхъ понятій и правилъ и въ семьѣ суровый деспотъ. Онъ билъ сына съ дѣтскихъ лѣтъ до 25-тилѣтняго возраста, и 25-ти-лѣтній юноша во время битья продолжалъ, также какъ и въ дѣтскомъ возрастѣ, стоять на вытяжку, руки по швамъ и глядѣть отцу въ лицо. Забитый такимъ образомъ съ дѣтства, юноша не могъ кончить курса средняго заведенія, и затѣмъ, по какой дорогѣ его ни пускали,—былъ онъ и въ вольноопредѣляющихся, и въ фармацевтахъ, и на телеграфѣ и на желѣзной дорогѣ, словомъ, перемѣнилъ девять должностей,—нигдѣ онъ не оказался годенъ; вездѣ его увольняли, вслѣдствіе грубости съ начальствомъ. Въ прежнія времена изъ такихъ жертвъ домашняго воспитанія ничего обыкновенно не выходило, кромѣ трактирныхъ бильярдныхъ шуллеровъ. И герой нашъ былъ близокъ къ этой доблестной карьерѣ, такъ какъ любилъ поигрывать въ трактирахъ на биллiардахъ. Но его головы не миновали бродившія въ обществѣ идеи объ опрощеніи и преимуществѣ физическаго труда передъ механически-канцелярскимъ, и вотъ онъ вознамѣрился пойти въ маляры. Конечно, добывать честный кусокъ хлѣба малярнымъ ремесломъ въ неизмѣримой степени почтеннѣе, чѣмъ подвизаться на поприщѣ биллiарднаго шуллерства, и въ этомъ нельзя не видѣть прогресса нашего времени, сравнительно съ стариною. Но мы видѣли времена, когда молодые люди опрощивались и занимались физическимъ трудомъ, имѣя въ виду тѣ или другія, болѣе или менѣе доблестныя цѣли; передъ ними открывались широкіе горизонты, хотя бы въ однѣхъ мечтахъ. Въ настоящемъ-же случаѣ ничего передъ нами нѣтъ, кромѣ опрощенія ради опрощенія, являющагося, такимъ образомъ, въ своемъ родѣ искусствомъ для искусства, и еще того хуже: въ пассивномъ подчиненіи рабочей лямкѣ и житью впроголодь день за день, завтра, какъ вчера, среди грязи, вони, ругани и всякаго рода униженій, мы ничего не видимъ со стороны интеллигентнаго человѣка, кромѣ крайняго нравственнаго паденія. Если рабочій подчиняется пассивно такой жизни, то это дѣлается, съ одной стороны, потому, что онъ человѣкъ темный и не видалъ никогда ничего лучшаго, а съ другой стороны, онъ, можетъ быть, и желалъ бы такъ или иначе улучшить свою жизнь, но не въ состояніи сдѣлать это, потому что надъ нимъ тяготѣетъ ярмо своего рода подневольнаго рабства. Интеллигентный же человѣкъ, видящій весь идеалъ жизни въ подобномъ рабскомъ ярмѣ, этимъ самымъ узаконяетъ его, отказываясь отъ всякой борьбы противъ него и за себя, и за другихъ.

Тѣмъ не менѣе, дворянинъ, обратившійся въ маляры, вслѣдствіе одной необычайности такого случая, сдѣлался притчею всего города, и въ то время, какъ купцы и сидѣльцы, когда онъ проходилъ мимо

рынка, осыпали его насмѣшками, обливали водой и бросали въ слѣдъ ему всякій мусоръ,—интеллигентныя дщери города заинтересовались имъ, какъ идеальнымъ героемъ, а одна изъ нихъ, Марья Викторовна, дочь богатаго инженера Должикова, такъ увлеклась имъ, что вышла за него замужъ. Но, конечно, увлеченіе это было непродолжительно, и когда она поняла, что въ раскрашиваніи стѣнъ и кровлей заключается вся святая святыхъ ея суженаго и что ни о чемъ онъ не мечтаетъ, ни на что не дерзаетъ, довольствуясь вполнѣ узкимъ кругомъ своего ремесленничества, понятно, что она бѣжала отъ него.

Онъ же ни мало этимъ не огорчился и всецѣло ушелъ въ свою новую жизнь.

«То, что я пережилъ,—повѣствуетъ онъ:—не прошло даромъ. Мои большія несчастія, мое терпѣніе тронули сердца обывателей, и теперь уже не смѣются надо мной и, когда прохожу я торговыми рядами, меня уже не обливаютъ водой. Къ тому, что я сталъ рабочимъ, уже привыкли и не видятъ ничего страннаго въ томъ, что я, дворянинъ, пошу ведра съ краской и вставляю стекла; напротивъ, мнѣ охотно даютъ заказы, и я считаюсь уже хорошимъ мастеромъ и лучшимъ подрядчикомъ послѣ Рѣдьки... Я теперь бѣгаю по городу и ищу заказовъ, нанимаю и разсчитываю рабочихъ, беру деньги подъ большіе проценты. И теперь, ставши подрядчикомъ, я понимаю, какъ это изъ-за грошеваго заказа можно дня три бѣгать по городу и искать кровельщиковъ. Со мной вѣжливы, говорятъ мнѣ *вы*, и въ домахъ, гдѣ я работаю, меня угощаютъ чаемъ и присылаютъ спросить, не хочу-ли я обѣдать. Дѣти и дѣвушки часто приходятъ и съ любопытствомъ и съ грустью смотрятъ на меня».

Если хотите, съ точки зрѣнія послѣдователей идей гр. Л. Толстого, ничего не можетъ быть выше и идеальнѣе подобнаго исхода всѣхъ мытарствъ нашего героя. Въ чемъ же могъ найти успокоеніе совѣсти молодой человѣкъ, неспособный, по своему мягкосердечію и чувству правды, къ урываніо жирныхъ пироговъ на пиршествѣ «ликующихъ, праздно болтающихъ», какъ не въ пріобщеніи къ посильному физическому труду, въ которомъ онъ видѣлъ единственное спасеніе своей души? Да и что было дѣлать ему, разъ его забили съ дѣтства, ожесточили, ничему въ то же время не выучили и никуда не направили? Да, конечно, въ смыслѣ неудачности и какъ жертва дурного воспитанія, онъ не могъ придумать ничего лучшаго. Но въ смыслѣ идеальности?.. Ахъ, развѣ вы не чувствуете, какъ надъ самой вашей головой виситъ низкій, низкій потолокъ, а вокругъ васъ сдвигаются и готовы задушить васъ тѣсныя стѣны... Ни воздуха, ни просвѣта... А вѣдь передъ нами тоже герой нашего времени... Боже, какой жалкій герой!

VII.

Въ довершеніе всего, возьмемъ писателя самой новѣйшей формаціи, появившагося на литературномъ поприщѣ въ началѣ лишь 90-хъ годовъ, г. А. Куприна. И по своему свѣжему таланту, и по своему направленію, писатель этотъ подаетъ благія надежды. Одно то дѣ-

лаетъ ему большую честь, что, чуждый какихъ-либо новаторскихъ претензій, не гонялся ни за какой «новою красотою», онъ въ то же время не разбрасывается, подобно многимъ современнымъ беллетристамъ, по всевозможнымъ чистымъ и нечистымъ органамъ печати. Ему далеко не все равно, среди какого навоза и мусора ни появилось бы его честное слово, лишь бы больше ему заплатили, и онъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, твердо держится органовъ честныхъ и сочувственныхъ его направленію. Относительно того, насколько идейны и содержательны его произведенія, мы можемъ судить по его послѣдней повѣсти «Молохъ», напечатанной въ № 12 «Русскаго Богатства» и предстоящей нашему разсмотрѣнію, къ чему мы немедленно и приступимъ.

И такъ, какъ видите, мы имѣемъ дѣло съ такимъ новымъ произведеніемъ, что краска, которою оно была отпечатано, едва успѣла обсохнуть, и, конечно, герой этого произведенія долженъ быть изъ новыхъ новый. И представьте себѣ, что въ лицѣ этого героя, Боброва, мы видимъ личность, почти тожественную съ Думчинымъ въ «Губернаторской ревизіи» Вл. Ив. Немировича-Данченко. Разница заключается лишь въ томъ, что Думчинъ—мелкій помѣщикъ, обремененный семьею, ищущій средствъ къ существованію въ должности земскаго начальника, а Бобровъ—инженеръ, холостой, занимающій видное мѣсто на сталелитейномъ заводѣ. Но суть обоихъ одна и та же: подобно тому, какъ все горе Думчина заключается въ томъ, что по своей натурѣ онъ болѣе расположенъ къ мирнымъ, кабинетнымъ, ученымъ занятіямъ, судьба же, помимо его желанія, толкнула его на такой отвѣтственный, административный постъ, какъ мѣсто земскаго начальника, а у него не хватило силы воли направить свою жизнь по своимъ наклонностямъ, то же самое мы видимъ и у Боброва. «По складу его ума,—говоритъ авторъ,—по его привычкамъ и вкусамъ, ему лучше всего было бы посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству, инженерное дѣло не удовлетворяло его, и еслибы не настоятельное желаніе матери, онъ оставилъ бы институтъ еще на третьемъ курсѣ».

Замѣчательно при этомъ, что это пассивное повиновеніе матери происходило вовсе не изъ горячей сыновней любви и нежеланія огорчить ее; ничего подобнаго мы не видимъ; напротивъ того: «ласка и нѣжность,—по словамъ автора,—съ дѣтства обходили Боброва. Отца онъ не помнилъ. Мать его была суровая и раздражительная женщина, почти помѣшанная на странствующихъ монашкахъ. Пять лѣтъ тому назадъ ею совершенно овладѣло религіозное умопомѣшательство (вообще въ ея роду сумасшествіе было явленіемъ наслѣдственнымъ)...»

Такимъ образомъ, въ лицѣ Боброва передъ нами является подобное Думчину безвольное существо, которое уже съ дѣтства привыкло не само устраивать свою жизнь, а пассивно подчиняться волѣ власть

надъ нимъ имущихъ, хотя бы эти власть имущіе были люди невмѣняемые, каковою и представляется его слабоумная мать.

Вмѣстѣ съ слабоволіемъ получилъ онъ, очевидно, отъ матери, въ видѣ психіатрическаго наслѣдства, крайнюю воспріимчивость всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, доходящую до болѣзненной чувствительности. «Его нѣжная, почти женственная натура,—читаемъ мы,—жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея ежедневными, суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ въ этомъ отношеніи съ человѣкомъ, съ котораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченные другими, потрясали его до глубины души»... «Особенно раздражали его,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—когда онъ обходилъ рельсопрокатный цехъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и точно высушенныя огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ, въ то время, когда ихъ тѣла обжигалъ жаръ раскаленныхъ массъ. онъ самъ какъ будто бы испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего годового жалованья».

«—Все мнѣ тяжело и гадко, Осипъ Осиповичъ,—говорилъ онъ своему другу, доктору:—первое мнѣ гадко то, что я служу на заводѣ и получаю за это большія деньги, и мнѣ это самое дѣло вотъ какъ противно! Я считаю себя честнымъ человѣкомъ, а потому прямо себя спрашиваю: что ты дѣлаешь? Кому ты приносишь пользу? Я начинаю разбираться въ этихъ вопросахъ и вижу, что, благодаря моимъ трудамъ, сотня французскихъ лавочниковъ-рантье и десятокъ ловкихъ русскихъ пройдохъ со временемъ положатъ въ карманъ милліоны. А другой цѣли, другого смысла нѣтъ въ томъ трудѣ, на подготовку къ которому я убилъ лучшую половину жизни. Это-то меня и терзаетъ, дорогой докторъ».

Казалось бы чего проще—разъ человѣкъ убѣдился, что должность его совсѣмъ ему не по душѣ и что трудъ его не приноситъ той пользы, какую ему хотѣлось бы приносить,—бросить постылое дѣло и устроить свою жизнь какъ-нибудь иначе, согласно со своими убѣжденіями. Но, какъ это и слѣдовало ожидать отъ человѣка безхарактернаго, «привычка къ относительному комфорту, по словамъ автора, слабость воли, боязнь насмѣшекъ и сотни другихъ причинъ мѣшали ему вести иную жизнь». И вотъ, подобно всѣмъ безвольнымъ психопатамъ, вмѣсто примиренія со своею совѣстью, онъ искалъ усыпленія ея посредствомъ наркотизма: былъ морфиноманомъ.

Мы не имѣемъ надобности распространяться относительно романа, пережитаго героемъ. Романъ этотъ, конечно, ужъ былъ такъ же жалокъ и постыденъ, какъ и вся жизнь Боброва, какъ жалки и постыдны романы и всѣхъ подобныхъ ему психопатическихъ героевъ нашего времени. Бобровъ и въ этомъ отношеніи похожъ на Думчина. Замѣчательно, что всѣ подобнаго рода психопатическіе герои страдаютъ

однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: при всей ихъ впечатлительности и чуткости, при всемъ тонкомъ анализѣ, какимъ они славятся, въ то же время они являются крайне неразборчивыми относительно женщинъ, въ которыхъ влюбляются: словно какой-то злой рокъ толкаетъ ихъ воспламеняться страстью къ дѣвушкамъ пустымъ, тщеславнымъ, а иногда и въ конецъ испорченнымъ и исковерканнымъ. Эту странность можно объяснить лишь тѣмъ, что при своихъ развинченныхъ нервахъ и психопатической натурѣ, они являются по большей части эротоманами; въ ихъ страсти преобладаетъ чувственность; они влюбляются преимущественно въ тѣло, формы, и низменная страсть помрачаетъ у нихъ разсудокъ. Такъ Думчинъ только дивился впослѣдствіи, «какъ онъ могъ жениться на Лидіи Артемьевнѣ, какъ могъ не разглядѣть подъ видомъ милой дѣвушки, «степного цвѣтка», какъ называлъ ее тогда, вульгарную натуру деревенской бабы? Грубую ловлю жениха принялъ за то, что называется любовью?»

Совершенно такой же чисто чувственный характеръ имѣла и страсть Боброва къ Нинѣ, одной изъ многочисленныхъ дщерей сослуживца его Зененко. Замѣчательно, что онъ любилъ ее болѣе въ отсутствіи, чѣмъ въ присутствіи ея: когда трое или четверо сутокъ не бывалъ въ ихъ домѣ, воспоминаніе о ней заставляло его сердце биться со сладкой и тревожной грустью. Онъ представлялъ себѣ ея стройную, граціозную фигурку, улыбку ея томныхъ, окруженныхъ тѣнью глазъ, запахъ ея тѣла, напоминавшій ему запахъ малины и тополя. Но стоило ему побывать у Зененокъ три вечера подъ рядъ, какъ его начинало томить ихъ общество, ихъ фразы,—всегда однѣ и тѣ же въ одинаковыхъ случаяхъ, — шаблонныя, неестественныя выраженія ихъ лицъ, и онъ возвращался отъ Зененокъ съ головной болью, съ нервами, утомленными ихъ ломаньемъ...

По счастью, судьба избавила его отъ того ада, какой устроила бы изъ семейной жизни Нина съ ея кокетствомъ дурного тона и душевной пустотой, но, надо признаться, что устроила это судьба жестокимъ ударомъ для Боброва. Какъ разъ въ то время, когда страсть его назрѣла настолько, что онъ готовъ уже былъ сдѣлать предложеніе Нинѣ, на заводъ принесло «самого» Квашнина, главнаго воротилу заводскаго правленія, милліонера, получавшаго триста тысячъ годового дохода. Мужчина уже не молодой, въ три обхвата, что называется (онъ не могъ ѣздить въ коляскѣ иначе, какъ одинъ, а кареты устраивались для него нарочно такія, что отворялись не однѣ дверцы, а цѣлыя стѣны экипажа), обжора и пьяница, онъ въ то же время былъ страшный женолюбъ, причемъ, увлекаясь барышнями, имѣлъ обыкновеніе выдавать ихъ замужъ за своихъ подчиненныхъ. Пріѣхавши на заводъ, онъ не преминулъ обратить вниманіе на Нину, увлекся ею, зачастилъ въ домъ ея родителей; у молодой дѣвушки закружилась головка подъ обаяніемъ его трехсоттысячнаго дохода, и

кончилось дѣло тѣмъ, что на одномъ роскошномъ пикникѣ, устроенномъ Квашнинымъ всѣмъ заводскимъ служащимъ, онъ торжественно провозгласилъ Нину невѣстою одного изъ подчиненныхъ своихъ Свижевскаго. Тостъ этотъ произвелъ, конечно, на Боброва впечатлѣніе удара грома надъ нимъ. Въ ярости онъ собирался убить Квашнина, взорвать заводскіе котлы, но не сдѣлалъ ни того, ни другого, а явясь подъ утро въ растерзанномъ видѣ въ заводскую больницу, потребовалъ, чтобы докторъ сдѣлалъ ему подкожное впрыскиваніе морфія. Напрасно докторъ отговаривалъ его отъ этого, ставя ему на видъ, что какого труда стоило ему побороть эту поганую привычку и что если онъ теперь сдѣлаетъ ему инъекцію, онъ никогда уже отъ морфія не отстанетъ. Бобровъ настоялъ таки на своемъ, и черезъ пять минутъ лежалъ уже на клеенчатомъ диванѣ въ глубокомъ снѣ, и сладкая улыбка играла на его блѣдномъ, исхудавшемъ за ночь лицѣ.

Но довольно приведенныхъ нами примѣровъ. Однимъ словомъ, куда бы вы ни взглянули въ современной намъ беллетристикѣ, писатели самыхъ разнородныхъ школъ и направленій, старые и молодые, всѣ подъ рядъ рисуютъ намъ одинъ и тотъ же типъ безхарактернаго неврастеника и безвольнаго психопата, а порою и совсѣмъ мономана, какъ главнаго героя нашего прекраснаго времени. Конечно, передъ нами не случайное явленіе, а какъ нельзя болѣе знаменательное. Подобно тому, какъ Онѣгинъ и Чацкій выражали собою 20-ые и 30-ые годы, какъ Рудинъ и Райскій—40-ые, какъ Базаровъ и пр. — 60-ые годы, такъ и психопатическій герой современной беллетристики, безъ сомнѣнія, служитъ представителемъ и выразителемъ нашей доблестной эпохи, съ чѣмъ насъ можно поздравить!.. Дальше идти, повидимому, уже некуда. Останется развѣ только закрыть университеты, гимназіи, народныя школы и всѣ прочія учебныя заведенія, а на мѣсто ихъ завести на каждомъ шагу психіатрическія лѣчебницы, гдѣ и станутъ блестѣть окончательнымъ безуміемъ будущіе герои времени.

А. Скабичевскій.

Отъ редакціи.

Авторъ очерка «Народные ходатаи», напечатаннаго въ отдѣлѣ провинціальныхъ писемъ въ декабрьской книжкѣ «Нов. Сл.», проситъ заявить, что изложенные въ этомъ очеркѣ наблюденія и факты собраны имъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а не спеціально въ Тульской губерніи.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Балобанова, Е. Рейнскія легенды. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Барацъ, С. М. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По пов. проекта устава вексельн. 1893 г.) Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бартеневъ, Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очеркъ Обдорскаго края. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій. Т. IV. Перев. М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1896 г. Ц. 35 к.

Бѣлоконскій, И. П. Народное начальное образованіе въ Курской губ. Съ діограм. и картограм. Курскъ. 1897 г.

Бѣломорскій, А. А. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Бюхеръ, Карлъ. Происхожденіе газеты. Перев. съ нѣмецк. («Межд. библ.» № 46). Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Волконскій, Сергѣй, кн. Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичн. лекціи, читан. въ Америкѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вормсъ, Р. Общественный организмъ. Перев. съ франц. съ предисл. и подъ ред. проф. А. С. Трачевскаго. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Герасименко, П. П. Миньятюры. Наброски и разсказы. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Т. I. Вып. I. Съ 4-мя раскрашен. табл. и 163 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1896 г. Ц. за 12 вып. 12 р. («Иллюстр. библ. Нивы» 1897 г.).

Гокинсъ, Э. Англійско-русскій карманный словарь. Кіевъ 1896 г. Ц. 60 к.

Горовая, Н. Я. Гигіеническіе очерки. I. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Гусевъ, А. Н. Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень актовъ, документовъ и другихъ бумагъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ сего сбора изъятыхъ. Изд. 8-е неоффиц. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Диккенсъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій. Въ 10-ти т. съ портретомъ и біограф. Ч. Диккенса. Изд. Ф. Павленкова. Т. X. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жбанковъ, Д. Н. Отхожіе промыслы въ Смолен. губ. въ 1892—1895 гг. (Приложеніе къ матерьяламъ о распространеніи сифилиса и венерическихъ заболѣваній въ Смолен. губ.). Смоленскъ. 1896 г.

Золотаревъ, Л. А. Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Его же. Гигіена брака. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Его же. Супружескія измѣны, ихъ значеніе и причины. Популярно-научн. очерки. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Его же. Устои семьи. Гигіеническія и психологическія условія брака. М 1896 г. Ц. 30 к.

Кауфманъ, А. А. Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ. 1886—1892 гг. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Киплингъ, Р. Разсказы для дѣтей. Книжка II. Перев. съ англійск. А. Рождественскій. Съ рис. М. 1897 г. Ц. 40 к,

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Т. IV. М. 1897 г. Ц. 2 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кольбъ. Г. Фр. Исторія человѣческой культуры съ очеркомъ формъ государств. правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го переработан. и значит. дополн. нѣмецк. изд. подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. I и II. Кіевъ. 1896 г. Ц. по подп. за 8 вып. 2 р. 50 к.

Кукъ, Дж. П. Новая химія. Перев. съ 10-го англійск. изд. А. В. Алехина подъ ред. М. И. Коновалова. М. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к. («Библ. для самообр.»)

Лависсъ, Эрнестъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. А. Тимофеевой. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Лейкинъ, Н. А. Среди причта. Ром. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Аленушкины сказки. (Библ. «Дѣтск. Чтен.»). М. 1897 г. Ц. 75 к.

Менделевичъ, Р. А. Святочныя поэмы. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Мережковскій, Д. С. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1997 г. Ц. 2 р.

Минскій, Н. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Орловъ, Е. Платонъ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографич. оч. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Ратгаузъ, Д. Пѣсни сердца. Стихотворенія. 1893—1897 г. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Сабатье, Арманъ. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекція, читан. въ Женевскомъ Университетѣ въ апрѣлѣ 1894 г. и въ Сорбоннѣ. въ мартѣ 1895 г. Перев. В. Обреимова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Сергѣевъ, С. Вопросы русской промышленности. («Библ. Общ. Зн.»). Одесса. 1897 г. Ц. 40 к.

Станюковичъ, К. М. Среди моряковъ. Разсказы. Изд. жур. «Дѣтск. Чт.». М. 1896 г. Ц. 60 к.

Тихомировъ, Д. И. Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагогич. курсахъ въ Твери 1896 г. Изд. ред. ж. «Д. Чт.» М. 1896 г. Ц. 1 р.

Трухачевскій. Крейцерова соната исполнителя. Записки. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Фламмаріонъ, К. Животная астрономія. Общее описаніе вселенной, увѣнчанное монтіоновскою преміей и одобрен. франц. мин. просв. для народн. библ. Перев. Е. Предтеченскій. Съ 382 политипажами въ т. и раскраш. рис. Изд. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Фэдо. Научныя забавы. Явленія и опыты, основанные на обманѣ чувствъ: осязанія, обоняніи, вкуса, слуха и зрѣнія. Съ 128 рис. Перев. съ франц. Е. Предтеченскій. Изд. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к., въ перепл. 1 р. 10 к.

Цигенъ, В., д-ръ. Вліяніе алкоголя на нервную систему. Попул. лекція. Перев. съ нѣмецк. врачъ Я. Братинъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Шараповъ, С. Ѳ. Цыфровый анализъ разсчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе 1881 — 1895 г. Докладъ О-ву для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, на основаніи цыфров. данныхъ, собран. и сгрупирован. П. В. Олемъ. Спб. 1897 г.

Шмелевъ, Иванъ. На скалахъ Валаама. М. 1897 г. Ц. 80 к.

Шмуклеръ, И. К., д-ръ. Опанизмъ у дѣтей. Его причины, симптомы, послѣдствія и лѣченіе. Кіевъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Эйнгорнъ, Виталій. Книги Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ въ 3-ю четверть XVII вѣка. М. 1894 г.

Его же. Рѣчи, произнесен. Іоанникіемъ Голятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. М. 1895 г.

Ярмонкинъ, В. Основы неограниченной монархіи. Спб. 1897 г.

Внѣшняя торговля Россіи въ 1895 г. Предварительныя свѣдѣнія. Изд. Д-та Там. Сбор. Спб. 1896 г.

Для путешествующихъ по Европейской Россіи и Азіи. Совѣты объ экипажахъ, лошадяхъ, дорожныхъ вещахъ, пищѣ, одеждѣ и прочемъ снаряженіи. путешествующихъ поодиночкѣ и партіями. Изд. Сурина. Казань 1896 г. Ц. 75 к.

Изъ дѣятельности московскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ ихъ существованія. М. 1896 г.

Краткія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи за 1895 г. Изд. Д-та Там. Сбор. Спб. 1896 г.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ «Handwörterbuch der Sraawissenchaften». Перев. провѣренъ С. Булгаковымъ. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейскимъ и азіатскимъ границамъ за 1894 г. Изд. Д-та Там. Сбор. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. 1-й, подъ ред. В. В Иванова. Изд. Харьк. Губерн. Статист. Комит. Харьковъ. 1896 г.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ «Handwörterbuch der Staatwissenchaften». Перев. провѣренъ Н. Водовозовымъ и С. Булгаковымъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности бывшаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности Император. Вольно-Эконом. О-ва за 1895 г. Спб. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1895 г. Харьковъ. 1896 г.

По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Поѣздки по Казанской губ. и къ болгарскимъ развалинамъ. Съ раскрашен. план. развалинъ бывшей столицы Болгаріи и села Болгары, 4-мя видами развалинъ, многими виньетками и рис. въ текстѣ. Изд. Ѳ. Сурина. Казань. 1896 г. Ц. 1 р.

Поѣздки къ бывшимъ волжскимъ столицамъ, къ развалинамъ г. Царева и села Селитреннаго. Исторія Кипчакской, или Золотой Орды и монгольскаго ига въ Россіи. Изд. Ѳ. Сурина. Казань. 1896 г. Ц. 65 к.

Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой, Вяткѣ, Окѣ, Сурѣ, Сылвѣ и др. Изд. Ѳ. Сурина. Казань. 1896 г. Ц. 75 к.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Съ приложеніемъ узаконеній, примѣрныхъ каталоговъ отъ 26 р. с. до 800 р. с. и съ указаніемъ разрѣшеній М-ва Нар. Просв. для поименован. книгъ. Составлено Комитетомъ по устройству Сельскихъ библ. и народн. читаленъ (Харьк. О-ва распространенія въ народѣ грамотности). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Харьковъ. 1896 г. Ц. 25 к.

Сибирскіе переселеніе. Спб. 1896 г. Ц. 1½ к.

НОВАЯ КНИГА.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Сочиненіе КАРЛА МАРКСА,

изданное подъ редакц. Фридр. Энгельса.

Перев. съ нѣмецк. Томъ III. Кн. III. Процессъ капиталистическаго производства, взятый въ цѣломъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Лица, выписывающія изъ конторы «Новаго Слова», за пересылку не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ редакціи продаются слѣдующія книги:

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

ИЗДАНІЕ **А. К. Томашевскаго.**

Спб. 1896 г. Цѣна **2** р. **50** к.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Ярошкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома **5** р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

Е. ДЮРИНГЪ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна **1** р. **50** к.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе **ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ**, члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго **М. Калмыковъ.**

Изданіе **Г. А. Куковѣрова.** Спб. 1894 г. Ц. **1** р. **50** к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Переводы и изданія **Д. Л. МУРАТОВА:**

8-МИ ЧАСОВОЙ

РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Соч. ***С. Вебба*** и ***Х. Конса.***

Цѣна 1 руб. 60 коп.

Содержаніе: Движеніе въ пользу сокращенія рабочаго дня въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи.—Современная продолжительность труда и фабричное законодательство.—Экономическіе результаты сокращенія рабочаго дня.—Сверхъ-урочная работа.—Полный обзоръ аргументовъ за и противъ узаконенія восьми-часового дня.—Практическія предложенія.—Письма, полученныя авторами отъ тѣхъ фирмъ, которыя уже ввели восьми-часовой день.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ И ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Соч. Т. Хиггинсона. XVI+304 стр. Цѣна 1 рубль.

Лица, выписывающія эти книги изъ конторы «Новаго Слова» или изъ конторы изданій **О. Н. Поповой** (Спб. Невскій, 54—Библіотека Черкесова), за пересылку не платятъ.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА год VIII.

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ".

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

На 1897 годъ „Вопросамъ Философіи и Психологіи"
вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, А. Н. Бекетовъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ. В. Вальденбергъ, А-дръ И. Введенскій, Ал-ѣй И. Введенскій, Д. Викторовъ, П. Г. Виноградовъ, Н. Д. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даркшевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ. П. В. Мокіевскій, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, С. А. Сухановъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Вышла въ свѣтъ 35 книга (ноябрь—декабрь).

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Я. Гротъ. О жизни и личности Декарта. — В. П. Сербскій. Преступные и честные люди.—А. А. Токарскій. О глупости.—Вл. С. Соловьевъ. Нравственная организація человѣчества.—Кн. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма.—В. П. Сербскій. 4-ый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ.—В. К. Ротъ. Нейрастенія и лѣность.—О. Н. Булгаковъ. О закономѣрности соціальныхъ явленій.—А. А. Токарскій. 3-й международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ.—Полемика. 1) О. В. Леонова и С. А. Суханова: По поводу теоріи нейроновъ; 2) В. Ѳ. Саводникъ: По поводу диссертаціи г. Челпанова.—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.—Извѣстія и замѣтки.—А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25) и шестой (№№ 26—30) годы изданія продаются по 5 руб. за каждый годъ съ перес.; подписчики на новый 1897 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экз. № 15 журнала, оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продается отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ, взимается съ каждаго руб. по 2 коп.

Редакторы { Л. М. Лопатинъ. / В. П. Преображенскій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

3—2

1897 годъ. Четвертый годъ изданія. 1897 годъ.

«БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!»

ПОПУЛЯРНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№№ выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: 5 руб. въ годъ, 3 руб. полгода, 2 р. четверть года.

АДРЕСЪ: С.-Петербургъ, Невскій, 148.

Въ 1897 году журналъ **«Будьте Здоровы!»** будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ первые три года. Эта программа, равно какъ направленіе и цѣли нашего журнала ясно опредѣляются самымъ его названіемъ **«Будьте Здоровы!»**. Это настоящій популярный журналъ, дающій въ ясныхъ общепонятныхъ статьяхъ все, что нужно знать человѣку для сохраненія его здоровья, и необходимый въ каждой интеллигентной семьѣ. На его страницахъ читатель найдетъ статьи о томъ, какъ надо жить, питаться и одѣваться, работать, отдыхать и развлекаться, какъ предупредить болѣзни и остерегаться всего вреднаго, какъ лѣчить заболѣванія домашними средствами, безъ помощи врача, какъ утолить боль и облегчить припадки, какъ укрѣпить нервы, какъ приготовить себѣ здоровую старость, какъ воспитать здоровыхъ дѣтей и пр. и пр.

Независимо отъ существующихъ отдѣловъ журнала, перечислять которые было бы слишкомъ долго, редакція **«Будьте Здоровы!»** по просьбѣ своихъ читателей обратитъ особенное вниманіе въ 1897 году на слѣдующіе отдѣлы: Гигіена женщинъ, дѣтская гигіена, гигіена нервныхъ людей; военная гигіена и, главнымъ образомъ, половая гигіена. Только лицемѣрные люди могутъ находить неприличнымъ отдѣлъ популярныхъ статей, толкующихъ о томъ, что необходимо каждому знать, и имѣющихъ цѣлью не возбуждать воображеніе читателя, а принести ему посильную пользу. Въ наше нездоровое время не только масса людей страдаетъ «нервами» и «нервностью», но и, живя исключительно нервами, въ постоянной погонѣ за нервными возбужденіями и самымъ интензивнымъ изъ нихъ, половымъ наслажденіемъ, теряетъ устойчивость и страдаетъ разными аномаліями, неправильностями отправленій и болѣзнями половыхъ органовъ. Въ продолженіе будущаго года мы дадимъ въ нашемъ журналѣ рядъ статей о гигіенѣ брака и новобрачныхъ, о гигіенѣ цѣломудрія, о половыхъ излишествахъ, о половомъ безсиліи и нейрастеніи, объ онанизмѣ, о ихъ послѣдствіяхъ и лѣченіи. Интересующіеся подробностями благоволятъ требовать подробную иллюстрированную программу, которая высылается безплатно. 3—1 Редакторъ-издатель д-ръ *И. П. Зарубинъ.*

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО.

КІЕВСКАЯ

ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

И СЪ ДВУХЪ-НЕДѢЛЬНЫМИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1897 Г. ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р.; безъ достанки: на 1 годъ—6 р., на 6 м.—3 р. 75 к., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судеб., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная улица, № 8—А (Музыкальный пер.).

3—1 Редакторъ-Издатель *М. Е. Крашенній.*

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЛОДЗИНСКІЙ ЛИСТОКЪ
4-й годъ изданія.

ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Единственная частная русская газета въ царствѣ Польскомъ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Въ 1897 году «Лодзинскій Листокъ» будетъ издаваться по той же расширенной программѣ, какъ и въ 1896 году, съ политическимъ отдѣломъ и оффиціальными приложеніями. Въ газетѣ печатаются объявленія казенныя и частныя. Въ передовыхъ руководящихъ статьяхъ будутъ подвергаться обсужденію всѣ выдающіяся событія въ области политики, торговли, промышленности и общественной жизни. Замѣчательныя беллетристическія произведенія, оригинальныя и переводы, наполнятъ литературный отдѣлъ. Способствованіе сближенію разнородныхъ элементовъ, безпартійность и безпристрастіе—цѣль и направленіе изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 8 руб.; съ пересылкою 10 руб. — к.
На 3 мѣсяца . . . . . 2 » » » 2 » 50 »

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что хотя «Лодзинскій Листокъ»—газета частная, тѣмъ не менѣе думаемъ, что оффиціальныя объявленія и распоряженія мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей, обязательныя для домовладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ и промышленниковъ и вообще для всѣхъ, живущихъ въ городѣ Лодзи лицъ, дѣлаютъ газету «Лодзинскій Листокъ» необходимою, какъ руководство, въ которомъ они найдутъ для себя не только свѣдѣнія изъ области торговли и промышленности, но и тѣ указанія, кои предупредятъ ихъ отъ отвѣтственности за неисполненіе ими по незнанію обязательныхъ требованій властей.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Лодзи—въ конторѣ редакціи, улица Дѣльная, № 13, и въ книжномъ нашемъ магазинѣ, ул. Петроковская, № 90; въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. Статьи и замѣтки для напечатанія въ «Лодзинскомъ Листкѣ», а равно книги и брошюры для рецензіи редакція проситъ адресовать: М. Е. Терехову, ст. Воломинъ, С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. 3—1

1897 годъ

ГОДЪ — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — XVI-й

НА

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ГАЗЕТУ ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ.

Редакція «ТАГАНРОГСКАГО ВѢСТНИКА» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ,

ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго Агентства. ***II. Мѣстный отдѣлъ.*** Оффиціальныя извѣстія, касающіяся пріазовскаго края. Городскія извѣстія. Замѣтки и мелочи. Театральныя рецензіи. Биржевыя и рыночныя свѣдѣнія. ***III. Внутренній отдѣлъ.*** Общія правительственныя распоряженія. Извѣстія изъ области войска Донскаго, пріазовскаго края и разныхъ мѣстностей Россіи. ***IV. Иностранный отдѣлъ.*** Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, въ сжатой формѣ и краткомъ объемѣ разъясняющія политическое положеніе разныхъ странъ и наиболѣе выдающіяся событія иностран. жизни. ***V. Судебный отдѣлъ.*** Сообщенія о важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ. ***VI. Фельетонъ.*** Романы, повѣсти, стихотворенія, разсказы, анекдоты, сценки и т. п. статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. ***VII. Объявленія и рекламы.***

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на 12 мѣс. 6 р., 11 мѣс. 5 р. 50 к., 10 мѣс. 5 р. 25 к., 9 мѣс. 4 р. 75 к., 8 мѣс. 4 р. 50 к., 7 мѣс. 4 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 5 мѣс. 3 р., 4 мѣс. 2 р. 75 к., 3 мѣс. 2 р 25 к., 2 мѣс. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 75 к.

Съ дост. и перес.: на 12 мѣс 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., 10 мѣс. 6 р., 9 мѣс. 5 р. 50 к., 8 мѣс. 5 р., 7 мѣс. 4 р. 50 к., 6 мѣс. 4 р., 5 мѣс. 3 р. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 р. 50 к., 2 мѣс. 1 р. 70 к., 1 мѣс. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская улица, домъ № 5-й.

Редакторъ *М. Красновъ.* 3—1 Издатель *М. Мироновъ.*

1897 г. **Годъ V-й.** **1897 г.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КУРЬЕРЪ

ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

НА 1897 ГОДЪ

5 РУБ. ВЪ ГОДЪ

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

НА ПОЛГОДА **3** Р.

3—1 *Издатель И. А. ФЕЙГИНЪ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ТОБОЛЬСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

(ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ)

НА 1897 ГОДЪ.

Съ 1-го января 1897 года газета, въ томъ же составѣ ближайшихъ сотрудниковъ, будетъ издаваться по той же расширенной программѣ, какъ и въ 1896 году, и будетъ имѣть главнѣйшей своею цѣлью дать населенію губерніи, особенно сельскому, за доступную при томъ плату, полезное чтеніе. Въ интересахъ того же сельскаго населенія, при газетѣ ведется особый сельско-хозяйственный отдѣлъ, который въ видѣ отдѣльнаго приложенія будетъ выдаваться подписчикамъ не менѣе двухъ разъ въ теченіе мѣсяца. Редакція сельскохозяйственнаго отдѣла попрежнему будетъ въ завѣдываніи правительственнаго агронома. Особое вниманіе будетъ удѣлено также и школьному дѣлу (народное образованіе).

Въ видѣ особаго приложенія къ газетѣ печатается также при ней «Ежегодникъ Тоб. Губ. Музея».

Газета будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю—по четвергамъ.

Подписная цѣна: на годъ, съ особыми выпусками телеграммъ для городскихъ подписчиковъ—5 р., безъ телеграммъ—4 р.; особые выпуски телеграммъ отдѣльно—3 р.; на полгода: съ особыми выпусками телеграммъ для городскихъ подписчиковъ—3 р., безъ телеграммъ—2 р. 50 к. Иногородніе подписчики платятъ: за годъ—4 р., за полгода—2 руб. 50 коп. Сельскія управленія, училища, церковно-приходскія школы, библіотеки и читальни Тобольской губерніи платятъ: за годъ—3 р., за полгода—1 руб. 75 коп.

Лица, желающія получать газету брошюрованною, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ газеты 50 коп.

Подписка принимается въ Редакціи «Тоб. Губ. Вѣдомостей», при Типографіи Губернскаго Управленія. —1 Редакторъ Л. Луговскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Въ 1897 г. «Новое Обозрѣніе» будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Условія подписки: съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к. *За границу*: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ перваго числа любого мѣсяца). Для сельскихъ учителей льгота: подписная цѣна на годъ—7 р., полгода—4 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р., и къ 1-му сентября—2 р.

Подписка и объявленія принимаются ВЪ ТИФЛИСѢ: въ конторѣ газеты, Барятинская ул., № 8.

Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію «Новаго Обозрѣнія».

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА газ. «НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ» производится: въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ ЛЕДЕРЛЕ, Невскій просп., № 42, д. армянской церкви; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ КАРБАСНИКОВА, Моховая улица; въ книжныхъ шкапахъ станцій Ростово-Владикавк. жел. дороги: Владикавказъ, Бесланъ, Тихорѣцкая и Ростовъ.

Лица, подписавшіяся на годовое изданіе «Новаго Обозрѣнія» 1897 г. въ настоящее время, будутъ безплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

3—3

ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1897 году по слѣдующей программѣ:

1) ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2) ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

а) Правительственныя распоряженія и новыя узаконенія, придворныя извѣстія, статьи (руководящія) о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городского благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи, телеграммы (собственныхъ корреспондентовъ и россійскаго телеграфнаго агентства). б) Мѣстная хроника. в) Иногородныя извѣстія. г) Корреспонденціи. д) Сельскохозяйственный отдѣлъ. е) Иностранныя извѣстія. ж) Письма въ редакцію. з) Библіографическій указатель. и) Фельетонъ. і) Объявленія частныхъ учрежденій и лицъ.

Газета будетъ выходить, попрежнему, три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ОБА ОТДѢЛА ВМѢСТѢ: съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—6 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

НА ОДИНЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—4 р. 20 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 60 к.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неоффиціальный) будетъ высылаться за 3 рубля въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ и народнымъ библіотекамъ Тамбовской губерніи газета, по просьбѣ администраціи ихъ, высылается безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у гг. становыхъ приставовъ.

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ.

НА ИЗДАЮЩІЙСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОСХОДЪ

и газету „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

17-й годъ изданія.

ВЪ 1897 году журналъ «ВОСХОДЪ» и газета «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ въ ПАЛЕСТИНѢ, АРГЕНТИНѢ, НЬЮ-ЙОРКѢ, ПАРИЖѢ, ЛОНДОНѢ, БЕРЛИНѢ, ВѢНѢ, РИМѢ и вообще во всѣхъ КРУПНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ Россіи и заграницей.

Въ ближайшихъ книгахъ «Восхода», между прочимъ, будетъ помѣщено:

ГОѲОЛІЯ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ *Расина*. Переводъ въ стихахъ. *О. Н. Чюминой*. (Михайловой).—КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКИХЪ СЕКТЪ. *А. Я. Гаркави*.—У МАРОККСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. *В. И. Немировича-Данченко*.—ПИСЬМА О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ЕВРЕЙСТВѢ. *С. М. Дубнова*.—БѢГСТВО. Разсказъ. *Бенъ-Ами*.—ЕВРЕИ ВЪ АНГЛІИ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ТРИ ВѢКА. *М. И. Кулишера*.—БЕРЛИНСКІЕ ЕВРЕЙСКІЕ САЛОНЫ. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ. Проф. берлинскаго университета *Людвига Гейгера*.—(Переводъ съ рукописи).—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Д. А. Хвольсона. Барона *Д. Г. Гинцбурга*.—ИНСТИТУТЪ РИТУАЛЬНОЙ ЧИСТОТЫ У ЕВРЕЕВЪ. Д-ра *Л. С. Каценельсона*.—РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. *С. О. Ярошевскаго*.—ЕВРЕИ ВЪ ЛОНДОНСКОЙ НАЦІОНАЛЬНОЙ ГАЛЛЕРЕѢ. *С. И. Рапопорта*.—ПРОФЕССОРЪ ГЕЙНРИХЪ ФОНЪ ТРЕЙЧКЕ И ЕВРЕИ. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлинскаго университета *Л. Гейгера*. (Переводъ съ рукописи).—УРІЕЛЬ АКОСТА. Историческая характеристика. *И. Зангвилля*.—ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ЕВРЕИ. *М. И. Кулишера*. – ПОТОМОКЪ КРЕСТОНОСЦЕВЪ. Очеркъ. *Н. Пружанскаго*.—ПЕРЕПИСКА ОБЪ УПАДКѢ ЕВРЕЙСТВА И СПОСОБАХЪ ЕГО ВОЗРОЖДЕНІЯ. *Макса Нордау, И. Зангвилля* и др. и отвѣты *С. Бернфельда* и *Р. И. Сементковскаго*.—ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. *Фрица Маутнера* (автора романа «Новый Агасферъ»). Переводъ съ рукописи.—О НѢКОТОРЫХЪ НУЖДАХЪ ЕВРЕЙСКАГО НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ. Д-ра *С. О. Грузенберга*.—ЖАРГОННАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ АМЕРИКѢ. *Г. Гешуруна*.—ОБЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ВЪ ЧЕРТѢ ЕВРЕЙСКОЙ ОСѢДЛОСТИ. *Л. М. Брамсона*.—ХАДЪ-ГАДЬЯ. Психологическій этюдъ. *И. Зангвилля*.—ЕВРЕЙКИ НА БЕРЛИНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ КОНГРЕССѢ. *Л. Винца*.—ГЕНЕРАЛЬША. Разсказъ доктора. *Н. Пружанскаго*.—ХАЙВАРСКІЙ ЯДЪ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. *В. Лебедева*.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣются еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія *С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О. Чюминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова*, и др.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р. Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 году, со дня полученія ихъ подписки.

3—2 Редакторъ-издатель *А. Е. Ландау.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1897 году.

Редакція «НИЖЕГОРОДСКАГО ЛИСТКА» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ ежедневно, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы, общія и торговыя.—2) Правительственныя распоряженія.—3) Извѣстія изъ столицъ.—4) Статьи по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ.—5) Обозрѣніе газетъ и журналовъ.—6) Мѣстная хроника.—7) Театръ и музыка.—8) Маленькій фельетонъ. 9) Корреспонденціи.—10) Внутреннія извѣстія.—11) Хроника провинціальной жизни.—12) Внѣшнія извѣстія.—13) Судебная хроника.—14) Смѣсь.—15) Торговый отдѣлъ: нижегородская биржа и рынокъ, торговыя корреспонденціи изъ столицъ и городовъ Поволжья, ярмарочная биржа.—16) Фельетонъ: стихи, разсказы, повѣсти, очерки оригинальные и переводные, научный, литературно-критическій, обзоры европейской жизни, изъ мѣстной и поволжской жизни и проч.

Въ Нижегородскомъ Листкѣ принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), К. М. Станюковичъ, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ). А. А. Штевенъ и мн. друг.

Подписная цѣна для иногородныхъ:

на годъ—7 р., на ½ года—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Новые подписчики, внесшіе сполна годовую плату за 1897 г. до декабря мѣсяца текущаго года, получаютъ газету, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ 1-го декабря.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ—въ главной конторѣ «Нижегородскаго Листка», Больш. Покровка, д. Приспѣшникова. 2) Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы «Нижегородскаго Листка» при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°.

3—2

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1897 году

(35-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: На годъ 7 р., на 11 м. 6 р. 50 к., на 10 м. 6 р., на 9 м. 5 р. 50 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересыл. въ другіе города: На годъ: 8 р., на 11 м. 7 р., на 10 м. 6 р. 50 к., на 9 м. 6 р., на 8 м. 5 р. 50 к., на 7 м. 5 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 4 р., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 40 к., на 1 м. 1 р. 20 к.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.: иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге. Въ Вольскѣ—у И. Ф. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита; на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволожск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ «Педагогическаго Листка»

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ.

Въ 1897 году «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» вступаетъ въ 29-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для сельскихъ библіотекъ; одобрено Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» помѣщаются: а) повѣсти, разсказы, легенды и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту, изъ книгъ и журналовъ); ж) шутки, игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады проч.

При журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается «ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4 до 6 листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и вопросамъ по народной школѣ. Въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» помѣщается періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ 1896 году въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ», среди многихъ другихъ разсказовъ, были напечатаны—разсказы Д. Н. *Мамина*, К. М. *Станюковича*, Г. А. *Мачтета*, П. В. *Засодимскаго*, С. Т. *Семенова*, К. В. *Лукашевичъ* и др., большія повѣсти М. Н. *Альбова*, И. Н. *Потапенка*, историческіе разсказы Д. А. *Мордовцева*, Ив. Ив. *Иванова*, А. К. *Сизовой* и др., комедія для дѣтей П. М. *Невѣжина*; научныя статьи—«Изъ жизни ручья» (По рекою перезсказъ *Д. А. Коропчевскаго*), «Борьба растеній» *М. Н. Сльпцовой* и много другихъ. Объемъ журнала былъ значительно увеличенъ: книжки выходили въ 12 и 14 листовъ, и въ общемъ дано сверхъ обѣщаннаго до тридцати печатныхъ листовъ, что составитъ за годъ—цѣлыхъ двѣнадцать книжки.

Въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» въ 1897 году примутъ участіе: *Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Борисовъ Н. А.—Вагнеръ Н. П.—Вагнеръ Ю. Н.—Величко В. Л.—Глинскій Б. Б.—Гольцевъ В. А.—Ермиловъ В. Е.—Засодимскій П. В.—Зенченко С. В.—Каразинъ Н. Н.—Коропчевскій Д. А.—Корелинъ М. С.—Лавровъ В. М.—Ладыженскій В. Н.—Лукашевичъ К. В.—Маминъ-Сибирякъ Д. Н.—Мачтетъ Г. А.—Медвѣдевъ Л. М.—Михаловскій Д. Л.—Михѣевъ В. М.—Монастырскій А.—Невѣжинъ П. М.—Немировичъ-Данченко Вас. Ив. — Немировичъ-Данченко Вл. Ив.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Рубакинъ Н. А.—Семеновъ С. Т.—Серпенко П. А. — Сизова А. К. — Скабичевскій А. М. — Сльпцова М. Н. — Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Чеховъ Ан. П.* и др.—Въ художественномъ и музыкальномъ отдѣлахъ: *Андреевъ В. Н.—Гуманава И. Г.—Литвиненко П.—Кашкинъ Н. Д.—Корещенко А.—Чичаговъ К. Н.*

На 1897 годъ редакція «ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ» имѣетъ уже для печатанія двѣ большихъ повѣсти «Поднебесный аулъ» *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, съ рисунками *К. Н. Чичагова*, «Два таланта» *И. Н. Потапенка*, большую поэму «Два облака» *Д. Л. Михаловскаго*, разсказы *К. М. Станюковича. Д. Н. Мамина-Сибиряка. К. С. Баранцевича, Г. А. Мачтета В. М. Михѣева*, этюдъ *Н. А. Рубакина*. «Приключенія на водѣ и подъ водой» (случай съ американскимъ пароходомъ): *Д. А. Коропчевскаго*, — «Четыре времени года» (Очерки различныхъ климатовъ и географическія картинки разныхъ поясовъ земного шара по временамъ года) и др.

Январская книжка 1897 г. выйдетъ до праздника Рождества.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки въ Москвѣ 5. руб.; съ доставкою и пересылкою во всѣ гг. Россіи 6 руб.; за границу 8 руб.: на полгода 3 руб.; на четверть года 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гиршмана, кв. 40 — Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (уступка книгопродавцамъ 30 коп. съ годового экземпляра).

При редакціи книжный складъ,—«Библіотека Дѣтскаго Чтенія»,—каталогъ высылается безплатно. 3—2

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

Открыта подписка на 1897 годъ на газету

„ВЯТСКІЙ КРАЙ".

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ
по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театръ. 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ). 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ). 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни. 10) Фельетонъ—научный, литературный, беллетристическій, театральный и музыкальный. 11) Критика и библіографія. 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній). 13) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 14) Почтовый ящикъ. 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстныя цѣны на продукты и проч.). 16) Объявленія.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

Съ доставкой и пересылкой.

Цѣна за годъ (только съ января по январь)	5 р. — к.
» » полгода	3 » — »
» » 3 мѣсяца	1 » 50 »
» » 2 мѣсяца	1 » — »
» » 1 мѣсяцъ	— » 75 »

Подписка на газету принимается въ редакціи «Вятскаго Края», въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Тихонова въ г. Вяткѣ и Н. З. Платунова въ Слободскомъ; объявленія принимаются въ редакціи «Вятскаго Края».

Редакторъ А. П. Лашкевичъ. Издатель Я. И. Поскребышевъ.

3—2

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Новости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Внѣшнія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15. Библіографическія замѣтки. 16. Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Вѣд.».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ перес. иногородн.	Съ доставкой.	Безъ доставки.
На 12 мѣс.	10 р. — к.	9 р. 25 к.	8 р. 25 к.
» 11 »	9 » 50 »	8 » 50 »	8 » — »
» 10 »	9 » — »	8 » — »	7 » 50 »
» 9 »	8 » — »	7 » — »	6 » 50 »
» 8 »	7 » — »	6 » 50 »	6 » — »
» 7 »	6 » 20 »	5 » 50 »	5 » 25 »
» 6 »	5 » 75 »	5 » — »	4 » 50 »
» 5 »	5 » — »	4 » — »	3 » 75 »
» 4 »	4 » — »	3 » 50 »	3 » — »
» 3 »	3 » — »	2 » 50 »	2 » 25 »
» 2 »	2 » 10 »	2 » — »	1 » 50 »
» 1 »	1 » 20 »	1 » — »	— » 80 »

3—2

Подписка на 1897 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДѢЯТЕЛЬ.

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даршкевичъ, И. М. Догель, Г. Ѳ. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣсскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капускинъ, Н. Ѳ. Катановъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустицкій. И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. И. Подбѣльскій и, кромѣ, того, А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агаѳоновъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Исленьтьевъ, М. В. Казанскій и М. Д. Закревская.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигіеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, разсказы, стихотворенія и другія статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и въ другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библіографія. 12) Объявленія

Подписная цѣна за годъ **2** *рубля.*

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собствен. домъ.

Чрезъ Редакцію журнала ДѢЯТЕЛЬ можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. П. Александрова . . . . . — р. 40 к.
Отчего гибнутъ люди, за сотню . . . . . 1 » — »
Всемѣрно должно удаляться отъ пьянства. Тихона Задонскаго . . . . . 1 » — »
Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ, за сотню . . . . . 1 » 50 »
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства, за сотню . . . . 1 » — »
Исторія Сююмбекиной башни. П. Невзорова . . . . . — » 10 »
Вино для человѣка и его потомства ядъ, за сотню . . . . . 2 » — »
Въ защиту вина . . . . . — » 20 »
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля . . . . . — » 40 »

За редактора-издателя *А. Соловьевъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„ФОТОГРАФЪ“

(годъ изданія 2-й).

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интересныхъ новинкахъ русской литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, неимѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемаго ими матеріала. Изданію придана серьезная постановка. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

Газета выходитъ еженедѣльно нумерами обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій—Условія подписки: на годъ съ дост. и пер. **три** р. За границу на годъ **5** р.—Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10.

3—3 Редакторъ-издатель И. В. Скворцовъ.

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

(восьмой годъ изданія)

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія—литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 г. продаются по 2 руб. за годъ и по 3 руб. съ пересылкой.

Контора редакціи ПЕРЕВЕДЕНА на Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова и открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 12 час. до 3 ч. дня. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ и пятницамъ, съ 2-хъ до 3-хъ час.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

За редактора д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

3—3 За издателя наслѣдники Е. А. Покровскаго.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ

въ 1897 году

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

И СЪ ТѢМИ ЖЕ РУБРИКАМИ.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя, краевыя извѣстія: отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 г.—7 р. 50 к., 1/2 г.—5 р., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс.—1 р. 25 к.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ новые подписчики, внесшіе полную годовую плату ранѣе 1 января, имѣютъ право на полученіе газеты со дня подписки до 1 января 1897 г.

БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается въ Астрахани, въ конторѣ редакціи «Листка», по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VI-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** VI-й г. изд.

(Ежемѣсячно 25 печ. листовъ).

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ. Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: **Беллетристика:** «Живая жизнь», общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ И. Потапенка; «Школяры», очеркъ В. Дмитріевой; «Въ тюремномъ карцерѣ», психологическій этюдъ Н. Инфантьева; очерки и разсказы постоянныхъ сотрудниковъ: Ю. Безродной, Е. Чирикова, Сѣрошевскаго, Савихина и пр. «Переломъ», соціальный романъ изъ жизни современной Англіи; «Записки философа», Роберта Гранта, бытовой романъ изъ американской жизни; разсказы: Вильденбруха, Жеромскаго, Б. Прусса, Э. Ожешко, Киплинга и пр. **Научныя сочиненія и статьи:** «Дыханіе и жизнь», проф. И. П. Бородина; «Отправленіе и организація», проф. Брандта; «Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ», В. Агафонова; «Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ», проф. Виппера; «Нашъ вѣкъ», культурно-историческіе очерки Ив. Иванова. «Шекспиръ и Бѣлинскій», проф. Стороженка; «Основныя гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II», Г. Джаншіева; «Глѣбъ Успенскій», критическій этюдъ Ив. Иванова; «Хвощинская (В. Крестовскій—псевд.)», по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ М. Цебриковой; «Факторы общественнаго развитія». (къ анализу экономическаго матеріализма), соціологическіе очерки *Людв. Кржижановскаго*, «Прогрессъ и бѣдность», Б. Эфруси. «Развитіе представительныхъ учрежденій» по Каутскому *Л. Давыдовой*; «Къ ученію матеріализма» (Отвѣтъ моимъ оппонентамъ), привдоц. Г. Челпанова; «Объ измѣреніи психическихъ явленій», проф. Оршанскаго; «Новая женщина въ современной литературѣ», Л. Гижицкой; «Изъ скандинавской жизни», М. Лучицкой; «Новый типъ американскихъ университетовъ», Тверскаго; «Отношеніе французскаго общества къ политикѣ», Н. В. Водовозова; «Естествознаніе въ очеркахъ и картинахъ», д-ра Даннемана въ пер. прив.-доц. спб. университета М. Ю Гольдштейна и пр.

Постоянные отдѣлы: 1. Критическія замѣтки. А. Б. 2. На родинѣ. 3. За границей. 4. Научная хроника. 5. Библіографія. 6. Изъ западной культуры. 7. Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб.; безъ доставки 6 руб. за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, Литовка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ столичныхъ и провинціальныхъ магазинахъ. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 руб. и остальные 3 руб. къ 1-му іюля. Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

3—3

Вышла ДВѢНАДЦАТАЯ (декабрьская) книга
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Содержаніе: I. Озорникъ, разск.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. II. Неподражаемый разсказчикъ (по воспоминаніямъ объ И. Ѳ. Горбуновѣ).—С. В. Максимова. III. Арматура, романъ Поля Эрвье. Переводъ съ французскаго. IV. Чайка, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—А. П. Чехова. V. Святая женщина, разсказъ И. А. Салова. VI. Стихотворенія.—Мих. Гербановскаго и В. Полтавцева.—VII. Очерки науки о языкѣ.—Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. VIII. Соціологія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія во Франціи.—В. В. Ивановскаго. IX. Мои воспоминанія объ Эрнесто Росси. Окончаніе.—С. И. Лаврентьевой. X. Международно-парламентскія конференціи 1889—1896 гг.—Гр. Л. А. Комаровскаго. XI. Мѣстная юстиція и общіе суды.—П. Н. Обнинскаго. XII. Европа и Турція въ армянскомъ вопросѣ. Окончаніе.—А. XIII. Торольдъ Роджерсъ объ экономической исторіи Англіи.—И. Г. XIV. Совѣсть въ исторіи одной жизни. И. И. Иванова. XV. Не въ очередь.—В. А. Гольцева. XVI. Очерки провинціальной жизни.—И. И. Иванюкова. XVII. Внутреннее образованіе. XVII. Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. XIX. Добролюбовъ.—М. А. Протопопова. XX. Картинки современныхъ нравовъ.—К. М. Станюковича. XXI. Современное искусство.—Ан.—Музыкальная хроника.—А. Б. XXIII. Библіографическій отдѣлъ. XXIV. Объявленія.

Для подписчиковъ на 1896 г. прилагается начало ром. Сенкевича «Камо грядеши», напечатанное въ «Русской Мысли» въ 1895 г.

Открыта подписка на 1897 г. (Восемнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ дост. и перес.:	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во всѣ города Россіи.....	12 р.	9 р.—к.	6 р.	3 р.—к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	—»

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., 1-му іюля, и 1-му октяб. по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. № 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Фену и К°, Невскій. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. А. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

1—1 Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Открыта подписка на 1897 г.
на литературный, научный и политическій еженедѣльный журналъ

ЖИЗНЬ ЮГА

СЪ КНИЖКАМИ ПРИЛОЖЕНІЙ.

«Жизнь Юга» будетъ выходить въ Одессѣ по воскресеньямъ, начиная съ 12-го января. Въ теченіе года будетъ дано 6 книжекъ приложеній, объемомъ отъ 10 до 12 листовъ каждая.

Программа «Жизни Юга»: 1. Дѣйствія и распоряженія правительства. 2. Статьи по вопросамъ обще-русской, мѣстной и провинціальной жизни. 3. Телеграммы. 4. Обозрѣніе внутренней и иностранной жизни. 5. Литературное обозрѣніе. 6. Разсказы, повѣсти, стихотворенія—оригинальные и переводные. 7. Статьи популярно-научнаго содержанія. 8. Критика и библіографія. 9. Провинціальное обозрѣніе. 10. Корреспонденціи. 11. Судебная хроника. 12. Фельетонъ. 13. Театръ и искусство. 14. Торговый, промышленный и биржевой отдѣлъ. 15. Смѣсь. 16. Объявленія.

Въ «Жизни Юга» будутъ участвовать слѣдующія лица: С. М. Абрамовичъ, И. К. Брусловскій, М. Горькій, В. А. Гольцевъ, В. І. Дмитріева, С. М. Дубновъ, Л. С. Заксъ, А. И. Евреинова, проф. П. И. Иванюковъ, Г. Б. Іоллосъ, М. И. Кулишеръ, В. В. Лесевичъ, А. А. Мануиловъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милюковъ, М. Г. Моргулисъ, Ф. Д. Нефедовъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. П. Г. Оршанскій, М. А. Плотниковъ, А. А. Русовъ, Я. Л. Сакеръ, В. И. Семевскій, К. М. Станюковичъ, А. Н. Ульяновъ, Р. М. Хинъ, И. А. Хмѣльницкій, А. П. Чеховъ, С. Л. Чудновскій, А. П. Эртель и др.

«Жизнь Юга» будетъ посвящать особое вниманіе вопросамъ и нуждамъ Юга, не упуская изъ виду и интересовъ остального міра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Одессѣ: на 1 годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 3 мѣс.—1 руб. 50 коп., на 1 мѣс.—50 коп.
На города: на 1 годъ—7 руб., на 6 мѣс.—3 руб. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 м.—60 к.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНОМУ НОМЕРУ 10 КОП.

Объявленія принимаются по слѣдующей таксѣ: за строку петита на 1-ой страницѣ 30 коп., на послѣдней 10 коп.

Редакція помѣщается на Елисаветинской ул., д. № 1. Контора—на Гаванной ул., при типографіи Исаковича.

Издатель Я. В. Бѣловодскій. За редактора Я. В. Бѣловодскій.

3—1

Съ 1-го Декабря 1896 г. въ С.-Петербургѣ выходитъ безъ предварительной цензуры
ежедневная политическая и литературная газета

„НАРОДЪ“.

Редакція газеты принимаетъ слово „НАРОДЪ“ не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единаго цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обѣщаній, нерѣдко втунѣ остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета „НАРОДЪ“ употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе.

Подписка на газету „НАРОДЪ“ и объявленія принимаются: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты (Б. Морская, 56) и въ помѣщеніи торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° (Б. Морская, 11); въ Москвѣ тѣмъ же торговымъ домомъ (Мясницкая, д. Сытова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи). Годовая подписка съ разсрочкой платежа принимается исключительно въ главной конторѣ газеты.

Годовые и полугодовые подписчики на 1897 годъ получаютъ безплатно всѣ предшествующіе декабрьскіе номера газеты, если подпишутся до 1-го декабря текущаго 1896 года.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 12 руб., на полгода 7 р., на три мѣсяца 4 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р. 50 к.; для иногородныхъ, съ пересылкою, на годъ 14 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 5 р., на одинъ мѣсяцъ 2 р.; за границу: на годъ 22 р., на полгода 12 р., на три мѣсяца 7 р., на одинъ мѣсяцъ 3 р.

Разсрочка взносовъ для годовыхъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: первый взносъ (при подпискѣ) 5 р., второй взносъ (въ мартѣ) 4 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.; для иногородныхъ подписчиковъ: первый взносъ (при подпискѣ) 6 р., второй взносъ (въ мартѣ) 5 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.

Редакторъ Н. Я. Стечькинъ. *Издатель* А. П. Мальшинскій.

3—1

ПОДПИСКА, НА 1897 г., НА ЕЖЕДНЕВН. ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ГЛАСНОСТЬ“ и журналъ „НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, съ иллюстраціями, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ (г. XVI).

Газета будетъ выходить съ 1-го января ежедневно, по программѣ и въ форматѣ большихъ газетъ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, съ иллюстраціями.

Редакція „ГЛАСНОСТИ“—общая съ редакціей „НАБЛЮДАТЕЛЯ“. Это избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ.*

Въ первой книгѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ за 1897 г. начаты романы: *А. Михайлова* (А. К. Шеллера)—„Смѣна поколѣній“; *А. В. Амфитеатрова*—„Отравленная совѣсть“ и пр., и пр.

№ 1 газеты „ГЛАСНОСТЬ“ (съ портретомъ художника А. П. Боголюбова) вышелъ 1-го января.

Годовая цѣна газеты „ГЛАСНОСТЬ“: съ доставкой въ Петербургѣ 12 р., съ перес. иногороднымъ 14 р., съ перес. за гран.—22 р. За полгода: съ дост. 7 р., съ перес. 8 р.; за гран. 12 р. За три мѣсяца: съ дост. 4 р., съ перес. 5 р.; за гран. 7 р. За 1 мѣс.: съ дост. 2 р., съ перес. 2½ р.; за гран. 3 р.

Годовая цѣна „НАБЛЮДАТЕЛЯ“: съ доставкою въ Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ 12 р.; за гран. 14 р. За полгода: 6 р. съ дост. и перес. въ Россіи; за гран. 7 р. За три мѣсяца 3 р. съ перес. въ Россіи; за гран. 4 р. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годоваго экз. журнала и газеты.

При *совмѣстной* подпискѣ на „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ и „ГЛАСНОСТЬ“ годовая цѣна: съ дост. 20 р., съ перес. иногор. 22 р.; за гран.—32 р. За полгода: съ дост. 12 р., съ перес. 13 р.; за гран. 17 р. За три мѣсяца: съ дост. 7 р., съ перес. 8 р.; за гран. 10 р. Книгопродавцамъ, за совмѣстную годовую подписку на журналъ и газету, уступка—1 руб.; за полугодовую—50 коп.

Главная контора журнала и газеты: *Спб., Пушкинская ул., № 8.*

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

2—1

НОВОЕ СЛОВО.

Съ 1 января 1897 года
въ г. Екатеринбургѣ (Пермской губ.), вмѣсто еженедѣльной газеты
„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“, будетъ выходить
ЕЖЕДНЕВНАЯ
(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
„УРАЛЪ“

По слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ—внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла.* 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообщевъ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла* и всѣ касающіяся его извѣстія какъ русскія, такъ и заграничныя. 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обозрѣніе событій общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обозрѣніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библіографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусствъ, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

Газета, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской, такъ и заграничной жизни, насколько послѣдняя касается Россіи, будетъ посвящена также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывать этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты «Уралъ» будутъ получать телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковыя бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 75 к. Допускается разсрочка— при подпискѣ—3 руб., къ 1 мая—3 руб., и къ 1 сентября—2 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ: — въ конторѣ редакціи «Урала» (Вознесенскій пр., д. № 44), въ книжныхъ магазинахъ Блохиной (Покровскій проспектъ, д. Волкова) и Бабинова (Богоявленская ул., д. Захо) и въ справочной конторѣ «Посредникъ» (Соборная площадь, д. бр. Дмитріевыхъ).

Издатель *В. Г. Чеканъ.* 2—1 За редактора *П. И. Пьянъ.*

1897 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897
НА ГАЗЕТУ
„ОКРАИНА“
ВЪ ТАШКЕНТѢ.

Газета вступаетъ въ восьмой годъ изданія. Въ наступающемъ году она будетъ стараться представлять по возможности шире и полнѣе экономическую и духовную жизнь населенія Туркестанскаго края. Съ этою цѣлью редакціей возбуждено ходатайство о расширеніи программы газеты. Въ программу войдутъ слѣдующіе новые отдѣлы: 1) Фельетонъ. 2) Среди газетъ и журналовъ (отзывы Европейской и англо-индійской печати о Туркестанѣ съ краткимъ ихъ освѣщеніемъ) и 3) Со всѣхъ концовъ Азіи.

Съ будущаго года редакція нашла возможнымъ, не повышая подписной платы, увеличить размѣръ изданія и выпускать газету вмѣсто 2-хъ разъ

три раза въ недѣлю,

по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: на годъ 5 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. 3—1 За редактора издатель *С. Пятуховъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
СИМБИРСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ
НА **1897** ГОДЪ.

Неоф. часть «Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей», по-прежнему, будетъ выходить два раза въ недѣлю: въ среду и субботу и издаваться отдѣльно отъ оффиц. части. Газета будетъ служить по преимуществу мѣстнымъ интересамъ, для чего будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать «Симбирскія Губ. Вѣдомости» мѣстнымъ органомъ печати въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Программа изданія. 1. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства. 2. Мѣстная хроника. 3. Вѣсти и факты. 4. Областныя извѣстія. 5. Театръ и музыка. 6. Сельскохозяйственный отдѣлъ. 7. Разныя извѣстія. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Библіографія. 10. Фельетоны.

Подписная цѣна на одну неоф. часть: съ доставкою и пересылкою на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 75 коп. Безъ доставки на годъ 2 рубля, на полгода 1 руб. На меньшіе сроки подписка на одну неоф. часть не принимается.

Подписка принимается: въ типографіи «Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей» (Бол. Саратовская ул., д. Зеленкова), у полиціймейстеровъ, уѣздныхъ исправниковъ и становыхъ приставовъ. Отдѣльные номера продаются по 5 коп. въ типографіи и у разносчиковъ.

3—2 Редакторъ Д. Горчаковъ.

Открыта подписка на 1897 годъ

ОБРАЗОВАНІЕ.
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ устраненію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 100 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы: Библіографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи.—На Западѣ (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей). Изъ области знаній (научныя бесѣды).—Хроника.—Статистика образованія.

Въ 1897 году предполагается значительно расширить отдѣлъ Хроники и ввести новые отдѣлы: Новости литературы и науки за границей и Обзоръ иностранныхъ журналъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 15 печатныхъ листовъ.

Къ журналу въ 1896 году были даны два приложенія:

Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса, пер. съ нѣмецк. съ примѣч. и предисл. Н. Березина, съ 45 рис.

Исторія человѣческой культуры. І. Гонеггера, пер. съ нѣмец. М. Чепинской.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Басковъ пер., 22.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

3—3

XIII г. изданія. **Открыта подписка на 1897 г.** XIII г. изданія

Иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№., содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 томовъ, иллюстрированныхъ знамен. художн.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ, Ріу и другими, и содержащихъ въ себѣ **СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ**

ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80.000 верстъ подъ водою, 2 т.
II. Дѣти капитана Гранта. 2 тома.
III. Таинственный островъ. 3 тома.
IV. Воздушный корабль.
V. Зеленый лучъ.
VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.
VII. Вверхъ дномъ.
VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики, при доплатѣ 1 р., получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ 20¼ вер. въ длину и 13½ вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко.

1) **Южный берегъ Крыма** съ видомъ Ялты
2) **Видъ Днѣпра у Кіева,**

Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для премій 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя.

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и пересылкою **4 р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

КРОМѢ ТОГО, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-вомъ И. Д. Сытина.

3—3

Пробный № высылается за 14 коп. марками.

5 рублей безъ доставки. Издается съ 1885 г. 6 руб. съ дост. и пересыл.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. И. Поповицкаго И ПРИ УЧАСТІИ

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыя былъ представленъ редакціею, а именно: 1) Учебнымъ комитетомъ при Св. Сунодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію въ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ, а также въ библіотеки епархіальныя и благочинническія; 2) Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Рекомендованъ: 3) Учебнымъ Комитетомъ по вѣдомству Императрицы Маріи для женскихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства; 4) Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ сихъ заведеній; 5) Главнымъ Тюремнымъ управленіемъ для тюремныхъ библіотекъ, и сверхъ сего: 6) Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ особому вниманію гг. попечителей учебныхъ округовъ; 7) Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ особому вниманію тюремныхъ комитетовъ; 8) Нѣкоторыми епархіальными преосвященными особому вниманію духовенства, наконецъ, 9) Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ г. Оберъ-Прокурора Св. Сунода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1887, 1888 и 1889 годы одобренъ, какъ доставляющій чтеніе, интересное по своему разнообразію и назидательное для любителей духовнаго просвѣщенія и христіанскаго благочестія.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большого формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художественн. рисунками.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ. изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемомъ каждая 6—7 листовъ (100—120 страницъ).

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: КОПІЮ СЪ ИКОНЫ ПОВОЯВЛЕННАГО ЧУДОТВОРЦА,

СВЯТИТЕЛЯ ОЕОДОСІЯ АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО,

исполненную въ 20 красокъ, размѣромъ $18^1/_2$ д. выш. и $14^1/_2$ д. шир.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія; по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

Содержаніе журнала, благодаря легкому, изящному общедоступному изложенію и художественнымъ рисункамъ, дѣлаетъ „Русскій Паломникъ“ пригоднымъ для каждой христіанской семьи, для учащагося юношества, для всѣхъ вообще ревнителей благочестія, для казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, тюремъ и рабочихъ домовъ.

Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ помѣщено: 1) Задушевное слово. Сборникъ избранныхъ духовныхъ стихотвореній М. П. Глинки, В. Майкова, Н. Языкова, Мея, Лопухина, Хомякова, О. Чюминой и др. 2) Каллиста. Повѣсть изъ жизни каѳагенскихъ христіанъ. 3) Сѣверъ Россіи и его святыни. Путешествіе по Соловкамъ, Валааму и др. обителямъ сѣверной Россіи. Очерки и разсказы съ рис. 4) и 5) Жизнь и творенія св. Іоанна-Златоустаго. Подъ редакціей преосвященнаго Никанора, епископа Смоленскаго. 6) Дневникъ о. Іоанна Кронштадтскаго. 7) и 8) На зарѣ христіанства. Большой разсказъ изъ эпохи нероновскихъ гоненій на христіанъ. Передѣлка обширнаго сочин. Ф. Фаррара. 9) «Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти». Извлеченіе изъ извѣстнаго и въ высокой степени интереснаго труда монаха Митрофана. 10) «Скорбь Россіи». Послѣдніе дни жизни и кончина Царя-Миротворца. Альбомъ изъ оригинальныхъ рисун. худ. В. Овсянникова, А. Чикина, А. Писемскаго, Э. Соколовскаго и др. въ память 3-й годовщины 20 октября 1894 г. 11) Свѣтъ Азіи. Евангеліе въ дебряхъ Сибири. Изъ записокъ православныхъ миссіонеровъ. Очерки и разсказы. 12) Избранныя пѣснопѣнія въ русской православной церкви. Сборникъ духовныхъ нотъ и образцовъ наиболѣе употребительныхъ напѣвовъ, между прочимъ, знаменитаго Симоновскаго напѣва.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Спб. ПЯТЬ руб. Съ дост. и перес. во всѣ города Росс. имперіи ШЕСТЬ руб. За границу 8 руб.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

Контора журнала „Русскій Паломникъ“—С.-Петербургъ, Стремянная улица, собственный домъ, № 12. 3—2

Открыта подписка на 1897 г.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ".

годъ 2-й изданія.

Выходитъ съ 1 января 1896 года, ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня-іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдывающихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. И. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ѳ. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Карицкій, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписка продолжается. Цѣна на годъ безъ доставки **4** р., съ доставкою и пересылкою **4** р. **50** коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** руб. **50** коп.; за границу **7** р.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Кузнецкій Мостъ), Н. П. Карбасникова (Моховая) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ Москвы; для иногородныхъ подписчиковъ—въ конторѣ редакціи (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2).

3—2 Редакторъ-издатель **М. П. Варавва.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1897 году подъ тою-же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы—Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней-же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.). 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КАСПІЙ"

(XVII годъ изданія).

Въ 1897 году «Каспій» будетъ выходить въ Баку ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, по прежней программѣ газеты литературной, общественной и политической, съ обширнымъ нефтянымъ отдѣломъ.

Подписная цѣна:

Съ доставкой: на 12 мѣс.—7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 коп., на 10 мѣс.—6 р. на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 8 мѣс.—5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р. на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р. и на 1 мѣс.—1 р.

Съ пересылкой: на 12 мѣс.—8 р. 50 к., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—3 р., на 2 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

За границу:

На годъ . . . . . 13 руб.
» полгода . . . . . 7 »

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 3 руб. городскими и 4 руб. 50 коп. иногородними подписчиками; затѣмъ 15-го февраля—2 руб. и 15-го марта—2 руб.

Иногородніе адресуютъ свои требованія: въ Баку, въ редакцію газеты „Каспій".

Лица, подписавшіяся (безъ разсрочки) на годовое изданіе «Каспія» 1897 г. въ настоящее время, будутъ безплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

Подписка принимается: въ Баку—въ конторѣ газеты, Армянская улица, домъ Красильникова; въ Тифлисѣ—въ книжномъ магазинѣ Хиддикеля у И. К. Словинскаго; въ Кутаисѣ—при книжномъ магазинѣ братьевъ Чиладзе, противъ собора, на Тифлисской ул., собственный домъ; въ Батумѣ—при книжно-газетномъ агентствѣ М. Николадзе; въ Елисаветполѣ—у Г. А. Альтгаузена, при его торговлѣ аптекарскими товарами; въ Москвѣ—въ конторѣ Метцль; въ Н. Новгородѣ—въ Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

(Съ 1-го января газета будетъ выходить и по понедѣльникамъ).

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. — Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. — Обзоръ текущей прессы и журналистики.—Ежедневныя политическія телеграммы.—Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе и прогрессивное пополненіе этого отдѣла постоянными сообщеніями собственныхъ корреспондентовъ.—Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.—Судебная хроника.—Библіографія.—Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.—Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни.—Обзоръ науки, литературы и искусства.—Сельское хозяйство.—Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутреннейе и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращно особое вниманіе.—Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и статьи научнаго содержанія, естественно-научныя, историческія и экономическія.—Смѣсь.—Справочный отдѣлъ: судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожные поѣзда, грузы, приходящіе по жел. дорогѣ и пр.—Объявленія.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ" принимаютъ участіе слѣдующія лица: Проф. Д. В. Айналовъ, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Е. Ф. Бекетова, П. Берлинъ, М. Е. Бландова, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бородзичъ, М. П. Бородинъ, проф. Е. Ѳ. Будде, проф. А. В Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Геркенъ, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, А. Б. Грейманъ, П. И. Добротворскій, Е. О. Дубровина, С. С. Дѣевъ, Дилеттантъ (псевдонимъ). П. В. Засодимскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Ивановъ, проф. М. Я. Капустинъ, С. М. Капустина, А. Корнгольдъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, П. С. Кукурановъ, проф. Н. М. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, И. А. Лимановъ, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, В. К. Магницкій, А. И. Матовъ, проф. Н. А. Миславскій, Н. Н. Морозовъ, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. Н. Нелидовъ, В. К. Никольскій, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій). Н. А. Островская, П. А. Пономаревъ, В. В. Португаловъ, И. С. Покровскій, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ. Н. В. Ремезовъ, П. А. Рождественскій, А. Д. Рузскій, П. М. Сивковъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. Н. Соловьевъ, И. И. Степановъ, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, В. С. Сѣрова, О. Н. Траубенбергъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шестаковъ, Е. К. Щепетельникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой на годъ 7 р., на полгода 4 р. на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 75 к. Безъ доставки: на годъ 6 р. 25 к., на полгода 3 р. 25 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 60 к.

Для иногороднихъ подписчиковъ: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 3 руб. 1 іюля 3 руб., для городскихъ 2 руб., 1 марта 2 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюня 1 руб., Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1897 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1897 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА» въ Казани, на Покровской ул., домъ Пермяковой.

Редакторъ **Н. Рейнгардтъ.**

Издательница **Л. Рейнгардтъ.** 2—2

Годъ изд. 3-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897.

ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

выходитъ въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ и СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» выходятъ ежемѣсячно аккуратно между первымъ и десятымъ числами, въ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы» и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составитъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи.

«ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящіе журналы.

Въ книгахъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь.

Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этой цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. А. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ. — Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. И. «Странный анекдотъ», большая повѣсть —Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). «Ясное утро». Большой романъ.—Случевскій, К. К. «Мой дядя». разсказъ.—Голицынъ, Д. П. князь («Муравлинъ»). «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта. — Гнѣдичъ, П. П. «Чужое», повѣсть. — Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ. — Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»). «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть. — Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ. В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ» больш. ром.—Федоровъ, А. М. «Въ степи», больш. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ. — Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калханъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?» повѣсть.—Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригорѣло». разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ. И. Н. «Эпоха», разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая», разсказъ.—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Илловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ. — Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть. — Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ, и проч.

Въ приложеніяхъ журнала «Домашняя Библіотека» будетъ, между прочимъ напечатанъ новый большой романъ Жюля Верна.

Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою по Имперіи).

На годъ (за 12 книгъ) ЧЕТЫРЕ р. На полгода (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к

За границу (на годъ)—ВОСЕМЬ рублей.

СЪ ПОДПИСКОЙ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ:

С.-Петербургъ, Невскій прос., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Издатель С. Добродѣевъ.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА. — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать ВАЖНЫЯ И СУЩЕСТВЕННЫЯ УЛУЧШЕНІЯ въ изданіи, небывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія ВЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ СКРОМНОЙ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ, что, въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной БѢЛОЙ БУМАГѢ съ 7—10 рисунками. 52

ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТСЯ:

I. 52 нумера «Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРЫХЪ ВХОДЯТЪ: НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, а также СТИХОТВОРЕНІЯ, НАУЧНЫЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ СТАТЬИ, СМѢСЬ И ПРОЧ.

Ежемѣсячно выходитъ ОДИНЪ ТОМЪ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только НОВЫЯ литературныя произведенія, а не ПЕРЕПЕЧАТКА старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно ОДИНЪ или ДВА законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ дост. и по Имперіи: 8 р.—Безъ дост. въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи). 4 р.—На три мѣсяца 2 р. -За границу: на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ ва другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою,

Годовые подписчики журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—«БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳины» и проч уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная Контора журнала: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются безплатно.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета **1897.**

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ**, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

● ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ ●

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
2) ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ», замѣняющіе «модный журналъ».
3) ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «сынъ отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя.

А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО».

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты «Сынъ Отечества» **ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.** Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 **2**

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи).

На годъ 4 рубля. | На полгода 2 рубля. | На три мѣс. 1 рубль.

Годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЕ“

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) **ОДИНЪ** руб. **50** коп.

Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная Контора: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—3 *

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»—еженедѣльный журналъ, служащій органовъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей въ годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ ТРЕТІЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**6** р. **50** к.; за «Христіанское Чтеніе» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**6** р. **50** к.

б) За оба журнала **8** (восемь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**9** (девять) руб. съ пересылкой.

Цѣна за границей:

За оба журнала **10** (десять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**11** р. **50** к.; за каждый отдѣльно **7** (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**9** рублей.

За **изящный англійскій переплетъ** прилагать **50** коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—2

31-й г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ 31 годъ изданія.

РУССКІЙ БАЗАРЪ,

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ французскаго журнала «La mode de Paris».

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ РУКОВОДИТЕЛЬ МОДЫ ВЪ РОССІИ.

Въ теченіе года: болѣе 3000, исполненныхъ по моделямъ извѣстнѣйшихъ модистокъ Парижа, рисунковъ модъ

Нарядовъ дамскихъ.
Нарядовъ дѣтскихъ.
Нарядовъ маскарадныхъ.
Нарядовъ для верховой ѣзды.
Нарядовъ для гулянья.
Нарядовъ для катанья на конькахъ.
Нарядовъ для баловъ.
Нарядовъ домашнихъ.

Рисунки разнаго БѢЛЬЯ:
Бѣлья дамскаго.
Бѣлья мужскаго.
Бѣлья дѣтскаго.
Разнообразнѣйшія *рукодѣлія и работы.*
Рисунки разныхъ вещей и аксессуаровъ дамскаго туалета.

Зонтики.
Вѣера.
Шляпы.
Обувь.
Цвѣты.
Уборы и пр.
Выкройки.
Вышивки.

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ ЛУЧШІЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Беллетристика оригинальная и переводная.
Романы.
Повѣсти.
Разсказы.
Стихотворенія.
Мозаика.

Общедоступныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія.
Біографіи женщинъ.
Хроника женскаго дѣла.
Хозяйство и домоводство.
Модная хроника.

Почтовый ящикъ съ разнообразными совѣтами и отвѣтами.
Гравюры извѣстныхъ художниковъ.
Жанръ. Пейзажи.
Портреты. Типы и проч.

До 2000 выкроекъ въ натуральную величину на 24 отдѣльныхъ листахъ.

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ (для II и III изд.).

24 экстренныхъ приложенія съ модной хроникой и рисунками самыхъ послѣднихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés).

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ.
2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья.
3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ.
4) Стѣнной календарь на 1898 годъ.

Годовые подписчики на II и III изданія получатъ кромѣ вышеназванныхъ 4 премій еще и книгу

5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Годовая цѣна „Новаго Русскаго Базара“ на 1897 г.:

Первое изданіе: Безъ доставки—**5** р., съ доставкою—**6** р., съ пересылкою—**7** р. Второе изданіе: Безъ доставки—**7** р., съ доставкою—**8** р., съ пересылкою—**9** р. Третье изданіе: Безъ доставки—**10** р., съ доставкою—**11** р., съ пересылкою—**12** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изданію 6 р., 2-му изданію 8 руб., 3-му изданію 11 руб.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Тапрова, Канатная ул., 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I-е изданіе 4 р., на II-е изданіе 5 р., на III-е изданіе 7 р., а къ 1-му мая остальную сумму, т. е. 3 р., 4 р. и 5 р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала «Новый Русскій Базаръ»:

С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы „Книгоиздательство Германъ Гоппе“ высылается по требованію безплатно.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

29-й годъ изданія.

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ СРАВНИТЬСЯ СО «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРЕЦІЕЙ» ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897, году «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію во всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается, по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя «Живописному Петербургу», изъ которыхъ впослѣдствіи составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отводить больше мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обѣихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, разсказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболѣе выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, археологіи, сельскому хозяйству, искусствамъ и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обозрѣніямъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Беллетристическія произведенія, даваемыя въ прибавленіяхъ къ нумерамъ журнала, попрежнему будутъ помѣщаться большей частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спорта», богатому и разнообразному, будутъ отводиться отдѣльныя страницы въ журналѣ.

Превзошедшій всякія ожиданія, успѣхъ экстренныхъ приложеній ко «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» прошлыхъ лѣтъ—«Сочиненій Кольцова», «Книги пѣсенъ Гейне» и «Пѣсенъ Беранже»—побуждаютъ ее предложить подписчикамъ на будущій, 1897, г. **два изящныхъ подарка**, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. Чтобы угодить разомъ любителямъ и серьезнаго, и веселаго чтенія, «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ западной литературы:

«НАТАНЪ МУДРЕЦЪ», драматическую поэму Готгольда-Эфраима Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачева, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно премированы.

«ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО» избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей. Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

«Натанъ-Мудрецъ» представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ «Декамерона» Боккачіо блещутъ свѣжимъ, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человѣка. Кромѣ того будутъ даны

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ РАЗНООБРАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Такимъ образомъ «Всемірная Иллюстрація» за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА журнала «Всемірная Иллюстрація» на 1897 г. **СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ПРЕМІЕЙ:** безъ доставки **15** руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ **17** р. и съ пересылкою **18** руб.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная, 13.

ЦѢНА РОСКОШНОМУ ИЗДАНІЮ (на веленевой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи»: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій Фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» высылается по требованію 3—2 безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

и Модный Магазинъ

30-ый годъ изданія. МОДНЫЙ и СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, XXX годъ изданія.

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ парижскаго моднаго журнала

„LA SAISON“.

«МОДНЫЙ СВѢТЪ» сдѣлался любимымъ журналомъ русской семьи, настольнымъ справочнымъ изданіемъ русской хозяйки. «МОДНЫЙ СВѢТЪ» щеголяетъ полнотой всѣхъ своихъ отдѣловъ: моды, рукодѣлій, домоводства и проч. и большимъ разнообразіемъ.

Нижеслѣдующій перечень даетъ приблизительное понятіе о богатствѣ содержанія этого столь любимаго и самаго распространеннаго въ Россіи дамскаго журнала.

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» будутъ заключать въ себѣ въ 1897 году:

24 модныхъ нумера туалетовъ и дамскихъ рукодѣлій, содержащихъ до 3.000 рисунковъ и описаній, объемлющихъ всю область гардероба: для дамъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, равно и приданаго для новорожденныхъ, мужскаго, столоваго и постельнаго бѣлья. Всевозможныя рукодѣлія, изображенныя и описанныя удобопонятно и подробно.

24 литературныхъ нумера, содержащихъ повѣсти, разсказы и стихотворенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, картины и рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ, статьи по женскому дѣлу, анекдоты, афоризмы, хозяйственные, гигіеническіе и педагогическіе совѣты и указанія, предостереженія противъ опасностей, встрѣчающихся въ обыденной жизни, различныя извѣстія, интересныя для женщинъ, и «Почтовый ящикъ» съ разнообразными указаніями и совѣтами.

24 экстренныхъ модныхъ приложенія съ рисунками новѣйшихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés). Эти 24 приложенія въ общей сложности составятъ 12 полныхъ нумеровъ.

12 большихъ выкроечныхъ листовъ, содержащихъ около 1000 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ гардероба, узоры для бѣлаго и цвѣтнаго шитья, суташа и т. д., также множество шифровъ, монограммъ и цѣлые алфавиты крестиками и гладью.

Подписчики получатъ кромѣ всего вышесказаннаго еще сверхъ того: НА 2-е ИЗДАНІЕ **12** большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ. **12** вырѣзныхъ выкроекъ для дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ и бѣлья. НА 3-е ИЗДАНІЕ **36** большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ и **12** вырѣзныхъ выкроекъ.

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ. 2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья. 3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ. 4) Стѣнной календарь на 1897 годъ. Подписчики на второе и третье изданія кромѣ вышеупомянутыхъ четырехъ премій получатъ еще книгу: 5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками. Подписчики на 1-е изданіе, желающіе получить сверхъ слѣдуемыхъ имъ премій еще книгу ЖИВОПИСЬ ПО ФАРФОРУ и проч., доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ одинъ рубль.

ГОДОВАЯ ЦѢНА «МОДНАГО СВѢТА» НА 1897 ГОДЪ:

I-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**4** р., съ доставкою—**5** р., съ пересылкою—**6** р. II-го изданія. Въ С.Петербургѣ безъ доставки—**6** р., съ доставкою—**7** р., съ пересылкою—**8** р. III-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**9** р., съ доставкою—**10** р., съ пересылкою—**11** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изд.—5 р., 2-му изд.—7 р., 3-му изд.—10 р.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная ул., № 13.

Допускается разсрочка, по исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I изд.—4 р., на II изд.—5 р., на III изд.—6 р., а къ 1-му мая остальные, т. е. 2 р., 3 р. и 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «МОДНАГО СВѢТА»: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» высылается по требованію 3—2 безплатно.

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 годъ
НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА"

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 18-й.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, къ пріобрѣтенію въ библіотеки.

Въ теченіи долгихъ лѣтъ «Игрушечка» завоевала себѣ вниманіе маленькихъ читателей, изъ которыхъ многіе уже настолько выросли, что рекомендуютъ ее своимъ дѣтямъ. Семнадцатилѣтній опытъ редакціи убѣждаетъ ее, что подростающія поколѣнія все болѣе и болѣе нуждаются въ правильной постановкѣ чтенія, которое подготовляло бы къ развитію ребенка, столь необходимому при современныхъ обширныхъ программахъ въ школахъ. «Душа читающаго человѣка растетъ», по словамъ одного французскаго философа,—и придти на помощь растущей душѣ ребенка—лучшая услуга, какую могутъ оказать ему родители. «Игрушечка» идетъ на встрѣчу этой потребности. Въ этомъ журналѣ помѣщаются научныя статьи изъ жизни и природы, разсказы историческіе и бытовые, путешествія, стихотворенія, сказки, біографіи великихъ людей, описаніе ремеслъ, шарады и проч.

Текстъ иллюстрируется художественными рисунками.

Въ каждой книжкѣ даются французскіе и нѣмецкіе разсказы съ подстрочнымъ переводомъ и указатель, приспособленный къ практическому самообученію этимъ языкамъ.

Въ 1897 г. въ видѣ дарового приложенія къ «ИГРУШЕЧКѢ» будутъ разосланы шесть иллюстрированныхъ миніатюрныхъ томиковъ, посвященныхъ популярнымъ бесѣдамъ по природовѣдѣнію. Въ 1897 г. эти книжки будутъ составлены приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго Университета Ю. Н. Вагнеромъ и будутъ содержать въ себѣ разсказы о четырехъ стихіяхъ—водѣ, огнѣ, землѣ и воздухѣ и о жизни и дѣятельности на землѣ мельчайшихъ животныхъ и растеній.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ"

(До 8-ми лѣтняго возраста).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Особой подписки на отдѣлъ «Для Малютокъ» нѣтъ.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ», кромѣ шести книжечекъ, получатъ особое приложеніе, приноровленное къ этому возрасту.

Въ журналѣ «Игрушечка» печатали свои произведенія слѣдующіе литераторы и ученые: В. П. Авенаріусъ, К. С. Баранцевичъ, А. Бахтіаровъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ю. Н. Вагнеръ (приватъ-доцентъ), В. Л. Величко, П. П. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Дицъ, А. Н. Догановичъ, С. П. Дрожжинъ, В. С. Желиховская, Юлія Загуляева, П. В. Засодимскій, В. Э. Иверсенъ Н. Н. Каразинъ, Д. Н. Кайгородовъ (профессоръ), М. Колоколова, А. А. Коринфскій, А. В. Кругловъ, М. М. Куклинъ, С. П. Лаврентьева, Вл. Ладыженскій, Клавдія Лукашевичъ, М. Лаухина, Н. А. Лухманова, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), Д. Л. Михаловскій, А. Н. Мунтъ (Валуева), В. В. Огарковъ, Викторъ Острогорскій, Е. А. Чебышева-Дмитріева, М. И. Пыляевъ, А. Сахарова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, В. Фаусекъ, К. М. Фофановъ, О. Н. Чумина, Л. П. Шелгунова, С. Н. Шубинскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе: И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, баронъ М. П. и А. М. Клодтъ, Е. М. Бемъ и другіе.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой и пересылкой въ Россіи.	Заграницей.
«ИГРУШЕЧКА»	3 руб.	5 руб.
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣломъ «Для малютокъ»	5 »	7 »
«ИГРУШЕЧКА» съ педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ»	5 »	7 »
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣломъ «Для малютокъ», приложеніями и съ изданіемъ «На помощь матерямъ»	7 »	9 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.*

Желающіе пріобрѣсти «ИГРУШЕЧКУ» за 1889, 1890, 1891, 1892 гг., въ обложкѣ за годъ, получаютъ ее за 2 р. 50 к., за 1893, 1894, 1895 и 1896 г. за 3 руб. въ бумажкѣ и 3 руб. 75 к. въ переплетѣ. *„Для Малютокъ"*, иллюстрированное изданіе для дѣтей отъ 4 до 8 лѣтъ, въ обложкѣ 1 руб. 50 коп., въ роскошномъ переплетѣ 2 руб. *„На помощь матерямъ"*, томъ въ 25 печатныхъ листовъ, ц. въ бумажкѣ 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб. *За всѣ три* тома въ бумажкѣ 6 руб., въ переплетѣ 7 руб. 50 коп.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 годъ НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

3 р. **НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ** 3 р.

ПОСВЯЩЕННОЕ ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ.

(Годъ изданія 4-й).

Цѣль изданія—придти на помощь русской женщинѣ въ самой святой ея обязанности — **воспитанія дѣтей**. Начало этой трудной обязанности и выполненіе ея существенной части лежитъ въ семьѣ, составляя призваніе интеллигентной матери. Изданіе «На помощь Матерямъ» имѣетъ задачей помочь своимъ читательницамъ указаніями, основанными на научномъ опытѣ, извлеченномъ изъ всѣхъ областей знанія. Гигіена тѣла и здоровье духа, образованіе хорошихъ привычекъ для жизни дѣятельной, разумной и достойной—вотъ цѣль изданія. Въ программу его входятъ указанія по уходу за дѣтьми, воспитанію и обученію ихъ, обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч., обзоръ выдающихся книгъ по воспитанію и чтенію, отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтск. садовъ и проч. Текстъ снабжается рисунками, чертежами и т. п.

Редакція пользуется сотрудничествомъ извѣстныхъ лицъ изъ ученаго, педагогическаго и литературнаго міра. Особенно дорожа совѣтами, замѣчаніями и сообщеніями самихъ матерей и лицъ, стоящихъ близко къ дѣтской жизни, редакція даетъ широкое мѣсто живому обмѣну мыслей между нею и самими читательницами.

Въ трудахъ редакціи принимали участіе: П. П. Бирюковъ, д-ръ С. П. Верекундовъ, д-ръ Вреніусъ, М. В. Волкова, (женщ.-врачъ), В. П. Воленсъ, д-ръ Гориневскій, Н. В. Дмитріевъ, д-ръ П. Д. Енько, П. Д. Кущъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, К. В. Лукашевичъ, М. М. Манасеина, А. Х. Образцова, Викторъ Острогорскій, А. Н. Паевская, (женщ.-врачъ), І. Паульсонъ, В. Португаловъ, Э. К. Пименова (женщ.-врачъ), Д. Д. Семеновъ, М. М. Соколова, Е. А. Чебышева-Дмитріева, проф. В. Ф. Якубовичъ и другіе.

Изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ» выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2½ до 3-хъ печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на педагогическое изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 3 руб.; за границу 5 руб.

Подписчики дѣтскаго иллюстриров. журнала «Игрушечка» платятъ вмѣсто трехъ руб. два р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.*

Желающіе пріобрѣсти изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ», за всѣ три года платятъ вмѣсто 9 руб. 6 руб., въ переплетѣ 7 руб. 50 коп. За каждый томъ отдѣльно по 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб. Пересылку редакція беретъ на свой счетъ. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

(двадцать второй годъ изданія)

ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

Вступая въ XXII (22-й) годъ изданія, «Оренбургскій Листокъ» по прежнему будетъ придерживаться характера мѣстной лѣтописи, или мѣстной хроники, такъ какъ редакція съ самого основанія газеты (съ 1876 года) поставила себѣ задачей вести «Оренбургскій Листокъ» такъ, чтобы онъ былъ «мѣстнымъ» органомъ печати не по названію только, а дѣйствительно «Оренбургскимъ»—по своему содержанію.

Въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края. — II) Общія политическія извѣстія изъ оффиціальныхъ газетъ и изъ телеграммъ телеграфныхъ агентствъ.—III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края. — IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ съ рецензіями о нихъ.—V) Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи.—VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзнодорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія.—VII) Безплатное приложеніе къ «Оренбургскому Листку»

„Листокъ Объявленій“

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» въ будни, кромѣ дней послѣпраздничныхъ,

Подписная цѣна на годъ 5 руб. съ доставкою, а съ пересылкою 5 руб. 20 коп.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица домъ № 40. 2—2

Редакторъ-Издатель *И. И. Евфимовскій-Мировицкій.*

Открыта подписка на 1897 годъ

на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

«КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ»,

издающуюся въ гор. Севастополѣ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ)

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

условія подписки:

Безъ пересылки и доставки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 1/2	4 » — »	» 1/2	5 » — »
» 1/4	2 » 50 »	» 1/4	3 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 25 »

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополѣ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро, въ гор. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г-на Спиани, въ Мелитополѣ—въ Отдѣленіи конторы, въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга, въ Бахчисараѣ—у г-на Колтуна, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и Комп., въ Ѳеодосіи—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова. 3—2

«РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

въ предстоящемъ 1897 году вступаетъ въ 29-ый годъ своего существованія. «Рижскій Вѣстникъ», газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, разсматривая явленія мѣстной жизни съ государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ имперіею. Редакція постоянно стремится къ возможному расширенію и улучшенію содержанія газеты. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

Безъ пересылки и доставки: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—75 коп.

Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ: на годъ—8 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна; съ пересылкой на годъ пять руб. и на полгода три руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ.

За границу на годъ 14 р., на полгода 7 р., на 3 мѣсяца 3 р. 50 к. на 1 мѣсяцъ 1 р. 75 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Больш. и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица, № 27—2.

Тамъ же принимаются объявленія по 10 коп. со строчки.

3—2 Редакторъ Л. Н. Витвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

«СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Газету общественно-политическую и литературную; годъ изданія двадцатый. Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней. Годовая плата 6 р.; для учителей, училищъ, церковно-служителей и благотворительныхъ учрежденій 5 р., съ разсрочкою платы. Собственники изданія, не преслѣдуя никакихъ матеріальныхъ выгодъ, всѣ средства обращаютъ на улучшеніе и расширеніе изданія.

Редакторъ В. В. Гулевичъ. Издатель В. В. Азанчевскій.

3—2

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1897 годъ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на ежедневную политическо-общественно-литературную газету

ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

«ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ»—органъ Черноморья и Закавказья—первая и единственная на всемъ восточномъ побережьѣ Чернаго моря русская газета—выходитъ въ Батумѣ, ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней, по полной программѣ столичныхъ политическо-литературныхъ ежедневныхъ изданій, утвержденной г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ», вступая въ 3-й годъ изданія, останется вѣрнымъ своей задачѣ и, выясняя нужды и положеніе побережья и Закавказья, будетъ, какъ и раньше, служить точнымъ и правдивымъ отраженіемъ мѣстной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Въ теченіе 1897 года будетъ напечатанъ рядъ статей изъ гражданскаго уложенія турецкаго законодательства, касающихся владѣнія недвижимою собственностью по турецкимъ законамъ, съ цѣлью ознакомленія читателей съ земельнымъ вопросомъ, столь существеннымъ для Батумскаго округа. Кромѣ того будутъ напечатаны слѣдующія статьи постоянныхъ сотрудниковъ «Черном. Вѣстн.»: «Сельское хозяйство на восточномъ побережьѣ Чернаго моря», «Русскій чай и чайныя плантаціи на Чаквѣ близъ Батума», «Кавказскія ископаемыя богатства», «Борьба съ разбоями на Кавказѣ», «Флора Кутаисской губерніи», «Марганцевая промышленность», «Нефть и ея новыя залежи», «Золото въ долинѣ Чороха», «Батумъ, Сухумъ и Поти», «Школьное дѣло на Кавказѣ», «Кавказскіе лѣса», «Задачи правительства въ Черноморской губерніи», «Русскій человѣкъ на Кавказѣ», «Культурность и кинжалъ», «Климатическія станціи на побережьѣ», «Наши пути сообщенія», «Кавказскіе самоуправцы», «Русскій языкъ въ инородческихъ школахъ», и др.

Подписка принимается на срокъ съ 1 числа любого мѣсяца и не далѣе какъ до конца года.

Подписная цѣна: на годъ—для городскихъ подписчиковъ, съ доставкой—6 р.; для иногородныхъ, съ пересылкой—7 р.; за границу—13 р.; на полгода—для городскихъ—4 р., для иногородныхъ—5 р.; за границу—9 р.; на одинъ мѣсяцъ—для городскихъ—1 р., для иногородныхъ—1 р. 20 к. Разсрочка платежа по соглашенію съ конторой изданія.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ: на 4-й страницѣ, за мѣсто, занимаемое строкою петита, съ мѣстныхъ объявленій—8 коп., съ иногородныхъ—10 коп.; на 1-й страницѣ—вдвое. При многократныхъ объявленіяхъ—скидка.

Объявленія изъ-за границы и Россійской Имперіи, за исключеніемъ Кавказа, Закавказья и Закаспійской области, принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°, въ Москвѣ (Мясницкая, домъ Сытова) и въ Петербургѣ (Большая Морская, 11).

Подписка принимается: въ Батумѣ—въ конторѣ «Черноморскаго Вѣстника» (Оглобжинская, д. Таирова), въ Петербургѣ и Москвѣ—въ конторахъ Л. и Э. Метцль и К°, въ Тифлисѣ—въ книжномъ магазинѣ Хиддекеля.

Розничная продажа №№: въ Батумѣ—въ конторѣ газеты, на вокзалѣ Закавк. жел. дор., у газетчиковъ на пристаняхъ и на бульварѣ, и пр., въ Сухумѣ Поти, Новороссійскѣ—у газетчиковъ пароход. Рус. Общества, въ Кутаисѣ—у г. Куденка, въ Тифлисѣ—у г. Хиддекеля. Кромѣ того, на всѣхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ Русскаго Общества пароход. и торг., на пароходахъ Азовскаго Общества и у газетчика пар. Россійскаго Общ. «Марія» (по всѣмъ Крымско-Кавказскимъ портамъ). Цѣна отдѣльнаго нумера 5 коп.

При газетѣ—батумское отдѣленіе Россійскаго телеграфнаго агентства, съ пріемомъ отдѣльной городской подписки на биржевыя телеграммы (15 рублей въ годъ), выпускаемыя особыми бюллетенями два раза въ недѣлю.

Редакторъ-Издатель Г. А. Пальмъ.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

О ПОДПИСКѢ на

общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. IX).

«Жизнь и Школа» имѣетъ цѣлью служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи.—2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками).—3) Мелкіе повѣсти и разсказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія.—4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, учи-лищевѣденію, школьной гигіенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ.—5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ.—6) Библіотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ учрежденій для народа.—7) Библіографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обозрѣніе педагогическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п.—8) Корреспонденціи. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у насъ и за границей.—9) Политическія извѣстія и Новости русской жизни. Обозрѣніе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ.—10) Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы.—11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта.—12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію.—13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгъ и указатель статей, встрѣчающихся въ повременныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя.—14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи.—15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к., на послѣдней по 10 к. Подписчики (годовые) печатаютъ **безплатно.**

При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ подъ заглавіемъ **«Школьное Обозрѣніе»**, въ которомъ помѣщаются статьи, по объему не удобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и перес. 5 руб., за полгода 3 р., и за три мѣсяца 2 р., для начальныхъ школъ и учителей 4 р., за границу 6 р. за годъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 можно получать за два руб., 1895 и 1896 по три руб. за годъ. Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, пріобрѣтающіе за всѣ годы, пользуются сверхъ того уступкой въ 50%.

Вышедшіе №№ „Школьнаго Обозрѣнія“ и „Жизнь и Шк.“ тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Подписка принимается въ главной конторѣ «ЖИЗНЬ и ШКОЛА»: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-Издатель **М. Е. Виноградовъ.**

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

годъ XXXIX. **1897 г.** годъ XXXIX.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ СЪ КАРИКАТУРАМИ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Рекомендуется любителямъ веселаго и остроумнаго, доступенъ всякому возрасту, полу званію и состоянію. Журналъ существуетъ давно, извѣстенъ всякому, а потому распространятся о немъ нечего.

Въ 1897 году каждый подписчикъ **Развлеченія** непремѣнно получитъ

200,000 рублей

(если, разумѣется, онъ имѣетъ билетъ какого-либо внутренняго съ выигрышами займа и на него въ тиражъ падетъ этотъ выигрышъ).

Годовая цѣна журнала безъ всякихъ премій и приложеній, но зато съ оберткой, упаковкой, переноской, перевозкой и пересылкой всего только 6 рублей, за полгода 3 рубля.

(Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки).

АДРЕСЪ: *Москва, журналу Развлеченіе.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

НА ЖУРНАЛЪ

XVII ГОДЪ. ОСКОЛКИ ГОДЪ XVII.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ «ОСКОЛКИ» съ карикатурами, вступая въ СЕМНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1897 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1896 году.

Журналъ «ОСКОЛКИ» издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: карикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью ВЪ КРАСКАХЪ. Въ 1897 году редакція обратитъ вниманіе на всестороннее улучшеніе журнала.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ	9 руб.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	5 »	На полгода	4 » 50 »
На три мѣсяца	3 »	На три мѣсяца	2 » 50 »
За границу на годъ	10 »		
» » » 1/2 года	6 »		

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ Казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки».

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала «Осколки» въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ:

съ пересылкою иногороднымъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харьковѣ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимается въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на I) отдѣлъ оффиціальный—и II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы: А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библіографическіе обзоры и т. п. Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна **6** руб.

2—2 Редакторъ **Е. Шмурло.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

НА 1897 ГОДЪ.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для иногородныхъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 30 к. 3 мѣс., 1 р. 50 к.
Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1897 года со дня полученія въ Конторѣ Редакціи подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ Тобольскѣ, въ библіотекѣ Суханова.
Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція «Сибирскаго Листка».

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 3-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества правильной охоты

КІЕВСКАГО ОТДѢЛА.

36 №№. ВЪ ГОДЪ,

роскошно иллюстрированныхъ, при сотрудничествѣ извѣстныхъ охотниковъ-писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой . . . . . 8 руб.
на 1/2 г. » » » . . . . . 5 »
за-границу (только год. подписка) . . . . . 13 »

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ, считая съ 1 ноября, 3 руб., 1 января 3 руб. и 1 марта 2 руб. При поручительствѣ казначеевъ—по 1 руб. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСН. ЦѢНА на 36 №№ журнала и шесть книгъ-приложеній:

на годъ съ пересылкой и доставкой . . . . . 13 руб.
на 1/2 г. » » » . . . . . 8 »
за-границу (только год. подписка) . . . . . 20 »

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 5 р., считая съ 1 ноября, остальныя деньги по 2 руб. въ мѣсяцъ. При поручительствѣ казначеевъ—3 руб. единовременно и по 1 руб. въ мѣсяцъ.

ЛЬГОТНЫЯ ПРОДАЖИ РУЖЕЙ и СОБАКЪ ЗА 1/10 — 1/12 ЧАСТЬ СУММЫ ИХЪ СТОИМОСТИ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПОДПИСЧИК. ЖУРНАЛА съ КНИГАМИ-ПРИЛОЖЕН. и безъ оныхъ.

Изданіе редакціи: «Дрессировка подружейныхъ собакъ». Патфайндера. Переводъ Де-Конноръ. Роскошно иллюстриров. Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Пробный № высылается за четыре 7 коп. марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Редакціи, г. Веневъ, Тульской губ.; въ Кіевѣ, Фундуклеевская ул., д. № 2, въ Канцеляріи Кіевскаго отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Об. ох.; во всѣхъ Конторахъ Объявленій, въ оружейныхъ магазинахъ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Скидки за пріемъ подписки съ экземпляра журнала — 50 к., съ экземпляра журнала и книгъ—70 коп.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

Открыта подписка на 1897 годъ.

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

самая большая и распространенная на Югѣ Россіи между РУССКИМЪ населеніемъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

«НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

«Новороссійскому Телеграфу» истекаетъ третье десятилѣтіе. Этотъ почтенный возрастъ говоритъ самъ за себя, особенно въ трудномъ журнальномъ дѣлѣ.

Выходя двадцать четвертый годъ подъ личной редакціей теперешняго собственника газеты, «Новороссійскій Телеграфъ» принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Не зная никакихъ компромиссовъ, онъ отстаиваетъ начала и интересы, дорогіе каждому русскому. Наши читатели—мыслящее русское населеніе—знаютъ насъ и, полагаемъ, всегда единомышленны съ нами и вѣрны намъ, не соблазняясь дешевыми успѣхами выгоднаго безразличія или завѣдомаго юдофильства.

Литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей примутъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы «Нов. Телеграфа» девятнадцать лѣтъ, П. П. Гнѣдичъ, Ал. П. Чеховъ (А. Сѣдой) и друг. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: М. Неручевъ, Зео (по беллетристическому отдѣлу), Путникъ и друг.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» періодически печатаются ИЛЛЮСТРАЦІИ: рисунки современныхъ событій и портреты выдающихся дѣятелей. Важнѣйшія свѣдѣнія по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и пр.) сообщаются нашими столичными корреспондентами. Эти свѣдѣнія получаются нами и печатаются въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 2 днями ранѣе обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ газетахъ.

Кромѣ телеграммъ «Рос. Тел. Агентства», мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ.

«Новороссійскій Телеграфъ», по своей программѣ, имѣетъ отдѣлъ Юридической хроники, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній, и имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Этимъ правомъ пользуются теперь не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, домъ Маврокордато, и въ отдѣленіи газеты при типографіи «Нов. Тел.», Новая улица, домъ Озмидова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки. На 1 мѣс. 1 р., на 2 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 5 р., на 6 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 7 р., на 8 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 9 р., на 10 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 11 р., на 12 мѣс. 12 р.

Съ доставкою и пересылкой. На 1 мѣс. 1 р. 20 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 3 р. 60 к., на 4 мѣс. 4 р. 80 к., на 5 мѣс. 6 р., на 6 мѣс. 7 р. 20 к., на 7 мѣс. 8 р. 40 к., на 8 мѣс. 9 р. 60 к., на 9 мѣс. 10 р. 80 к., на 10 мѣс. 12 р., на 11 мѣс. 13 р., на 12 мѣс. 14 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1 іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1897 года.

Редакторъ-издатель *М. Озмидовъ.*

3—2

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1897 ГОДА

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СИБИРЬ

Посвященная интересамъ всей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей.

Срокъ выхода 3 раза въ недѣлю

Подписная цѣна: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб. и на три мѣсяца 2 руб. 50 к.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи (Преображенская ул., д. 30) и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой (Литейный пр., д. 60).

Редакторъ-Издатель К. П. Михайловъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Постоянною Комиссіею по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: I. Правительственныя распоряженія. II. Хроника техническаго образованія въ Россіи и заграницей. (Высшее, среднее и низшее техническое и промышленное образованіе; ремесленное образованіе; организація курзовъ, лекцій и вечерне-воскресныхъ школъ для рабочихъ; народныя чтенія, библіотеки, естественно-историческіе и промышленные музеи, выставки и т. п.). III. Статьи по вопросамъ техническаго и профессіональнаго образованія, по методикѣ и дидактикѣ техническаго обученія. IV. Библіографія.

Въ журналѣ «ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ» принимаютъ участіе слѣдующія лица: **Е. М. Гаршинъ, Г. Ю. Гессе,** проф. **Г. Ф. Деппъ, К. И. Диксонъ, А. А. Ильинъ, Е. П. Ковалевскій,** проф. **Котурницкій, М. В. Лысковскій,** проф. **Н. И. Макаровъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ,** проф. **И. Н. Миклашевскій, А. Г. Неболсинъ, Н. А. Рубакинъ, А. Н. Страннолюбскій, Д. Д. Струнинъ, В. А. Тюринъ, В. Г. Шапошниковъ, К. Ю. Цируль, И. И.** и **Е. Н. Янжулъ** и др.

«Техническое Образованіе» выходитъ (съ 1-го октября 1892 года) книжками по четыре №№ въ каждое полугодіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ безъ доставки **2** р., съ доставкой **2** р. **50** коп. и съ пересылкой **3** р. За $^1/_2$ г. безъ пер. **1** р., съ дост. **1** р. **25** к. и съ пер. **1** р. **50** к.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2—Постоянная Комиссія по техническому образованію) и въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (Спб. Литейная, 46; Москва, Моховая, д. Коха; Варшава, Новый Свѣтъ, 67).

Для личныхъ объясненій редакція открыта по вторникамъ, пятницамъ и субботамъ, отъ 3 до 5 часовъ. 3—2

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія ***Н. И. Пирогова;*** 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки). ***К. Барсова;*** 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя). ***К. Чернецкаго;*** 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы. ***К-ой;*** 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. ***М. Слобожанина;*** 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. ***П. Ѳ. Каптерева;*** 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. ***Л. Н. Модзалевскаго;*** 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. ***Я. Г. Гуревича;*** 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ), ***М. А. Лялиной;*** 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). ***Е. Чебышевой-Дмитріевой;*** 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. ***А. А. Красева;*** 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. ***А. С. Виреніуса;*** 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. ***Л. Е. Оболенскаго;*** 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. ***Д. Д. Семенова;*** 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. ***И. И. Мещерскаго;*** 16) Мысли о современномъ воспитаніи. ***А. С. Симоновичъ;*** 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. ***Кл. Фармаковской;*** 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. ***В. Афанасьева;*** 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». ***Графа Павла Капписта;*** 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? ***В. П. Вахтерова;*** 21) Народныя чтенія. ***Его-же;*** 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. ***А. Ѳ. Гартвига;*** 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. ***Д. Д. Лобанова;*** 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. ***В. Ю. Скалона;*** 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? ***В. П. Фармаковскаго;*** 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? ***А. Раменскаго;*** 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. ***Я. В. Абрамова;*** 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. ***О. Х. Павловичъ;*** 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. ***С. А. Бобровскаго;*** 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. ***П. А. Анастасіева;*** 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. ***С. Байловскаго;*** 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. ***Л. Рутковскаго;*** 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. ***А. А. Гофмана;*** 34) Неожиданныя темы ***Ц. П. Балталона;*** 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. ***Ив. Созонтьева;*** 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. ***И. П. Бѣлоконскаго.***

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе **десяти** печати. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногороднихъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель ***Я. Гуревичъ.***

3—2

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею проф. В. Н Латкина.

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства; проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мирового судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстама—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Приамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго — Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго — О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова — О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова — Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго — Бродяги и законъ; В. Волжина — Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ; Ф. Клингберга—Къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. Н. Суворова — Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала — О пропинаціонномъ правѣ; М. Мышна—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества. В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева — Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго — Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака — Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности; В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—Къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В. Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ СПБ. безъ доставки	8 р. — к.
Съ доставкою	8 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города	9 » — »

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою и съ пересылкою 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и *учащіеся* пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ., Новопасаіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—3 Редакторъ проф. **В. Н. Латкинъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 годъ

ГОДЪ XVII.

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ.

ГОДЪ XVII.

«ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ» допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для средне-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи—въ первые четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства.

Въ теченіе 1896 г. въ журналѣ принимали участіе: Проф. П. Г. Виноградовъ, А. В. Догановичъ, П. В. Засодимскій, А. В. Кругловъ, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Сергѣй Орловскій, И. Н. Потапенко, П. А. Сергѣенко, А. В. Стернъ, В. М. Сысоевъ и мн. др. Въ художественномъ отдѣлѣ помѣщены были картины и рисунки А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, К. С. Высотскаго, С. А. Коровина, В. Е. Маковскаго, И. М. Прянишникова, А. С. Степанова, В. И. Сурикова, В. А. Сѣрова, П. М. Шмелькова, а также снимки съ классическихъ произведеній древняго и новаго искусства.

Благодаря любезному согласію большинства прежнихъ сотрудниковъ и надѣясь привлечь новыхъ къ участію въ журналѣ, редакція «Дѣтскаго Отдыха» намѣрена предложить читателямъ рядъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ, стихотвореній въ литературномъ отдѣлѣ. Желая познакомить читателей съ бытомъ сельскаго и рабочаго люда, редакція предполагаетъ помѣстить нѣсколько иллюстрацій и очерковъ по разнымъ отраслямъ русской промышленности.

Дополненіемъ къ нимъ должны послужить 12 рисунк. (въ краск.) А. М. Васнецова, А. С. Степанова и В. А. Сѣрова. Вмѣстѣ съ текстомъ рисунки эти представятъ какъ бы одну картину родной природы и быта.

Кромѣ снимковъ съ художественныхъ произведеній русскихъ, иностранныхъ и древнихъ классиковъ, редакція будетъ помѣщать въ каждомъ номерѣ портреты русскихъ писателей, ученыхъ и художниковъ. Въ отдѣлъ игръ и занятій будутъ введены описанія дѣтскихъ праздниковъ и школьныхъ прогулокъ на открытомъ воздухѣ.

Въ концѣ каждаго номера родители и воспитатели найдутъ краткія свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ для дѣтскаго чтенія.

Подписчики 1897 года получатъ безплатное приложеніе

СКАЗКИ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Иллюстрированный сборникъ В. Н. Харузиной.

Условія подписки на 1897 г.: съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ — 6 руб.; на 1/2 года—3 руб. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ—5 руб. 50 к., за границу—8 руб. Подписка принимается: въ конторѣ журнала—Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова, магазинъ «Дѣтское Воспитаніе», и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ.

Редакторъ Я. Барсковъ. Издатель А. Мамонтовъ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

(XVI годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

и педагогическій листокъ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

«Родникъ» въ 1897 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 15 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Вмѣстѣ съ **«Родникомъ»** можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ **«Воспитаніе и Обученіе»**, посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Въ листкѣ помѣщаются труды библіографическаго отдѣла Педагогическаго музея в.-учебн. заведеній и протоколы «Родительскаго кружка».

«РОДНИКЪ» рекомендованъ, одобренъ и допущенъ учеными и учебнымъ Комитетами Св. Синода, Собств. Е. И. В. канцел. по учрежд. Императрицы Маріи, Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній и Мин. Нар. Просв. **Удостоенъ** 1) почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, 2) похвальнаго отзыва на первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, 3) диплома второго раздряда на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новг. 1896 г. —**Признанъ необходимымъ** для выписки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскія библіотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія, т.-е. съ 1882 г. (См. «Журналъ Мин. Нар. Просв.», августъ 1895 г.)

Условія подписки на 1897 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ».	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу.	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Книжномъ магазинѣ Н. Н. Морева.

За издателя *Н. Моревъ.* Редакторъ *Алексѣй Альмединге*нъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками **«Читальня Народной Школы»** (10-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и перес. 3 рубля въ годъ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1897 ГОДЪ

ГАЗЕТУ ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,

выходящую ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ 9 руб., 6 мѣс. 4 руб. 50 коп., 3 мѣс. 2 руб. 25 коп. и 1 мѣс. 75 коп.

Подписка принимается только въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи.

«Сибирскій Вѣстникъ» заключаетъ въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. Передовыя статьи (по вопросамъ внутренней политики и злобамъ дня, преимущественно касающимся Сибири). II. Статьи (по вопросамъ экономіи, права и педагогіи). III. Мѣстная хроника (отчеты о засѣданіяхъ мѣстной томской думы, сословныхъ и другихъ обществъ, извѣстія о городскихъ происшествіяхъ, указанія на различныя явленія мѣстной жизни, театръ и музыка). IV. Судебная хроника. V. Среди газетъ и журналовъ. VI. Корреспонденціи (преимущественно изъ городовъ и селеній Сибири). VII. Дѣйствія правительства (новыя узаконенія и дополненія прежнихъ, относящіяся до Сибири). VIII. Внутренняя и заграничная хроника. IX. Фельетонъ. X. Библіографія. XI. Между прочимъ. XII. Справочныя свѣдѣнія и XIII. Объявленія.

3—2 Редакторъ-Издатель **Г. В. Прейсманъ.**

НОВОЕ СЛОВО.

Подписка 1897 года.

Открыта подписка на 1897 г. на

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ,

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ виду того, что существующій размѣръ газеты, несмотря на величину свою, оказывается недостаточнымъ вслѣдствіе большого количества поступающихъ въ контору объявленій, къ началу 1897 года

ФОРМАТЪ «САМАРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

ЕЩЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ.

«Самарская Газета» будетъ больше почти всѣхъ столичныхъ и всѣхъ поволжскихъ газетъ.

Газета ставитъ своею задачей — быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Составъ редакціи будетъ увеличенъ новыми постоянными сотрудниками.

Въ «Самарской Газетѣ» принимали и принимаютъ участіе слѣдующія лица: Я. В. Абрамовъ, Вл. Е. Андреевъ, Г. П. Андреевъ, Аргунинъ, Н. Н. Архангельскій, Артельщикъ (псевдонимъ), Н. П. Ашешовъ, А. Н. Барановъ, В. П. Барыбинъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Бостромъ, Е. А. Буланина, Ч. Вѣтринскій (псевдонимъ), Волжскій житель (псевдонимъ), И. Д. Гинзбургъ, А. Г. Григорьевъ, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), С. Гусевъ, П. И. Добротворскій, А. А. Дробышъ-Дробышевскій (А. Уманьскій), г-жа Дубровина, В. Е. Ермиловъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, профессоръ Н. П. Загоскинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, д-ръ П. П. Крыловъ, Камскій (псевдонимъ), А. И. Купринъ, Д. Е. Липпо, А. И. Ливановъ, Петръ Левицкій, А. И. Матовъ, Мензелинскій житель (псевдонимъ), Миролюбовъ, А. М. Михайловъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Наблюдатель (псевдонимъ), Нигра (псевдонимъ), М. Л. Песисъ, Перекати-поле (псевдонимъ), П. В. Пигѣевъ, В. Н. Полякъ, А. Н. Подосенова, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), Т. М. Семеновъ, А. Степной (псевдонимъ), Н. А. Скворцовъ, Сызранецъ (псевдонимъ), Фениксъ (псевдонимъ). У. В. Увембло, В. Е. Чешихинъ, Читатель (псевдонимъ), А. Г. Шлихтеръ, Е. С. Шлихтеръ, д-ръ С. О. Ярошевскій и мног. друг.

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, въ газетѣ принимаютъ участіе **Вл. Г. Короленко и Н. Г. Михайловскій (Н. Гаринъ).**

Подписная цѣна на газету, несмотря на увеличеніе формата,

ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

Съ пересылкой для иногородныхъ: на 12 мѣс. — 7 руб., на 6 мѣс. — 3 р. 50 к., на 1 мѣс.—70 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Самарѣ; въ конторѣ редакціи «Самарской Газеты», на Алексѣевской площади, домъ Юрина.

Иногородніе адресуютъ подписныя деньги: въ Самару, въ контору редакціи «Самарской Газеты».

3—2 Редакторъ-издатель С. И. Костеринъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

ВОЛЫНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На одинъ годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 60 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, допускается слѣдующая разсрочка: къ 1-му января 2 р., къ 1-му іюня—2 р. и къ 1-му октября 2 р., для всѣхъ остальныхъ — полугодовая съ платой 3 р. при подпискѣ и 3 р. къ 1-му іюня.

Съ новаго года мѣстный отдѣлъ «ВОЛЫНИ» будетъ значительно расширенъ, для чего приглашены спеціальные корреспонденты изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Юго-западнаго края.

Издатель А. М. Когенъ. Редакторъ Е. А. Фидлеръ.

3—2

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ **„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“** ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

Издается съ 1887 г. подъ редакціею А. Х. САБИНИНА.

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1893 г. въ С.-Петербургѣ).

ПРОГРАММА:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2. Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло. 3. Статьи по земской медицинѣ. 4. Исторія медицины. 5. Переводные статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7. Врачебная хроника и смѣсь. 8. Врачебно-бытовые вопросы. 9. Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р.; для фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера; въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется книжный складъ для продажи спеціальныхъ и общедоступныхъ (популярныхъ) медицинскихъ книгъ и брошюръ; книги и брошюры высылаются наложеннымъ платежемъ. Складъ принимаетъ заказы. 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

НА 1897 ГОДЪ.

Согласно предначертаніямъ Его Сіятельства, Господина Курскаго Губернатора, графа А. Д. Милютина, съ 15 декабря 1894 года неоффиціальная часть «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» издается новою редакціею и по новой программѣ, главная задача которой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать «Губернскія Вѣдомости» органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ дѣлъ, потребностей и отраженій.

Согласно съ этою цѣлью «Неоффиціальная часть Губернскихъ Вѣдомостей» издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Ученo-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленій къ №№ «Вѣдомостей» даются телеграммы, получаемыя отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

Годовая цѣна на ежедневную неоффиціальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ оффиціальною частью и приложеніями шесть руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за оффиціальную часть 3 р.,—за неоффиціальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получать одну только неоффиціальную часть, уплачиваютъ съ доставкою и пересылкою: за годъ — четыре рубля; за полгода—два рубля пятьдесятъ коп.; за три мѣсяца—одинъ рубль пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенко, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

3—2 Редакторъ *Т. І. Вержбицкій.*

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на новую большую ежедневную газету Калужско-Тульскаго края

КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ наступающемъ новомъ 1897 году газета «Калужскій Вѣстникъ», не измѣняя принятаго ею направленія, значительно расширитъ нѣкоторые отдѣлы своей программы—научный, общественной жизни, желѣзнодорожный, сельскохозяйственный и литературный.

Стоя внѣ всякихъ партій, личныхъ счетовъ и интересовъ, «Калужскій Вѣстникъ», насколько въ этомъ убѣдились наши читатели, бодро идетъ впередъ дорогою правды и культуры. Редакція сознаетъ, что только этимъ путемъ она можетъ достигнуть намѣченныхъ ею цѣлей; только говоря правду, не замалчивая непріятныхъ вещей, освѣщая отрицательныя явленія нашей жизни, и можно сослужить службу родному краю. Девизъ нашъ: «Царю правда—лучшій слуга» по прежнему будетъ нашею путеводною звѣздою.

Насколько показало короткое время существованія «Калужскаго Вѣстника», читатель оцѣнилъ наши скромные труды по изданію газеты: послѣдняя, начиная съ половины октября, уже начала печататься въ 1200 экземплярахъ.

Успѣхъ «Калужскаго Вѣстника» даетъ намъ возможность съ 1 ноября увеличить составъ редакціонныхъ сотрудниковъ и поднять техническую сторону газеты. Редакція ставитъ себѣ цѣлью, чтобы «Калужскій Вѣстникъ» былъ дѣйствительно опрятною провинціальною газетою, съ серьезнымъ направленіемъ и чистымъ литературнымъ матеріаломъ.

Программа «Калужскаго Вѣстника» состоитъ изъ слѣдующихъ 20 отдѣловъ:

1) Оффиціальный отдѣлъ, 2) Передовыя статьи по вопросамъ мѣстной жизни. 3) Телеграммы. 4) Мѣстная хроника. 5) Статьи и корреспонденціи. 6) Родиновѣдѣніе: свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, статистическіе, этнографическіе и пр. 7) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 8) Изъ прошлаго. 9. Наши сектанты. 10) Статьи по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Тарифъ. 11) Фельетонъ: научный, общественной жизни и литературный. Повѣсти, разсказы, очерки-рецензіи, сцены, наброски, замѣтки и стихотворенія. 12) Внутреннія извѣстія, 13) Что дѣлается за границей? 14) Спортъ и охота. 15) Театръ и музыка. 16. Судебная хроника. 17) Биржевой отдѣлъ. 18) Смѣсь. 19) Справочный отдѣлъ 20) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ портфелѣ редакціи имѣется уже нѣсколько большихъ оригинальныхъ повѣстей, разсказовъ и статьи историческаго содержанія: Хлопова, княгини Вадбольской, Кулешова, Ривала, М. Сѣверной, Епифанова, Козырева, Груздева, Ачадовскаго, И. Д. Четыркина, В. Кашкарова, Фирсова, и др.; нѣсколько переводныхъ разсказовъ съ французскаго, нѣмецкаго, польскаго и англійскаго языковъ. Фельетоны изъ общественной жизни будутъ печататься ежедневно. Въ газетѣ обѣщали принять участіе профессоръ **И. И. Иванюковъ и Н. И. Теодоровичъ.**

Условія подписки на «КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Съ доставк. и перес.: На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 75 к., на 10 м. 5 р. 50 к., на 9 м. 5 р. 25 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ дост. и перес.: На 12 м. 5 р., на 11 м. 4 р. 75 к., на 10 м. 4 р. 50 к., на 9 м. 4 р. 25 к., на 8 м. 4 р., на 7 м. 3 р. 50 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 75 к.

Подписка принимается: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютиной, въ г. Москвѣ: въ конторѣ объявленій Почковской, Петровскія линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова, въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Большая Морская, 11; въ г. Тулѣ: въ книжныхъ магазинахъ Бѣлобородовой и Пузырева, а также въ конторѣ «Тульскаго Листка Объявленій».

Тарифъ за помѣщеніе объявленій:

На послѣдней страницѣ, послѣ текста: за одинъ разъ 10 коп. со строки мелкаго шрифта (петита), за два и три раза 8 коп., болѣе трехъ разъ—5 коп., болѣе трехъ мѣсяцевъ—3 коп. Плата за объявленія, помѣщаемыя на первой страницѣ, передъ текстомъ, вдвое

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, прейсъ-курантовъ и т. п., вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ, взимается по 10 руб. за каждую тысячу экземпляровъ

Издательница М. Н. Лашманова.

Открыта подписка на 1897 г.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей, и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Команина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка **«Малороссійскій Словарь»,** который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца,** редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ **въ теченіе 1897 года** выпустить въ свѣтъ **2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 25 печатныхъ листовъ.** Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала «Кіевская Старина» въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки	8 » 50 »
За границу	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на 1897 годъ.

ЖУРНАЛЪ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

«**Журналъ**» выходитъ ежемѣсячно книжками, отъ 5 до 7 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя статьи и научныя сообщенія.—II. Отчеты о засѣданіяхъ отдѣловъ и секцій Общества: 1-й—біологической, 2-й—статистической, эпидеміологической и медицинской географіи, 3-й—общественной и частной гигіены, 4-й—гигіены дѣтскаго и школьнаго возрастовъ, 5-й—бальнеологіи и климатологіи.—III. Научныя корреспонденціи.—IV. Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ русской и иностранной литературы,—по біологіи, статистикѣ, эпидеміологіи, гигіенѣ, бальнеологіи и климатологіи.—V. Критика и библіографія.—VI. Хроника.—VII. Частныя объявленія и публикаціи.—VIII. Приложенія.

Въ **Приложеніи къ Журналу**, между прочимъ, напечатаны:

Въ 1893 году: 1) Сравнительная статистика населенія (смертность) проф. Янсона. 2) Журналы засѣданій Москов. Гигіенич. Общества. 3) Отчеты Спб. город. санит. коммиссіи за 1892 г. 4) Отчетъ Спб. город. лабораторіи. Въ 1894 году: 1) Врачебныя учрежденія С.-Петербурга. Путеводитель для членовъ V съѣзда рус. врачей. 2) Молоко Спб. коровъ, статья д-ра Архангельскаго. 5) О санитарномъ надзорѣ за пищевыми продуктами въ Спб. 6) Отчетъ Спб. гор. санит. коммиссіи за 1893 г. 7) Отчетъ Спб. город. лабораторіи.

Въ 1895 году: 1) Журналы засѣд. Моск. Гигіенич. Общества. 2) Отчетъ Спб. гор. санит. коммиссіи за 1894 г. 3) Отчетъ Спб. город. лабораторіи.

Въ 1896 году: 1) Чертежи къ «проекту участковой земской больницы». 2) Дѣтскія лѣчебныя колоніи въ Варшавѣ. 3) Труды коммиссіи по вопросу о водоснабженіи г. Тулы. 4) Медиц. отчетъ Спб. город. санит. коммиссіи за 1895 г. 5) Очеркъ развитія дѣтскихъ лѣчебныхъ колоній въ Россіи и за границей д-ра М. Д. ванъ-Путеренъ

Подписная цѣна въ годъ 4 руб. съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи—Разъѣзжая ул., д. 5, кв. 2, и въ книжныхъ магазинахъ: Риккера, Карбасникова, Петрова, Ярошевской, Сойкина и др.

«ЖУРНАЛЪ» можетъ быть высланъ наложеннымъ платежемъ.

Плата за объявленія—за одинъ разъ: за страницу 10 руб., за 1/2 страницы 7 руб., за 1/4 страницы 4 руб. При многократномъ печатаніи объявленій—уступка. Объявленія впереди текста на 25% дороже.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, печатается объявленіе или отзывъ.

Экземпляры „ЖУРНАЛА“ за предыдущіе годы по 3 р. съ перес.

3—3 Редакторъ А. А. *Яцкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Въ 1897 году ежемѣсячный журналъ

ГОДЪ IV. **„БИБЛІОТЕКА ВРАЧА“** ГОДЪ IV.

будетъ выходить, въ объемѣ не менѣе *двадцати* листовъ въ мѣсяцъ, при участіи гг. профессоровъ:

В. Ф. Грубе, А. Я. Кожевникова, С. С. Корсакова, Л. Л. Левшина, И. И. Нейдинга, А. А. Остроумова, А. И. Поспѣлова, В. К. Рота, В. М. Тарновскаго, В. А. Тихомирова, Н. Ѳ. Филатова, А. Б. Фохта и Ѳ. Ѳ. Эрисмана.

I. Въ отдѣлѣ «Оригинальныхъ сочиненій» редакція намѣрена помѣстить, кромѣ другихъ статей, слѣдующія работы: 1) Д-ръ *Орловскій*.—Сифилитическія заболѣванія спинного мозга (съ хромолитографич. таблицами и фототипіями); 2) Проф. *Л. Л. Левшинъ*.—Руководство по частной хирургіи (*продолженіе*).

II. Въ отдѣлѣ «Переводныхъ сочиненій» предполагается помѣстить слѣдующія руководства: 1) Проф. *Karl Stoerck*.—Болѣзни носа, зѣва и гортани (съ 89 рис.); 2) Проф. *E. Nicaise*.—Антисептика въ обыденной хирургической практикѣ (съ 88 рис.); 3) Проф. *H. Oppenheim*.—Сифилитич. заболѣв. головн. мозга. Перев. д-ра *Л. А. Говсѣева* подъ редакц. проф. *В. К. Рота*.

Кромѣ того, редакція имѣетъ въ виду начать въ 1897 году печатаніе обширнаго ***„Руководства по частной патологіи и терапіи“***, выходящее въ Парижѣ подъ редакціей проф. *P. Brouardel'я*, *A. Gilbert'*а и *J. Girode'*а при содѣйствіи лучшихъ медицинскихъ силъ Франціи. Въ 1897 году будутъ помѣщены *два* тома этого руководства, обнимающіе собою ***инфекціонныя болѣзни*** и представляющіе полный сводъ современныхъ знаній по этому отдѣлу патологіи. Въ составленіи этихъ двухъ томовъ участвовали такія силы, какъ *Girode*, *Grancher*, *Netter*, *Galliard*, *Thoinot*, *Straus*, *Hallopeau*, *Widal*, *Landouzy*, *Gilbert*, *Balzer*, *Brouardel* и пр. Каждый томъ будетъ содержать около *50* печатныхъ листовъ. Редакція предполагаетъ въ послѣдующіе годы дать переводъ *всего* руководства, по мѣрѣ появленія его во Франціи (пока вышли только *три* тома). *Постоянные подписчики* нашего журнала получатъ, такимъ образомъ, современемъ цѣнный вкладъ въ свою медицинскую библіотеку въ видѣ *10-томнаго* руководства, обнимающаго собою всю частную патологію и терапію въ ея *современномъ* состояніи.

III. ***Монографіи и лекціи.***—IV. ***Рефераты.*** Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.—V. ***Обзоры.*** Сюда войдутъ «Обозрѣнія» и «Вопросы современной медицины», съ характеромъ которыхъ уже знакомы подписчики прошлыхъ лѣтъ.—VI. ***Новыя книги.*** Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ.—VII. Труды ученыхъ обществъ.—VIII. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставк. и пересылкой **десять рублей** въ годъ (за границу 12 р.). Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, остальныя къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

Издатель А. А. Карцевъ. Редакторъ Д. П. Дубелиръ.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературную, общественно-экономическую и политическую газету

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

На 1897 годъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Основная задача газеты—разработка общихъ, областныхъ и мѣстныхъ вопросовъ, съ освѣщеніемъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ русской общественной жизни, и представительство нуждъ края.

Для этого редакція имѣетъ корреспондентовъ, кромѣ главныхъ пунктовъ Поволжья, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ селеніяхъ Самарской губ во всѣхъ значительныхъ пунктахъ по линіямъ Самаро-Златоустовской, Оренбургской и Западно-Сибирской жел. дор., а именно: Оренбургѣ, Уфѣ, Златоустѣ, Миассѣ, Челябинскѣ, Троицкѣ, Кочкарѣ, Курганѣ, Уральскихъ горныхъ заводахъ

Газета падается при ближайшемъ участіи Н. ГАРИНА (Н. Г. МИХАЙЛОВСКАГО). Составъ редакціи увеличенъ новыми сотрудниками.

Въ «Самарскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ непосредственное участіе, кромѣ корреспондентовъ, слѣдующія лица: А. Алексѣевъ (псевдонимъ), М. Р. Бейлинъ, Е. А. Валле-де-Барръ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. Гермесъ (псевдонимъ), Р. Гвоздевъ (псевдонимъ), М. М. Гранъ, В. С. Голубевъ, *Dixi* (псевдонимъ). П. П. Инфантьевъ, В. А. Іоновъ, Д. Кузнецовъ, И. А. Керчикеръ, М. Н. Корнѣевъ, А. К. Клафтонъ, Крыловъ, П. В. Левашевъ, П. П. Масловъ, А. И. Матовъ, Мефистофель (псевдонимъ), А. М. Михайловъ, А. Невскій (псевдонимъ), Ю. М. Невинскій, С. С. Неустроевъ, С. П. Неустроевъ, Опъ (псевдонимъ), Д. Павловскій, Перо (псевдонимъ), Н. П. Подбѣльскій, К. Г. Прибытковъ (Раз—евъ), А. Н. Потресовъ, Д. Д. Протопоповъ, Рудинъ, А. А. Санинъ, Самарецъ (псевдонимъ), Сашинъ-Сфинксъ (псевдонимъ), П. Н. Скворцовъ. А. Степной (псевдонимъ), П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, В. П. Ушаковъ, А. Яблоновскій Н. Е. Ѳедосѣевъ и др.

Кромѣ того, редакціи обѣщали сотрудничать многія другія лица, близко знакомыя съ областной современной жизнью и печатью.

«Самарскій Вѣстникъ» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на «Самарскій Вѣстникъ» остается прежняя: Для Самары и Самарскаго уѣзда (зем. почт.) на годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 р., на 5 мѣс. 2 р. 50 к., на 4 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к. Для иногородныхъ: на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 60 к.

Редакторъ-Издатель *Н. К. Реутовскій*

3—2

ПОДПИСКА на 1897-й годъ

на общественно-литературную газету

«МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ»

съ безплатнымъ приложеніемъ для годовыхъ подписчиковъ «Необходимаго Календаря» на 1897 г., изданнаго редакціей газеты.

«Минскій Листокъ» выходитъ по вторникамъ и пятницамъ. Въ 1897-мъ году вступаетъ въ XII-й годъ изданія.

Подписная цѣна: Съ пересылкою: на годъ 4 р., на девять мѣс. 3 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Безъ доставки и пересылки: на годъ 3 р., на девять мѣс. 2 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ—въ г. Минскѣ губ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ.

НА МОРСКУЮ И ГОРОДСКУЮ ГАЗЕТУ

КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Подписная цѣна: съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россіи. На годъ 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс 7 р 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 8 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Безъ доставки: на годъ 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р. 25 к., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 25 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 25 к., на 4 мѣс. 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 70 к.

Подписка принимается: Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи. Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, «Новаго Времени», Фену, Риккера, и въ конторѣ объявленій Метцль.

Вступивъ въ 36-й годъ своего существованія, морская и городская газета «Кронштадтскій Вѣстникъ» будетъ, по прежнему, прежде всего служить морскому дѣлу, которому она посвятила свое изданіе, не забывая, въ то же время, интересовъ и нуждъ Кронштадта какъ города, военнаго и коммерческаго порта и крѣпости. 3—2

ОТКРЫТА ВЪ Г. ОДЕССѢ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издатель и редакторъ Профессоръ Н. Е. Чижовъ.

Нѣсколько словъ отъ редакціи.

Приступая во второй половинѣ декабря этого года къ изданію ежедневной политической, научно-литературной, торгово-промышленной и финансовой газеты подъ названіемъ «Южное Обозрѣніе», мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ читающей публикѣ.

На ряду съ издающимися въ Одессѣ газетами найдется, безъ сомнѣнія, мѣсто и для предпринимаемаго нами изданія. Мы поставили себѣ цѣлью создать органъ, не дорогой по своей цѣнѣ, общедоступный по своему литературному изложенію и отзывчивый на нужды и интересы родины и въ частности — нашего разноплеменнаго юга. Съ распространеніемъ у насъ просвѣщенія образовался значительный классъ населенія, чувствующій потребность въ такомъ именно изданіи. Газета, доступная для большого круга читателей, является могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго воздѣйствія на массу и проводникомъ здравыхъ понятій и знаній въ общество.

Участіе въ «Южномъ Обозрѣніи» профессоровъ университета, художниковъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ силъ, хорошо знакомыхъ читающей публикѣ, избавитъ послѣднюю отъ легкомысленныхъ обобщеній и скороспѣлыхъ выводовъ при обозрѣніи тѣхъ или другихъ событій дня. Всѣ явленія современной жизни будутъ освѣщаемы въ нашей газетѣ вполнѣ объективно, безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній.

Вводя «Южное Обозрѣніе» въ семью одесскихъ газетъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что будемъ благосклонно встрѣчены нашими собратами. Посвятивъ себя вмѣстѣ съ ними служенію дорогой намъ родинѣ, мы будемъ отмѣчать всякое серьезное мнѣніе и сужденіе въ мѣстной печати и способствовать посильной разработкѣ проводимыхъ ею идей, рѣшительно избѣгая безплодной личной полемики, совершенно не интересной для читающей публики.

Не прибѣгая къ широковѣщательнымъ рекламамъ и обѣщаніямъ, замѣтимъ только, что Редакція «Южнаго Обозрѣнія» предполагаетъ, между прочимъ, дать цѣлую серію статей научнаго содержанія по разнымъ отраслямъ знанія въ общедоступномъ изложеніи и съ иллюстраціями.

Программа газеты „Южное Обозрѣніе“:

Телеграммы и правительственныя распоряженія. II. Статьи и фельетоны, касающіеся исторіи, литературы, науки, искусства, государственной, общественной и экономической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. III. Мѣстная хроника и корреспонденціи. IV. Обозрѣніе журналовъ и газетъ. V. Торгово-промышленное, финансовое, санитарно-медицинское, желѣзнодорожное, морское, театральное и музыкальное обозрѣнія и спортъ. VI. Судебная хроника съ сужденіями по вопросамъ судебной практики. VII. Смѣсь, справочный отдѣлъ, метеорологическія свѣдѣнія. VIII. Объявленія и IX. Иллюстраціи къ тексту.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою въ другіе города: на одинъ годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 3 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Съ доставкою въ Одессѣ: На одинъ годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 10 коп., на одинъ мѣсяцъ 80 коп.

Подписывающіеся на газету съ 1 января 1897 года получаютъ всѣ нумера за декабрь 1896 г.

Отдѣльные №№ по 3 коп. въ Одессѣ и по 5 коп. въ другихъ городахъ.

Объявленія и подписка на «Южное Обозрѣніе» принимаются въ Главной Конторѣ въ г. Одессѣ, при типографіи Исаковича (уголъ Гаванной и Дерибасовской ул., соб. домъ) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Е. П. Распопова.

2—2 Издатель и редакторъ Проф. Н. Е. Чижовъ.

НОВОЕ СЛОВО.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1) Дѣйствія правительства. 2) Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3) Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. 4) Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5) Политическое обозрѣніе. 6) Иностранныя извѣстія. 7) Заграничная жизнь. 8) О чемъ пишутъ. 9) Злобы дня. 10) Общая хроника. 11) Летучіе листки. 12) Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13) Арабески (Таганрогъ). 14) Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15) Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16) Письма изъ Маріуполя. 17) Театръ и музыка. 18) Маленькій фельетонъ. 19) Изъ залы суда. 20) Наука, искусство и литература. 21) Библіографія. 22) Корреспонденціи. 23) По Россіи. 24) Смѣсь. 25) Фельетонъ литературный, научный, бѣллетристическій и др. 26) Торговыя свѣдѣнія. Биржа. 27) Справочный отдѣлъ. 28) Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающ. событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городск. и иногородн. подписчик.

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
9 р.	8 р. 50 к.	8 р.	7 р. 25 к.	6 р. 50 к.	5 р. 75 к.
На 6 м.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
5 р.	4 р. 25 к.	3 р. 50 к.	2 р. 75 к.	2 р.	1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ.

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
8 р.	7 р. 50 к.	7 р.	6 р. 50 к.	6 р.	5 р. 25 к.
На 6 м.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
4 р. 50 к.	3 р. 75 к.	3 р.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.	80 к.

За пересылку газеты за-границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 к.

Подписка принимается исключит. съ каждаго 1-го числа въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край».

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянск. пер., № 19. *Въ Новочеркаскѣ*—у Н. В. Туркина, Комитетск. ул. *Въ Екатеринодарѣ*—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжіанца. *Въ Маріуполѣ*—у П. Н. Фалькевича. *Въ Ейскѣ*—у Ѳ. С. Кущева. *Въ Новороссійскѣ*—у Э. А. Маринаки. *Въ Азовѣ*—у В. В. Золотарева. *Въ Луганскѣ*—у П. Е. Кочетова. *Въ Александровскѣ-Грушевскомъ*—у Б. М. Файвишевича, типографія. *Въ Пятигорскѣ*—у А. М. Манулова, типографія. *Въ Грозномъ*—у Е. П. Садовникова. *Въ Бахмутѣ*—у И. Р. Гриликесъ. *Въ Армавирѣ*—у Р. Ф. Уманцевой. *Въ ст. Каменской*—у В. И. Волокитина, типографія. *Въ ст. Константиновской*, обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

3—2

Съ 1-го января 1897 г. будетъ издаваться въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры,

УТРО

ежедневная политическая, общественная и литературная газета.

Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что новая газета «УТРО» будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій

Излишними считаемъ всякія широкія обѣщанія, потому что читатель нашъ, давній и постоянный, и безъ того увѣренъ въ нашемъ правѣ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ прессы.

Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ газетѣ «УТРО» громкаго отклика; не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія.

Политика, внутренняя жизнь, судъ, земство и дума, сословныя учрежденія, литература, театръ, биржа, спортъ—все найдетъ компетентныхъ цѣнителей, полныхъ безпристрастія и смѣлости для того, чтобы высказывать правду обо всемъ и обо всѣхъ по совѣсти.

Достойное похвалы будетъ хвалимо, достойное осужденія будетъ порицаемо, достойное насмѣшки будетъ осмѣиваемо, благо сатира есть старое, испытанное оружіе новой редакціи. Это оружіе никогда не притупляется.

Газета «УТРО» будетъ выходить ежедневно листами средняго формата съ рисунками на событія дня.

ПРОБНЫЙ № ВЫЙДЕТЪ ВЪ 100.000 ЭКЗ. 20-ГО ДЕКАБРЯ.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкой: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 90 к. Въ провинціи съ пересылкой: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. За границу: на годъ 12 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 2 р.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ газеты «УТРО», Пушкинская ул., д. 7, и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

3—2

„КІЕВСКОЕ СЛОВО".

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1897 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. 5) Повѣсти и разсказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ). 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки—на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ, на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Изиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногородніе подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ-Издатель В. М. Богдановъ.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Четвертый годъ изданія.

За годъ 2 рубля, за полгода 1 руб.

Съ доставкой и пересылкой.

С.-Петербургъ, Невскій, 60.

Содержаніе: 1) Хроника новостей политическихъ и внутреннихъ, излагаемая съ точки зрѣнія независимости, человѣколюбія и любви къ свѣту просвѣщенія, 2) Отдѣлъ историческій, философскій и научный, излагаемый чистымъ и яснымъ русскимъ языкомъ и имѣющій своей цѣлью ознакомить читателей съ новѣйшими выводами наукъ, созданныхъ для того, чтобъ учить людей любить другъ друга, помогать другъ другу, жить лучше и умнѣе. 3) Повѣсти, разсказы и романы, содержаніе которыхъ, по возможности, соотвѣтствуетъ вышесказанному общему направленію журнала. 4) Въ каждомъ номерѣ помѣщаются два изящныхъ рисунка, печатаемые по большей части красками и сопровождаемые подробнымъ и живымъ описаніемъ, принадлежащимъ перу извѣстнаго и маститаго литератора. **Отзывы печати о «С.-Петербургѣ»:** «Новое Время» пишетъ: «Мы отъ души желаемъ успѣха небольшому журналу, который умѣетъ быть интересенъ и издается весьма изящно, не смотря на дешевизну его подписной цѣны» (№ 7034); «... номера журнала «С.-Петербургъ» обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и литературнымъ матерьяломъ» (№ 7142)... «въ Петербургѣ издается и, право, очень недурно еженедѣльный журналъ «Петербургъ» за баснословно дешевую цѣну... онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добропорядочнаго и вполнѣ литературнаго изданія» (№ 7053) и т. д. «Кронштадтскій Вѣстникъ» говоритъ: «Періодическая пресса обогатилась очень милымъ и серьезнымъ изданіемъ. «С.-Петербургъ» научный литературно-политическій еженедѣльный журналъ даетъ много интереснаго матерьяла... Изданіе составляется съ большимъ умѣньемъ и добросовѣстностью» (№ 113). «Одесскія Новости» сообщаютъ: «Еженедѣльный иллюстрированный журналъ «С.-Петербургъ» обращаетъ на себя вниманіе не только своею крайнею дешевизною, но и самымъ разнообразнымъ, интереснымъ и живымъ содержаніемъ... основы направленія «С.-Петербурга»— независимость и человѣколюбіе. Симпатичный журналъ составляется весьма толково, добросовѣстно и вполнѣ литературно. Помѣщаемые въ текстѣ его иллюстраціи—художественны и изящны» (1321) и т. д., и т. д. **Въ 1896 году въ журналѣ «С.-Петербургъ» были, между прочимъ, напечатаны:** два романа—«Записки Лакея», Текерея и «Теверино»— Жоржъ Занда; разсказы Балуцкаго, Василевскаго, Вучетича, Дикенса, Золя, Молчанова, Перельмана, Титова и др. **Статьи о природѣ:** изъ соч. Фламмаріона: «Милліоны солнцъ», «Переписка между Звѣздами»; и пр., изъ соч. Менье—«Тоже и на Небѣ»; «Волко-Люди» Быстраго, «Врачи и Силы Природы» Вирхова; изъ соч. Хедсона; «Музыка и Танцы въ Природѣ» и «Левъ Южной Америки» и т. д. **Статьи о природѣ человѣка:** «Сонъ и Сны» изъ соч. Маудсли, «Воспитаніе и Гипнозъ» изъ соч. Тома; изъ соч. Лоскутова: «Умственное переутомленіе и будущіе вѣка» и «Путь къ Будущему»; «За Растительную Пищу», «Печаль и Гнѣвъ» Ланге и т. д. **Историческія статьи:** «Смерть Петра» изъ соч. Костомарова; «Псторія Поцѣлуя» Ломброзо; «Казни Стрѣльцовъ» Корба; «О Павлѣ I» Дала; «Николай I» изъ изслѣд. Имп. Ист. Общ.; «Плохіе Пророки — Юмъ и Кардекъ — главы Спиритизма»; — изъ соч. Карновича: «Время—дѣлу, потѣхѣ—часъ»; «Изъ Классическихъ Временъ» Піо; «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ» изъ соч. Конторовича; «Монархи» Молчанова, «Наполеонъ I» Массона и т. д. **Статьи по философіи:** «Мысли русскихъ Сановниковъ» К. П. Побѣдоносцева и Т. И. Филиппова изъ недавно вышедшихъ сборниковъ ихъ сочиненій; «Афоризмы Спенсера», «Эпиграммы Классич. Временъ»; «Человѣкъ и Природа» изъ соч. Мензира; «Какъ сдѣлать себя лучше» изъ соч. Гижицкаго и т. д. **Статьи по женскому вопросу:** Изъ соч. Брандта: «Женщина и Бракъ»; «Женщина и Мужчина» Легуве; изъ соч. Миля: «Дайте права Женщинѣ» и т. д. **Статьи описательныя:** Изъ соч. Пржевальскаго—«Въ Китаѣ»; Брема—«Въ Суданѣ»; Шрейера—«Въ Японіи»; «По Македоніи» и «Персія» Ланскаго; «Абиссинія» Ѳедорова; «Панамскій Каналъ»; «Въ Ла-Маншѣ»; «У Мормоновъ» Русскаго; «Берлинская Дешевизна» Быстраго и т. д., и т. д.

Съ пересылкой и доставкой

За годъ 2 руб., за полгода 1 руб.

Такая дешевизна сдѣлалась возможной лишь благодаря Высочайшему повелѣнію, уменьшившему плату за доставку и пересылку по всей Россіи журнала «С.-Петербургъ» на 25% ниже почтовой таксы.

С.-Петербургъ, Невскій, 60. 3—3

ГОДЪ ВТОРОЙ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ **ГОДЪ ВТОРОЙ.**

двухнедѣльнаго журнала, посвященнаго общественной медицинѣ и гигіенѣ,

ОБЩЕСТВЕННО-САНИТАРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Приступая ко второму году изданія, мы будемъ держаться намѣченной программы и главной задачей ставимъ разработку практическихъ вопросовъ общественной гигіены въ широкомъ значеніи этого слова и будемъ слѣдить за дѣятельностью общественныхъ учрежденій въ этой области и за проявленіями въ ней общественной самодѣятельности, откликаться на запросы жизни въ сферѣ охраненія народнаго здравія, улучшенія санитарной обстановки народной жизни, организаціи врачебной помощи и общественнаго призрѣнія и стараться содѣйствовать правильному разрѣшенію возникающихъ въ этой сферѣ вопросовъ. Программа журнала: 1) правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ врачебно-санитарному дѣлу. 2) Руководящія статьи по вопросамъ общественной санитаріи и организаціи земской, городской и фабричной медицины. 3) Самостоятельныя и переводныя научныя статьи по общественной гигіенѣ (санитарныя условія жизни населенія, отхожихъ промысловъ, фабрикъ; питаніе населенія; школьная гигіена; общественное призрѣніе; эпидеміологія, эпизоотологія, статистика и т. д.). 4) Корреспонденціи, извѣстія и обзоры дѣятельности общественныхъ учрежденій по медицинѣ и гигіенѣ (земская, городская, фабричная медицина); дѣятельность частныхъ обществъ, касающаяся народнаго здравія и общественнаго призрѣнія и т. д. 5) Врачебно-бытовые вопросы. 6) Новости санитарной литературы. 7) Критика и библіографія. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

Въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1896 г. въ журналѣ были помѣщены: руководящія статьи о земской санитарной организаціи, о санитарныхъ врачахъ, о безплатности и доступности медицинской помощи, о пересмотрѣ т. XIII, о новомъ положеніи о порядкѣ открытія и содержанія фабрикъ, о борьбѣ съ проказой, о казенной продажѣ вина и пр., отчеты о II профессіональномъ съѣздѣ въ Москвѣ, о VI Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, о противудифтеритномъ съѣздѣ въ Казани, о съѣздахъ врачей Симбирской и С.-Петербургской губ., о постановленіяхъ Курскаго, Орловскаго, Бессарабскаго, Таврическаго, Петербургскаго и др. земскихъ собраній, о школьногигіенической выставкѣ въ Москвѣ и гигіенической въ Варшавѣ; напечатаны статьи **Щербакова** «опредѣленіе соды въ молокѣ»; **Вирениуса** «тѣлесное воспитаніе въ дошкольномъ періодѣ»; **Уварова** «о земской медицинѣ въ Елизаветградскомъ у.», «о С.-Петербургской городской организаціи»; «значеніе амбулаторіи въ организаціи народной медицины»; **Тезякова** «о медицинской помощи и санитарной организаціи въ городахъ Херсонской губ.»; «объ организаціи лѣчебнопродовольственныхъ пунктовъ для отхожихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ»; **Д. Никольскаго** «о популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній»; **Мажежикова** «общія основанія правильной организаціи общественнаго призрѣнія»; **Корчакъ-Чепурковскаго** «эпидеміологическіе вопросы въ системѣ изслѣдованія санитарнаго состоянія Россіи»; **П. Розанова** «смертность въ Ялтѣ» и «судьба санитарно-медицинской организаціи въ Таврической губ.»; **Касторскаго** «къ вопросу о безплатной врачебной помощи въ земскихъ амбулаторіяхъ»; **h.** «о пятачковомъ сборѣ»; **А. Герценштейна** «санитарное состояніе г. Тифлиса» и «народное здравіе и врачебная помощь въ Закавказьѣ»; **М. Зиборова** «чертежи и описаніе вентиляціонной печи и подвижнаго выгреба»; **Лялина** «объ огнеупорныхъ постройкахъ»; **Тхоржницкаго** «квартиры рабочихъ въ Варшавѣ»; **В. Н.** «лѣтнія дѣтскія колоніи»; **Додина** «вольная врачебная практика въ деревнѣ»; **Гиккеля** «посемейная запись больныхъ»; **К.** «наброски,—нужна-ли номенклатура болѣзней»; **Брусянина** «опредѣленіе спирта»; **К. Шидловскаго** «Кужерская стеклянная фабрика»; **Рашковичъ** «санитарное состояніе мѣстечекъ Бессарабской губ.»; **А. Лозинскаго** «общественная гигіена и медицинская помощь на рыбныхъ промыслахъ»; **У-скаго** «о дѣятельности медицинскаго персонала Донецкаго округа»; **Преображенскаго** «о постановкѣ оспопрививанія»; **Золотавина** «о чахоткѣ въ Осьминскомъ участкѣ»; **В-лаго** «о медицинской помощи на лѣсныхъ промыслахъ въ Новгородской губ.»; **Погожева** «музей фабричной гигіены»; «дѣйствующій порядокъ изданія обязательныхъ постановленій по фабричной санитаріи» и «о порядкѣ разрѣшенія фабричныхъ заведеній»; **Бѣлсусова** «объ обезвреживаніи городскихъ нечистотъ почвой»; проф. **Скворцова** «о совмѣстной организаціи взаимной помощи и благотворительности»; **Вирубова** «о санитарной организаціи на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ»; статьи по сифилису **Ефремова, Десятова. Клевезаля**; статьи по дифтериту и лѣченію сывороткой **Тезякова, Віолина, Николаева, Федорова, Гаврилова**; рефераты объ очисткѣ зерна отъ спорыньи, по сифилису и дифтериту, о фильтрахъ, о чистотѣ воды и почвы и т. д.

Ближайшее участіе въ дѣлахъ редакціи принимаютъ П. П. Брусянинъ, А. М. Левинъ, В. Ф. Пагорскій, Д. П. Никольскій, В. Ю. Скалонъ, К. П. Самецкій, М. С. Уваровъ и А. П. Ярцевъ. Статьи и корреспонденціи, за подписью автора и съ его адресомъ, доставляются въ редакцію по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 4-я линія, д. № 47, кв. № 4.

Цѣна журнала: въ годъ 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., подписка принимается въ конторѣ Редакціи при книжномъ складѣ А. М. Калмыковой: Литейный просп., д. № 60.

Редакторъ-Издатель Ив. Дмитріевъ.

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

НА

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Восточное Обозрѣніе» издается **ТРИ РАЗА** въ недѣлю.

Въ остальные дни выпускаются **бюллетени** Россійск. Телеграф. Агентства.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей. 4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ 1 р.; заграницу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ— 1 р- 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., заграницу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 к. на 1-й

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «Восточное Обозрѣніе».

Редакторъ-издатель И. И. ПОПОВЪ.

3—2

ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ ЛИСТОКЪ

(ТРИНАДЦАДЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ.

Подписная цѣна: на годъ . . . . . 6 руб. — к.
» полгода. . . . . 3 » 50 »
» мѣсяцъ. . . . . — » 75 »

ВЫХОДЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ.

Газета въ своей программѣ имѣетъ правительственныя извѣстія, телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агентства» и собственныхъ корреспондентовъ, городскую хронику и торговый отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются точныя цѣны на серосинъ, рыбу, соль, лѣсъ, хлѣбъ и проч. Торговые люди, имѣющіе торговыя сношенія съ Царицыномъ и Астраханью, всегда могутъ въ «В.-Д. Листкѣ» найти вѣрныя свѣдѣнія о партіномъ рынкѣ.

Адресоваться слѣдуетъ: Царицынъ-на-Волгѣ, въ редакцію газеты «Волжско Донской Листокъ»

3—2

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ДЕКАБРѢ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 40-й.

Авенаріусъ, В. Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Съ 8 портретами и видами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Акинфіевъ, И. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Систематика растеній Россіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Екатеринославъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Альбомъ видовъ Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1896. г. Ц. 25 к.

Альбомъ торжествъ священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Фототипіи. М. 1896 г. Ц. 7 р.

Алексѣевъ, В. Лучшія луковичныя и шишковатыя растенія для комнатной культуры. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Алтаевъ, А. Арлекинъ. Сборникъ занятій, игръ, пѣсенъ, разсказовъ, стихотвореній и шутокъ. Съ 100 р. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Андерсенъ, Г. Избранныя сказки въ пересказѣ для дѣтей О. И. Роговой. Съ 5-ю хромолитографіями Н. П. Каразина и 26-ю рис. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Армфельдъ, А. Общедоступныя бесѣды по скотоводству. Съ 38-ю рис. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Арсеньевъ, Ю. Путевой дневникъ отъ Нерчинска до Искина посланника въ Китай Николая Спаоарія 1676 г. Оренбургъ. 1865 г. Ц. 65 к.

Бабиковъ, А. На зарѣ. (Изъ воспоминаній Сережи Мухлинскаго). Съ 12-ю картинами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Балобанова, Е. Рейнскія легенды. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Бѣжецкій, А. Севильскій обольститель. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Перев. съ нѣм. Т. I. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Бѣлявскій, Н. Сберегательныя кассы. Соціально-экономическое значеніе сберегательныхъ кассъ, иностранное законодательство, историческій очеркъ и современная постановка сберегательнаго строя въ Россіи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Берингъ, д-ръ (проф.). Борьба съ заразными болѣзнями. Зараза и обеззараживаніе. Опытъ систематическаго изложенія ученія о заразныхъ веществахъ и обеззараживающихъ средствахъ. Перев. съ нѣм. д-ра М. Раскиной. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бернетъ, Ф. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Перев. подъ ред. Е. Сысоевой. Изд. 3-е. съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бертгольдтъ. Законъ о душеприказчикахъ (ст. 1084, т. X, ч. I, изд. 1887 г.) по кассаціоннымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената. Сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента. М. 1896 г. Ц. 3 р.

— Условныя завѣщательныя распоряженія и подназначеніе наслѣдника (субституція), ст. 1011, т. X., ч. I и примѣчаніе къ ней. Сборникъ кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Бертенсонъ, Л. О бальнеологическихъ средствахъ Россіи. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

— О необходимости обученія техниковъ поданію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Богородицкій, В. Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Вып. I. Казань. 1896 г. Ц. 45 к.

Бооль (фонъ), В. Приборы и машины для техническаго производства ариометическихъ дѣйствій. Описаніе и оцѣнка счетныхъ приборовъ и машинъ. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ботаническія записки, издаваемыя при Ботанич. садѣ Императорскаго Спб. университета проф. А. Бекетовымъ и проф. Хр. Гоби. Вып. VII. Тома V книга вторая. Съ 1-ю таблицей. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Булгаковъ, Ѳ. Альбомъ русской живописи. Картины и этюды академика Р. С. Судковскаго. Фототипическое изданіе. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Брандесъ, Г. Литературные портреты. Лассаль.—Зудерманнъ.—Гауптманъ.—Берне—Гейне и Аристофанъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 1. р. 35 к.

Булацель, И. 12 одноактныхъ пьесъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бузескулъ, В. (проф.). Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Бюхеръ, К. Происхожденіе газеты. Перев. съ нѣм. («Междун. Библіотека», № 46). Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Бюхеръ, К. (проф.). Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Ванченко, К. Малороссійскій театръ. Тарасъ Бульба подъ Дубномъ. Цыганы на Подоли. Хатерына. Видьма. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Васильевъ С. Театральная хроника. Сезонъ 1895—1896 гг. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, А. (проф.). Значеніе Н. И. Лобачевскаго для Императорскаго Казанскаго Университета. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.

Введенская, Е. Ради дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Вейнбергъ, П. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками. Е. М. Бемъ, И. И. Каразина, Ф. Мирбаха и С. С. Соломко. Спб. 1896 г. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 гг.), изданіе Г. В. Юдина. Вып. IX. Арсеній-Аскоченскій. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Вѣтринскій, Ч. Т. И. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Вешняковъ, В. Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Изд. 2-е. Часть I. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Вольни, Э. Физическія свойства почвы. Перев. съ франц. А. А. Вычихина. Одесса. 1896 г. Ц. 25 к.

Всеобщій календарь Гоппе на 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 30 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Вспомогательныя таблицы для опредѣленія платы за телеграммы и бандерольныя отправленія. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Галай, Левъ. Смѣхъ и слезы. Сборникъ пѣсенъ. Иркутскъ. 1896 г. Ц. 50 к.

Гейне. Книга пѣсенъ. Переводъ съ 51-го изданія А. Бергамаско. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гейсманъ, П., и Дубровской, А. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789 гг.). Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Съ портретомъ и 3 картами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гейссеръ, Л. Исторія французской революціи 1789—1799 гг. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Трачевскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Герра, К. Лирика любви. Лирическія стихотворенія. Часть II. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Герцль, Т. Еврейское государство. Опытъ новѣйшаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Перев. Бенъ-Зева. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Геттнеръ Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Англійская литература (1660—1770 гг.). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, пересмотр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грелль, М. Доходное плодоводство. Курсы промышленнаго плодоводства и огородничества. Съ 34 рис. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Гротъ, П. Физическая кристаллографія и введеніе къ изученію кристаллографическихъ свойствъ важнѣйшихъ соединеній. Перев. съ нѣмецк. А. И. Печаевъ. Съ 707 фигурами въ текстѣ и 3-мя хромолитографированными таблицами. Ч. II и III. Геометрическія свойства и методы изслѣдованія кристалловъ. Спб. 1897 г. Ц. за 3 тома 10 р.

Гуринъ, Г. Опасно ли мясо больныхъ животныхъ? М. 1896 г. Ц. 5 к.

Гурьевъ, А. Матеріалы для библіографіи русской экономической литературы по денежному вопросу. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Данилевичъ, В. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Диккенсъ, Ч. Сочиненія. Полное собраніе въ 10 томахъ. Съ портретомъ и біографіей Ч. Диккенса. Т. X. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ XV вѣкѣ. Историческій очеркъ. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Долганевъ, Е. Страна эѳіоповъ (Абиссинія). Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Дрезденская картинная галлерея. Текстъ Германа Люкс. Переводъ подъ ред. А. И. Сомова. Вып. II. Ц. по подпискѣ за 10 вып. 60 рубл. Допускается разсрочка.

Дружбинъ, П. И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ. Съ рис. Ф. Шехта, С. Животовскаго и др. Спб. 1896 т. Ц. 2 р.

Есиповичъ, Я. Итогъ жизни. Популярный біологическій очеркъ.—Смерть.—Что такое человѣкъ? — Нормальная человѣческая жизнь.—Современныя утопіи.—Распространеніе и осуществленіе идей добра, любви и милосердія.—Верховный законъ.—Послѣднее слово. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Желиховская, В. Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества. Изд. 2-е. Съ рисунк. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Журналъ юридическаго общества. Декабрь. 1896 г. Ц. 2 р.

Заводская книга чистокровныхъ и скаковыхъ лошадей въ Россіи. Т. IX. Составлено Ф. К. Дорожинскимъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 р.

Зандеръ. Конспектъ военной исторіи (повторительный военно-училищный курсъ). Изд. 2-е. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

За право и правду. (Женщина наканунѣ разсвѣта). Съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Затварницкій, П. Практическое наставленіе для гг. сельскихъ хозяевъ къ постановкѣ и веденію въ экономіяхъ правильнаго сельско-хозяйственнаго счетоводства по системѣ двойной бухгалтеріи. Смоленскъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Зацѣпина, А. Приключенія маленькаго Коли. Разсказъ для семилѣтокъ. Съ рис. С. В. Животовскаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова

Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 2-я. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Зининъ, М. (Сергѣй Шараповъ). Кружнымъ путемъ. Романъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ, Г. Тея. Драма въ одномъ дѣйствіи. Перев. съ нѣм. К. Дестомбъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Извѣстія Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Вып. 10-й. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 65 к.

Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исповѣдь тенора. 2 т. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Какъ я избавился отъ чахотки. Вѣрное и всѣмъ доступное средство. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Календарь для фельдшеровъ на 1897 г. Ц. 1 р. и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1897 г. Составилъ М. Кауфманъ. Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.

Календарь для фельдшеровъ на 1897 г. Ц. 1 р.

Календарь для юристовъ на 1897 г. Ц. 1 р.

Камбеседесъ, Ф. Теоретическій и практическій курсъ горнаго искусства. Вып. I. Изученіе мѣсторожденій. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карышевъ, Н. Экономическія бесѣды. Изд. 4-е. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Кауфманъ, А. Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 г. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Квитко-Основьяненко, Гр. Панъ Халявскій, 2 т. (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 70). Изд. 2-е. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Клинге, А. Косметическія средства. Прописи для приготовленія ихъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Ключъ къ первому курсу учебника нѣмецкаго языка. С. Чекала. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Ковалевскій, М. Происхожденіе современной демократіи. Т. III. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Кони, А. Судебныя рѣчи. 1868—1888 гг. Изд. 3-е. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Корейша, С. Сѣверо-американскія желѣзныя дороги. Изслѣдованіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки во время всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго въ 1893 году. Спб. 1896 г. Ц. 20 р.

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій технической словарь. Вып. XXX. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Корженевскій, Б. По востоку. Путевые очерки и картины. Съ 117 иллюстраціями. М. 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Décembre. Ц. 1 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ. Иллюстрированное изданіе. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Кругловъ, А. Полканъ Собакевичъ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Съ картинами. М. 1895 г. Ц. 1 р.

— Счастье. Повѣсть для юношества. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

— Картины русской жизни. Разсказы для юношества. Второе изд. дополн. Съ рисунк. Т. Никитина и Л. Бакста. Спб. 1896 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Кутузовъ, В. Лѣсотехническій словарь нѣмецко-русско-французскій и французско-русско-нѣмецкій. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Кузисъ, А, Сборникъ кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣламъ о взысканіи пожарныхъ убытковъ за 1867—1895 гг. М. 1896 г. Ц. 5 р.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. А. Тимоѳеевой. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Ланге, Г. Душевныя движенія. Психо-физіологическій этюдъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Левенецъ, К. Альбомъ узоровъ для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Левицкій, Н. Справочная книжка по тактикѣ. Изд. 14-е, исправленн. согласно съ новыми законоположеніями, подъ ред. Н. Орлова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. Среди причта. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Лобода, А. Русскій богатырскій эпосъ. Опытъ критико-библіографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2.

Ломанъ, Д. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій. Чтеніе для народа. Съ 49 рис. Изд. 4-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Лоранъ, Э. Тюремный міръ. (Типы и характеристики). Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.

Лухманова, Н. Дѣвочки. Воспоминанія изъ институтской жизни. Съ 10 рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Льюисъ, Г. Исторія философіи. Съ приложеніемъ статьи В. Д. Вольфсона. О жизни и ученіи Шопенгауэра и Гартмана. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Лялина, М. Мореплаватели: Головинъ, Коцебу, Невельской. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1897 г., Ц. 3 р.

Лященко, А. О моленіи Даніила Заточника. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Максимовъ, С. Ледяное царство и мертвая земля. Два чтенія для народа. Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 20 к.

Макферсонъ, Дж. Поэма Оссіана. Перев. и примѣч. Е. В. Балобановой. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Макшеевъ, А. Путешествія по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Манка, А. (проф.). Основы терапевтики и фармакологіи. Т. I. Спб. 1896. Ц. 4 р.

Маргеритъ, П. Новая жизнь (Avril). Переводъ П. Ильиной. Съ рисунк. М. 1896. Ц. 60 к.

* **Марлинскій, А.** Латникъ. Разсказъ партизанскаго офицера. Изд. 2-е. («Дешев. Библіотека» А. Суворина, № 75). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

Маслянниковъ, К. Дешевое деревенское и дачное водоснабженіе посредствомъ гидравлическаго тарана («Самокачки»). Съ 11 рис. Изд. 4-е, дополн. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. По новѣйшей американской системѣ Р. Розенталя. Изд. 3-е. Спб. 1897. Ц. 3 р. 40 к.

— Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Спб. 1896. Ц. 3 р.

— Образцовый самоучитель англійскаго языка. Спб. 1895. Ц. 4 р.

Миньонъ. Комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Музыка А. Тома. Либретто. Барье и Карре. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Мопасанъ, Гюи (де). Чудный другъ и другіе разсказы. Переводъ съ франц. Л. Никифорова. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М. 1897. Ц. 1 р.

Moule, L. Исторія ветеринарной медицины. Періодъ второй. Исторія ветеринарной медицины среднихъ вѣковъ. Часть I. Ветеринарная медицина арабовъ. Казань. 1896. Ц. 65 к.

Мельниковъ, Н. Матеріалы къ проекту при-Одесскаго оросительнаго и судоходнаго канала и канала водоноснаго. Съ планами. Одесса. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

— Составы для уничтоженія накипи въ паровыхъ котлахъ и описаніе предварительнаго очищенія воды для паровыхъ котловъ. Огнеупорныя эмали для предохраненія желѣза паров. котловъ отъ прогоранія. Съ табл. рисунковъ. Одесса. 1896. Ц. 1 р.

— Общій видъ Всероссійской XVI выставки въ Нижнемъ Новгородѣ 1896 г. Одесса. 1896. Ц. 50 к.

Менвилль-Феннъ. Живчикъ или мальчикъ на колесѣ безъ тормаза. Съ англійскаго. М. Гранстремъ. Съ 20 рис. Спб. 1897. Ц. въ переплетѣ 2 рубля.

Невельскій (адмиралъ). Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи 1849—55 гг. При-Амурскій и При-Уссурійскій край. Посмертныя записки. Изданіе второе, дополнено письмами Е. И. Невельской и пятью картами. Спб. 1897. Ц. 4 р.

Неврологическій Вѣстникъ. Подъ ред. проф. В. Бехтерева и проф. И. Попова. Т. IV, вып. 4. Казань. 1896. Ц. 2 р.

Некрасовъ, Вл. Практическое руководство къ искусству гримироваться. Съ 70 рис. Изд. 2-е. М. 1896. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. Лялька. (Изъ «сказокъ дѣйствительности»). М. 1896. Ц. 60 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. Рисунки В. А. Сѣрова. М. 1897. Ц. 85 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Святыя горы. Очерки и впечатлѣнія. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Нечаевъ, А. Чудеса безъ чудесъ. Маленькая физика въ приложеніи къ забавамъ. Съ 88 рис. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Новодумъ, Н., д-ръ. Новый международный языкъ. «Прометей-просвѣтитель». Вып. I. Кіевъ. 1896. Ц. 15 к.

Новый медицинскій календарь на 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Оба лучше. Комедія въ одномъ дѣйствіи. А. В-Р-Г-О. Сюжетъ заимствованъ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

«Образованіе». Педагогическій и научно-популярный журналъ, № 12. Ц. 60 к.

Орловъ, Н. Итальянцы въ Абиссиніи, 1870—1896 гг. (Стратегическій очеркъ). Съ рисунками, планами и картинами. Спб. 1896. Ц. 1 р.

О спеціальныхъ испытаніяхъ на званіе учителя и учительницы начальныхъ училищъ, правила и программы для испытаній на эти званія. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Остроумовъ, Н. Сарты. Этнографическіе матеріалы, изд. 2-е, дополнени. Съ портретами сартовъ. Ташкентъ. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ 21-й комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Паровыя машины. Руководство къ проектированію и изученію паровыхъ машинъ. Составлено студентами Технологическаго Института Императора Николая I, подъ редакціей адъюнктъ-проф. Г. Ф. Деппа. Вып. I. Спб. 1896. Ц. съ подпиской на 2-й томъ 6 р.

Пахарнаевъ, А. Краткій обзоръ свода законовъ Россійской имперіи и правила для употребленія его на практикѣ. Руководство для всѣхъ и каждаго. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Петровская, Е. Что мнѣ дѣлать, мама? Въ помощь матерямъ при выборѣ игръ, работъ и занятій съ малолѣтними дѣтьми. Съ 14 таблицами рисунковъ, нотами и отдѣльн. таблицей работъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Пѣтуховъ, Е. О нессимизмѣ И. С. Тургенева. Юрьевъ. 1897. Ц. 25 к.

Пинеро, Ар. Вторая жена. Пьеса въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ англ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Планы Спб. и Московскихъ Императорскихъ театровъ, зала Дворянскаго собранія и цирка Чинизелли. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Плоды ученія, гр. Л. Н. Толстого, двѣ книжки. Спб. 1896. Ц. 15 к.

Поэзія Надсона. М. М. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Позднякова, Н. Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. Съ рис. Т. Н. Никитина. Изд. 2-е. Спб. 1896. Ц. 2 р.

Поталенко, И. Горе-богатырь. М. 1897. Ц. 1 р.

Преображенскій, В. Преподобный Осодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). М. 1896. Ц. 1 р.

Прокофьевъ, А. Курсъ двойной бухгалтеріи. Изд. 6-е. М. 1896. Ц. 2 р.

Прутковъ, Кузьма. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, facsimile и біограф. свѣдѣніями. Изд. 5-е. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алепскимъ. Перев. съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ). Вып. I (отъ Алеппо до земли казаковъ). М. 1896. Ц. 1 р.

Пушкинъ, А. Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Оригинальные рисунки Я. Я. Вельзена. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к., на велен. бум. ц. 2 р.

Рашевскій, П. Перестройка и постройка мостиковъ на существующихъ жел. дорогахъ безъ устройства обходныхъ путей. Варшава. 1896. Ц. 75 к.

Рѣдинъ, Е. Мозаики равенскихъ церквей. Спб. 1896. Ц. 2 р.

Рейнботъ, П. Изслѣдованіе вопроса о предсказаніи погоды по атмосферному давленію, влажности, горизонтальному и вертикальному движенію воздуха и проч. Съ 24 рис. и табл. спектровъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Робэнъ, А. Руководство къ частной терапіи. Вып. II. Лѣченіе болѣзней почекъ. Перев. съ франц. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Рубнеръ, М., д-ръ. Учебникъ гигіены. Съ 273 рис. Спб. 1897. Ц. 6 р.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Харьковъ. 1896. Ц. 25 к.

«Русская Музыкальная Газета» за 1896 г. Ц. 3 р.

Русселэ, Л. Въ странѣ чудесъ. Изъ жизни и природы Индіи. Съ франц. М. Граистремъ. Съ 68 рис. Спб. 1896. Ц. 2 р.

* **Русскій календарь** Суворина на 1897 г. Къ календарю приложены: 1) портреты Ихъ Величествъ Государя Императора, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны; 2) 12 картъ свѣта и карта Россійскихъ дорогъ; 3) рисунки изъ коронаціонныхъ торжествъ. Ц. 1 руб., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Рытовъ, М. Руководство къ огородничеству. Вып. I. Съ 66 рисунками. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Савваитовъ, Н. Смертность домашнихъ животныхъ въ С.-Петербургѣ за пятилѣтіе 1886—1890 гг. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Саккетти, Л. Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контрапунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Саліасъ, Е. Собраніе сочиненій. Т. XX. Новая Сандрильона. М. 1896. Ц. 2 р.

Самборскій, С. Корова. Анатомическое строеніе тѣла рогатаго скота. Наружные признаки его, опредѣляющіе способность къ работѣ, откармливанію на мясо и молочность породы скота. Породы скота. Схемы сортировки мясныхъ тушъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Самойловичъ, В. Волшебныя сказки. Съ 5 хромолитографіями С. С. Соломко. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Самсонъ и Далила. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Музыка Сенъ-Санса. Либретто Варье и Карре. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Святитель Ѳеодосій углицкій, архіепископъ черниговскій. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 15 к.

«Сѣверный Вѣстникъ». № 12. Ц. 1 р. 20 к.

«Сельскій хозяинъ». № 7. Ц. 20 к.

Селивановъ, А. Что есть истина. Философскій очеркъ. Спб. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

Семеновъ, А. Царь и Царица въ гостяхъ у французовъ. Съ портр. Августѣйшей Семьи. Спб. 1897. Ц. 20 к.

Senator, Н., d-r. Болѣзни почекъ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Смирновъ, А. Вступительная лекція по богословію въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань. 1896. Ц. 15 к.

— Въ часы досуга. Очерки и разсказы для дѣтей. Изд. 2-е. Съ рисунками М. Михайлова. Спб. 1896. Ц. 2 р. 25 к.

Снѣжинскій, В. Замѣтки о подготовительныхъ работахъ по введенію казенной продажи питей. Спб. 1896. Ц. 65 к.

Соколова, М. Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ. Первое знакомство дѣтей съ наиболѣе полезными и наиболѣе вредными для человѣка животными. Спб. 1896. Ц. 75 к.

Соколовъ, Д. (протоіерей). Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской въ разсказахъ изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Изд. 6-е. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Спутникъ золотопромышленника. Уставъ о частной золотопромышленности, съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ золотопромышленности. Иркутскъ. 1896. Ц. 75 к.

Станюковичъ, К. Собраніе сочиненій, Т. I. Морскіе разсказы. Т. II. Морскіе разсказы. Т. III. Повѣсти и разсказы. Т. IV. Два брата. М. 1896. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Степановъ, П. Пищеварительные и прачешные очаги. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Стороженко, Олексы. Украинськи оповидання. У двоихъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Студентскій, М. Текущій счетъ и контокоррентъ. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Сумцовъ, Н. (проф.). Личные обереги отъ сглаза. Харьковъ. 1896. Ц. 20 к.

Соловьевъ, С. Викторъ Гюго и Диккенсъ, какъ проповѣдники гуманности и друзья дѣтей. Харьковъ. 1896. Ц. 20 к.

Сысоева, Е. Исторія маленькой дѣвочки. Изд. 3-е. Съ рис. Спб. 1896. Ц. 3 р. 50 к.

Сцены изъ жизни охотничьихъ животныхъ. Рисунки Вольфа, Фишера и Фризе. М. 1896. Ц. 15 р.

Тенишевъ, В. Позоръ цивилизаціи. По поводу турецкихъ дѣлъ. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Тришканъ, Ю. Девальвація. Кіевъ. 1896. Ц. 50 к.

Труды педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго общества. Вып. 3-й. Харьковъ. 1896. Ц. 1 р.

Утѣхинъ, Н. Сельско-хозяйственное счетоводство. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Ученыя кисеньки. Исторія о томъ, какъ кошки основали свое царство, и какъ оно распалось. Составилъ по лѣтописямъ и легендамъ Ѳедоръ Котъ-Мурлыка. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Фэдо. Научныя забавы. Явленія и опыты, основанные на обманѣ чувствъ: ослѣпія, обоняпія, вкуса, слуха и зрѣнія. Съ 128 рисунк. Перев. съ франц. Е. Предтеченскаго. Спб. 1896. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Фельдшерская фармакологія. Справочная книжка, съ приложеніемъ 300 фельдшерскихъ рецептовъ. Редакція и изданіе д-ра В. Окса. Изд. 2-е. Спб. 1896. Ц. 75 к.

Финдейзенъ, Н. Михаилъ Ивановичъ Глинка. Его жизнь и дѣятельность. Т. I. Ч. I. Вып. I, Спб. 1896. Ц. 1 р.

Царство растеній и царство минераловъ въ картинахъ. 270 изображеній для наглядпаго обученія, съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1896. Ц. 4 р.

Царь колоколъ. Иллюстрированный «Календарь-Альманахъ» на 1897 г. Ц. 60 к.

Циммерманъ, В. Разрывныя линіи въ варіаціонномъ исчисленіи. Опытъ изложенія началъ варіаціоннаго исчисленія въ связи съ условіемъ разрыва. Одесса. 1896. Ц. 2 р.

Чеховъ, А. Дуэль. Повѣсть. Изданіе шестое. Спб. 1897. Ц. 1 р.

— Пестрые разсказы. Изданіе девятое. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Шатріанъ, Э. Лѣсничій Фредерикъ. Воспоминанія одного француза о бѣдствіяхъ и страданіяхъ въ трагическіе дни присоединенія Эльзаса къ Пруссіи. Изд. 2-е. Спб. 1897. Ц. 40 к.

«Шахматный Журналъ». №№ 9 и 10. Ц. 1 р. 50 к.

Шахрай, Л. Маккавеи. Историческій этюдъ, для еврейскаго юношества. Изд. 2-е. Одесса. 1896. Ц. 15 к.

***Шекспиръ, В.** Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. А. М. Кронеберга. Изд. 3-е. («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина, № 53). Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 40 коп.

Шмелевъ, И. На скалахъ Валаама. (Путевые очерки). Съ рисунками. М. 1897. Ц. 80 к.

Шперкъ, Ѳ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Шреденъ, Р. Русскій огородъ. Питомникъ и плодовый садъ. Изд. 6-е. Съ 143 рисунк. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Штраухъ, Р. Куриное яйцо, какъ пищевой продуктъ, и сохраненіе яицъ въ прокъ по способамъ, испытаннымъ авторомъ. Спб 1896. Ц. 40 к.

Щепкинъ, А. Бояре стародубскіе. Историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Юридическій календарь М. Острогорскаго на 1897 г. Ц. 1 р.

Яковлевъ, М. Страхованіе жизни. Краткое руководство для вычисленія нетто-премій и резервовъ по страхованію жизни (капиталовъ и рентъ). Спб. 1896. Ц. 50 к.

Якубовичъ, К. Значеніе русской словесности въ системѣ реальнаго образованія. Кіевъ. 1896. Ц. 25 к.

Ясинскій, І. Ординарный профессоръ. Романъ. 1896. Ц. 1 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 23 декабря. 1896 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

если вѣрно то, что говорятъ, не знаю, впрочемъ, справедливо или несправедливо» [1]).

Вслѣдствіе вниманія, которое оказывается физической красотѣ, англійскіе скульпторы начинаютъ обращаться—вещь очень странная въ ту эпоху—къ живымъ моделямъ и лѣпятъ съ нагого тѣла. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ на берегахъ Хембра, въ аббатствѣ Мо, близь Бевергея, явилось зрѣлище, которое можно было ожидать встрѣтить скорѣе подъ благословеннымъ итальянскимъ небомъ, на берегахъ Арно: аббатъ Гюгъ Ливенъ заказалъ новое распятіе для монастырской церкви, и художникъ «имѣлъ постоянно передъ глазами обнаженнаго мужчину и старался придать Распятому красивыя формы модели» [2]). Наконецъ, еще одна послѣдняя черта, находящаяся въ связи съ другими: рядомъ съ красотой живыхъ существъ является забота о красотѣ неодушевленныхъ предметовъ, пейзажей, деревьевъ; въ 1350 году находятся представители коммунъ, которые жалуются на уничтоженіе высокихъ деревьевъ, растущихъ по близости домовъ, — тѣхъ высокихъ деревьевъ, которыя уже были милы англійскому сердцу,—и ставятъ на видъ парламенту «большой ущербъ, поврежденія и обнаженіе», которымъ подвергаются эти жилища [3]).

Нынѣшній англичанинъ обрисовывается въ общихъ чертахъ, во всѣхъ или почти во всѣхъ отношеніяхъ, еще въ царствованіе двухъ послѣднихъ принцевъ Анжуйскаго дома: онъ практиченъ, предпріимчивъ, свободенъ, неутомимый путешественникъ, богатый торговецъ и превосходный морякъ. Мы видѣли, каковъ онъ есть; послушаемъ теперь, что онъ говоритъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чосеръ.

Новый народъ имѣлъ своего поэта, Джоффрея Чосера. Сво-

[1]) *Le livre du chevalier de la Tour Landry pour l'enseignement de ses filles*, изд. Монтеглона, Парижъ, 1854, 12-я, стр. 46 и 98, написанная въ 1371 году.

[2]) «Et hominem nudum coram se stantem prospexit, secundum cujus formosam imaginem crucifixum ipsum aptius decoraret». *Chronica monasterii de Melsa*, ed. Bond, Rolls, 1868. t. III, p. 35. Гюгъ Ливенъ, заказавшій это распятіе, былъ аббатомъ съ 1339 до 1349. Томасъ Бёртонъ, авторъ хроники, писалъ ее въ концѣ четырнадцатаго вѣка.

[3]) Представители коммунъ заявляютъ, что такъ какъ королевскіе поставщики «вырубили и продолжаютъ рубить деревья, растущія вокругъ домовъ, то жители означенной коммуны просятъ, въ виду ущерба, поврежденія и обнаженія означенныхъ домовъ, чтобы король, ихъ повелитель, не велѣлъ впередъ рубить этихъ деревьевъ противъ воли хозяевъ тѣхъ домовъ».—Отвѣтъ: «Совѣтъ находитъ, что эта просьба разумна». Rolls of Parliament, 25 Ed. III, т. II, стр. 250.

имъ происхожденіемъ, воспитаніемъ, своими вкусами, образомъ жизни, также какъ и своими произведеніями, Чосеръ представляетъ собой новыя времена; онъ пишетъ ихъ съ натуры и самъ составляетъ частицу ихъ; его біографія характеристична не меньше его произведеній, потому что онъ не описываетъ ничего по слухамъ, или по предположенію; онъ самъ играетъ роль въ тѣхъ сценахъ, которыя разсказываетъ; онъ видитъ ихъ не въ мечтахъ, а на яву.

Исторія его есть сокращенная исторія націи: нація обогащается торговлей, и Чосеръ сынъ торговцевъ и ростетъ въ ихъ средѣ; она перестаетъ ѣздить учиться въ Парижъ, и Чосеръ не ѣдетъ туда; король его ведетъ войну съ Фландріей и Франціей, и Чосеръ слѣдуетъ за Эдуардомъ по военнымъ дорогамъ нашей страны; его нація оказываетъ все болѣе и болѣе довѣрія парламенту, и Чосеръ входитъ въ составъ его, въ качествѣ депутата отъ Кента; она интересуется красивыми вещами, и онъ любитъ искусства и желаетъ, чтобы они были роскошны и веселаго характера; Чосеръ дѣлается смотрителемъ королевскихъ дворцовъ и наблюдаетъ за ихъ украшеніями и содержаніемъ; все саксонское однообразіе и грустное настроеніе, послѣдовавшее за Гастингской битвой, забыто и изглажено, новая Англія умѣетъ смѣяться, умѣетъ и улыбаться; она *веселая Англія* (merry England) съ веселыми вспышками, Англія легендъ, жалобныхъ стиховъ и трогательныхъ дѣвъ, и эта смѣющаяся и улыбающаяся Англія цѣликомъ рисуется въ произведеніяхъ своего поэта.

I.

Жизнь Чосера наполняетъ тотъ періодъ, до котораго мы дошли, въ теченіе котораго англійскій народъ пріобрѣтаетъ свой окончательный характеръ; онъ родился въ царствованіе Эдуарда III, видѣлъ конецъ династіи Плантагенетовъ и умеръ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Генриха Ланкастерскаго. Въ это время Петрарка и Бокаччіо давно уже умерли; во Франціи не было ни одного замѣчательнаго поэта, и Чосеръ былъ, безъ сомнѣнія, величайшимъ изъ европейскихъ поэтовъ.

Семья его принадлежала къ торговой буржуазіи Сити. Отецъ его—Жанъ Чосеръ, дядя—Томасъ Хираунъ и еще нѣкоторые родственники, принадлежали къ корпораціи винныхъ торговцевъ. Жанъ Чосеръ былъ поставщикомъ двора и сопровождалъ Эдуарда III въ его первой экспедиціи на континентъ: это было поводомъ къ сношеніямъ съ королевской фамиліей, которыми было предназначено воспользоваться будущему поэту. Торговое заведеніе Чосера находилось въ Темезъ-стритѣ, улицѣ, которая существуетъ еще и до сихъ поръ, но уже застроена только новыми домами; тамъ

родился Джоффрей, должно быть, въ 1340 г. или немного раньше [1]).

Чосеръ провелъ свои дѣтскіе и юношескіе годы въ томъ Лондонѣ, который былъ почти совсѣмъ уничтоженъ сильнымъ пожаромъ въ 1666 году, въ томъ старомъ, а тогда еще молодомъ Лондонѣ, живописныя изображенія котораго сохранились до нашего времени въ миніатюрахъ рукописей. Отцовскій домъ стоялъ по близости рѣки и на самомъ берегу Вольбрукскаго ручья, теперь покрытаго, но который бѣжалъ тогда на волѣ, на открытомъ воздухѣ. По благородной рѣкѣ, воды которой были, можетъ быть, не такія голубыя, какъ ихъ рисуютъ миніатюристы, но которыя не были еще и той жидкой грязью, которую мы знаемъ теперь, медленно скользили суда, приплывшія изъ Средиземнаго и Балтійскаго морей, гонимыя морскимъ приливомъ. Многоэтажные дома съ остроконечными кровлями окаймляли воду, образуя въ нижнемъ этажѣ колоннады, служившія складами; подъ ними выгружались товары [2]). Знаменитый лондонскій мостъ, построенный въ царствованіе Іоанна Безземельнаго, почти новый тогда, такъ какъ переживалъ только второе столѣтіе и долженъ былъ простоять еще шесть вѣковъ съ своими многочисленными быками, острыми контрфорсами, домами, державшимися на немъ и часовней Св. Ѳомы, прорѣзывалъ линію горизонта и соединялъ Сити съ Саутваркскимъ предмѣстьемъ. По эту сторону шли опять дома, красивая готическая церковь [3]), существующая и до сихъ поръ множество гостинницъ—такъ какъ здѣсь былъ въѣздъ въ городъ сухимъ путемъ,—а при гостинницахъ всякаго рода увеселительныя мѣста, традиція которыхъ была такъ прочно установлена, что тамъ же построилась большая часть театровъ при Елизаветѣ и, между прочимъ, знаменитый *Globe*, въ которомъ ставили пьесы Шекспира. Весь правый берегъ Темзы, за исключеніемъ этого предмѣстья, представлялъ, вмѣсто теперешнихъ складовъ, чистое поле и зеленые луга, усѣянные деревьями. На лѣвомъ берегу, нѣ-

[1]) Рожденіе его долго приписывали ошибочно 1328 году. Главные документы относительно Чосера находятся въ приложеніи къ его біографіи, *Poetical works*, изд. *Morris*, I, стр. 93 и слѣд. и въ *Life records of Chaucer*, 1875 и слѣд и въ *Trial Forewords* de Furnivall, 1871 (Chaucer Soc.). Одинъ изъ муниципальныхъ приказовъ, съ цѣлью предупредить обманъ *vintners*, подписанъ многими членами корпораціи и въ томъ числѣ Жаномъ Чосеромъ, 1342. Riley, *Memorials of London*, стр. 211.

[2]) Роскошная миніатюра XV вѣка, представляетъ видъ столицы, взятый съ натуры, который даетъ возможность составить себѣ понятіе о Лондонѣ, отличавшемся очень мало отъ того, въ которомъ жилъ Чосеръ: Ms. Royal, 16 Fii, au British Museum; частичное воспроизведеніе этой миніатюры находится въ *English Wayfaring life*, стр. 35.

[3]) Sainte Mary Overy, гдѣ похороненъ Гоуеръ, другъ Чосера.

сколько ниже, высились стѣны лондонской башни; ближе къ серединѣ Сити господствовала надъ домами громадная масса церкви св. Павла. Тогда это былъ готическій соборъ, который Рэнъ замѣнилъ, послѣ большого пожара, зданіемъ въ стилѣ возрожденія, сохранившимся и въ настоящее время. Городъ былъ окруженъ стѣнами, нѣкоторыя части которыхъ уцѣлѣли; основаніе ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ римскаго происхожденія [1]). На нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга были пробиты ворота, защищенные бастіономъ, воспоминаніе о которыхъ сохранилось до насъ въ названіяхъ улицъ: Ольдгэтъ, Бишофсгэтъ и т. д.

Городъ, самъ по себѣ, населенный и дѣловой. Улицы, въ которыхъ прошло дѣтство Чосера, были узки и обрамлены домами съ выступающими этажами, вывѣсками, выдававшимися на мостовую, навѣсами «pentys», стѣснявшими проходъ, и всякаго рода препятствіями, противъ которыхъ тщетно ратовали многочисленныя муниципальныя постановленія. Головы всадниковъ цѣплялись за вывѣски, хотя и предписывалось ставить болѣе короткіе шесты; нравы были буйные, и ношеніе оружія было запрещено, но закону подчинялись одни только честные люди, а это значительно облегчало работу остальныхъ; чистота соблюдалась очень посредственная, по улицамъ бѣгали взадъ и впередъ свиньи; указъ Эдуарда I тщетно предписывалъ убивать ихъ всѣхъ, кромѣ принадлежащихъ больницѣ св. Антонія, которыхъ легко узнать по колокольчику, висѣвшему у нихъ на шеѣ: «А тотъ, кто хочетъ выкармливать свинью, пусть кормитъ ее у себя дома» [2]). Потомъ нравы сдѣлались такъ утонченны, что и это разрѣшеніе было современемъ уничтожено.

Джоффрей выросъ въ этомъ трудолюбивомъ городѣ, посреди моряковъ и торговцевъ, входя во вкусъ приключеній и исторій отдаленныхъ странъ, слушая разсказы отца о тѣхъ прелестныхъ вещахъ, которыя ему удавалось видѣть при дворѣ. Ставъ юношей, благодаря связямъ своей семьи, онъ попалъ семнадцати лѣтъ въ пажи къ Елизаветѣ, женѣ Ліонеля, сына Эдуарда III. И онъ, въ свою очередь, но уже не въ качествѣ торговца, имѣетъ доступъ ко двору и входитъ въ составъ его. Онъ одѣвается по модѣ и тратитъ семь шиллинговъ на плащъ, башмаки и красные съ черными панталоны [3]). Въ 1359 году онъ принимаетъ участіе въ

---

[1]) Башня на кладбищѣ Сентъ-Гейльсъ Криплъгэтъ, церковь, гдѣ погребенъ Мильтонъ.

[2]) Избіеніе поручено четыремъ присяжнымъ: «Quatuor homines electi et jurati ad capiendos et interficiendos porcos inventos vagantes infra muros civitatis». Riley, *Munimenta Gildhallae,* Londres (Rolls) 1859, 4 vol. 8°. Liber Albus, стр. 590.

[3]) Мы узнаемъ это изъ счетовъ двора Елизаветы, отрывокъ которыхъ уцѣлѣлъ. Это первый документъ, въ которомъ упоминается о поэтѣ.

походѣ во Францію, которымъ предводительствуетъ король; казалось, что эта экспедиція должна была быть смертельнымъ ударомъ нашей странѣ; она не оправилась еще отъ бѣдствія подъ Пуатье, мы только что пережили жакерію, парижскія смуты, измѣну и смерть Марселя; французскій король находился въ плѣну въ Лондонѣ, и во главѣ королевства стоялъ хилый, образованный, набожный, но неискусный въ военномъ дѣлѣ двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ. Казалось, нами оставалось только завладѣть; но на дѣлѣ еще разъ оправдались слова Фруассара: въ слабой груди дофина билось сердце доблестнаго гражданина, и на опытѣ оказалось, что королевство еще «не разбито наголову, что тамъ есть съ кѣмъ сражаться». Кампанія не была удачна ни для короля, ни для Чосера; англійскаго короля преслѣдуютъ неудача за неудачей: неудача въ Реймсѣ, неудача подъ Парижемъ, такъ что онъ былъ очень доволенъ, заключивъ миръ въ Бретиньи; Чосеръ взятъ въ плѣнъ французами [1]) и участь его была бы очень незавидна, еслибы король не далъ за него выкупа. Эдуардъ заплатилъ за пажа своей невѣстки шестнадцать фунтовъ. Каждая вещь имѣетъ свою цѣну; тотъ же самый принцъ далъ пятьдесятъ фунтовъ за лошадь, которая называлась Баіяромъ, и семьдесятъ фунтовъ за другую, сѣрую въ яблокахъ, которую звали Лебритъ.

По возвращеніи, Чосеръ былъ взятъ къ Эдуарду въ качествѣ камердинера, «valletus camerae regis»; это подлинно тотъ же самый титулъ, которому позже сдѣлалъ, въ свою очередь, честь Мольеръ. Обязанности его заключались въ томъ, чтобы приготовлять королевскую постель, держать факелы и возить письма. Немного позже, онъ былъ сдѣланъ оруженосцемъ, *armiger, scutifer,* въ качествѣ котораго служилъ королю за столомъ и сопровождалъ его въ путешествіяхъ [2]). Обязанности эти не поглощали, повидимому, всѣхъ его мыслей, потому что онъ находитъ время читать много книгъ, писать много стиховъ, безумно любить неизвѣстную особу, не отвѣчавшую на его страсть, и жениться на дѣвицѣ Филиппа, находящейся на службѣ у королевы, а потомъ у Констанціи, второй жены Жана Гондскаго, герцога Ланкастерскаго, не переставая впро-

---

[1]) Во время процесса Гросвеноръ-Скропа относительно гербовъ (1386) Чосеръ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, заявляетъ, что видѣлъ сэра Ричарда Скропа съ означенными спорными гербами «во Франціи, подъ городомъ Реттерсъ (Ретель, въ Шампаньи)... и все то время, пока Чосеръ не былъ взятъ». *The Scrope and Grosvenor Controversy,* Londres, 2 vol. fol. s. d., t. I, p. 178. Новая кампанія «in partibus Franciae». 1369.

[2]) Справиться въ *Life records of Chaucer; II, Chaucer as a valet and squire,* éd. Furnivall, *Chaucer Society,* 1876.

чемъ, потому что, какъ онъ насъ увѣряетъ, ему невозможно было поступить иначе, любить свою незнакомку [1]).

Онъ читаетъ, любитъ, пишетъ, онъ поэтъ. Мы не знаемъ, кого онъ любилъ, но намъ извѣстно, что именно онъ читалъ и писалъ въ это время. Читалъ онъ произведенія, которыя были въ модѣ въ той изящной средѣ, въ которой онъ жилъ: рыцарскіе романы, любовныя пѣсни, аллегорическіе романы, начиная Тристаномъ и Роландомъ и кончая Романомъ Розы (Roman de la Rose). Самые великіе поэты рѣдко заявляютъ свою самобытность раньше двадцатилѣтняго возраста, и Чосеръ не составилъ исключенія изъ общаго правила. Онъ подражаетъ произведеніямъ, которыя пользовались особенной благосклонностью окружающихъ его людей, а это были, особенно при королевскомъ дворѣ, французскія книги. Что бы ни произошло съ націей, а принцы остались французами; ихъ роднымъ языкомъ былъ нашъ языкъ; прекрасныя, богато иллюстрированныя книги, которыя они хранили для развлеченія въ дни скуки въ своемъ «покоѣ уединенія», были французскія книги, главной темой которыхъ была по большей части любовь. Съ этой точки зрѣнія, даже въ эту эпоху нѣтъ никакой разницы между сѣверомъ и югомъ. Въ 1388 году Фруассаръ живетъ въ Ортезѣ у монсеньора Гастона Фебюсъ-де-ла-Фуа, а въ 1394 при дворѣ Ричарда II. Для того, чтобы расположить къ себѣ, онъ прибѣгаетъ въ обоихъ случаяхъ къ совершенно одинаковымъ пріемамъ: оба лица одинаковаго званія, у обоихъ въ жизни одинъ и тотъ же идеалъ, оба пропитаны однѣми и тѣми же идеями и состоятъ представителями одинаковой цивилизаціи. Онъ убѣждается, что и тотъ, и другой говорятъ прекрасно по-французски; «Гастонъ говорилъ со мной не на своемъ испанскомъ нарѣчіи, а на прекрасномъ и правильномъ французскомъ языкѣ». Ричардъ также «очень хорошо говорилъ и читалъ по-французски». Историкъ имѣетъ къ обоимъ сильныя рекомендаціи, но онъ разсчитываетъ встрѣтить хорошій пріемъ, главнымъ образомъ, благодаря привезенному въ обоихъ случаяхъ одинаковому подарку, который состоялъ изъ французской рукописи, заключавшей въ себѣ любовныя стихотворенія; «графъ былъ очень доволенъ, увидѣвъ эту

---

[1]) Стихи Чосера въ *Book of the Duchesse* (въ 1369 г.) стихъ 30 и слѣд. не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно его несчастной страсти; срав.: стихи въ его *Compleynte unto pite*. Время вступленія его въ бракъ неизвѣстно. Извѣстно, что жену его звали Филиппа и что какая-то Филиппа Чосеръ принадлежала къ свитѣ королевы въ 1366 г. и что Филиппа Чосеръ, жена поэта, находилась въ 1374 г. на службѣ у герцогини Ланкастерской, находившись раньше при дворѣ королевы. Кажется вполнѣ вѣроятнымъ, что обѣ женщины составляли одно лицо (одинаковое имя, одинаковая должность и одинаковое вознагражденіе при дворѣ королевы, а именно 10 марокъ).

рукопись, и каждую ночь, послѣ ужина, я читалъ ему ее. Но во время чтенія никто не смѣлъ ни разговаривать, ни сказать ни одного слова, потому что желалъ, чтобы меня слышали». Тѣ же самыя предосторожности онъ принимаетъ и ѣдучи въ Англію, въ которой онъ не показывался въ теченіе четверти вѣка и гдѣ теперь никого не зналъ:

«И имѣлъ предусмотрительность велѣть написать, разрисовать и собрать всѣ любовные и нравственные трактаты, которые я въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ успѣлъ, благодаря Бога и амура, написать самостоятельно или въ извлеченіи». Онъ выжидаетъ удобнаго случая, и въ одинъ день, когда окончился совѣтъ по государственнымъ дѣламъ, «король пожелалъ видѣть привезенную мною книгу. И увидѣлъ ее въ своей спальнѣ, потому что она была на случай при мнѣ; я положилъ ее къ нему на кровать. Онъ раскрылъ книгу, посмотрѣлъ въ нее, и она очень сильно понравилась ему: да и должна была понравиться, потому что была разрисована, написана съ украшеніями и покрыта алымъ бархатомъ съ десятью серебряными вызолоченными гвоздиками, съ золотыми розами по срединѣ и съ двумя золочеными застежками богатой чеканки, украшенными золотыми розовыми листьями».

«Тогда король спросилъ меня, о чемъ она трактуетъ, а я отвѣчалъ ему: о любви!

«Онъ былъ очень обрадованъ этимъ отвѣтомъ, смотрѣлъ въ нее и читалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, потому что онъ весьма хорошо говорилъ и читалъ по-французски; а потомъ велѣлъ своему рыцарю, котораго назвалъ мессиромъ Ричардомъ Кредонъ, взять ее и отнести въ свой «покой уединенія», а меня угощалъ все лучше и лучше» [1]).

Чосеръ, задолго еще до этого путешествія знаменитаго лѣтописца, былъ знакомъ съ его поэтическими произведеніями и зналъ, какъ знали и всѣ окружающіе его всѣхъ своихъ французскихъ современниковъ: Дегельвиля, Машо, Дешана, а позже и Грансона [2]). Онъ воспѣваетъ, также какъ и они, любовь, весну и

---

[1]) Книга IV, гл. XL.

[2]) Фруассаръ объявляетъ по поводу своихъ стихотвореній (Ms. Fr. 831, въ Національной библіотекѣ), что онъ «началъ писать ихъ въ лѣто Божіею милостью 1362». Писалъ онъ ихъ «съ помощью Бога и амуровъ, къ удивленію и удовольствію многихъ высокихъ и благородныхъ вельможъ и многихъ благородныхъ и мужественныхъ дамъ». О Гильомѣ де-Дегильвиллѣ (написано около 1330—5) спр. въ Hill, *An ancient poem of G. de G. Londres* 1858; Чосеръ заимствовалъ у него азбуку, одно изъ первыхъ его произведеній. О Машо, умершемъ въ 1377 г. См. у Tarbé, *Oeuvres choisies*, Реймсъ и Парижъ 1849 г. 8-е, и у A. Thomas, *Romania*, X, стр. 325 и сл. (Папскія буллы, касающіяся ихъ, 1330, 1332, 1333 и 1335 г.). О Дешанѣ спр. *Oeuvres complètes* изданы съ рукописи Національной библіотеки, маркизомъ де-Ке де-С.-Илеръ, Па-

полевую маргаритку [1]); и прочелъ съ страстнымъ восторгомъ поэму, написанную въ прошедшемъ столѣтіи, которая была самой любимой изъ современной литературы и называлась: Романъ Розы (Roman de la Rose).

Эта поэма была въ то время въ апогеѣ своей славы, пережившей эпоху возрожденія. Недостатки ея, на современный взглядъ, содѣйствовали ея популярности столько же, сколько и достоинства; отступленія, разсужденія и нравоученія не внушали того ужаса, который вызываютъ въ настоящее время. Двадцать три тысячи нравоучительныхъ стиховъ, психологическаго анализа, отвлеченныхъ рѣчей, высказываемыхъ олицетворенными отвлеченностями, нисколько не утомляли молодого воображенія нашихъ предковъ. Форма поэмы аллегорическая: роза—молодая дѣвушка, которую ея возлюбленный хочетъ покорить; форма эта, попавшая потомъ въ немилость, приводила въ восхищеніе читателей четырнадцатаго вѣка, которымъ доставляло, кромѣ того, удовольствіе, разгадывать эти немудрыя загадки.

Церковь также много способствовала славѣ, выпавшей на долю аллегоріи; толкователи давно разъясняли Новый Завѣтъ Старымъ, представляя одинъ аллегоріей другого: происшествіе Іоны съ китомъ было аллегоріей воскресенія, бестіаріи были послѣдовательнымъ рядомъ аллегорій, гимны Пресвятой Богородицѣ — перечнемъ символовъ. Пріемы благочестивыхъ авторовъ были усвоены и свѣтскими писателями; любовь имѣла свою религію, свои аллегоріи и свои гимны, не говоря уже объ ея раѣ, адѣ и десяти заповѣдяхъ. Существовалъ цѣлый небесный дворъ олицетворен-

---

рижъ, *Société des anciens Textes*, 1878 и сл. Въ этой рукописи находится 1.175 балладъ, 171 рондо и 80 вирелэ (стихотвореніе съ повторяющимися послѣдними стихами) и А. Сарраденъ, *Étude sur Eustache des Champs*, Версаль, 1878, 8-е. О Грансонѣ, рыцарѣ-поэтѣ, убитомъ въ 1397 году на судебномъ поединкѣ, спр. у Пьяже, Granson et ses poésies (Romania, t. XIX). Чосеръ заимствовалъ свою *Compleynt of Venus*, произведеніе послѣдняго періода его творчества, у «Granson, flour of hem that make in France».

[1]) Любимый цвѣтокъ Чосера; онъ постоянно ее превозноситъ; для него это цвѣтокъ-женщина (спр. въ прологѣ *Legend of good Women*); ее такъ же очень любили во Франціи. Въ одной изъ балладъ Фруассара повторяется припѣвъ: Больше всѣхъ цвѣтовъ люблю я маргаритку.

Le Paradis d'amour.—Poésies, изд. Шелера, Брюссель, 1870, 3 т. 8°, т. I, стр. 49. Машо написалъ un *Dit de la Marguerite*:

J'aim une fleur qui s'uevre et qui s'encline
Vers le soleil, de jour quant il chemine;
Et quant il est couchiez soubz sa courtine
Par nuit obscure,
Elle se clost ainsois que le jour fine

Oeuvres, изд. Тарбе, 1849, стр. 123. Дешанъ воспѣваетъ также этотъ цвѣтокъ.

ныхъ отвлеченностей, состоявшій изъ тонкихъ и прозрачныхъ существъ, которыя благосклонно принимаютъ или отталкиваютъ возлюбленнаго въ саду Розы. Это была новая религія, неизвѣстная древнимъ,—религія женщины; Овидій оказывался уже неудовлетворительнымъ, не могъ служить образцомъ, не будучи преобразованъ; новому же культу необходимо было свое евангеліе, которымъ и былъ Романъ Розы [1]).

Несообразности книги не оскорбляли многочисленныхъ читателей; въ эту эпоху искусство было полно противоположностей, а жизнь противорѣчій, которыя были такъ обычны, что не обращали на себя ничьего вниманія: у входа храма молящіеся святые, а надъ ними уродливыя рожи маскароновъ. Гильомъ де-Лори построилъ паперть своего собора любви и размѣстилъ по нишамъ высокія, длинныя фигуры съ величественнымъ и благороднымъ видомъ. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ того, Жанъ де-Менъ началъ достроивать зданіе и не пощадилъ его отъ уродливыхъ, насмѣшливыхъ, безобразныхъ и непристойныхъ рожъ. Это послужило поводомъ къ безконечнымъ спорамъ: одни держали сторону Гильома, другіе Жана, одни отвергли романъ, а другіе, составлявшіе большинство, цѣликомъ одобряли его; распри эти увеличили еще больше славу произведенія, которое пріобрѣло такую популярность, что рукопись его сохранилась болѣе чѣмъ въ двухъ стахъ экземплярахъ [2]).

Мудрый біографъ мудраго короля Карла V—Христина Пизанская заявила громкій протестъ отъ имени оскорбленныхъ женщинъ: «Вы, имѣющіе прекрасныхъ дочерей, которыхъ желаете направить на путь честной жизни, вручите имъ Романъ Розы, чтобы научить ихъ отличать хорошее отъ дурного; что я говорю, скорѣе дурное отъ хорошаго! И какъ полезно слушателямъ узнать такія безобразія?» Авторъ «никогда не зналъ и не посѣщалъ достойныхъ уваженія и честныхъ женщинъ»; онъ зналъ только

---

[1]) Относительно источниковъ романа, спр. въ замѣчательномъ трудѣ Ланглуа: *Origines et sources du Roman de la Rose*, Парижъ, 1891, 8°. Г. Ланглуа отыскалъ изъ 17.500 стиховъ Жана де-Мёна, источникъ 12.000 стиховъ. Онъ готовитъ критическій обзоръ поэмы. Первая часть романа написана Гильомомъ де-Лорри около 1237 г.; вторая—Жаномъ де-Мёнъ около 1277 г.

[2]) Одна изъ этихъ, очень интересныхъ для насъ рукописей, принадлежала Ричарду Стюри, товарищу Чосера въ его дипломатическихъ миссіяхъ (infra, p. 286); потомъ была куплена герцогомъ Томасомъ Глостеромъ, сыномъ Эдуарда III. Она хранится въ *British Museum* (Ms. Royal, 19. B. XIII); въ ней находятся интересныя миніатюры, которыя показываютъ, въ какомъ видѣ представляли себѣ боговъ Олимпа и героевъ романа. «Богъ любви» изображенъ въ видѣ высокаго мужчины въ длинной туникѣ и въ плащѣ, съ короной на головѣ, лукомъ въ рукахъ и съ красными крыльями на спинѣ. Замѣтить на 16 л. «какъ богъ любви опечалилъ возлюбленнаго своихъ святыхъ».

женщинъ распущенныхъ и дурной жизни и судилъ по нимъ о другихъ [1]). Въ пятнадцатомъ вѣкѣ знаменитый Герсенъ сдѣлалъ честь роману, отвергнувъ его формальнымъ трактатомъ; но поэма была, тѣмъ не менѣе, переведена на итальянскій, фламандскій и англійскій языки, напечатана много разъ въ эпоху возрожденія, а затѣмъ обновлена и издана Маро.

Переводовъ на англійскій языкъ было нѣсколько, и одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ нашимъ молодымъ «valettus camerae regis». Этотъ переводъ Чосера потерянъ [2]), но мы знаемъ не только, что онъ существовалъ, но и то, что онъ пользовался большой извѣстностью; достоинства его были извѣстны во Франціи, и Дешанъ, посылая свои произведенія Чосеру, поздравлялъ [3]) его больше всего за то, что онъ «посадилъ розовый кустъ» на «островѣ исполиновъ».

«Ты богъ любви въ Альбіонѣ и Розу изъ ангельской земли на хорошій (правильный) англійскій языкъ перевелъ».

Въ вопросахъ, касающихся любви, Чосеръ дѣйствительно обладалъ авторитетомъ, который Дешанъ приписываетъ своему англійскому собрату. Мы знаемъ, что онъ писалъ въ это время множество любовныхъ поэмъ на французскій ладъ для себя, для другихъ, для развлеченья, для того, чтобы облегчить свое горе: «королевство полно ими» [4]). Большая часть ихъ погибла; но мы знаемъ изъ современныхъ намековъ, что онѣ были очень распространены, и отъ него самого, что онъ написалъ много гимновъ богу любви, тѣхъ гимновъ, которые «носятъ названія балладъ, рондо и вирелэ» [5]). Нѣкоторыя изъ поэмъ этого періода сохранились

---

[1]) *Débat sur le Rommant de la Rose*, Ms. Fr. 604 (B. N.), fol. 114 et 115.

[2]) Существуетъ неполный переводъ въ стихахъ на англійскій языкъ Романа Розы; на единственной рукописи, сохранившей намъ его (библіотека Глазго) нѣтъ имени его автора. Разборъ текста (Линднеръ и Калуза) показалъ, что онъ состоитъ изъ трехъ отрывковъ разнаго происхожденія, просодіи и разговоровъ. 1-й отрывокъ кончается на 1.705 стихѣ, на недосказанной фразѣ, 2-й отдѣленъ отъ 3-го пропускомъ 5.000 стиховъ. Одинъ только первый могъ бы принадлежать по своему стилю и просодіи Чосеру, но мы не имѣемъ на то никакихъ точныхъ указаній. Текстъ этого Romaunt'a есть въ *Poetical Works*, изд. Моррисъ, т. VI, и у Скита въ *Complete Works*, 1894, т. I.

[3]) Mais pran en gré les euvres d'escolier
Que par Clifforg de moy avoir pourras.

Въ глазахъ Дешана Чосеръ—Сократъ, Сенека, Овидій, «орелъ, парящій очень высоко». *Oeuvres complètes*, Парижъ, 1878 и сл., т. II, стр. 138.

[4]) The laude fulfylled is over all

Свидѣтельство поэта Гоуэра, друга Чосера, въ его Confessio Amantis.

[5]) Чосеръ говоритъ самъ, что онъ писалъ:

bokes, songes, dytees
In ryme, or elles in cadence;

все «in reverence of Love»; Haus of Fame, стихъ 622. Упоминается объ его гимнахъ любви, «many an ympne» въ *Legend of good Women*, стихъ 422.

до нашихъ временъ, и между ними его *Элегія жалости* [1]), грубый абрисъ сюжета, который былъ потомъ воспринятъ и усовершенствованъ [2]) Сиднеемъ, а также и его *Книга о Герцогинѣ*, написанная по случаю смерти Бланки Ланкастерской, жены Жана Гандскаго.

Событіе печально, но рамка восхитительна, потому что Чосеръ хочетъ воздвигнуть исчезнувшей герцогинѣ долговѣчный памятникъ, который сохранитъ о ней такое же изящное и граціозное, какъ сама она, воспоминаніе и въ которомъ портретъ ея, набросанный дружеской рукой, будетъ напоминать о прелестяхъ красоты, которую «каждое утро обновляло». Описанія отличаются уже свѣжестью, съ которой не могутъ сравниться современники, въ нихъ видно стремленіе къ истинѣ и даръ наблюдательности, которые не часто встрѣчаются въ безчисленныхъ поэмахъ, облеченныхъ въ форму сновъ и оставленныхъ намъ литературой четырнадцаго вѣка.

Терзаемый своими мыслями и лишенный сна, поэтъ велитъ принести себѣ книгу, чтобы скоротать ночь, одну изъ тѣхъ книгъ, которыя онъ любилъ въ теченіе всей жизни, «въ которыхъ старинные клерки» разсказывали въ риемахъ исторіи старыхъ временъ. Какъ ни была интересна исторія, она усыпляетъ его, и ему кажется, что наступило утро; на ясномъ небѣ встаетъ солнце; птицы щебечутъ на черепицахъ кровли, свѣтъ заливаетъ комнату, расписанную во вкусѣ Плантагенетовъ. На стѣнахъ изображенъ Романъ Розы, росписныя стекла оконъ представляютъ глазамъ исторію Трои; разноцвѣтные лучи падаютъ на кровать; на улицѣ «небо такъ прекрасно, такое блестящее и голубое»!

---

[1]) Текстъ въ *Chaucer*, *The minor poems*, изд. Скитъ, Оксфордъ, 1888, 8°.

[2]) Pite, that I have sought so yore ago
With herte sore, and ful of besy peyne...

Онъ думаетъ, что встрѣтилъ ее наконецъ:

But er I might with any worde out—breke,
Or tellen any of my peynes smerte,
I fond hir deed, and buried in an herte.

The Compleynte unto Pité; Skeat, *Minor Poems*, p. 8. Ср. знаменитая *Dirge* Сиднея:

Ring out your bells, let mourning shewes be spread,
For Love is dead
All Love is dead, infected
With plague of deep disdain.

Слава Чосера послужила поводомъ къ тому, что ему приписывали множество апокрифическихъ произведеній, главными изъ которыхъ были: *The Court of Love*,—*The book of Cupid* (alias: *Cuckoo and Nightingale*),—*Flower and Leaf*.—*Romaunt of the Rose* (по крайней мѣрѣ имѣющійся у насъ смѣшанный текстъ),—*Complaint of Lover's Life*.—*Testament of Love* (въ прозѣ, *infra*, p. 541).—*The Isle of Ladies* или *Chaucer's Dream*,- *Различныя баллады*.— Большая часть находится въ изданіи Морриса Poetical Works.

Мимо ѣдетъ охота; это охота императора Октавіана; молодой человѣкъ вскакиваетъ верхомъ на лошадь и ѣдетъ вслѣдъ за нимъ подъ сѣнью тѣхъ высокихъ деревьевъ, «съ безчисленнымъ множествомъ листьевъ», которыя такъ любятъ англичане, по лугамъ, которые «веселѣе неба и усѣяны цвѣтами гуще, чѣмъ небо звѣздами». Подходитъ маленькая собачка; движенія ея наблюдаемы и переданы съ вѣрностью, которой могли бы позавидовать наши художники, рисующіе животныхъ; собака хотѣла бы встрѣтить хорошій пріемъ и боится быть побитой, она приближается ползкомъ и вдругъ убѣгаетъ: «Она шла ко мнѣ, какъ бы зная меня, подвигалась, низко припадая на лапки, нагнувъ голову къ самой землѣ, сдвинувъ близко уши и опустивъ шерсть; я уже хотѣлъ взять ее, но она вдругъ встрепенулась и убѣжала далеко» [1]).

Въ сторонѣ, на полянкѣ, стоитъ рыцарь въ черной одеждѣ—Жанъ Ланкастерскій; Чосеръ не пытается утѣшать его; онъ знаетъ, въ чемъ заключается единственное утѣшеніе въ такого рода горѣ, и заставляетъ его говорить объ умершей. Жанъ вспоминаетъ ея прелесть и кротость и превозноситъ ея качества, которыя переносятъ насъ въ далекія времена. Она не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя, желая испытать своихъ возлюбленныхъ, посылаютъ ихъ «въ Валахію, Пруссію, Татарію, Египетъ или Турцію... Она не прибѣгала къ такому мелочному кокетству [2])». По этому мелочному кокетству можно судить объ остальномъ. Они долго разсуждаютъ такимъ образомъ; башенные часы бьютъ двѣнадцать, и поэтъ просыпается; голова его покоится на усыпившей его книгѣ.

II.

Лѣтомъ 1370 года Чосеръ оставляетъ Лондонъ и отправляется по порученію короля на континентъ; это было его первое дипломатическое порученіе, которыя слѣдовали затѣмъ очень быстро одно за другимъ въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ. Средніе вѣка не различали строго оттѣнковъ; оттѣнокъ, отличающій посланника отъ вѣстника, считался не имѣющимъ значенія и ускользалъ отъ вниманія; обѣ должности сливались вмѣстѣ. «Вы,—го-

---

[1]) Hit com and creep to me as lowe,
Right as hit hadde me y—knowe,
Hild doun his heed and joyned his eres,
And leyde al smothe doun his heres.
I wolde han caught hit, and anoon
Hit fledde and was fro me goon.
Book of the Duchesse, стихъ 391.

[2]) She ne used no suche knakkes smale.
Book of the Duchesse, стихъ 1033.

воритъ Евстахій Дешанъ,—вы посланникъ и вѣстникъ, который ѣздитъ по свѣту и хлопочетъ при дворахъ великихъ принцевъ, путь вашъ не коротокъ!.. Ваше дѣло, для того, чтобы получить прямой отвѣтъ, должно быть представлено въ совѣтъ; подождите еще, другъ мой!.. Время проходитъ, и все дѣлается наоборотъ» [1]).

Для исполненія этихъ смѣшанныхъ обязанностей часто прибѣгали къ ученымъ, и ихъ исполняли самые знаменитые писатели того вѣка: Боккачіо въ Италіи, Чосеръ въ Англіи и Дешанъ во Франціи. Послѣдній, карьера котораго сходна во многомъ съ карьерой Чосера, нарисовалъ самую жалкую картину жизни, которую приходилось вести «посланнику и вѣстнику» по большимъ дорогамъ Европы. Богемія, Польша и Венгрія—вотъ страны, которыя его заставляли посѣщать обязанности королевской службы. Лошадь его еле-жива и «припадаетъ на колѣни; жители на столько неучтивы, что говорятъ только на своемъ языкѣ, такъ что нельзя даже заказать себѣ обѣда; приходится ѣсть то, что даютъ: непріятно ѣсть по чужому вкусу».

Спать еще хуже: «Каждый спитъ не отдѣльно, а подвое въ темной комнатѣ, а еще чаще и втроемъ, какъ придется, на одной постели». Это представляетъ случай пожалѣть о милой Франціи, гдѣ живется такъ хорошо: «Гдѣ каждый можетъ требовать, за свои деньги и за благоразумную цѣну, все, что хочетъ: комнату для себя одного, огня, отдыха, покоя, постель, чистыя подушки и простыни съ запахомъ зерна» [2]).

На счастье Чосера, ему приходится вести переговоры по порученіямъ Эдуарда III и Ричарда во Фландріи, Франціи и въ Италіи. Въ декабрѣ 1372 года онъ проѣзжаетъ всю Францію и ѣдетъ въ Геную улаживать съ дожемъ коммерческія дѣла, потомъ отправляется во Флоренцію и, проведя цѣлую зиму вдали отъ лондонскихъ тумановъ (они существовали уже въ средніе вѣка), возвращается въ Англію лѣтомъ 1373 года. Въ 1376 г. ему дается новое порученіе, но на этотъ разъ секретное; тайна его сохранилась свято и до настоящаго времени; въ 1377 и 1378 г. опять новыя миссіи. «Въ Троицынъ день» 1376 г., говоритъ Фруассаръ, скончался цвѣтъ англійскаго рыцарства, мессиръ Эдуардъ Англійскій, принцъ Валлійскій и Аквитанскій, въ Вестмутьерскомъ лондонскомъ дворцѣ, и былъ набальзамированъ и положенъ въ свинцовый гробъ; «послѣ похоронъ англійскій король заставилъ своихъ дѣтей признать ...что быть послѣ его кончины, быть королемъ молодому Ричарду». Онъ посылаетъ своихъ уполномоченныхъ въ Брюгге для переговоровъ на счетъ женитьбы своего

---

[1]) Сарраденъ, Études sur Des Champs, Версаль, 1878, 8°, стр. 65.

[2]) Сарраденъ, ibid., стр. 66 и 68.

наслѣдника, которому было тогда десять лѣтъ, на «госпожѣ Маріи, дочери французскаго короля»; въ февралѣ съ той и съ другой стороны назначаются новые посланники: «Около начала поста между королями былъ составленъ тайный договоръ съѣхаться въ Монтрейлѣ на Марѣ. Куда и были посланы изъ Калэ со стороны англичанъ мессиръ Гишаръ д'Англь, Ричардъ Стёри и Джоффрей Чоссръ [1]). Переговоры имѣли неудачный исходъ, но, тѣмъ не менѣе, заслуги поэта были, повидимому, оцѣнены, потому что черезъ годъ онъ отправляется снова въ путь; онъ ведетъ переговоры во Франціи, вмѣстѣ съ тѣмъ же сэромъ Гишаромъ, сдѣлавшимся тѣмъ временемъ графомъ Хентингдонскимъ, а потомъ въ Италіи [2]), гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ своимъ соотечественникомъ Хаквудомъ, который велъ очень пріятную жизнь кондотьера, состоявшаго на службѣ у папы и готоваго служить любой республикѣ, лишь бы она хорошо платила [3]). Эти путешествія въ Италію оказали значительное вліяніе на умъ Чосера. Въ этой привиллегированной странѣ начиналась уже эпоха возрожденія. Италія имѣла въ этомъ вѣкѣ трехъ величайшихъ поэтовъ: тотъ, котораго Виргилій «свелъ къ проклятому племени», умеръ уже, но двое другихъ, Петрарка и Боккачіо, были еще живы, уединившись въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ суждено было угаснуть: одинъ—въ Арка близь Падуи, а другой въ маленькой укрѣпленной деревенькѣ Чертальдо, неподалеку отъ Флоренціи.

Въ области искусствъ это былъ вѣкъ Джіотто, Орканья и Андреа Пизанскаго. Чосеръ видѣлъ совсѣмъ свѣжими яркіе цвѣта красокъ на тѣхъ фрескахъ, которыя полиняли потомъ отъ времени; всѣ эти старыя вещи были тогда очень молоды, и то, что мы принимаемъ за первые шаги неувѣреннаго въ себѣ искусства, казалось современникамъ высшимъ усиліемъ смѣлыхъ людей, которые изображали будущее и новыя времена.

---

[1]) Книга I, гл. 692.

[2]) Онъ оставилъ въ Лондонѣ въ этотъ отъѣздъ двухъ довѣренныхъ, одинъ изъ которыхъ былъ его соперникомъ въ поэзіи и другомъ, а именно Джонъ Гауеръ; текстъ довѣренности находится въ *Poetical Works*, изд. Морриса, т. I, стр. 99.

[3]) Эдуарду Бекерлею и Чосеру было поручено отправиться въ Ломбардію и вступить въ переговоры съ владѣльцемъ Милана (Барнабо Висконти) и съ Джономъ Хаквудомъ: «Edvardo de Berkele militi, misso in nuncium regis versus partes Lumbardie, tam ad dominum de Melan quam ad Johannem Hawkewode pro certis negotiis expeditionem guerre regis tangetibus... Galfrido Chaucer misso in comitiva ejusdem Edwardi ad easdem partes in nuncio regis predicti...» Затѣмъ слѣдуетъ плата ихъ жалованья. *Issue Roll*, Easter, 1 Ric. II, 1378. *Poetical Works of Chaucer*, изд. Морриса, *Life*, par sir Harris Nicolas, I, p. 99. Приказъ объ уплатѣ (на французскомъ языкѣ 14 мая 1378) былъ изданъ г. Спонтъ, *Athenaeum* 9 сентября 1893.

Собственное свидѣтельство Чосера ручается намъ въ томъ, что онъ видѣлъ, слышалъ и научился наивозможно большему количеству вещей; что онъ заходилъ на сколько могъ дальше впередъ, руководимый «случайностью, матерью всего новаго». Онъ пріѣзжалъ безъ всякой предвзятой мысли, интересуясь тѣмъ, что занимало умы, всматриваясь во все такъ же внимательно, какъ стоя на порогѣ своего дома славы: «Такъ какъ нужно вамъ сказать, что тотъ, кто вызвалъ меня сюда, увѣрилъ, что я буду имѣть возможность видѣть и слышать удивительныя вещи» [1]). Онъ убѣдился такимъ образомъ въ замѣчательной дѣятельности, которая покрывала въ то время Италію памятниками, въ которыхъ виднѣлась смѣсь всякаго рода противорѣчивыхъ стремленій, сливавшихся въ гармонію; типомъ этихъ памятниковъ можетъ служить колоколенка Джіотто, въ которой смотря на средніе вѣка, предвидишь возрожденіе и въ которой, окна стрѣльчатыя, а общій видъ классическій; стремленіе къ реализму и обыденной жизни сливается съ поклоненіемъ древнему искусству, и Апеллесъ изображенъ рисующимъ стрѣльчатый трехстворчатый складень. Въ эту эпоху Пиза имѣла уже свою наклоненную башню, соборъ, баптистерій, на которомъ были перемѣнены наружныя украшенія, и свой *Campo Santo*, живопись котораго не была окончена и не приписывалась еще Орканья. Онъ могъ осмотрѣть вдоль стѣнъ кладбища ту первую коллекцію античныхъ статуй, которая вдохновляла тосканскихъ художниковъ, и саркофагъ съ исторіей Федры и Ипполита, служившій моделью Гильому Пизанскому, съ великолѣпнымъ торсомъ обнаженной женщины — подражаніе древнему искусству. Во Флоренціи былъ оконченъ старый дворецъ, не носившій въ то время этого названія, а также Баржелло, церковь Santa-Croce и Santa-Maria Novella. Or-San Michele еще строился, ложа ланскнетовъ была только что начата, баптистерій имѣлъ еще только одну изъ своихъ знаменитыхъ бронзовыхъ дверей; соборъ исчезалъ посреди лѣсовъ; шла постройка главнаго придѣла и абсида; колоколенку Джіотто достроилъ его ученикъ Гадди; онъ же перестраивалъ и Понто-Веккіо, который, такъ же какъ и дворецъ, не оправдывалъ этого названія; по улицѣ, служившей продолже-

[1]) Hous of Fame:

...Aventure
That is the moder of tydinges... (стихъ 1982)
— For certeynly, he that me made
To comen hider, seyde me,
I shulde bothe here et see,
In this place wonder thinges... (стихъ 1890)
For yit paraventure, I may lere
Som good theron, or sumwhat here
That leef me were, or that I wente (стихъ 1997).

ніемъ его, шелъ подъемъ посреди кущей кипарисовъ и оливковыхъ деревьевъ на Санъ-Миніато, сверкавшее своимъ мраморомъ, мозаиками и живописью. На другихъ холмахъ, усѣянныхъ кипарисными и оливковыми деревьями, рядомъ съ римскими развалинами, высилась церковь Фьезолэ, а на пол-пути къ Флоренціи покачивались на солнцѣ тѣнистыя деревья той виллы, въ которой уединились, во время большой чумы, вельможи и дамы Декамерона.

Все находилось въ движеніи; каждый городъ соперничалъ съ сосѣдомъ, не только на полѣ битвы, которое бывало чаще другихъ мѣстомъ свиданій, но и въ художественно-поступательномъ движеніи; во всѣхъ городахъ, во всѣхъ дворцахъ и церквахъ сверкала живопись, мозаика и чеканная работа: вездѣ кипѣла дѣятельность; Джіотто, имѣвшій свою мастерскую, свою «botega» во Флоренціи, рисовалъ также въ Ассизѣ, Римѣ и въ Падуѣ. Сіенна покрывала стѣны своего дворца фресками, нѣкоторыя фигуры которыхъ напоминаютъ помпейскую [1]) живопись. Античная статуя, найденная въ ея владѣніяхъ, возбуждала всемірное восторженное удивленіе; по распоряженію муниципалитета, она была поставлена у фонтана Гайа; но средніе вѣка не теряли своего права, и когда республику постигли неудачи, статуя попала въ немилость, и богъ обратился въ простого идола; мраморъ былъ разбитъ [2]) и зарытъ измѣнническ на территоріи Флоренціи.

Начиналъ развиваться вкусъ къ коллекціямъ, на сѣверѣ Италіи процвѣтала торговля древностями. Петрарка покупаетъ медали и считаетъ въ числѣ своихъ художественныхъ сокровищъ мадонну Джіотто, «красота которой, — говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи,—ускользала отъ невѣждъ и поражала знатоковъ искусства» [3]).

Этотъ расцвѣтъ искусствъ служилъ извѣстнымъ цѣлямъ, города наслаждались своими художественными произведеніями, какъ молодыя женщины «любуются въ зеркалѣ своей красотой». Современники не оставляли потомству заботы увѣнчивать великихъ современныхъ поэтовъ; Италія—мать искусства — хотѣла, чтобы лавры вѣнчали чело живыхъ, а не служили только надгробнымъ украшеніемъ; Римъ увѣнчалъ въ 1341 г. того, кто, «очистивъ фонтанъ Геликона отъ ила и болотнаго тростника, возвратилъ водѣ ея прежнюю прозрачность и кто открылъ Кастальскій гротъ,

---

[1]) Фигура «Мира» Амброджіо Лоренцетти, 1339; рисунокъ у Мюнца въ Предвѣстникахъ Возрожденія. Парижъ 1882, 4°, стр. 29.

[2]) Въ 1357, Мюнтцъ, les Précurseurs de la Renaissance, стр. 30.

[3]) Cujus pulchritudinem ignorantes non intelligunt, magistri autem artis stupent. *Petrarcae Epistolae,* Fracassetti, III, 541.

заросшій дикими кустарниками, и очистилъ оливковую рощицу отъ бурьяна»,—знаменитаго Франческо Петрарка [1]).

Не менѣе блестящая, хотя нѣсколько и запоздалая честь отдается и Данту: во Флоренціи были учреждены публичныя лекціи, посвященныя *Божественной комедіи*, и читалъ ихъ Боккачіо [2]).

Такой общій расцвѣтъ не могъ не поразить ума, преданнаго съ дѣтства искусствамъ и книгамъ; Чосеръ долженъ былъ проникнуться прелестью этой литературной весны. Онъ слѣдовалъ движенію, которое вполнѣ соотвѣтствовало его вкусамъ и доказательства этому—на лицо. До своихъ путешествій онъ не былъ знакомъ съ итальянской литературой; теперь же, онъ знаетъ итальянскій языкъ и прочелъ всѣхъ великихъ классиковъ Тосканы: Боккачіо, Петрарка и Данта; воспоминанія объ ихъ произведеніяхъ тревожатъ его память. Онъ не считалъ уже своимъ литературнымъ идеаломъ Романъ Розы. Онъ зналъ древнихъ классиковъ и раньше своихъ поѣздокъ, но тонъ, которымъ онъ говоритъ, теперь измѣнился; теперь онъ говоритъ съ благоговѣніемъ, что нужно «цѣловать слѣды ихъ ногъ». Онъ выражается о нихъ такъ же, какъ Петрарка; сходство такъ сильно, что кажется, будто въ его стихахъ слышится отголосокъ тѣхъ бесѣдъ, которыя они, вѣроятно, вели между собой въ Падуѣ, въ 1373 г. [3]).

---

[1]) Письмо Боккачіо «celeberrimi nominis militi Jacopo Pizzinghe». Corazzini. Le lettere edite ed inedite di Giov. Boccaccio, Florence, 1877, 8°, p. 195.

[2]) Чосеръ не могъ слушать Боккачіо, который началъ свои лекціи въ воскресенье, 23 октября 1373 года. Чосеръ вернулся въ Лондонъ лѣтомъ. Болѣзнь (вѣроятно, сахарное изнуреніе) заставила вскорѣ Боккачіо прервать эти лекціи. H. Cochin, Revue des Deux-Mondes, 15 juillet 1888.

[3]) Встрѣча эта, о которой разсуждали безъ конца, кажется очень вѣроятной. «Я разскажу вамъ,—говоритъ оксфордскій клеркъ въ *Кентерберійскихъ сказкахъ*,—исторію, которую я узналъ въ Падуѣ отъ одного благороднаго ученаго... теперь уже умершаго... Имя этого ученаго, поэта лауерата, нѣжное краснорѣчіе котораго освѣтило всю Италію поэзіей, было Франческо Петрарка... Я слышалъ отъ него исторію, которую хочу вамъ передать». Эта ссылка на Петрарка сдѣлана совсѣмъ не въ обычныхъ выраженіяхъ; обыкновенно же, Чосеръ, какъ и всѣ его современники, дѣлаетъ ссылку на авторитеты, упоминая «ихъ книгу»; кажется, что онъ хотѣлъ здѣсь освятить воспоминаніе о личныхъ сношеніяхъ. Кромѣ того, во время извѣстнаго уже путешествія англійскаго поэта на континентъ, Петрарка былъ не въ Арка, какъ говорятъ, а въ Падуѣ, какъ утверждаетъ Чосеръ и занимался переводомъ съ итальянскаго на латинскій языкъ исторіи Боккачіо—именно Griséldis, которую Чосеръ заставляетъ разсказывать своего оксфордскаго клерка. Достовѣрность свидѣтельства Чосера доказана различными способами и, между прочимъ, балладой, которую ему посвящаетъ Дешанъ (supra, p. 241) и подражаніемъ Фруассара одному мѣсту изъ *Book of the Duchesse*:

I have gret wonder, by this lighte
How that I live, for day ne nighte
I may nat slepe, etc.

Въ промежуткахъ между своими поѣздками, Чосеръ возвращался въ Лондонъ, гдѣ на него были возложены административныя должности. Съ 1374 г. онъ былъ, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, таможеннымъ контролеромъ и, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ, долженъ былъ, въ силу данной присяги, писать своей рукой счеты и составлять реестръ сборовъ [1]). Нужно заглянуть въ Record Office, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ трудѣ, на связки огромныхъ листовъ пергамента, на которыхъ писались эти реестры. Присутствуя лично при взвѣшиваніи и провѣркѣ, товаровъ, Чосеръ вписывалъ имя владѣльца, качество и количество товаровъ, обложенныхъ пошлиной, и сумму, которую слѣдовало получить за нихъ [2]). Контрабандисты облагались штрафомъ; Джонъ Кентъ изъ Лондона пытался отправить въ Дортрехтъ контрабандой шерсть, и Чосеръ открылъ обманъ, шерсть была конфискована и продана, а Чосеръ получилъ семьдесять одинъ фунтъ, четыре шиллинга и шесть пенсовъ изъ суммы, вырученной за конфискованный товаръ.

Чосеръ жилъ тогда въ одной изъ башенъ, защищавшихъ Лондонскіе ворота; городское управленіе отвело ему квартиру надъ Альдгетскими воротами; онъ долженъ былъ очистить ее по первому требованію, если это окажется нужнымъ для защиты города [3]); онъ прожилъ тамъ двѣнадцать лѣтъ, отъ 1374 до 1386 года. Туда-то онъ возвращался, окончивъ дневной трудъ и тамъ начиналъ каждый вечеръ свою *другую жизнь*, жизнь поэта, который читалъ, думалъ и вспоминалъ. Тогда то, въ памяти его вставало все, съ чѣмъ онъ познакомился въ Италіи: колоколенки, лазурныя фрески, оливковые лѣса, сонеты Петрарки, поэмы Данта и сказки Бокаччіо. Онъ привезъ съ собой достаточно матерьяла,

---

Фруассаръ переводитъ слово въ слово въ поэмѣ позднѣйшей (1384) поэмы Чосера.

Je sui de moi en grant merveille
Comment je vifs, quant tant je vieille etc.
Poésies, ed. Scheler, t. I, p. 1.

[1]) Ye shall swere that... ye shall doe the said office and dwell upon the vame in your propor person, without puttinge any substitut under you, and ye shall write the rolles by your owne hand demesned. «F. Thynne, *Animadversions uppon... Chaucer's Works*. Londres. Chaucer Society, 1875, p. 131. Въ 1385 г. Чосеръ получилъ разрѣшеніе имѣть помощника.

[2]) Реестры, писанные собственноручно Чосеромъ, не найдены и до сихъ поръ, но есть написанные, за его личной отвѣтственностью, его помощникомъ, «per visum et testimonium Galfridi Chaucer».

[3]) Контрактъ былъ отъ 10 мая 1374 г. Furnivall. *Trial forewords*, p. 1. Ранульфъ Стродъ, другъ Чосера, жилъ въ башнѣ у другихъ воротъ. Жить въ этихъ квартирахъ было запрещено въ 1386 г., вслѣдствіе паники (описанной въ *Chronicon Angliae*, Rolls, p. 370), которая была вызвана ложнымъ слухомъ о высадкѣ французовъ. Riley, *Memorials of London*, pp. 388, 489.

чтобы развеселить и расшевелить даже «веселую Англію». Тотчасъ по возвращеніи въ свою башню, куда онъ шелъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, «безмолвный, какъ камень», говоритъ онъ,— онъ отрѣшался отъ дѣйствительнаго міра; сосѣди для него, говоритъ онъ опять, не существовали, будто они жили на концѣ свѣта [1]); настоящими его сосѣдями были Дантъ и Виргилій.

Онъ написалъ въ этотъ періодъ и преимущественно въ своей башнѣ Альдгэтъ *Жизнь святой Цециліи*, въ 1373 г.; *Complainte de Mars* въ 1380 г.; перевелъ въ прозѣ Боэція (Parlement des Oiseaux) *Птичій парламентъ*, *Троила и Крессиду* въ 1382, *Домъ Славы* въ 1383—4 году и *Легенду о примѣрныхъ женщинахъ въ 1385 году* [2]). Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ видно преобладаніе латино-итальянскаго идеала и въ то же время проглядываетъ Чосеръ послѣдняго періода, который, узнавъ литературный міръ, сосредоточивается, по примѣру своей націи, на самомъ себѣ и становится, чистокровнымъ англичаниномъ.

Въ эту минуту, онъ находится подъ очарованіемъ южнаго и

---

[1]) Орелъ Юпитера обращается къ Чосеру со слѣдующими словами:

...Noght only fro fer contree
That ther no tyding comth to thee,
But of thy verray neyghebores,
That dwellen almost at thy dores,
Thou herest neither that ne this;
For whan thy labour don al is
And hast mad al thy rekeninges,
In stede of reste and newe thinges,
Thou gost hoom to thy hous anoon;
And also domb as any stoon,
Thou sittest at another boke,
Til fully daswed is thy loke,
And livest thus as an hermyte.

The Hous of Fame, книга II, стихъ 647. Minor Poems, изд. Скита, Оксфордъ, 1888, 8°, стр. 139.

[2]) Это числа только приблизительныя. См. *Chaucer, the Prologue*, etc. éd. Morris, Oxford, Clarendon press, Introduction; Ten Brink, *Chaucer Studien*, Münster, 1870, 8°; Furnivall, *Trial forewords*, 1871, *Chaucer Soc.*, J. Koch; *Chronology of Chaucer's writings, Chaucer Soc.*, 1890; Skeat, *Legend of good Women*, Oxford, 1889, 8°; Pollard, *Chaucer*, «Literature primers» 1893, chap. III Текстъ этихъ произведеній въ *The complete work's of Geoffrey Chaucer*, éd. W W. Skeat, Oxford, Clarendon Press, 1894, 6 vol. 8°. Жизнь Святой Цециліи была включена Чосеромъ въ его *Кентерберійскія сказки* (сказки второй монахини). «Good women» *Легенды* находятся въ «мученикахъ любви», Дидона, Аріадна, Тисбей; это первый опытъ сборника разсказовъ съ прологомъ; Венера и Амуръ обращаются въ прологѣ къ Чосеру и упрекаютъ его за тѣ поэмы, въ которыхъ онъ дурно отзывался о женщинахъ, за его Троила и за переводъ *Романа Розы*, «that is an heresye ageyns my lawe», стихъ 320. Онъ пишетъ, въ знакъ публичнаго покаянія, свою *Legend*.

древняго искусства; онъ не перестаетъ взывать къ богамъ Олимпа и рисовать ихъ. Нагота, которую художники, раскрашивавшіе соборы, выставляли какъ бы въ наказаніе грѣшникамъ, не оскорбляетъ его точно такъ же, какъ она не приводила въ негодованіе итальянскихъ живописцевъ. Онъ видитъ Венеру, лежащую на своемъ ложѣ и покрытую прозрачными покровами [1]), или еще «нагою, плавающей въ морѣ, съ головой, увѣнчанной красными и бѣлыми розами» [2]). Онъ взываетъ къ ней въ своихъ поэмахъ: «Прекрасная и лучезарная Киприда, будь на сегодня моей покровительницей, и ты, живущая на Парнасѣ, у чистыхъ струй Геликона, внуши мнѣ мои стихи и мои сказанія» [3]).

Его стенанія Анелиды посвящены «жестокому богу войны—Марсу красному», и Полимніи, онъ говоритъ: «Будь такъ же благосклонна ко мнѣ, о Полимнія; обитающая съ твоими счастливыми сестрами на Парнасѣ близъ Геликона, неподалеку отъ Кирры, ты, поющая безсмертнымъ голосомъ подъ сѣнью никогда неувядающаго лавра...» [4]). Старыя, древнія книги имѣли для него—такъ же, какъ и для ученыхъ эпохи Возрожденія, или для Петрарки, который страстно любилъ рукопись Гомера, хотя и не могъ ее разобрать,—почти божественный характеръ. «Такъ же,—говоритъ онъ:—какъ на старомъ полѣ выходитъ ежегодно новый хлѣбъ, такъ и изъ старыхъ книгъ исходятъ истины и новыя познанія для людей [5]). Лучше этого не сказалъ бы «Rogge» или Полиціанъ. «Честь и слава имени твоему, Виргилій Мантуанскій!»—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [6]). «Иди, книга моя,—говоритъ онъ своему Троилу, — и цѣлуй слѣды Виргилія, Овидія, Гомера, Лукана и Стаса [7]).

Вмѣстѣ съ этимъ, являются удивительныя несообразности: ни-

---

[1]) Right with a subtil kerchef of Valence,
There was no thikker cloth op no defence

Parlement op Foules, стихъ 273, *Minor Poems*, Skeat, стр. 83. Дальше, въ той же поэмѣ (стихъ 225):

I saw Beaute withouten any atyre.

[2]) *Hous op Fame*, кн. I, стихъ 132.

[3]) *Ibid.* кн. II, стихъ 518.

[4]) *Anelida and Arcite*, стихи 1; 15 и сл. Посвященіе это есть подражаніе Вокаччіо (*Teseide*).

[5]) For out of olde feldes, as men seith,
Cometh al this newe corn fro yeer to yere;
And out of olde bokes, in good feith,
Cometh al this newe science that men lere.

Parlement of Foules, стихъ 22. Замѣчаніе это сдѣлано по поводу одной книги, которая «was write with lettres olde» и въ которой находился: «Tullius of the dreme of Scipioun».

[6]) *Legend of good Women*, Skeat, p. 56.

[7]) Книга V, строфа 256 (изд. Skeat, II, стр. 414).

то не ускользаетъ отъ вліянія своего времени. Богиня любви въ то же время и святая, «Святая Венера» [1]); храмъ ея также и «церковь».

Прежде, чѣмъ проникнуть въ нее, поэтъ восклицаетъ: «О, Христосъ, обитающій въ раю, сохрани мнѣ мои иллюзіи и мои призраки—и я благоговѣйно поднялъ къ небу глаза» [2]). Смѣсь эта была неизбѣжна; писать лучше—значило бы опередить итальянцевъ и самого Данта, который заключаетъ въ христіанскій адъ Эриній, или Джіотто, у котораго Апеллесъ рисуетъ трехстворчатый складень.

Что касается итальянцевъ, то Чосеръ заимствуетъ у нихъ то стихъ, то мысль или сравненіе, а иногда и довольно длинные періоды, переведенные близко къ подлиннику, или, наконецъ, главную мысль или общій духъ разсказа. Въ его *Жизни Святой Цециліи*, одно мѣсто (стихъ 36—51) заимствовано изъ *Рая* Данта; тотъ же поэтъ приводится и въ «Птичьемъ Парламентѣ», гдѣ передѣлано его знаменитое «Per me si va» [3]); другое мѣсто есть подражаніе Тезеиды Бокаччіо; въ Анелидѣ и Арситѣ есть нѣсколько строфъ, заимствованныхъ изъ того же оригинала; Троилусъ передѣланъ изъ *Филострато* Бокаччіо; Чосеръ помѣщаетъ тамъ сонетъ Петрарка [4]). Мысль «*Легенды о примѣрныхъ женщинахъ*» заимствована изъ *De claris Mulieribus* Боккачіо [5]). Путешествія Данта въ страну духовъ послужили образцомъ для *Дома Славы*, куда англійскаго поэта несетъ орелъ на золотыхъ крыльяхъ. Дантъ упоминается тамъ на ряду съ древними классиками: «Прочтите Виргилія или Клодіона, или Данта». Орелъ не былъ изобрѣтеніемъ Чосера, онъ появлялся уже въ Чистилищѣ [6]).

---

[1]) *Legend*, ibid, p. 28.

[2]) «This noble temple... this chirche»—*Hous of Fame*, кн. I, стихъ 469, 473.—Воззваніе къ Христу, *ibid.*, ст. 492.

[3]) Torgh me men goon into that blisful place...
Tgorgh me men goon unto tho welle of Grace...
Be glad, thou reder and thy sorwe of—caste (v. 126 et s.).

[4]) S'amor non è, che dunque è quel ch'i sento?

который обращается у Чосера, въ Cantus Troili:

If no love is, o God, what fele I so? etc.

Кн. I, стр. 58.

[5]) Спр. введеніе и замѣтки Скита, Minor Poems и Legend of good Women

[6]) In sogno mi parea veder sospesa
Un' aquila nel ciel con penne d'oro
Con l'ali aperte, ed a calare intesa...
Poi mi parea, che più rotata un poco,
Terribil come folgor discendesse,
E me rapisse suso infino al foco.
Purgatorio; canto IX.

У Чосера:

Не смотря на многочисленныя заимствованія у древнихъ или у итальянцевъ, встрѣчающіяся на каждой страницѣ, не смотря на исторію Энея, разсказанную цѣликомъ по Виргилію, первые стихи котораго переведены дословно [1]), не смотря на безпрерывные намеки и ссылки, его *Домъ Славы* [2]) есть первая поэма, въ которой Чосеръ ясно проявляетъ свою самобытность. Въ ней обнаруживается уже даръ безъискусственнаго діалога, который сдѣлалъ такіе успѣхи въ Троилѣ, и замѣтно здравое и благосклонное сужденіе о людяхъ и вещахъ, которое поэтъ вноситъ потомъ и въ свои *Кентерберійскія Сказки*. Зло не заслоняетъ добра въ его глазахъ; огорченія, съ которыми онъ былъ знакомъ, не наполняютъ его чувствомъ возмущенія противъ судьбы; онъ страдалъ и простилъ; радости запечатлѣваются въ его сердцѣ глубже, чѣмъ страданія; не смотря на частые возвраты къ грустному настроенію, въ сущности, по складу своего ума, онъ оптимистъ, такой же оптимистъ, какъ Лафонтенъ и Аддисонъ, имена которыхъ невольно приходятъ на умъ, читая Чосера. Его философія по существу добродушна: многія мѣста изъ его *Дома Славы* (Maison de la Renommée), *Троила* и *Легенды о примѣрныхъ женщинахъ*—напоминаютъ попытки Аддисона [3]).

Me thoughte I saw an egle sore...
Hit was of golde, and shoon so bright,
That never saw men such a sight...
Me: fleinge at a swappe he pente,
And with his sours agayn up wente
Me carryinge in his clawes starke.
Hous of Fame, vers 500 et s., 545 et s.

[1]) I wol now singe, if that I can,
The armes, and al—so the man
That first cam, through his destince
Fugitif of Troy contree,
In Itaile with ful moche pyne,
Unto the strondes of Lavyne (vers 143 et s.).

Слѣдуетъ сокращеніе Энеиды, только одно приключеніе Дидоны разсказано подробно.

[2]) У Скита, *Minor Poems*. Поэма эта въ 4-хъ-стопныхъ, чередующихся по два, стихахъ. Она не окончена.

[3]) Сравнить, напримѣръ, начало *Hous of Fame* съ № 487 Spectator (18 сент. 1712 г.).

God turne us every dreem to gode!
For hit is wonder by the rode
To my wit what causeth swevenes
Either on morwes or on evenes,
And why theffect folweth of somme,
And of somme hit shal never come
Why that is an avisioun,
Why this a revelacioun...
Why this a fantome, these oracles etc.

Онъ современный человѣкъ еще и по долѣ, удѣляемой имъ своему я, которое не возбуждаетъ ненависти, а напротивъ— прелестно; онъ разсказываетъ про свои продолжительныя бодрствованія въ башнѣ, гдѣ онъ проводитъ цѣлыя ночи съ перомъ въ рукѣ, или иногда сидя за книгой, которую онъ читаетъ до тѣхъ поръ, пока у него не помутится въ глазахъ «въ его отшельническомъ одиночествѣ» [1]).

Орелъ, прилетающій съ неба для того, чтобы быть его путеводителемъ, уноситъ его туда, гдѣ уже витала его фантазія, за облака, за сферы, въ храмъ славы, построенный на ледяномъ утесѣ; доблестныя имена, написанныя на сверкающемъ утесѣ, таютъ на солнцѣ и становятся почти неразборчивыми. Самый храмъ построенъ въ современномъ готическомъ стилѣ и весь усѣянъ «нишами, колоколенками и статуями» и прорѣзанъ окнами «многочисленными, какъ снѣжинки въ зимній день» [2]). Тамъ находятся тѣ шумныя толпы, въ которыхъ Чосеръ такъ любилъ теряться и шепотъ которыхъ убаюкивалъ его мысли: музыканты, арфисты, жонглеры, менестрели, повѣствователи разсказовъ, «полныхъ слезъ и смѣха», чародѣи, колдуны и пророки, самые любопытные образцы человѣчества. Въ храмѣ статуи его литературныхъ боговъ, пѣвцы троянской войны: Гомеръ, Дорес̀ъ и даже англичанинъ Жоффрей-де-Монмусъ «English Gaufride», а съ ними Виргилій, Овидій, Луканъ и Клодіонъ Стасъ. По приказанію славы, вѣтры разносятъ по всѣмъ концамъ свѣта имена героевъ; громкая музыка прославляетъ подвиги воиновъ, «такъ какъ въ обычаѣ прославлять веселыми трубными звуками битвы и пролитую кровь» [3]), различныя войска бѣгутъ за полученіемъ славы; поэтъ не забываетъ группы существовавшей уже въ его время, группы порочныхъ хвастуновъ: «мы счастливы тѣмъ, что считаемся порочными» [4]); она настоятельнѣе всѣхъ требовала для себя дурной репутаціи — милости, которую богиня охотно имъ присуждаетъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы перенесены въ домъ новостей, шумный и волнующійся, какъ площадь итальянскаго города въ день «ка-

---

У Аддисона: «Tho there are many authors who have written on Dreams they have generally considered them only as revelations of what has already happened in distant parts of the world, or as presages of what is to happen in future periods of time», etc.

[1]) V. supra, p. 293

[2]) ...And ful eek of windowes
As flakes falle in grete snowes (vers 1191).

[3]) For in fight and blode-sheding
Is used gladly clarioning (vers 1242).

[4]) We ben shrewes, every wight,
And han delyte in wikkednes.
As gode folk han in goodnes;

кого-нибудь происшествія». Всѣ толпятся, толкаются, лѣзутъ другъ на друга, чтобы посмотрѣть, хотя смотрѣть не на что: Чосеръ пишетъ съ натуры. Въ толпѣ тѣснятся вѣстники, путешественники, пилигримы, моряки, всѣ съ мѣшками, набитыми новостями и выдумками: «Вы знаете новость?—Нѣтъ. Въ чемъ же дѣло?—Такой-то сказалъ то-то,—и вотъ что онъ дѣлаетъ, и вотъ что изъ этого выйдетъ,—по крайней мѣрѣ я такъ слышалъ.—Посмотримъ!..» Ложь и правда тѣсно сплетаются, составляютъ неразлучное цѣлое и вмѣстѣ исчезаютъ. Малѣйшій пустякъ, сказанный на ухо другу, растетъ и растетъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше, точно въ баснѣ Лафонтена: «Изъ-за ничтожной искры, весь городъ въ огнѣ» [1]).

III.

До сихъ поръ Чосеръ писалъ ярко окрашенныя поэмы, посвященныя, главнымъ образомъ, любви «и другимъ веселымъ предметамъ—рондо, вирелe и балладѣ» [2]), подражанія Роману Розы, поэмы, которыми его вдохновляла древность, представлявшаяся ему сквозь средневѣковую призму. Его произведенія превосходятъ англійскихъ и французскихъ современниковъ, но они всѣ въ одномъ родѣ; между ними много прекрасныхъ страницъ и прелестныхъ мыслей, но ни одно произведеніе не отличается хорошимъ планомъ; краски его свѣжи, но рѣзки, точно краски миніатюръ, гербовъ и праздничныхъ флаговъ; ночи его черны, луга ярко зелены, а цвѣты «голубые, бѣлые, желтые и красные» [3]). Въ Троилѣ же мы видимъ другого Чосера, законченнаго и мощнаго; онъ превосходитъ даже самихъ итальянцевъ, служившихъ ему образцомъ, и

---

[1]) And joye to be knowen shrewes...
Wherfor we preyen yow, a-rowe,
That our fame be swiche y-knowe
In alle thing right as it is (стихъ 1830).
Nost thou
That is betid, lo, late or now?
— No, quod-he, telle me what.
And than he tolde him this and that,
And swor therto that hit was soth—
Thus hath he seyd—and thus he doth—
Thus shal hit be—Thus herde I seye—
That shal be fond—That dar I leye—(стихъ 2047).
. . . . . .
As fyr is wont to quikke and go
Fram a sparke spronge amis
Til al a citee brent up is (стихъ 2080).

[2]) Legend of good Women, Скитъ, стр. 33.

[3]) Parlement of Foules, стихъ 186.

для средн. учебн. заведеній.—Фрейбергъ, П. Р. Растенія—друзья человѣка. Вып. I и II.—Что читать дѣтямъ до-школьнаго возраста. Изд. «Родительскаго кружка.—**Народныя книги.** Клятва отцовская.—Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ Алексѣя Котельвы.—Іуды и Каины русскаго народа. Кардо-Сысоева.—Изданія «Посредника»: 1) Проф. Кайгородовъ. Дерево и его жизнь. 2) Сутуловъ Картофель. 3) Хижина дяди Тома, изложила Е. Б. 4) Горбуновъ-Посадовъ. Русскій сельскій календарь на 1897 годъ.—Быкова, А. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.—Северина, Н. Чистыя сердца. —**Этика. Психологія. Философія.** Поланъ, Фр. Психологія характера. Перев. съ французск. под. редакц. и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго.—Вагнеръ, К. Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перев. С. Леонтьевой.—Фаулеръ, Томасъ. Прогрессивная нравственность. Перев. А. Погодина, подъ ред. Вл. Соловьева. . . . . 32— 51

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

НАШИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ КОЛОНІИ. **С. Ж—кина** . . . . 52— 64
КЪ ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕМЪ ОБУЧЕНІИ. **К. Левина** . . . . 64— 70
ФИНАНСОВЫЕ ИТОГИ 1895 г. **А Котельникова** . . . . . 70— 75
ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ НА 1897 г. **М. Слобожанина** . . . . . 75— 81
ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Съ Урала. (Результаты покровительственныхъ пошлинъ). **В. В—аго.**—Изъ Козловскаго уѣзда. (Земскія картинки. Власть писаря). **П. П—ва.**—Изъ Суздальскаго уѣзда. (Къ вопросу о положеніи народнаго учителя). **Учителя.**—Грайворонъ, Курск. губ. (Земское собраніе).—Изъ Воронежа. (О земской эмеритурѣ). **Земскаго служащаго.** . . . . . 81—107

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. **Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ.** (Политическіе итоги 1896 г.).—II. **Интересы дня.** Итоги общественныхъ вопросовъ въ 1896 году.—Успѣхи женскаго движенія въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.—Эволюція женскаго вопроса и теперешнее его положеніе во Франціи.—Видоизмѣненіе французскихъ университетовъ.—Новая фаза распространенія университетскаго образованія въ Англіи.—III. **Между журналами и газетами. В. Т.** . . . . . 108—126
16. НАРОДНЫЯ БИБЛІОТЕКИ ПАРИЖА. **С. Ан—скаго.** . . . 127—147
17. ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ. (Критическія письма). Письмо 7-е. Больные герои больной литературы. **А. Скабичевскаго.** . . . . . 148—167
18. ОТЪ РЕДАКЦІИ. 167
19. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ декабрѣ.
20 ОБЪЯВЛЕНІЯ.
21. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерина.** . . . . . 169—192

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которою жедательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе и на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко,* проф. *И. В. Лучицкій, Н. Максимовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Д. Л. Михаловскій, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай —онъ, Л. Е. Ободенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. Пружанскій, Н. А. Рубакинъ, В. И. Савихинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ,* проф. *К. А. Тимирязевъ, Акт. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.),* проф. *В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель* и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западноевропейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода . . .	5 » — »
» » » » на три мѣсяца. . .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи**: Спб. Спасская ул. (ут. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородныхъ въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**